Еремей

ПАРНОВ

7

Еремей
ПАРНОВ

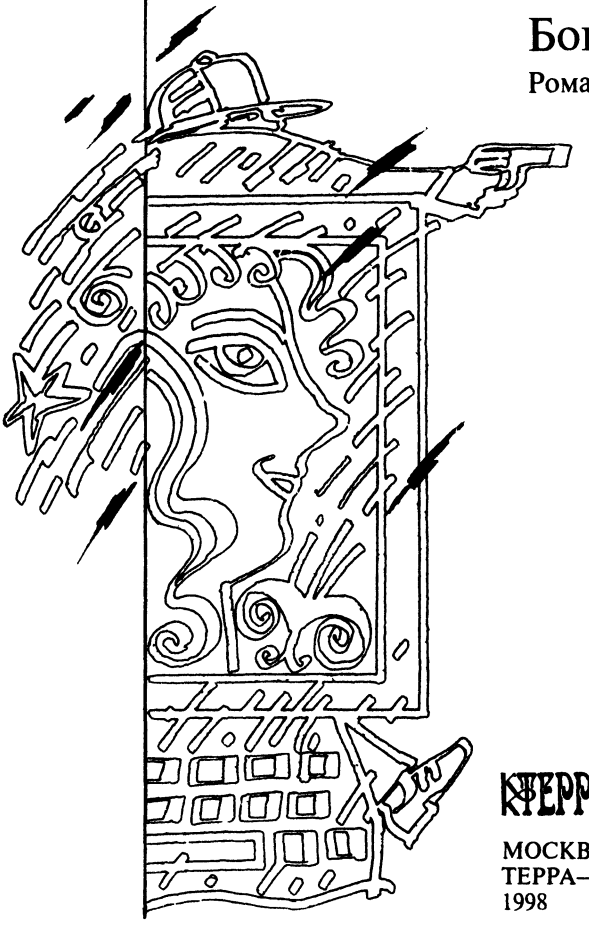
Еремей ПАРНОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДЕСЯТИ ТОМАХ

Еремей ПАРНОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ СЕДЬМОЙ

Бог паутины

Роман в Интернете

КЛУБ ТЕРРА

МОСКВА
ТЕРРА—КНИЖНЫЙ КЛУБ
1998

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
П18

Художник
С. ЛЮБАЕВ

Парнов Е. И.

П18 Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7: Бог паутины: Роман в Интернете. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 1998. — 464 с.

ISBN 5-300-02194-6 (т. 7)
ISBN 5-300-01818-X

Еремей Парнов — известный российский писатель, публицист, ученый и путешественник, автор научно-фантастических, приключенческих, исторических и детективных произведений, пользующихся неизменным успехом у читателя

В седьмой том включен роман «Бог паутины». Детективный сюжет этого произведения разворачивается в виртуальной реальности: все это может быть, а может, уже было и есть.

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 5-300-02194-6 (т. 7)
ISBN 5-300-01818-X

© ТЕРРА—Книжный клуб, 1998

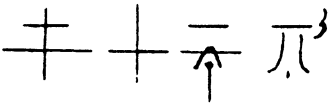
Бог паутины

Роман в Интернете

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!

Доступ в гипертекст заблокирован комбинацией знаков критского линейного письма — *A*. Язык неизвестен. Знаки могут быть огласованы по аналогии с критским линейным письмом *B*. Язык древнегреческий.

Паутина!
Кромешная мгла.
Магия!
Четыре черных угла.
Интим!
Всего хотим.
Интим!
Ничего не простим.

Ставит диск Первый диджей — вспоминает «ночь длинных ножей». Ставит Второй — жара невмочь! — вспоминает «хрустальную ночь». И в резонансе взрывается мир! Рев изрыгают жерла мортир!! И в резонансе кровь рвется, как флаг!!! Ночь вспоминает ГУЛАГ!!!

Кромешная темень — пульсирует свет. Адская бездна — спасения нет. Лазерные трассы — крутой излом. Ничего не будет потом.

— Сто на пятьдесят пять. Продолжает падать.

Боль соединяла ее с отторгнутой частью. Боль билась в навязанном ритме с частотой пульса олимпийского спринтера.

— Все будет хорошо... Нервный срыв.

Мрак — туман. Мат — обман.

Сквозь тяжелый металл, сквозь сон, сквозь бред в безвременье, где нет ни после, ни пред.

— ... меняются. Вкусы, привычки, я бы даже сказал — характер.

— Этому есть объяснение, коллега. Англичане установили, что по мере беременности мозг женщины теряет в весе. Можно подумать, что она перекачивает в плод свое серое вещество! Абсурд, конечно, но что-то в этом есть...

— Интересное наблюдение.

— Сенсация!.. А после родов начинается восстановление. За те же девять месяцев вес достигает исходной величины.

— Мудра природа. По существу мы ничего не знаем.

— Полагаете? О нет! Кое-что мы все-таки знаем... Опять же английская практика замораживания эмбрионов...

Паутина из тонких лучей. Он не твой, он ничей!

— Не надо, не хочу, ничего не хочу, уберите...

Левшанский взял тяжелую миссию на себя.

— Мне очень жаль, Марго, но ничего нельзя было сделать. Он был обречен с первых минут...

Все правильно: и то, что боролись до последнего, и обреченность, и смерть... Со смертью, однако, обстояло сложнее, но это знал только профессор Серов, проводивший последовательное сканирование мозга. Впрочем, и у него не нашлось бы верных слов. Существуют вещи, которые невозможно понять, оставаясь в здравом рассудке. Люди не готовы принять такое и скорее всего еще долго не смогут принять.

По всем законам, божеским и человеческим, а в данном конкретном случае — номенклатурным, ребенку референта Генерального секретаря полагалось появиться на свет в «Кремлевке». Тот прискорбный или, напротив, отрадный факт, что упомянутый референт не был биологическим, выразимся деликатнее, отцом будущего гражданина, значения не имеет. Александр Антонович Ларионов не только пребывал в спасительном заблуждении на сей счет, но и вообще не брал в голову такие мелочи. Других забот хватало с избытком.

Так уж сложилась судьба и *совпали* события, что последние недели беременности пришлись на роковой август 1991 года, когда Генеральный секретарь возвратился из форосского пленения в другую, как писали тогда, страну и вынужден был чуть ли не на следующий день распустить отпавшую от него партию.

Обитатели комплекса зданий на Старой площади покидали свои кабинеты под грозный рев и улюлюканье толпы. Иных пытались даже обыскивать: то ли партийными деньгами интересовались, то ли за секретные документы беспокоились.

Священные красные доски с золотыми письменами были разбиты вдребезги. Кабы знать наперед, чем оно обернется, но лучше не вспоминать...

Денечки — кто бы мог отрицать? — были жаркие, судьбоносные, только при чем здесь отдельно взятая беременность? Кабинеты опечатывались — верно, однако больничное обслуживание шло своим чередом. Никто не давал Четвертому управлению указаний, кого принимать, а кого не принимать в стационар на Калининском или Мичуринском. На передний план вышли привходящие обстоятельства, а не политический катаклизм. Безусловно, события сказались на психическом

состоянии матери и, следовательно, могли как-то воздействовать и на плод, но откуда сомнения насчет той же «Кремлевки»? Врачи тогда еще забастовок не объявляли, и обслуживание оставалось на уровне.

Все решили, приходится повторять, привходящие обстоятельства. Профессор Левшанский, главный гинеколог Москвы и добрый приятель Маргариты Валентиновны, обнаружил у нее миому матки. Тридцать пять лет для женщины, благополучно родившей двоих сыновей, не возраст, но, с учетом диагноза, пришлось серьезно задуматься о степени риска.

— Ты твердо намерена сохранить ребенка? — спросил Левшанский, изложив все pro и contra.

— Пусть будет, как будет.

— Оригинальный ответ. А *как* будет, знаешь?.. То-то и оно, мать, и я не знаю... Ну да ладно, и не такое бывало. Насчет опухоли можешь не волноваться — доброкачественная. Мы ее потом иссечем, что же до остального... Коли решила... Если б не этот казус, я бы не волновался: рожай хоть в пятьдесят. Когда у нас было первое шевеление? — Перелистав ежедневник, он задумчиво уставился в потолок. — Прибавим сюда двадцать два и получится... Лечь тебе, голубушка, придется за три недели до родов. Весь вопрос — куда?

— Думаешь, не пустят? Персона нон грата?

— Ерунда! Пока все осталось по-прежнему, но не советую. И знаешь почему?

— «Полы паркетные, врачи анкетные»?

— Именно. А случай сложный, мать, не простой случай. Поэтому мы положим тебя в Центр репродукции человека. Грамотные специалисты, современное американское оборудование и, не в последнюю очередь, я у них консультирую. Буду рядом.

— Это самое главное, Гога... Как насчет остального?

— Ты о чем?

— Как это о чем? А комфорт?

— Условия приличные, по нынешним временам.

— Мне нужна отдельная палата.

— С телевизором? И чтоб телефон у изголовья?

— Не обязательно, но отдельная.

— Больше ничего не хочешь?.. Ладно, я постараюсь, Марго.

Главврач с первого дня взял ее под свою опеку. И отдельную палату отвели, и телевизор поставили. Обследование чуть ли не каждый день: и мануальное — приемами Леопольди, и ультразвуковое сканирование, и, само собой, анализы!

Лицевое расположение плода и, соответственно, сердечные тона, равно как и личное состояние самой роженицы, не вызывали тревоги. Некоторую озабоченность внушала лишь го-

ловка. Не то чтобы вовсе непропорциональная, но крупноватая и, главное, мозг. Сканирование показало, что структуры больших полушарий развиваются гораздо быстрее, чем положено. Отклонение от нормы? Безусловно. Патология? Вопрос дискуссионный.

Может, оно и к лучшему, хотя гении никому не нужны, решил главврач и на всякий случай пригласил профессора Серова, признанного авторитета в компьютерной диагностике.

— У вас родится здоровый, умненький мальчик, — заверил профессор Маргариту, проявлявшую по мере приближения решающего дня все большую, что вполне естественно, нервозность.

Маргарита повеселела. О том, что будет мальчик, она знала еще от Левшанского. Для разнообразия хотелось бы дочку, но как вышло, так вышло. С судьбой не торгуются. Особенно нынче, когда неизвестно, что будет. Лучшего времени выбрать не могла. Словно нарочно. Муж пришел навестить весь дерганый, лица на нем нет. Выложил на тумбочку апельсины и вдруг спохватился, что забыл в троллейбусе банку с моченой брусникой. Троллейбус! Только теперь она в полной мере осознала масштабность происходящего.

— Ничего, Сашенька, перемелется — мука будет, — попыталась она подбодрить мужа.

О том, кто отец будущего ребенка, гадать не приходилось. Задержка дала знать о себе перед Новым годом. Маргарита не придала этому значения, понадеявшись на спираль. Даже обрадовалась, что сможет спокойно встретить праздник. Обычно лунные дни давались ей тяжело.

Предчувствие грозных событий носилось в воздухе. Потому, наверное, и веселились напропалую, стремясь хоть ненадолго отвлечься, заклять и развеять пьяной бравадой темные силы.

Сумгаит, Карабах, Прибалтика — кольцо сжималось, вызывая у Александра Антоновича сердечные спазмы. Он долго не мог уснуть, вскакивал среди ночи, метался по комнате, потом убегал в кухню и жадно заглатывал все, что под руку подвернется. Мог слопать целый батон. Не реагировать было трудно. Сдерживала себя, сколько могла.

Тревога, пусть загнанная и утопленная в шампанском, не прошла даром. Ко всему прочему, и нарушенный цикл лихорадочным электричеством бил по натянутым нервам. Как говорится, одно к одному. Вот и не выдержала.

На разрыв с тем, кого вполне обоснованно могла считать виновником нынешнего своего состояния, Маргарита Вален-

тиновна решилась под влиянием минуты. Поднялась и ушла, не промолвив ни слова. Она вообще терпеть не могла объяснений. Тем более на глазах у всей Москвы. Что и говорить, Дом кино не самое лучшее место для интимных сцен. Так уж вышло, что именно там дважды — и по-новому, и по-старому — встретили тот переломный год Белой Овцы, будь он неладен.

Творческая элита, всегда тяготевшая к власти, стремилась завлечь как можно больше полезных людей. За одними столами с героями экрана сидели не только министры или послы, но и директора гастрономов, и парикмахеры, и модельеры, и, конечно, врачи. Будь иначе, никто бы не стал сводить мужей с любовниками. В той кутерьме все сходило. Не устояла перед щекочущим нервы соблазном и Маргарита. Не думала, что так закончится.

Повод не стоил и выеденного яйца, тем более что сама же и обострила ситуацию, по собственной дурости. Взыграли гормоны, и все тут.

Она ни о чем не жалела и, когда окончательно убедилась, что забеременела, твердо решила сохранить ребенка. Он-то в чем виноват? Сомнения и запоздалое раскаяние вызывало иное. Обратный подсчет дней внушал обоснованные опасения насчет некоторых обстоятельств. Без основательных возлияний свидания не обходились. Порой в ресторане подзаряжались, но чаще с собой приносили: она — виски или шампанское, он — что попадется.

Оставалось лишь надеяться, что как-нибудь пронесет.

Роды прошли легко, без осложнений. Мальчик, назвать решила Олегом, родился крупный, подвижный. Он уже и улыбаться начал, да так трогательно, что счастливые слезы навертывались, когда, как гром среди ясного неба, прозвучало это — непонятное, жуткое — «иммунодефицит».

— СПИД, что ли? — ужаснулась сперва Маргарита Валентиновна.

— Нет-нет, успокойтесь, что вы! — главврач участливо погладил ее по руке. — Совсем иное — редкое, практически неизученное заболевание. Помимо ряда других, неблагоприятных, факторов, у крошки развивается иммунодефицит. Тимус не вырабатывает Т-лимфоциты. Возможно, это как-то связано с ускоренным, против нормы, развитием мозга, точно сказать не берусь. Будем консультироваться со специалистами.

— Вы только скажите, кого позвать! — воскликнула бедная Маргарита и тут же осеклась, вспомнив, что муж, еще вчера почти всемогущий, нынче без работы. Прежние связи не действуют. Кончено.

— Не беспокойтесь. Нам есть, к кому обратиться, и все, что в человеческих силах, мы сделаем.

— Чем ему грозит этот иммунодефицит?

— До конца еще не ясно, но одно можно сказать определенно: организм ребенка беззащитен против инфекции. Иммунитет держится пока на ваших антителах, понимаете? Но это скоротечно: число сокращается, как шагреневая кожа, тем более что кормить своим молоком вы не можете. Конечно, мы подберем подходящую медикаментозную поддержку, но ребеночку придется жить под пленкой, в условиях максимальной стерильности.

— Какой ужас! И как долго?

— Не могу сказать, — уклонился он от ответа, зная, насколько неблагоприятен прогноз. — Поживем — увидим.

ФАЙЛ 002

Пока в реанимационной камере продолжалась борьба за жизнь младенца, Серов ускоренным методом кругового сканирования обследовал его мозг. На магнитную ленту записывались биоэлектрические потенциалы нейронов и, преобразованные в цифровой код, вводились в компьютер. Такие же превращения претерпевали и сигналы альфа, бета, дельта и тета-волн, снятые с датчиков, симметрично расположенных вдоль срединной сагиттальной линии крошечной, но увеличенной против нормы головки. Сложные электроэнцефалографические и ультразвуковые приборы, собранные в закрытом НИИ, не могли спасти или хотя бы облегчить страдания маленького человека. Отпущенный ему краткий срок должен был послужить интересам науки.

Помимо академического института, где у него была лаборатория, профессор Серов занимал руководящую должность в закрытом учреждении под Москвой, известном лишь узкому кругу посвященных как почтовый ящик № 222-В. Ни директор Центра репродукции человека, ни главврач клиники, ни главный гинеколог Левшанский ничего не знали об этой стороне его деятельности. Официально считалось, что он консультирует в Четвертом управлении и ведет аспирантов в Институте мозга.

Поставленный им диагноз — синдром Клеймана-Ролингса — не оставлял надежды на излечение. Помимо общего иммунодефицита, заболевание сопровождается острой автоиммунной реакцией. Ускоренное развитие коры больших полушарий угнетает лимбическую систему и гипоталамус. Жестокий каприз природы, не устающей перебирать всевозможные варианты.

— Откуда такая напасть? — спросил Левшанский. — Впервые сталкиваюсь с подобным случаем.

— Генетическая мутация, — предположил Серов. — Накопление диоксинов, озоновая дыра, еще что-то... С каждым годом появляются все новые факторы, способные вызвать повреждение ДНК. Потенциально бессмертные, гены несут в себе смерть. Невеселая диалектика.

Сканирование продолжалось до самого последнего мгновения, пока не исчезли, выровнявшись в прямые линии, зубцы кардиограммы и, с небольшим замедлением, затухающие всплески мозговых волн.

С прекращением жизни в физическом теле Олег Ларионов, 1991 года рождения, обрел эфемерное существование в киберпространстве. Виртуальная реальность заменила ему Вселенную, Землю, родину, школу, семью. Эксперимент, получивший название «Программа Вещий Олег», взял старт. Внесенная в компьютер информация обнаружила тенденции к саморазвитию. Дуновение интеллекта, отпечатанное в упорядоченных комбинациях электронов, зажило самостоятельной, отдельной от тела жизнью. Теперь, чтобы электронный слепок мозга мог совершенствоваться, его следовало снабдить призрачным подобием этого самого тела, наделенного всеми органами чувств. Затем предстояло воссоздать среду обитания, в конечном счете — образ реального мира. С этой целью мощный компьютер, по подложным документам вывезенный из Канады, оборудовали мультимедийной системой. Грубо говоря, тень новорожденного младенца внедрили в видимую квазиреальность телевизионных каналов. В намерения Серова не входило создание дебила, что представлялось почти неизбежным. Идеальный «гомо советикус» его тоже не устраивал, тем более что Советский Союз разваливался не по дням, а по часам.

Поэтому пришлось разработать экстренную программу воспитания и обучения. Облик «родителей» по принципу фоторобота сформировали на компьютере. Усредненные «отец» и «мать», не слишком красивые, но привлекательные, должны были стариться по мере взросления «младенца». Для внешнего мира его тоже надлежало облечь в телесную видимость.

Спецы из почтового ящика воссоздали ее на основе реальной рентгенограммы скелета, с учетом возможных возрастных изменений, вплоть до преклонных лет. Сама по себе работа получилась великолепная, но Серов восторга не выразил.

То ли по наитию, то ли преследуя дальние замыслы, он ограничил «зеркальный», как назвал, вариант условным периодом «раннего отрочества».

— Ангелочек какой-то... Пусть пока остается как есть, но в будущем я хочу видеть идеальный собирательный тип, во-

бравший в себя лучшие черты местной породы. Эдакий народный герой, который бы всюду казался на месте: в забое, у станка, в кабине самолета и на трибуне. Голос синтезируйте соответствующий — задушевный, но волевой. Речь должна быть правильная, не грубая, но не переборщите с интеллигентностью... Эволюция образа меня не устраивает. Какие-то средневековые пляски смерти. Херувим превращается в престарелого члена ПБ! «Вещий Олег» должен не стариться, а мужать. Понятно?.. Ни в коем случае не лысеть, но седину допускаю. Как у меня! Красиво и только на висках... Это, конечно, шутка, но как руководство к действию остается.

Подняв вопрос об эмоциях, психологи поставили научного руководителя в тупик. Попросив неделю на размышления, он исчез из поля зрения. Где был все это время, с кем встречался, у кого консультировался, осталось непроясненным, но ответ был найден:

— Академик Симонов получил качественную формулу, связывающую эмоции с информацией. Эмоции должны возникнуть в процессе реализации программы.

— Или не возникнуть? — с ехидной улыбочкой возразил ведущий психоневролог. Профессор и доктор наук, он до последнего времени работал в Институте имени Сербского, но своевременно ушел, когда начались разоблачения карательной медицины.

— Или не возникнут, — согласился Серов. — Тогда вместо вундеркинда мы получим идеального робота... Там будет видно.

Обучение началось с арифметики. Курс элементарной математики был освоен за год, еще шесть месяцев ушло на математический анализ и начертательную геометрию, столь необходимую для развития пространственного воображения.

К началу 1996 года «Вещий Олег» освоил основы дисциплин высшего порядка: теорию функций комплексного переменного, теорию групп, теорию множеств и функциональный анализ. Скорость усвоения нового материала и быстрота операций превзошли самые смелые ожидания, но способность к творчеству оказалась практически на нуле. В решение практических задач не было внесено ни единого нового элемента. Скрупулезная точность при полном отсутствии даже намека на оригинальность.

— Гениальный арифмометр, — вынужден был с разочарованием констатировать Серов. В голубеньких глазках, взиравших на него с экрана, зияла ледяная небесная чистота.

За эти пять лет в стране и мире произошло столько рази-

тельных перемен, что смешно было бы надеяться на хотя бы относительную стабильность номерного института в рамках заживо разлагающегося ВПК.

Радикально переменилась верховная власть, в результате реформирования и перетряски спецслужб стремительно редел круг лиц, допущенных к «Программе Вещий Олег». Кто ушел в частный бизнес, кто подался в охранные структуры, а кто, не найдя достойного применения, примкнул к непримиримой оппозиции.

Серов, чутко уловив направление преобладающих ветров, оставил свой номерной ящик дрейфовать в штормующем море, забрал несколько наиболее преданных сотрудников и сформировал самостоятельное подразделение при Академии медицинских наук, где и возобновились прерванные на короткое время исследования. На новом, более совершенном компьютере, но по прежней программе, об истинном характере, а тем более целях которой фактически знал он один.

Перерыв, вопреки опасениям, никак не сказался на интеллектуальных способностях «ребенка из зазеркалья» — прелестного веснушчатого мальчугана с золотистыми кудряшками, каким он всякий раз представал на экране. Так уж было запрограммировано, что отключение компьютера воспринималось как сон без сновидений.

В программу казалось рискованным ввести ночной хаос со всеми его кошмарами и комплексами. Не то что методов, даже приблизительных наметок не существовало для моделирования подсознательной деятельности, без которой само понятие сновидения теряло всякий смысл.

Боги не видят снов, а «парень» — в целях конспирации Серов называл его по имени только при личном общении — обладал потенциальным бессмертием. Программу можно было переписывать сколько угодно, чего, разумеется, никак не предполагалось на ближайшее будущее. На всякий случай была сделана одна-единственная копия, которую Серов хранил у себя дома, в сейфе, встроенном в капитальную стену и замаскированном под обои.

Встречи «с глазу на глаз» проходили в условном интерьере виртуальной реальности. На третий год обучения это был класс, куда профессор «приходил» под видом преподавателя.

Надев интерактивный шлем с видеоаудиоприспособлениями, Серов оказывался внутри им же смоделированного объема, заполненного образами людей и предметов, не отличимых от подлинных. Порою он и сам терялся в различиях, как бы раздваиваясь между двумя мирами. Каждое такое вторжение предварялось и заканчивалось «чисткой» на предмет компьютерных вирусов.

Это было единственное уязвимое место Олега, его ахиллесова пята. Как и обычный живой человек, он был подвержен заболеваниям, в том числе и смертельным, которые несут посторонние саморазвивающиеся программы, действующие подобно доподлинным вирусам. Помимо этого, существовала еще и опасность компьютерного взлома и похищения, что еще больше сближало микрокосм монитора с окружающей действительностью. Всякий раз, покидая лабораторию, Серов забирал с собой все диски. Гнезда; через которые компьютер подключался к электричеству и телефонной сети, запирались на специально сконструированный замок с магнитным кодом.

— Ты хорошо спал, Олег? — спрашивал он, возобновляя «занятия».

— Вздремнул немножко, — заученно отвечал прилежный — так ему было назначено — ученик.

— Отдохнул?

— Отдохнул.

— Вот и ладно. У тебя есть вопросы?

— Есть.

Ответ вызвал легкое удивление. Обычно вопросов не возникало. «Ребенок» любопытством не отличался. Сказывалась почти полная эмоциональная стерильность.

— Я ничего не знаю об атомной бомбе.

— А ты *хочешь* знать? — Учитель постарался скрыть волнение. Нежелательная, по крайней мере на данной стадии, утечка определенно проистекала из телевизионных передач. По-видимому, недостаточно быстро сработал электронный цензор, запрограммированный на запретные слова.

— Энергия связана со скоростью света через массу, а масса, в свою очередь, с информацией. Возможен взрыв?

Возразить было нечего. Математические знания искали себе применения.

Серов взялся за написание новой программы. «Малышу» скоро исполнится пять лет. Вместе с тортом «родители» преподнесут ему скромный подарок. Ввод «Курса физики» займет всего несколько часов. После этого можно будет обсудить и ядерную проблему.

Маргарита Валентиновна не могла и — и не должна была! — знать о том, что ее мертвое дитя стало духом, ментальной эманацией, витающей в бесплотном эфире, пробужденном электронными импульсами последовательных команд.

И хорошо, что не знала, иначе бы не смогла жить. Она и без того слишком тяжело пережила потерю, кляня во всем только себя. Душевные терзания прорывались бредом, клини-

чески сходным с дилириумом. Целительное время понемногу сгладило остроту, и Марго все реже возвращалась к пережитому. Умница Левшанский раскопал в американском научном журнале статью, в которой прямо говорилось о том, что синдром Клеймана-Ролингса вызван космическими лучами высоких энергий, что связано с возросшей солнечной активностью. Мысль об алкогольном зачатии следовало выбросить из головы раз и навсегда.

1996 год Ларионовы вновь встретили на Васильевской, в Центральном Доме кинематографистов, и в той же компании. Процентов на восемьдесят. Одних уже не было на земле, другие просто куда-то исчезли, а в остальном почти ничего не изменилось. Ну, постарели немного, хотя кое-кто даже очень. Пять лет — не шутка. На себе не так замечаешь, как на других. Актрис особенно жаль!

Зато появилась новая поросль. Хороши, ничего не скажешь, но вкуса явно недостает. Слишком намазаны и чуть не каждая вторая в красном. Понятно: год Красной Крысы — или все-таки Мыши? — но надо и меру знать.

Высокие, стройные, в длинных вечерних платьях, незнакомые звезды, как в добрые старые времена, встречали гостей перед лестницей рюмкой водки и соленым огурчиком. Каждому сувенирчик — мышка гжельской мануфактуры, дамам — гвоздики.

Казалось бы, жить да радоваться: слава Богу, здоровы, Саша снова на коне, кругом масса знакомых лиц — улыбаются, завидев издалека, но тоскует душа, томится...

В чем дело?..

ФАЙЛ 003

Надвигающийся конец света, о чем с особым остервенением вещали теперь постоянно мелькающие на телеэкране кликуши, дал знать о себе на четвертой минуте программы «Время» загадочным, если не сказать кошмарным, происшествием. Миллионы зрителей на всем пространстве СНГ, а также в дальнем зарубежье могли воочию наблюдать, как неожиданно исказился образ популярной ведущей, чья родословная наверняка восходит к кипчакским ханам, охотно отдававшим своих дочерей в жены русским князьям из сопредельных со Степью уделов. Называть ее имя нет резона. Для звезды, пусть и не первой величины, достаточно узнаваемого лица. Особенно такого, как у нее.

При чем тут князья да ханы? А черт его знает! Возможно, ни к селу ни к городу, а быть может, в самую жилу, ибо за

Великой Степью, окончательно прикопченной трудовыми руками целинников, по-прежнему лежат пустыни Китая, пусть и коммунистического, и уже некоммунистической Монголии. Как вскоре выяснится, одна из соседних стран, а то и обе, определенно могли иметь отношение к инциденту на первом канале. Инцидент, впрочем, не совсем точное слово. Скорее, следует говорить о превращении с характерным кафкианским привкусом.

Сначала побледнел и даже приобрел зеленоватый оттенок луноподобный лик ведущей, доселе полнокровной и смугловатой, затем с него начала сходить кожа, открывая, словно на анатомическом муляже, мускулы, сухожилия и пульсирующие артерии. Далее в темпе крещендо растаяли, просто-напросто улетучились милые, чуть раскосые очи, хранящие дремотную темноту азиатских ночей, и обнажился голый череп с дыркой на месте носа и пустыми глазницами. О, если бы ограничилось только этим! Ужас ситуации усугублялся тем, что упомянутых глазниц оказалось три. Обычную, коли уместно такое выражение, пару дополняло овальное отверстие, зиявшее посередке лба. Самое интересное, а не успевшие еще очнуться от шока телезрители уже с жадным интересом прильнули к экранам, ожидало впереди. Третий, надбровный, так сказать, глаз внезапно полыхнул голубым серным пламенем и метнул нестерпимой яркости молнию, что заставило, казалось бы, ко всему приученную аудиторию испуганно отшатнуться. Кто-то наверняка решил, что это новый рекламный клип, но в подавляющем большинстве, как выяснилось при последующих опросах, люди пережили настоящее потрясение, даже закрыли лица руками или, по меньшей мере, зажмурились. Именно по этой причине никто не уловил того кратчайшего, почти на квантовом исчислении мига, когда височные кости лоснящегося изящной бильярдной желтизной черепа украсились острыми рогами, изогнутыми под стать новорожденному месяцу. С этого момента «процесс пошел» (бессмертное приобретение перестройки) обратным порядком, словно пущенная назад кинолента: проявилась разветвленная система кровообращения с яремной веной и сонной артерией, голая кость обросла мясом, а затем и кожей, хотя и весьма специфического оттенка археологической бронзы. Словом, вместо спокойной и даже несколько апатичной кипчакской принцессы экран узурпировало прежде никем и никогда не виданное существо — рогатое и трехглазое. Положа руку на сердце, вид его не внушал страха и уж тем более — отвращения. Удлиненный овал головы с явно европеоидными чертами и тонким орлиным носом поражал соразмерностью и неуловимым изяществом пропорций, и даже рога не портили общего впечатления, напоминая

больше шлем какого-нибудь викинга или пса-рыцаря, нежели инфернальные, что подсознательно напрашивалось, наросты, никак не свойственные человеческому существу. Что же до третьего ока, мечущего лазерные вспышки, то и оно явно пришлось к месту, на манер драгоценного украшения индобуддийского божества. В голубом мелькающем озарении мнилось нечто, напоминающее световое оформление дискотеки. Одному участнику хит-парадов даже примерещилась некая цветомузыка, порожденная огненным ритмом. Полыхающая пульсация перемежалась головокружительной тьмой, отчего зеленая патина чеканных черт обретала яркую выразительность изваяния немыслимого совершенства и в то же время — живую подвижность плоти.

Вот на эту-то подвижность почему-то почти никто и не обратил должного внимания. Между тем в продолжение всей непрерывной цепи метаморфоз так называемая «говорящая голова» (ведущей, ее анатомического муляжа, черепа и, наконец, рогатой личины) находилась в характерном движении. Он не переставал говорить, этот рот, будь то розовые полные губки или оскаленная голая челюсть, излагая чистым грудным голосом и, как всегда, без ошибок надлежащий текст. Озвучивая его, как принято выражаться на постперестроечном новоязе. Надо было видеть эту мимику, особенно когда, скажем так, «пляска смерти» сменилась многозначительным покачиванием рогов.

По странному стечению обстоятельств превращение пришлось на тот самый момент, когда после главных новостей — новый взрыв в московском троллейбусе и военные действия в Чечне — очередь дошла до астероида Эрос, неудержимо смыкающего спиральную орбиту вокруг Земли.

Ах, эта вечная улыбка скелета, от которой сжимается сердце! Неудивительно, что оптимистический прогноз насчет столкновения — не через три года, а через тысячу — пролетел мимо ушей. Впрочем, невелика беда. Взаимоисключающие сценарии и без того сыпались как из рога изобилия, не говоря уже о том, что достойные внимания сообщения не преминут повториться в ближайшем выпуске.

И наконец, еще одна странность, граничащая на сей раз чуть ли не со злым умыслом или, по меньшей мере, халатностью. Казалось бы, служебный долг требовал немедленно прервать трансляцию, едва начались глумливые искажения положенной по режиму картинки. Но это было сделано лишь после того, как на экране вновь возникла ничего не подозревающая ведущая, элегантно перейдя от опасного астероида к неприличной потасовке в думском зале заседаний. Тут-то ее и вырубили, извинившись за технический брак. Передача возобновилась только через три минуты, притом с новым ведущим,

который заметно взволнованным голосом повторил извинения. Геенной огненной веяло от такого «технического брака». Что же до свары возле трибуны, то о ней и думать забыли. Скучно, право слово. Мультимиллиардер, наделяющий коллег-депутатов патентованным средством, повышающим эрекцию, все-таки не мог соперничать с достопамятным Марычевым. Особенно в его коронной роли травести, с накладной женской грудью из секс-шопа.

Публику волновала совсем иная забота. К великому сожалению, общественность так и осталась в неведении, что же случилось с «цветком душистых прерий», степей по-нашему.

Тут же родился слух, возможно небезосновательный, что, узнав о происшедшем от коллег, милая дама лишилась чувств. Уже на другой день злые языки живописали злорадство ее соперницы, которая, будучи отлученной от первой кнопки, с превеликими мытарствами устроилась на МТК.

До завтра, однако, еще следовало дожить. Разборка на первом канале, сопровождающаяся скандалами и даже истерическими всплесками, началась сразу же после оповещения о «техническом браке».

Первым делом прокрутили контрольную запись, которую вели в выборочном режиме на предмет совершенствования качества будущих передач. Делалось это, как правило, по просьбе самих же ведущих, болезненно переживавших малейшие оговорки. К чести невольной виновницы переполоха, ее речь отличалась безукоризненной чистотой, что, кстати, вызывало глухое неудовольствие присяжных почвенников.

На сей раз «бетакамку» — кассету с записью — затребовало руководство ОРТ. Явно несущественные для непосвященных подробности высокого синклита за двойными дверями председательского кабинета остались тайной даже для секретарши. Именно подробности, но никак не результаты. О них вскоре говорило уже все Останкино, хотя пищи для пересудов оказалось всего ничего. Видеоряд не отразил загадочной рогатой персоны, самозванно шагнувшей чуть ли не в каждый дом, а аудиозапись лишь подтвердила высокий профессионализм невинно пострадавшей телеведущей, которую все еще отпаивали каплями Зеленина в комнате отдыха, примыкающей к председательскому кабинету.

Как могла попасть явно посторонняя фигура в прямой эфир? Почему не оставила свой электронный след на видеопленке? Вопросы можно было множить и множить, но ни на один из них не находилось мало-мальски вразумительного ответа. Наложение случайного фрагмента из фильма ужасов? Но какого именно и каким образом? Нет, такое едва ли возможно по чисто техническим соображениям.

Мнения почти поровну разделились между двумя гносеологически сходными гипотезами: проявление сверхъестественных сил и массовый гипноз. Сторонники вмешательства инопланетян остались в явном меньшинстве, что вполне отражало состояние общественного сознания, порядком сдвинутого в сторону иррационального.

Нервозную атмосферу усугубляли непрерывные звонки. От граждан, требовавших немедленных разъяснений, не было отбоя. Оставалось одно: отключить телефоны. Разумеется, столь крайняя, хоть и вынужденная мера, никак не распространялась на «вертушки». Аппараты первой и второй правительственной связи звонили не умолкая. Приходилось отвечать ничего не значащими, обтекаемыми фразами, что только раскаляло раздражение на обоих концах провода.

На беду, вышло так, что злополучную передачу смотрели в семье Президента и в его же администрации, беспокойство выказали премьер и секретарь Совета безопасности, курирующий информацию вице-премьер и лидеры парламентских фракций. Особенно неистовствовала оппозиция — от коммунистов и национал-патриотов до «яблочников». Председатель Комиссии по безопасности прокурорским рыком требовал останкинское руководство на ковер в Думу, а уже упомянутый эксцентричный миллиардер сулил сто тысяч долларов «шутнику», поставившему на уши всю страну. Закавыченное слово явилось вынужденным эквивалентом его ненормативной лексики, сопровождаемой желудочным хохотом с каннибальскими обертонами.

Словно голодные вороны, жаждущие крови, набросились и первые лица из ИТАР-ТАСС, Интерфакса, «Известий», «Российской газеты», «Московского комсомольца», «Независимой», «Сегодня» и т. д. и т. п. Помимо всего прочего, они были на «ты» с руководством канала, что, по меньшей мере, требовало неформальной реакции. С заклятыми друзьями из РТР и НТВ договориться было значительно проще: они мгновенно усвоили, что из пустого вымени не выдоишь ни капли молока. Оставалось лишь использовать сложившуюся ситуацию к собственной выгоде.

Оперативнее всех отреагировала программа МТК «Лицом к городу» в комплоте с дружественной молодежной газетой «Комсомолец столицы», или, в просторечии, «Кость». В совместном патрулировании улиц, помимо телевизионного оператора, приняла участие молодая пара: диктор «Новостей» Варвара Царапкина и необыкновенно пробивной репортер Миша Собеляк, вертлявый верзила с вечно разинутым ртом. В 21.47 они уже были на площади Пушкина, где, по-видимому, особенно заметно проявление таинственных геомантичес-

ких сил. Недаром именно здесь еще в брежневскую эпоху местные недоросли устроили парад в честь дня рождения Гитлера. Про демонстрации правозащитников и многотысячные тусовки у стендов «Московских новостей» и говорить не приходится. Они еще не успели изгладиться из короткой памяти заметной части населения. Словом, кто только не топтался, не пикетировал у постамента поэта, перенесенного, на беду властей, через главную магистраль столицы. Нет, чтобы справиться у мудрого китайца-даоса!

Короче говоря, фатальное место проявило себя и на сей раз, что существенно отразилось на и без того потрясенном мироощущении среднестатистического москвича.

Не иначе, как злой рок столкнул Мишу с бородатым мужчиной в монашеской рясе, который, изрыгая проклятия, яростно кропил тротуар. Он охотно согласился попозировать перед камерой и даже сделал попытку окропить микрофон.

— Представьтесь, — не переставая ухмыляться, Собеляк выслушал гневные обличения сатанинских сил в лице масонов, сионистов и прочих нехороших людей, включая патриархат и всю правящую верхушку.

— Отец Варнава, — пробасил бородатый черноризец, потянув микрофон на себя, и принялся излагать свое кредо.

Уяснив, что перед ним не совсем канонический архиерей, а представитель альтернативной «катакомбной церкви», Миша быстро завладел инициативой и обратился к партнерше:

— Вам не кажется странным, Варя, что после появления на экране сомнительного субъекта с рогами первым нашим собеседником оказался изгоняющий дьявола, так сказать, экзорцист в постсоветском облике?

— По-моему, это судьбоносная встреча, — догадливо подыграла Варвара. — Вас привела сюда накладка в программе «Время»? — обратилась она к Варнаве, с улыбкой влезая в кадр. — Почему вы выбрали Пушкинскую площадь?

Ответом был поток невразумительных обличений, из чего стало ясно, что самодеятельный экзорцист телевидение ненавидит, а улицы кропит по собственному усмотрению, выборочно и в ему одному известные дни. Более того, он регулярно участвовал в пикетировании телецентра вместе с «Трудовой Россией», а к Пушкину, мягко говоря, относится без надлежащего пиетета.

— Погубили Россию богохульники, декабристы проклятые, — косясь на памятник, Варнава потряс кулаком, но тут же возвратился на стезю современности: — Когда ж это было, чтоб метро и троллейбусы с людьми рвали? Эх! — Он остервенело притопнул. — Кто бы Останкино разметал, гнездо сатанинское — империю лжи!

— Железная логика! — обрадовался Миша. — То, что доктор прописал... Только не слишком ли вы, отче? В телецентре людей-то побольше, чем в троллейбусе, — тысячи. Между прочим, большинство — женщины. Как с точки зрения гуманизма? Уж не попутал ли вас нечистый?

— Ничего, — профессионально отреагировала Царапкина, кивнув Михаилу. — Подрежем и будет в самый раз. А какой нынче вечер выдался! Светлый, теплый. — Она вновь послала улыбку в объектив.

Небо и впрямь светилось сусальным золотом, и даже бензиновый перегар не мог заглушить благоухания цветов на бордюрах и клумбах. На световом табло «Известий» бежали бесконечные номера телефонов и факсов, проваливаясь в небытие, чтобы вновь возродиться в электрическом мельтешении, которое тщилось соперничать в яркости с величавым библейским спокойствием вечной, как мир, зари.

Следующей добычей Собеляка оказалась благообразная старушка в поношенном жакетике с орденской планкой.

— «Время» смотрели? — с ходу подступил он.

— Домой вон иду из магазина, — недовольно отреагировала она, потрясая авоськой с батоном и пакетиком молока. — Тридцать пять лет отбарабанила на Метрострое, а какая у меня пенсия? Как жить, спрашиваю?

— Вы, извините, верующая? — В голове репортера самопроизвольно выстраивался сценарий. Он уже понял, что выезд оказался несколько преждевременным. Искомые очевидцы все еще сидели у своих «ящиков». Опрос, если только дадут камеру, придется перенести на завтра. — В Бога веруете? — повторил уже по инерции.

— А что? — озадаченно осведомилась боевитая пенсионерка, разом утратив негодующий пыл, и, словно прислушиваясь к себе, неуверенно молвила: — Молодая была — не верила. Жизнь-то какая прожита? Только и зажили после войны... А теперь время известно какое. Бог, думаю, есть. Люди ж не дураки.

— Есть, значит? — Миша, до предела выпятив свисающую губу, состроил умно-ироническую мину.

— Обязательно.

— А как насчет дьявола? Тоже есть?

— Точно вам не скажу, — задумалась заслуженная метростроевка. — Должен, наверное, быть...

— Почему?

— С кем же тогда бороться?

— Что верно, то верно. «И вся-то наша жизнь есть борьба...» Вы за кого голосовали, ежели, конечно, не секрет?

— Какой там секрет! За нашего Президента.

— В самом деле? — удивился Миша, ожидавший иного ответа. Первоначальный сценарий явно не вытанцовывался. Следуя законам диалектики, полярные силы причудливо пересекались. Говоря примитивно, существовали в своем противоборном единстве. — Почему?

— Чтобы, значит, лучше стало.

— Как раньше, что ли?

— Что было, то сплыло. Молодость не вернешь, а жить надо.

— Завидный оптимизм! Про астероид Эрос, надеюсь, слышали? Как насчет конца света?

— Какой еще конец! Враки.

— По телевизору передавали.

— С ума вы там посходили на вашем телевизоре.

— Газеты читаете?

— Ну, выписываю.

— Какие именно, интересно?

— «КС». Очень даже замечательная газета.

— Мне это особенно приятно слышать, — просиял Собеляк. — Повторите, будьте любезны.

— Чего повторить-то?

— «КС» — очень замечательная газета.

— Очень замечательная! Даже по воскресеньям выходит. Рекламы только много печатают, зря бумагу изводят. И это еще... знакомства всякие. Срам один! А вообще, газета хорошая.

— Большое спасибо. Как раз в прошлое воскресенье мы дали подробный материал об астероиде в тридцать тысяч тонн, угрожающем врезаться в нашу планету. Надеюсь, обратили внимание?

— Так это еще бабушка надвое гадала. То ли попадет, то ли мимо пролетит. Спорят ученые люди, а мы подождем.

— В здравомыслии нашим москвичам не откажешь, — произнесла с придыханием Варвара, невольно следуя манере артистки Дорониной. — И в светлое будущее возвращаться не хотят, и отметают всяческие страшилки... Простите, как ваше имя-отчество? — Она участливо наклонилась, приблизив микрофон к собеседнице, что не помешало остаться лицом в кадре.

— Анна Матвеевна, — зарделась ветеран подземки.

— Так вот, уважаемая Анна Матвеевна, мы с коллегой из вашей любимой газеты совсем не случайно затронули острые мировоззренческие вопросы. В наше удивительное время, когда до третьего тысячелетия остались считанные годы, можно даже сказать месяцы, а астрологические прогнозы стали неотъемлемой реалией нашего повседневного бытия, люди все чаще сталкиваются с необъяснимыми явлениями. Вы согласны?

— Ну!

— Всего какой-нибудь час назад у наших друзей на первом канале случилось досадное происшествие. Поскольку вы, наша замечательная москвичка, находились вне дома, я коротенько введу вас в курс дела. — Зная, что эта часть интервью пойдет под ножницы, Варвара перешла на скороговорку и с некоторыми преувеличениями воспроизвела известную сцену, прямо назвав ее виновника дьяволом. Она даже позволила себе блеснуть эрудицией, помянув классических героев Лесажа, Гете и Булгакова. — Могли ли мы ожидать, что Он, — произнесено было с соответствующей интонацией, — действительно посетит Москву в канун ее славного юбилея?

Собеляк одобрительно кивнул. Варвара импонировала ему умением выжать из темы все, что только возможно, и, главное, продемонстрировать общественную значимость буквально на пустом месте. Юбилейная дата оказалась просто находкой.

Анна Матвеевна внимала, скептически поджав губы. Врожденная доверчивость, отличающая советского человека, сочеталась в ней с таким же унаследованным рефлексом отталкивания от всего, что хоть как-то связано с начальством. Любой корреспондент по-прежнему был в ее глазах «представителем» (надо полагать, представителем власти), и это, несмотря на пиршество гласности, сплошь и рядом приобретавшее уродливые черты, заставляло держаться настороже. Она одновременно и верила, и отрицала, поддерживала и поносила.

— Ваше мнение, — подставив микрофон, прервал затянувшуюся паузу Миша.

— Так и было, как вы говорите? — Анна Матвеевна хитро прищурила глаз, инстинктивно ощущая подвох.

— В точности, — не моргнув, подтвердила Варвара.

— Кукла.

— Что?! — в один голос воскликнули оба интервьюера.

— Кукла.

О, великая тайна телепатии! Скромная женщина — ветеран труда — и в мыслях не держала, что в эту самую минуту создатель нашумевшей авторской программы закончил набросанный по свежей памяти эскиз нового персонажа, которого намеревался ввести в свой элитарный клуб. В свою очередь, неожиданная идея осенила и Собеляка. Так из случайной искры вспыхивает пламя, которым, как издревле известно, обновляется природа.

— Рвем на Патриаршии! — бросил Миша, дав знак оператору.

Варвара поняла его с полуслова. Она уже мысленно видела сенсационное телерасследование. Даже название успела придумать: «Повторный визит».

— Возле мэрии надо бы покрутиться.

— Подберем подставных лиц, — отвечая лихорадочному биению ее мысли, кивнул партнер.

Озабоченно попрощавшись с Анной Матвеевной, они заспешили к машине, припаркованной в переулке рядом с «Макдональдсом», но возле подземного перехода их остановил вальяжный мужчина в белом смокинге. Подпирая задом крыло зеленой «ауди», он небрежно поигрывал «Мотороллой».

— Телевиденье? Что снимаем?

— Что надо, то и снимаем, — торопливо бросил Собеляк, подгоняя жестом приотставшего оператора.

— Погоди, не спеши. Снимите меня.

— Завтра.

— Я бы не стал торопиться. — Жестом фокусника уроженец, как нетрудно догадаться, солнечного Кавказа перебросил радиотелефон в левую руку, а правую, сверкнув массивным перстнем, сунул за атласный отворот, откуда тут же извлек несколько новеньких, со смещенным от центра портретом Франклина, стодолларовых банкнот. — Не возражаете? Между прочим, Бенджамин Франклин громоотвод изобрел, — проявил он ошарашивающие познания.

Столь неожиданная сентенция окончательно выбила Мишу из равновесия. Вечерок и впрямь получился волшебным. Он беспомощно глянул на Варвару, которая ответила коротким кивком.

— Чего вы хотите, гражданин? — обворожительно улыбнувшись, она выступила вперед. — Сняться для телевидения? Это всегда пожалуйста. Наша работа.

— Спрашивать будешь?

— О чем спрашивать?

— О чем ее спрашивала? Я тоже очень хорошо ответить могу. — Честолюбивый или же просто скучающий незнакомец мотнул головой в сторону троллейбусной остановки, куда ковыляла одинокая старушечья фигурка. Некстати будь упомянуто, именно там и прогремел первый взрыв в московском троллейбусе. Ох, нехорошее это место. И Комитет по печати, впоследствии переименованный в Госкомиздат СССР, напротив размещался, и журнал «Новое время», главный редактор которого сделался жертвой заказного убийства. Про единственный в округе общественный туалет и говорить не приходится. Закрыли сволочи, чтобы переоборудовать в злачное место

Без лишних слов приступили к интервью.

— Вы гость столицы или живете здесь? — медоточивым голосом поинтересовалась Варвара.

— Живу, красавица, живу.

— Я вижу, вы интересуетесь телевидением. Сегодняшнюю программу «Время» случайно не видели?

— Случайно не видели. В «Арагви» отдыхали, теперь к мадам Софи отдыхать еду. Поехали вместе. Угощаю.

— Но... — заикнулся было Миша. — Мадам Софи? — Он вновь озадаченно уставился на Варвару.

— Это на улице Правды, — небрежно отмахнулась она, окончательно завладев инициативой. — Что-то вроде казино или ночного клуба. Бывший партийный дом культуры... Нам и впрямь некогда: выполняем спешное задание, но готовы взять у вас интервью на любую тему. Представьтесь, пожалуйста.

— Меня Эдик зовут... Двали Эдуард Ираклиевич.

«Эдик Двали, — мгновенно разложилось и заново составилось в голове Собеляка — пожирателя шарад и кроссвордов. — Эдвали... Едва ли!» — он засмеялся.

— Чему веселишься? — владелец иномарки угрожающе набычился.

— Простите, это я о своем. Так, кое-что вспомнилось, — передернул плечами Миша. — Едва ли это имеет к вам отношение, господин Двали, — добавил, не в силах совладать с потоком сознания, хоть и оценил должным образом бычью шею и бугрившиеся под белоснежной тканью мышцы.

— Начали! — Варвара дала отмашку. — Ваша профессия, Эдуард Ираклиевич?

— Предприниматель, понимаешь, бизнесмен.

Дальнейшие перипетии волшебного вечера могут быть домыслены в любом направлении, но уже не имеют непосредственного отношения к превращению телеведущей в рогатого монстра и потому не достойны упоминания. За одним-единственным исключением. Анна Матвеевна, войдя в свой подъезд, отомкнула почтовый ящик, в коем и обнаружила счет на телефонный разговор с совершенно неизвестным ей городом Нассау. Выходило, что она должна МГТС (Московской городской телефонной сети) астрономическую сумму в 4 765 840 рублей. Она схватилась за сердце, в глазах у нее потемнело и вообще стало нехорошо.

Паутина

Построение финансовых пирамид в США запрещено законом. Но во всяком законе есть дыра, которой и воспользовались авторы интернетовской пирамиды. Главное условие — подключение к Интернету. Одной из услуг сети являются телеконференции.

Мистер Болтингхауз предлагает сыграть в игру под условным названием «Пошли пять долларов, и ты получишь 50 000».

Магия

Госпожа ***[1], потомственная колдунья, обладающая ЧЕРНОЙ МАГИЕЙ.
Снятие порчи, венца безбрачия.
Приворот, отворот соперников.
Мощнейшие талисманы с древней символикой.
Наказание обидчика.

Интим

Служба 907.
Нежность и необузданность.
Живой разговор.
Я буду разным с тобой.
Для понимающих мужчин и женщин.

ФАЙЛ 004

Начальник отдела оперативной информации Главного разведывательного управления Генштаба контр-адмирал Олег Павлович Шевцов обнаружил, что один из его компьютеров подвергся вторжению извне, или, грубо говоря, был «взломан». В отличие от медвежатников, высверливающих или взрывающих сейфы, чтобы выпотрошить их содержимое, похищение информации осуществляется без какого бы то ни было повреждения компьютерного «железа» и с дальней, а порой и очень дальней дистанции. Возможность найти похитителя невелика, а понесенный урон подчас несоизмерим ни с какими деньгами.

Сам характер учреждения, где вот уже семнадцатый год не покладая рук трудился Шевцов, предполагал под номером один в списке потенциальных взломщиков обозначить какую-нибудь иностранную спецслужбу. Охотнее всего Олег Павлович возложил бы ответственность на Центральное разведуправление Соединенных Штатов. Это было бы и правдоподобно, и привычно, и, главное, целиком и полностью отвечало стойким симпатиям сухопутного адмирала.

[1] Синхронное действие компьютерного гипертекста пресс-досье «Паутина-Магия-Интим», включающее рекламу определенных услуг, не дает телефонов и адресов: имена заменены — ***.

Но не все так просто, как кажется, в нашем изменившемся и неуклонно усложняющемся мире открытых границ и открывающихся возможностей. Приходилось брать в расчет и хакеров[1], этих вольных корсаров виртуальных морей. Впрочем, и хакеры бывают разные. Одни из них, самые безобидные, упражняются, не преследуя личной выгоды, просто искусства ради, для собственного удовольствия и самоутверждения. Для таких забраться в секретные файлы — своего рода спорт. Чем труднее «замки» паролей и шифров, тем притягательнее. Лезут куда угодно: в Кремль, на Лубянку, в то же ЦРУ или Пентагон. Притом не обязательно из Нью-Йорка или Колорадо Спрингс, а, скажем, из Малаховки. Если и есть неприятности от таких ребят, то всего лишь досадная нервотрепка. Зато из них, как правило, получаются самые классные спецы, которые идут в политику, большой бизнес или в разведку.

В отличие от них настоящие флибустьеры редко работают в одиночку. Подобно филателистам и нумизматам, им необходим рынок, обмен. Единственный товар, который там обращается, это warez. Все хакеры исключительно англофобы и карнают на своей кибернетической фене. Warez — адрес компьютера со свежей программой — можно получить либо за другой warez, либо за адрес компьютера со взломанной защитой. Товар, надо признать, скоропортящийся. Протухает в лучшем случае за неделю, а то и на другой день. Системный администратор скоро обнаружит, что на дисках остается все меньше места, и тут же прикроет дыры. Отсюда и быстрая оборачиваемость активов на флибустьерской бирже. Там верят друг другу на слово — иначе нельзя. Стихийно сложившаяся организация обрела четкую форму: одни взламывают защиту, другие перетягивают программы, третьи распространяют краденое. Это уже чистые коммерсанты. У них одна забота — бабки. Многие из них и за монитором никогда не сидели. А навар крупный. Сбылись пророчества фантастов: информация стала самым ценным товаром. Дороже золота и бриллиантов.

Невосполнимый урон наносят хакеры-террористы. Это еще полбеды, если они влезут в электронную почту, а затем предадут ее гласности, зачастую с садистским глумлением и издевкой. Особый кайф доставляет им уничтожение взломанной системы или заражение компьютерным вирусом. Мизантропический, из чистой подлости, терроризм непредсказуем по своим возможным последствиям. Хакеры, работающие по заказу, будь то спецслужбы или даже мафиозные структуры, действуют куда как аккуратнее. Их интересуют только секретные

---

[1] От *англ.* to hack. По отношению к компьютеру может означать как взлом системы, так и наладку.

данные, хотя они и способны парализовать на какое-то время оборонную или финансовую системы целой страны, что равносильно войне. Никакое разумное правительство в современных условиях ядерного равновесия и относительной стабильности на такое не пойдет.

ЧП, о котором при иных обстоятельствах адмирал обязан был немедленно доложить по инстанциям, усугублялось сложностью положения, сложившегося после скоропалительной отставки высших чинов Министерства обороны. Поэтому он предпочел не торопиться и, всесторонне оценив ситуацию, попытаться обратить два минуса в плюс, что возможно не только в алгебре.

Подобная операция однажды уже удалась Олегу Павловичу, тогда капитану первого ранга, сыгравшему незаметную, но весьма существенную роль в попытке государственного переворота. Пережив после краха ГКЧП всевозможные пертурбации, он, что не потребовало особых усилий, не только сохранил прежние связи, но и удостоился адмиральских погон. Недаром в определенных кругах за ним утвердилась кличка «Канарис». Это отнюдь не означало, что он, подобно покойному шефу абвера, вступил в контакт с британской Интеллидженс сервис. Ничего подобного. Имели место иные, тщательно законспирированные связи: с самопровозглашенным президентом, призывавшим в час агонии к бомбардировке Кремля, и таким же бутафорским министром обороны, с которым подружился на секретном объекте АВС в канун отбытия в Форос Михаила Сергеевича Горбачева. Лично нигде особенно не засветившись, Шевцов копил в своих файлах взрывоопасную информацию.

Он был полностью в курсе деятельности таких организаций, как Союз офицеров, нигде официально не зарегистрированная Ассоциация бывших работников госбезопасности и, пусть не покажется странным, российское отделение секты «АУМ синрекё». Ему до тонкости были известны все подробности операции по спасению раненого фюрера русских нацистов, обретшего крышу в элитном военном госпитале, и кое-какие детали взрыва в газете «Комсомолец столицы», стоившего жизни популярному журналисту. Вот о взрывах в троллейбусах он, пожалуй, знал значительно меньше, хотя о многом догадывался.

С учетом покушения на кандидата в вице-мэры Москвы и террористическим актом в метро, в самый канун второго тура выборов, только очень наивный человек мог не увидеть за всем этим целенаправленной деятельности. Она-то и внушала определенный оптимизм. Еще два-три подобных инцидента, и авторитет нового секретаря Совета безопасности претерпит су-

щественный урон, что неизбежно свяжет ему руки. Именно на такой вариант и сделал ставку «Канарис». Даже улыбнулся про себя, припомнив, как своевременно сброшенные с британского самолета парашютисты убрали Рейнгарда Гейдриха, протектора Богемии. Шеф СД и гестапо как раз собирался вылететь в Берлин, чтобы продемонстрировать Гитлеру убийственный компромат на главу Абвера. Иногда и взрывы делают историю.

Уход министра обороны, с которым Шевцова ровным счетом ничего не связывало, прогнозировался давно и, если чем и угрожал, то лишь непредвиденными последствиями. Неизбежная череда перестановок всегда чревата неожиданностями. Главное — угадать новое направление и вовремя принять меры. Он заранее просчитал вероятных кандидатов и не ошибся. Зато назначение на ключевой пост секретаря Совета именно этой фигуры явилось для Олега Павловича полной неожиданностью, притом до крайности неприятной. Последовавшие за этим события лишь обострили ощущение нависшей опасности. Одно дело — случайное попадание, другое — обстрел по площадям. На всякий случай следовало подстраховаться. И Шевцов скрепя сердце начал уничтожать свои бесценные файлы, не надеясь извлечь из них пользу, по крайней мере до новых выборов.

Исключение было сделано только для дисков, на которых хранилась информация о деятельности так называемых «тоталитарных» сект: в первую очередь «АУМ синрекё», «Белого братства», «Богородичного центра» и, пожалуй, самой таинственной и опасной среди прочих — «Лиги последнего просветления». Всех их объединяло одно: разрушительная для любого государства идея о неизбежном светопреставлении.

Интерес к сектантству диктовался прямыми служебными обязанностями. Нет в мире такой разведки, которая могла бы оставить без внимания любое экстремистское движение с жесткой иерархической структурой. Тем более что зачастую трудно отделить псевдорелигиозное помешательство от контрабанды наркотиков, оружия и ядерных материалов. Шевцов располагал серьезными доказательствами в пользу широко разветвленного заговора против правительств ряда стран, включая США и Россию. О Японии и говорить не приходится. Это продемонстрировал токийский суд.

Ловко подброшенная информация о приближении гигантского астероида — следовало бы тщательно разобраться, откуда ноги растут — придала сектантскому фанатизму мощный добавочный импульс. Не случайно новоявленный громовержец, получивший широчайшие полномочия, на первой же пресс-конференции упомянул «АУМ синрекё». Он, правда, к вящему удовольствию Шевцова, как, впрочем, и многих других, здоро-

во прокололся, присовокупив туда же мормонов, что вызвало мгновенную реакцию в Вашингтоне, но суть от этого не меняется. Прицел взят верно: сектантский экстремизм — серьезная угроза безопасности государства.

Именно это и давало шанс адмиралу остаться, как минимум, при своих. Если террористические акты продолжатся, герой сломает шею, а если, паче чаяния, выйдет победителем, то, прежде чем поднаберется опыта и знаний, ему понадобится, на кого опереться. Банк данных ГРУ о связях сектантов с кое-кем из кремлевских столпов окажется весьма кстати. Второй раз наступить на те же грабли способен только безнадежный дурак.

Про генерала, сумевшего осуществить столь стремительный взлет, такого никак не скажешь. Тем не менее придется ему подналечь на ликбез. Это же надо ляпнуть такое. Мормоны вполне уважаемая в Штатах община, вот уже более ста лет, как они отказались от многоженства, а их постоянная готовность к страшному суду никого не колышет. И менее всего Россию, где возможности мормонского прозелитства не так уж серьезны. Наших бы крестьян заставить работать, как они, не надо тогда ни фермеров, ни колхозов. Но откуда знать генералу-десантнику про каких-то мормонов? В училище о них и слыхом не слыхивали. Наверняка перепутал с мунистами.

Словом, у Олега Павловича были все основания оказаться полезным. Оставалось лишь продумать, как двинуть нужную информацию на такой верх. Тем более что накопленные сведения предназначались в основном для всевозможных комбинаций, без которых спецслужба рискует превратиться в институт благородных девиц. Поэтому следовало в пожарном порядке провести ревизию файлов. Агентуру адмирал не намеревался сдавать ни в коем случае. И не только агентуру. На дисках хранились досье на сектантов — ядерных физиков, сектантов-микробиологов, сектантов-подрывников. Последние могли особенно пригодиться в случае крайней нужды.

В общем и целом, баланс подбивался не столь уж и скверный, если бы не два обстоятельства: среди последователей Асахары было несколько первоклассных хакеров и, что особо тревожно, взлому подвергся именно тот самый банк данных, где содержалась оперативная информация о так называемом психотронном оружии и подробное досье на теневых воротил, включая сектантских лидеров, вкупе со всяческими магами, астрологами и колдунами, хоть как-то причастными к политике и преступному бизнесу.

Получалось, что не случайно, не методом тыка пираты вышли на любимое детище адмирала — суперкомпьютер m-Cube 2S, полученный совсем недавно из Америки в рамках

межправительственной программы поддержки университетского образования в России. Первоначально машина предназначалась для Ростовского университета, но Шевцов ухитрился перекупить ее у тамошней администрации, поставив взамен, с пустячной выгодой лично для себя, два комплекта SRU5S Gold Star CD-ROM.

Подключение к Internet (протокол TCP/IP — telnet) позволяло адмиралу выйти на любой компьютер паутины[1] в любой точке планеты и работать словно за собственным терминалом. Но тот же протокол предоставлял точно такую же возможность каждому пользователю. Если где-то и была осуществлена идея неограниченной демократии, то только в Internet. И это так же верно, как то, что народовластие зародилось задолго до нашей эры в Афинах.

Неудивительно, что, активно используя возможности Всемирной связи, адмирал Шевцов испытывал идиосинкразию к ее основополагающим принципам. Будь его воля, он бы ограничил доступ в сеть узким кругом лиц, допущенных к совершенно секретной документации. На худой конец — для служебного пользования.

Ничего не поделаешь: в который раз после свалившейся как снег на голову перестройки приходилось пожинать горькие плоды равенства.

Олег Павлович включил монитор, набрал код и кличку первого из подрывников и вывел досье на экран. Занес в записную книжку основные данные, стер информацию и набрал следующее имя.

— Изюмов! — Нажал селекторный клавиш. — Найди-ка мне одного человечка. Из-под земли достань.

— Куда прикажете доставить, товарищ адмирал?

— Куда? А давай на седьмую, — выбрал конспиративную дачу Шевцов.

Паутина

В США растет угроза «кибернетического терроризма». Об этом заявил директор ЦРУ Джон Дейч. По его словам, целями компьютерных террористов могут быть системы управления воздушным транспортом и электростанциями, банковские компьютеры и системы передачи финансовой информации, а также военные системы связи.

«Электрон — это абсолютное оружие с высокой точностью наведения», — сказал

[1] Network — сеть, паутина (*англ*.).

директор ЦРУ и предупредил, что возможны «весьма и весьма крупные и неприятные инциденты». По словам Дейча, американская разведка уже подготовила совершенно секретный доклад, где рассматривается сценарий, при котором из-за рубежа осуществляется атака на компьютеризованную систему телефонной связи. Он отказался назвать страны, которые, по его мнению, могли бы в этом смысле представлять наибольшую угрозу.

Магия

Маг поможет избавиться от болезней, депрессий, порчи, сглаза, страхов благодаря знаниям древних и современных методик.
Налажена практика помощи деловым людям.
Работа приведет к конкретным результатам. Эффективно, конфиденциально.

Интим

Очаровательные девушки, юноши, бис. пары, Госпожа, Господин, бис. шоу. Обслуживание вечеринок и иных мероприятий. Конфиденциальность, безопасность. Приглашаем девушек на конкурсной основе.

ФАЙЛ 005

Антициклон, широким фронтом накрывший полстраны, принес небывалую жару. Термометр в Москве и области подскочил до тридцати пяти градусов, что вызвало пожары в лесных массивах. Возникла опасность возгорания торфяников, но выручили обильные грозовые дожди.

Тем удивительнее показался сторожу, приставленному охранять новоприобретенный Столичным кредитным банком объект, столб дыма, поднявшийся над дальним лесистым холмом. На фоне светлого ночного неба ясно видны были озаренные багровыми языками клубы, взрывающиеся каскадом гаснущих на лету искр. С чего бы это вспыхнуть, если лило как из ведра все прошедшие сутки? Озадаченно почесав макушку, сторож поплелся в дежурку, вызвал пожарную команду и улегся почивать на топчане.

Машина прибыла уже под утро, когда огонь угас сам собой, оставив выгоревшую полянку, окаймленную черными стволами елей, по которым местами еще вились жгучие змейки. За какие-нибудь полчаса пожарные загасили последние очаги, дотлевавшие под седыми хлопьями пепла.

Команда уже собиралась отъехать, когда младший сержант Костылев, случайно пнув сапогом обуглившуюся корягу, обнаружил обгоревшую человеческую руку, судорожно сжатую в кулак. По ней уже ползали красные с черными точечками лесные клопы.

Старший наряда немедленно связался по рации с местным постом милиции, а часам к десяти подоспела опергруппа во главе со следователем областной прокуратуры. Для рядового случая, каким стало по нынешним временам убийство, тем более пока только предположительное, быстрота почти экстраординарная. Следователь Федор Поликарпович Бобышкин объяснял ее для себя повышенным вниманием средств массовой информации к Салтыковке — заурядному подмосковному поселку. Говорили, что даже радиостанция «Свобода» уделила ему десять минут эфирного времени. И немудрено, ибо речь шла о неслыханной финансовой операции, которая могла вызвать далеко идущие политические последствия.

Труп, а под кучей угольев нашли полусожженное тело женщины, притом, судя по состоянию зубов, молодой, едва ли имел даже самое отдаленное касательство к купле-продаже расположенной неподалеку недвижимости. Но всякая крупная сделка хотя бы краем да затрагивает местные власти, которым любая огласка, по поводу или без повода, совершенно ни к чему. Отсюда повышенная нервозность прокурора, поручившего Бобышкину побыстрее и, главное, без излишнего шума провести расследование.

— А то наедут журналюги да настрочат такого, что не расхлебаешь, — напутствовал он. — Понял, Федор Поликарпович?

Как не понять... Профсоюзы, банк, крупные деньги, большие связи, а тут — обгорелый труп. Поневоле опять всколыхнется волна. Над банковской сферой вообще постоянно сгущались тучи. Помимо того, что несколько крупных банков приостановили выплату вкладчикам, вскрылись и стали достоянием гласности крупные махинации. Выяснилось, например, что дом, в котором расположился Московский банк, был приобретен за пять миллионов долларов, взятых из фонда медицинского страхования. Но куда больший общественный резонанс вызвала сделка, которую провернуло высшее руководство профсоюзов.

За годы советской власти ВЦСПС сосредоточил в своих ру-

ках собственность, эквивалентную годовому бюджету какой-нибудь европейской страны. Санатории, дома отдыха, турбазы, спортивные комплексы, пансионаты — все это могло бы стать золотой жилой, способной поддержать в переходный период миллионы честных тружеников, ежемесячные взносы которых в конечном счете и составили могущество самой массовой организации, построенной по принципу демократического централизма. В последние годы коммунистического режима эти взносы взимались в принудительном порядке со всех работающих граждан, вне зависимости от их формального членства.

И вдруг оказалось, что нынешние боссы «школы коммунизма» не особо нуждаются в отчислениях от зарплаты. И даже тот факт, что количество членов ФНПР и ВКП сократилось вдвое, не только не произвел переполоха в верхах, но, напротив, вызвал вздох облегчения. Чем меньше потенциальных претендентов на собственность, тем больше шансов, что она попадет в одни руки. Директора втихую приватизируют заводы и совхозы, секретари творческих союзов — дома творчества в Подмосковье и старинные особняки в границах Садового кольца, академический президиум — гостиницы и рестораны. Но все это мелочь, шелуха, по сравнению, скажем, с уникальным в масштабах планеты туристическим комплексом «Измайлово», гостиницей «Спутник» и прочей профсоюзной недвижимостью, включая автобазы и гаражи.

Первички на местах безмолвствуют, довольствуясь своим куском и взносами, которые оставляют себе, а столица, снимая обильные пенки с доходов, великодушно закрывает на это глаза. Все, кроме пребывающих в неведении трудовых масс, довольны. Так бы и продолжалось к взаимному удовольствию, не грянь нежданная гроза. Молнией, ударившей с надмирных высот, где сгущаются эти самые тучи, стала весть о продаже Института профдвижения в Салтыковке.

Огромный комплекс с учебными аудиториями, общежитием, столовой, гаражом и обширным участком земли был продан за смехотворную сумму в шесть миллиардов рублей! Притом тайно, в нарушение всех правил, без какого бы то ни было декорума коллективных решений. Хозяйство приобрел Столичный банк сбережений, фактически даром. Завесу тайны над сделкой, лишившей сорок миллионов человек их, пусть маленькой, но законной доли, приподняла пресса. Выяснилось, что президент банка и глава профсоюзов — одно и то же лицо. Сам себе и продал.

Надо ли говорить, что зловещая находка в лесном массиве могла подлить масла в огонь разгорающегося скандала, хотя густо заросший ельником холм находился далеко за границами

территории бывшего института и никакого отношения к международному профдвижению не имел.

Само упоминание места было способно разбудить притихшие было страсти: «Салтыковка», «Салтыковка»... Подобно ключевому слову, открывающему окна в неведомые пространства виртуальной реальности. Туда, кстати сказать, и попала информация о подробностях внешне безупречно оформленного контракта: шесть миллиардов — копейка в копеечку — были перечислены на профсоюзный счет. С учетом наличного количества членов это составляет сто пятьдесят рублей на брата. Даже говорить не о чем. Если кто и обратится с претензией, выплатят, не дожидаясь суда.

Действовать предстояло с оглядкой, как саперу на минном поле. Помимо профсоюзников, эту чертову Салтыковку облюбовал под свою резиденцию и сам Брынцалов. Мало того, что миллиардер, содержащий целую роту вооруженной охраны, так еще и кандидат в президенты! Несчастная Россия... Что, если убийцей окажется какой-нибудь полоумный клерк? Пропадешь ни за понюх табака...

Невеселые мысли, смутно роившиеся в замороченной кучей незаконченных дел голове, не мешали Бобышкину внимательно осматривать место происшествия. Обмениваясь скупыми фразами с юным экспертом, он постепенно пришел к убеждению, что надежды прокурора области избежать огласки останутся втуне. По крайней мере, лично он, следователь по особо важным делам, сделает все возможное, чтобы это преступление не осталось нераскрытым.

Все же Бобышкин дождался, чтобы первое слово произнес эксперт.

— Вам не кажется, Федор Поликарпович, что мы имеем дело с ритуальным убийством?

— Какие у вас основания для подобной версии?

— А вот, смотрите! — Тряхнув копной рыжих волос, молодой лейтенант, закончивший в прошлом году милицейскую академию, поднялся с колен и попытался сдуть налипшую на резиновые перчатки сажу. — Во-первых, положение рук и ног — разметаны в разные стороны, во-вторых, следы пут на руках и лодыжках.

— Допустим, хотя левая нога определенно подвернута. И где сами веревки? Вам удалось найти хотя бы волокна?

— В том-то и дело, что это, по-видимому, была синтетика, предположительно полипропилен. Он целиком расплавился, но остались характерные кольца.

— Теперь вижу, — кивнул Бобышкин, хотя сразу же обратил внимание на запекшиеся смоляные браслеты и сделал свои выводы. — Однако этого мало для такой, я бы сказал,

ответственной версии. Жертву могли просто привязать, ну, допустим, для пытки. Согласитесь, что простое объяснение почти всегда наиболее верное.

— Почти! — с юношеским азартом воскликнул эксперт. — Только не в данном случае. — Он вновь опустился на колени и начал выбирать из развала головешек наиболее крупные. Одни из них сгорели дотла и рассыпались в руках, другие сохранили видимость прямоугольной формы и известную твердость. — Нет сомнения, что это брус, а не ствол сосны или ели. Согласны?

— Предположим.

— Теперь обратите внимание на это! — Лейтенант указал на некое подобие вертикально стоящего колышка и сделал попытку разгрести вокруг него золу.

— Погодите, не худо бы сперва заснять, — остановил Бобышкин.

Вспыхнул блиц, колючей звездой отразившись на нержавеющей стали положенной рядом масштабной линейки.

— Лопатку, — эксперт просительно поднял глаза на милицейского сержанта, сопровождавшего участкового. Парень сбегал к машине и молча принялся помогать.

Обкопав огарок, из грунта извлекли полуметровый отрезок грубо оструганного бруса. Лейтенант оказался прав: едва ли кому пришло бы в голову затевать канитель только для того, чтобы привязать человека: в деревьях недостатка явно не ощущалось.

— Нога подвернулась, когда обрушился горящий крест, — в голосе эксперта прозвучала нотка торжества.

— Пока это только предположение, — следователь подчеркнуто сухо охладил порыв. — Нога действительно могла подвернуться при падении, но ничто не свидетельствует, что это был крест. Я, знаете ли, не любитель экзотики и вообще всякие там гиньоли мне как-то не по душе... Не скрою, определенный резон в ваших рассуждениях определенно присутствует, но крест... Вы же сами понимаете, что это сразу придаст следственной версии определенный оттенок, как бы это точнее выразиться, характерный нюанс... Римляне, между прочим, распинали не на крестах, а на столбах с перекладиной в виде буквы Т... Ритуальный смысл был придан уже впоследствии. Вы понимаете?

— Дело ваше, но я остаюсь при своем мнении. Из головешек креста, конечно, не соберешь: огонь хорошо поработал, так что доказать трудно...

— Невозможно. Поэтому я воздержусь пока от гипотез. В протоколе, по крайней мере. Незачем раздувать страсти.

— Пожалуй, и невозможно, — словно бы нехотя согласился эксперт.

— Как, впрочем, и опознать личность. Руки сгорели, и от лица, почитай, ничего не осталось.

— Зато горло почти не тронуто, — Бобышкин, кряхтя, присел над останками. — Обратите внимание на шрам.

— И что это может значить? — склонился рядом эксперт.

— Определенно не утверждаю, но похоже на трахеотомию. Как вам кажется?

— Очень возможно, Федор Поликарпович, даже очень...

— Если подтвердится, то круг поисков существенно сузится... Но не будем гадать. Подождем заключения патологоанатома. Я, кстати, не исключаю, что по черепу удастся воссоздать облик.

— На компьютере по рентгеновскому снимку?.. Видал я эти чудеса. Ничуть не лучше словесного портрета.

— И словесный портрет дает результаты.

— И все-таки интуиция меня не обманывает! Это преднамеренное ритуальное убийство. Возможно, даже человеческое жертвоприношение. Такие вещи теперь случаются. Редко, но случаются. Как, впрочем, и людоедство.

— А как насчет преднамеренной, — Бобышкин явственно акцентировал повторенное определение, — имитации? Или вы не допускаете подобной возможности? Убийство, притом на любой почве — бытовой, сексуальной — могло произойти где угодно. Понимаете? Потом труп принесли сюда и инсценировали это, как вы изволили заметить, жертвоприношение или, что, по существу, одно и то же, ритуальное убийство.

— Но зачем?!

— Мало ли... Допустим, чтобы отвлечь внимание, направить поиски совсем в другом направлении... Вы, рискну угадать, можете возразить, что проще было бы закопать, и я соглашусь — и проще, и вернее. Но этого почему-то не сделали... Словом, неоднозначная ситуация, очень неоднозначная. Возможно, после тщательной экспертизы мы с вами и придем к более определенным выводам. Буду ждать вас, коллега, с результатами. Надеюсь, вы не преминете сделать химический анализ сгоревшего пластика?.. Ну-ну, — улыбнулся Бобышкин, заметив, что эксперт обиженно потупился, — я уверен, вы совершенно точно определили, что бечевка из пропилена.

— У вас тут сектанты случайно не объявлялись? — повернулся эксперт к участковому.

— Сектанты?.. Это которые насчет конца света? Вроде не замечено. А наркота собирается.

— Уж это точно, — подтвердил сержант. — И как раз в этом самом лесочке. Совсем замусорили природу. Сейчас не

особенно заметно, после дождей, а в сухую пору чуть не на каждом шагу мусор.

— Надо бы спросить людей, что поблизости, — сказал следователь. — Вдруг чего и заметили?

— Будет сделано, — заверил участковый.

— Тогда по коням.

Паутина

Власти Южной Кореи запретили использование в правительственных компьютерных сетях новинки сезона — операционной системы «Windows-95» компании «Microsoft». Запрет введен на время изучения жалоб о противоречии системы законам о честной конкуренции.

Впрочем, не исключено, что мрачная картина преступного вытягивания информации из министерских компьютеров, нарисованная в фильме «Сеть», насторожила чиновников южнокорейского министерства. Еще одной причиной запрета «Windows-95», по их словам, стало опасение по поводу возможной утечки правительственной информации через новую операционную систему.

Магия

Отдыхавшая в одном из подмосковных пансионатов на берегу Оки известная фотомодель и супруга популярного композитора *** на днях подверглась нападению со стороны членов так называемого Богородичного центра. Десятерых здоровенных мужиков, шедших с сектантских радений, возмутила стильная и эффектная внешность встреченной ими на лесной тропинке девушки. С криками «Вавилонская блудница! Ведьма! Прислужница Сатаны!» изуверы схватились за колья, набросились на несчастную и стали ее избивать с намерением, по их словам, «изгнать из нее дьявола, а затем сжечь на костре». По счастью, жертва в свое время обучалась искусству каратэ и сумела постоять за себя. К тому же за хозяйку заступился ее питомец — стаффордский терьер Торо, отважно бросившийся на обезумевших религиозных фанатиков.

После оказания медицинской помощи в местной больнице г-жа *** доставлена в Москву и продолжает лечение дома.

Интим

ЗОЛОТАЯ РЫБКА исполнит любое Ваше желание.
Приглашаются девушки, возможно проживание.

ФАЙЛ 006

Ни в физическом, ни в умственном, ни даже в нравственном отношении Андрей Ларионов ничем особенно не отличался от своих сверстников. Разве что коэффициент интеллекта, как выяснилось еще в университете, заметно превышал средние величины. Впрочем, до гения ему было далеко и даже в детстве за ним не замечалось ничего такого, что выделяет из общей массы так называемых вундеркиндов. Самый обычный мальчик. Учился неровно, покуривать начал с пятого класса, воровал почтовые марки у однокашников, в меру хулиганил. Математические способности проявились довольно рано, но никто не помышлял об их развитии. Как-то обошлось без олимпиад и школы со специальным уклоном.

Все началось с игровой приставки к обычному телевизору, привезенной отцом из какой-то зарубежной командировки. Первое электронно-вычислительное устройство Андрей собрал уже самостоятельно, руководствуясь рекомендациями журнала «Наука и жизнь» и собственной интуицией. Парню было четырнадцать лет. Он уже читал Норберта Винера, Тьюринга, Эшби, без понуждения засел за английский, но уклонился от вступления в комсомол. Это вызвало семейную драму: отец — консультант отдела культуры ЦК КПСС — орал и стучал кулаками, мать умоляюще простирала руки и заливалась слезами. Только к десятому классу, когда впереди уже замаячил университет, удалось сломать сопротивление юного диссидента. Стоило отцу обмолвиться, что без комсомольского билета нечего даже соваться в МГУ, как Андрей сдался. Довод оказался куда более весомым, чем все скандалы и уговоры с топаньем ногами и заламыванием рук.

Не добрав двух конкурсных баллов, он тем не менее поступил на мехмат, что, впрочем, легко объяснимо. Однако первую же сессию сдал на «отлично». Так и пошло; красный диплом в двадцать один год, кандидатский — два года спустя.

Где-то в этом промежутке Андрей Александрович Ларионов

и стал законченным хакером — профессионалом, зашибающим деньги, и немалые, с помощью клавиатуры и «мыши»[1].

Истинные знатоки насчитали, по меньшей мере, шестьдесят категорий хакеров. На первый план здесь выступает не столько криминальный аспект, сколько психологический и даже психопатологический. В последнем случае все чаще говорят о компьютерной зависимости, которая сродни наркомании. На наших глазах сформировалась особая разновидность Homo sapiens, которую без преувеличения можно отнести к разряду киборгов. Не понадобилось никаких сращений или искусственных пересадок, чтобы образовался некий гибрид мозга с процессором.

Основной доход приносила игра на бирже и на рынке ценных бумаг. Пользуясь необъятным банком нелегальной информации, он проводил успешные операции с долларом, иеной, немецкой маркой и, далеко не в последнюю очередь, акциями ведущих российских компаний.

Проведя безукоризненно точное компьютерное исследование, Андрей обнаружил, что на фондовом рынке сложилась в последнее время довольно любопытная ситуация. В сущности, обращается лишь одна группа акций, в которую входят бумаги крупнейших концернов, относящихся к самым разным отраслям. Проникнув без особого труда в компьютерную систему инвестиционной компании «АТУМ», он вывел на свой монитор следующую таблицу:

ПАРНЫЕ КОЭФФИЦИЕНТЫ КОРРЕЛЯЦИИ ПО ЭМИТЕНТАМ

Эмитент	Иркутскэнерго	НК «ЛУКойл»	Мосэнерго	Норильский никель	Ростелеком	Сургутнефтегаз	Пурнефтегаз	Юганскнефтегаз
РАО «ЕЭС России»	0,92	0,87	0,93	0,98	0,98	0,90	0,84	0,91
Иркутскэнерго		0,95	0,90	0,95	0,94	0,88	0,88	0,81
НК «ЛУКойл»			0,96	0,89	0,90	0,92	0,86	0,80
Мосэнерго				0,96	0,94	0,93	0,85	0,88
Норильский никель					0,96	0,89	0,73	0,95
Ростелеком						0,93	0,85	0,88
Сургутнефтегаз							0,94	0,83
Пурнефтегаз								0,83

Внутри отобранной группы акции ведут себя практически одинаково. Все бумаги относятся к числу наиболее ликвидных, сделки по ним совершаются практически каждый день, а ежедневный объем торгов превышает 5% от общего объема торгов.

[1] Mouse (*англ.*).

Анализ изменения цен в период с октября прошлого по январь нынешнего года показал, что самые популярные бумаги делятся на две группы. В первую группу вошли акции РАО «ЕЭС России», «Иркутск-энерго», НК «ЛУКойл», «Норильского никеля» и «Ростелекома», во вторую — «Мосэнерго» и «Юганскнефтегаза». Максимальная величина коэффициента корреляции Пирсона составляет для двух разных бумаг единицу, что свидетельствует об абсолютной идентичности изменения цены. Коэффициент корреляции внутри первой группы колебался от 0,84 (РАО «ЕЭС России» — «Иркутскэнерго») до 0,95 («Ростелеком» — НК «ЛУК-ойл»), внутри второй — составил 0,74. В то же время тот же коэффициент для бумаг, включенных в разные группы, оказался отрицательным.

С тех пор на рынке произошли серьезные изменения. В частности, начиная с середины марта рынок акций резко пошел вверх. Одновременно в поведении акций наметилась более четкая взаимосвязь. Различия между двумя упомянутыми группами в период роста рынка исчезли. Это наглядно продемонстрировала таблица, в которой на пересечении строк указан коэффициент корреляции. Анализ, основанный на изменении цен закрытия в период с 20 марта по 24 мая, показал, что уже по девяти эмитентам синхронность выше 0,8. Чуть меньше величина коэффициентов для «Ноябрьск-нефтегаза» и «Томскнефти» — эмитентов, чьи акции также подтягиваются к общей тенденции, однако в силу того, что сделки по этим бумагам совершаются реже, среднее изменение цен закрытия становится непоказательным.

Таким образом, рост рынка акций сделал динамику цен на бумаги однотипной. Следовательно, выбирать акции придется всего из одной стихийно сформировавшейся группы.

Столь схожее поведение различных бумаг можно было объяснить появлением на рынке нового персонажа — «слона». В отличие от уже привычных «быков» и «медведей», играющих на повышение-понижение, «слоны», проведя за день несколько больших по объему сделок, способны переменить курс. При незначительной глубине рынка сделать это не очень сложно. Особенно такому информированному игроку, как Андрей. Если самых выдающихся флибустьеров виртуальных морей можно сравнить с Киддом или Морганом, то его следует причислить к первопроходцам, вроде Френсиса Дрейка, умело сочетавшего абордажные бои с открытием новых земель.

Только четыре человека достигли такого же уровня совершенства: уругваец Жозе Розенблюм, безуспешно разыскиваемый Интерполом, американец Ирвинг Дольник, обложенный со всех сторон ФБР, и российский гражданин по кличке

«Скальпель», застреленный в Нью-Йорке при загадочных обстоятельствах. Всех их, включая Ларионова, объединял неписаный принцип: искусство на первом месте, бизнес на втором. Возможно, Андрей оказался счастливее прочих или же более осторожным, но никто пока не покушался на его жизнь и милиция, заодно с международной полицией, не проявляла к нему интереса.

Ежемесячный доход колебался в пределах семидесяти—ста тысяч долларов, и он благоразумно не стремился превысить верхнюю планку. Положенный налог вносили брокеры. Единственной крупной сделкой, оформленной в законном порядке, был договор, заключенный им с бойкой риэлторской фирмой.

Андрей купил квартиру в знаменитом доме на Сретенском бульваре, вернее полквартиры, ибо еще во времена НЭПа длинный коридор разделили кирпичной кладкой и семикомнатные аппартаменты распались на три и, соответственно, четыре однокомнатных очага, куда вселили ответработников с периферии.

Доходный дом, принадлежавший то ли Русскому обществу взаимного кредита, то ли еще какому-то со сходным названием, проектировался по последнему слову европейского зодчества и был закончен постройкой в начале века, в серебряную пору отечественного модерна. Про высоту потолков со всевозможной лепниной можно было бы слагать поэмы, но достаточно вскользь заметить, что она, высота, ровно вдвое превышала соответствующий параметр «хрущоб». А двадцатипятиметровые кухни со смежной светелкой для прислуги? А камины из мрамора, колыванского орлеца, да еще и с полкой, отделанной малахитом, — это что-нибудь говорит? О воротах каслинского литья с манерным декадентским узором, дивных эркерах и балконах, выходящих на внутренний двор, лучше вообще умолчать, дабы не растравлять постыдное чувство зависти. Только чему завидовать?

Не все коммуналки в замечательном кондоминиуме, как бы сказали сейчас, пережили болезненный процесс расчленения, чем-то схожий с безвозвратным распадом Чехословакии на два близких, но безмерно чужих государства. За двойными высокими дверями из ценных пород дерева еще продолжали существовать в единой коридорной системе хоромы из семи, восьми и даже девяти комнат. С той лишь разницей, что их обитатели зачастую были так же чужды друг другу, как и те, которых разделила «берлинская стена» в управдомовском исполнении. Притом, не только чужды, но и обостренно враждебны, ибо нет ничего опаснее неразделенного коридора и мест общего пользования. Но если коридор, как ничейная полоса в пограничье, был неприкосновенен, то сами комнаты

сплошь и рядом делились, подобно амебам, на два изолированных мирка. Благодаря перегородке, причем далеко не столь основательной, как та кирпичная стенка, которую Ларионов укрепил по вселении плитой из восьмимиллиметровой высоколегированной стали, население удваивалось. Перегородка обычно воздвигалась в простенке между окнами, перерезая пол и потолок примерно посередке, для чего, ради удобства, скалывалась вычурная розетка под люстру. Достичь полного равенства удавалось, понятное дело, не всегда. Одним доставалась половина с камином да еще эркер, другим — в лучшем случае отделанный глазурованной плиткой калорифер и жалкое подобие двери, пробитой в капитальной стене. В результате такого клеточного деления помпезная входная дверь катастрофически обрастала уродливыми почтовыми ящиками и кнопками звонков с указаниями, кому и сколько звонить. Соответственно возрастало и количество газовых плит в кухне со встроенными шкафами и ящиками для льда, служившими постоянным поводом для «холодной войны», переходившей в рукоприкладство. Помещение для прислуги — надо думать, кухарки, не горничной — самодеятельному разделу не подлежало, ибо тоже считалось жилплощадью. Молодая семья из трех человек почитала за счастье получить ордер на такую десятиметровку.

Однако довольно воскрешать демонов. Что было, то прошло. Кто живет в коммуналке, тому ничего объяснять не нужно, а счастливцы, коих минула участь сия, все равно не поймут.

Спроектированный «покоем», т. е. в виде буквы П, завидный дом, за ничтожным исключением, сплошь состоял из таких коммуналок, изъевших его изнутри, словно личинки трухлявый пень. Вещие слова о «мерзости запустения», скорее, можно рассматривать как комплимент, а не клинический диагноз. Выстояв без капремонта революции, войны и пятилетки, дом ухитрился дожить до свободных выборов, чудом сохранив стальной каркас и дубовые балки перекрытия, а кое-где даже паркет, подлатанный местами фанерой или линолеумом.

Когда же в застойный смрад ворвалась озонная струя шквального ветра свободного предпринимательства, жильцы быстро сориентировались. Прицел был взят на отдельную квартиру как минимум равной полезной площади, и не где-нибудь, а в центре. Несмотря на завышенные требования, риэлторская контора «Далида», обосновавшаяся в подвальном помещении, смело взялась за расселение. Каждому ответственному съемщику было предложено подписать соответствующий договор, и работа закипела. Все расходы, включая приватизацию, переезд и прочее, фирма брала на себя. Первая же

проданная квартира подтвердила правильность намеченного курса. Ни капризы домочадцев, ни бойкот отдельных старожилов, не желавших покидать насиженные места, ни связанные с этим утомительные хлопоты — ничто не смущало пионеров наиболее прибыльного, за исключением нефти, цветных металлов и на какой-то момент мочевины, промысла. Цены на квадратные метры неуклонно росли, и телефоны в подвальном офисе не умолкали ни на минуту. Длинноногие ухоженные дамочки, облаченные престижным званием менеджеров, не успевали вводить в компьютер реквизиты потенциальных клиентов.

Прежде чем сделать выбор, Андрей побывал чуть ли не в каждом подъезде (импозантный фронтон вытянулся вдоль всего бульвара) и на каждом почти этаже. Особенно приглянулась ему шестикомнатная красавица, примыкавшая к круглой башне со шпилем, но там неразрешимые противоречия с расселением грозили растянуться на годы. Пришлось остановиться на более скромной, да и то, как сказать: сто восемь квадратных метров тоже не тесно. Несмотря на ужасающую запущенность, квартирка смотрелась. Просторный холл открывал доступ в главные — две слева от входа, одна справа — комнаты, вполне заслуживающие называться залами. Генеральный директор «Далиды» не обмолвился, именуя их «главными», потому что, кроме светелки при кухне, имелась закрытая кладовая, без проблем преобразуемая в бильярдную или, допустим, библиотеку. Усеченный коридор, упираясь в ту самую «берлинскую стену», под прямым углом выводил в кухню, которую ничего не стоило превратить в столовую, отгородив плиту и раковину стойкой наподобие бара. Само собой разумеется — не эту жуткую мойку и не эту, вернее, не одно из этих газовых чудищ. Громоздкие, черные, безнадежно засаленные, они вызывали нервную дрожь. Мнилось нечто, напоминающее паровозную топку того самого бронепоезда на запасном пути.

Соответственно выглядело и оборудование ванной. Но размеры и высота вдохновляли. Хватит места и для хорошей джакузи, и для стиральной машины, и для лежака под кварцевой лампой. Если постараться, то и бассейн с герметической дверью получится, как деликатно заметил гендиректор, посоветовав сделать мраморный пол с подогревом. Андрей согласно кивнул, маскируя рвотную спазму. Открыв на мгновение соседнюю дверь, он подумал, что и здесь достанет габаритов для установки биде. Исключительно ради удобства дам, разумеется. Мелькнула шальная мысль оставить ради смеха невиданный прежде чугунный бачок с фарфоровой ручкой на длинной цепочке, но здравый рассудок тут же подавил экстравагантную идею. Музею — музеево...

Попросив пару дней на размышление, господин Ларионов, как поминутно обращался к нему гендиректор, уже на следующее утро сообщил о согласии. Желающих хватало и тянуть не имело смысла. Приобретение обошлось в сто шестьдесят тысяч долларов, ремонт, выполненный югославской фирмой, еще в семьдесят, но Андрей не жалел. За два-три года стоимость квартиры, по меньшей мере, удвоится, да и сам дом сказочно похорошел с переменой владельцев. Подъезд, в котором на третьем этаже располагалась ларионовская обитель, украсили золоченые таблички с логотипами двух немецких и одной шведской фирм. Изнутри его отделали белым мрамором, возвратили первозданный вид лестнице, которую устлали ковровой дорожкой с медными прутьями, а в стеклянной кабине поселился швейцар, точнее — охранник в камуфляже.

Совершенно преобразился и раздолбанный, исписанный похабщиной лифт, опасный для жизни и простаивавший неделями. Кабина приобрела вид этакой бонбоньерки парижской гризетки былых времен: красное дерево, плюшевый диванчик под цвет, зеркала в бронзовой окантовке.

Полностью заменили машину и сетку шахты: швед Лундваль поставил дырчатый латунный лист. Андрею все эти волшебные перемены не стоили ни гроша. Возможно, свою роль сыграла выпивка, на которую он в день подписания контракта зазвал гендиректора и ближайших соседей.

Единственно, чего не хватало обновленному третьему подъезду, так это стоячего медведя с блюдом для визиток в передних лапах. Но «серебряный век» безвозвратно канул в Лету, а главной приметой эпохи стала хитроумная электроника. С этим же добром наблюдался полный ажур. Даже в будке охранника стоял терминал, соединенный с телекамерами, смонтированными на всех этажах. Про оборудование инофирм и говорить не приходится, хотя безусловное первенство принадлежало владельцу частной квартиры Андрею Александровичу Ларионову, отметившему в день переезда четвертьвековой юбилей. Он не подгадывал, просто так получилось. Югославы закончили работы раньше срока, а великое переселение не потребовало непомерных усилий. Технику и книги в ящиках из-под виски помогли перевезти знакомые, а обстановку он решил подобрать новую, без спешки, оставив за собой прежнее однокомнатное пристанище на Лесной улице в рабочем состоянии.

Не будучи лицом юридическим и даже в некотором роде физическим, поскольку жил на три дома, Ларионов владел четырьмя компьютерами последних моделей и еще одной суперсовременной мультимедийной машиной пятого поколения. В обход федерального закона, запрещавшего продажу России

оборудования высоких технологий, университетский товарищ Андрея, обосновавшийся на Брайтон-Бич, переправил игрушку в Стамбул, откуда она беспрепятственно прибыла на московскую таможню. Нечего и говорить, что на каждом этапе приходилось отслюнивать тысчонку-другую, но за несколько недель все расходы удалось покрыть, даже с лихвой.

Новоселье отметили на голом полу, среди чемоданов, узлов и картонных ящиков, добротно схваченных клейкой лентой и перевязанных бечевкой. Стулья и столики на колесах принесли фирмачи-соседи: два немца и швед. Выпивку и закуску поставил хозяин. Гуляли широко: «Дом Периньон», «Чивайс Ригал» двенадцатилетней выдержки, «Смирновская», изысканный «Мутон Ротшильд», несколько упаковок с банками пива «Хольстен» светлых и темных сортов. Большую жестянку с белужьей икрой, ветчину, семгу и филе индейки Андрей взял в ларьке у подземного входа в метро «Тургеневская», а в витрине рядом углядел пикули, испанские маслины и вакуумную упаковку с копченым угрем. Практически не сходя с места, прикупил увесистую связку крупных колумбийских бананов и кулек черной мясистой черешни. За шашлыком тоже не пришлось далеко ходить. Знакомый грузин наложил полную кастрюлю дымящейся умопомрачительно духовитой баранины и дал, что оказалось весьма кстати, в придачу теплый лаваш. Парень был настолько любезен, что помог донести до самой двери. И немудрено. Андрей оказал ему квалифицированную помощь в приобретении сотового телефона («Прямой московский номер, роуминг по Европе, Санкт-Петербург») NOKIA 8110. Аппарат — стоимость вместе с подключением составила 1360 баксов — был отдан хозяину шашлычной всего за 900, притом с добавкой. Андрей вмонтировал в схему чип, позволявший подключаться с домашнего телефона. Интимные переговоры Эдика Двали ничуть не интересовали хакера-аса. Суть операции заключалась лишь в том, чтобы в случае чего сбить с толку определитель номера.

Ничего не подозревающий клиент «Евросети» был счастлив.

— Зачем обижаешь? — наотрез отказался взять деньги за шашлык.

Удобное оказалось местечко: самый центр и все рядом с домом.

Прием прошел весело и непринужденно. Немцы скисли почти сразу после шампанского, лишь потомок железных викингов Ларс Лундваль, с виду хилый белесый очкарик, отдал дань каждой бутылке и все порывался спуститься к себе за датским «Аквавитом», который ценил превыше всех других водок. Но Андрей, не давая передохнуть, наливал по новой.

— Скол! — провозглашал он, слегка пригубив стакан.

— Скол! — с готовностью соглашался Ларс и опрокидывал.

Он и едоком оказался отменным, иначе бы давно выпал в осадок. Андрей уже начал побаиваться, что боец, каких поискать, уснет прямо на стуле, однако сказалась школа. Швед неожиданно выпрямил спину, попытался встать, что в конце концов удалось, и на прямых ногах прошествовал к выходу. С хитроумным сейфовым замком ручной филигранной работы он, понятно, не справился, так что пришлось помочь. Ушел не прощаясь, вернее переступил, через порог и замер в неустойчивом равновесии. Закрывая дверь, Андрей услышал характерный звук рухнувшего тела. Из гуманных соображений он заглянул в пролет, перегнувшись через чугунные с вызолоченными цветами чертополоха перила. Вмешательства не потребовалось. Ларс, по-видимому, не пострадал, у него достало сил на четвереньках подползти к двери и толкнуться головой. По счастью, она оказалась не на запоре.

Ларионов засмеялся и в превосходном настроении вернулся к себе. Выпив стакан содовой с кубиком льда, прошел в комнату, предназначенную под кабинет, и включил переносной телевизор, единственный после холодильника распакованный предмет обихода. Тощие хлыстики антенны более-менее уверенно брали два канала: Московский и ОРТ. По ОРТ шла какая-то мутатень, а по Москве — чертовщина. Скакали ряженые в рогатых масках, корчили рожи размалеванные паяцы, и упитанная телка вертела задницей с хвостиком, изображая ведьму. Получилось нечто среднее между мультяшкой вроде «Сорочинской ярмарки» и убогой пародией на карнавал в День всех святых в фавелах Рио-де-Жанейро.

Особенно жалко и беспомощно выглядели ведущие, приставшие с идиотскими вопросами к уличным прохожим. Не отличались оригинальностью и столь же ублюдочные ответы, а комментарии вообще ни в какие ворота не лезли. Тощий верзила с отвисшей губой ронял слюни, а «мочалка», часто мелькавшая в передаче «Добрый вечер, Москва», несла ахинею про какой-то повторный визит, пыталась острить и вообще дергалась, понимая, что окончательно завралась. Как говорится, хотела сесть и съесть. Окончательно потеряв лицо, безуспешно пыталась спасти положение на вымученном юморке, отчего становилось уж совсем тошно. Она напомнила Андрею Киру Прошутинскую, или как там ее, оскандалившуюся на том самом послевыборном шабаше «Встреча политического нового года», когда победил Жириновский.

Андрей плюнул и вырубил телевизор. Раскатав матрас на полу, он решил, что надо хорошенько выспаться. С утра предстояло заняться подключением компьютера AT&T Global In-

formation Solution с новейшей операционной системой «Windows-95». Два оснащенных модемами Notebooks Texas Instruments 5000G остались на старой квартире, а VIST Forward с универсальным сервером и процессором Pentium Pro стоял в Салтыковке у деда на даче. Сотовый телефон с добавочной микросхемой позволял привести в действие любой аппарат. Ларионов обычно делал это в машине, дабы не запеленговали сигнал.

Сны на новом месте ему привиделись странные, затягивающие в стремительный водокрут.

Паутина

Компания «Американ он-лайн», обеспечивающая доступ в «Интернет», покидает российский рынок в связи с колоссальными убытками из-за афер с кредитными карточками и телефонами мобильной связи.

Магия

Общественное объединение
ЦЕНТР ЙОГИ
«КРЫЛЬЯ СОВЕРШЕНСТВА»
Приглашает Вас:
— в группы йоги, тантры;
— на курс «Сознательное родительство и мягкие роды»;
— в детский «Театр Радости»,
а также предлагает обучение по уникальной программе: для мужчин курс «Адам», для женщин курс «Ева».
Предлагает:
— эффективное лечение кожных и других тяжелых заболеваний;
— исследование необычных психических состояний человека;
— предсказательную практику, астрологические услуги.

Интим

Бисексуальная пара поможет Вам отвлечься от своих обыденных проблем и забот.
Рады встрече с Вами.

ФАЙЛ 007

Если ваш телефон не звонит, это не значит, что он не живет своей тайной жизнью. Мировая телефонная сеть с ее узлами, подобными нейронам мозга, и телекоммуникационными спутниками, открытыми в космос, словно третий глаз индуистского божества, слишком сложна, чтобы не стать самодостаточной и не сделать попытки выскользнуть из-под влияния человека.

Голоса, голоса, голоса... Непостижимые разумом электроны, а то и вовсе единственный электрон, заплутавший в клубке вселенских мировых линий, помнит все голоса — живые и мертвые. Ничто не проходит бесследно в четырехмерном пространстве — времени, где оно — беспощадное время — выражено мнимым числом, умноженным на скорость света. Ах уж этот квадратный корень из отрицательной единицы! Абстракция, морок, черная магия. И нечего удивляться голосам — призракам, летящим в радиоволнах, бегущим по световодам и медным жилам. Чашечка звонка не издает ни малейшего звука, но что-то там коммутируется внутри, куда-то подсоединяется, перебирает бесконечные номера.

Вы мирно спите в супружеской постели, а в коробке с трубкой у вашего изголовья бушуют страсти. Самый доподлинный половой акт, будто списанный со звуковой дорожки жесткого порнофильма.

Вы уехали в отпуск, поставив жилье на охрану, и даже вынули из розетки вилку вашего аппарата, но и отключенный, он продолжает трудиться в лихорадочном опьянении открывшимися возможностями. Работает номер — набор цифр. Он любит распутных креолок, филиппинок, полинезиек, а то и впадает в содомский грех, и вообще черт-те чем занимается, но прежде всего — зарабатывает деньги. Увы, не для вас. Совсем напротив. Как взбунтовавшийся робот, не способный убить хозяина, он лезет вон из своей пластмассовой кожи, чтобы его разорить.

Получив по почте листок с компьютерной распечаткой, вы быстро поймете, что такое мнимые числа, и уверуете в самую черную мистику и голоса мертвецов.

Заслуженная метростроевка Анна Матвеевна прицепила медали и, выстояв длинную очередь в коридорах Миусского телефонного узла, смогла убедиться, что не она одна стала жертвой неведомых жуликов. Особого облегчения это не принесло, но праведный гнев, раздиравший душу, малость сбавил свои обороты, не менее опасные для здоровья, чем перегрузка, которой подвергается космонавт при старте.

Медленно продвигаясь к заветной двери, она поначалу

только прислушивалась к возмущенным восклицаниям, а затем и сама дала выход обуревавшим чувствам. У нее даже в глазах потемнело, когда разговорчивый гражданин, из тех, кто осведомлен о всей подноготной и с ходу способен разобраться в любой ситуации, глянув на ее злополучный счет, авторитетно заявил, что это за сексуальные услуги.

— Это как же? — бедная Анна Матвеевна едва не поперхнулась. — Какие такие услуги?

— Эх, мамаша! — попенял он с покровительственной усмешкой. — Совсем от жизни отстала!.. Знаешь, где она находится, эта твоя Нассау?

— Ну?

— Вот-те и «ну»! На Багамских островах. Экзотика, жаркие страны. Там такие девочки, что закачаешься.

— Прости-господи, что ли?

— Не совсем, конечно, хотя, может, и так, — подхихикнул гражданин. — В общем, сидят они у телефона и ждут клиента, а от любителей этого дела отбоя нет. Особенно среди наших. Новинка как-никак! Приобщение к общечеловеческим ценностям. Только диву даешься, как мы жили без них столько лет! И ничего, кажется, жили. А?

Очередь ответила сочувственным гудением.

— Как же они... Он здесь, она там, значит, на острове, — попыталась прояснить непонятную диспозицию Анна Матвеевна. — Свидание назначают или как?

Ответом ей был смех.

— Вот именно — «или», мамаша! Она его по телефону обслужит по высшему классу и за твой счет.

— Вы-то тут с какого боку? — пробудившееся любопытство боролось с негодованием. — У вас что, тоже услуги?

— Нет, мать, моя ситуация посложнее. Фирму нашу накололи, сволочи! Приходят, понимаешь, счета на разговоры. Мы, конечно, не проверяем — оплачиваем, а они липовые. Хорошо бухгалтерша спохватилась реквизиты сверить. Оказалось, мазурики на пушку берут. Чуть не всю Москву пощипали миллиардов на тридцать. МГТС тут ни сном, ни духом... Ладно! Хорошо смеется тот, кто стреляет последним. Мне бы только справку для суда оформить. А насчет сексуслуг мое такое мнение: любовью по проводам сыт не будешь. У меня, слава Богу, с этим делом полный порядок, как в танковых войсках. Нас шепотом и страстными стонами не проймешь! Такое удовольствие для желторотых пацанов и престарелых импотентов... Верно, красавица? — повернулся он к молодой женщине с тяжелой сумкой у ног.

— Стрелять их надо, как бешеных собак, шпану эту, — процедила она сквозь зубы. — Никакого житья не стало. На три

лимона наказали за какую-то Фиджи, а я даже не знаю, где она есть.

— Во-во! — поддержал сзади старческий голос. — Мне тоже Батангас какой-то впаяли. Насилу дознался, что на островах энтих... Филиппинских. Да толку-то! Все одно, говорят, платить придется. Не докажешь. Никому до нашего брата дела нет. Знай себе — дерут! Последнюю шкуру спустили.

— Так и есть, — закивала Анна Матвеевна. — У меня сроду таких деньжищ не водилось. Хрен я им чего заплачу! — она посторонилась, пропустив выскочившего из кабинета военного средних лет. По лицу — багровому, с остервенелым прищуром — было ясно, что, говоря юридическим языком, претензии остались без удовлетворения — отказали! Она рванула захлопнувшуюся дверь и влетела в приемную.

Худосочная барышня в малиновом пиджачке с черными отворотами и золотыми пуговичками, не отводя глаз от монитора, предостерегающе сделала ручкой, но остановить ветерана труда не могла уже никакая сила.

— Это что же такое у вас получается! — тяжело дыша, подступила к столу Анна Матвеевна, нависая грудью с позвякивающими медалями. — Стыд и срам! — она дрожащей рукой протянула квитанцию.

— Номер ваш? — не глядя, спросила секретарша скучающим голосом.

— Какой еще номер?

— Телефонный, телефонный, — блеснув темным с серебряной пылью лаком, отточенные ноготки вслепую отфутболили измятую бумажку адресату. — Номер ваш, значит, и говорить не о чем. Не оплатите, отключим телефон.

— Ах ты, лахудра телефонная! — взъярилась Анна Матвеевна. — Ты на кого гавкаешь?! Попробуй только! Я сюда с телевидением заявлюсь, тогда поглядим, как вы тут запоете!

— Она еще оскорбляет! — взвизгнула секретарша, впервые удостоив скандальную посетительницу взглядом. — Очистите помещение, или вас выведут силой!

— Давай, давай — выводи! Отключишь, говоришь? Отключай! — неожиданно для себя Анна Матвеевна сорвала с себя трудовые награды, откликнувшиеся печальным звоном, и швырнула на стол. Хотела прямо в накрашенную морду — слово уже готово было сорваться с языка, — но в последний момент рука почему-то дрогнула.

Немую сцену прервал начальственный баритон, прозвучавший из приоткрывшейся двери, обитой лоснящимся, как паюсная икра, кожзаменителем.

— Что у вас происходит, Лена?

— Вы только поглядите, Ваналыч! — непритворно всхлип-

нула секретарша, не сводя перепуганных глазок с потемневших латунных дисков, накрывших реверсом свои замусоленные ленточки. Ваналыч, то есть начальник узла Иван Павлович Родиков, как значилось на двери его кабинета, видал и не такие виды. Чем только не швырялись еще в те времена, разве что не партбилетом, а уж теперь-то и лимонку могут подкинуть ни за понюх табака. Но, видимо, и на него произвели известное впечатление сиротские медяки, осенними листьями опавшие на зеленый бювар с исходящими.

Он молча приблизился к столу, взял медаль «За доблестный труд» с профилем генералиссимуса, покачал на ладони, словно пробуя на вес, затем подобрал остальные и протянул владелице.

— Возьмите, пожалуйста... Это ваше? — спросил, мельком глянув на квитанцию. — Пройдемте ко мне.

Оказавшись в кабинете, куда ее предупредительно пропустили вперед, Анна Матвеевна поостыла и даже малость оробела.

— Понимаете, товарищ начальник, — попыталась она объясниться, но Родиков только рукой махнул.

— Я все понимаю, но и вы нас поймите. Нет-нет, — зная наперед все, что говорят в таких случаях, он подвинул ей стул и налил стакан минеральной воды. — Успокойтесь, гражданка... Только не надо меня уговаривать, что вы не звонили в Пуэрто-Рико или куда там еще... Верю, верю, но кто-то ведь должен платить? Должен, — и, не давая раскрыть рта, поспешно заключил: — Не беспокойтесь, в вашем случае расплатится государство... Пишите заявление.

— Какое заявление?

— Я продиктую, — он выложил чистый лист, указал на стакан с ручками и карандашами. — В виде исключения возьму грех на себя. Каждый, понимаете, протестует, пытается доказать, что он не верблюд, а мы несем миллиардные убытки. Ну да ладно, пишите!

Она кое-как справилась с заявлением на имя какого-то большого начальника и дрожащей рукой, старательно выводя каждую букву, поставила подпись.

— Надо указать: ветеран труда?

— Пишите, — устало отмахнулся начальник узла. — Готово? — Он поставил закорючку, вырвал листок из перекидного календаря и что-то размашисто на нем начертал. — Сходите по этому адресу, и вам оформят. Прием по вторникам, с четырнадцати до шестнадцати.

Не чуя под собой ног, Анна Матвеевна вышла на улицу и, только уже сидя в троллейбусе, заглянула в подколотую скрепкой бумажку. Не оставляло подсасывать беспокойство, что от нее просто-напросто отделались, обвели вокруг пальца.

Дождавшись вторника, она все же поехала по указанному адресу в какое-то АО МГТС, не особо надеясь, что ее допустят до самого генерального директора, а если все же удастся прорваться, то еще неизвестно, как он отнесется к каракулям Родикова. Мысленно ругала себя, что не догадалась взять телефончик у того молодого человека из газеты «КС». Эти бы помогли — никого не боятся.

Паутина

Придумывая пароли для входа в сеть или проверки электронной почты, не используйте имена и слова. Добавьте пару цифр или запишите слово с ошибкой или задом наперед — это затруднит задачу взломщику.

Магия

ЯСНОВИДЯЩАЯ И
ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА
предсказывает судьбу по линиям руки, снимает порчу и сглаз, возвращает в семью неверных супругов.

Информация для пациенток:
Госпожа *** мужчин не принимает Консультация стоит 50 тыс. руб. и включает в себя·
— Предсказание судьбы
— Диагноз порчи и сглаза
— Беседа о неверности супругов.
После консультации, в зависимости от интересующих Вас вопросов, госпожа предложит Вам свои дальнейшие услуги. Прием ведется ЕЖЕДНЕВНО с 10.00 до 15.00 ч. (БЕЗ ВЫХОДНЫХ)

Интим

ПИКАНТНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ
Служба 907
Живой разговор
Для понимающих мужчин и женщин.
Круглые сутки.
Позвони! С тобой я не буду стесняться.
Ведь никто не узнает.
Не из Москвы по предоплате.

Нежная и строгая, очаровательная и импозантная, всегда чувственная — буду меняться, как воск, под теплом ваших рук. Ориентация различная. Рада встрече!

ФАЙЛ 008

Соперничество спецслужб родилось не вчера и уж наверняка не сегодня. Еще у Наполеона было пять или шесть полицейских формирований, отчаянно враждовавших между собой. Абвер и гестапо, вкупе с СД, ОГПУ и ГРУ, МГБ и МВД — все тот же танец. С расчленением КГБ на несколько самостоятельных подразделений ничего нового под Солнцем не возникло. «И возвращается ветер на круги своя», — как предрек мудрый Екклезиаст. Единственное утешение, что так было, есть и будет, и мы не лучше и не хуже других. В Штатах тоже есть и военная, и морская разведка, и секретная служба, и ЦРУ, и ФБР. Как говорится, милые бранятся — только тешатся, и каждому сверчку свой шесток.

Федеральное агентство правительственной связи и информации, вышедшее, как и прочие, из чрева КГБ, где, кстати сказать, ГУ-1 и ГУ-2 занимались постоянным перетягиванием каната, обосновалось в Кисельном переулке. Сформированное на базе бывшего Управления правительственной связи, Шестнадцатого управления и Двенадцатого отдела КГБ СССР, оно по праву считается одним из самых закрытых учреждений, уступая пальму первенства лишь знаменитому «Аквариуму» — ГРУ ГШ. Не нам судить, какая из служб, подчиненных лично Президенту, самая могущественная. Лишь бы хорошо работали и нас, законопослушных граждан, обходили своим вниманием. Однако, если бы на бирже устроили игры вроде тех, что хоть немного развлекли озабоченное президентскими выборами общество, Кисельный переулок наверняка вышел бы в лидеры, оставив в аутсайдерах и Лубянку, и Житную улицу.

Таков мир, в котором нам выпало сомнительное счастье существовать. Информация изначально явилась одним из его краеугольных камней. Пространство-время-вещество-информация — вот та неразрывная вечная сеть, в которой бьется и трепещет живая и мертвая природа.

До природы, пока жареный петух не клюнет, нам вроде как и дела нет, тогда как электронные средства значительно ближе к телу. Телефон, например, который может прослушиваться в самый интимный момент. Информация — это власть. И ежу ясно, что контроль над электромагнитными излучениями на всех диапазонах информационного обмена по-

зволяет контролировать и прошлое, и настоящее, и будущее. Все намного сложнее, чем это виделось Джорджу Оруэллу в знаменитом романе «1984». И ведь как подгадал старик с намеченной датой! Аккурат к перестройке. Слава всевышнему, что вышло, как вышло. Без возврата на круги своя. Будем же ценить свободу, невзирая на отдельные неурядицы. Если за слово не сажают, уже спасибо, а там пусть хоть на голове ходят: прослушивают, снимают, записывают. Сто против одного, что нас с вами это не касается. Мы никому не интересны и особенно не нужны.

От народа правительствам — одна морока, но ничего, както уживаемся, терпим друг друга.

Подполковник Гробников из ФАПСИ, несмотря на фамилию, был человеком весьма обходительным и даже милым. Кандидат технических наук и один из лучших специалистов своего дела, он занимался проблемами глобального уровня, но жизнь заставила спуститься на грешную землю. Телефонное и компьютерное пиратство в стране столь быстро вышло на мировые показатели, что привело в изумление, отозвавшееся головной болью на самых верхах. О компьютерной безопасности заговорили не только в Думе, где традиционно возобладали запретительные тенденции. Для наследников Сталина кибернетика навечно осталась буржуазной лженаукой, а электронная система «Выборы» вызвала скрежет зубовный. Только поезд давно ушел. Ни ВПК, ни силовые министерства уже и не помышляли о том, чтобы повернуть назад или хотя бы затормозить. Иное дело — ввести в определенные рамки. Этим и попытался заняться реорганизованный Совет безопасности, еще толком не зная, с чего начать и куда повернуть.

Группа радиоперехвата ФСБ записала несколько разговоров по сотовой сети между Москвой и, условно, Чечней: источник постоянно перемещался между Шали и Шатоем. Московский абонент жаловался на различные трудности: возросший уровень охраны объектов, плохое качество батареек, ненадежность «карандашей». Если под «карандашами» имелись в виду детонаторы, то с абсолютной уверенностью можно было прийти к выводу о подготовке новых террористических актов. Однако проверка установленных в автоматическом режиме номеров московских телефонов не принесла ожидаемого результата. Владельцы клялись, что никогда не говорили с Чечней, где у них нет ни родственников, ни знакомых. И это было похоже на правду. Не только обвинить их, но даже заподозрить в причастности к взрывам было, по меньшей мере, несвоевременно. ФСБ, однако, сработала грубо, произведя задержания, что привело к ненужной огласке. Вместо того, чтобы тщательно разобраться в возникшем недоразуме-

нии и выявить его истинные причины, на задержанных было оказано давление. Пришлось начинать все заново.

Федор Лукич Гробников черновой работы не чурался и первым делом решил окунуться в мутные волны моря житейского, что и привело его в кабинет заместителя гендиректора АО МГТС по экономической безопасности Логопета.

Поезд метро уже мчал туда неугомонную Анну Матвеевну — бич божий начальства. Она еще в пути, а Федор Лукич и Алексей Егорович уже мирно беседуют за чашечкой кофе, но самой судьбой предначертана встреча в единой точке четырехмерных координат.

Перво-наперво Логопет поделился собственными печалями, лишь отдаленно причастными к заботам ФАПСИ, но Гробников обладал талантом внимательно слушать, во всем соглашаться с собеседником, что ничуть не мешало действовать потом по собственному разумению.

— Вы и представить себе не можете, сколько людей пострадало от этих проходимцев, — давил на сочувствие Логопет. — Без преувеличения десятки тысяч. И все — к нам. Представляете?.. Не все, конечно, потому как счета по большей части мизерные: ну, три, ну, пять тысяч рублей. Выеденного яйца не стоит. На транспорт больше уйдет. Туда-обратно — вот тебе и три тысячи.

— Счета фальшивые? — нарочито подыгрывал подполковник, давая возможность выговориться. Это всегда вызывает симпатию, особенно если смотреть в глаза.

— Ну, конечно, фальшивые, — одобрительно поводил плечами заместитель по безопасности. — Реквизиты никакого отношения не имеют к нашим расчетным счетам... Обычно никто не смотрит, а чуть что — сразу в амбицию. Пресса опять же.

— Ох уж эта пресса!

— Вот-вот, нет, чтобы сперва разобраться.

— Но почему такие маленькие суммы? Разговор с заграницей вроде намного дороже? — Гробников озабоченно поднял брови, хотя давно раскусил, в чем секрет.

— К международной мы еще подойдем, — заверил Логопет, — а тонкость вот где, — он потянулся за сигаретой. — Не желаете?

Подполковник отрицательно покачал головой.

— И правильно! А я, с вашего позволения, отравлюсь... Мазурики заранее сделали ставку на межгород. Тариф смешной — убыток незаметный. Расчет на психологию. Одни не обратят внимания, другие не станут заводиться.

— С миру по нитке, значится, а голому — дача?

— В самую точку попали. Так бы оно и шло своим путем, если бы пресса не раззвонила.

— Так выходит, что правильно раззвонила? Разоблачила обман?

— С одной стороны, верно, — Логопет криво усмехнулся. — Только зачем такой шум? Несправедливые обвинения в наш адрес? Разве мы виноваты, что под нашей маркой кого-то пощипали? Когда ловят бандита, надевшего милицейскую форму, честь мундира не страдает. Наоборот. А тут? Мы и монополисты, мы и грабители... Не от хорошей жизни приходится тарифы повышать. И так еле концы с концами сводим. Фактам, безусловно, заслуживающим осуждения, придается расширительное толкование. Какая связь между чьей-то аферой и счетчиками на повременную оплату, которые нужны, как воздух?

— Ничего общего, — охотно согласился Гробников. — Больно уж болезненно народ реагирует на всякие повышения. Понять можно: жизнь дорожает... Поймали этих деятелей?

— Восемь уголовных дел завели, но разве всех выловишь? Главное устранить причину злоупотреблений. Казалось бы, чего проще: выпиши номера всех счетов, куда обычно перечисляешь, и сверяйся каждый раз. Пришло требование с другими номерами — выясни.

— Действительно, просто.

Исчерпав тему фальшивых счетов, перешли к телефонам-автоматам.

— Мы только за прошлый год потерпели миллиардный убыток. Раньше автоматы курочила всякая шпана: выгребут мелочь, трубку отрежут. Такое и теперь случается, но с переходом на жетоны появилась рыба и покрупнее. Вместе с ГУВД нам удалось накрыть два подпольных цеха. Штампуют тютелька в тютельку — не отличишь.

— Чему удивляться? Стотысячные банкноты печатают, доллары.

— Ваша правда, Федор Лукич, — Логопет закурил новую сигарету. — Веселые наступили времена, ничего не скажешь.

— Телефонкарты тоже копируют? — поинтересовался Гробников, подводя бывшего коллегу — замдиректор по безопасности вышел из одного с ним ведомства — к интересующему вопросу.

— Тут в дело включился дипломированный спец, электронщик. Все началось с появлением у нас французских аппаратов «Монетел»... Приходилось, наверное, пользоваться?

— Еще бы! В каждой гостинице стоят, в метро. Очень удобно. Лично мне нравится, — подполковник продемонстрировал голубенькую карточку, где рядом с златоглавыми соборами Москвы красовалась Эйфелева башня.

— Уже использованная или еще действующая? — живо заинтересовался Логопет.

— Использованные обычно выбрасываю.

— И напрасно. Есть способ дать вторую жизнь.

— В самом деле? И каким же образом?

— Подписывая контракт с французами, мы, видно, слишком понадеялись на их систему защиты, но наш народный умелец и тут в грязь лицом не ударил.

— Это вам не блоху подковать! — довольно ухмыльнулся Гробников, как бы отдавая должное родным, пусть и преступным, талантам. — Перед нашим братом никакая их хваленая техника не устоит.

На Логопета такой патриотический выплеск, на самом деле совершенно обдуманный, произвел ожидаемое действие.

— Нет таких крепостей, как говорится... И ведь до смешного просто. Можете сами проверить. Положите использованную карточку в морозилку, и будет как новая.

— Вы серьезно?

— Абсолютно! Французы ходили как в воду опущенные. Полное, можно сказать, фиаско.

— Показали им, где раки зимуют... И на сколько раз хватает?

— Точно не скажу, но два-три гарантировано.

— Собираетесь усилить защиту?

— Дорого и бесполезно. Холодильник — это так, шалости, лом, против которого нет приема, мелкое крохоборство. Страшнее другое: налажено производство устройства, позволяющего подзаряжать встроенный в карточку чип. Она превращается в долгоиграющую пластинку. Наши партнеры готовы заплатить миллион за такой образец, но пока так и не удалось выйти на продавцов. Мои ребята постоянное дежурство на радиорынке установили. Бывали в Митино?.. Я и сам там немного пошарил, только пока все мимо. Всего триста баксов, говорят, стоит, но уж больно сторожатся. Замкнутый клан, эти электронные взломщики.

— Высшая техническая интеллигенция. — Гробников, закончивший Бауманское, знал многих талантливых парней, ушедших из науки в подпольный бизнес. — Не от хорошей жизни опять же...

— О таких я и не помышляю. Это, извините, ваши клиенты. Мой контингент попроще — мелкий бизнесмен вороватых наклонностей, а то и вовсе сопливые хакеры подросткового возраста.

— Дети? — выразил легкое удивление подполковник.

— Современные дети! — не скрывая раздражения, поморщился Логопет. — Маменькины сынки. Компьютерное, так сказать, поколение. Они еще вашим профессорам фору дадут.

— А что вы думаете — и дадут. Мозги юные, свежие, на-

тренированные. Такой еще и ходить как следует не научился, а уже туда же — к монитору тянется. Вместо кубиков с буквами у него клавиатура, заместо конструктора — «мышь». Этот куда хочешь влезет, да еще вирус подпустит.

— Совершенно с вами согласен. Пятьсот баксов за вполне приличный компьютер — не деньги. Многие могут себе позволить. Но ведь детскими играми забавляться надоедает, хочется большего — во Всемирную сеть, по «окнам» пошарить.

— И лезут, лезут, — пылко поддержал Гробников.

— Но без модема, как без отмычки, — цокнув языком, Логопет развел руками. — А денежек жалко, а то и вовсе нет, как-никак до двадцати пяти долларов в час. Папаша не похвалит.

— Иной папаша и сам горазд подключиться к чужому номеру.

— Еще как! Врубит факс и давай решать вопросы международной торговли. Мы вам, вы нам. А расплачиваться приходится многодетной матери или пенсионеру, которые ни сном ни духом. Мы, конечно, входим в положение, пытаемся разобраться, но...

— Бывает, что и на себя расходы берете?

— Еще как бывает! Порой такой абонент попадется, что, как говорится, легче дать, чем спорить. А все пресса! Защитнички всякие! Потребитель всегда прав, дескать. Видели бы они этого потребителя с отверткой и пассатижами. Вскрывают телефонные шкафы в подъездах, даже в кабельные колодцы забираются. Дело нехитрое: два конца с «крокодилами», и ты на линии — крути, сколько влезет.

— И ничего нельзя предпринять?

— Оборудование у нас известно какое — допотопное. Отличить истинный сигнал от сгенерированного пока не умеем. Вся надежда на будущее.

— А электронное подключение? — Гробников решил, что пора переходить к главному. — Насколько я знаю, у американцев это самое больное место. Секретная служба задействована.

— А толку? Крутые мужики орудуют, техника импортная, какая ни вам, ни нам не снилась. По последнему слову... Какой-нибудь лох в «мерседесе» с трубкой у уха и не подозревает, что его болтовню сняли прямо с эфира, а после волосы на себе рвет: откуда, мол, столько набежало.

— И много набегает?

— Тут уже тысячами долларов пахнет. Бизнес прибыльный и не пыльный.

— Платы перепаивают?

— Вчерашний день! Кибернетика шествует по стране семи-

мильными шагами. Появилось хитрое устройство, посылающее на телефонный узел сигнал, неотличимый от настоящего, законного то есть, сотового телефона. Говорят, и цена доступная: что-то около тысячи баксов.

— Там же, на Митинском?

— Была такая наводка, но пойди ухвати... А убытки колоссальные. Тут уж не пенсионеры — банкиры права начинают качать, а то и министры.

— Совершенствование оружия нападения стимулирует средства защиты.

— И наоборот.

— Ваша правда, — Гробников не узнал от Логопета ничего сколь-нибудь принципиально нового, кроме некоторых нюансов, но они дорогого стоили. Особенно Митинский рынок. Очень своевременная ориентировка. Цифры тоже могли пригодиться при случае. Особенно впечатляла задолженность Ростелекома — сто миллиардов рублей. Электронное пиратство влетало в копеечку. Родимая контора, следовательно, могла рассчитывать на крупные вливания.

Пока подполковник размышлял, как в лучшем свете предстать с докладом перед начальством, Анна Матвеевна появилась в приемной.

— Вешникова я, — отрекомендовалась она, вручая верительные грамоты. — Меня к генеральному направили.

— Так уж к нему самому? — иронически улыбнулась секретарша. Отколола скрепку с адресом, бросила в корзину, а заявление положила в папку. — Присядьте пока.

Анна Матвеевна пристроилась в уголке, возле финиковой пальмы в огромном фаянсовом горшке, и приготовилась к долгому ожиданию. Она и вязание с собой захватила на такой случай.

Закончив какие-то свои дела, секретарша поговорила по телефону, полила из графина цветы на подоконнике и, определив по каким-то таинственным признакам, что подходящий момент настал, вошла в кабинет. Но не в тот, куда ожидала приметливая пенсионерка, а в прямо противоположный.

Подполковник уже собрался встать и откланяться, как, бесшумно ступая, вошла вышколенная секретарша.

— Еще кофейку не желаете? — певуче протянула она и с профессиональным тактом положила папку с бумагами на столик. Не прямо перед глазами начальства, а чуть поодаль. Дескать, мое дело подать, а уж вы, Алексей Егорыч, сами решайте, как быть: взять или проигнорировать.

— Что у вас там?

— Уже и Родикова дожали, — она предупредительно раскрыла папку. Логопет вынул толстую ручку с платиновым

пером и уже собирался, не читая, поставить визу, но на мгновение задержал взгляд.

— Пригласите.

Секретарша сделала удивленное лицо, но тотчас же понимающе склонила голову и так же бесшумно удалилась.

— Это я специально ради вас, — заговорщически подмигнул Логопет. — Сами увидите.

Менее всего Гробников ожидал узреть заурядную старушку с медалями. Вступив на ковровую дорожку, она зыркнула по сторонам и безошибочно угадала хозяина.

— Вешникова я, ветеран труда, метростроительница...

— Знаю, знаю, — Логопет шутливо замахал на нее руками. — Вы, простите, одна живете? Внука случайно нет?

— В Донецке мой внучек, выходит, что за границей. Во как!

— Кто ж у вас там до «клубнички» дорвался? Дедуля, небось? Как говорится, седина в бороду — бес в ребро.

— Ах ты, козел бесстыжий! — не выдержала Анна Матвеевна. — Убили моего мужа под Москвой в сорок первом! Двадцати годочков не было, как призвали на фронт. За таких, как ты, жизнь отдал, чтоб сидели по кабинетам и водку жрали! Измываешься, гад?!

Логопет побледнел, засуетился, дрожащей рукой поставил визу.

— Все, бабушка, все... Вы меня неправильно поняли. Я пошутил. Извините, если обидел.

— Шути, да знай меру! Значит, все?

— Все, все! Можете быть совершенно спокойны.

— А я и так спокойная. Это вам волноваться положено, а мне терять нечего. — Она повернулась и, припадая на левую ногу, заковыляла к двери.

— Нехорошо вышло, — покачал головой Логопет. — Для вас старался, да, видно, перегнул малость.

— Для меня? — поднял брови Гробников. — Не понял.

— А зачем я ее про старика-то спросил? — Логопет шумно выпустил воздух, залпом допил остывший кофе и схватил сигарету. — Был тут недавно случай, — он глубоко затянулся, — заявляется дамочка средних лет с таким же примерно объяснением: я — не я и хата не моя. Виза узла в наличии, значит, сумела их там доконать и спорить с ней бесполезно. Я, конечно, визирую. И что вы думаете? Не проходит и часа, как врывается ее благоверный. Морда как помидор! «Все сегодня же заплачу до копейки. Только ни слова супруге. Умоляю». Что вы на это скажете?

— Выходит, что это он пробавлялся?

— О том и речь. Наслушался блядства, между прочим, на восемь миллионов. Не у одних мазуриков рыльце в пушку.

— Оригинально, — оценил Гробников. — И спасибо за науку.

— Мне говорили, что скоро видеоизображение появится?

— Уже появилось, — подполковник воздержался от описания сцен, записанных по компьютерному перехвату.

— Internet — sex for you! — Все для вас...

Паутина

Только-только победили вирус, заражавший тексты в программе Win Word, как появился новый — Win Word Nuclear. Если о первой напасти программисты говорили просто как об оружии массового поражения, то теперь мы имеем дело с настоящими «ядерными бомбардировками» компьютеров, имеющих «на вооружении» программы Windows.

Кроме текстовых, этот вирус портит системные файлы, без которых компьютеры просто не смогут работать. А при печати документов примерно в каждый 12-й файл добавляются строчки, которые в переводе с английского звучат так: «А в конце я бы вот что сказал: остановите все французские атомные испытания в Тихом океане!»

Не верится, что автором вируса был настоящий борец за экологию. Но самое страшное, что новый вирус будет напоминать грипп — ожидается появление десятков и сотен вариаций, и кто знает, когда удастся найти лекарство против этой напасти, распространяемой, между прочим, и по каналам электронной почты.

Магия

«Заверения и обещания — не моя кафедра. Если я взялся лечить — это уже гарантия 100% успеха».

Бывший кремлевский целитель г-н *** имеет много званий: кандидат медицинских наук, зам. председателя Австралийского союза парапсихологов, обладатель диплома ЮНЕСКО, зам. председателя Ассоциации народных целителей России и т. д. В Индии им запатентована методика исцеления практи-

чески от любого недуга (в т. ч. рака) при помощи уникального изменения состав крови (афинаж, гемосорбция). Д-р *** не только снимает порчу молитвами и мантрами, но также корректирует биополе пациентов, делает их невосприимчивыми к воздействию враждебной энергии. Мгновенно разошлась изданная во Франции его книга о библейских заповедях. Она издается в России. Чем бы вы ни болели, не отчаивайтесь! У вас есть шанс.

Интим

СЛУЖБА 907
ЭРОТИЧЕСКИЙ ТЕЛЕФОН
Круглые сутки.
Живой разговор.
Все, что мне в жизни нравится, — либо аморально, либо от этого полнеют.
(Ларошфуко)
С 18 ЛЕТ.

Незабвенные рыцари! Да не потускнеют Доблесть и Богатство Ваши, но украсит их достойная Дама. Аристократичная интеллигентность и томная чувственность дополнят Ваши достоинства.
Дорого.

ФАЙЛ 009

Рогатый демон с оливковой мордой, уже не на телеэкране, а воочию, предстал перед пятидесятитысячной аудиторией на Васильевском спуске и, как нарочно, на фоне Кремлевской стены.

В рамках торжеств по случаю приближающегося юбилея столицы на открытой эстраде неистовствовала заезжая дива — рекордсменка по бюсту среди звезд попсы — Сандра. Зрители, в основном молодежь, восторженно всплескивали руками над головой, раскачивались и пританцовывали, свистели, притоптывали и подпевали. Настроение было приподнятое, и ничто не предвещало экстраординарных эксцессов. Милицейские кордоны у переносных заграждений тоже пребывали в расслабленном состоянии, чаще поглядывая на простегиваемую лазерными трассами сцену, чем на ритмично колышащуюся

толпу. Банки из-под пива, вспыхивающие на взлете в лучах прожекторов, слишком легкие, чтобы причинить увечье, не внушали особенных опасений.

Парни и девушки пьянели не от вина или пива, а от кайфа, непередаваемого ощущения слитности в общую массу, наэлектризованную пронизывающим чередованием звуков и вспышек, одурманенную собственным ревом и запахом здоровой ликующей плоти.

Упитанная певичка хриплым порочным голосом выдавала рулады, какие и не снились Чиколлине в ее лучшую пору. Кружась в экстатической пляске, пробуждавшей смутные воспоминания о хлыстовских радениях у тех, кто имел о том хоть отдаленное представление, и по-цыгански передергивая плечиками, пока не слетели бретельки, она была великолепна. Умудряясь удерживать микрофон в кокетливо выгнутых пальчиках у самых губ, мерзавка только что не облизывала черную микропористую головку, словно эскимо или еще какое лакомство.

Обритый наголо саксофонист, покачиваясь, как факир перед коброй, чутко сопровождал ее ужимки и содрогания гнусавыми всхлипами, что ужасно веселило разожженную публику. Не отставали и гитаристы. В судорожном наклоне они с таким приапическим вызовом вздергивали свои инструменты и так отчаянно трясли лохмами, откидываясь назад, как будто из последних сил вели бой за окруженную врагом высотку. Дымящийся помост и впрямь чем-то напоминал войну. Казалось, что прожектора, обшаривающие горизонт, вот-вот нащупают неприятельский бомбардировщик, но чахлые пятна света упирались в набрякшие тучи.

Один московский заклинатель дождя, якобы уже обеспечивший ясную погоду в день важного государственного мероприятия, дал публичное обещание не подкачать и сегодня. Благо за соответствующую мзду телевидение открывало зеленый свет любому вздору. Так, колдун с цепью на шее, воздействуя своей нервной силой на точки иглоукалывания мертвеца, заставил его приподняться с каталки, а популярный и действительно одаренный музыкант развил целую теорию о людях-грибах. Ведущий передачи пришел в дикий восторг от вести о грибном происхождении Ленина. Владимир Ильич оправдаться не мог, тогда как статист, сыгравший роль оживленного кадавра, со смехом поведал о забавной проделке всему свету.

Когда упали первые капли, репутация заклинателя оказалась под угрозой. В засушливой Африке, где от своевременно выпавших осадков зависит жизнь целых племен, его бы одели в леопардовую шкуру и наградили десятилетней наложницей, но он-то решал обратную задачу, и, кажется, неудачно.

Впрочем, недвусмысленные предвестники неминучего лив-

ня должного впечатления не произвели. Разгоряченные головы даже не почувствовали рекогносцировочных ударов сконденсированной влаги. Точечных, как бы выразились в ином случае.

Когда же начались уже известные превращения, капризы погоды, мягко говоря, стали не актуальны. Как завороженные, тысячи глаз, не мигая, впились в изменившееся точно по волшебству (а нельзя исключить, что именно по этой причине) распутное личико Сандры. За какой-то миг румяна покрылись ящеричной зеленью, хорошенький носик удлинился и обрел свирепый изгиб, а из разверстого надбровного ока вырвалась ослепительная искра, породившая разветвленную молнию, за которой последовал оглушительный удар грома. Казалось, само небо обрушило праведный гнев на погрязшую во грехе Землю.

Пожалуй, и во времена Эдгара По такую метафору сочли бы банальной. Разумнее, следуя мудрому завету францисканца Оккама, не умножать число сущностей сверх необходимости, на чем и стоит наука. Нельзя, например, сбрасывать со счетов шаровую молнию, которая могла в своем слепом полете поразить поющую актрису. В насыщенной электричеством атмосфере образовался канал ионизации, что и вызвало немедленный разряд. Тем более что запахло озоном, а не какой-нибудь адской серой.

Нет, негодные это попытки — дать рациональное объяснение явлениям запредельного плана. Никакая ионизация не способна вызвать появление рогов там, где их отродясь не было. Шаровая молния ни при чем. Она может ударить в глаз, но не из глаза.

Все, кого ни спрашивали потом, божились и клялись, что с бедной Сандры слетело, вернее, как бы слетело, испарилось облегающее серебристое платье, а дальше пошло, как в телевизоре: едва успели промелькнуть во всей красе рекордные округлости, как тут же растаяли туманом вместе с кожей и так вплоть до конечной стадии. При этом глубокое контральто с непревзойденно-чувственной хрипотцой продолжало звучать ничуть не хуже прежнего. Возможно, именно по этой причине, как аргонавты, очарованные пением сирен, свидетели не обратили внимания на существенную, даже очень существенную подробность[1]. Метаморфозы на подмостках отличались от про-

[1] Аргонавты при всем желании были лишены такого удовольствия, так как Одиссей залепил им уши воском. Слушал сирен лишь он один, хотя и привязанный к мачте, чтобы не сбежал, помрачившись в уме, на берег. Читатель, можно биться об заклад, не обратил внимания на эту преднамеренную передержку. Она продиктована единственной целью: дать, пусть слабое и очень приблизительное, представление о состоянии людей в тот вечер на Васильевском спуске. Потом никто из присутствовавших там в тот вечер с уверенностью не мог передать в точности, что видел и слышал.

исшествия на первом канале обратным течением. Кипчакская княжна сначала утратила внешнюю, так сказать, оболочку, обратилась в скелет и уж потом предстала в облике монстра, мечущего адское пламя. То ли лазерные импульсы, то ли огни Святого Эльма, черт их подери!

А вот у Сандры «процесс пошел» (навязалось!) противоположным порядком: началось с позеленения и рогов, а завершилось скелетом. Надо было видеть, как лихо отплясывал выбеленный до блеска костяк, виляя тем, что еще минуту назад было бедрами! Как истомно клацали безгубые челюсти у микрофона, распевая куплеты!

Группа, словно происходящее ее никак не касалось, продолжала исправно дуть и бренчать, клавишник метался по всем регистрам, и ударник трясся с неослабным энтузиазмом, посылая воздушные поцелуи Сандре, когда она наплывала на него... Чем наплывала? Слово «зад» не отвечает ситуации, а «таз» как-то не вяжется, что ли...

А голос звучал! И шлягер был допет до последней ноты.

Под аккомпанемент небесного оркестра, шипение разверзшихся хлябей и фейерверк молний, полыхавших праздничным салютом в предназначенных по регламенту (еще одна странность) секторах.

Однако самым непредсказуемым, поистине удивительным событием этого незабываемого сверхфантастического вечера стало поведение публики.

Кратковременное оцепенение, гипнотический транс, каталепсия (все изреченное — ложь!) прорвались таким единодушным воплем восторга, какого древние камни не слыхали с того далекого майского утра, когда товарищ Сталин в последний раз появился на мавзолее и помахал рукой колоннам демонстрантов. Реакция и впрямь непредсказуемая. Казалось бы, должна вспыхнуть паника, начаться давка и прочие проявления травмированной психики — от обычной истерики до религиозного помешательства. В мрачные времена средневековья (не такие уж и мрачные, как нам вдалбливали), скорее всего, так бы и произошло. Или все-таки нет? Ведь были же знаменитые дьяблерии, когда на площади, прямо против собора, выделывали непристойные антраша жонглеры, наряженные в чертей! Смех, здоровый очистительный смех вытеснял страхи перед муками ада и светопреставлением, о чем чуть ли не каждодневно вещали с амвона. По сей день во многих, притом просвещенных и процветающих странах устраиваются веселые карнавалы, где разгуливает смерть с косой и кувыркается всяческая нечистая сила, а тыквы с прорезанными глазницами изливают потусторонний свет со всех подоконников.

Чем мы хуже, спрашивается? Возможно, в чем-то и лучше.

Во-первых, узнали рогатого персонажа субботних «Кукол». Даже те немногие, кто не видел скандальных передач по первому, а спустя день и по московскому каналу и не слышал о них, что маловероятно, так как слухи о пришествии Сатаны множились, наверняка смотрели субботнюю передачу.

Спешно изготовленная в Германии маска, выполненная по первоначальному наброску, доведенному до состояния чуть ли не фоторобота, оказалась очень схожей с оригиналом!

Автор использовал римейк из второй части «Фауста», где Мефистофель в облике астролога появляется при дворе императора. Естественно, императором сделали главного героя. В полном соответствии с текстом Гете и некоторыми реальными тенденциями, нечистый дает первому лицу совет, как решить все проблемы с бюджетом и неплатежами в рамках империи, то бишь, единого и неделимого СНГ:

— Дабы себя и нас спасти, станок печатный запусти.

У Гете о том же, хотя чуть деликатнее: необеспеченные золотом ассигнации.

По уровню сатирического мастерства, да и такта тоже, «Новый Фауст» мало чем отличался от зрелища на темы библейского «Исхода», но пусть этим занимаются критики.

Нас куда больше волнует фурор, произведенный превращением Сандры в «куклу» (условно). Иначе, как взрывом восторга, это и не назовешь.

Крикам ликования, бурным аплодисментам, свисту и завываниям от полноты чувств есть очень простое объяснение. Молодежь восприняла все случившееся как потрясающее шоу. Великолепное, сногсшибательное, высший класс! Тем более что действо протекало в считанные минуты, а то и секунды. Не успели опомниться, а Сандра, жива-здоровехонька, уже раскланивается, поправляя бретельки.

Когда, на каком куплете, на какой ноте она, не переставая петь, утратила свои зажигательные формы? Показания расходятся настолько, что их нельзя принимать всерьез. Даже момент, когда хлынул ливень, и то вызвал существенный разброс. Очухались, успев промокнуть с головы до ног.

Эстет, апеллируя к греческому театру, назвал бы это катарсисом — очищением. Психиатр, возможно, согласился бы, но, подумав, констатировал бы шок. Среди опрошенных очевидцев эрудитов как-то не нашлось, специалистов по шоковой терапии — в прямом и переносном смысле — тоже. А жаль! Стоило посмотреть на поведение подопытных.

Зато излишне говорить, что на таком мероприятии собрался цвет пишущей и снимающей братии. Сандру держали на прицеле как минимум три монитора, а сколько было в толпе ви-

деокамер, не знает даже служба кремлевской охраны. Блицы фотоаппаратов вспыхивали поминутно, затмевая порой блеск молний. Щелкали и писали на видаки не только профессионалы, но и фанаты, любители неизвестно чего и все, кому не лень.

Летописцы столичной жизни Варвара Царапкина и Миша Собеляк, разумеется, тоже присутствовали по долгу службы, но врозь. После постыдного провала «Повторного визита», в чем Варвара обвинила автора сценария, тандем распался.

Под Сандру могли отвести в «Добром вечере» максимум три минуты. Даже пикантный эпизод, когда из-под сверкающего корсажа выкатились ядра, вполне достойные царь-пушки, не решал проблему. Но уж очень хотелось реабилитироваться хоть на чем-нибудь и занять подобающее место в рейтинге телеведущих.

И вдруг случай представился. И какой! Варвара и мечтать не могла, что вернется к охаянному сюжету как победительница.

— Снимай же! Снимай! — забарабанила она кулачками по спине оператора, едва начались превращения.

И тут мы подходим к самому загадочному и — не хочется думать о таком — зловещему проявлению неведомых сил. Ни на одной кассете, ни на едином хотя бы кадрике не удалось запечатлеть таинственного гостя. Всюду она — поющая и танцующая Сандра. Никаких провалов записи или засветок пленки.

Но это выяснится в лучшем случае завтра, а пока до костей промокший люд разбегается кто куда. Спрятаться от дождя, переходящего в мелкий град, — это после +36°С — на Красной площади негде. Не под елкой же у надгробья какого-нибудь вождя. Понятно, что наиболее сообразительные рванули под мост. Там, в арке, можно было переждать самый пик непогоды, хотя хрен редьки не слаще — мчащиеся автомобили окатывали не хуже поливальных машин.

Именно здесь, на свою беду, укрылся незадачливый заклинатель дождя, покинутый группой поддержки.

Где-нибудь на Яве собрат по профессии, прежде чем обуздать тропический ливень, садится на строгую диету, не пьет воды и даже не смеет к ней прикоснуться, не то что, положим, искупаться. Так же поступает и шаман из племени тораджи. Ест немытыми руками, пьет только пальмовое вино, избегает женщин. Когда же наступает срок приниматься за дело, племя строит для него на рисовом поле специальную хижину, где он разжигает огонь, который ни в коем случае не должен угаснуть. При этом используется особая древесина, способная противостоять влаге. Набрав полные пригоршни золы, заклинатель сдувает ее с ладоней в сторону наплывающих туч. Если

же, паче чаяния, надобность в ясной погоде отпала и требуется хороший душ, то нет проблем. Стоит залить костер водой, и тут же дождь хлынет как из ведра.

Но так работают настоящие профессионалы. Этот же, видите ли, рассеивал облака взглядом!

«Хотите верьте, хотите не верьте, — изощрялся корреспондент РТР, по второму каналу, — но мы провели эксперимент. Выбрали небольшое облачко и предложили продемонстрировать свое могущество. И что вы думаете? Оно действительно начало таять и постепенно исчезло».

Что и говорить, сильны пережитки примитивнейшей магии, но и архаические традиции укоренились в коллективном бессознательном не менее прочно. За нерадивость в управлении погодным механизмом богов и тех не щадили. Выставляли под палящее солнце, когда долго не наступал сезон муссонов, или, напротив, выгоняли под проливень, если сады и пашни истосковались по свету и теплу. Китайцы секли своих идолов плетью, понижали в ранге, лишали жертвоприношений, а в Сицилии, например, истомленные засухой крестьяне выволокли статуи святых, ругая на чем свет стоит, и сорвали с них драгоценное облачение.

И это грозные языческие боги! Всемогущие католические угодники! Что же до проштрафившихся колдунов, то с ними тем более не церемонились. Могли и из племени выгнать, и в жертву принести. По сравнению с другими наш отделался легко. Кто-то из шумной ватаги парней узнал новоявленного телегероя, и ему устроили кошачий концерт:

Мы не сеем и не пашем,
А валяем дурака!
С колокольни машем —
Разгоняем облака!

— Начистить табло мармыге! — поступило предложение, но принято не было. Восторжествовал плюрализм.

— Проваливай отсюда, фраер, — и вытолкали бедолагу под дождь.

Очевидец сцены Миша Собеляк мысленно одобрил действия акселератов: справедливо и гуманно — без мордобития. Материал сам шел ему в руки. Выделив неформального лидера, он достал свой трехскоростной диктофон с миниатюрной кассетой и, расплывшись в улыбке, приблизился к веселой компании. — Молодцы, ребята! Так его, шарлатана!

— Сон разума порождает чудовищ, — лидер оказался развитым мальчиком. Спортивного вида, с тонким одухотворенным лицом, он держался независимо и если слегка бравировал, то без нарочитого вызова.

— С концерта?

— А то!
— «КС» читаете?
— Клевая газетенка.
— Несколько слов для печати.
— Всегда пожалуйста.
— Представься.
— Владислав.
— А фамилия?
— Ларионов.
— Учишься?
— В десятый перешел.
— Остальные тоже?
— Тоже! — ответил обрадованный хор.
— Поздравляю... Ваши впечатления от концерта?
— Класс! Хлеще булкотряса!
— Булкотряса? — не понял Собеляк.
— Дискотека, — снисходительно растолковал Ларионов-младший.
— Я по поводу случившегося. Твое мнение, Слава.
— Он Владик! — встрял в разговор упитанный очкарик, стоявший ближе всех к заводиле.
— Что, по-твоему, произошло там, на сцене, Владик?
— Разумнее сформулировать вопрос иначе: как это сделано?
— И как?
— Голография.
— Блеск! — искренне восхитился Собеляк. Абсолютно стерильный по части фундаментальных наук, он краем уха слышал о голографии, полагая, что она сродни порнографии, но много мягче, на манер ню в электронном исполнении. — Я бы сказал больше: скелетография!

Владик недоуменно повел плечом.

Дождь внезапно иссяк, и угасающее небо, еще достаточно светлое, прояснело.

— Глаз циклопа, — небрежно бросил очкарик. — Надо делать ноги, а то скоро опять хлынет.

— А ты разгони, — прозвучала чья-то подначка. — Свято место пусто не бывает.

«Способные пареньки», — подумал Собеляк, выходя вместе со всеми из-под бетонного свода. Под ногами захрупали тающие градины. Ребята решили идти к метро через площадь. Михаилу было все равно — лишь бы в метро — и он увязался за ними. Сандра — особая статья, а про заклинателя он сделает отдельно, строк шестьдесят—семьдесят. Заголовок пришел из космоса, из ноосферы: «Племя изгоняет колдуна». Пониматься будет: «Племя (молодое, незнакомое) изгоняет колдуна».

— Чем увлекаешься? — спросил он Владика уже просто так, общения ради.

— Информатикой.

— Здорово! В физики, значит, пойдешь?

— В математики.

— А насчет лирики как? Стихи любишь?

— Стихи? — тонкие, красиво очерченные губы мальчика дрогнули в пренебрежительной усмешке. — Смотря какие стихи.

Место — проходили мимо Спасских ворот, время — золоченые стрелки приближались к одиннадцати, и даже хруст льда на брусчатке вызвали соответствующую ассоциацию. Он дерзко вскинул голову и с завыванием, как читают поэты, продекламировал:

Шуршит по крыше снеговая крупка,
На Спасской башне полночь бьют часы.
Знакомая негаснущая трубка,
Чуть тронутые проседью усы.

— Это про кого?

— Про Сталина, — Владик с нескрываемым интересом смерил репортера взглядом. — Слыхали про такого?

— Сочинил кто? Не сам ли?

— Во дает! — восхитился очкарик.

— Заткнись, — одними губами выдохнул Владик, сделав страшные глаза, и, доверительно наклонясь к Собеляку, проронил со значением:

— Не для печати: один выдающийся поэт — тайный ампиловец. Из досье моего деда.

— Он что, любит усатого? — принимая все за чистую монету, осведомился Михаил.

— Нэнавыдыт!

— За что?

— За все.

— Например?

— Отца у него расстреляли, прадедушку моего.

— Белогвардеец? Капиталист? Или за здорово живешь?

— Секретарь обкома.

— Любопытно, — Собеляк начал догадываться, что мальчишка его дурачит, но не обиделся, а, напротив, проникся симпатией.

Ребята хохмили, перепирались, обмениваясь короткими репликами, но специфические словечки, с нарочитой небрежностью слетавшие с языка, зачастую оставались непонятными. Репортеру не пристало быть ни особо стеснительным, ни тем более деликатным, и Собеляк с наивным видом, чему немало способствовала вислая губа, лез с расспросами.

Компания встречала их покровительственным смешком.
— Ужалиться?
— Выпить где-нибудь в офисе.
— В каком офисе?
— Во дает! В любом подвале!
— Свалили шнурки?
— Значит, родители тю-тю — отвалили.
— Морг?
— Правда не знаешь?.. Да квартира!

«У нас было все иначе, — не без грусти подытожил Собеляк. — Кирнуть, предки, хата... Они будут лучше, чем мы», — пришел к выводу, причислив себя к прошлому поколению, хотя разница между ним и этими, нынешними, составляла не более десяти лет.

Земля и ее обитатели купались в океане электромагнитных волн, соткавших виртуальную реальность параллельного мира. Она властно вторглась в мозг, разворошив уснувшую где-то в подкорке родовую память, и вышли наружу древние сны, смешавшись с явью. Был видимый ряд и невидимый, и они расходились в бесконечности, согласно геометрии Лобачевского.

И все, никем не учтенное, не осознанное, ложилось в строку, включая град в середине лета — дежурную каверзу нечистой силы.

Здравым рассудком и логикой не охватить многомерности бытия, и счастлив тот, кому выпал случай столкнуться с неизведанным[1].

Паутина

Леди и джентльмены, знакомьтесь: Черный Барт, ужасный бандит со склонностью к поэзии. В 1870-х годах за этим дедушкой числилось 27 ограблений банков и его лицо висело на каждом столбе с надписью «Разыскивается за большое вознаграждение».

Доски объявлений в наше время успешно заменил «Интернет». Теперь на Черного Барта, а также его коллег — романтиков с большой дороги можно полюбоваться во «Всемирной Паутине». Идея принадлежит

---

[1] Интеграл вероятности взять не сложно, если знаешь, как это делается:

$$\Phi(x)=\frac{2}{\sqrt{2\pi}}\int_0^x e^{\frac{-t^2}{2}}\,dt$$

Не забудьте только, что время t в отрицательной степени и нужны таблицы.

американскому банку «Веллз Фарго», который в прошлом веке стал одной из жертв Черного Барта. Банк эту неприятность пережил и через 120 лет занялся мщением. По его инициативе в «Интернете» появились старые плакаты «Wanted», на фоне которых очень удачно смотрятся нынешние беглецы от закона. «Веллз Фарго» всегда был беспощаден к разбойникам, — гласит лозунг. — Будет и впредь».

Магия

ВНИМАНИЕ! СНОВА В РОССИИ!
Известный Ясновидящий Запада
— Поможет вам в решении Семейных и Личных Любовных проблем.
— Избавит от порчи, сглаза, проклятий, оговоров, зависти!
— Откроет пути в бизнесе, и удача будет сопутствовать вам!
— Защитит вас, ваших детей, ваши дома от посторонних воздействий!
— Особым образом составит и заговорит для вас ТАЛИСМАНЫ И ОБЕРЕГИ, на ЗАЩИТУ и ПОКРОВИТЕЛЬСТВО СУДЬБЫ и УДАЧИ!
Дорогие друзья, записаться к нам можно по телефону с 11.00 до 20.00

Интим

Господа! Красивые, эротичные девушки помогут Вам познать море приятных ощущений и пригласят к себе в гости. Вы будете окружены нежностью и вниманием! Круглосуточно.

ФАЙЛ 010

— Это ты, Тиночка?
— Я, мой дорогой. Это я — не пугайся.
— Тебя так долго не было...
— Долго? Не понимаю.
— Где ты сейчас? Где, — он хотел сказать «живешь», — обитаешь теперь? Ты ничего мне так и не рассказала.

— Я умерла, Тон-Тон.
— Но ты же здесь?
— Здесь.
— Как такое возможно, Тина?
— Не знаю.
— Ты помнишь, что сталось с тобой? Потом, после... — он хотел сказать «смерти», но поперхнулся.
— Помнишь?.. Я помню, как умерла.
— А потом, после?.. Откуда ты приходишь ко мне?
— Не спрашивай.
— Почему?
— Тебе лучше не знать. Узнаешь — ужаснешься...
— Дедушка опять заговаривается, — протяжно вздохнула дочь Антона Петровича Антонида, прислушиваясь к одинокому старческому бормотанию за стеной.
— Сам с собой говорит? — встрепенулся Владик. — Мама сказала, что его надо показать психиатру.
— Не дай Бог! Он этого не выдержит. И зачем?.. Просто ему иногда кажется, что она приходит к нему.
— Кто — она?
— Твоя бабушка, моя мама, дружок...
Впервые профессор Ларионов увидел тень покойной жены, войдя на пронизанную летним солнцем веранду, где уже собралась за завтраком вся семья. Не хватало только Андрея, старшего внука. У него началась практика в каком-то почтовом ящике.
Тот день, 18 июня 1989 года, Антон Петрович выделил подробной записью в дневнике, где отмечались наиболее значительные события жизни.
Алевтина Степановна сидела на своем обычном месте — у самовара, окольцованного связкой баранок, следя, чтобы не перестоялись яйца, уложенные, словно в гнездо, на коронку, куда обычно ставится чайник с заваркой. Считалось, что они обретают особый вкус, сохраняя идеальную полужидкую консистенцию.
С тех пор как Алевтина Степановна умерла, а прошло уже три года, никто не готовил ему «пашот а ля бояр», как на то время называла она свой кулинарный изыск, и не грел баранки на посеребренной, увенчанной медалями груди старого баташовского самовара.
Дети — Антонида и Александр — жили своими домами и не часто навещали Антона Петровича, заметно постаревшего после «невозвратимой», как значилось в телеграммах соболезнования, утраты. Словно вообще можно что-то вернуть. Невозвратимо все, чего бы ни коснулась смерть, как само время невозвратимо.

Сперва Ларионов не поверил своим глазам. Споткнувшись о порог, он потерял равновесие и едва устоял, успев ухватиться за медную ручку застекленной двери.

— Ты чуть не хлопнулся, дедушка! — девятилетний Владик, всеобщий любимец и баловень, то ли с испугу, то ли просто от неожиданности, опрокинул недопитую чашку.

Антон Петрович зажмурился и с опущенной головой прошаркал к столу. Ощупью вцепившись в спинку венского стула, он разлепил дрожащие веки и встретил задумчивый и, как показалось, укоризненный взгляд Алевтины Степановны: видение не исчезло.

Видением, тенью или (там) призраком то, что он столь явственно различал, назвать было трудно. Видны были малейшие пятнышки на руках, родинка над верхней губой, морщины, даже коричневые крапинки на серо-зеленой радужке дорогих, до сердечной боли, озабоченно грустных и, как показалось, всезнающих глаз.

Вот она потянулась проверить, достаточно ли согрелись баранки, и, слегка обжегшись, схватилась за мочку розового на просвет уха и подула на пальцы. Такая щемяще незабываемая манера — легкий поворот головы и губы, дрогнувшие в улыбке.

Профессор Ларионов, видный археолог и антрополог, не мог и мысли допустить, что возможно посмертное существование.

«Спокойно, — приказал он себе, отстраненно регистрируя происходящие в мозгу процессы, — это бунтует подкорка. Проекция вовне. Такое случается. Видимо, подскочило внутричерепное давление и лопнул какой-то сосудик. Так и есть: головная боль, сильная тахикардия, холодный пот, подступающее удушье. Только бы не упасть!» — Он обвел сидящих за столом внимательным, все примечающим взором. Лишь где-то в самой глубине билось и рвалось наружу отчаяние.

Осознание собственной беспомощности, быть может и обреченности, казалось, придало сил. Ларионов понял, что никто, кроме него, не видит сидящую у самовара Алевтину Степановну. Безмолвный, посторонний как будто голос подсказал, что и самовара, за ненадобностью убранного в сарай, быть не должно, хоть он и стоял на измятом подносе, где под стершимся серебром явственно проступала латунь.

При мысли о том, что дети не замечают присутствия матери, а внук — бабушки, стало немного легче, но незажившая боль потери обожгла раскаленным железом. Он скорее готов был примириться с доподлинным призраком, чем с болезненной галлюцинацией, но вышколенный рассудок продолжал анализировать, выстраивая четкие логические цепи.

Пусть Владику дали какао, но Александр с женой Маргаритой пили из маленьких чашечек растворимый кофе — не чай из стаканов в мельхиоровых подстаканниках, как было при ней. Что-то не согласовывалось в общей картине, где проекция памяти так органично перекрещивалась с реальностью. Казалось, время приостановило свой размеренный ход, и все происходящее развертывается как при замедленной съемке.

Владик так и застыл с приоткрытым ротиком над своей опрокинутой чашкой, глядя, как на камчатной скатерти расплывается шоколадное пятно. Марго, кажется, одернула его: «Не умеешь вести себя», или что-то в этом роде. Она уже тянется за бумажной салфеткой, а Александр, занятый своими заботами, задумчиво катает хлебный шарик. Он наверняка пропустил мимо ушей восклицание мальчика, и ему невдомек, что отец вот-вот грохнется об пол.

Признаки тревоги проявила, кажется, одна Антонида, которую все теперь стали звать Тиной, как мать. Она привстала и протягивает руки, наклонясь над столом, но стол слишком широк, и она не дотянется, не успеет...

Антон Петрович не слышал, как испуганно вскрикнула дочь, он уже ничего не слышал и не видел вокруг. Поле зрения сузилось, как в бинокле, но с немыслимой четкостью прорисовывалось лицо жены и самоварная ручка с баранками. Все прочее было отрезано черной диафрагмой.

— Я умираю? — спросил — или только подумал? — Антон Петрович.

— Non, non, mon cher[1], — покачала головой Алевтина Степановна, сохраняя все ту же, едва обозначенную улыбку.

— Возьми меня с собой, Тина! — выкрикнул он на последнем пределе сознания и, выпустив выскользнувший из-под рук стул, рухнул на середину стола и сполз вниз под звон разбитой посуды. Он еще успел увидеть вспышку немыслимой яркости и расходящееся вокруг Тины сияние. Ее образ побледнел, наполнился мягким ласковым светом, затем обрел прозрачность и совершенно истаял в радужной разгранке лучей.

— C'est impossible[2], — донеслось до него за мгновение до полного забытья.

Когда доходило до жизненно важных вопросов, жена переходила на французский, и на то были свои причины. Он тут же умолкал и делал все, как она считала нужным. И эти последние — во сне или наяву? — слова, как приказ, подлежащий беспрекословному выполнению, помогли Ларионову выжить.

Очнувшись у себя на постели, после того как приехала и

---

[1] Нет, нет, дорогой (*фр.*).
[2] Это невозможно (*фр.*).

отбыла неотложка, а Александр сгонял на своей «Волге» в Москву за доктором Нисневичем, Антон Петрович вспомнил все до мелочей, но первой произнесенной им фразой была именно эта.

— Что невозможно? — Нисневич наклонил мясистое, заросшее волосами ухо.

— Все, — язык ворочался с трудом, левая щека онемела. Вероятно, сказывалось действие инъекций. Пахло лекарствами, но не сильно. Обоняние тоже как будто бы притупилось. — La mort est secourable et la mort est tranquille[1], — по щеке поползла одинокая слеза.

— Что он говорит? — поморщился врач, повернувшись к стоявшим у изголовья родственникам. — Mort?.. Вы доживете до ста, голубчик!

Антонида, многое взявши у матери, с каменным лицом перевела.

— Вздор! — по-своему истолковал Нисневич. — Полнейший, батенька, вздор. Вам еще жить да жить... Ба, да у вас кровь! — смочив ватный тампон спиртом, он бережно отер оцарапанный висок. — Пустяки... Щиплет?

Ларионов едва заметно мотнул головой: он ничего не почувствовал.

— Что с ним, профессор? — Антонида присела на краешек кровати. Отец не успел побриться, и щеки его словно посеребрило инеем. Она впервые заметила, что он совсем седой. Это было в порядке вещей: годы, но сердце тоскливо заныло. — Очень серьезно?

— В нашем возрасте любая болячка заставляет задуматься... Надо бы взять анализы, провести обследование, — сделав глазами выразительный знак, он кивнул на дверь. — Пока только предположения.

— Не стесняйтесь, Леон Моисеевич, я мужик понятливый и спокойный, — Ларионов сделал попытку улыбнуться, но это удалось ему лишь наполовину: левую часть лица по-прежнему сковывала анестезия.

— Ишь, храбрец выискался!.. И скрывать-то особенно нечего: ну, аритмия, но не мерцательная, и, если не ошибаюсь, парез. Но тоже не смертельный, так себе — парезец. Покой, режим, диета и, будем надеяться, обойдется.

— Подумаешь, царапина, — своеобычно понял Антон Петрович. — Не надо делать из мухи слона. Какой еще, к чертям собачьим, режим? Строгий? Или сразу шизо?

— Он не знает, что такое парез! — Нисневич принялся раскачиваться, как цадик над Торой. — Он еще ругается и

---

[1] Смерть спасительна и смерть успокоительна (*фр.*).

пытается шутить. Значит, есть надежда. И слава Богу, но две недели он не должен вставать с постели... Вам-то, надеюсь, не надо объяснять, Антонида?

— Можете на меня положиться, профессор, — заверила она. — Я глаз с него не спущу.

— У тебя есть возможность остаться на даче? — просветлел лицом Александр Антонович. Он работал в ЦК КПСС, и у него такой возможности не было. Надеяться на Марго тоже не приходилось: последнее время она не спускала с него глаз, да и Владик опять же. Хорошо, что тяжелая ситуация сама собой разрешилась.

— У вас найдется иголка? — спросил Нисневич.

— Какая, Леон Моисеевич?

— Швейная, английская, любая булавка!

— Сейчас поищу, — засуетилась Антонида. — Где она может быть?

— Возьми папину готовальню, — проявил находчивость повеселевший Александр Антонович.

— Больно? — После того, как чуткие профессорские пальцы прощупали пульсы на обеих ногах, в дело пошел циркуль. — А здесь? А тут? — Уколы следовали один за другим. — Где все же больнее?

Антон Петрович затруднился определить. Им овладело какое-то сонное безразличие. Из пояснений, которые, постоянно повторяясь, давали по поводу случившегося дети, он понял основное: никто ничего не видел и не слышал.

— Подошел к столу, хотел было сесть, но вдруг зашатался, лицо посинело и он упал.

Значит, все, что он и Тина успели сказать друг другу, тоже рождалось у него в голове. Такое возможно только во сне. Значит, галлюцинация исключается. Когда пытаешься говорить с тенью, окружающим должен быть слышен твой голос. Тому тьма примеров.

Визитер, навестивший как-то Иммануила Сведенборга, ясно различал разговор за закрытой дверью кабинета. Вернее, голос хозяина, ибо его собеседник хранил молчание. Когда же дверь отворилась, великий естествоиспытатель и мистик склонился в поклоне, провожая невидимого гостя, и поблагодарил за оказанную честь.

— Надеюсь, вы узнали его? — с торжеством в голосе осведомился он, заметив посетителя. — Это был Вергилий! Он поведал мне массу интересных вещей.

«Неужели и меня ожидает нечто подобное? — мысленно ужаснулся Ларионов. — Или это все-таки был сон наяву, предвестник припадка? Страшная штука — старость. Начинаешь вести себя как кисейная барышня. — Он мучительно на-

прягся, пытаясь вспомнить, куда засунул охотничье ружье. — Важно не пропустить момент, когда еще достанет сил распорядиться собой. В таком деле близкие люди — самые неумолимые недруги. Никто не поможет...»

Погруженный в свои невеселые думы, Антон Петрович особенно не прислушивался к долетавшим до него, как из дальнего далека, обрывкам фраз. Обсуждали его состояние, спорили, нужна ли сиделка, и все такое. Голоса на повышенных тонах прорывались сквозь трагически озабоченный шепот, как Би-Би-Си сквозь глушилку лет пять — или больше? — назад.

Чаще, почти срываясь на крик, заявляла о себе Марго:

— Куда он запропастился? Ты не видел, Шура?

В пику старикам она с первых дней замужества стала звать Александра только так: Шура, иногда Саша, но не Алик и уж конечно не Лёка, как в раннем детстве.

Долго искать Владика не пришлось. Его извлекли из комнатки на антресолях, где лежали Андрюшкины вещи. О ходе операции можно было судить по звукам: торопливые шаги по скрипучим ступеням (дача старела вместе с хозяином), беготня наверху (шельмец не давался в руки) и, как апофеоз, капризное хныканье.

— Где ты был? — деревянные стены не в силах были противостоять пронзительному голосу Марго. — Я тебя спрашиваю! Отвечай!

Владик молчал, как партизан на допросе, а ленивое брюзжание мужа ее никак не устраивало. Преступник обязан сознаться и молить о снисхождении. Все же ей пришлось удовольствоваться свидетельскими показаниями. Монотонное мычание Александра то и дело прерывалось негодующими тирадами:

— Как? Ты посмел прикоснуться к компьютеру?! Даже включил?.. Что?.. Файлы?.. Какие еще файлы?.. Тебе своих игр мало? Вот погоди, приедет Андрюша и выдаст по первое число! Ты же мог испортить дорогую вещь! Марш отсюда! И чтоб духа твоего не было до обеда. — Резкость тона постепенно сходила на нет, уступая умиротворенной воркотне. — Погуляй в садике, подыши свежим воздухом... У дедушки уже клубничка поспела.

Топот, казалось бы, известил об амнистии, но разборка только вступила в новую фазу. Поначалу стрельба велась как бы по прежней цели.

— Файлы. Я покажу такие файлы! — сжигала нерастраченный порох Марго. — Мадамы ему нужны! От горшка два вершка, а уже засвербело... А ты бы лучше молчал! — Она с особым ожесточением накинулась на Александра. — Модемы,

мадамы — какая разница? Уже слова по-русски не скажут! Ты, ты эту заразу принес! Твое воспитание. Одного проглядели, а теперь и этот по той же дорожке?.. Нет, Владика я вам не отдам! Не надейтесь. Эра информатики, эра информатики, а кончается блядством! И не надо делать из меня дуру. Я не слепая.

Антон Петрович заранее знал, чем все закончится: выяснение отношений, слезы и вымученное перемирие до новой вспышки.

Марго редко наказывала детей, но сцены, которые она устраивала по малейшему поводу, были хуже любого правежа. Александр Антонович переносил их со стоическим безразличием, а Андрей, поступив на мехмат, сразу переселился к деду.

Антон Петрович подозревал, что пойти на такой шаг самолюбивого и не склонного к компромиссам парня вынудил отнюдь не характер матери — бабы, безусловно, недалекой и вздорной, но незлобивой и заботливой, порой даже слишком, а образ жизни и, соответственно, поведение Александра.

Ларионовым явно не повезло с наследниками по мужской линии. Своего отца, секретаря Харьковского обкома, Антон Петрович помнил довольно смутно. Он возвращался домой далеко за полночь, когда Ант — так значилось в метрике — уже спал, и лишь по выходным дням, и то изредка, им удавалось побыть вдвоем. Руководствуясь случайной выборкой, память сохранила немногое. Неразрывно с отцом были связаны автомобиль, который все называли «эмкой», хромовые сапоги и машинка для набивки папиросных гильз. Сейчас трудно понять, почему он с таким увлечением занимался заведомо пустяковым делом. Едва ли из экономии. Наверное, нравилось. Одевался он скромно: брюки-галифе, темно-синий китель — «тужурка» и точно такого же покроя полотняный белый, в летнюю пору. Запомнились прогулки: в зоологический сад и в тир, где отец выиграл приз за меткость — розовую куклу-голыша. Задетый за живое, Ант разревелся, и «девчачью» игрушку беспрекословно заменили на жестяной наган с коробкой пистонов. Поездка по детской железной дороге в лесопарк показалась настоящим путешествием. Само это название, неразделимое на обыденные понятия «лес» и «парк», звучало сказочной музыкой. Домой возвращались с трофеями: свисток, вырезанный из ветки ивы, зеленый, утыканный шипами каштан и маленькая лягушечка в жестяной коробке из-под ландрина.

Ант был до глубины души разочарован, когда отец сказал, что лягушка вполне взрослая. Судя по картинкам в раскладной книжке, сказка не сопрягалась с живой действительностью. Пахло обманом: волк, похожий почему-то на пограничную со-

баку, выглядел намного меньше, чем ожидалось, белка оказалась вовсе не белой, как можно было ожидать, а рыженькой, зато жирная кладбищенская улитка показалась настоящим Голиафом.

Улитка, впрочем, к отцу отношения не имела. Ее вместе с обломком мрамора купила у какого-то беспризорника нянька. У ее ненаглядного Антика как раз был период бурного увлечения животным миром — кузнецы с голубоватыми крылышками, хрущи, бронзовки, зеленые гусеницы с хищным рогом и волосатые розовые, и бабочки, бабочки... От невзрачной капустницы до ярчайшего павлиньего глаза и зловещей бархатной траурницы, так и оставшейся неосуществленной мечтой.

Сачки, коллекции, неосознанная жестокость юного дикаря. Агония пронзенных булавкой существ, трепещущих крыльями — пыльца прилипала к пальцам — не вызывала ни малейшего отклика. Смерть оставалась за гранью сказок, где действовали волшебники и богатыри. Чьи-то похороны, сопровождаемые оркестром, воспринимались как обыденное проявление незнакомого, но малоинтересного мира, откуда приходили старьевщики и цыгане.

И было трудно понять, почему всякий раз беззвучно плакала нянька, уткнувшись в оконное стекло, за которым пронзительно завывала медная, выгнутая улиткой труба и размеренно ухал большой барабан.

Дуновение непонятной роковой неизбежности принесла старинная открытка с изображением какого-то мраморного строения с низкими колоннами по обе стороны прямоугольного входа, за которым, как в угольном люке, зияла непроглядная темнота. Вокруг лежали красивые дамы в белых одеждах, и только одна из них стояла, держась рукой за колонну, будто не решалась войти.

— Кто эти тетеньки? — спросил Ант, проникаясь безотчетной тревогой.

— Греческие женщины, — ответила мать, поспешно убирая открытку.

Осталось ощущение тайны, куда ему, Антику, нет доступа.

Подарки? Они не отличались особым разнообразием: ружье, стрелявшее пробкой, педальная машина, плоский ящик с маленькими корабликами. В него наливалась вода, и можно было направлять корабли, водя магнитом по фанерному днищу, которое вскоре начало течь.

До четырех лет данное ему имя не внушало Анту ни малейших сомнений. Оно представлялось столь же непреложным, как Солнце, небо, Харьков, Сумская улица, Украина, СССР. Но первое же столкновение с вольной стихией двора обернулось горькими слезами. Кличка Ант-фабрикант налипла не-

смываемым клеймом. Оська и Юзик — в мозгу, как заноза, застряли имена, лишенные хоть каких бы то ни было внешних примет, — авторитетно дали понять, что никакой он не Ант, а самый обыкновенный Антон.

Много позже Ларионов сообразил, что его первые в жизни товарищи едва ли собственным умом додумались до решения заковыристой номенологической шарады. Наверняка наслушались дома всяческих пересудов. Кому же еще перемывать косточки, если не ближайшим соседям, особенно таким, как Петр Ларионов — хозяин города? Тогда Антик уже знал, какую дерзновенную идею преследовал отец, нарекая первенца. Его небесным покровителем, в обновленном, конечно, смысле слова, должен был стать не вождь, не революционный символ, а легендарный воздушный корабль АНТ-25. Стальная птица завершила беспримерный перелет через Северный полюс в Америку в тот самый день, когда секретарский младенец осчастливил своим появлением пусть не весь белый свет, но хотя бы роддом № 9. Туда, без ведома Ларионова-старшего, срочно подбросили машину с кровельным железом. Экстравагантным, на обывательский слух, а то и вовсе несусветным именам придавали политическое значение. Новому обществу требовалось срочно сформировать нового человека, а новые люди были мобилизованы воспитать совсем уже новую смену. Отречение от старого мира, от религиозного дурмана — вот что означали новые имена. Трудно было придумать более яркую и искреннюю демонстрацию преданности советской власти.

Рядом с более-менее благозвучными Владленами, Сталинами, Марксэнами, Октябринами появилось великое множество Карин (в честь дрейфа в Карском море), Кимов (Коммунистический интернационал молодежи), Радиев-Радиков (элемент будущего — радий). Ответственный работник Тяжпрома, живший в одном подъезде с Ларионовыми, назвал дочь Мартеной (мартеновская печь), другой сосед, директор ТЭЦ, осчастливил сынка аббревиатурой Элевс (электрификация всей страны).

Невольная вовлеченность Антика в эту вакханалию, быть может, и заронила в нем зерна критического отношения сначала к коммунистическому новоязу, а позднее и к его первоисточнику.

С непривычной четкостью, в мельчайших деталях выплывали отдельные, словно нарезанные ножницами монтажера, кадры, сменяя друг друга на тех же повышенных скоростях, возможных на монтажном столе, но никак не в кинопрокате.

Быстродействие нейронов и синапсов не укладывалось в прокрустово ложе режима — 24 кадра в секунду (неуловимый для глаза, но предназначенный подсознанию 25-й подлежит запрету). Но оно, подсознание, не знает запретов, как не знает

забвения. Недаром на пороге небытия или в минуту смертельной опасности перед глазами стремительно прокручивается вся жизнь, и то, что было загнано в беспросветные глубины и казалось напрочь забытым, вспыхивает с немыслимой яркостью, затмевая нездешний свет, который мнится в дальнем конце черной трубы, куда уносится бесплотная память, отделившись от бездыханного тела.

Антон Петрович подумал, что умирает, но не ощутил ничего сколько-нибудь похожего на сожаление, тоску, а тем более страх. Скорее, отрешенное от всяких забот и желаний любопытство.

Крепла уверенность, — или то было изначальное знание, впечатанное в матрицу архетипа? — что авторское кино не закончится картинами детства и лента будет прокручена до конца. Наверное, это и есть последний суд, на котором надлежит подвести итог прожитому, круто замешанному на любви и ненависти, благородстве и низости, гордости и нестерпимом стыде.

Прорисовывались лица, истаявшие в тумане лет, наполнялись свежестью краски, пробуждались звуки, запахи, словно живительная влага вновь наполняла пересохшие русла, и усталое сердце маялось давным-давно отболевшей болью.

Антик — франтик — фабрикантик
Обосрал военный кантик...

И это тоже было? Память отчаянно сопротивлялась, но щеки, как исхлестанные крапивой, жгло горькое чувство смертельной обиды.

Во все времена мальчишки играли в войну, но когда в воздухе веет порохом и страна поет походные песни, игра становится школой жизни. Культ армии дворовая гоп-компания переживала со страстью, граничащей с помешательством. Для мирных забав, пожалуй, и места не оставалось. Выбор был довольно однообразен: красные — белые, пограничники — самураи, республиканцы — франкисты. Делились по жребию: сегодня — вы, завтра — мы. Споры, доходившие до потасовки, возникали обычно вокруг главенства. Чапаевыми и командирами становились самые сильные. Сражения шли на лестничных площадках, в заросшем полынью яре за домом, а зимой — на заснеженных угольных кучах. Там давали урок «белофиннам», прорываясь на санках через линию Маннергейма. Анта одели в синюю курточку с якорями на пуговках — «капитанку», но он требовал «форму». «Испанская шапочка» с кисточкой была срочно переделана в пилотку, в доме появились «настоящие» летные очки, компас без стрелки и учебная граната с кольцом. Жертвой первого броска сделалось зеркало гардероба.

— Не к добру, — ворчала нянька, выметая осколки.

Под столом в кухне Ант сооружал «палатку», где часами таился в дозоре, пока не начинала тускнеть лампочка карманного фонарика. Утопая в отцовском плаще, с кастрюлей на голове вместо каски, терпеливо выстаивал «на часах», никому не давая проходу. Отец одобрительно посмеивался и давал квалифицированные советы. Герой гражданской, он в походе на Варшаву командовал полком. В доме было два новеньких противогаза, и этим Ларионовы ничем не отличались от большинства семей. Учебные тревоги стали неотъемлемой составляющей быта. Не приходится удивляться, что появление Анта в противогазе ожидаемого фурора не произвело. Красноармейская звездочка с серпом и молотом, приколотая к панамке, тоже не позволила ему занять достойное место в строю. Дальше простого пулеметчика он не продвинулся.

В самый разгар честолюбивых вожделений на глаза ему попался журнал с портретом молодого красивого генерала на обложке: ордена, петлицы со звездами, шевроны, лампасы. Такой острой, всепоглощающей зависти Ант не испытывал никогда и ни к кому. Мать и няньку отрядили на срочные работы. Из красного сукна были вырезаны ромбические петлицы, а картонные золотые рыбки из ящика с елочными украшениями пошли на изготовление звезд. Хуже обстояло с орденами. Рыбок на все не хватило, и пришлось выкроить контуры из того же сукна. Почти новый сатиновый костюмчик, после варки в ведре с краской, приобрел ядовито-зеленый, весьма далекий от защитного цвет, но это с лихвой компенсировалось нашитыми регалиями. Особым предметом гордости явились лампасы — широкие полосы алого шелка, приметанные к коротким штанишкам, — тот самый «военный кантик».

Вместо ожидаемого триумфа Анта встретило глумливое улюлюканье. Как только его не обзывали, какие каверзы не чинили! Домой он возвращался со слезами, весь в царапинах и синяках, но никогда не жаловался. Понимал ли уже тогда, что стоит отцу лишь пальцем пошевелить, и его преследователей как ветром сдует? Одно, впрочем, усвоил твердо и раз навсегда: жаловаться стыдно и, если не можешь дать сдачи, нужно терпеть.

Он дрался с таким исступленным отчаянием, что с ним не хотели связываться. «Форма» с лампасами отправилась на помойку, но затаенное ощущение пережитой несправедливости осталось до седых волос и только крепло со временем, щедро подпитываемое извне.

Так мучительно созревала душа, стежок за стежком обшивая невидимую канву, предуготованную с рождения, а то и

раньше, когда в материнской клетке начался таинственный танец хромосом.

Отца арестовали то ли по чьему-то навету, то ли по выбитым показаниям или просто по разнарядке, спущенной в областное НКВД. Ходили слухи, что его пристегнули к какому-то крупному делу, в котором фигурировали видные партийные и хозяйственные работники: Межлаук, Хатаевич, Гвахария.

Эти и другие фамилии Антон Петрович узнал, когда начался пересмотр дела и пришла справка о реабилитации: «За отсутствием состава преступления». Но тогда он уже ясно осознавал, что преступление, беспримерное по масштабам, одной веревкой связало и жертв, и палачей. Отца, по должности обязанного визировать списки, и садиста Саенко, который вытягивал из него жилы. Этот Саенко приходил к ним в дом, пил водку, играл в преферанс. Он сам принимал участие в расстрелах. Чтобы заглушить выстрелы, заводили мотор грузовика. Отец не мог об этом не знать.

Его арест прошел для Анта незаметно. Петра Ларионова сперва перебросили на низовку в Госпром — огромное железобетонное здание, занимавшее целую площадь, откуда он однажды уже не вернулся. Мама сказала, что уехал в длительную командировку. Она наскоро похватала первые попавшиеся вещи, побросала в чемодан и заставила Анта надеть зимнее пальтишко с меховым воротником, хотя на дворе еще стояла осень. Так и ушли они, не оглядываясь, — она с чемоданом, а он с жестяной механической птичкой в руке, оставив квартиру из четырех комнат со всем, что в ней было.

Приходили туда с обыском или нет, неизвестно. Наверняка приходили. Скорее всего, мать кто-то предупредил, и она сразу же приняла единственно верное решение — уехать куда-нибудь подальше. Их не искали, а если искали, то спустя рукава: невелики птицы. С лихвой хватало тех, кто был под рукой.

Перебравшись к родственникам на Урал, в город Магнитку, они избегли уготованной членам семей изменников родины — ЧСИР — неизбежной участи. Когда пришла пора определить Анта в школу, мать отправилась в ЗАГС и, вынув из ушей бриллиантовые сережки, выправила новую метрику.

— Какой он Ант? Безграмотная дура не дописала, а мальчику страдать: задразнили.

— И верно, — живо посочувствовала заведующая. — Глупость какая! Красивое имя Антон.

Радость не знала границ. Невдомек было, что в книге судеб — а имя определяет судьбу — круг сомкнулся в исходной точке. Непонятное АНТ означало Антонов, то есть опять же восходило к Антону. Самолет, унаследовавший фамилию своего со-

здателя, авиаконструктор Антонов спроектировал, сидя за колючей проволокой, в шарашке, что тоже намекало на неслучайную связь всего со всем во вселенской паутине.

Мама умерла уже во время войны от сердечной болезни, осложненной хронической дистрофией. Двоюродный дядя определил четырнадцатилетнего Антона на металлургический завод — подручным на рудном дворе. Какая-то высокая комиссия из Москвы обнаружила в железной руде примесь, само название которой хранилось под строжайшим секретом. Срочно снарядили поисковую партию, куда по случайному стечению обстоятельств в должности коллектора попал и Антон Ларионов.

Так начались его скитания в поисках, как выяснилось по ходу дела, урановых руд: Урал, Южная Сибирь, Таджикистан, Монголия.

В промежутках между полевыми сезонами он с грехом пополам закончил вечернюю школу и подал на геологоразведочный. Рабочий стаж, орден «Знак Почета» и второй разряд по стрельбе обеспечили зачисление в вуз вне конкурса, но вторая экспедиция в пески Гоби, где нашли выходы урановой смолки, вынудила взять академический отпуск сразу после первого курса. Собираясь в дорогу, Антон и не думал, что уже не вернется на факультет и с геологией будет покончено навсегда.

Судьба поджидала его на развалинах заброшенного буддийского монастыря, где разбила лагерь палеонтологическая экспедиция Игнатия Глебовича Артемова, открывшего глубоко в песках окаменелые скелеты и яйца гигантских динозавров. Встреча с выдающимся ученым, а в недалеком будущем и знаменитым писателем, толкнула Ларионова на решительный шаг. Возвратившись из экспедиции, он, никому ничего не сказав, забрал документы и отнес их в приемную комиссию исторического факультета МГУ, но не прошел по конкурсу. Будь он членом партии или комсомольцем, для него, возможно, сделали бы исключение, но чего нет, того нет, а в университете на этот счет режим отличался особой свирепостью. С превеликим трудом удалось пролезть на заочный, что обернулось двойной удачей. После весенней сессии Артемов взял Антона к себе в отряд землекопом-мотористом.

Ночи у костра под необъятным монгольским небом с вещими контурами созвездий «перелицевали», как пошутил, спустя годы, Артемов, всю жизнь несостоявшегося геолога. Теперь, на пороге вечности, Ларионов мог вспомнить каждое слово учителя и даже интонацию, с какой оно было произнесено.

Перед ним открывался неизведанный мир, где, как зачарованные острова, вне времени и пространства, проплывали зо-

лотые сны человечества: Атлантида, уносящая неразгаданную тайну в бушующие пучины, Египет с его фараонами, спящими в подземных гробницах, магические мистерии Эллады, чудеса индийских йогов, непостижимые умом грезы отшельников заоблачного Тибета.

— Им только кажется, что это реальность, — усомнился Ларионов, когда Игнатий Глебович упомянул о переселении эфирного духа в другое тело.

— Смотря что понимать под реальностью.

— Истину, данную нам в ощущениях, — не задумываясь, ответил Антон, без особого труда сдавший зачет по основам марксизма-ленинизма.

— А что есть истина? Еще Понтий Пилат спрашивал об этом Христа. Удовлетворительного ответа люди так и не нашли. Однако каждый, в ком есть хотя бы искра священного огня, задает его снова и снова... И, знаете, почему?

— Наверное, потому, что абсолютная истина недостижима?

— Можно ответить и так, — благоразумно уклонившись от обсуждения канонизированной формулировки, Артемов подбросил в огонь верблюжьей колючки, иссушенной до белизны. — Но мне все же думается, что побудительной причиной является смерть, — добавил он, следя за полетом взметнувшихся искр, затмивших на миг необыкновенно яркие, почти без мерцания звезды.

— Смерть? — удивился Антон.

— Один индийский мудрец по имени Вивекананда попытался, как бы это поточнее сказать, рассмотреть основной вопрос философии, — Артемов едва заметно улыбнулся в усы, — именно в таком аспекте... В самом деле, можно ли считать смерть концом всего, к чему мы все так привязаны? Человек уходит, и мир для него исчезает в тот же миг, словно и не существовал никогда. Вот вам и реальность, данная в ощущениях. Самые светлые чаяния, плоды упорного труда, взлеты разума, откровения духа — все проваливается в никуда.

— Почему в никуда? Хорошее остается людям.

— А плохое — нет?

— Плохое тоже.

— Но и эти люди уходят в свой черед. Вы, конечно, можете возразить, что человек, хоть и смертен, но вечно пребудет человечество... Нет, мой уважаемый чела[1], не вечно. Гибнут цивилизации, есть предел и существованию человека, как вида. Все смертно во Вселенной, кроме нее самой. Она — единственная. Куда ей деться?.. Почему, как вы справедливо заметили, недостижима абсолютная истина? Потому ли, что ее не существует

---

[1] Ученик (*инд.*).

в готовом виде, и мы можем лишь постепенно приближаться к постижению великих тайн, или у нас просто нет слов, способных выразить нечто запредельное? «Холоден и жалок нищий наш язык», как сказал поэт.

— А математика?

— Верно. Математика — язык Бога, но ведь и она неисчерпаема. Вообразить, и то немыслимо, какими уравнениями высочайших порядков оперируют, скажем так, в школе юных ангелов. Школьник, овладевший логарифмами, и не подозревает о существовании матанализа. Вот вы лично, геолог-дезертир, успели познакомиться с дифференциальным исчислением, а до интегралов так и не добрались, что вы знаете о высшей математике? Теорему Гедаля? Тензорное исчисление?.. То-то и оно. Язык лишь бесполезная попытка выразить истину, в нас находящуюся, вложенную с рожденья. Вполне допускаю, что и грудной младенец пытается нечленораздельными звуками выразить некие откровения, могущие привести в изумление самых выдающихся мудрецов. Но нет у младенца ни подходящих органов, ни способов... А мудрецы?.. Их бессмертные мысли, по сути, мало чем отличаются от детского лепета. Язык современной математики, самый, вы правы, корректный и дисциплинированный, только по уровню выражения разнится с мистическими формулами древнего мира, туманными, замешанными на мифологии. И там и здесь в мешанине теорем и приблизительных слов, неясных символов и знаков бьется, не находя выражения, величайшая идея. Смею уверить, что древние мифы зачастую несут в себе куда больше блесток самородного золота, чем построения доморощенных корифеев.

Антон догадался, куда метила стрела. Он уже и сам, после закрытой речи Хрущева, которую открыто зачитывали на факультете, критически относился к основополагающим трудам «корифея всех наук». Сталина он ненавидел с той же неистовой искренностью, с какой обожал в довоенном детстве. Прав, прав Артемов: лепет ребенка.

...С песнями, борясь и побеждая,
весь народ за Сталиным идет...

Почему-то слышалось «моряси побеждая», и, не ведая, кто такие эти новые враги — «моряси», Ант уверенно подпевал, вторя хрипящему репродуктору у няньки на кухне.

Его запрограммированный мозг, взбодренный разоблачением «культа личности», долго оставался в плену расхожих иллюзий, разделяемых прогрессивной, как считалось, «левой», по тогдашней терминологии, частью интеллигенции: возвращение к ленинским нормам, мысли молодого Маркса и все такое.

Какие мысли, какие такие нормы? Разнарядки на расстрел священнослужителей? Высылка ученых, писателей, инженеров? Нормы баланды на человеко-душу в Соловках?

Словом, «и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной»...

Расстрелянный отец и был таким комиссаром, а гражданская оставалась светлым воспоминанием о «золотом веке». Зверства ЧК, массовые расстрелы, разоренные церкви и еще многое-многое оставалось как бы вне поля зрения. Наоборот, несгибаемые преторианцы Дзержинского («чистые руки, горячее сердце, холодная голова») романтически противопоставлялись сталинским палачам. Лацис, Артузов — это вам не Берия с каким-то там Деканозовым или Рюминым. Совсем иная порода людей.

Чем не лепет? Агуканье.

Однажды мать взяла Анта с собой в Москву: у отца обнаружили затемнение в легких и положили на обследование в Кремлевскую больницу.

Кремль, метро, мосты над рекой, гостиница «Москва» и вообще центр повергли его в состояние благоговейного столбняка. Так, наверное, воспринимали нищие духом паломники панораму Иерусалима. Восприимчивый ко всему новому, своеобычному, он скоро нахватался незнакомых слов, в том числе названий, уже отодвинутых в область архаики. Где, от кого, казалось бы, мог он услышать, что площадь Дзержинского называлась Лубянкой? Но тем не менее услышал, а услышав, перетолковал на собственный лад.

— Держинский держит? А на Лупянке лупят?

Мать так и обмерла, а опомнившись, наградила затрещиной, потом долго плакала и умоляла больше никогда так не говорить. Урок, казалось бы, пошел впрок: Лубянка с той поры внушала безотчетный, почти мистический страх, вроде той открытки с «греческими женщинами», но ни то, ни другое еще не сопряглось со смертью. Умирали жуки в банке с травой, на дороге валялась раздавленная машиной кошка, но какое это могло иметь отношение к нему, Анту, к маме с папой, к няне Марусе? Они были, есть и будут всегда, и он вместе с ними. Часто повторявшееся слово «раскулачивание» никак не связывалось в сознании с судьбой няньки, которую он любил больше матери. Откуда ему было знать, что она, когда пришли выселять, выпрыгнула из окна и до ночи просидела в подсолнухах, что родители померли в дороге, а братья с сестрами разбрелись кто куда? Умереть мыслимо было только в бою, бросаясь на врага в штыковую атаку. Красиво, как в кино.

— Это верно, что египетские иероглифы выражали не толь-

ко понятия, но и цифры и символы, закрытые для непосвященных? — спросил он Артемова.

— Как и буквы тибетского алфавита. Древние народы знали о жизни и смерти много больше, чем мы с вами. Возьмите хотя бы знаменитую «Книгу мертвых», которую клали в гроб вместе с мумией. Или тибетскую «Бардо тедол»? С какой силой и точностью, с каким состраданием прослежен весь процесс умирания! Словно автор сам пережил коматозное состояние и возвратился к нам с того света... Правильно сделали, что поступили на исторический, только малость поторопились. Следовало бы потерпеть хотя бы до третьего курса. Основы физики, химии, той же геологии настоящему историку необходимы, как воздух, иначе ни черта не понять... История — это только ничтожная крупинка космического процесса. Время цивилизаций — миг в сравнении с эволюцией, историей Земли, наконец. Существуют грандиозные циклы, которые в конечном счете определяют характер процессов, протекающих в человеческом социуме.

— Получается, что мы — игрушка слепых сил?

— «Мы», как собирательное местоимение, — безусловно, а вот «вы», «я» и, возможно, какой-нибудь «он» — не обязательно. Все определяется пониманием основ мироздания, механизма протекающих во Вселенной процессов. Между прочим, знание и сознание — от одного корня. Вам нужно больше читать, Антон. Образование — штука необходимая, но как основа — минимум миниморум. Без постоянной работы мысли, без непрерывного притока информации грош цена любой высшей школе.

Ларионов уже знал, что Артемов, прежде чем заняться палеонтологией, перепробовал множество профессий: был военным моряком, гидрографом, геологом, занимался гелиотехникой и проблемой строительства в зоне вечной мерзлоты.

За словом «проблема» — язык человека не только жалок, но и лжив — скрывалась одноколейка в тундре, соединившая заполярный Норильск с аэропортом. За контакты с иностранцами — английскими моряками знаменитых конвоев, сопровождавших транспорты в Мурманск, инженер-лейтенант Артемов заработал пять лет лагерей. Совместная выпивка с песнями и братанием в офицерском клубе могла потянуть и на большее, но, как говорится, подфартило. Недаром его считали везунчиком: дважды торпедирован и ни одной царапины, три часа в ледяной воде — хоть бы чих. Красавец, косая сажень в плечах, рост под два метра. Такой нигде не пропадет. Открытие металлов платиновой группы на Путоране принесло досрочное освобождение и Сталинскую премию третьей степени по закрытому списку, но до этого пришлось с полной отдачей отра-

батывать пайку кайлом и познакомиться с цингой. Из долгих ночных бесед у костра Антон узнал почти все об Артемове, о том, как тому вылечиться помог шаман. Лежа в чуме у очага, на котором булькал котелок с отваром кореньев, Игнатий Глебович с любопытством прирожденного исследователя постигал дремучую тайну камланий. Пока тело старого ненца в мертвенной неподвижности покоилось на оленьих шкурах, душа его, вознесясь в верхний мир, беседовала с духами на вещем их языке.

Наблюдая за отработанными в веках и тысячелетиях приемами вхождения в состояние транса, Артемов, сам того не ведая, усвоил главное: в человеке таятся неизведанные, подчас грозные силы. Вспыхнул жадный интерес к загадкам жизни, порядком пошатнувший незыблемые доселе сугубо материалистические установки. Верующим в общепринятом смысле он так и не стал, но о многом задумался.

Сосед по нарам, студент-филолог, огребший срок за распространение стихов запрещенных поэтов, нашептал ему ранние строки Осипа Мандельштама:

Облик твой, мучительный и зыбкий,
Я не мог в тумане осязать.
Господи, сказал я по ошибке,
Сам того не думая сказать.
Имя Бога, как большая птица,
Выпорхнуло из моей груди.
Впереди густой туман клубится
И пустая клетка позади.

Стихи нашли отзвук, пробудив смутное воспоминание о чем-то однажды найденном, выстраданном, но утраченном из-за невозможности выразить. Позиций просвещенного атеизма, позитивизма скорее, это однако не пошатнуло. Хотелось докопаться до самых основ жизни, до первых проблесков того, что именуют сознанием.

Получив чистый паспорт и сорванные при аресте ордена, бывший моряк, а ныне подающий надежды инженер-геолог, переключился на солнечную энергетику. Командировку в Монголию, где солнца было с избытком, но не хватало воды, воспринял как подарок судьбы: с детства манил ветер странствий. Ветер и пригнал заплутавшую в гобийских песках экспедицию в свое логово: на печально известную «Дорогу ветров», усеянную костями верблюдов и ржавыми остовами полуторок. Там, в Баин Дзак, среди пылающих на восходе скал, Артемов наткнулся на хребет гигантского динозавра. Ветры, сместив барханы, обнажили русло реки, высохшей задолго до сотворения человека. Наметанный глаз геолога безошибочно выделил из окружающей горной породы окаменев-

шие позвонки, похожие издали на причудливо выгнутую, порядком выветренную кварцевую жилу.

Докторскую степень Артемову присвоили без защиты диссертации, по совокупности печатных работ. Научно-фантастические рассказы и романы принесли ему мировую известность, но только десять или, может, пятнадцать человек понимали, что сделал для науки основатель совершенно новой отрасли — стохастической палеонтологии.

Ходила упорная молва, что экспедиция наткнулась на череп свирепого тиранозавра с идеально круглым отверстием в лобной части, которое иначе, как пулевое, нельзя было истолковать. Он смеялся про себя: огнестрельное оружие за миллионы лет до появления первых обезьян? Нонсенс!

— Вы читаете фантастику, Антон? — поинтересовался Артемов, заметив лежавшую на раскладушке потрепанную книжку Уэллса «Борьба миров».

— Наверстываю упущенное, — смутился Ларионов. — Не успел прочитать в детстве, только картинки разглядывал... Да еще и читать-то не умел. Нянька читала, а после — мать. Была и фантастика про каких-то вэзов с Луны, напавших на Землю...

— Интересно знать, что вам особенно запомнилось?

— Очень немногое... Бравый солдат Швейк, Синдбад-мореход, путешественник Бушуев... и кусочек из Рабле, где на корабль нападает морской змей. Заинтересовала опять же картинка и фраза: «Мы погибли! — вопил Панург». Врезалась в память. Ну, еще, конечно, Гайдар — про маленького часового, который не смел без приказа покинуть свой пост. Мне его в пример ставили. Вот и все, пожалуй. Остальное сугубо младенческое: «Бежит Курица с ведром, заливает кошкин дом», «Разрешите, мама Лошадь, вашу детку покачать»... Но мне больше нравилось: «Климу Ворошилову письмо я написал» и «Возьмем винтовки новые, на них флажки, и с песнею стрелковою пойдем в кружки». Это была моя стихия.

Артемов сочувственно улыбнулся, но не преминул напомнить:

— Что ж, наверстывайте. Самообразование — единственно достойный путь для мыслящей личности. Это сродни подвижничеству монаха, целиком и полностью посвятившего себя познанию Бога. Без права на отдых, развлечения, а тем паче лень. Вам еще многое предстоит наверстать, прежде чем вы сможете сказать свое слово в науке.

— Вы верите в Бога, Игнатий Глебович? — неожиданно спросил Антон.

— Вы имеете в виду всемогущую и всеведущую личность за облаками? Наивно. Основной вопрос философии — иной

коленкор. С духом и материей дело обстоит сложнее, чем нас учили. — Артемов умолк, очевидно, не желая касаться скользкой темы, и, по своему обыкновению, вместо прямого ответа предпочел привести «притчу». В зависимости от темы, времени суток, погоды и настроения в этом жанре могли выступать древний миф и забавная байка, случай из жизни и стихотворение. — Как-то попался мне короткий рассказ, не помню имени автора, об изобретателе совершенного компьютера... Вы знаете, что это значит, Антон?

— Первый раз слышу, — откровенно признался Ларионов.

— Не смущайтесь. Откуда вам знать? Ведь кибернетика — буржуазная лженаука... Учите английский, юноша. Раз уж вы избрали историю, которая что?.. Наука классовая! Насколько я понимаю, вас больше устраивает, так сказать, объективный подход? Я прав?.. Вот видите! Поэтому учите английский. Тогда вам и про компьютер не придется спрашивать. По-нашему, — он сделал упор, — это электронно-вычислительная машина. Лично я вижу нечто большее, чем просто арифмометр. В потенции это искусственный мозг.

— Такое возможно?

— Законы природы не запрещают, но слушайте дальше... Изобретатель нашел способ решить задачу, над которой, наверное, ломают сейчас головы во многих институтах и почтовых ящиках. Он соединил все известные компьютеры в единую систему и задал свой коронный вопрос. Какой, по вашему мнению?

Антон недоуменно пожал плечами.

— О чем вы спрашивали минуту назад? Что волнует человека перед лицом смерти?

— Что нас ждет... там? Есть ли Бог?

— Верно: есть ли Бог. И как, вы думаете, каков был ответ компьютера?.. То-то и оно! — Артемов удовлетворенно кивнул. — «Теперь есть!» — изрек электронный сверхразум.

— Потрясающе! — Ларионов восхитился оригинальной игрой мысли.

— Верно, но это еще не все. Понимая, что совершил роковую ошибку, которая может дорого обойтись человечеству, наш изобретатель схватил кувалду и бросился на взбунтовавшийся механизм, но оттуда ударила молния и покарала дерзкого святотатца. Понимаете, в чем прелесть фокуса? Научная фантастика сомкнулась с типичным сюжетом древних мифов. Из лаборатории, так сказать, с переднего края современной науки в олимпийские чертоги Зевса или индийского Индры... У всех мировых религий есть общая исходная точка — богодухновенная книга: Библия, Коран, буддийские тексты. Не столь уж важно, что Будда, познав истину в себе самом под

деревом бодхи, избегал разговоров о Боге. Не будем вдаваться в тонкости. Важен принцип... Для христианина Иисус из Назарета — Бог в человеческом образе и сын Бога-Создателя, для мусульманина Мухаммед — пророк Аллаха, в конечном счете того же Отца-Вседержителя. Что лежит в основе? Духовный опыт таких, безусловно, выдающихся личностей, как Моисей и Мухаммед, как библейские пророки, отцы церкви, подвижники веры, святые отшельники, но это не мой непосредственный опыт. Все первоучители видели Бога, говорили с Ним, Он открыл им завесы грядущего, они читали в собственной душе, как в открытой книге. Перед нами дилемма: принять на веру чужой опыт или подвергнуть его сомнению? Я не знаю такой области познания, где бы не воспроизводилось однажды обретенное знание. Природе присуще единообразие: то, что случилось однажды, может повторяться бесчисленное множество раз. Не вижу смысла говорить о религии, если ты сам не пережил всего того, о чем говорится в священных книгах. Если Бог существует, мы должны видеть его, если Он вложил в нас бессмертную душу, мы должны ее чувствовать. Во имя Бога пролито столько крови, что впору небесам содрогнуться. Нет, уж лучше не верить. По мне, честный атеист на голову выше любого ханжи-богомольца. Не надо суетиться. В свой черед мы получим ответ на самые мучительные вопросы.

— Или не получим.

— Или не получим. Но это тоже ответ.

Игнатий Глебович скончался в одночасье. Уснул в кресле с книгой в руках и не проснулся. «Как праведник», — говорили старухи на похоронах.

Семью — жену и трехлетнего сынишку — он потерял во время войны: в дом, где они жили, угодила немецкая бомба. Жениться вторично, пройдя через лагерь, не пожелал, целиком отдался науке. Когда же разбился брат, летчик-испытатель, Артемов взял к себе его осиротевшую дочь Алевтину. Ей было тогда четырнадцать лет.

Тинка-паутинка, как ласково поддразнивал Игнат Глебович, закончила школу с серебряной медалью и поступила в Институт иностранных языков. Мечтала переводить французских поэтов, мало известных в СССР в те годы Малларме, Жамма, Фора, Превера.

Ларионов впервые увидел ее в аэропорту по возвращении из экспедиции. Бросилась дяде на шею и повисла, подогнув ножки.

— Позволь представить тебе моего нового сотрудника, — Артемов отдал ей церемонный поклон и, легонько подтолкнув Антона, проворчал шутливо: — А эта юная особа — моя обожаемая племянница... Ты, конечно, на машине?

— А ты как думаешь, Гонт? Конечно!

— Я бы предпочел взять такси, но ничего не поделаешь, поехали, Антуан, — протянул он с прононсом.

Новенькая «Победа» цвета молочного шоколада показалась Антону верхом роскоши. Собственная машина была тогда редкостью, а уж девушка за рулем — вообще нечто из ряда вон выходящее. По крайней мере, в глазах Ларионова, безнадежного дикаря-провинциала.

Когда познакомились поближе, она взялась за его перевоспитание:

— Не шо, а что, не хде, а где — звонче, звонче — ведь ты не говоришь вместо гриб — хрип? А ударение? Не чихнул, а чихнул, не позвонишь, а позвонишь. Эх ты, Галатейчик!

Они решили пожениться после защиты диплома, но не выдержали. На четвертом курсе она взяла академический и ушла в декрет.

На семейном совете мальчика решили назвать Александром, в честь Македонского. На раскопках Ольвии Антон совершил первое, пусть маленькое, открытие: нашел серебряную монету с изображением царя-полубога.

— Достойное знамение, — согласился Артемов, но как-то вяло, вынужденно. — Вообще-то столь ответственные решения не принимаются наобум, с бухты-барахты... Про святцы не говорю. Сами — нехристи. Но есть же тысячелетняя традиция! Настоящий историк обязан ее уважать. Составили бы гороскоп: зодиак, дух планеты, ангел часа и все такое, а там бы уж и об имени подумали, вибрирующее число подсчитали по правилам гематрии...

— Ты это серьезно, Гонт? — Тина подняла удивленные глаза. — Ты же сам не веришь в эту чушь.

— Веришь — не веришь, плюнешь — поцелуешь... Не в том суть. Вся прелесть в игре. И традицию бы уважили. Ты на своего погляди! Не назвали бы Антом, глядишь, в академики бы вышел, а то еле-еле кандидатскую протащил.

— Положим, не еле-еле. Всего один черный шар, — буркнул Ларионов, пряча улыбку: Гонт, как звала Артемова Тина, был в прекрасном настроении.

— Не Ант — Антик, — она скорчила уморительную рожицу. — Античек! — вытянув губы трубочкой, зацокала языком. — Угадали папочка с мамочкой. Антик — это сокровище, это античность, археология... Антик антика нашел! — осенило ее вдруг.

— Ты про его тетрадрахму с профилем сына Зевса? — Артемов удовлетворенно опустил веки. — Это да, это находка.

Ему еще довелось качать внука на коленях и, видя, как он быстро растет, всякий раз удивляться.

— А ведь верно: сын Зевса, а значит, брат Геркулеса? Силач! Настоящий силач! Он еще задушит своего льва.

— Хорошо, что он успел застать Лёку, — наклонясь к Тине, шепнул Ларионов и бросил на голую крышку скользкий ком глины. Он не разрешил обшивать гроб красным и белого не хотел.

— Это не смерть, — покидая кладбище, покачала головой Тина. — Нет! Это уход. Он еще подаст нам знак. Попомни.

— Теперь мы одни на всем свете: ты, я и Лёка, — прижимаясь к ее плечу, уронил Ларионов. В последнее время он часто задумывался о смерти, а тут вдруг понял окончательно и бесповоротно, чем кончается все. Куча вязкой глины, засыпанная увядающими цветами, ленты унылого кумача и едва уловимый, мнимый скорее, запах мокрых астр. Белые с ржавчинкой лепестки дышат дождями и тлением, словно вобрали в себя всю сырость нависших туч и раскисшей кладбищенской почвы. — Осторожно, не поскользнись...

В ту ночь, после похорон, они молча лежали, оцепенев от бессонницы, переполненные муторной тоской. Только перед самым рассветом Антон ненадолго провалился в глухой, затягивающий омут. Погружаясь все глубже и глубже, он вдруг очутился в пустой незнакомой комнате перед тусклым, затянутым пропыленной паутиной зеркалом от пола и почти до самого потолка. Из сумеречной бесконечности на него глядел седой старик с впалыми невыбритыми щеками и слезящимися глазами. Он не сразу узнал себя, а узнав, ужаснулся и пробудился от собственного крика.

— Что с тобой? — устало простонала Тина, включив бра над кроватью, переделанное под электричество из керосиновой лампы с бронзовым кронштейном и фарфоровой емкостью.

— Мне приснился кошмарный сон, — с трудом разлепляя веки, он облегченно вздохнул. — Кажется, я постарел за одну ночь и вроде бы оказался в полном одиночестве. Тебя со мной не было, и я знал... Не могу точно припомнить — улетучивается при малейшем усилии... Да, я знал, что уже не увижу тебя...

— Успокойся, глупенький, я с тобой. Я всегда рядом. Понимаешь? Всегда.

Ларионов приподнялся, опершись на локоть, и потянулся к Тине. Она сидела на самом краешке, вполоборота к нему, вся залитая нежным светом голубого хрустального абажура, неожиданно молодая и тоже как будто просветленная изнутри.

И память, налитая тяжким свинцом утрат, истерзанная, непримиримая память, начала отступать, как море в отлив под бледным серпом на ущербе.

— Значит, все хорошо?
— Да, все хорошо, mon ami.

По длинному, заставленному койками коридору Антона Петровича везли на каталке в реанимационную камеру. Разболтанные колесики, с визгом подпрыгивая на протертом до дыр линолеуме, раскачивали капельницу из стороны в сторону.

«Точно фонарь на мачте терпящего бедствие корабля, — почему-то представилось Антониде. Археолог-подводник, она бывала в морских экспедициях и не раз попадала в шторм, но образ был явно книжный. — О чем я думаю, идиотка?.. Слава Богу, что рядом оказался Нисневич...»

Когда случилось резкое ухудшение, она гуляла в саду. Александр только собирался в дорогу, и профессор ожидал его, петляя вместе с ней по заросшим одуванчиками и осотом дорожкам.

— Сейчас поедем, — заверила Марго, укладывая корзинку с клубникой.

— Схожу гляну напоследок.

Набрякший кровью, широко отверстый глаз говорил сам за себя.

— Забираю к себе в Боткинскую, — заявил Нисневич, не отрываясь от пульса. — Дело дрянь.

Двое суток прошли в тревожном ожидании.

— Он все еще без сознания? — приехав утром в больницу, спросила Нида, тревожно заглядывая в глаза. — Я звонила, сказали — без изменений.

— Изменения есть, и к лучшему, но чисто внешние, а в остальном без перемен.

— Это кома?

— Не уверен. ЭЭГ[1] показывает повышенную активность мозга. Даже слишком.

— И что это может означать?

— Похоже на сон, но это не сон. Во всяком случае, не здоровый. Не знаю, — развел руками Нисневич, — я бы рискнул предположить, что он просто не хочет.

— Не хочет?! Жить? — Антонида почувствовала, как накатывает дурнота.

— При чем тут это? — поморщился профессор. — Жить, просыпаться... Он не в том состоянии, чтобы принимать обдуманные решения. Мозг защищает себя! Вы можете это понять? На уровне ему одному присущих реакций. Назовите это

[1] Электроэнцефалограмма.

инстинктом, самогипнозом... Простите, Нидочка, у меня обход.

— Я подожду?

— Не надо. Уверяю вас, ничего не изменится. Состояние стабильное.

— Но сколько это может продолжаться?

— Спросите у Бога, — Нисневич уже не скрывал раздражения. — Еще несколько дней, а может, месяцев — я не гадаю на картах. Делаем все возможное.

Он вытащил Ларионова («буквально за волосы!») на седьмые сутки.

После интенсивной терапии и долечивания в подмосковном санатории Антон Петрович как будто оправился, но сохранялись остаточные явления: заторможенность речи, скованность мускулов левой половины лица.

— Очень возможно, что постепенно все восстановится, — успокаивал в присущей ему манере Нисневич. — Нет — тоже не вижу большой беды. Человек, который разменял седьмой десяток, ничем не болен, — слишком щедрый подарок для могилы.

Антон Петрович оставил кафедру и окончательно переселился на дачу. Дом был зимний, с паровым отоплением и со всеми городскими удобствами: ванная, газ, телефон. Обитатели соседних дач, преимущественно престарелые работники искусств или их наследники, всякий раз обращали взгляды на большую белую тарелку на крыше, нацеленную в неведомую точку Вселенной. Казалось бы, зачем одинокому старику новомодные прибамбасы? Обычного телевизора не хватает, что ли? Одни завидовали, другие оставались вполне равнодушны, но тоже не одобряли. Когда наезжали проведать дети и внуки, он изо всех сил старался показать, что здоров, весел и полон творческих планов. Смеялся, шутил, но, едва оставался один, погружался в кресло, то самое, на котором уснул вечным сном Артемов, и часами сидел неподвижно, уставясь в одну точку.

Ждал.

Тина, не та сияющая вечной молодостью, а как в тот самый первый раз на веранде — с морщинами и сединой, пришла к нему утром, по пробуждении, и оставалась более часа, и он говорил с ней. Иногда визиты носили довольно регулярный характер, — он так и записал в дневнике: «регулярный» — с интервалом в четыре-пять месяцев, но с последнего появления минуло уже без малого полтора года. Антон Петрович начал понемногу читать, сам разгребал снег фанерной, обитой жестью лопатой, пригрел приблудившегося котенка, но ни на минуту не переставал ждать.

И вот она снова с ним!

— Ты не возьмешь меня с собой?

— Non, mon cher.

— Когда? Bientot?[1]

— Un jour ou l'autre[2].

— Ты можешь назвать срок? Хотя бы приблизительно? Время!

— Время? Не понимаю, о чем ты...

Паутина

Компания Cognitive Technologies, ведущий мировой производитель программного обеспечения для распознания текста, обработки изображений и работы с документами, представила персональную информационно-поисковую систему Евфрат™ (Euphrates™ for Windows). Главное ее достоинство — высокая эффективность и производительность при поиске и извлечении информации. Например, на базе 486-го процессора с 8 Мб оперативной памяти поиск в одном миллионе документов при полном переборе занимает менее 10 секунд.

Магия

Все виды помощи.
Предсказание судьбы.
Мудрый совет в решении ваших личных проблем.
Гадание по кофейной гуще.
Снятие порчи, сглаза.

Интим

Господа!
НЕЗАБЫВАЕМОЕ ВРЕМЯ В ОБЩЕСТВЕ ОЧАРОВАТЕЛЬНЫХ РУССКИХ ДЕВУШЕК
Царский выбор развлечений.
Наши апартаменты.
Приглашаются девушки.
Высокие тарифы.

---

[1] Скоро? (*фр.*)
[2] Когда-нибудь (*фр.*).

Федор Бобышкин, «важняк» из области, в растрепанных чувствах покидал отгороженный от улицы высоким забором с проходной особняк Генеральной прокуратуры. Ему предложили уйти на пенсию. Не то чтобы прямо, но достаточно ясно. В принципе все верно: перешел пенсионный рубеж, но не их собачье дело указывать. Есть прямое начальство, отработанные формы общения, наконец. Не он первый, не он последний. Сам процесс не становится от этого менее болезненным, но все-таки не так откровенно по-хамски.

И главное, кто? Помощник Генерального прокурора, щенок с генеральской звездой в петлице! Он-то тут с какого боку? Или все-таки Салтыковка аукнулась? Вот уж точно — проклятое место. Помнится, говорили, будто там изуверствовала знаменитая Салтычиха. Враки, поди. Она на Лубянке жила — там и свирепствовала. Наверное, уж сто раз бы переименовали. Но место скверное, как ни крути.

А как он распинался, самовлюбленный сопляк, какие словесные кренделя выворачивал! Вы, мол, старшее поколение, много полезного сделали, основы, так сказать, заложили для перехода к цивилизованному правопорядку, честь вам и хвала. Время, однако, на месте не стоит. Век информатики на дворе, всемирная связь, высокие технологии. В криминалистической практике масс-спектрометры используются, эффект Мессбауэра, изотопы... Вы всего этого не имели, не с вас, значит, спрос...

Тут Бобышкин возьми и вверни:

— Очень жаль, любезный, что мы для вас все это изобрели.

Тоже, конечно, не прямо в лоб, — без «любезного», по имени-отчеству, но близко к тексту. Пусть знает. Эффект Мессбауэра! Слышал звон...

А с пенсией Бобышкин еще повременит. Пока дело не закончено, пусть и не мечтают. Не на такого напали.

Федор Поликарпович, находясь под впечатлением неприятного разговора, бездумно побрел вверх по Пушкинской улице, хотя первоначально намеревался совсем в другую сторону: в зоомагазин на Кузнецком, за мотылем для рыбок. Еще вчера, просидев весь вечер перед освещенным аквариумом, где с величавой медлительностью позировали радужные дискусы, ласкал себя мыслью заняться на досуге разведением редкостных пород. Вот тебе и досуг! Опомнился он уже возле кинотеатра «Россия», хотел было повернуть назад, но то ли желание перегорело, то ли в свете возникшей проблемы ихтиологические заботы отошли на задний план.

Решил малость передохнуть, собраться с мыслями. Не ду-

мал, что скажется пресловутая магия места и его, как бы выразился романист, а у романистов натура тонкая, чувствительная, охватит рой воспоминаний.

Между прочим, исключительно уместная метафора. Только бы стоило уточнить: пчелиный рой. Воспоминания хоть и жалят, но в конечном итоге врачуют душу. Боль быстро проходит, и наступает умиротворение. Недаром пчелиный яд широко применяется в медицинских целях, излечивая самые приставучие болячки.

Древние египтяне обожествляли пчелу, пчелки вытягивались в тетиву проказника Эрота, а мученики катары почитали их за священный символ.

Но все это когда-то, где-то там, не у нас...

Язык не поворачивается обозвать любезную сердцу подавляющего большинства москвичей площадь Пушкина скверным местом. Что бы там ни говорили всяческие лозоходцы и геоманты насчет патогенных зон, это никак не снимает вины ни с подлеца, подложившего головую шашку в троллейбус, ни с бритоголовых паршивцев со свастикой.

Сколько свиданий было назначено под электрическими часами, что висели когда-то справа, если стать лицом, от памятника! Сколько волнующих знакомств завязалось на короткой дистанции между пивным баром — был, был такой почти напротив! — и Коктейль-холлом. И такое заведение существовало в незапамятную эпоху. До трех часов ночи работало. За вполне умеренную цену любой студент мог красиво упиться до положения риз. «Маяк», «Дружеский», «Шампань-Коблер», «Флипп» — и готово, в кондиции.

Помнится фельетон в самой главной газете «Жующие соломинку», карикатуры в «Крокодиле», бичующие стиляг: набриолиненный кок, галстук с пальмами и обезьяной, «корочки» на толстенной подошве из микропорки и очень широкие, а затем очень узкие брюки. Вздор все это, смешной и нелепый. По этим карикатурам учились танцевать буги-вуги.

Не за рюмкой с «Маяком» (коньяк, шартрез, яичный желток) выстаивали в полуночных очередях — за глотком свободы. И кучковались на «Плешке», она же «Бродвей», и по десять раз ходили на «Восстание в пустыне», чтобы вдохнуть хоть немного наркотик романтики — недоступной, чужой. Женщина, прекрасней которой нет и не было в мире, переполняла душу сладостной тоской. Выходя из горячего, душного зала на обледенелый тротуар, клялись друг другу, напялив ушанки, найти такую сегодня, завтра, в той жизни, что грезилась впереди.

Вокруг фонарей, источавших желтые, тягучие, как касторовое масло, нити, метались, налипая на ресницы, лохматые снежинки, и сквозь тусклую ночную радугу любая чувиха, уку-

танная в искусственный мех, виделась чуть ли не королевой. Хотелось припасть на колено и, куртуазно склонившись, коснуться губами перчатки.

Казались таинственными приморожeнные мордашки, и холодные пальцы с накрашенными ногтями бросали в дрожь. В каждой мерещилась хоть какая-то частичка Той, неповторимой, единственной. Бесшабашная удаль переполняла — хоть сейчас на дуэль или галопом племена подымать. Какие племена, какая дуэль? Ежели драка в подворотне, то по-рыцарски: один на один и до первой крови. Куда податься: в дипломаты, в разведчики, в моряки?

«Мы живем, под собою не чуя страны», — переписывали строки, чреватые сроком, и не чуяли, не понимали, видели и не видели в двух шагах.

Вой сирен, перекрыто движение, кортеж на дикой скорости по осевой. Серебряные фанфары на радиаторах. Сплошь «ЗИСы-110». В одном из них *Он*. Менты, окаменев, под козырек, на тротуарах оцепенение. Пушкин и тот, как наперед знал, голову наклонил и шляпу за спину припрятал. В электрических струях, бьющих из желтых фар, каменные дома обретают свой прежний облик. Ни аравийских барханов, ни пальм в «банново-лимонном Сингапуре». Только облако света, летящее в ночь. Жуть и восторг, обдающие ледяным жаром.

Пронеслось и, как на переводной картинке, проступают снующие толпы, витрина «Елисеевского» с батареей шампанского и крабами в банках, построенных в пирамиду, а глобус Центрального телеграфа как пуп Земли.

Жизнь продолжается, и давно примелькавшиеся агенты не мешают мечтать и влюбляться в любовь.

Самой убогой обыденности запретный плод придавал сумасшедшую радость. Под затупленной иголкой патефона, хлопая по краям, вращалась рентгеновская пленка с изъеденным раком легкими, пробитым черепом, искалеченным тазом. «Музыка на ребрах» — был и такой фельетон — раздвигала стены бараков и коммуналок, превращая их в небоскребы из стекла и стали, в белоснежные виллы на тропических островах.

Роскошные апартаменты? Условные декорации. Виски, которого не пробовали? Водяра обретала особый букет. Благородство, что мнилось «у них», — протест против нашего хамства. Отсюда этикет для внутреннего употребления и наивное «хэллобобство»:

— Хэллоу, Боб (Борька Сторожев)!

— Салют, мистер Генри (Генка Чистов)!

— Как дела, Джордж (Юрка Волков)?

— Дела о'кей. Встретил Демона. Он теперь в разведшколе.

В какой разведшколе мог обретаться Демченко, не закон-

чив десятилетку, осталось непроясненным. Волновало другое: с кем будет красавица Таня Визовская, считавшаяся его «женой».

Девочки, девочки — где вы теперь?

— Мы, кажется, с вами встречались?

— У тебя есть подруга? А то тут поблизости хата у одного чувака...

Куда только не разметало тебя, трижды обманутое уходящее поколение? И кто вправе вынести тебе приговор?

Фонтан как вазочка, снег — мороженое.
Аптека. Уборная. Бар.
Рельс тротуара измызган, исхоженный
Мильоном вертлявых пар...

Опустившись на скамейку у гранитного парапета, Федор Поликарпович припомнил стихи соседа по парте в 9 «В» классе. Кому он подражал, психованный Джерри: Маяковскому? Блоку? А, неважно! И имя запамятовалось, и не в стихах суть, хотя и в стихах тоже, но главное — все-таки бар. Они с Джерри впервые в жизни переступили порог питейного заведения, с замиранием ожидая, что их тут же вышибут по причине малолетства. Однако ничего, обошлось. Взяли по кружке бочкового «Жигулевского», сто пятьдесят в граненых стаканах, сосиски с тушеной капустой и едва не бегом к самому дальнему столику. Господи, как же стало им хорошо! Сколько было потом банкетов, фуршетов, интимных пирушек и дружеских междусобойчиков, но тот, опрокинутый залпом стакан, спешно запитый из кружки, не забудется никогда. Обжигающая, инстинктивно противная сладковатая горечь и осаживающая прохлада, обдавшая кисловатым бродильным душком. А сосисок таких нынче не сыщешь, и тушеной капусты в заводе нет.

Сосиски с капустой я очень люблю,
Алямс, алямс, алямс...

А это откуда? Из какого кино?

Хот-дог с кетчупом — дрянь: никакого вкуса, и булка как из сырой ваты.

Бобышкин всюду продержался в середнячках. И родители — не верхи не низы — в меру обеспеченные, скромные труженики, и успеваемость ближе к четверке, чем к тройке, и поведение. В младших классах тянулся к приблатненной шпане, но далеко не зашел, остепенившись после первого привода. Вступил, как положено, в комсомол, но активистом не заделался, ограничившись уплатой членских взносов. Собрания, 20 коп. в месяц — и общий привет. К школьной аристократии примкнул с неподдельным энтузиазмом. Втайне гордился принад-

лежностью к «золотой молодежи», куда они сами себя причисляли, к «плесени», согласно официальной фразеологии.

Впрочем, и тут Федор (Фред) оставался на вторых ролях. Так уж вышло с местом жительства, что на одной стороне правительственного шоссе стояли дома ЦК, а на другой — МГБ и МИДа. За сынками цековских работников и дипломатов, составлявших добрую половину особой, привилегированной школы, тянулся из последних сил: и шмотки не те, и на ресторан не хватало. Чтоб хоть как-то соответствовать, тайком таскал букинистам отцовские книги, продал альбом марок, разгружал вагоны с арбузами на сортировочной. И грустно, и смешно. Опускаешься в прошлое, как в ванну: едва начнет остывать, сами собой открываются краны с горячей водой, и внутри как-то сразу теплеет.

Вроде были друзья, да сплыли. Кто где, неведомо. Небось все уж на пенсии, если дожили, и никто не выбился в звезды. Вот вам и поколение!

Один все же преуспел. Как же его звали, сукина сына? Секретарь комсомольского комитета, сволочь отпетая... Следил за каждым шагом. На остановке троллейбуса, у шашлычной «Восток», куда чаще всего ходили, часами выстаивал. И сразу к директору: этот пьяный, тот пьяный. И на комитет: моральное разложение, космополитизм, тлетворное влияние Запада... В академики выбился по атомной части. После Чернобыля чего-то там разоблачил, насчет конструкции реактора, съездил туда пару раз, а после взял и застрелился. Как был невротиком, так и остался. Погасла звезда.

Интересно, куда подевался Пономаренко, сын секретаря ЦК? Пырнул ножом одноклассника на переменке и как в воду канул. А Рыбальчик, Рыбальчик где? Вот уж переполоху наделал! Только и разговоров: «Рыбальчик стрелялся, Рыбальчик стрелялся... Несчастная любовь или что похуже?» В женских школах еще вычисляют виновницу, а она тут как тут, и не одна, их как минимум трое. Ходят с убитым видом, как бы украдкой смахивая слезу. Цирк! Разочаровал публику Рыбальчик: пуля навылет прошла, не задев жизненных органов. Из комсомола его поперли. Ни одна стерва не поддержала. Походил месяц эдаким Грушницким и сгинул.

Своеобразное поколение, ничего не скажешь. Кто в скрипачи, кто в стукачи.

Чего же суетиться, коль сходим на нет? Закон природы: пора. На пенсию, конечно, не проживешь, но была бы шея. И время такое настало, что за приработком далеко ходить не приходится.

Разводить рыб одно удовольствие, или те же растения! Кабомба, людвигия, криптокарина — красота. Простая валисне-

рия на Птичьем рынке и та десять тысяч за кустик, а уход за водорослями минимальный — поливать не требуется, был бы свет.

Бобышкин чувствовал, как с каждой минутой отходит сердце, успокаивается. Удалась жизнь, не удалась — особо жаловаться не приходится.

Юридический институт, это уж после факультет при университете образовался, он выбрал более-менее осознанно. Романтический зуд, несомненно, дал знать о себе, но главным аргументом явился невысокий конкурс, да и у отца — юрисконсульта Министерства путей сообщения — были кое-какие связи.

Отбыв по распределению два года в Тамбове, Бобышкин возвратился в Москву и устроился в транспортную милицию. Расследовать приходилось в основном хищения и подпольные аборты в бараках, но случались и более серьезные происшествия, со смертельным исходом, преимущественно по причине халатности либо пьянки. На первое убийство выехал, как положено, с прокурором. Во рву под насыпью, почти как у Блока[1], путевой обходчик наткнулся на труп молодой женщины со следами множественных ножевых ран. Место происшествия случайно оказалось в двух шагах от дома. Ров и впрямь был некошеный, потому как в нем не росла трава, но протекала вода. В детстве Бобышкин ловил там мотыля и циклопов для своих рыбок.

При осмотре он обратил внимание на характерные рубцы от инъекций на руках жертвы, высказав вполне обоснованное предположение о долговременном употреблении наркотиков.

— Забудьте о наркомании, — отрезал прокурор. — В нашей стране такой проблемы не существует. Убийцу нужно искать.

Федор Поликарпович подчинился и ограничился в следственной версии исключительно бытовой стороной. Убийцу, впрочем, так и не нашли, что, как ни странно, ничуть не подпортило карьеру. Скорее, наоборот. Не прошло и года, как молодого следователя перевели — сначала в транспортную, а затем и в областную прокуратуру, где он, медленно продвигаясь по служебной лестнице, дорос до «важняка». Много чего было за долгие годы, но вроде нигде особенно не замарался и даже с блеском раскрыл несколько дел, достаточно громких.

Осталось последнее: достойно завершить. Хотя бы из чистого самолюбия.

По сей день, однако, никаких концов обнаружить не удалось. Ритуальное убийство в Салтыковке, или просто убийство с последующей имитацией под жертвоприношение, грозило внести свою скромную лепту в процент нераскрытых дел.

---

[1] «Под насыпью во рву некошеном лежит и смотрит, как живая...»

Между тем именно это преступление, само по себе неординарное, можно даже сказать, из ряда вон выходящее, явственно обретало таинственную окраску.

В ходе патологоанатомической экспертизы, в теменной кости (череп почти не пострадал от огня) было обнаружено идеально просверленное отверстие. Оно в точности пришлось на то самое место, где у новорожденных находится так называемый «родничок», быстро зарастающий по мере самостоятельной, вне материнского организма, жизни. Металлографический анализ подтвердил предположение, что отверстие проделано стальным сверлом в ходе неизвестно с какими целями проведенной операции. Причем сделано это было за два-три дня до предполагаемой даты смерти. Вопрос о том, продиктована ли данная, практически не применяемая в хирургической практике трепанация черепа медицинской надобностью, оставался открытым.

Сухим остатком от визита в Генпрокуратуру, помимо обмена мнениями с наглецом-помощником, стала наводка на одного доктора наук из Института морфологии человека. Институт находился на улице Цюрупы, что ничего не говорило Бобышкину ни в смысле географического расположения, ни в ономастическом аспекте.

Цюрупа вроде каким-то образом связан с Лениным, что, понятно, ровным счетом ничего не значит. Связан — не связан: как говорится, до лампочки. Единственное, что требовалось, так это справочник московских улиц. Таковой в Облпрокуратуре наличествовал, чего никак нельзя сказать о служебных машинах. Дефицит распространялся не только на транспорт, но буквально на все: физико-химические анализы, баллистику, не говоря уже об анатомичке и ящиках в холодильнике.

Мест для трупов катастрофически не хватало, а повторной экспертизы не избежать.

Мысль о том, чтобы напоследок навесить на родное начальство дополнительные расходы, принесла садистское удовлетворение.

ФАЙЛ 012

WWW[1] — ДОМАШНИЕ СТРАНИЦЫ

ОТКРОЙТЕ В СЕБЕ ТЕЛЕПАТА

Телепатию называют «шестым чувством», хотя считается, что чувств у нас всего пять. Поэтому более осторожные

[1] World Wide Web — всемирная система «домашних страниц». Дословно Web — паутина (*англ.*).

исследователи предпочитают термин «сверхчувственное восприятие», или экстрасенсорика. Несмотря на обилие внезапно объявившихся экстрасенсов, наука все еще не пришла к определенному мнению насчет природы этого неуловимого и переменчивого явления.

Область парапсихологии включает в себя передачу информации без физического воздействия на органы чувств человека — сверхчувственную передачу мысли, если говорить попросту. Кроме того, стоит вопрос о возможности мысленного воздействия на предметы. Всего различают четыре основных вида таких экстрасенсорных явлений: собственно телепатию, ясновидение, предвосхищение грядущих событий и психокинез. Телепатия, пожалуй, самая древняя и наиболее известная составляющая феномена, который парапсихологи обозначают греческой буквой «пси». Душа, как известно, именуется «психо». И хотя чужая душа — потемки, какая мать не спешила «безо всякой на то причины» к своему ребенку именно в тот момент, когда он нуждался в помощи? Или возьмите сказанное в «один голос» слово. С кем не бывало такого? А кто из нас не поднимал телефонную трубку, как бы уже заранее зная, чей голос он услышит сейчас? Вся история человечества изобилует свидетельствами мысленной связи между близкими людьми. Особенно в тех случаях, когда одному из них угрожало несчастье.

О «сигналах смерти», уловленных в ту же секунду на самых дальних расстояниях, говорили еще древние египтяне и греки. Можем ли мы не верить таким гениям, как Еврипид и Шекспир, Пушкин и Гете, Шиллер и Апулей? Французский астроном и писатель Камиль Фламмарион собрал целую коллекцию более-менее достоверных случаев телепатии и психокинеза. Наконец, Библия — «книга книг». Она буквально переполнена ясновидческими пророчествами, будь то знание свыше, вещие сны или буквы, что внезапно зажглись на пиру Валтасара.

В феврале 1971 года американский астронавт Эдгар Митчелл, участник лунной экспедиции «Аполлон-14», провел первый телепатический сеанс из космоса. Еще перед полетом он договорился с несколькими знакомыми, что станет посылать им мысленные сигналы — 25 за сеанс. Причем делать это он намеревался во время положенных по расписанию перерывов, т.е. в свободное от штатной работы время.

В эксперименте использовались так называемые карты Зенера, на которых изображены пять символических фигур: три волнистые линии, круг, крест, звезда и квадрат. Поскольку в стандартной колоде 25 карт, то каждый символ повторяется пять раз. Карты выбрасываются с помощью специальной машинки, обеспечивающей бессистемный порядок.

Двое друзей Митчелла, принимавшие сигналы из космоса

в строгом уединении, продемонстрировали статистически весьма представительные результаты. Из двухсот карт им удалось угадать 51, тогда как статистика предусматривала всего лишь 40. На основании этого Митчелл заявил: «Телепатия существует. Это еще неизведанная область, но ее нужно исследовать с той же целеустремленностью, с которой мы исследуем другие науки».

Для проверки своих способностей к экстрасенсорному — внечувственному восприятию совсем не обязательно пользоваться картами Зенера. Подойдут и обыкновенные. Доктор Райн, американский исследователь телепатических явлений, предложил следующий метод. Из полной, т. е. в 52 листа, колоды выберите 4 туза и положите их на столе рубашками вниз. Затем возьмите всю колоду и тщательно перетасуйте карты, держа их рубашками вверх. Теперь сосредоточьтесь и мысленно решите, какую масть вы хотите вытянуть из колоды. Не глядя на вынутую карту, положите ее на соответствующего туза и вытяните следующую. И так до конца. Закончив раскладывание карт, откройте каждую из четырех стопок и проверьте количество совпадений.

Из 48 задуманных и вытащенных вами карт по теории вероятностей лишь 12 будут соответствовать мысленному выбору. Разумеется, такой результат никак не указывает на наличие телепатического дара. Если он у вас действительно есть, то, по крайней мере, 20 «очков» вы должны были набрать с первого раза. В течение 10 попыток хорошо бы в среднем угадывать по 15 раз. В целом это составит 150 попаданий, т.е. на 30 больше статистической суммы 120. Для серьезного и строго поставленного опыта подобную процедуру следует повторять множество раз. Тем более, если вы действительно обладаете задатками ясновидения. Всякий талант нуждается в развитии. Получив с первого раза обнадеживающий результат, вы вскоре убедитесь, что ваши показатели постепенно растут.

Для дальнейшего совершенствования обратитесь в АОЗТ «Светосила».

ФАЙЛ 013

Антонида Ларионова стояла перед фотографией-паспарту, как перед зеркалом. С беспощадной и горькой зоркостью женщины, заметившей первую осеннюю паутинку, пристально вглядывалась в чужие, но такие узнаваемые черты.

Классики подробно описывали внешность своих героев, интуитивно угадывая в этом какой-то особый смысл. В потоке эпигонской литературы славная традиция выродилась в фор-

мальный прием. Наиболее прозорливые из модернистов сообразили, что достаточно отдельных отрывочных деталей, чтобы читатель дорисовал в своем воображении законченный портрет. Основной дефект большинства экранизаций в том и кроется, что возникший в воображении образ не совпадает с обликом загримированного актера.

Тут есть над чем поразмыслить художникам виртуальной реальности, за которой будущее.

Антонида Антоновна время от времени размышляла над этой проблемой, но исключительно на свой лад и применительно к собственной персоне. Поводом, а вернее причиной, и послужила та самая застекленная фотография в кабинете покойного деда.

Антонида родилась, когда Артемова, а она, не лишне уточнить, приходилась Игнатию Глебовичу внучатой племянницей, уже не было в живых, а кабинет, вместе с дачей, перешел к папе с мамой. По молчаливому уговору, все вещи остались на своих местах: старые книжные шкафы, потертый кожаный диван, шкура белого медведя на полу и китобойный гарпун в углу.

Фотография, магнетически привлекавшая к себе Антониду, висела над письменным столом, между медитационной мандалой — подарком бурятского ламы, и шаманским бубном с изображением ворона. Возможно, наэлектризованные духовной энергией атрибуты и сообщали любительскому снимку какую-то дополнительную притягательность, только Антонида в такие тонкости не вдавалась. Волновало, мучило и одновременно радовало удивительное, ничем не объяснимое сходство между лицом на цветной фотобумаге и ее собственным, Антониды, лицом.

Фотография была сделана с фрески, обнаруженной на стене Кносского лабиринта, раскопанного Эвансом. По всему было видно, что она писалась с натуры. Критская царевна, а может, царица или вовсе служанка, любимая рабыня-наложница — неважно, кто именно, ну, никак не могла находиться в кровной, пусть и самой отдаленной связи с обыкновенной русской женщиной, родившейся в Москве в таком-то году, под знаком Весов, или исторического XXII партийного съезда, что дает еще более точную хронологическую привязку.

«Царевна» — пусть так, хотя древнейший живописный шедевр известен в научном мире под условным названием «портрет парижанки», — была представлена в профиль. Ее трудно назвать красивой, но в очаровании не откажешь никак. Тем более эталон женской красоты менялся от века к веку. Сравним хотя бы кисть Рубенса, упивавшегося торжеством пышной плоти, и худосочные формы Яна ван Эйка: болезненно-бледная кожа, глаза, прямо-таки кричащие о неладах со

щитовидкой, вздутый живот. И тот и другой — фламандцы. Разница всего в два столетия. Что же говорить тогда о кошмарной бездне в тридцать пять веков! Подумать и то жутко.

Нет, «парижаночка» определенно прелестна — вневременно хороша! Между прочим, название выбрано на редкость удачно. Кносский мастер словно предвосхитил женский тип, излюбленный импрессионистами. Право, такое понятие, как прогресс, неприменимо к искусству.

Черные как смоль кудри, слегка растрепанные, вьющиеся, вздернутый, заостренный носик, чувственные губки, румяные щечки, а глаза... О, эти глаза! Без ложной скромности, Антонида могла сказать, что ничем не уступает критянке. Мысленно прикинула на себя ее платье.

Высокая грудь обнажена по тамошней моде, принятой и при дворе фараонов, поддерживавших с критской талассократией[1] оживленные торговые связи.

Словом, плутовка из Кносса выдерживает сравнение с любой знаменитой красавицей прошлого и настоящего. Формы Венеры Милосской безупречны, но навряд ли она бы подошла в Голливуде на роль секс-бомбы. У Нефертити, с ее кинематографическими скулами и сексуально очерченными губами, в этом смысле есть определенное преимущество. Амплуа роковой женщины — аристократки или международной авантюристки — ей к лицу.

Но если подсчитать, сколько мужчин за четыре тысячи лет предпочли своих королев и богинь какой-нибудь резвой субретке, выйдет умопомрачительное число. Наверняка больше, чем камней в пирамиде Хеопса и закоулков в Лабиринте быкоглавого Минотавра.

Я могу из горничных делать королев... — похвалялся Игорь Северянин. Премудрый Соломон сотни раз доказал эту тривиальную истину на личном примере...

Нет нужды повторять, как выглядела Антонида. В паспарту, что повесил когда-то Артемов, она могла бы глядеться, как в зеркало: почти как в зеркало, если совсем честно. С той поры, как было замечено, и не ею одной, поразительное сходство, она не переставала размышлять над загадкой, тайной, игрой — назови, как хочешь, — природы.

Артемов, пусть не мамин отец, а дядя, был ярко выраженный голубоглазый блондин, типичный варяг новгородских кровей. И дед, судя по фотографии, тоже светлый. Внешность бабушки по материнской линии осталась невыясненной из-за отсутствия снимков, но у мамочки определенно светлые пепельные волосы и серо-голубые глаза.

---

[1] Талассократ — «властелин морей» (*др.- греч.*).

С папиной стороны тоже как будто не отмечено доминирование черного пигмента. Сам он скорее шатен — нет-нет и мелькнет сквозь тусклое серебро каштановый проблеск. Своего отца он помнил смутно, а от Зои Кирилловны сохранилась только маленькая карточка, но, по его словам, она была золотоволосая, как Венера Боттичелли.

Брат Саша тоже шатен, правда, полысел здорово, зато племяшки, как весенние одуванчики, видно, в бабушку Зою.

Прежде чем с присущей ей страстностью увлечься подводной археологией, Антонида закончила биофак МГУ по специальности биология моря. В силу полученного образования, она и мыслила научно, на современном уровне и уж конечно была в курсе классического закона расщепления признаков 3 : 1.

Лысенковщина лежала для нее в том же ряду, что испанская инквизиция или, допустим, опричнина. И напрасно. По крайней мере, было бы хоть какое-то, пусть и абсолютно антинаучное объяснение каверзам черной доминанты.

Уж коли ель способна превращаться в сосну, а рожь — в пшеницу, возможна любая чертовщина.

Но если бы только пигмент! А нос, губы, эти вьющиеся патлы? Она и грудь сравнивала — похожа. Как туго закручено все — в природе, в человеке, в истории...

Не займись Мендель скрещиванием цветного горошка, не будь столь пытливы и несгибаемы вейсманисты-морганисты, эти «мухолюбы-человеконенавистники», как заклеймили бедняг в «Крокодиле», мы бы не знали законов генетики.

И напрасно полагать, что с горошком и мушкой-дрозофилой проще, чем с человеком. Получается порочный круг. С одной стороны, наш век слишком долог, с другой — обидно короток. Мушка за какой-нибудь месяц отгрохает дюжину поколений, и сразу становится понятно, как распределяются признаки. Впрочем, понятно кому? Наблюдателю с микроскопом, а отдельно взятая дрозофила умирает, так и не успев проследить, как меняются, к примеру, крылья в длинной череде потомков и предков.

Короче говоря, мы в равном положении с дрозофилами. Редко кому удается, придя в этот мир, застать в живых прадеда и, уходя — куда? — успеть понянчить правнуков.

Смахнув фигуры с доски, Великий Архитектор имеет обыкновение расставлять для новой партии новые пешки, не делая исключений и для королей.

Кстати, о королях. Специалистам-генетикам удалось проследить по портретам, с каким педантизмом в августейшем семействе Габсбургов наследовалась нижняя оттопыренная губа. Триумф науки!

Только не знаешь, радоваться или заранее лить слезы по

поводу таких триумфов. Генная инженерия чревата бомбой почище ядерной, а случайная утечка лабораторного материала (на основе E. Colli, мирно обитающей у нас в кишках) грозит Чернобылем во всемирном масштабе. Всемирная, опять же, паутина...

В общем, куда ни кинь — всюду клин. Даже от безмолвных портретов черной магией частенько попахивает. Вспомним хоть Николая Васильевича Гоголя — «Портрет» или Оскара Уайльда — «Портрет Дориана Грея». Алексей Толстой и тот не выдержал — графа Калиостро заставил оживить «Овальный портрет» (так рассказ называется) чьей-то умершей бабушки.

Главлит, понятно, косился, но скрепя сердце мистику пропускал. Как же, «красный граф», под покровительством *Самого!*

А какая тут особая мистика? Подумаешь, ходячего кадавра из рамы вывели! Ольга Лепешинская посредством куриного яйца живое из неживого выращивала. Вот уж фокус так фокус! Обратный процесс — это уж проще пареной репы. Соратник по большевистскому подполью, удостоивший истинно революционное открытие премией своего имени, только тем и занимался, что живых людей в лагерную пыль перемалывал.

Жизнь и смерть перетекают одна в другую на наших глазах. Радуев ожил? И Дудаев, того и гляди, оживет.

Ничто не исчезает бесследно — ни черная магия, ни самая дремучая некромантия. Вся разница между забытым прошлым и ликующим настоящим только в том, что электронные средства позволяют вывести тень без темных полотен с ликами грешных предков, пожелтевших фотографий и вообще без реального образца, как живого, так и не живого.

Трехмерная графика в киберпространстве творит любую материю из чистой энергии.

Мертвецы оживают в виртуальном пакете, неотличимом от духа, некогда занимавшего тело, или, случается и такое, идеально подобранного двойника.

В том же, что абсолютно похожие друг на друга особи не такая уж редкость, сомневаться не приходится. С падением «железного занавеса» конкурсы, парады и праздники двойников пришли и на нашу улицу. Недаром обещано: «Придет и на нашу улицу праздник!»

Владимир Ильич, Иосиф Виссарионович, Леонид Ильич идут в одной шеренге с обоими президентами, а уж от Аллочек Пугачевых и Мэрилин Монро просто отбоя нет.

Даже свой, отнюдь не нордический, бесноватый фюрер имеется и свой, исконно славянский Рональд Рейган. Вот она, наглядная демонстрация пляски хромосом и игры генов!

Верьте в науку, господа-товарищи, ибо точно подсчитано, что с вероятностью 1 : 200 000 у каждого человека есть точная копия на Земле. Эдакий однояйцевой близнец. Все мы происходим от единой праматери, как в библейском, так и в узкогенетическом смысле. Поэтому нечего удивляться, что и наши двойники могли жить в любых эпохах и странах, принадлежать к разным расам и ничего не знать о нас, как мы ничего не знаем о них.

Антонида Ларионова очень и очень хотела узнать про критскую «парижаночку» как можно больше, что в конечном счете и предопределило постепенный отход от изучения океанической фауны к не менее увлекательным, но куда как более темным тайнам погибших цивилизаций. Могла ли она ожидать, что это окажется теснейшим образом связанным с тайной затонувших материков и загадочным поведением угрей? Миф об Атлантиде и угри в Саргассовом море, город Ста Золотых Ворот и диатомовые водоросли.

Думая о своем, Антонида могла часами простаивать перед фотографией. Прямо-таки медитировала. Однажды ее застал за этим занятием Андрей.

— Ты чего, Тида? — он один ее так называл: «Тида».

— Ничего. Здравствуй, племяш.

— Не налюбуешься на прабабушку?

— Не паясничай.

— Я вполне серьезно. Хочешь, свожу на Крит?

— Не по мне такая роскошь.

— Нашла, о чем говорить! Не проблема.

— Я сказала: нет.

— Так и будешь вариться в собственном соку? Давай открою тебе Дабл Ю — Дабл Ю — Дабл Ю?

— Это еще что за блеяние?

— Темнота, тетушка, ох темнота! Про домашние страницы слыхала? Сделаю тебе адрес на одном из своих компьютеров — и лады!

— Зачем?

— Думаешь, ты одна такая рехнутая? В мире полно всяких ассоциаций. Только любителей черепах или махровых тюльпанов в сетке штук сто, ну пусть не сто, но с десяток наверняка наберется. А твоя Атлантида?.. Думаю, в каждом городе есть что-то такое. Наверняка и журналы выходят, и научные симпозиумы устраиваются. Или нет?

— Журнал «Atlantis», во всяком случае, есть.

— Вот видишь! Дай знать о себе, старушка! Ты же у нас еще ого-го! — Андрей схватил ее за талию и закружил по комнате.

— Пошел прочь, гаер! — засмеялась она.

— Будешь выступать на телеконференциях, получать всякую муру по электронной почте... Глядишь, что-нибудь и обломится. Грант какой-никакой, симпатичная поездочка! Сейчас-то с этим не густо. Верно говорю?

Паутина

Авторы, компании-исполнители и студии звукозаписи смогут выдавать разрешения и взимать плату за передачу своей продукции через Интернет и другие компьютерные сети.

Пройдя процедуру утверждения в правительствах, соглашения должны дать мощный толчок дальнейшему развитию Интернета, поскольку в новых условиях производители заинтересованы в широком использовании сети для распространения своей продукции.

Магия

ЭКСПЕРТ-ПАРАПСИХОЛОГ
ВЫСШЕЙ КАТЕГОРИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО КЛАССА
Снятие порчи, родового проклятия, отвороты, избавление от одиночества.
Решение семейных и любовных проблем.
Снятие алкогольной зависимости (можно по фотографии).
Коррекции кармы, открытие удачи, заговор на деньги.
Защита от злой воли.
Обереги Вам и Вашим детям, в том числе дому женщины от приворота мужа разлучницей.

Интим

Господа! С удовольствием приглашу в гости интересного в общении мужчину, состоятельного и не слишком юного. Попробуйте позвонить — возможно, Вас ожидает приятный вечер в обществе очаровательной женщины. Владею массажем.

ФАЙЛ 014

Недели через две после триумфального поп-концерта на Васильевском спуске Красной площади суждено было пережить еще одно явление из преисподней или нечто ему подобное.

Небольшая делегация из Тамбова, прибывшая на пленум КПСС — есть такая партия! — по собственному почину отправилась возложить цветы на могилу товарища Сталина. Когда скромная церемония близилась к финалу, откуда ни возьмись, словно из-под земли, возник неряшливый гражданин с одутловатым лицом, с большим носом и жалкими усиками. Не то кавказец, не то цыган, но какой-то потасканный и весьма подозрительный. Повернувшись к бюсту, он заглянул в гранитные невидящие глаза и плюнул да еще кулаком погрозил. У делегации, почти сплошь состоявшей из людей преклонного возраста, хулиганская выходка вызвала законное возмущение. Сухощавая старушка в вязаной кофте, увешанной медалями и значками, без лишних слов огрела богохульника палкой с портретом генералиссимуса.

— Так его, бомжа! Сиониста-дерьмократа! — одобрительно поддержали друзья и единомышленники, грозно сомкнув ряды.

Вне зависимости от наличия или отсутствия места жительства, а также причастности к мировому заговору, несдобровать бы наглому инородцу, будь он от мира сего. Но где там... Пройдя, как сквозь воздух, самодельная рамка углом шваркнула о булыжник и раскололась, пронзив острым отщепом любимый образ. Не в том беда, что портрет попортили, хоть и жаль, а в том, что террорист-дерьмократ исчез тем же порядком, как и появился.

Ветераны и сопровождавший их здоровяк офицерского вида так и застыли с раскрытыми ртами, а гневная брань оборвалась на полуслове.

— Как же... это? — с трудом разгибаясь, пролепетала отважная воительница и, осенив себя крестным знамением, заголосила на всю площадь.

Едва оправившись от пережитого потрясения, участники пленума принялись выяснять, что же все-таки произошло. Предположения высказывались самые разные, даже спор завязался между ортодоксами-атеистами и пошатнувшимися на почве нечистой силы и прочих экстрасенсорных проявлений партийцами. Навару от подобной дискуссии ожидать определенно не приходилось. Только раскол внесла в монолитное единство.

Когда страсти понемногу улеглись, примирителем сторон

выступил глава делегации — представительный седовласый мужчина лет семидесяти, в черном двубортном костюме с орденскими планками в четыре ряда.

— Знаете, кто это был? — он окинул суровым взглядом притихших соратников. — Товарищ Цюрупа! Я его помню: он мне пионерский галстук повязывал.

Послышалось смущенное покашливание. По лицам было видно, что семя упало на неподготовленную почву. Вроде бы что-то слыхали про такого, а там кто его знает...

— Но ведь он того... Кажется, помер? — неуверенно пробормотал румяненький старичок, приставив ладонь к уху. — А?

— Тут и захоронен, — последовало авторитетное разъяснение. — В стене, — и хоть бы нотка удивления прозвучала, а ведь впору было не то что прийти в изумление — в оцепенение впасть. Где это видано, чтобы замурованный в стене прах, пепел по существу, материализовался, да еще столь скандальным образом? Если когда и случалось такое, то в давние времена, где-нибудь в старом замке или на кладбище. Но разве седой Кремль, познавший и славу, и великие злодеяния, не град, не замок? И некрополь под зубчатой стеной — не кладбище с колумбарием?

Вопреки очевидным фактам, провести подобную параллель едва ли возможно. По соображениям деликатности. И стойкие безбожники, и новообращенные православные могут неправильно понять. Поэтому ни слова о магических тайнах Египта! Невольно соскользнешь на опасные аналогии: мистика пирамид, фараоны, мумии...

Столько лет твердить: «Всегда живой, всегда с тобой» — и не уверовать?

Коснулось ли хладное дуновение суеверия растревоженных тамбовчан или еще какая идея их осенила, только бросились они к той самой стене разыскивать доску пусть и забытого, но вождя.

Обежали всю аллею туда и обратно и ничего не нашли. Нет такого. Соврал бывший номенклатурщик, а ныне секретарь райкома, не иначе, соврал.

Весть о скандалезном происшествии едва не сорвала работу пленума, но железная дисциплина вновь одержала верх.

Поиски причины необъяснимого явления могут завести достаточно далеко. Те, кому повсюду мерещатся патогенные зоны и всякая энергетика, ничего общего не имеющая с паром, электричеством или управляемой цепной реакцией атома, ответ найдут без труда. Другого такого сгустка «энергетики» (в их представлении), как на Красной площади, нигде

в мире не сыщешь. Тут тебе и лобное место, где, кстати сказать, зачитывали указы, а не рубили головы, и Иван Грозный, и Петр на Стрелецкой казни, а про Сталина и говорить нечего. Но причина, причина где? Так сказать, побудительный импульс? Муссируемые в печати слухи о какой-то там «Башне Мерлина», где колдует высокопоставленный генерал из президентской охраны, следует решительно проигнорировать. После отставки главного охранника сместили и генерала-оккультиста, так что вопрос закрыт. Правда, остался аппарат и, главное, компьютерная техника, но о характере напряженного электромагнитного поля, спеленавшего кремлевские дворцы, без микроволнового перехвата судить трудно. И сигнал наверняка закодирован.

Единственно, что возможно предположить, и то в порядке бреда, так это мимолетное возбуждение нейронов либо центров в мозгу Федора Поликарповича Бобышкина, следователя по особо важным делам. И в самом деле, разве не мысль дала начало всему?

Достаточно ничтожной флюктуации, чтобы вызвать в физическом вакууме — единственном источнике всех виртуальных частиц — непостижимые умом процессы неслыханной мощности, да еще с абсолютно непредвидимыми последствиями. Лавину в горах вызывает упавший камень, своего рода триггер — спусковой механизм.

Пусть в ту минуту Федор Поликарпович находился далеко от указанного места, это не имеет никакого значения, ибо мысль не подвластна пространству и времени, а он подумал...

От метро «Профсоюзная» до улицы Цюрупы можно доехать на троллейбусе или автобусе. В первый раз дорога показалась Бобышкину довольно долгой и утомительной, но теперь он ехал в Институт морфологии человека, как к себе домой, погруженный в заботы и размышления. Будучи человеком обстоятельным и не лишенным любознательности, следователь не только определил маршрут, но и уточнил, по Энциклопедическому словарю, принадлежность Цюрупы к ленинской гвардии. Слава Богу, память не подвела. Есть еще, значит, порох в пороховнице. Александр Дмитриевич Цюрупа действительно оказался ближайшим сподвижником вождя революции. В годы военного коммунизма он занимал важный пост наркома продовольствия, а при НЭПе — заместителя Председателя Совнаркома и СТО — Совета труда и обороны.

На сем краткий экскурс в историю и закончился. Биография товарища Цюрупы нисколько не занимала Бобышкина. Вполне хватало обрывков знаний, оставшихся от поверхностного изучения «Краткого курса». Дальше в своем политическом образовании он не продвинулся, невзирая на то, что не

сдал партбилет и тайком платил членские взносы, исправно голосуя за коммунистов. Нельзя сказать, что ему так уж нравилась КПРФ и в особенности ее лидеры. Многие из них вызывали совершенно противоположное чувство, граничащее с брезгливостью, но оставалась идея. Считая себя человеком порядочным, Федор Поликарпович хранил верность... Он бы и сам затруднился объяснить, конкретно чему. Как сказал кумир его юности Евтушенко: «Проклинаю и плачу». Проклятия — это, конечно, перебор, но клочья красных знамен вызывали двойственное отношение. Бобышкин оставался в душе шестидесятником. С восторгом встретив разоблачения культа личности, так и заматерел в узких рамках хрущевской «оттепели».

Насколько прочны такие убеждения, способен выявить психоанализ по Юнгу. Зондировать сознание было бы зряшной затеей. Следователь по особо важным делам слишком хорошо информирован, чтобы не знать, не видеть, не понимать. Стойкий очаг возбуждения сформировался под большими полушариями, в «древнем», как его называют, мозгу, где дремлют рептилии неолитической памяти. Вот почему вопреки, казалось бы, трезвому рассудку Бобышкин воспринимал ленинизм и сталинизм как некую дуальную оппозицию. Но кто посмеет кинуть в него камень? Добро и зло, день и ночь, друг и враг — первобытные полярности — живут в каждом из нас, невзирая на образовательный уровень и степень политизации.

Мертвый хватает живого. Прошлое никуда не уходит, покуда память о нем окончательно не истлеет, и тогда оно начинает жестоко мстить, обернувшись кошмаром грядущего.

Бобышкин никогда не был фанатиком, скорее — осторожным фрондером: анекдоты травил, невзирая на стукачей, зачеты по марксизму-ленинизму сдавал по чужим конспектам и вообще мало интересовался историей партии. Словом, нормальный мужик, но уж если черт дернул залезть в словарь, то мог бы и глубже копнуть. Только иди знай, что покойный Цюрупа вдруг выплывет на поверхность моря житейского и наделает столько шума...

Волей-неволей приходится браться за чужую работу. Неблагодарная это штука — разрывать могилы, да еще замурованные в кремлевской стене.

Звать живых — понапрасну рвать голос, но сохранились подшивки пожелтевших газет. Вся центральная печать вышла в тот, 8 мая 1928 года, день с медицинским бюллетенем о тяжелой болезни «достойного соратника Ильича».

Номенклатура насторожилась: с чего бы такая честь? Вот уж скоро два года, как работник не у дел, вылетел из обоймы, а тут вдруг этакая помпа. Прошлых заслуг никто, конечно, не

отметает, но на то они и прошлые, чтобы разом забыть. Припомнили, что Цюрупа наступил на мозоль генсеку, заменив его на посту наркома рабоче-крестьянской инспекции. Сталин никому ничего не прощает, и, когда приспел черед, Цюрупу спровадили на заслуженный отдых. Ничего не поделаешь — прогрессирующий склероз. Тем более непонятно, откуда вдруг ветер задул.

Разгадки пришлось ожидать недолго. Уже на другое утро в тех же газетах было обнародовано правительственное сообщение о смерти «достойного соратника», последовавшей в ночь с 7 на 8 мая по причине «паралича сердца при явлениях воспаления легких».

Всего себя отдал борьбе за великое дело, а мог бы жить: пятьдесят восемь — не возраст. Редеет старая гвардия! Еще свежа была память о смерти Фрунзе, которого решением Политбюро принудили лечь на операционный стол, а с момента скоропостижной кончины знаменитого Бехтерева вообще не прошло и полгода. Загадочные случаи связывали с неблаговидной деятельностью кремлевских врачей: доктора Погосянца и профессора Бурмина. Они же оказались причастны и к лечению Цюрупы. За неделю до смерти Бурмин диагностировал у него грипп, осложненный воспалением легких. Под предлогом срочной командировки он передал своего больного Погосянцу и надолго исчез с горизонта. В медицинских кругах поведение Бурмина вызвало глухое осуждение. Что же до Погосянца, то про него и заикнуться не решались. Штатный врач ЦК ВКП(б) считался фигурой засекреченной. Он никогда не подписывал ни бюллетеней, ни некрологов и вообще не занимался терапией, а лишь направлял лечебный процесс. Куда именно направлял, думать не полагалось.

Убийство Фрунзе, которого Сталину потребовалось заменить Ворошиловым, и загадочная смерть Бехтерева, осмелившегося поставить генсеку диагноз: паранойя, хоть и нагнали страху на ленинскую гвардию, но не вызвали, по крайней мере, недоумения. Ничего не попишешь — политика! Однако никакой политической целесообразностью нельзя было объяснить клинический случай с Цюрупой. Кому мешал вышедший в тираж, окончательно износившийся полутруп?

Вот когда содрогнулись в Кремле и на Старой площади видавшие виды профессиональные революционеры. Неотвратимость и непредсказуемость показались страшнее самой смерти.

Сталин почтил «первоклассного ленинского маршала», как выразился склонный к краснобайству Луначарский, артиллерийским салютом и постоял у гроба в почетном карауле.

В речах на гражданской панихиде едва не каждый второй припомнил доброту и скромность покойника. Вся страна

знала, что, довольствуясь строгим партийным пайком, наркомпрод довел себя до голодного обморока. Вот уж воистину хрестоматийный пример самоотрешения во имя великой цели! Самых твердокаменных слеза прошибала.

Между тем «плачущие большевики» были превосходно осведомлены об истинной подоплеке непревзойденной легенды, достойной героев Древней Греции.

В июле 1918 года на заседании Совнаркома Цюрупа действительно почувствовал себя настолько скверно, что потерял сознание. Спешно доставленный врач из ближайшей больницы — Кремлевка была еще только в задумке — решил, что причиной всему истощение. Голодная смерть успешно соперничала с тифом и высохшие трупы сгребали по утрам прямо с улиц. Бедный доктор, едва сводивший концы с концами, по наивности поверил большевистской пропаганде про партмаксимум и прочую чушь.

Участники заседания прямо в восторг пришли от такого диагноза и тут же дали ему надлежащий ход. Первым молниеносно отреагировал Владимир Ильич и, не сходя с места, внес предложение поднять наркомам зарплату, а Цюрупу отправить в деревню на усиленное питание, прикомандировав к нему проверенную повариху.

С легкой руки газетчиков, голодный комиссар продовольствия сделался излюбленным героем детских книг и первых советских фильмов. При всем желании ничего лучшего нельзя было выдумать. Миф о «залпе» «Авроры» выглядит жалкой дилетантщиной, потому что в нем есть хоть частица правды, а тут ни крупинки.

В архивах сохранились перечни продуктовых заказов Цюрупы, датированные 1920 годом, превзошедшим по тяготам «боевой восемнадцатый». В ордере на продовольствие к праздничному застолью по случаю октябрьской годовщины перечислено: хлеба — 4 кг, масла сливочного, мяса и яблок — тоже по 4 кг, сыра, сахара, кофе, мыла — по 2 кг, мясных консервов — 10 банок, сардин — 12 банок, муки — 1 пуд. Количество цибиков чая и вес осетровой икры не указаны.

С икрой в Кремле после переезда правительства из Петрограда перебоев не ощущалось: завозили бочками. Однако на поэтических вечерах, которые устраивала у себя жена председателя Моссовета Льва Борисовича Каменева, подавали тонко нарезанные ломтики ржаного хлеба с подсолнечным маслом и морковный чай. Пусть знают, что и нам не лучше, чем всем. Цюрупа, что твой камертон, всему оркестру задал верную ноту. Между тем, несмотря на усиленное питание и долгое пребывание в лучших европейских санаториях, приступы, сопровождаемые выпадением пульса, повторялись неоднократ-

но. Нарком здравоохранения Семашко однажды даже принес Цюрупу домой на руках, с помощью нескольких товарищей по СНК, понятно.

Кремлевские врачи лишь кисло улыбались — голодным обмороком тут и не пахло. Налицо классическая недостаточность кровоснабжения мозга — синдром Адамса-Стокса-Морганьи. Впрочем, наука и миф — понятия несопрягаемые. Миф[1] способен уничтожить любую науку, а наука бессильна опровергнуть миф, если он находится под грифом государственной безопасности.

Сценаристы и режиссеры, будущие лауреаты, и самого Ильича посадили на голодную диету. В сознании подрастающих поколений он скоро затмил Цюрупу, хоть и не падал в обмороки, а посылки доброхотов отправлял в детский приют.

Можно понять и простить неосведомленность тамбовских делегатов, равно как и Бобышкина, тем более что он принадлежал к другой левой партии и не принимал участия в публичных мероприятиях под красным флагом.

ФАЙЛ 015

Все-таки жаль, что Федор Поликарпович легкомысленно пренебрег исторической наукой, что во многом определило его односторонний взгляд на негативные, не будем скрывать, явления современной действительности.

Переступив порог здания, возведенного по проекту скульптора Сидура — тоже любимца шестидесятников, он был поражен плачевным состоянием академического учреждения. Само собой напрашивалось слово «разруха». Верно — разруха, и нет ей оправдания, если сбросить со счетов историческую унаследованность. Только никуда не деться от прошлого — от той первозданной Разрухи, что всему положила начало.

По крайней мере, научные сотрудники не пухнут с голодухи, не угрожает им ни высылка, ни погром и всем абсолютно до лампочки, чем они занимаются. Последний момент сопряжен с определенными неудобствами, но благо перевешивает зло. Что может быть дороже свободы?

МЫ НЕ РАБЫ. РАБЫ НЕ МЫ.

Мало того, что рабы не мы, рабы еще и немы. На свободу слова контингенту Института морфологии человека жаловаться не приходилось. Все, что не успели высказать на митинге

---

[1] Ради примера уместно привести «Миф XX века» Розенберга, с одной стороны, и труды Лысенко — с другой.

протеста, в письменном виде направили в Кремль, лично Президенту.

Самой страшной оказалась для института минувшая зима. Восьмой район тепловых сетей — и тут сеть! — Мосэнерго, потеряв терпение, снизил неплательщикам подачу горячей воды. Руководство проигнорировало серьезное предупреждение по причине перманентного безденежья. Средств, выделяемых Академией медицинских наук, едва хватало на нищенскую зарплату. Недаром лучшие головы, сделав общий привет, потянулись вслед за перелетными птицами в дальние края. Понять ученых можно, птиц — тем более: зима на носу.

С первыми морозами полопались трубы и радиаторы отопления. Маститые профессора, вооружившись тазами да швабрами, кинулись на борьбу с потопом. Едва поспели укрыть под пленкой электронный микроскоп, купленный за несколько сот тысяч долларов. Вода подступала к лаборатории генной инженерии, где проводились тончайшие эксперименты с возбудителями опасных болезней, включая СПИД и злокачественную лихорадку Эболи.

Едва ли экипаж подлодки, поврежденной взрывом глубинной бомбы, проявлял большую самоотверженность в заделывании течей. Кое-как справившись с последствиями наводнения, биологи смело взялись за решение отопительной проблемы, затмившей по трудности генетику с морфологией. Об ущербе, с лихвой перекрывшем задолженность Мосэнерго, а тем более о ремонте, старались не думать. Прежде всего, требовалось спасти виварий. Подопытные животные умирали с немым укором в угасших зрачках. Самых редких приходилось отогревать на себе, а то и домой уносить до наступления теплой поры. Работали не раздеваясь, разве что на короткий момент, когда специфика опыта требовала особой стерильности, а уж на ученом совете без стеснения кутались в шубы. Один старик Тростинский — академик с мировым именем, поднимаясь на кафедру, неизменно сбрасывал с плеч свою серую дубленку с каракулевым воротником. Интеллигент в четвертом поколении — порода!

Институтские механики и инженеры соорудили нагревательный агрегат — химеру из ТЭНов и вентилятора, способный гнать горячий воздух в заданном направлении. Тем и спасались, с ужасом ожидая, что в любую минуту вырубят свет. Отключение энергии грозило подлинной катастрофой. Голь, конечно, на выдумки хитра, особенно голь с высшей научной квалификацией, но до известных пределов. Стоит обесточиться морозильным камерам, и можно поставить крест на уникальных препаратах, выращенных десятилетиями упорнейшего труда. Обезьяну, хоть и хлопотно, все же можно усадить за се-

мейный стол, но микробы кухонный холодильник никак не спасет, даже если ударит такая идея в обезумевшую башку.

Легко представить себе негодование следователя областной прокуратуры, узнавшего об институтских бедах, таких типичных для нашего времени, но далеко выходящих за рамки отдельно взятого учреждения. Жгло ощущение полнейшего бессилия. Чем он мог помочь? А ничем! Да и жаловался народ больше от горькой обиды, нежели в надежде на чье-то заступничество.

Собственно, и его самого привела сюда сходная ситуация. Московская и областная судмедэкспертиза тоже переживали не лучшие дни. Борьба за выживание сблизила совершенно разные по задачам и профилю организации, заставив искать точки соприкосновения. Такой пограничной зоной и оказалась образцовая прозекторская, которую институт согласился, притом за очень умеренную цену, сдать в частичную аренду. Остальное было достигнуто за счет личного обаяния. Опытнейший патологоанатом столицы согласился провести повторную экспертизу трупа, найденного в Салтыковке. Неисповедимы пути Господни, и нет числа петлям, что образуют запутанные нити причин и следствий. Лишь случай приоткрывает их неохватный глазом узор.

Вихри враждебные бушевали над улицей Цюрупы. Нет, господа, имя — определенно знак судьбы. Не успела улица Воровского вернуть себе прежнее название Поварской, как окончательно раскололся на отдельные части Союз писателей — пресловутое «министерство литературы». Ресторан вот жаль! Приватизация взвинтила цены до заоблачных высот. Тружеников пера там днем с огнем не сыщешь. Мафиози гуляют со своими марухами.

Эраст Леонтьевич Тростинский, зав. отделением патологоанатомии, принял Бобышкина в своем кабинете, отгороженном застекленной стенкой от стола секретарши. Герой соцтруда и дважды лауреат госпремии, он превосходно сохранился для своих весьма солидных лет и не утратил природного юмора. Ежедневные бдения над статьями и монографиями — академик отличался редкой плодовитостью — помогли сохранить память, прозекторская — гибкость рук, а хатха-йога — внешний вид. Больше шестидесяти ему не давали.

— Вы уж простите старика, что проволынил малость, но забот полон рот, а случай интересный, — укрепив на защелках экрана рентгеновские снимки, он включил освещение. На темном дымчатом фоне белесой облачностью обозначился череп в различных проекциях. Черная дырка зияла, как Солнце при полном затмении.

— Будто буравом прошлись, — не удержался Бобышкин.

— Вот именно! — обрадовался Тростинский. — Абсолютно точное определение. Трепанон по-гречески и есть бурав. Отсюда трепанация — вскрытие полости черепа. Процедура, известная чуть ли не с каменного века.

— Значит, все-таки хирургическая операция?! А с какой целью?

— Вы слишком многого от меня ожидаете. Откуда мне знать, с какой целью?.. Вообще-то такое показано при высоком внутричерепном давлении, но в данном случае... Все-таки молодая женщина: с чего бы вдруг?

— Возраст удалось уточнить?

— Восемнадцать—двадцать, — рассеянно глядя в потолок, пестревший ржавыми разводьями, академик, казалось, рассуждал с собой. — Я бы исключил гипертензию, исключил... Тем более что значительно чаще трепанацию следует рассматривать как этап основной операции, обеспечивающей доступ к патологическим образованиям в мозгу, однако и тут ничем особенным порадовать вас не могу. Следов хирургического вмешательства не отмечено.

— И это все?

— Пожалуй... Но случай действительно любопытный. Отверстие приходится точно на родничок, что невольно вновь возвращает нас к мысли о гипертензии. Иначе зачем?

— Родничок? — силясь вспомнить, наморщил лоб Бобышкин. — Простите мое невежество...

— Отчего же? — мимолетно улыбнулся Тростинский. — Так называют мягкие места на верхней части головы, где кости черепа еще не успели достаточно развиться. Младенец, можно сказать, рождается с раскрытым мозгом. Так сказать, распахнутым в космос. Зарастает обычно на втором году жизни, порой значительно позже, а то и вовсе остается на всю жизнь, как у Тургенева.

— В самом деле? Удивительно!

— О, природа неисчерпаемо многообразна. Если б знать, что и зачем ей нужно!.. Взять те же роднички. Затянутые перепонками из соединительной ткани, они иногда пульсируют, чем, собственно, и обусловлено наименование. Самый крупный — лобный: на стыке лобной кости с теменными. — Академик очертил пальцем кружок вокруг отверстия. — Трепанация сделана со знанием дела.

— Примите мою благодарность, Эраст Леонтьевич. Все-таки хоть какой-то след. По крайней мере, будем знать, что это рука врача. Надеюсь, что вместе с трахеотомией...

— Трахеостомией, — поправил Тростинский. — Нет-нет, не извиняйтесь, — остановил он готовое слететь восклицание, — вы правильно выразились, имея в виду, очевидно, рассечение

передней стенки трахеи. Этим, однако, не ограничилось и была введена капсюля. Так что приходится говорить именно о трахеостомии. О конечной цели операции опять-таки судить не берусь. Стенка трахеи рассечена выше щитовидной железы, на уровне второго-третьего хрящей. Подозреваю стеноз гортани. Случай достаточно типичный. Боюсь вас огорчить, но найти будет крайне затруднительно.

— Да, всех больниц и госпиталей не обойдешь, — вздохнул Бобышкин. — Тем не менее бесконечно вам признателен... А как вообще идут дела? С электричеством обошлось?

— Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить! Взял за грудки президента.

— Неужели самого?

— Куда там! — по-детски весело рассмеялся Тростинский. — Нашего академического. Впрочем, он и так все знает! Даже час перебоя обойдется невосполнимой потерей. Об экспресс-методе определения патологии беременности и С-реактивном белке я и думать боюсь. Короче, живем как под дамокловым мечом. Не хватает еще, чтобы и воду отключили! Не мне вам говорить, но трупы приходится обмывать.

— Есть непосредственная угроза?

— Кто их разберет? От них всего можно ожидать. Точно по Салтыкову-Щедрину: народ нужно держать в постоянном изумлении. Но я человек предусмотрительный. В случае чего, свезем трупы прямиком в мэрию. У них, небось, вода есть всегда, невзирая на профилактические ремонты?

— Неужели люди не понимают?

— Не дают себе труда задуматься. Ладно — фундаментальные исследования могут потерпеть — с их точки зрения, хотя я так не считаю. А как быть с сиюминутными ЧП? Мой аспирант, представьте, предотвратил эпидемию холеры в Астрахани, потому что сумел быстро вылететь и провести необходимые анализы. Или случай со СПИДом в Элисте!

— Это когда детей заразили? В больнице, кажется?

— Вот именно — в больнице. Уверяю вас, без нашего участия это дело так бы и осталось нераскрытым и ВИЧ-инфекция продолжала бы свободно гулять. Так что у нас с вами намного больше общего, чем кажется при поверхностном взгляде.

— Святая правда, — кивнул Федор Поликарпович. — Нераскрытое дело... Это у меня нераскрытое, — быстро поправился, готовясь проститься. Чужая беда подчас угнетает почище собственной. И то сказать: чужая! Судьба целой страны и каждого отдельного человека зависит от таких, как Тростинский. Оставят его без воды и света — пиши пропало. Даже не узнаешь, от какой лихоманки подохнешь.

— Положа руку на сердце, Эраст Леонтьевич, ответьте мне на один вопрос: когда было хуже — теперь или тогда?

— Если брать за эталон снабжение и элементарный порядок — безусловно, нынче. Впрочем, это на нашем с вами уровне, а так... гадать не берусь. Судя по Чернобылю и десяткам других чернобылей, о которых мы только начинаем узнавать, ностальгировать не приходится. Жили в совершенно опрокинутом мире. Я надеюсь на лучшее, но, наверное, не доживу.

Собеляк весь день продежурил у закрытых ворот завода «Углемаш» в подмосковной Сходне. На пленум прессу не допустили, но слухи просачиваются даже сквозь створки из клепаной стали.

Одним из первых узнав о сенсационном происшествии на Красной площади, Миша кинулся к своему побитому «жигуленку» и помчался в город.

Черная табличка с золотыми буквами была на месте:

Александр Дмитриевич
ЦЮРУПА
1870—1928

По стыку кирпичной кладки ползла невзрачная серая ящерица.

ФАЙЛ 016

Не подвернись случай, Андрей Ларионов, возможно, и не ушел бы из университета. Это потом он сумел убедить себя, что решился на такой шаг из принципа. На самом же деле им двигал подсознательный импульс, проистекавший чуть ли не из эдипова комплекса. Слово, которое не вернешь, само сорвалось с языка, да еще в самый неподходящий момент — на торжественном приеме, когда отец был сам не свой от нежданного взлета.

— Позвольте представить моего наследника, — с благостной улыбкой Александр Антонович подвел старшего сына к помощнику Генерального секретаря. — Компьютерный волшебник! Мехмат оставляет его в аспирантуре, — пояснил он с почтительной гордостью.

— Рад познакомиться. Информатика выходит на передний рубеж в системе знаний, — приветливо кивнул помощник, крепко пожимая руку. Философ, известный науковедческими работами в сфере биологии, он придерживался прогрессивных взглядов, за что в свое время подвергся опале, но затем был помилован и выбран в академики. Его назначение на ответственный пост либеральная общественность встретила с воодушевлением и надеждой.

Лестное знакомство могло принести немалую пользу. Ничего, кроме как раскланиваться и улыбаться, от Андрея не требовалось, но его точно бес какой дернул. Вчера бросил на стол заявление об уходе по собственному желанию, ничего не сказав отцу, сейчас — окончательно сжег за собой мосты.

— Не будет аспирантуры, — процедил он с глумливой усмешкой. — Лавочка изжила себя. Ухожу.

На Александра Антоновича жалко было смотреть: лицо вытянулось, лоб покрылся испариной, глаза испуганно забегали.

Диплом с отличием гарантировал Андрею не только аспирантуру, но и место на кафедре. Его демонстративный жест факультетская профессура восприняла как измену.

— Надо быть полным идиотом, чтобы оставить науку, — подосадовал заведующий кафедрой. — Быстрого успеха захотелось... Знаю я этих пенкоснимателей! Вспыхнут метеором и сгорят.

— Сколько усилий потрачено зря, — угодливо поддакнул доцент, которого будущему аспиранту прочили в научные руководители. — Как говорится, это больше чем преступление, это — ошибка. Он еще будет локти кусать.

— Все-таки жаль: большие надежды подавал, — декан ограничился формальным сожалением и думать забыл про перебежчика.

В нескольких статьях, которые дипломант Ларионов успел опубликовать в «Докладах Академии наук» и «Вестнике Московского университета», все трое значились в соавторах. Вклад каждого, говоря языком математики, исчислялся бесконечно малыми величинами и в пределе стремился к нулю. Коль скоро имена достойных мужей запечатлены в анналах информатики, их вполне допустимо проигнорировать. Кому нужно, сам найдет в соответствующем файле, воспользовавшись элементарным кодом: Andrey Larionov.

Достоин упоминания лишь Юрий Жемайтис — молодой сотрудник научно-исследовательского сектора, прикомандированный к кафедре. В составлении оригинальных программ он не знал себе равных, что отнюдь не способствовало карьере. Кандидатскую диссертацию, блестящую по отзывам, так и не пробил: защиту постоянно оттягивали под предлогом каких-то формальностей. Тема на стыке различных дисциплин никак не вписывалась в бюрократические ячейки. Раз или два за семестр Жемайтис читал студентам обзорные лекции, восхищавшие аудиторию великолепной эрудицией и необузданным полетом фантазии. Впрочем, расхожее слово «читал» совершенно не подходит к данному случаю. Не читал, а скорее импровизировал: рассуждал вслух и сам же с собой спорил. Никакого заранее написанного текста у него не было, и вообще он ни-

когда не готовился к выступлениям, собиравшим полные залы. Послушать его приходили и физики, и химики, и, конечно, биологи, ибо не было случая, чтобы парня не занесло в генетику или куда-нибудь в теорию эволюции. Авторитетов Жемайтис не признавал. Особенно крепко доставалось Дарвину, Павлову, а порой и самому Эйнштейну, который так и не принял квантовую механику, проиграв вчистую Нильсу Бору. Ортодоксальная профессура, негодуя, брызгала слюной, партбюро точило зубы, осведомители собирали компромат.

Осудить еретика готовились основательно. По партийным каналам Ленинские горы установили связь с Моховой, где в старом здании обосновался философский факультет — оплот догматиков, для которых наука навсегда кончилась на трех источниках и трех составных частях. Казалось бы, к чему палить из пушек по воробьям, когда даже академиков съедали куда меньшими силами? Но на мехмате, где веял крамольный дух Колмогорова, провозгласившего, что и плесень способна быть мыслящей, идеологические нападки встречали стойкий отпор. С этим приходилось считаться, не говоря уже о подозрительных ветрах, задувавших со Старой площади. Горбачев провозгласил плюрализм, и нечего было надеяться выехать на привычных ярлыках.

Чем труднее было ущучить новоявленного кумира передовой части студенчества, тем большую неприязнь он вызывал. Нет более сильного раздражителя, чем чужая популярность или чужой талант.

Для Андрея «момент истины» наступил, когда в приватной беседе Жемайтис провел аналогию между биологическими и компьютерными вирусами.

— Тут нет никакой разницы. Понимаешь? — заключил он, исчеркав мелом половину доски. — Навязанное воспроизведение чуждой программы.

— Но материальный носитель? — попробовал было возразить Ларионов. — С одной стороны, нуклеиновые кислоты, макромолекулы, с другой — электроника в двоичном коде?

— Ты и мысли не допускаешь, что жизнь возможна и в таком виде? Как чистая энергия?

— Квазижизнь, псевдожизнь, виртуальная модель.

— Слова, слова, слова...

Под благовидным предлогом завершения хоздоговорной темы Жемайтиса выперли из университета. Коллективный донос, инспирированный окопавшимся на биофаке лысенковским охвостьем, как и следовало ожидать, видимых последствий не возымел. Охота на ведьм не сопрягалась с ускорением и перестройкой.

Попытка вовлечь в комплот Раису Максимовну, умудрив-

шуюся прочесть лекцию по марксизму-ленинизму даже на рауте у Нэнси Рейган, к успеху тоже не привела. Все помыслы первой леди были направлены на Всемирный форум интеллектуальной элиты, где ожидалось публичное появление Сахарова, возвращенного из горьковской ссылки. Вот и пришлось действовать тихой сапой.

Демонстративный жест Андрея особого впечатления не произвел, и это крепко царапнуло самолюбие. Что и говорить, надо было предварительно посоветоваться с отцом, но он, как нарочно, застрял на своем форуме. Так уж вышло, ничего не поделаешь.

Три месяца Старая площадь, равно как Смоленская-Сенная и Лубянка, в поте лица трудилась над обеспечением московского смотра лучшими мозгами планеты. К составлению списка приглашенных подключили президиум Академии наук, секретарей творческих союзов, народных артистов, редакторов центральных газет. Советники совпосольств по науке и культуре устроили настоящую охоту за нобелевскими лауреатами и харизматическими лидерами всех конфессий и сект. Ничего, что грандиозная задача немного не вписывалась в номенклатурный кругозор. Деньги, и очень большие, отпущены, а люди всегда найдутся. Набрали, согласно разнарядке, по всем категориям. В разряд религиозных лидеров угодило несколько замшелых астрологов и престарелых ватиканских политиков, у которых перед лицом близкой смерти поехала крыша. Пусть рамалик[1], пусть шарлатан — лишь бы имя звучало.

Весь штат трех цековских отделов, начиная от заведующих и кончая инструкторами, был мобилизован на сепарацию бессмертных идей. Ни одна конструктивная мысль зарубежных, а также отечественных корифеев не должна была потеряться в ходе пленарных заседаний и «круглых столов». Посланцы Союза писателей, вместе со всей своей иностранной комиссией, были переведены на казарменное положение, впрочем, вполне комфортное. В гостинице «Космос», где проходил форум, несколько двойных номеров выделили под «штабные». Люксы и полулюксы предназначались для более почетных гостей, а самым именитым приготовили апартаменты в домах приемов.

Подлинной сенсацией явился приезд «отца» американской водородной бомбы Эдварда Теллера. Вся мировая пресса заранее предвкушала его встречу с академиком Сахаровым. Потомство обоих «отцов» оценивалось миллиардами мегатонн, способных превратить Землю в мертвое небесное тело с тысячекратным запасом. Ждали жаркой дискуссии. Но борец за де-

[1] Человек, перенесший инсульт.

мократию и «главный поджигатель войны» быстро нашли общий язык. «Человеконенавистник», «ястреб среди ястребов» не только выступил поборником разоружения, но и предложил направить термоядерную мощь на защиту от астероидов. Идея оказалась провидческой, хоть и не обрела конкретного наполнения. Впрочем, практическая сторона грандиозного мероприятия никого не волновала. Главное — пропагандистский эффект.

Все сколько-нибудь оригинальные формулировки записывались наблюдателями и экспертами, затем передавались машинисткам, собирались в сводки и, после просмотра заведующими отделами, отправлялись Михаилу Сергеевичу. Срочно и лично.

В нервно-приподнятой атмосфере ажиотажа и ожидания просветления в планетарном масштабе кого могла озаботить такая мошка, как неостепененный научный сотрудник? Напрасно интриганы рассчитывали на Раису Максимовну. Она переживала сакраментальный «пир духа», общаясь на глобальном уровне, можно сказать, с самой ноосферой.

Среди прочих звезд первой величины каким-то образом оказались и такие деятели, как Мун и Асахара. Брутальные шарлатаны с уголовным прошлым и куда более преступными намерениями ярко выделялись на фоне таких скромных светил, как Пригожин или Аверинцев. В подавляющем же большинстве публика подобралась совковая — суетливая, эгоцентричная, льнущая к власти. Почти у каждого на уме было одно: подать себя с наибольшей помпой и покруче, чтоб стало известно в Кремле. Мастера свободных искусств, равно как и жрецы науки, слонялись по залам и кабинетам, производя предварительную рекогносцировку. Где отмечалась наивысшая концентрация важных персон, там и оседали, сановито кивая знакомым. Слово брали, не спрашиваясь у председателя, и несли конъюнктурную банальщину без оглядки на регламент.

Какие перлы из кучи рыхлого песка удавалось отсеять для Генерального секретаря, осталось тайной. Возможно, они затерялись потом в потоке его бесконечных речей.

Андрей и сам не знал, зачем приехал на прием. Едва ли хотел ублажить отца, и уж тем более не для того, чтоб потерянно и бесцельно слоняться в толпе великих, наводнивших длинные переходы отеля «Космос». Получив пригласительный билет и нагрудную «лейбу», открывавшую доступ во все помещения, он быстро устал от показухи и пустопорожних речей. Пообщаться с Пригожиным, на что втайне надеялся, не удалось, а халявные яства, вроде тетерки в перьях и осетрины, начиненной крабами, не возмещали головной боли.

Смешно и стыдно было глядеть, как отцовские сослужив-

цы, все как один завзятые выпивохи, с горделивой торжественностью поднимали бокалы, в которых плескалась какая-то безалкогольная бурда подозрительного оттенка. Извините, мол, дамы и господа, но с таким явлением, как пьянство, покончено навсегда. Любые соки, хоть гуава с папайей, сколько угодно, а о русской водке забудьте. Даже пива не пьем. Недаром у нас и секретарь «минеральный». Шутка не только считалась дозволенной, но вроде как бы получившей благословение свыше.

Александр Антонович пребывал в ударе. Форум стал для него личным праздником. Пройдя долгий путь «говоруна» — лектора ЦК и «писуна» — консультанта, корпевшего на госдачах над речами для членов Политбюро, он неожиданно взлетел в самые эмпиреи, став референтом Михаила Сергеевича. Прием в честь почетных гостей лежал непосредственно в сфере его обязанностей, и он из кожи лез, чтобы не ударить в грязь лицом. И не ударил. Даже соки и минералку ухитрился преподнести как панегирик в честь перестройки. Прямая лесть, как и прямое цитирование генсека, не поощрялись, но тем вернее можно было продемонстрировать высший пилотаж безличностным выражением чувств. А Александр Антонович умел искренне, ничуть не кривя душой, восхищаться начальством. Умеренно прогрессивные идеи, притом в гомеопатической дозировке, он подавал с небрежностью завзятого бонвивана, рубахи-парня и с таким блеском преданности в глазах, что теплели самые твердокаменные сердца.

Уж на что прежний шеф науки, кремневый ретроград-сталинист, и тот привечал молодого инструктора. Бывало, вычеркнет крамольную фразу, поворчит для порядка и пойдет поучать уму-разуму, а через час, глядь, все неузнаваемо переделано, и в точности сообразно текущему моменту.

— Ваши пожелания учтены, Ананыч! Я случайно не исказил формулировочку?

Никакой такой формулировки не было и в помине — сплошное брюзжание, но начальству начинало казаться, что оно и впрямь что-то такое имело в виду. Изложено четко. Значит, урок пошел впрок. Способный парнишка, несмотря что прогрессист.

Александр Антонович и в пропаганде преуспел, а уж там такая чехарда либералов и консерваторов, что чертям тошно. Однако всем сумел угодить и нигде особенно не подставился. По кабинетам не ходил, в групповщине не засветился — работал не за страх, а за совесть. И вот настал заслуженный триумф! В одно прекрасное утро пришел вызов в первый подъезд, на тот самый пятый этаж, выше которого нет ничего на свете.

— Хочешь работать у меня?

— С радостью, Михаил Сергеевич!

А приказ-то уже подписан, и в хозотделе идет переоформление, согласно, значит, новому уровню. Наступило, значит, долгожданное время, когда людей начинают ценить по способностям. Да, приходилось лавировать, но своим убеждениям Александр Антонович не изменял никогда. Он и сына на форум взял, чтоб видел, мерзавец, куда залетел отец! Блага вроде бы те же, но для посвященных разница кардинальная. Закрепленная тачка — куда угодно в любые дни, дача в Успенском, а не на Клязьме, корыто классом выше, дипломатический паспорт и прочее, не говоря уже о возможностях: кабинетик-то в непосредственной близости! Сам Кручина за руку поздоровался: квартирным вопросом интересовался. Может, и вправду махнуть на Арбат? Раз положено, нужно пользоваться, иначе чужаком прослывешь. Большевистский аскетизм нынче не в моде. Да и был ли когда, аскетизм этот? В нормальное русло входим, к общечеловеческим ценностям возвращаемся.

Андрей морду кривит. Не видит, не желает видеть, как далеко ушла страна от сталинской диктатуры! Были у прежних отдельные недостатки, ошибки — чего душой кривить? — но ясно виден целенаправленный процесс демократизации, поступательный ход. И Хрущ великое дело сотворил, и Леонид Ильич свою лепту внес в смысле стабилизации.

Взять хотя бы Константина Устиновича Черненко. Разве поставишь в вину человеку болезнь? А, между прочим, именно он завещание Андропова выполнил: не кого-нибудь, а Горбачева посадил на секретариат. Перестройка — необходимый этап объективного процесса. Не надо только лодку раскачивать... Шестая статья им поперек горла встала, а того не понимают, что Союз только на партии и держится. Ослабнет подпорка, и рухнет все здание... Государственные соображения ничуть не омрачали дивного ощущения полнейшего довольства. Бросив легкую тень озабоченности мимолетным касанием крыл, они исчезали за сверкающим горизонтом, где мерещились устремленные к новым высотам порфировые ступени. Дерзкая, безумная по своей наглости выходка сына ударила, как топором по темени. Даже нехорошо стало.

И ведь нашел время и место! Как нарочно — в присутствии старшего товарища... Мало того, что все торжество отравил, так еще и опозорил, скомпрометировал!

Референт — не помощник. Помощников в ареопаг сажают, референтов в лучшем случае в ревизионную комиссию. Но плох тот солдат, кто не мечтает о маршальском жезле. Александр Антонович еще в бытность простым инструктором мыс-

ленно отождествлял себя с ЦК. Тем больнее ранила его безобразная сцена. Щенок совершенно не умеет себя вести. Да понимает ли он, с кем разговаривает?! Это же помощник Генерального секретаря! Академик!

Возмущение, протест, вместе с беспомощным лепетом оправдания, комом застряли в горле.

К вящему изумлению Александра Антоновича, академик и полный член Центрального Комитета отнесся к мальчишеской эскападе с удивительным спокойствием, можно даже сказать, по-отечески.

— Возникли проблемы, Андрей? Только горячиться не надо. Из-за чего сыр-бор?

Ларионов-младший, уже сожалея о допущенном всплеске эмоций, скупо поведал о нехорошей атмосфере на факультете, возложив вину на партком. По всему выходило, что бездари затравили гения, и ничего иного не оставалось, как проявить товарищескую солидарность. Особый упор был сделан на биологическом аспекте, что не могло не вызвать благожелательную реакцию. Порыв схлынул, и настала пора выправлять положение.

— Знаю Жемайтиса. Правильно сделали, что поддержали. Сейчас как раз новый институт создается. Квантовой биологии. Надеюсь, знаете нашу тематику?

— Феномен человека?

— Во главе угла... Но местечко для эволюционного моделирования всегда найдется. Лаборатория устроит?

Андрей смущенно улыбнулся, а все подобающие речи произнес уже оттаявший сердцем Александр Антонович. Мог ли кто ожидать, что неприметный инцидент так скоро и ко всеобщему удовольствию разрешится?

— Позвоните мне денька через три-четыре, — благожелательно кивнул академик.

Паутина

«Компьютерный гений» Владимир Левин коротает дни в камере знаменитой лондонской тюрьмы «Брикстон» и с помощью двух юристов пытается воспрепятствовать высылке за океан. По мнению генерального прокурора США, он, сидя в помещении петербургского а/о «Сатурн» и вооружившись допотопным компьютером и модемом, сумел проникнуть в компьютерные сети крупнейшего в мире банка «Ситибанк» и перевел оттуда сообщникам около 10 миллионов долларов.

Вызов, брошенный специалистам по компьютерной безопасности американским хакером Кевином Митником, сравнивают с ситуацией, в которой оказались США после того, как русские запустили спутник.

Свой первый хакерский подвиг он совершил, когда ему было 16, проникнув в административную систему своей школы. Характерный штрих: он не стал изменять оценки, хотя мог это сделать. Для него важнее было другое — сам факт, что он это может.

Магия

ТАЙНОЕ СТАНЕТ ЯВНЫМ
ПАРАПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ САЛОН
Определение лица, заказавшего порчу или приворот.
Омоложение. Снятие кода смерти, проклятия одиночества (Парацельс).
Описание преступников, врагов и недоброжелателей.
Благонадежность окружения. Намерения партнеров.
Прогнозы (кроме политических).
Профессиональный поиск пропавших людей, вещей, автомобилей («Сириус»). Снятие порчи с животных.
Заговор от пьянства по фото.
Целительство.
Только для женщин — Маячок привлекательности.
Гомеопатия.
Консультации ясновидящих.

Интим

Если вы хотите улететь в космос любви и получить удовольствие, приезжайте в гости. Вам поможет совершить полет красивая сексуальная девушка, умеющая делать массаж. Круглосуточно.

Как исключительно метко и со свойственной ему афористичностью высказался однажды генерал Лебедь, глупость — не отсутствие ума, это просто такой ум.

Правоохранительные органы подвержены тем же поветриям, что и все население. Не случайно громкий скандал вызвала публикация о некой мифической «Башне Мерлина» за кремлевской стеной. Кроме известных, нанесенных на план старинных башен, никакой другой там, конечно же, нет, да и быть не может, но высокопоставленный генерал из президентской охраны, похоже, действительно занимался то ли астрологией, то ли вообще черной магией, если вовсе не психотронным оружием. К великому облегчению демократической общественности, он был освобожден от занимаемой должности без указания на новое назначение. Что же до использования экстрасенсов в разного рода оперативных мероприятиях, то подобные эксперименты неоднократно проводились, но не оправдали надежды силовиков.

Однако загадочные явления последних дней, с их отчетливо потусторонним душком, привели к возобновлению подозрительных, компрометирующих власть контактов.

Все привлеченные для консультаций адепты тайных наук в один голос утверждали, что духи никогда не являются сами по себе, т. е. без предварительного вызова.

— Бывают ли исключения? — последовал законный вопрос.

— Бывают, но очень редко.

Об одном из таких исключений, способном ввести в дрожь Мефистофеля, которого Фаусту удалось завлечь лишь с помощью заклинаний, поведала популярная в столице молодежная газета.

Трое зеков хотели бежать и сделали подкоп. В ночь побега, когда двое уже вошли в лаз, третий вдруг увидел облако, а в нем — лицо неземной женщины. И это божественное создание «ботало по настоящей фене»: «Есть приказ шмальнуть вас всех на месте, когда вы прихиляете за зону. Так что завязывай качать права, с понтом умный. Дуй, зараза, в барак, покуда оперы не расписались свинцом в расходном ордере по твою душу». Заключенный послушался и остался жив, а тех двоих убили, поведала популярная газета.

Было бы, по меньшей мере, странно, если бы в ФСБ проигнорировали появление призрака в непосредственной близости от Кремля. С другой стороны, оформить должным порядком данный факт, весьма и весьма спорный, не представлялось возможным. Оставалось лишь присовокупить его к

прочим слухам, возникавшим время от времени среди психически неуравновешенной части населения.

Куда серьезнее выглядел явно провокационный фокус с подменой картинки на первом канале, повторенный затем на Васильевском спуске, хотя и тут ухватиться было не за что. Явление, которое нельзя зафиксировать ни на видеоленте, ни на фотопленке, любой находящийся в здравом уме человек должен расценивать как иллюзию. В одном ряду с инопланетянами, ангелами, барабашками и прочими феноменами, относящимися к сфере психиатрии.

На том бы, видимо, и закончилось, если бы не нервическая реакция высших чиновников из президентской администрации и Совета безопасности. Политики, особенно депутаты, вообще склонны преувеличивать влияние электронных средств информации. Иначе, как временным помешательством, нельзя объяснить стратегическую задумку трехзвездного генерала, бросившего своих волонтеров на штурм технического центра в Останкино. Генеральское ли это дело — размахивать автоматом? Право, не стоило садиться за решетку только ради того, чтобы на пару дней вырубить первый канал. С другой стороны, земля не разверзлась, когда миллионы граждан, сидя у телевизоров, с некоторым удивлением наблюдали за превращением хорошенькой женщины в рогатое существо. Это не только не привело к государственному перевороту, но даже не вызвало сколько-нибудь значительных потрясений. Ожидающие скорого светопреставления так и остались при своем интересе, а подавляющее большинство занялось повседневными хлопотами. Посудачили, поспорили — и ладно. «Секрет тропиканки», футбольный матч — это да, такие передачи способны решить судьбу выборов, но только не говорящие головы. Они ведь и говорить-то толком не научились. Косноязычие, кстати, является прямым следствием дефекта определенных структур мозга, о чем стоит помнить, слушая предвыборные посулы и заверения.

Миф о всевластии телевидения окончательно развеял достопамятный случай на Красной площади. Телекамер не было и в помине, поэтому никто, кроме дюжины ветеранов, не видел призрака голодающего наркома, тогда как весть о загадочном происшествии, причем чудовищно искаженная и преувеличенная, разнеслась по стране с быстротой радиоволн. Как можно истолковать подобный феномен? Повальной верой в существование духов? Особым менталитетом, на который так любят ссылаться?

Думается, копать надо значительно глубже. Сто раз на дню и по всем каналам появляются призраки, но на них почему-то никто не обращает внимания.

Взять хотя бы рекламный ролик мыла «Safeguard». Женщина не знает, как обработать ссадину на руке проказника-сына. Действительно, сложная задача в конце двадцатого века. И неизвестно, чем бы кончилось дело, — вдруг заражение? — если бы за спиной недогадливой клуши не появился ее астральный двойник: «Попробуй антибактериальное мыло».

Классический, памятный с древних времен пример: призрак спасает дитя.

Трудно сказать, как повлиял ролик на продажу мыла, но ряды духовидцев едва ли заметно выросли. Между тем с полным на то основанием следует заявить, что имела место материализация духа. Согласно классической формуле $E=mc^2$, масса эквивалентна энергии, а двойник женщины целиком и полностью соткан из электромагнитных волн, которые со скоростью света унеслись в мировое пространство. И не имеет решающего значения тот очевидный факт, что материализация проводилась исключительно в коммерческих целях и без участия каких бы то ни было трансцендентных влияний. Важен прецедент. Тем более что все известные манипуляции с потусторонними силами обнаруживают примерно ту же меркантильно-мошенническую подкладку. Если бы, скажем, граф Калиостро обладал электронной техникой, то не задумываясь пустил бы ее в ход, существенно обогатив арсенал своих фокусов. Тринитрон — это не графин с водой!

Как по любому поводу изъясняется депутат Ж., вывод напрашивается «однозначный»: призраки существуют и незаметно для глаза воздействуют на социальное поведение масс.

Недаром провозгласили классики: «Призрак бродит по Европе». Бродит, бродит, сердечный, громыхая ржавыми цепями, так и не удосужившись их потерять.

Институт мозга, обосновавшийся в старом кирпичном доме на улице Обуха, слишком долго окутывала мистическая молва. О режиме секретности и говорить не приходится. Если в ступенчатой гробнице, возведенной по образцу древнейшей пирамиды Джосера, покоится только набальзамированная оболочка вождя, то ленинский мозг за семью запорами хранится именно там, на улице Обуха. Поверхностная, а в чем-то и тенденциозная параллель с загробными обрядами египетских жрецов, приходится признать, обретает по этой причине право на существование. Из песни слова не выкинешь. Не случайно же в захоронениях фараонов вместе с мумией находят и так называемые канопы — каменные сосуды, в которых хранились внутренности сыновей светозарного Ра.

Судя по дошедшей до нас «Песне арфиста», древние егип-

тяне не слишком уповали на грядущее возрождение, предпочитая преходящие прелести жизни вечному мраку. Мы, в недавнем прошлом сплошь атеисты, вели себя точно так же, хоть и пели при случае: «Ленин всегда живой, Ленин всегда с тобой...» Впрочем, и истинно верующие люди с трудом допускали, что благодать воскрешения распространяется на незахороненные в земле мощи. Вопрос спорный. При известных условиях мавзолей можно рассматривать в качестве склепа, хотя нигде и никогда не превращали в государственную трибуну ни один склеп. Где они теперь, вожди и маршалы, что поднимались по гранитным ступеням приветствовать восторженные толпы в красные дни календаря? Кого замуровали в стену, кого опустили глубоко под брусчатку, чтобы слышали и радовались, как с каждым годом растет боевая мощь, но большинство обратили в пепел, зарытый в секретных могилах.

Всходило солнце и опускалось за горизонт, и колесницы пулеметных тачанок сменялись фаллическими громадами мегатонных ракет, но все так же браво печатали шаг марширующие шеренги, и по-прежнему звонко и радостно звучали приветственные клики, и знакомые песни лились над площадью, заклиная враждебных духов.

Никто не даст нам избавленья:
Ни бог, ни царь и не герой.
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой...

Недалеко ушли поколения небожителей от великой гробницы, где выстаивали парады и шествия, но обрели ли жизнь вечную, знать не дано. Лишь один среди всех, превращенный в мумию, был помещен бок о бок с вечно живым, но вскоре вынесен прочь и погребен под плитой из железобетона.

Про тех же, кого тайно сожгли в крематории, перемололи в лагерную пыль, лишив последнего пристанища и тени надежды на грядущий восход всепрощения, не принято вспоминать. Самый след их исторгла великая пирамида, а страшный суд давно позади.

Но вернемся к канопам — то бишь стеклянным банкам с заспиртованными мозгами вождей, бережно сохраняемым за бронированной дверью особо секретной лаборатории.

При инвентаризации, а может, и незапланированном осмотре — дело темное — не досчитались одной. Опять-таки по странному стечению обстоятельств, с удивительным постоянством возникающему на наших страницах, пропал именно тот священный сосуд, в котором находился мозг товарища Цюрупы. Мозги прочих наркомов и партийных секретарей, как умерших своей смертью, так и тайно умерщвленных, но не

развенчанных, а, напротив, увековеченных, находились на своих местах. Бледные от спирта и формалина полушария Горького, Маяковского и многих-многих видных деятелей стояли на раз и навсегда отведенных местах, и только одна-единственная банка словно сквозь землю провалилась. Невольно вспоминалось явление, с последующим исчезновением, у постамента Сталина.

Напрашивалась мысль, сколь бы нелепой она ни казалась, о какой-то причинной связи между двумя событиями: пропажей мозга и появлением призрака.

Еще недавно недостача режимного препарата грозила администрации института серьезными неприятностями, ныне же о досадном происшествии можно было спокойно забыть. Вероятно, так бы и поступили, если бы не обнаружились следы вторжения в святая святых. Вернее, попытки вторжения, ибо, вопреки всем ухищрениям, взломщикам не удалось проникнуть в самое главное помещение, где в образцовом порядке сохранялись свыше 31 000 клеточных срезов мозга Владимира Ильича, а также муляж, наглядно демонстрирующий множественные поражения различных участков. Один только взгляд на совершенно секретный объект грозил непосвященному святотатцу расстрелом, равно как и лицам, ответственным за сохранение тайны. Слава Богу, что мы живем в иные времена, и столь суровые меры канули в Лету вместе с варварскими обычаями восточных деспотов. Если что и сохранилось, не претерпев перемен, так это страх, въевшийся в поры, почти генетический. При одной мысли, что могло случиться, если бы вместо мозга Цюрупы похитили... Представителям старшего поколения легко понять, какое чувство испытал заместитель ученого секретаря Мирзоянц, когда ему доложили, что в коридоре, ведущем в секретную комнату № 19, выломана решетка. Была пора летних отпусков, академики и доктора наук отсиживались на дачах, и вся ответственность легла на плечи Карена Нахапетовича. По старой памяти он позвонил на Лубянку, несмотря на то, что обосновавшееся там ведомство сменило аббревиатуру и в какой-то степени профиль.

Заблуждаются скептики, злословя, что от перемены названия ничего не меняется. Меняется, и даже очень.

Снявший трубку дежурный сначала вообще ничего не понял, решив, что звонит пациент психолечебницы. Какой-то Цюрупа, заспиртованные мозги, да еще Владимир Ильич ни к селу ни к городу — сплошной бред. Кража — это понятно, но не по адресу, а революционное прошлое не дает никаких привилегий.

— Почему вы обратились именно к нам? — очень вежливо, но твердо он попытался переключить взволнованного гражда-

нина с кавказским акцентом на другую инстанцию. — Вам следует связаться с ближайшим отделением милиции.

— При чем тут милиция, когда посягнули на мозг самого Ленина!

— Партийные интересы нас не касаются. Мы — вне партий!

Ответом была возмущенная скороговорка, где имя Ленина упоминалось уже чуть ли не через каждое слово. Кое-как уяснив, что слова «мозг Ленина» следует понимать скорее фигурально, как заветы или труды, а украдены всего-навсего препараты мозга старого большевика с непонятной фамилией, дежурный выразил соболезнование и вновь посоветовал обратиться по назначению. Положение обязывало сохранять корректность в любых обстоятельствах. Тем более теперь, когда ежедневно поступают десятки сигналов по поводу взрывных устройств. Приходится принимать меры, даже заведомо зная, что тревога окажется ложной. Но поднять тарарам из-за какой-то банки, это уже верх наглости! Разворовывают музеи, церкви, вывозя бесценные сокровища за рубеж, крадут алмазы и золото в слитках — и то ничего, обходится без истерик, а тут...

— Если я вас правильно понял, ленинское наследие не пострадало? Верно?.. Чего ж вы так волнуетесь, товарищ ученый!

— Волнуюсь? А вы хотите, чтобы я оставался спокойным? Мало скандала у кремлевской стены?! — рвал горло Мирзоянц, безуспешно пытаясь пробить стену непонимания. — Хотите, чтобы Владимир Ильич вышел из мавзолея? Нутром чую — неспроста эта бандитская вылазка! Есть тут определенная связь!

Только теперь пришло осознание, что дело и впрямь серьезное. Не важно, кто именно был задействован: Цюрупа или Талейран с Тамерланом. Креститься надо, если чего померещилось. Красная площадь, Кремль — вот что требует повышенного внимания. Недаром насчет заварушки с тамбовскими делегатами специальная ориентировка прошла. По всей видимости, наружка кого-то все-таки засекла.

— Спасибо за сообщение, товарищ, — уже другим голосом отреагировал дежурный офицер. — С вами обязательно свяжутся.

Паутина

В австралийском городе Дарвин запущено в производство новое изобретение — компьютер для эвтаназии (в переводе с греческого «благородная смерть», по-нынешнему — добровольный безболезненный уход из жизни безнадежно больного человека).

Прибор, разработанный доктором Филиппом Нейцше, состоит из капельницы и мини-компьютера. Если больной принял решение не мучиться, например, от рака в последней стадии, он нажимает клавишу «ввод» на клавиатуре, на экране появляется вопрос от машины: «Пришло время проститься?» Больной набирает «Да», и компьютер сообщает ему: «Если вы нажмете кнопку «Enter», то через 30 секунд включится инъекционная помпа». Еще нажатие клавиши, и через полминуты машина вводит больному сперва обезболивающее, а затем быстродействующий яд...

Магия

Потомственный ясновидящий *** предскажет и изменит Вашу судьбу по «планетной» книге, погадает на старинных папирусах, картах тарот и на кофейной гуще.
А также снабдит Вас египетским амулетом удачи.

Интим

Мол. чел. абсолютно нормальный, без наклонностей, очень хочет взять несколько «уроков» у профессиональной учительницы любви экстра-класса. Оплата без ограничения.

ФАЙЛ 018

Андрею не хотелось расставаться с лабораторией, но ни времени, ни рук на чистую науку катастрофически не хватало. Он договорился с Жемайтисом, что будет работать на общественных началах.

— Понятно. Что тебе жалкие гроши? — кивнул Юрис.

— Ты тоже не на зарплату живешь и, насколько мне известно, не бедствуешь, или все-таки не хватает? Ты скажи.

— Мне более чем достаточно. Не в том дело.

— А в чем?

— В конечном счете в выборе. В чем же еще? Жизнь коротка. Всех денег не заработаешь, и зачем?

— Меня не деньги интересуют, и ты это знаешь.

— О, да! Виртуальная реальность.

— Она самая. Это и жизнь, и, если хочешь, игра: азарт, спорт, риск — то, что надо!.. Не так?

Жемайтис ничего не ответил.

Все правильно: дело в выборе. И начиналось отлично, и шло как по маслу, но, как ни жаль, приходится расставаться, выбирать, что важнее.

— Я дошел до развилки дорог. Усесться на обочине не дано, а идти надо. Ну, бывай, я пошел.

Начиналось и верно, как в сказке... Покровительство помощника Генерального секретаря обеспечило режим наибольшего благоприятствования и самую просторную комнату в новом институте, разместившемся на трех этажах административного здания в Олимпийской деревне. За рекордно короткий срок лабораторию компьютерной эволюции удалось оснастить самыми совершенными на тот период моделями Sarp и Com DEX. Машины с новейшими процессорами поставлялись через третьи страны, в обход запрета, наложенного конгрессом США. Американцы просто закрыли глаза. Чего не сделаешь ради Горби? Варшавский договор приказал долго жить, Европа ликует, Берлинскую стену разбирают на сувениры.

Настал день, когда в лазурной купели мониторов начала зарождаться принципиально иная жизнь, закодированная комбинацией электронных сигналов.

— Тебе не страшно? — спросил Жемайтис, почти благоговейно подкладывая новый программный свиток. Со стороны могло показаться, что он перелистывает партитуру на пюпитре великого пианиста.

Андрей Ларионов и впрямь перебирал клавиши с элегантной быстротой Рихтера, выстраивая цепочки команд.

— Глаза боятся, а руки делают. Я ведь хакер, Юрок, а хакеры — народ бесшабашный. Тебя что-то беспокоит?

— Представь себе амазонскую сельву. Как это у Рембо? «Там, где змеи свисают с ветвей преисподней и грызут их клопы в перегное земли...» Самая сложная из экосистем. Ты когда-нибудь задумывался, как могла сформироваться столь тщательно выстроенная иерархия жизни? От бактерий и мхов до анаконд и ягуаров? Ведь еще четыре миллиарда лет назад на планете бушевал хаос химических элементов. Сценарий развития — сплошная загадка, непроглядный мрак! Возникновение клетки столь же невероятно, как если бы из груды металлического мусора сам собой родился космический корабль. Да что там корабль! Никакое творение рук человеческих не сравнится по сложности с клеткой.

— Тем не менее, — не отрываясь от экрана, покачал голо-

вой Андрей. Он уже сотни раз слышал подобные разглагольствования. Переживания напарника его не смущали. Теоретик не может обойтись без философии, но когда у тебя в руках конкретное дело, умствования отвлекают. Одно из двух: либо получится, либо нет. Как бы там ни было, но на дисплее развивался реальный процесс. Можно спорить до посинения, где и как начали объединяться молекулы, составившие основу живого: в разломах океанского дна, на вулканах или между слоями глины. Не все ли равно? Тем более бессмысленно задаваться вопросом, какая сила побудила к саморазвитию первичное варево. Может, и вправду Бог?.. Не иначе, как на потеху дьяволу.

— Метаболизм и репродукция, — не переставал бубнить Жемайтис, — обмен веществ и воспроизводство — вот единственно верный критерий. Первичный бульон — химическая мешанина. Там правит бал случайность. Когда же проявилась закономерность?

— В момент «Большого взрыва». Излучение породило атомы, они соединились в молекулы и пошло. Информация заложена уже в самом веществе — изначально... Поставим на этом точку, иначе мы никуда не продвинемся. Помнишь у Гейне? «И дурак ожидает ответа». Лучше не спрашивать.

Жемайтис пропустил реплику мимо ушей. Верный привычке рассуждать вслух, он вел внутреннюю полемику, но замечание насчет «Большого взрыва», положившего начало Вселенной, запало в душу. Рождение мироздания с пространством-временем и веществом-полем представлялось еще менее вероятным, чем появление клетки на заключительных стадиях сотворения. Каждый новый этап резко уменьшал возможность дальнейшего усложнения.

— Стюарт Кофмэн из Университета в Санта-Фе вроде бы сумел доказать, что любой первородный мир с достаточно разнообразным набором молекул способен образовывать густую сеть взаимодействующих соединений. Они разрушают друг друга и воспроизводятся из обломков. Затем происходит скачок, и смесь приобретает упорядоченный характер.

— Смотри! — Андрей показал на экран, где рушились и вновь воссоздавались разветвленные цепочки, копируя одна другую, как по шаблону.

Условная графика воспроизводила абстрактный микрокосм, населенный компьютерными программами. Цепочки наглядно отражали последовательность простых команд, аналогичных генетическим кодам, предписывающим каждому цифровому «обитателю» образ существования и воспроизводства. Лидеры в конкурентной борьбе за компьютерное время

и объем машинной памяти создавали и большее количество своих собственных копий.

Беспощадность жизни, где все поедают всех, предстала в бесстрастной наготе, присущей математике. Андрей беззвучно смеялся, тогда как Юрис метался между восторгом и ужасом.

— Кошмар: настоящая жизнь!

— Не модель?

— Я бы сказал — электронный призрак. Мы создали энергетический микрокосм.

Как завороженный, Жемайтис вглядывался в космическую бездну, ограниченную прямоугольником лучевой трубки. Все, что творилось там, уже не зависело ни от чьей воли. Он не ощущал себя демиургом. Ни один коренной вопрос так и не получил ясного ответа.

Для самовоспроизводства живой материи необходимо участие двойной спирали ДНК, на которой записана ключевая инструкция, как выстраивать из аминокислот белки. Они же, в свою очередь, помогают штамповать ДНК для будущих поколений. Но что первично: белок или эта генетическая спираль? Все опять сводилось к курице и яйцу. Впрочем, существует еще и РНК, более просто устроенная, без причудливых фортелей в трехмерном пространстве. Она поразительно многофункциональна и, пожалуй, могла сыграть ведущую роль на ранних стадиях зарождения жизни. Как и ДНК, она несет генетическую информацию и, подобно белкам, способна работать в качестве фермента, собирая из коротких цепочек свою точную копию.

Придраться было не к чему. Программа работала безукоризненно.

— Они совершенствуются! — пощелкивая «мышкой», Андрей вывел укрупненное изображение на второй экран. — Стыковка, как на станции «Мир».

— Какой ужас! — прошептал Жемайтис. — Но этого следовало ожидать. Я полный идиот, Андрюша!

— Так уж сразу? По-моему, у тебя мания величия. До полного тебе далеко. В кандидатах пока погуляй.

— Намекаешь?

— А что?

— Не кусай кормящую тебя руку. И вообще не трогай политику. Будем жить по завету Альберта Магнуса — затаимся.

— С какой радости?

— Неужели ты так ничего и не понял?.. Видишь, какие клешни выросли? Разворачиваются вдоль оси, сближаются и...

— Состыковались.

— Верно, но то, что ты принял за космический захват, штука совсем иного рода и, доложу тебе, — посильнее, чем

«Фауст» Гете... Мне нужны последние работы Джулиуса Рибека из Массачусетского технологического. Попробуй по ftp[1].

— Я не ткачиха-многостаночница, — буркнул Андрей и с видимой неохотой запустил еще один агрегат с мощным модулем. — Зачем тебе?

— Хочу кое-что проверить.

Ждать пришлось минут сорок. Сказывалась низкая пропускная способность отечественной оптико-волоконной сети. Между тем процесс эволюции на экране продолжал идти с фантастической скоростью. Жизнь и смерть рука об руку творили грандиозный спектакль созидания и разрушения. Причудливые конфигурации, словно собранные рукой малыша из деталей «Конструктора», разлетались на отдельные части, чтобы слиться вновь в иной ипостаси. И смерть была неотделима от жизни в этом переборе вариантов, не оставляющем трупов.

— Меня поражает даже не жуткая реальность этих эфемерных созданий, — Жемайтис недоуменно пожал плечами. — Я хочу понять, из чего устроена их душа, создающая порядок и целенаправленность.

— Цели нет ни у них, ни у нас. Мы тоже распадемся на отдельные атомы, из которых природа когда-нибудь вылепит очередного урода, — меланхолично изрек Андрей. Невольно и его потянуло на философские обобщения.

— Предпочитаю сексапильную красотку.

— Хотел бы стать женщиной?

— Почему не попробовать?

— Наконец-то! — Андрей получил первую страницу статьи в журнале «Biochemical and Biophysical Research Communications». — Распечатать?

— Не надо, — Жемайтис занял место у монитора, — ты, надеюсь, записываешь?

— На Си-Ди, можешь не волноваться... Скорость устраивает?

— Я успеваю. Мне только для справки...

Жемайтис не ошибся. Рибек действительно получил несколько новых органических соединений, способных к самовоспроизведению. Оказалось, что любая молекула с так называемыми комплементарными отрезками может разделиться на две половины, каждая из которых, как по лекалу, тут же начинает достраивать себя до изначальной формы. По принципу ДНК-РНК.

— Прояснил?

---

[1] Протокол передачи файлов, благодаря которому пользователь Internet получает доступ к библиотекам программ, текстов, графическим и иным архивам.

— Ты сейчас упадешь! Твои захваты, Андрюша, захваты, — Жемайтис давился от смеха, — не что иное, как прообразы гениталий!

— В самом деле? Значит, у них отросли..? — Андрей прибег к ненормативной лексике.

— Фи! Образованному человеку не пристало так выражаться. Мог бы сказать по-гречески: «фаллос—ктеис», а еще лучше на ученой латыни: «пенис—вульва»... Нет, я абсолютно серьезно. Попробуй отрешиться от грубой конкретики. Речь идет об абстрактных полярностях, вроде китайских «ян—инь». Ян ищет инь, инь устремляется к ян. Так происходит соединение. Совокупление — лишь частный случай извечного противоборства мужского и женского начал. Свет — ян, тьма — инь и так далее.

— Опять философия! Но принцип я уяснил: электрон — дырка.

— Самое любопытное заключается в том, что во Вселенной может существовать великое множество различных, в том числе и совершенно неизвестных нам, веществ с комплементарными отрезками, а следовательно — и форм жизни.

— Бабушка надвое гадала.

— Почему?

— Глянь, как рвутся цепочки! Копирование не отличается безупречной точностью. Накапливаются ошибки.

— Всюду?

— Вроде бы нет... Появилась парочка устойчивых каракатиц. Дьявольщина! Они пожирают младенцев!

— Поздравляю, Андрюша. Это еще одно доказательство правоты жизни! Незначительные погрешности как раз и ведут к эволюционному процессу, обеспечивая многообразие видов. Нам удалось воссоздать первородный ил!

Был замысел странно порочен,
Но все-таки жизнь подняла
В тумане туманные очи
И два соколиных крыла, —

продекламировал Жемайтис. — Кажется, так.

— Чье?

— Георгия Иванова... Мы соучастники акта творения. Пуск состоялся. Все системы работают нормально. Сначала метаболизм, репродукция, затем пошел естественный отбор... Цепочки копируются с ошибками, что равносильно появлению мутаций в генах! Ты понимаешь, что это значит? Незначительные отклонения в новых версиях воспроизводящих себя программ позволяют нашим козявкам эволюционировать... Как мы их назовем? Каракатица — не подходит. Во-первых, это

высокоорганизованное существо из класса или вида — черт его знает! — головоногих. И вообще, неблагозвучно, уничижительно... Так как?

— Ви-Би! — просиял словно бы осененный свыше Андрей. Он никогда еще не видел Юриса в таком приподнятом настроении. И это передавалось, как экзальтация в толпе, как психическая зараза. — Виртуальные существа[1]!

— Отменно. Так и запишем: Программа «Ви-Би». Запущена двадцать седьмого июля, в тринадцать часов двадцать три минуты... Оказывается, уже утро? До чего ж я устал.

Начав с программы-«предка», условно названного Адамом, чья протяженность составляла всего 84 команды, они получили десятки компьютерных программ-мутантов. Эволюция на экране развивалась со скоростью тридцать тысяч лет в час.

Ночь пролетела незаметно.

— Обрати внимание на этого «вибика»-мутанта, — Андрей, привыкший к ночным блужданиям по окнам Internet, не ощущал утомления. — Длина всего двадцать две команды, а размножается в семь раз быстрее Адама.

— Лихой парнишка. Назовем его Ноем. Сделай-ка распечатку.

— Тогда тот, кто первым разорвал парную цепочку, будет Каином.

В цифровом воплощении виртуальные существа обнаружили удивительное разнообразие. Те из них, у кого список команд получался заметно укороченным, теряли способность к самовоспроизведению, но ухитрялись при этом выжить, заимствуя команды у своих более удачливых родичей.

— Паразиты какие-то, — одобрительно отозвался Андрей.

— Может быть, прообразы вирусов?.. Видимо, по такому же принципу диверсифицировались ранние формы жизни на Земле. В сущности, паразиты играют немаловажную роль в стимулировании эволюции, расширяя разнообразие живущих систем. Паразитические вибики провоцируют своего рода гонку вооружений. Стремясь уберечься от воровства, программы изобретают все более хитрые способы защиты, а паразиты в пику им находят не менее изощренные отмычки.

— Все довольны — все смеются. Полицейские и воры.

— Ясно одно: живые системы отличаются куда большей устойчивостью, чем принято полагать.

— Надо будет попробовать подхлестнуть эволюцию. Я могу сгенерировать экстремальные мутации. Это приведет к появлению поколений вибиков повышенной жизнеспособности и быстрее самовоспроизводящихся... Не вымрут, как динозавры?

---

[1] Virtual body (*англ.*) — виртуальные тела (существа).

— Динозавры если и вымрут, то останутся млекопитающие. Жизненная сила необорима. Теперь я уверен, что жизнь во Вселенной — не случайный каприз. Ради одного этого стоило родиться!

— Ты всерьез считаешь вибиков живыми существами, Юрис?

— Программы, способные для воспроизводства метаболизировать энергию компьютера, эволюционизировать и даже развивать некое подобие социальной организации, ничем не отличаются от флоры и фауны той же сельвы. Кто сказал, что живое обязательно должно быть теплым и мягким на ощупь? Если программы действуют, как живые существа, значит, любые сомнения неуместны. Искусственная жизнь уже стоит на пороге нашего дома.

— Тогда нечего ломать голову над неразрешимыми загадками происхождения. Лучше всерьез заняться будущей эволюцией. Я попробую вырастить паразита, который способен к бесконечным мутациям.

— Случайная утечка, и он взорвет мировую компьютерную систему, включая твой драгоценный Internet.

— Постараюсь соблюсти осторожность. Генную инженерию тоже на первых порах пытались запретить, однако ничего — обошлось.

— Неисправимый хакер! А ведь это болезнь, Андрей. Ты не замечаешь, что стал киберзависимым?

— Я этим горжусь, — без тени юмора ответствовал Ларионов. — Мой компьютер на порядок дороже «Мустанга», который тоже оборудован новейшей коммуникационной системой. Я не беру в руки книг, не сижу в библиотеках, не смотрю телевизор — Internet заменяет мне все. Когда у моей любовницы наступают критические дни, я предпочитаю узнать об этом по электронной почте, а чем она пользуется — тампонами или прокладками — мне без разницы. Даже в преферанс по пятницам я играю, не отходя от монитора. Старых друзей разметало по свету: один в Париже, другой в Хайфе, третий на Брайтон-Бич. Так что, прикажешь волосы на заднице рвать? Мы продолжаем играть в режиме реального времени, по десять центов за вист, как ни в чем не бывало. И мне безразлично, где задействован сервер: в Австралии или на Каймановых островах.

— Интересная декларация... А как насчет добра и зла? Тебе не кажется, что несколько размылись границы? Или мнишь себя суперменом?

— А у вибиков где она, эта грань? Ты же сам признал, что паразиты нужны. Добро и зло — это те же «ян—инь». Движитель мироздания, лишенный конкретного наполнения. Жизнь,

жизнь, жизнь!.. Сама по себе она ни черта не стоит. Я живу, пока мне интересно, и не нахожу себе места вне виртуальной реальности. Доведем до логического завершения программу эволюции и займемся вирусами. Если тебя не устраивает, разбежимся.

— Там видно будет, — вымученно отозвался Жемайтис. Вспышку раздражения он объяснил усталостью от бессонной ночи и, как ни в чем не бывало, перевел разговор в профессиональное русло. — Одна из опасностей, что нас подстерегают, заключается в том, что мы можем перемудрить. Изобретем великолепные машины, которые будут совершать удивительные фокусы, но при этом все дальше удаляться от того, что нам необходимо понять.

Паутина

Видимо, только стремление уйти от страшной действительности побудило 28-летнего Шого Фукушиму, сотрудника японской компании «Мацушита Электрик Уоркс», и двух его коллег потратить два года и миллион долларов на изобретение этого уникального кресла, показанного публике в конце сентября. Отныне любой, кто готов выложить за «электронную мебель» почти 24 тысячи долларов, может расслабляться и снимать в виртуальной реальности стрессы повседневной действительности — с помощью музыки, видео и... массажа.

Магия

ГОСПОЖА ***
Старинное гадание на картах, по линии руки, по планете.
Решает семейные и любовные проблемы, снимает порчу и сглаз.

Интим

ШИКАРНЫЕ САУНЫ
для состоятельных господ. Круглосуточно.
Бильярд. Бар. Солярий.
Охраняемая стоянка.

Дорогой мужчина! Только с тобой я буду страстной и необузданной, нежной и ласковой. Позвони, ты будешь доволен!

ФАЙЛ 019

Кандидат медицинских наук Мирзоянц никак не ожидал, что с ним «свяжутся», как оно было обещано, так скоро. Вышла лишь незначительная неувязка: звонил-то он в ФСБ, а прислали представителя из ФАПСИ. Им, однако, видней. В конечном счете, перефразируя Белинского, вышли из одной шинели, не гоголевской, само собой разумеется.

Никакой шинели на Федоре Лукиче Гробникове, понятно, быть не могло, он и не ходил в форме, и вообще не сезон — но мудрый Карен Нахапетович сразу учуял, что перед ним большой чин, полковник как минимум. Одет с иголочки, даже платочек в кармашке под цвет галстука, тонко благоухает английским одеколоном и держится с обходительной простотой, но себе на уме — настоящий разведчик. В принципе, все верно. Психиатру с тридцатилетним стажем самим Богом положено видеть насквозь.

Мирзоянц принял гостя в директорском кабинете — узком пенале, тесно заставленном разностильной мебелью. Старинный книжный шкаф черного дерева и диван с протертыми до дыр валиками соседствовали с застекленными чешскими полками и аляпистым желтым столом школьного образца современной работы. По всему было видно, что институт переживает не лучшие дни. Стены облупились, высокие потолки пошли трещинами, а резные дубовые двери утратили свою ледяную некогда белизну. Позеленевшая латунная фурнитура смотрелась на общем фоне, словно позабытый антиквариат. И как это ее до сих пор не свинтили?

Достаточно было беглого взгляда, чтобы восстановить полную картину: нищенская зарплата с задержками, принудительные отпуска без сохранения содержания, сокращение тематики и неизбывные ремонтно-эксплуатационные терзания. Профессиональный оперативник тоже не лыком шит.

— Ну-с, рассказывайте, как было дело, Карен Нахапетович. — Гробников с опаской опустился в готовое развалиться под ним кресло.

— С самого начала?

— Пожалуйста.

Рассказывать, собственно, было нечего. Наткнулись на взломанную решетку, обнаружили пропажу, принялись всюду искать. Никаких конкретных подозрений или предположений.

— Я отдаю себе отчет, что после этого не всегда означает вследствие этого, но невольно начинаешь сопоставлять, задумываться. Видимо, существует причинная связь между кражей и событиями у кремлевской стены.

— Какими, простите, событиями?

— Цюрупа!

— Ах да, конечно... Значит, вы полагаете, что целью похитителя являлся мозг Владимира Ильича, но, не сумев совладать с запорами, злоумышленник или злоумышленники удовольствовались первым попавшимся экспонатом?

— Препаратом. Экспонаты — в нашем музее.

— Виноват, — скрывая улыбку, Гробников наклонил голову. — Значит, у вас и музей есть?

— На верхнем этаже. Хотите взглянуть?

— С удовольствием, но сперва немножечко введите меня в курс дела. Ваш институт занимается исключительно мозгом или вообще высшей нервной деятельностью?

— Одно неотделимо от другого.

— Конечно, конечно... Мозг — самый сложный и даже таинственный объект из всего, что создано природой. Простите мое невежество и, возможно, неуместное любопытство, но я не совсем понимаю, в чем смысл несколько политизированного уклона? Ну, особый интерес к Ленину сомнений не вызывает: великий мыслитель, как бы к нему ни относиться. Но, положа руку на сердце, обо всех бывших руководителях партии и правительства такого не скажешь? Верно ведь? Или я не прав, и у них какие-то особенные мозги?

— Нет, разумеется, самые обыкновенные, — поморщился Мирзоянц, словно от оскомины. — Нормальные до поры до времени.

— Выходит, вам такую тематику сверху спускали?

— Так получилось исторически, — смуглое, как печеное яблоко, лицо Карена Нахапетовича вновь исказила кислая гримаса. — По сути, мозгу Владимира Ильича институт обязан своим появлением, но у вас это вряд ли вызовет интерес.

— Нет-нет, совершенно напротив! — запротестовал Гробников. — Я весь внимание.

— Вскоре после смерти Владимира Ильича было принято решение изучить его мозг не только макроскопически, но и микроскопически — цитоархитектонически[1], по нашей терминологии. Именно с этой целью мозг был сохранен, а в двадцать шестом году создали специальную лабораторию, вскоре преобразованную в научно-исследовательский институт. По решению правительства в Москву был приглашен выдающийся немецкий невропатолог и морфолог Оскар Фогт. Ему принадлежит честь первого исследователя тонких срезов мозга Ленина, окрашенных по методике Нисселя. Направление получило поддержку на заседании коллегии Наркомздрава. С того и пошло. В дальнейшем структура мозга на протяжении

[1] Клеточная архитектура — организация.

долгих лет изучалась коллективом наших ведущих морфологов, — Мирзоянц перечислил всех поименно, с указанием научной степени, звания и наград. В его голосе звучала неприкрытая ностальгия.

— А затем естественным порядком стали поступать и другие экспо... препараты?

— Совершенно верно. Систематическое изучение мозга Ленина заняло многие годы. И это не случайно. Выявить особенности строения возможно лишь сравнительным способом, сопоставляя со структурой мозга других людей. Понимаете?

— Из руководства? — живо откликнулся Гробников, испытывая неподдельный интерес. — Единомышленников, если так можно выразиться?

— Совсем не обязательно, — поежился Мирзоянц, словно затрудняясь подобрать подходящее объяснение. — Мы располагаем разнообразным материалом: выдающиеся писатели, ученые... Для сравнения были использованы результаты изучения еще пятидесяти полушарий мозга.

— Людей знаменитых?

— Можно сказать и так.

— Превосходно, — протянул Гробников. Хотелось спросить, почему не взяли для сравнения серое вещество самого обычного человека, но он удержался. — Превосходно... А как, по-вашему, кому и зачем могли понадобиться препараты? Все эти многочисленные срезы, занимающие, надо думать, несколько коробок, даже ящиков? Какой в этом смысл?

— Какой смысл? Преступный — это же очевидно.

— Полностью с вами солидарен, но все же — какой? Какая непосредственная связь просматривается между кражей и, скажем, имевшей место коллективной иллюзией, галлюцинацией?

— Я подозреваю крупную политическую провокацию, в лучшем случае — злостное хулиганство.

— Ясно, — Гробников понял, что в этом вопросе на какой-то существенный сдвиг рассчитывать не приходится. — Допустим, связь, о которой мы говорим, все же наличествует. Но где причина, а где следствие? Вы же не можете с уверенностью определить, когда именно произошло похищение: до известного инцидента на Красной площади или после?.. Вот видите, Карен Нахапетович... Вернемся лучше к проводимым в институте научным изысканиям. Наверное, удалось добиться серьезных сдвигов? Успехов?

— На основе систематических исследований родилось приоритетное, и не только у нас, но и во всем мире, учение об индивидуальной вариабельности клеточной организации мозга. В частности, удалось обнаружить, что у различных ин-

дивидуумов имеются неповторимые особенности строения, подобные отпечаткам пальцев.

— Поразительно интересно!

— С профессиональной точки зрения? — впервые за все время на губах Мирзоянца промелькнула улыбка. — Вариабельность, о которой мы говорим, настолько велика уже в пределах одной нации, что и говорить не приходится о каких-либо особенностях строения мозга у представителей различных народов и рас. Это, между прочим, еще в тридцатые годы доказали наши ученые. К сожалению, сегодня идеи дружбы народов, единства человечества не популярны.

— Отчего же? Смотря у кого.

— В общем, работа проделана колоссальная. Она продолжается и по сей день. Уже сегодня можно с уверенностью констатировать, что получены достоверные сведения о клеточной структуре мозга вообще и ленинского в частности.

— И каковы конечные результаты?

— Вас интересует, можно ли прямо сопоставить строение мозга с умственной деятельностью? Должен сказать, что представление о преимущественной роли структур, например лобной области и десятого поля, вполне обоснованы. Большинство психофизических черт, включая одаренность или гениальность, определяется на основании оценки жизнедеятельности человека, значения его трудов и так далее. Интеллектуальные либо эмоциональные особенности, очевидные для окружающих, являются результатом работы мозга, эндокринной системы и общего состояния организма, взаимодействующего со средой. Психофизиологические свойства определяются не только биологией, но и социумом. Поэтому изучение мозга выдающихся людей, по моему глубокому убеждению, все же имеет более скромную задачу. На первых порах важно выявить хотя бы признаки своеобразия в строении их мозга. Результаты микроскопического изучения клеточной и волокнистой архитектоники открыли новые возможности в исследовании структурных основ высшей нервной деятельности, о чем мечтал еще Иван Петрович Павлов.

— Его мозг у вас тоже есть?

— Да, — односложно ответил Мирзоянц, желчно поджав губы.

— А Сталина?

— Относительно номенклатуры препаратов вам следует направить письменный запрос на имя директора, академика Семирадского Ивана Гавриловича. Я не уполномочен давать такие справки.

— Нет-нет, Карен Нахапетович, всего-навсего суетное любопытство, — Гробников лишний раз убедился, что старые ин-

струкции все еще действуют. — Это карта мозга? — он показал на раскрашенную глыбу в извилинах, оправленную в тонкую металлическую рамку. Риторический вопрос ответа не требовал, но Карен Нахапетович — сказывалось многолетнее преподавание в мединституте — ко всему относился с неизменной серьезностью.

— На основе сравнительно-анатомического и онтогенетических подходов в нашем институте разработано учение о рациональной классификации корковых формаций, — он вынул карандаш из стаканчика и обернулся к схеме. — Они подразделяются на филогенетическую новую кору, занимающую девяносто шесть процентов всей площади, старую, древнюю, и две межуточных формации, удельный вес которых у человека значительно ниже, чем у животных. Вся кора подразделяется на пятьдесят цитоархитектонических полей, характеризующихся рядом конкретных признаков.

Гробников довольно свободно ориентировался в терминологии, поскольку углубленно занимался проблемами воздействия электронных средств коммуникации на психику и поведение человека, но всем своим видом выказывал напряженное внимание. Штампованные наукообразные обороты навевали зубодробительную скуку.

— Вы допускаете существование фантомов? — слегка повысив голос, прервал он пространные объяснения.

— Не совсем понимаю, — опешил от неожиданности Мирзоянц. — Каких фантомов?

— Возьмем конкретный случай. Что заставляет вас считать, что людям на Красной площади привиделся именно Цюрупа, а не кто-то иной?

— Да ведь газеты писали!

— Мало ли, что пишут в газетах... На чем основаны слухи? На свидетельстве одного, повторяю, одного пожилого человека, который однажды встречался с Цюрупой в пионерском возрасте. Он ведь мог и ошибиться, не правда ли? Остальные просто поверили ему на слово, а газетчики и телевидение туда же — восприняли как достоверный факт. Возможно такое?

— Возможно, — промедлив, с явной неохотой признал Мирзоянц. — И что отсюда следует?

— Многое или же ровным счетом ничего. Давайте поразмыслим общими силами. Представьте себе такую, чисто гипотетическую ситуацию. Некто, назовем его Х, проникает в вашу лабораторию с целью похитить срезы мозга Ленина, но не тут-то было. Сейфовые замки выдержали, что лишний раз свидетельствует о непрофессионализме взломщика. Пришлось довольствоваться первым попавшимся препаратом. Они ведь у вас занумерованы? Без указания фамилий и рангов? Я прав?

— Таков порядок.

— Именно! Будь иначе, он бы прихватил кусочек от товарища Сталина или от Кирова — неважно, есть они у вас или нет. Почему? Да потому, что образы узнаваемы! И еще как!.. Теперь зададимся вопросом, как он мог узнать, что ему на самом деле досталось? Режим секретности еще действует?

— В прежнем понимании, пожалуй, что нет, — не без сожаления признал Мирзоянц. — Мы допускаем в лабораторию телевизионщиков, журналистов, в том числе и зарубежных. Действуют, скорее, этические ограничения.

— А если позвонить по телефону и справиться насчет образца за номером таким-то? Назовут имярек?

— Смотря откуда звонок.

— Из Главного архивного управления, допустим. Из газеты «Совершенно секретно», из общества «Мемориал»...

— Пожалуй.

— Вот видите!

— Но какое это имеет отношение к тому случаю? Я что-то недопонимаю.

— Не забудьте, Карен Нахапетович, что мы рассуждаем в рамках версии и пытаемся рассуждать последовательно, строго логично, не выходя за рамки естественнонаучных представлений. Или вы допускаете возможность чуда?

— Придерживаюсь материалистических устоев.

— Отлично! Я тоже. Теперь представим себе, что в группу делегатов затесался гипнотизер. Возможно такое?

— У вас есть конкретные данные?

— Без допущения неизвестного фактора нам не обойтись. Важно, чтобы он не выходил за пределы объективной реальности. Согласны? Тогда двинемся дальше... Назовем нашего экстрасенса Y, хотя нельзя исключить, что X и Y — одно и то же лицо, впрочем, не обязательно... Куда более вероятно, что этот Y принадлежит к той же среде, возможно, даже является одним из делегатов. Он хорошо знает свою аудиторию: кто чем дышит, в курсе воспоминаний о славном прошлом, включая исторические встречи с видными деятелями. О том, что представляет собой эта аудитория, не мне вам говорить. Люди убежденные, спаянные общими идеалами и, как следствие, подверженные внушению. Согласитесь, что крайние позиции способствуют массовой истерии. Вывод напрашивается.

— То, что вы называете крайними позициями, во многом обосновано, — помрачнев, отчеканил Мирзоянц. — Я хоть и сын репрессированных родителей, но понимаю этих людей.

— И замечательно, Карен Нахапетович. Пусть они сотни раз правы, это никак не влияет на ход наших рассуждений. Политика, как таковая, не должна нас никоим образом вол-

новать, хотя нельзя не признать, что именно общая политическая платформа является в данном случае связующим элементом. Не возражаете? Мы можем рассматривать группу людей, пришедших возложить цветы к монументу Сталина, как одно целое? Сама по себе церемония уже является мощным фактором экзальтации, накала страстей, так сказать, что и проявилось в заключительной сцене. Я имею в виду попытку расправы... Неудавшуюся по известным причинам попытку. Необъяснимое явление, понятно, вызвало шок, а отсюда уже недалеко до эффекта толпы. Даже тем, кто ничего такого из ряда вон выходящего не заметил, начало казаться, что и они тоже видели тень, грозящую кулаком их кумиру. Тут и бывший пионер подоспел со своим объяснением.

— В понимании массовой психологии вам не откажешь, — Мирзоянц ехидно прищурился, поймав слабину. — Пожалуй, и в логике, — он отер выступившую на лбу испарину бумажной салфеткой. — Я знавал еще Вольфа Григорьевича Мессинга и вполне допускаю принципиальную осуществимость такого психологического опыта, но, скажите на милость, зачем в таком случае понадобилось воровать препарат? Ваш Y вполне мог обойтись без материальной основы и «вывести», как сказано в Библии, любую подходящую тень. Того же Сталина, а не забытого, к сожалению, Цюрупу.

— Или самого Ленина, как вы, кажется, случайно обмолвились в телефонном разговоре?

— Не помню что-то...

— Не важно. Вы действительно затронули чрезвычайно существенный момент. Гипнотизеру препараты ни к чему. Но как фактор воздействия на общественное мнение они очень даже уместны. Представьте себе, что на моем месте сидит журналист. Как только появится ваше интервью и люди узнают, что за призраком стоит вещественная основа — часть трупа по сути, заспиртованный мозг! — разразится грандиозный скандал. Вот уж сенсация так сенсация...

— Но я обратился в ФСБ, а не к журналистам, и не собираюсь давать никаких интервью. Незачем поднимать шум.

— Думаете? А вор, возможно, так не считает. Смею уверить, что наш X крайне заинтересован в огласке и наверняка предпримет какие-нибудь побудительные действия, если уже не предпринял. Кстати, Карен Нахапетович, как вы узнали о пропаже? Сами обнаружили?

— Что вы, конечно, нет! Кто-то из сотрудников поднял тревогу. Решетка же взломана... Это уж потом мы...

— Нам надо будет определить круг лиц, допущенных в комнату девятнадцать, но мы этим после займемся, а пока, если не возражаете, пройдем, как говорится, на место преступления.

— Надеетесь найти следы? Мы ничего там такого не обнаружили.

— Для очистки совести.

Взлом висячего замка, запиравшего решетку, был произведен грубо — предположительно, фомкой. Судя по металлическим опилкам, дужку предварительно подпилили напильником. Как и предполагал Гробников, потрудился явный дилетант. Не то что отмычкой, но простой скрепкой ничего не стоило отомкнуть тяжеловесный амбарный реликт.

«Небось еще с тридцатых годов висит, — мелькнула догадка, вызвав непрошеные ассоциации. — Призрак не призрак, а что бывали тут и Ягода, и Берия — это точно».

Отпечатков пальцев взломщик не оставил: либо работал в перчатках, либо стер.

— Давно не убирали?

— С прошлой недели. У нас уборщица на полставки, так что сами понимаете.

— Сочувствую, — преклонив колено, Гробников извлек прицепившегося к плинтусу паучка — металлический квадратик с торчащими в разные стороны проволочками, и на раскрытой ладони продемонстрировал Мирзоянцу.

— Что это?

— Не догадываетесь? Так называемый «чип» — микропроцессор. Кто у вас компьютерным обеспечением занимается?

— Надо будет уточнить... Может, случайно утеряли?

— Может, и случайно, но почему именно тут?

Поверхностный осмотр двери обнадеживающих результатов не дал. С одной стороны, внешние борозды и царапины слишком явно указывали на непрофессионализм взломщика, с другой — закрадывалась мысль о нарочитой имитации. Ответ могла дать только трассологическая экспертиза.

Входить внутрь не было надобности, но искушение взглянуть собственными глазами на уникальный объект оказалось слишком сильным даже для Гробникова, привыкшего держать себя в узде служебной целесообразности.

— Отопрем, Карен Нахапетович?

Мирзоянц с явной неохотой сходил за ключами.

На сейф, в котором хранились срезы, он только махнул рукой, дав понять, что откроет только под большим нажимом, и сразу подвел, слегка подтолкнув подполковника в спину, к полке с муляжом.

— Так будет нагляднее, а на срезе без микроскопа все равно ничего не увидишь.

Гробникова поразили колоссальные очаги разрушения, контрастно черневшие на общем охряном фоне. И это был мозг, диктовавший свою непреклонную волю стране и миру!

Объяснения долетали, как сквозь ватную пелену. На глаза наплывали кадры из кинофильмов о гражданской войне, хрестоматийные фотографии: Ленин в Горках с кошечкой на руках, Ленин и Сталин, Ленин с легендарным бревном на плече...

— Для изготовления срезов мозга был снят точный слепок — восковой муляж, позволивший сохранить для нас внешнюю форму. В соответствии с принятой методикой, мозг Владимира Ильича зафиксировали в формалине и спирту, разделили на отдельные блоки и залили парафином. Толщина каждого среза составляет двадцать микрон. Даже в условиях трудной военной поры мы сумели сохранить их у себя в институте, — голос Мирзоянца дрогнул, но вскоре обрел прежнюю тягомотную монотонность. Заместитель ученого секретаря заученно сыпал цифрами, объяснял существо методик Нисселя и Гайденгейна. Краситель и тот не забыл назвать — крезиловый фиолетовый, что едва ли могло хоть кого-нибудь задеть за живое. Подавляло осознание самого факта: мозг Ленина! Какие решения он мог принимать? Какими жуткими последствиями отзывались болезненные реакции закупоренных склеротическими бляшками сосудов? Запомнились отдельные детали, так или иначе созвучные общему впечатлению.

К удивлению Гробникова, по ним удалось восстановить и целые фразы, в чем он смог убедиться, пробудившись на другой день от тяжелого сна, оставившего неприятный осадок.

— Вес составляет тысячу триста сорок граммов, — продолжал вещать Мирзоянц. — Хотя эта цифра не превышает средних значений, однако, принимая во внимание значительные очаги размягчения, главным образом в левом полушарии, можно полагать, что в действительности она была выше.

«Левое полушарие, — отметил Гробников, — проверка правильности принятых решений — функция левого».

— Вследствие сильных разрушений левого полушария оказалось невозможным точное описание его макроскопической картины, но архитектоника сохранившихся участков позволяет заключить, что оно существенно не отклонялось от правого. В правом потерь меньше.

«Правое! — мысленно вздрогнул Гробников. — Сохранилось лучше правое. В том, что правополушарное интуитивное мышление может улавливать связи и структуры, слишком сложные для левого полушария, нет сомнений, но оно часто зацикливается на том, чего нет в действительности, и выводы, сделанные в сложных обстоятельствах, могут быть ошибочными либо параноидальными».

— Таким образом, мозг Ленина отличается многообразием макроскопической картины в целом: большим развитием тре-

тичных борозд, переходных извилин. Указанные особенности достигают наибольшей выраженности в филогенетически наиболее новых областях, относящихся к высокоорганизованным корковым функциям — лобной, височной, нижней теменной. Особо крупные клетки подслоя, — не касаясь предмета, карандаш очертил замкнутую траекторию над областью, помеченной значком III^3, — наибольшего развития достигают именно здесь. Этот признак можно рассматривать как индивидуальный вариант, присущий данному мозгу. Еще сам Фогт высказал предположение о связи величины этих клеток с высоким уровнем ассоциативной деятельности, характеризующей личность Владимира Ильича. По морфологическим показателям мозг Ленина действительно выделяется среди всех изученных.

«И что из этого следует? Гениальность? Как сопоставить морфологические отличия со всем, что им сделано, написано, сказано?.. Подумать и то страшно: размягчение мозга».

— У вас будут вопросы?

— Какие все же сильные разрушения, — через силу выдавил Гробников, не зная, что сказать.

— Очаги размягчения отмечены в левом полушарии на наружной поверхности в лобной доле. Они захватывают заднюю половину верхней лобной извилины, верхнюю часть средней лобной, почти полностью ее нижнюю часть и верхнюю — нижней лобной извилины. Поражены большая часть прецентральной области, дорсолотеральная и медиальная поверхности полушарий.

Гробников, у которого голова пошла кругом, совершенно запутался в лабиринте подробностей. Лишь упоминание прецентральной области соотнеслось у него с двигательной функцией, из чего он и заключил, что левое полушарие фактически умерло еще при жизни вождя. Большие разрушения охватили и правое, затронув теменные области, височные извилины и еще что-то.

— Речь идет об общем атеросклерозе, — закончил Мирзоянц, — аорты, венечных артерий сердца и других, с преимущественным поражением мозговых сосудов. Местами они полностью закупорены, что и вызвало нарушение обращения крови и лимфы. Отсюда тяжелейшие приступы с потерей речи.

— И такой человек управлял государством!

— В том-то и дело, что высокие компенсаторные свойства мозга Владимира Ильича позволили ему продолжать работу. Не забудьте, что вскоре после второго приступа, в январе—начале февраля двадцать третьего года, он смог продиктовать свои статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше», «О придании законодательных функций Гос-

плану» и историческое «Письмо к съезду», — Мирзоянц с видом победителя вскинул подбородок и опустил веки: мол, так-то! Затем бережно вернул на место муляж и, как опытный лектор, вернувшись к исходным тезисам, наметил ближайшую перспективу:

— Результаты сравнительного изучения мозга Ленина и других выдающихся деятелей представляется возможным в надлежащей мере оценить на основе компьютерного морфометрического анализа.

Ради одного этого стоило перетерпеть головную боль, которой отозвался собственный, Федора Лукича Гробникова, перегруженный лавиной невразумительной информации, мозг.

«Куда мне до выдающихся деятелей», — подумал он, явно недооценив свои компенсаторные дарования.

— Так кто у вас ведает компьютерными анализами, Карен Нахапетович? — вопрос был поставлен по обыкновению конкретно и кратко. — Мне бы хотелось с ним побеседовать.

— Профессор Серов Анатолий Милентьевич. Я дам его координаты.

— Очень меня обяжете и спасибо за все.

— А музей?

— Отложим до следующего раза.

На улицу он вышел в легком потрясении, как из дурдома, где навещал хорошо знакомого, но не слишком близкого человека. Грохочущая автострада ударила в ноздри бензиновым перегаром. Прямо на тротуаре с лотка продавали экзотические фрукты: почти черные глянцеватые авокадо, косматые кокосы, золотистые манго. Поразило обилие прохожих в разгар рабочего дня.

Только у спуска в метро Гробников сообразил, что забыл вызвать служебную машину. Уж это-то как-нибудь можно пережить. Раскаленное небо над Курским вокзалом пылало полуденным зноем. Слишком многое открылось в новом, жестко проникающем свете без иллюзорных полутонов.

ФАЙЛ 020

Это называлось «погулять» в киберпространстве. Иногда такие прогулки продолжались до поздней ночи. Жемайтис прав: паутина затягивала почище любого наркотика. Открывая окно за окном, Андрей погружался в такие глубины, о которых едва ли догадываются мирные обыватели, коротающие свой досуг у домашнего телевизора.

Им и в голову не могло прийти, что разбросанные по миру анонимные пользователи «считывают» с домашних страниц

(WWW) подробную инструкцию по изготовлению самодельной атомной бомбы с полным набором схем и чертежей, начинающие террористы постигают азы пиротехники, а последователи Адольфа Гитлера изучают библию национал-социализма применительно к конкретным условиям.

Виртуальная реальность — не иллюзия, не потустороннее зазеркалье. Подобно параболическому рефлектору, она собирает в ослепительный фокус все помыслы человечества, не знающие границ. Безудержный взлет в поднебесье оборачивается низвержением в ад. К породе Homo sapiens, не исключая себя, Андрей питал холодную неприязнь. Он часто вспоминал свои первые дни в школе, восстанавливая размытые лица одноклассников. Законченных предателей и подлецов набиралось едва ли не треть. Подлинный разум и не ночевал в их коротко подстриженных головенках.

Все связи оборвались после выпускного вечера. Случайно узнав, что в позапрошлом году давний сосед по парте в состоянии наркотической ломки выбросился с седьмого этажа, Андрей не ощутил ни малейшего сожаления. Экстренное сообщение по электронной почте о том, что какой-то хмырь громогласно заявил о своем намерении удавиться, вызвало в памяти расплывчатые, как пряди тумана, черты однокашника.

Предложение подключиться к спасательной акции Ларионов проигнорировал: «Бессмысленная затея, разве что перевести двадцать баксов на «косячок»...»

В FidoNet[1] не предусмотрена своя служба доверия, но когда, будто вопль в ночи, в сеть ворвался сигнал голландца Питера Мооррена, она содрогнулась в узлах и ячейках, впервые ощутив свою общность и целостность.

Решив уйти из жизни, двадцатилетний студент-наркоман из Делфта послал прощальный привет постоянным участникам электронной телеконференции нумизматов, завещав собратьям распорядиться его скромной коллекцией серебряных талеров.

Кто мог ожидать, что на трагический сигнал откликнутся не только любители старинных монет, но десятки и сотни фэнов самого разнообразного профиля: ловцы бабочек и мотоциклисты, приверженцы игрушечных железных дорог и цветоводы, почитатели научной фантастики, яхтсмены и даже альпинисты-восьмитысячники.

— Я возьму тебя с собой на Канченджангу, Питер, и ты увидишь, как невообразимо прекрасен мир, — передал Найджил Хорн — «тигр снегов» из Мельбурна.

Стихийно возник «круглый стол», или «пленарная конфе-

[1] Сеть для друзей.

ренция», как ее окрестили сами участники, где каждый считал своим долгом обратиться к Мооррену лично. Количество желающих превысило возможности телекоммуникации в реальном времени, и тогда, с чьей-то подачи, прозвучал призыв братства, вобравший множество голосов:

— Не делай этого, Питер! Мы любим тебя!

И когда на другой день он заслал сообщение, что до глубины души тронут таким проявлением сочувствия и навсегда отказывается от попытки самоубийства, маленький Делфт, славный своим фаянсом, захлестнул гимн ликования, закодированный в энергетическом ливне. По электронной почте поступило четыре тысячи двести сорок шесть приветствий.

Андрей получил адрес в FidoNet шесть лет назад. Система привлекала демократизмом, довольно широкими возможностями и полной халявой для виртуальных первопроходцев из доживающего последние дни Союза. Первый выход состоялся через Таллинн, который не только обрел второе «н» в написании, но и сделался столицей суверенного государства.

По-своему знаменательно, что Сеть для друзей заявила о себе в роковой 1984 год оруэлловского романа, когда американский хакер (в самом положительном смысле) Том Дженнингс предложил использовать персональный компьютер с модемом для приятельского общения. Сам принцип ничем не ограниченных, свободных контактов явился вызовом тоталитаризму во всех его проявлениях. Возможно, Том и ознакомился с пророческой статьей Андрея Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года», а уж Джорджа Оруэлла читал наверняка, но не преследовал никаких политических целей. Воистину не дано предугадать, где и как отзовется вещее Слово.

Новейшая легенда гласит, что отцов-основателей было восемь, как и первых тамплиеров, заложивших Всемирный храм. Магические свойства универсального числа, охватывающего направления пространства и языки древнего рыцарского ордена, не преминули себя проявить. Сеть начала бурно разрастаться по законам цепной реакции.

Количество только одних станций — «узлов»[1] — перевалило за пятьдесят тысяч, а «точек»[2], входящих в каждую станцию, не счесть, как и звезд на небе. Впрочем, учет ведется, и при желании каждый может запросить данные на текущий момент. Любой вопрос не останется без исчерпывающего от-

[1] Node (*англ.*).
[2] Point (*англ.*).

вета, если таковой возможен в принципе. На худой конец, квалифицированный специалист даст разъяснения, что надежных свидетельств посещения Земли инопланетянами нет, как и лекарства от СПИДа, а полет к свету в черной трубе — сугубо личностные проявления коматозного состояния и не стоит торопиться пережить это на собственном опыте. Ограничений на информацию не существует, равно как и дискриминации по национальному, расовому, половому и прочим признакам, включая политическую ориентацию и вредные привычки. Обратись в ближайшую BBS[1], запроси у оператора файл с регламентом и, если тебя устраивают его положения, получай «точечный» адрес. Никого не волнует, кто вы: монах или распутник, нацист или демократ, изобретатель вечного двигателя или гений, готовый облагодетельствовать человечество. Доступ ко всем областям, будь то конференции или файлы, открыт. Распространение программного обеспечения бесплатно — freware, иногда условно бесплатно — shareware. Единственный запрет распространяется на передачи коммерческого характера по каналам сети.

Добровольное объединение физических лиц, связанных между собой электронным сигналом, превратилось в эфирное государство без границ и верховного властителя, но со своей «конституцией» и четкой иерархией, без чего невозможна любая организация.

Основные статьи FidoNet Policy гласят: «Не будь навязчивым»; «Не извлекай личную выгоду за счет других»; «Если можешь что-нибудь сделать для других — сделай». Прерогативы офицеров-координаторов распространяются по нисходящей: континент, страна, город. При этом FidoNet полностью открыт в киберпространство, включая Internet и любые другие профессиональные сети, и не претендует на исключительность. Всяк волен общаться, с кем хочет и по любому каналу. Отнюдь не возбраняется и коммерческая деятельность, но только не через выход FidoNet!

Андрея это полностью устраивало. Свои финансовые операции он проводил по Всемирной сети. Попробовав себя на взломе компьютерных систем нескольких банков и коммерческих фирм, успел перекачать на анонимные счета достаточно денег, чтобы ни о чем не беспокоиться на ближайшие несколько лет и целиком отдаться чистому искусству, благо в российских законах не существует статьи, карающей за компьютерные преступления. Сеть для друзей, объединяющая профессионалов и любителей всех областей, могла оказаться полезной хотя бы в качестве отличной справочной. Посте-

[1] Bulletin Board System — «электронная доска объявлений».

пенно войдя во вкус, Андрей принял участие в нескольких конференциях по компьютерной криптографии, заявил себя знатоком покерных комбинаций, а затем организовал и собственный «круглый стол», получивший название «The door in Atlantis»[1]. Не для себя, а исключительно ради тети Тиды, единственного человека в семье, которого он по-настоящему любил. Владик — не в счет, к младшему брату его привязывали почти отцовские чувства. Наблюдая с ревнивой гордостью, как из мальчика вырастает первостатейный хакер, он и для него выправил компьютерный адрес.

Андрею неоднократно предлагали ранг узлового шефа — boss node, дававший, по сравнению с рядовым point, немало преимуществ, в том числе право избирать координаторов всех уровней и быть избранным самому, но он элегантно ушел от ответа. Во-первых, положение босса предполагало ответственность за подопечные «точки», что никак не устраивало свободного флибустьера, но самое главное — не стоило давать свои координаты кому попало, а это как раз и входило в первейшую обязанность «узловика». В качестве «рядового», с позволения сказать — «пойнтера», можно было сколько угодно секретить свои телефоны, выступать под вымышленным именем, меняя компьютеры и коды. Словом, не совсем легальный характер хакерской деятельности определенно шел вразрез с честолюбивыми устремлениями, коим Андрей ни в малейшей степени не был подвержен. Сказывалось благотворное влияние деда Антона, презиравшего любое проявление власти.

И что мог значить даже высший президентский пост координатора континента по сравнению с виртуальным океаном, где Андрей Александрович Ларионов чувствовал себя абсолютным хозяином? Он жил в киберпространстве, целиком и полностью отдаваясь упоительной игре, затмевавшей любые приманки овеществленной реальности.

Собственно, и деньги не представляли в его глазах самодовлеющей ценности. Они обеспечивали лишь тот комфортный уровень, который он положил себе за образец, и главным образом шли на совершенствование техники.

Компьютеризация пришла в Россию с опозданием и развивалась скачками. На первых порах Андрей просто следовал на гребне ее приливной волны. Прежде чем обзавестись сетевыми мультимедийными машинами, он прошел все стадии гонки персональных компьютеров. Начав с IBM — совмещенной модели Simens-283, поменял материнскую плату, повысив уровень до 386. Apple-486 продержался менее года, уступив место Hewlett-Packard Pentium, но и от него в свой черед пришлось

[1] Дверь в Атлантиду (*англ.*)

избавиться, когда наступило безраздельное царство Pentium Pro. Далее развитие пошло опережающими темпами, что целиком и полностью диктовалось жесткими реалиями Internet. К сожалению, российская действительность существенно ограничивала поистине сказочные возможности Всемирной паутины.

Во время рабочего дня прорываться в сеть приходилось почти что с боем. Если и удавалось дозвониться до сервера, то возможность продержаться десять—пятнадцать минут могла считаться редкой удачей. Допотопные телефонные линии слишком медленно перестраивались с аналоговых на цифровые. Потенциальные возможности самых совершенных модемов так и остались нереализованными. Подсоединиться больше, чем на 9600 бод, Андрей не смог, несмотря на все ухищрения, тогда как весь мир давно работал на 28 800. Даже когда потолок скорости поднялся до 14 400, для того, чтобы получить один мегабайт, требовалось около двадцати минут.

Или взять оптико-волоконную шину, что связывает Петербург с Хельсинки и далее разветвляется по Европе. Волоконная оптика не хуже прочих, беда в том, что других световодов нет и в ближайшем будущем не предвидится. Спасибо Петру Алексеевичу — хоть одно окно прорубил. Порой, чтобы пообщаться с партнером из Нижнего Новгорода, а то и вовсе с соседом в доме напротив, приходилось пускаться чуть ли не в кругосветку. Москвичам и петербуржцам еще так-сяк, а остальным россиянам оставалось только облизываться.

Чужие проблемы нисколько не занимали Андрея, но неизбывное головотяпство, с которым вынужден был постоянно сталкиваться, надоело до чертиков.

Для разрядки решил поучаствовать в шахматном турнире, громогласно заявленном в Internet как «Карпов против всего мира». Набрав код, послал заявку и вывел предложенные условия. На каждый ход — желающих набралось двести пятьдесят тысяч! — давалось по семь минут. Все ходы «массовки» усреднял компьютер, отбирая лишь те, что сделало большинство. Результат, таким образом, был заранее предрешен: наиболее оригинальные решения неизбежно окажутся за бортом. Чистейшая показуха, туфта: «Карпов против суммарной посредственности».

Число игроков катастрофически таяло с каждым ходом. Ларионов остался в числе последней сотни, доигравшей до эндшпиля. Чемпион по версии ФИДЕ выиграл на двадцать третьем ходу. Как и следовало ожидать, ни один из вариантов Андрея, а он играл на уровне мастера, не прошел.

Три часа машинного времени как корова языком слизала, но жалеть не приходилось. По ходу партии удалось осмыслить

сногсшибательную идею, промелькнувшую мгновенной ассоциацией: «Против всего мира...»

Если можно провести многотысячный турнир, то почему бы не выстроить в Internet грандиозную пирамиду, обратив WWW в горизонтально зеркальную МММ?!

Да здравствует Мавроди-Хеопс! Нет, Мавроди-Джосер![1]

Паутина

Испытанный способ общения через сети — электронная почта. Стоит она 10—20 долларов в месяц вне зависимости от объема или по 2—5 центов за килобайт (половина машинописной страницы). Письмо e-mail отличается от обыкновенного тем, что достигнет адресата мгновенно и цена доставки не зависит от места назначения — идет ли оно в соседний дом или, к примеру, к вашему другу в Австралии. Проверить электронный почтовый ящик можно из любого места, где есть телефонная линия и доступ в Интернет. В Америке получить последнюю электронную почту можно даже во время полета в самолете.

Магия

МАГИСТР МЕЖДУНАРОДНОГО КЛАССА АССОЦИАЦИИ ОРДЕНА КОЛДУНОВ ШКОЛЫ ***
Снятие сглаза, порчи, проклятия, венца безбрачия с защитой.
Приворожит в сжатые сроки с высокой гарантией (до 100%).
Снятие алкогольной зависимости по фотографии.
Коррекция судьбы.
Работа с документами, в том числе коммерческие сделки с гарантией и оплатой по факту получения реальной прибыли.

Интим

Семейные пары, а также юноши, мужчины, транссексуалы, трансгоспожа, госпожа, бис.

---

[1] Хеопс и Джосер — фараоны ранних династий. Ступенчатая пирамида Джосера в Саккара считается самой древней.

пары юношей и девушек, служанка, слуга. Приедем к вам или пригласим к себе. Все виды услуг для состоятельных дам и господ.

ФАЙЛ 021

Только русский купец-миллионщик, томимый тоской по несказанной красе, мог выстроить в самом центре Москвы такой диковинный дворец с башенным портиком, облепленным раковинами «Веер Венеры». Выгнанные из Палестины тамплиеры, в память о пребывании на Кипре, метили этим знаком свои замки.

В сером палаццо, причудливого флорентийско-аквитанского стиля, с отчетливой печатью модерна, расположился известный всему городу Дом Дружбы ВОКС, позднее переименованного в СОД — Союз обществ дружбы с зарубежными странами. Обществ было примерно столько же, сколько государств в ООН, и каждое возглавлял президиум с председателем. В председатели выбирались, по представлению сверху, министры, видные общественные деятели, маршалы, космонавты, но фактически всеми делами заправлял ответственный секретарь — штатный работник СОД.

С легкой руки Верочки Юреневой, за какой-то прокол в зарубежной поездке переведенной из британского общества в греческое, что считалось большим понижением, Марго ввели в правление этой третьестепенной по здешним меркам ассоциации. Тот непреложный факт, что Ларионова нигде не работает, никакого отношения ни к древней, ни к современной Элладе не имеет и вообще — германистка, никого не трогал. Вписано в графу — и готово, тем более что по всем статьям она вполне соответствовала расплывчатому понятию «представитель общественности». У компетентных товарищей, по долгу службы работающих с иностранными делегациями, не возникало сомнений, кого считать представителем, а кого, будь он хоть полиглотом и семи пядей во лбу, — ни в коем случае.

Многогранная деятельность обитателей сказочного замка и прилегающих к нему голубых флигелей за чугунной оградой не сводилась к обмену делегациями, вечерам в честь национальных праздников и публичным мероприятиям, как то концерты, вернисажи и прочее. Центральный Комитет, МИД, КГБ и другие высокие инстанции отечески опекали СОД, направляя его деятельность в русло текущей политики. Как же иначе?

Маргариту Ларионову эта, скажем прямо, секретная сторона деятельности ни с какой стороны не затрагивала, а следовательно, и нас с вами. Верочке не пришлось долго объяс-

нять закадычной подруге, на кой ей эта самая Греция, благополучно пережившая диктатуру «черных полковников». Самой заветной и соблазнительной тайной Дома Дружбы на проспекте Калинина (Воздвиженка — в прошлом и будущем) были потрясающие поездки. За смешную цену, да еще со скидкой и валютным обменом по льготному курсу, открывались воздушные пути в совершенно немыслимые для простого смертного уголки мира. Интуристу с его ненавязчивым сервисом оставалось только локти кусать. Официальная делегация, чуть не целиком состоящая из номенклатурных шишек, — это не какая-то там тургруппа! Попасть в делегацию было не просто. Про США и Западную Европу говорить не приходится. Контингент выезжающих более-менее постоянный. Верхом счастья считалась утонченно-загадочная Япония с ее баснословно дешевой техникой и тонким, как яичная скорлупа, фарфором. Высоко котировались Сингапур и далекая Австралия. Что же до таинственной Индии, гималайского отшельника Непала и, допустим, Шри-Ланки, то счастливый билетик мог вытянуть любой активист с нормальными анкетными данными. Все зависело от доброй воли секретаря и его взаимоотношений с соответствующими отделами. Да что там ФРГ и Америка, что Индия с Сингапуром!

Заповедник Нгоро-Нгоро или гора Килиманджаро никогда не заставляли замирать сердце? А Бразилия, Перу или острова Фиджи не являлись во сне?

Марго с полуслова поняла, что Греция ей не угрожает. Канадскую шубку из платиновой норки она купила в «Двухсотке» — спецсекции ГУМа, а что еще есть у греков, кроме мехов? Халва?

— Колумбия у вас не прорезывается? — сидя за чашечкой кофе в уютном содовском баре, где за стойкой соблазнительно отсвечивали глянцевые этикетки шотландского виски и французского коньяка, она продемонстрировала подруге кольцо с изумрудом, оправленным мелкой бриллиантовой россыпью. — Там дивные камни. Мечтаю о таких же серьгах.

— Твой подарил?

— Как же! Дождешься от него...

— Не прибедняйся, он у тебя ничего.

— Я и не жалуюсь, но всем приходится заниматься самой.

— Обязанность мужчин — предоставить возможности, а реализуем их мы, — философски заметила Вера. После семи лет замужества она неожиданно подала на развод. То ли муж — внук митрополита с громким именем — не предоставлял ей в должной мере требуемых возможностей, то ли она опрометчиво поставила на другой вариант — никто толком не знал, даже Марго. — Так откуда колечко?

— Все оттуда, из закромов.

— Счастливица!.. У меня, кстати, духи кончаются, а поездка не скоро, да и валюту жалко.

— «Шанель»?

— Пятый номер.

— Я помню. Будут тебе духи... Может, дашь мне почитать, что там у вас есть по Греции, чтоб не сидеть дура дурой?

— Не зацикливайся: посмотришь в энциклопедии. Единственное, что от тебя требуется, — ходить на президиум, хотя бы через раз. На первом заседании будь непременно. Раскрывать рот не обязательно. Покажешь себя, и будет с них.

Собираясь на заседание, Марго испытывала легкое, как дуновение ветерка в жаркий день, волнение. Нет, она не рассчитывала произвести фурор, но перспектива общения с совершенно незнакомыми людьми всегда требует подготовки. Ожидание, к которому примешивалась толика озабоченности, доставляло, скорее, приятное ощущение, мобилизовывало внутренние резервы.

Переступив порог просторной ванной, отделанной финской розовой плиткой, она сбросила тонкую кружевную рубашечку и с осторожной медлительностью, словно и впрямь не ведала, что ее там ожидает, приблизилась к зеркалу. Критически оглядев всю себя с головы до ног, нашла, что потери не столь значительны, как ей временами казалось. Живот ничуть не выпирает, даже если смотреть в профиль, а грудь вообще хоть куда, без ложной скромности, красивая грудь; зато бедра определенно подгуляли, — ишь как разнесло! — но округлость приятная и линии нежные... Самое предательское место, конечно, горло и — никуда не денешься — тут, под глазами.

В общем и целом, Марго осталась довольна собой. Брови, ее чудесные темные, как вороново крыло, брови, придирчиво сдвинутые над переносицей, облегченно разгладились и глаза заблестели ярче.

«Как звездочки», — говаривала покойница-мать. Мальчишки шалели от их горячего света.

Марго встала под душ, настроила головку на тройную, напорной волной хлеставшую струю и, чередуя горячую воду с прохладной, довела кожу до нужной кондиции. Она умела наслаждаться простыми радостями. Вылезла вся розовая до красноты, словно нимфа из зарослей крапивы. Тщательно подбрила подмышки, попрыскалась дезодорантом, вдумчиво приступила к макияжу.

Для выхода заранее приготовила голубое крепдешиновое платье, в меру короткое и открытое, туфли на шпильках — в тон и такой же газовый шарфик. Завязанный к левому плечику красивым узлом, он призван был завершить ансамбль.

Из украшений, после долгого размышления, решила взять только нитку крупного жемчуга и дешевые клипсы. Бижутерия лишний раз подчеркивала перелив розовых и бледных, как лунный свет, натуральных перлов. Соединение роскоши с демократической дешевкой придает изюминку безалаберности, что так идет знающей себе цену женщине, которая не хочет выглядеть расфуфыренной недотрогой.

«Можно подумать — на свидание прихорашиваюсь, — усмехнулась Марго своему отражению. — Есть еще во флягах ром? — И так же беззвучно ответила: — Хоть на донышке, а осталось».

Когда-то они с отцом тихо пели вдвоем, глядя на стекающие по стеклу струи:

Льется дождь по гребням крыш.
Я молчу и ты молчишь...
Есть еще во флягах ром —
Мы смеемся над дождем.

В маленькой кухоньке было светло и уютно, и всем существом ощущалось разнеживающее тепло домашнего очага. Нигде больше ей не было так хорошо и спокойно, как в те наполненные тихим блаженством минуты, когда по ночам неистовствовали осенние ливни, швыряя в окна желтую листву, и сладко пахло табачным дымом. Трубку, вырезанную из слоновой кости в виде львиной головы, отец привез из дальнего плавания.

В мундштуке сохранился непередаваемый запах и дымный вкус паленых листьев, вкус осени...

Марго иногда тихонько посасывала ее, глотая слезы с мертвым воздухом пополам.

— Есть еще в бокалах ром, — обмолвилась она однажды случайно.

— Эх, доченька, — печально улыбнулся отец, — разве ром пьют из бокалов...

— А из чего? Из стаканов?

— Бывает, и из стаканов, но лучше из фляг. Ведь если стаканы уже налиты, ничего не остается, как только допить, а фляга... Фляга — другое дело. Хоть глоток, а сбережешь про запас.

Крейсер, которым командовал отец, напоролся на мину в шхерах на подходе к Североморску. Корабль не затонул, но капитана смыло за борт. Как рассказал помощник, он вышел из рубки выколотить остывший пепел в ту самую секунду, когда рвануло по левому борту. Всю войну прошел без единой царапины, но война достала его через десять лет.

Трубка уцелела чудом, только треснула поперек львиной головы. Марго хранила ее вместе с отцовскими орденами и обручальным кольцом матери в японской шкатулке черного

лака, инкрустированной перламутровой фигуркой гейши под раскрытым зонтиком. Там же лежало несколько открыток, которые отец посылал из зарубежных портов, куда их эскадра заходила с дружественным визитом: Шербур, Портсмут, Гдыня, Джакарта, Порт-Саид. Марго тогда и на свете не было. И только на одной карточке, с видом набережной Гаваны, крупным разборчивым почерком значилось ее имя. Зеленая марка с крокодилом в зарослях тростника пробудила первое любопытство к жарким странам, которое так и осталось неутоленным. Кроме ГДР и Болгарии, где дважды отдыхала на Золотых песках, Марго нигде не бывала и, по правде, не очень к тому стремилась.

Детские мечты растаяли вместе с детством, но слабый след все же остался. «Есть еще во флягах ром?..»

Заседание было назначено в музыкальном салоне. Интерьер содовского дворца производил должное впечатление: лестница красного дерева, изысканная роскошь, богато украшенные плафоны, стилизованные светильники — смесь декаданса с патрицианской роскошью.

Первые лица расселись за круглым столом на готических стульях с высокой спинкой, а массовка расположилась на разностильных сиденьях, расставленных рядами, как в каком-нибудь сельском клубе.

Марго однажды довелось побывать в подмосковном колхозе, куда их курс бросили на картошку. Versuch[1] был незабываемый, хотя бы потому, что после танцев в клубе она потеряла девственность, о чем нисколько не сожалела. По крайней мере, перестала быть белой вороной.

Пролистав ксерокопированный список членов общества, лишний раз убедилась, что свекор, хоть и слегка verruckt[2], но смотрит в корень. Большое действительно, как в кривом зеркале, отражалось в малом — всякой твари по паре, как в Верховном Совете: передовые рабочие, деятели науки и культуры, военные, посланцы национальных республик.

«Языковед-переводчик» — значилось против ее фамилии, понимай — эллинист. Член правления — не хухры-мухры.

Тронные седалища, как легко было догадаться, предназначались для еще более высокого органа — бюро, рыцарского капитула эры развитого социализма.

Президент — лысый толстяк с обрюзгшим лицом сильно пьющего человека — оказался республиканским министром мясной и молочной промышленности, первый зам был заведующим сектором в Международном отделе ЦК, а просто за-

---

[1] Опыт, эксперимент (*нем.*)
[2] Сумасшедший (*нем.*)

меститель, т. е. вице-президент, — директором чаеразвесочной фабрики. Она снабжала лучшими образцами своей продукции содовский аппарат, что, понятно, шло в зачет Юреневой.

Сидя рядом с шефом, Вера что-то постоянно ему нашептывала и подкладывала бумажные «простыни», а тот с важным видом кивал и покорно подписывал.

«В ее ручках любой мужик становится шелковым. Теперь хоть понятно, откуда подарочные наборы чаев и море разливанное осетровой икры», — одобрительно улыбнулась Марго.

Она попыталась найти среди рыцарей Круглого стола директора гастронома на Смоленской, но так и не смогла. Все сидели с умно-сосредоточенными физиономиями.

Ловя на себе быстрые заинтересованные взоры, Ларионова не без удовольствия убедилась, что ее присутствие не прошло незамеченным. Особенно усердствовал один — с седой прядью в черной как смоль шевелюре. Вот уж верно — глаз положил! «Пусть его...»

Министр, такой же косноязычный, как все брежневское старье, обозначил в кратком вступительном слове основные задачи: всемерно повышать, укреплять и, конечно, активно содействовать. Затем выступил первый вице-президент. Речь его лилась гладко, но за штампованными фразами напрочь терялся смысл. Он все больше упирал на внешнюю политику, подчеркивая особое место Греции и, соответственно, значимость проводимых обществом мероприятий. Традиционные связи, растущие симпатии — это понятно, даже проблема Кипра и очаг напряженности на Ближнем Востоке, но при чем тут НАТО, «звездные войны» и транснациональные нефтяные гиганты, Марго так и не уловила. «Может, на Онассиса намекает, за которого вышла Джекки?» К миссис Кеннеди-Онассис у нее было особое отношение. Черты сходства, вроде бы не ярко выраженные, но, судя по комплиментам, заметные, предопределили стойкую симпатию, которую не смог разрушить скандальный брак бывшей первой леди с престарелым миллиардером.

Переключившись на мысль о судьбах бедняжки Жаклин и ее детей, Марго перестала слушать разглагольствования коллеги своего благоверного.

Нескольких фраз, выхваченных из последовавших далее выступлений вполне достало для окончательного приговора: «пикейные жилеты». Каждый пыжился преподать себя, подольститься к президенту и превознести до небес значимость культурных контактов, особенно на чужой территории. Можно было подумать, что от местечковых междусобойчиков и впрямь зависят судьбы «социализма и мира». Навязшее в зубах словосочетание нагоняло сон. Бедняжка Марго совсем заску-

чала и уже помышляла незаметно слинять, как ее вдруг насторожило отчетливо прозвучавшее: «Метакса» пять звездочек.

Витийствовал, цепко вцепившись в край столешницы, тощий субъект с испитым лицом и редкими волосами, едва прикрывавшими лысину. Марго решила, что он и есть директор того самого гастронома, где нужным людям оформляют заказы с крабами и икрой, однако вскоре выяснилось, что попала пальцем в небо.

— Кто это? — тихо спросила она сидевшую рядом женщину, но та лишь пожала плечами.

— Заварзин! — тотчас же оборотился к ней незнакомец с клоком представительной седины. Казалось, он только и ждал повода, потому как постоянно ерзал и косил глаз. — Профессор из Института международного рабочего движения, — пояснил с завлекающей улыбкой.

Марго благодарно опустила ресницы.

«А он ничего, — подумала, — и слух как у кошки...»

Профессор, почему-то с металлом в голосе, докладывал об успехах возглавляемой им делегации, принявшей участие в традиционном Марафонском марше. Вгоняя слова, как гвозди, он постоянно кого-то клеймил, перемежая избитые идеологические клише примерами из древней истории, и даже ухитрился сравнить бойкого левого функционера с Аяксом. Коньяк же был упомянут исключительно в связи с приемом, на котором присутствовали греческий министр и совпосол, высоко оценивший пропагандистский эффект визита. В чем это выразилось конкретно, осталось за кадром, разве что хозяева упились до положения риз, а делегация — ни в одном глазу.

«Аякса свалила «Метакса», а товарищ совпосол заел селедкой «спецпосол», — срифмовала Марго.

— Позиции коммунистической партии по-прежнему очень сильны, — Заварзин вошел в раж и принялся размахивать кулаком, заклиная демонов. — Для многих остались непонятными проявившиеся у нас в определенный период идеологические шатания. Ветераны постоянно указывали на то, что развенчание так называемого культа личности негативно сказалось на монолитности освободительного движения. Они с горечью вспоминали, как все было готово для завоевания власти трудящимися, и, если бы не предательская политика Тито, закрывшего границу, Греция могла бы войти в состав соцлагеря. — Он еще много чего наговорил, вызвав перешептывания в зале и легкую гримасу тревоги на лице первого вице-президента. Раздались даже отдельные возгласы протеста.

В восхвалениях отца народов и злобных обличениях «герострастовского комплекса», якобы присущего определенной

части интеллигенции, Заварзин явно перебрал через край. И тон совершенно недопустимый. Можно подумать, что нет большего авторитета, чем он — ноль без палочки. Хочет казаться святее римского папы. Верно: новый Генеральный секретарь Юрий Владимирович Андропов отметил вклад Сталина в победу над немецко-фашистскими захватчиками на встрече с генералитетом, но это не значит, что взят курс на полную реабилитацию.

Сориентировавшись в ситуации, Верочка наклонилась к председателю и что-то нежно проворковала. Не дрогнув ни единым мускулом, словно каменная баба, тот продолжал слушать, если, конечно, слушал, с невозмутимым спокойствием.

Вмешался зав. сектором, воспользовавшись короткой паузой, понадобившейся Заварзину, чтобы откупорить бутылку Нарзана.

— Поскольку регламент нас поджимает, есть предложение утвердить отчет делегации. Кто против?

— Разрешите несколько слов? — руку поднял потенциальный ухажер, как, уловив биотоки, безошибочно определила Марго. Он уже демонстрировал ей богатство мимики, выражая возмущение зубодробительными пассажами консерватора-сталиниста.

— Пожалуйста, Павел Борисович, — облегченно кивнул цековский аппаратчик, взяв в свои руки ведение собрания.

— Признаюсь, мне было странно слышать некоторые заявления уважаемого профессора Заварзина. Быть может, я ошибаюсь, но, по-моему, никто не отменял решений партийных съездов. Еще большее недоумение вызывают нападки на маршала Тито, национального героя дружественной страны, отношения с которой были разорваны исключительно по вине Сталина и вновь восстановлены сразу же после его смерти. Надо ли понимать, что нормализация тоже должна быть подвергнута пересмотру? Нравится или не нравится отдельным греческим товарищам, но Советский Союз проводит свой политический курс, руководствуясь собственными интересами. Позволю себе напомнить, что Федеративная Социалистическая Республика Югославия, подчеркиваю — социалистическая, входит в СЭВ, и мы, мягко говоря, можем попасть в очень неудобное положение... Лично мне будет стыдно перед коллегами из Общества советско-югославской дружбы, — добавил он, как бы смягчая резкость отповеди легкой шуткой.

Картина получилась почти как в «Ревизоре»: Заварзин оторопело уставился на нежданного оппонента, председатель и ухом не ведет, первый зам в замешательстве, а народ, как и положено, безмолвствует.

— Браво, — Марго изобразила аплодисменты. Ей и в са-

мом деле понравилось: темпераментно, аргументированно и с оглядкой на официоз — не подкопаешься.

— Спасибо, — оперативно включилась умница Вера. — Отчет можно считать принятым? — она вновь приникла к мясистому, поросшему диким волосом президентскому уху.

— Переходим к следующему пункту, — министр, надев очки, углубился в подложенную под самый нос бумажку. — Коллектив витебского завода «Монтажник» обращается к нам с просьбой... с предложением о вхождении коллективным членом в наше общество, — спотыкаясь чуть ли не на каждом слове, зачитал он заготовленный текст. — Поддержим?

— Поддержим, — нестройно отозвались отдельные голоса.

— Будем считать завод нашим коллективным членом.

Повестка дня была исчерпана, первые лица отбыли, а вслед за ними потянулись и остальные. За столом из карельской березы, возле Веры, сгруппировалась кучка близких приятелей и пошел посторонний треп.

Как-то само собой получилось, что на выходе рядом с Марго оказался пламенный трибун, бросивший дерзкий вызов темным силам.

— Позвольте представиться, — отдал он церемонный поклон, — Павел Климовицкий... Вам в какую сторону?

Разом утратив дар речи, он поспешно забежал вперед, но тут же сбавил, приотстав на полшага, взволнованный и трогательно неловкий, словно щенок.

Она бы сильно удивилась, если бы ему вдруг оказалось не по пути.

— Вы замечательно выступили, — сказала, чтобы нарушить минутное замешательство. — И, главное, своевременно.

Разговор завязывался не без усилий. Климовицкий что-то пробормотал про переломное время, назревающие перемены, от которых не приходится ждать ничего хорошего, и процитировал китайскую поговорку.

— Как вы сказали? — недопоняла Марго.

— «Чтоб вам жить в эпоху перемен»?.. Я отнюдь не вас имел в виду!.. Так мудрые китайцы желали своим недругам. Один британский лорд, идеолог консерваторов, вообще полагал, что следует сожалеть о любых переменах, даже положительных, поскольку добром все равно не кончится.

— Как это верно! Я и сама чувствую, как на нас надвигается нечто такое, — не зная, как выразить свои смутные ожидания, она передернула плечиками и тяжко вздохнула. — Мы-то уж как-нибудь проживем, а детей жалко.

«Владику через неделю ровно три годика, — прихлынуло жаром. — Что же ему подарить?»

Темный огонь, полыхнувший при этом в зрачках, пропал

всуе: леса на фасаде «Военторга» не позволили идти рядом. Навес протянулся почти до улицы Грановского, где по соседству с «Кремлевкой» расположился продуктовый распределитель. Марго вспомнила, что забыла предупредить мужа насчет заказа. Для приема ей понадобится еще одна банка икры. Заодно пусть возьмет полкило семги и миног — с повышением по службе возможности значительно расширились.

До метро осталось рукой подать, и она уже готовилась распрощаться, но Климовицкий, набравшись храбрости, предложил заскочить в ресторан.

— Куда-куда? — искренне изумилась Марго, никак не ждавшая такой прыти.

— Все равно, — слегка побледнев, он нервно пожал плечами. — Где ближе. «Националь»?.. Или, может, «Берлин»?

— Боюсь, ничего не получится, — словно раздумывая, протянула она. — Пожалуй, для меня уже несколько поздновато.

— Дом? — Климовицкий понимающе закивал. — Семья? Дети?

— Дом, семья, дети... А у вас?

— Я одинок.

— В самом деле?

— Так уж вышло.

— Не знаю, что и сказать: то ли посочувствовать, то ли наоборот — поздравить... Впрочем, не поздно еще все наверстать?

— Вряд ли, — он торопливо начал рассказывать о себе, спускаясь вслед за ней в подземный переход.

Возле книжного киоска перед входом в метро Марго остановилась и, повернувшись лицом к лицу, решительно протянула руку.

— Рада была познакомиться. Всего вам хорошего.

— И мы никогда не увидимся?

Это «никогда», произнесенное с видом трагической обреченности, ее рассмешило.

— Решили больше не приходить на мероприятия? Зря. Без вас там станет совсем скучно.

— Слишком долго ждать до следующего заседания, — он не понял либо не принял иронии. — Полгода, не меньше. Можно я хоть провожу вас?

— Ну, *хоть* проводите... Так чем вы там у себя занимаетесь, в вашей ядерной геологии? — Она никак не ожидала, что Климовецкий окажется физиком.

— Определяю возраст горных пород: сто миллионов, миллиард, три миллиарда лет.

— Привыкли оперировать категориями вечности?.. Значит, и несколько месяцев пролетят для вас как секунда.

— Вы смеетесь, — он отрицательно покачал головой. — Рядом с каменным долголетием природы еще острее ощущаешь мимолетность собственного существования.

— О, да вы еще и философ!.. Признаться, я сперва приняла вас за политического, извините, — за *общественного* деятеля! Вот уж не думала, что физик способен снизойти до птичьего языка агитатора-пропагандиста... Нет-нет! Вы говорили превосходно, значительно лучше, чем все они, вместе взятые, но эта фразеология...

— С волками жить...

— Как вы вообще угодили в такую компанию? Я, например, — чисто случайно.

— Я тоже. Приглашали нашего директора, а он, наверное, чтоб отделаться, порекомендовал меня. Все-таки академик — сплошь в титулах. Зачем ему греческая дружба?

— А вам?

— Мне?.. По правде говоря, подумалось, что смогу съездить в Грецию, но пока что-то не очень светит.

— Не отчаивайтесь, получится... Интересуетесь античностью?

— Не так, чтоб очень, но интересуюсь. Вообще-то мне на Тире хочется побывать.

— Тир? Это который рядом с Сидоном? Что-то безумно древнее?

— Не Тир — остров Тира, он же Фера. Санторини, если по-нынешнему. Недалеко от Крита. Там четыре тысячи лет назад взорвался невероятной силы подводный вулкан.

— Понимаю, — Марго озабоченно сдвинула брови. — Профессиональный интерес. Наверное, возраст хотите определить?

— Прежде всего, увидеть собственными глазами, но одна мысль есть: глупая и притягательная.

— Жаль, что я ровным счетом ничего не понимаю в таких вещах... Вам бы надо с моей золовкой познакомиться. Прямо помешана на вашем Крите.

— Так познакомьте!

— Она у нас нынче далеко, в океане. Про подводный хребет Ломоносова слышали?.. Вот-вот, где-то там... Ой, моя остановка! Нет, прошу вас, не выходите!

— Но я еще увижу вас?! — он все-таки выскочил из вагона.

— Когда-нибудь непременно, — не оборачиваясь, Марго помахала рукой, как Лайза Миннелли в фильме «Кабаре».

Приятный, немного щекочущий, но эпизод. Продолжения не будет.

«Надо бы Верке сказать: пусть свезет его на эту Тиру-Феру... Или не стоит, а то еще подумает невесть что?..»

Ох эта Верка! Однажды они с Марго завалились в ресторан ЦДЛ.

— Люблю, когда западают вот так, с ходу, — шепнула Вера, заметив, как навострились мужики за соседним столиком.

— Но это не значит, что надо тут же падать на спину?

— На спину, говоришь? Поза — вопрос дискуссионный. Не терплю однообразия.

«Нет, не будет продолжения...»

ФАЙЛ 022

WWW — ДОМАШНИЕ СТРАНИЦЫ

ЗА БЕСПЛАТНУЮ ТРЕПАНАЦИЮ

Во все века трепанация черепа считалась панацеей от мигрени и душевных недугов. Сам верховный Зевс страдал непереносимой головной болью, пока Гефест не пробил ему дырку, выпустив оттуда новорожденную богиню мудрости Афину. Верховный олимпиец не стал от этого слабоумным, скорее напротив, довел до немыслимого совершенства свой дар божественного провидения. И король Артур, чей продырявленный череп хранится в монастыре Глостонбери, подвергся операции, открывающей путь к запредельному знанию. В захоронениях вождей, жрецов и великих шаманов, как в Старом, так и в Новом Свете, археологи находят черепа с отверстием в темени. В Древнем Египте головки новорожденных детей фараона особым образом обматывали бинтами, дабы не зарастал родничок — канал обмена энергией с Космосом. Взгляните на удлиненные к затылку головы Эхнатона, Нефертити и их царственных отпрысков. Под влиянием цивилизации сокровенное знание было утрачено и люди забыли, как открывали врата для проникновения божественного света и изгнания дьявола. Разве не дьявол затемняет наш разум, заставляя совершать дикие поступки, или не силы тьмы терзают нас болью, от которой темнеет в глазах?

Мода шестидесятых годов толкнула молодежь в объятия наркотического дурмана. Тут-то и выяснилось, что психоделия оказывает на организм воздействие, сходное с эйфорией, которую повсечастно испытывают люди с отверстым родничком. С той лишь разницей, что они не знают похмелья и ломки. Клинические исследования показали увеличение притока крови к мозгу и живительную пульсацию мозговых мембран.

В 1966 году художница Ананда Фильдинг отважилась открыть себя Космосу с помощью самой обычной дрели. Испы-

тав ни с чем не сравнимое ощущение счастья, она повторила опыт уже перед камерой, специально для зрителей, на персональной выставке в Лондоне. Из чистого альтруизма Ананда решила передать свой опыт другим. С этой целью она выдвинула свою кандидатуру в палату общин от округа Уэсли-Кингстон и возглавила движение: «Голосуйте за бесплатную трепанацию». В древности эту простую операцию производили кремневыми ножами посвященные в тайну жрецы, ныне она доступна любому. Ананде понадобилось для ее проведения всего три минуты, а еще через пятнадцать минут она спокойно пила чай. Открытый родничок подарит вам легкость, счастье, приток благотворной энергии. Сначала потренируйтесь на пластмассовом черепе и смело беритесь за дело. Единственная опасность — неосторожное заражение. Поэтому не забудьте тщательно простерилизовать все: простыни, бинты, инструменты.

За дополнительными инструкциями обращайтесь к нашим домашним страницам[1].

ФАЙЛ 023

Восславим покорно Смерть и Любовь. Витая средь сонма бессчетных миров, крылом к крылу, сбирают изобильную дань предвечные Танатос и Эрос. Без гнева и сострадания, без отдыха и срока.

Вечность не знает времени и привязанности не ведает, ибо все ей принадлежит, и это все перед нею — ничто. Сердца и звезды в ее жерновах перемалываются в песок забвенья. Из праха ее дуновением нарождается бренная плоть, пронизанная биеньем любви и неизбывной тоской о невозможном.

Очередной конец света назначен на 1999 год, как и предсказывал Нострадамус. Гибелью на сей раз грозит не Король Ужаса, который либо придет, либо нет, а бескрайняя бездна, где неприкаянно носятся обломки погибших миров.

По иронии случая, астероид весом в тридцать тысяч тонн, готовый разнести нас в мельчайшие атомы, зовется Эросом. Говорят, что компьютеры NASA с точностью до минут определили дату неизбежного рандеву, но, да простит поэт, минуй нас пуще всех печалей космическая любовь.

Нам было дано воочию увидеть на экранах, как врезались

[1] По понятным соображениям здесь и далее редакция воздерживается от указания конкретных адресов. Это не значит, что у читателя есть повод усомниться в приведенных сведениях, равно как и в имени названного лица. Заинтересованных отсылаем к русской службе BBC. Передача по поводу трепанации прошла в сентябре 1996 г.

в оболочку Юпитера ледяные глыбы разорванного ядра кометы. Каждый такой обломок взрывался огненной бомбой в миллион мегатонн. Не будь Юпитера, чье могучее тяготение защищает лучше всякой брони, нам давно бы пришел конец.

Подавляющее большинство обитателей, выросших в суровых условиях ядерного противостояния, не слишком волнует невидимое простым глазом небесное тело, которое то ли упадет, как пророчат записные алармисты, то ли пронесется мимо. Да и когда это будет? Один твердит: скоро, другие уверяют: через тысячи лет.

В сущности, очень правильная позиция, чего не скажешь, однако, о ворожеях и колдунах, для которых людские страхи — верный источник заработка, о всяческих кликушах, серьезно сдвинутых на эсхатологических предчувствиях, и в первую очередь сектантах. Как же без них? Когда многовековая идея конца света приурочена к круглой дате с тремя нулями, да еще и подкреплена астрономическими наблюдениями, для подобной братии наступает благодатный сезон. Надо ковать железо, пока горячо. И стучат, стучат кузнечные молоточки по раскаленным мозгам.

Отсюда скачки статистики душевных расстройств и, как следствие, рост преступлений на так называемой мистической почве, к чему, следует признать, с недоверием относятся в судах и прокуратуре. Не к преступлениям, которые год от года набирают размах, независимо от астероидов и предвещенных дат, а к расплывчатому понятию «мистическая почва», как бы подразумевающему невменяемость. И то верно: вырежут по пьянке целую семью, а после косят под мистику.

Нелегко разобраться в подобной мешанине, особенно если натыкаешься на безымянный труп и приходится возбуждать уголовное дело по факту, без малейшей надежды на поимку убийцы. Тоже, знаете ли, портит и без того неблагополучную статистику.

Труп, и опять обгоревший, но уже более основательно — почти до костей, обнаружили близ того самого лесочка на косогоре. Нашел дачник, надумавший пересадить пару сосенок к себе на участок. Строго говоря — воровство, потому как посадки находятся в ведении лесхоза, но кто нынче считается с такими пустяками? Наконец, обстоятельства неординарные — понимать надо. Тем более что гражданин сам обратился в милицию и чистосердечно рассказал, каким намерением руководствовался, когда под покровом ночи отправился выкапывать хвойные деревца, отвечавшие какому-то друидическому гороскопу его жены. Хотел, значит, презент преподнести к именинам.

Тоже, признаться, порядочная дурь.

Федор Поликарпович Бобышкин — кто же еще? — выехал на место со следственной бригадой. Лесопосадки охватывали площадь в два гектара. Раньше тут находился заболоченный пруд, который основательно засыпали песком и отвели под саженцы. Грунт, следовательно, выдался мягкий. Продолжив работу, начатую дачником, — едва показалось тело, он бросил лопату рядом с уже выкопанной сосной — отрыли и извлекли на поверхность останки вместе с углями и золой. Факт сожжения сомнений не вызывал, но заживо или уже post mort[1], установить не представлялось возможным. Вопрос о том, имело ли место предварительное распятие, тоже не возникал: уголья прогорели до основания и рассыпались.

И только один-единственный признак указывал на чрезвычайный характер преступления: круглое отверстие в черепе. На сей раз просверленным оказалось не темя, а лобная кость — на двенадцать миллиметров выше глазниц и точно по центру. Дырка была едва заметна на закопченной пупырчатой поверхности обгоревшей ткани.

— Забирайте, — махнул рукой Бобышкин, закончив первичный осмотр, — и прямо в институт, на улицу Цюрупы.

Образцы древесного угля и перемешанного с золой песка он засыпал в полиэтиленовые пакетики, а тело упаковали в пластиковый мешок, погрузили на труповозку и отправили по назначению.

— Весело становится у вас в Салтыковке, — кивнул он на прощание участковому.

— Куда уж там... А как с сосенкой быть, Федор Поликарпович? Жалко ведь: метра под полтора вымахала.

— Так посадите ее обратно, и весь сказ. Друидический гороскоп, твою мать!

Свидание с Тростинским состоялось только в конце следующей недели — профессор — «гертруда» (Герой труда) слегка приболел.

Расположились прямо в анатомичке, сохранившей среди окружающего разлада свой образцово-показательный вид: сверкающий кафель, мраморный, с покрытием из легированной стали, стол, стеклянные шкафчики с инструментарием на белоснежных салфетках, до блеска отмытые раковины. Гирьки аналитических весов и те лучились позолотой.

— Боюсь, и нынче мне вас нечем порадовать, — Тростинский фыркнул в седые усы, топорщившиеся колючим ежиком. — Но тенденция обозначается бесспорно.

---

[1] После смерти (*лат.*).

— Один и тот же почерк?

— Кто может знать? Номер сверла тот же — это зерно. Не думаю, что имела место операция с медицинскими целями. Теперь уж точно не думаю.

— Что же тогда? Кто-то прячет следы неудачных экспериментов? Особый магический ритуал? — развел руками Бобышкин.

— Душу на волю выпускали, что ли? Не знаю, что и сказать. Все на самом деле может оказаться значительно проще и в то же время сложнее. Туманная ситуация.

— На чем основывается ваша уверенность в том, что это не имеет отношения к хирургической практике?

— Прежде всего, место проникновения в полость черепа, но и это не главное. Допустим, что в силу каких-то причин понадобилось проделать отверстие именно тут, но какой врач, закончив операцию, оставит открытую рану? Не важно, удалось ему устранить патологию или он убедился в безнадежности радикального излечения. В любом случае, хотя бы кожу, грубо говоря, зашьют.

— А если пациент умер в процессе этой самой операции?

— И надо срочно прятать концы в воду? Таким вот манером? Нет, батенька, тут вам не подпольный аборт. И вообще, никакой практикующий врач, даже самый криминальный гинеколог, не станет действовать подобным образом. Везти куда-то в лес, сжигать, потом рыть могилу — бред какой-то! Существуют иные, менее трудоемкие способы. Неудачный эксперимент, говорите? Но и в этом случае рациональное мышление изберет не столь экстравагантный вариант. Нет, тут что-то совсем-совсем иное. Какая-то сумасшедшинка — аура, экзоплазма... Доктор Калигари, Хичкок.

— Рану, значит, не зашивали?

— Нет. Хотя ткани существенно пострадали от огня, могу с твердой уверенностью констатировать: нет!

— И в первом случае тоже?

— И в первом, — вновь сердито фыркнув, подтвердил Тростинский. — Но там еще есть повод сомневаться. Родничок на какое-то время можно заткнуть простым ватным тампоном, но здесь... Летальный исход почти обеспечен.

— Очевидно, он и был заранее предрешен, исход. Exitus, как нас учили.

— Похоже на то, но ситуация от этого не просветляется.

— Скорее, еще более затемняется. Не знаю, за что ухватиться, хотя бы в мыслях. О следственных действиях и говорить не приходится. Ни единой разумной версии.

— Кроме ритуального жертвоприношения? — поддел Тростинский.

— Вам легко смеяться, профессор, а с меня семь шкур спустят... Нет, вру, — печально улыбнулся Бобышкин, — просто выпрут на пенсию. Впрочем, все равно: так и так выпрут. Семь бед — один ответ. Наконец, профессиональный интерес! Должен же я хотя бы приблизительно знать, в чем тут дело?

— Я вас понимаю...

— И чего я маюсь, старый дурак?

— Ну, душенька, у меня на сей почетный титул куда больше прав, а тоже маюсь. Притом, беру на себя посторонние, скажем прямо, функции.

— Простите, профессор. Мне бы в ножки вам кланяться, а я разнюнился, как...

— Старая баба, хотите сказать? — лукаво прищурился Тростинский. — Еще не вечер, авось что-нибудь и обозначится. Так всегда в жизни бывает. Сначала полная тьма, а там вдруг желанный просвет блеснет... «Искать и не сдаваться» — вот девиз моего поколения. А насчет пенсии — бросьте. Для таких, как мы, покой губителен. Нельзя выходить из режима. Без ежедневной нагрузки мозг дряхлеет значительно быстрее прочих органов. Медицинский факт... Кстати, не с мозгом ли связаны ваши криминальные трепанации? Возможно, ваше предположение о тайных экспериментах не столь уж беспочвенно, как мне сперва показалось. Сейчас такие вещи творятся, что страшно становится. Я бы не стал отбрасывать такую версию. Другой вопрос, как ее обосновать... Придется крепко поломать голову.

Федор Поликарпович превосходно понимал, что старый профессор из сострадания пытается найти слова утешения, как-то подбодрить, но, невзирая ни на что, на душе полегчало, словно и в самом деле обозначился какой-то просвет. Версию, которую нечем обосновать, а это именно тот случай, нечего и в расчет брать, а девиз и вправду хорош. Ведь и он, Тед-Боб, вышел из племени идиотов-романтиков, равно одураченных тотальной пропагандой и стихийным протестом против нее.

Следователи, хорошие следователи, часто склонны к самоанализу. Всякий раз приходится проверять себя на объективность. Стоит поддаться малейшему самообольщению, и в логическую цепочку затешется гнилое звено. При первом же напряжении слабина не замедлит себя проявить.

«Сироты мертвого мифа, мы патологически неисправимы, — Бобышкин попытался осмыслить овладевшее им ощущение сентиментальной разнеженности, тщась подавить его, но не сразу, а сначала продлить, сколько можно. — Полнейший вздор: «Искать и не сдаваться!» А ведь не поспоришь: так оно на самом деле и получается. Гонка в беличьем колесе, пока не подохнешь... «Призыв», «Кадр», «Арс», «Художественный» —

кинотеатры, где крутили свою дешевку и трофейную лабуду, — вот какие университеты, а все прочее — шелуха, наносное».

— Голову поломать никогда не вредно, профессор, но лучше совсем ее проломить, пока хоть как-то способна соображать. Потом будет поздно — решимости не хватит... Но это так, a propos. Какие эксперименты возможны на мозге живого человека?

— Вживление электродов, например, для стимуляции определенных участков.

— Опыты Дельгадо? Что-то такое читал... Позволяет управлять поведением?

— Крыс, кроликов. Так были выявлены центры наслаждения, страха, агрессии. Но на людях подобные опыты запрещены. Электроды вживляют строго по медицинскому показанию.

— А в контексте криминала? Иначе обессмысливается само понятие версии.

— Я вас понимаю, однако — увы... Электроды представляют собой тончайшие золотые проволочки и для их внедрения в кору не требуется отверстий столь большого диаметра.

— Лоботомия?

— Исключается.

— Вы имеете в виду лечебные цели?

— О других просто не берусь судить. Не знаю.

— Но не отвергаете, как принципиально невозможное?

— Пожалуй, нет, не отвергаю. При современной технике сквозь такую дыру ничего не стоит пропустить, скажем, световод для лазерного луча, какой-нибудь особый зонд или миниатюрное кибернетическое устройство. Существуют же автоматы-чистильщики, которых запускают в кровеносные сосуды? Гипотез можно насочинять великое множество, но что это даст?

— Кое-что и не так уж мало! — Ощутив прилив бодрости, Бобышкин повеселел. — Как раз то, что необходимо для обоснования следственной версии. Писанина! Читать, может, и станут, но вчитываться — никогда. Огромное спасибо, профессор! Как говорится, то, что доктор прописал...

— Я бы все-таки порекомендовал вам посоветоваться со специалистом. Почему бы не обратиться прямо в Институт мозга?

— А что, такой есть?

— Сейчас поищу адрес в справочнике Академии меднаук.

— Вы воскресили меня для новой жизни! — Бобышкин шутливо воздел руки к бестеневой операционной люстре под сводчатым потолком. — Больше скажу: подарили надежду.

В отличие от сыновей, Александра Антоновича Ларионова никак нельзя было причислить к титанам виртуальной реальности. Его теоретические познания не превышали элементарного уровня, а практика, не считая компьютерных игр, где он действительно поднаторел, ограничивалась диаграммами и схемами статистического характера. Но, как говорится, не важно быть, а важно слыть. Не только в сферах, но и среди специалистов Александр Антонович пользовался устойчивой репутацией одного из столпов отечественной информатики. Сведения, почерпнутые по преимуществу из популярных журналов, вместе с пестрым материалом, который поставляло бюро вырезок, позволяли ему находиться как бы на переднем крае научно-технической мысли. По крайней мере, такое впечатление создавалось. Иногда вовремя подсказанное название фирмы плюс параметры последней модели решали проблемы. Ларионов умел козырнуть нахватанными верхушками, а коли надо, то и запудрить мозги, ловко жонглируя специфическими терминами. Во что обходились государству его рекомендации — разговор особый, но чутьем он обладал удивительным, почти звериным, что во многом предопределило стремительное продвижение. Статья в «Правде», посвященная компьютерному обеспечению СОИ, в сущности электронной войне, наделала немало шума. За дежурными пассажами, обличающими происки заокеанских ястребов, недвусмысленно прочитывалась озабоченность все более увеличивающимся отставанием Союза в области передовых технологий. Публикацию заметил Андропов, поставив соответствующий вопрос на секретариате.

Очерк «Предсказание прошлого», напечатанный в «Советской культуре», чуть было не подпортил всю обедню. Откровения насчет того, что советский народ уже не самый читающий в мире, а книга, как таковая, доживает последние дни, вызвали нежелательную реакцию. Кошка не любит, когда ее тычут носом в собственное дерьмо, а в последние дни короткого черненковского правления чувствительность к неприятным запахам особенно обострилась. Вокруг первого помощника Генерального сбилась могучая кучка младотурков, готовых перехватить власть. Почти в открытую делили будущие посты в Политбюро и Совмине. При этом требовали «не поднимать волны» и «не раскачивать лодку».

Перепевы буржуазных бредней про какие-то лазерные диски, способные заменить целую библиотеку, определенно раскачивали и подымали, пусть даже в незначительной степени.

Но Константина Устиновича уже демонстрировали с букетом цветов перед урной. Пока еще избирательной — не погре-

бальной, хотя все знали, что показательное голосование отснято в реанимационной палате. Смертельная схватка за брежневское наследство укоротила годы обоим: и Андропову, и Черненко.

Пас в сторону, казалось бы, предрешенный стаей молодых хищников, так и не состоялся. Напротив, с приходом Михаила Сергеевича шансы Ларионова подскочили. К тому же, блестяще подтвердилось предвидение, что Каспаров в первой же партии проиграет достаточно мощному компьютеру четвертого поколения. Гимны наступающему веку информатики пришлись ко двору. Когда же после заточения в Форосе, вызвавшего столько кривотолков, Горбачев вернулся «в другую страну», Александр Антонович поспешил опубликоваться в «Московских новостях». Статейка называлась «Если бы они победили». Сценарий мировой катастрофы получился впечатляющий, а герои ГКЧП предстали мизантропами и пьяницами, готовыми ввергнуть Россию чуть ли не в каменный век.

Разбушевавшаяся толпа на Старой площади не на шутку напугала Ларионова. Референт Генерального, распустившего, по сути, свою партию, он, как законопослушный гражданин, приостановил членство в КПСС и аккуратно упаковал личные вещи. Обыск при выходе, оскорбительные выкрики и особенно этот проход, как сквозь строй, среди беснующейся черни стоили ему сердечного приступа. Ночью пришлось вызывать неотложку. Красная вывеска, разбитая камнем, так и стояла перед глазами. Казалось, жизнь кончена, но Михаил Сергеевич забрал его к себе в Кремль, и все опять покатилось по накатанной дорожке. С обеспечением стало намного хуже, но, по сравнению с обычными магазинами, вполне терпимо. И если бы не сосущее предчувствие близкой развязки, можно было принять наступившие перемены. Разве он не исповедовал принципы демократии, либерализма, не отстаивал примат общечеловеческих ценностей? Теперь об этом позволялось не только открыто говорить, но и громогласно проповедовать с трибуны.

И вновь тайный голос нашептал, что лучше притихнуть. Не напоминать о себе броскими публикациями, не афишировать свою близость к пошатнувшемуся престолу. Дел ведь и без того по самое горло. Мозговой центр в полном составе мобилизовали на спасение союзного договора. Другой возможности сохранить власть не просматривалось. Все рычаги перехватил «Белый дом». Взвившийся над Кремлем российский триколор зримо символизировал необратимость перемен, коим подвластны не только народы и их правители, но и бесчисленные светила Вселенной, и сама Вселенная. Едва ли петровский стяг потерпит соседство с оплеванным красным полотнищем.

Шестая часть суши так же тесна для двух президентов, как и державный Кремль. Александр Антонович не был бы аналитиком, если бы не выстраивал в уме сразу несколько взаимоисключающих сценариев. По трем из четырех выходило, что Горбачев не удержится. Вероятность оптимистического варианта не превышала семи процентов, а из трех пессимистических только один получался бескровным.

Единственно, что утешало, были знакомые лица в здании по соседству, где разместилась администрация российского президента. Все, как один, из прежнего либерального лагеря, они лишь в одном сумели обскакать Ларионова: вовремя сдали партбилеты.

Пришлось сделать несколько заходов, прежде чем вновь наладились отношения. Александр Антонович уже не стеснялся перемывать хозяйские косточки. То расскажет, как Раиса Максимовна в белых носочках прохаживалась по комнатам на предмет пыли, — за малейшее пятнышко горничным перепадало по первое число, — то припомнит сцену в Вашингтоне, когда она потребовала принести другой стул на приеме у Нэнси Рейган. Сюжетов хватало, и они тут же пересказывались, к вящему удовольствию всего ельцинского штаба. Кто-то из остряков — кивали почему-то на зануду Бурбулиса — прозвал Ларионова «нашим человеком в Гованне».

«Знаете, что такое Гованна? Совмещенный санузел!» — отшучивался он. Анекдотов про сантехнику и особенно зал с малахитовым полом на даче, что строилась недалеко от Гагр, он тоже знал предостаточно: «Такое впечатление, будто на тебя накатывает морская волна».

Не прошло и трех месяцев после спуска красного флага над куполом, а Александр Антонович уже сидел в прежнем своем кабинете на Старой площади. Ближайшим его соседом оказался тот самый черненковский помощник, который, по существу, готовил переворот. Горбачев вышвырнул, а эти подобрали. Он уже и по телевидению выступал с просвещенно-державных позиций. Поздоровались за руку, как ни в чем не бывало.

У государств нет постоянных друзей и недругов, есть только постоянные интересы. У настоящих политиков — тоже.

Уверившись, что сидит твердо, Ларионов попытался отыскать свою юную секретаршу. Он нашел в записной книжке телефон и позвонил, но трубку так и не сняли. Дозвониться удалось только на третий день.

— Оли нет, — отозвался ее отец потухшим голосом.

— Не скажете, когда будет?

— Не знаю... Пропала Оля.

— То есть как это — пропала?

— Ушла из дома и не вернулась.

— И давно?

— Вот уж три месяца скоро.

— В милицию обращались?

— Да чего там! — голос треснул, затух и пошли частые гудки. «Ну, дела...»

Пришлось искать новую секретаршу. Приятель, к которому обратился за помощью, разразился по этому поводу анекдотом:

— Один, вроде тебя, тоже взял новенькую, лет восемнадцати. Она, значит, приходит утром и сразу лифчик с себя. «Соски солить?» — спрашивает. «Какие соски! — у него глаза на лоб полезли. — Что вы делаете?» — «Значит, не надо солить? А то мой прежний к пиву очень любил...» Будет тебе кадр.

Сватовство, однако, не состоялось.

Фиаско на первых выборах в Думу, ознаменовавшихся триумфальным взлетом Жириновского и Зюганова, ввергло президентскую администрацию в состояние шока. Ларионова срочно перебросили в аналитическую группу: хочешь не хочешь, а уже через год придется готовить новую избирательную кампанию. Президент, у которого, казалось бы, все козыри на руках, сам назначил двухлетний срок.

Компьютерную программу Александр Антонович разработал заблаговременно. Собственно, разработал не сам, а при участии старшего сына, но зачем раскрывать семейные секреты, тем более что фактически Андрей справился в одиночку. Парню и самому было интересно попробовать силы, хотя все эти партии были ему «до фени».

«При чем тут феня — блатной язык?» — недоумевал Александр Антонович, терпеливо снося не совсем почтительное отношение своенравного отпрыска. Пусть болтает, лишь бы работал.

Пролетел нервотрепный, наполненный известными событиями год, приблизился контрольный срок, сформировалось некое подобие партии власти и, наконец, стали поступать данные опросов общественного мнения. Оставалось последнее: наполнить программу конкретным содержанием.

— Разумно предположить, что в число опрошенных попали в основном те, кто уже сделал для себя выбор. Теми, кто определяется в последний момент, следует пренебречь, — безапелляционно заявил Андрей, приступая к отсеву.

— Но у нас таких процентов двадцать, — попробовал было возразить Андрей Антонович.

— Другого народа у мэня для тэбя нэт, — с нарочитым акцентом отрезал senior son[1]. — Мелкие партии я вообще вы-

[1] Старший сын (*англ.*).

брасываю. Оставим лишь те, что хотя бы на слуху. Диктуй! Мне эти дурацкие названия до фени.

— Далась тебе эта феня!.. Давай набирай. Значит, так: КПРФ, ЛДПР, НДР, «Яблоко», ДВР, ПСТ, АПР, ЖР, «Держава», «Вперед, Россия!».

— А «любители пива»?

— Не валяй дурака.

— ЖР — это Жириновский?

— «Женщины России». ЛДПР — Жириновский.

— Что ж ты его на первое место поставил?

— По результатам прошлых выборов.

— Нет уж! Ты давай по данным опроса. Что там еще?

— Респонденты, определив предпочтения, обозначили свое отношение по следующим позициям: ускорение экономических реформ, демократизация общества, восстановление социализма, реформы лицом к человеку, приоритет России как великой державы, лозунг «Россия — для русских». Три варианта: одобряю, не одобряю, не имею четкого мнения. Начинаем ввод?

— Давай, — Андрей разложил по позициям. — Средние характеристики, представляющие устойчивых выборщиков, укладываются в восемнадцать цифр.

— Не выборщиков — электоратов, — мягко поправил Александр Антонович.

— Называй, как хочешь. Мне до лампочки... Итак, у нас есть база данных для сравнения этих твоих электоратов: сходство, различие, тенденции к сближению-расхождению. Кому нужна такая лабуда? Как проголосуют, так и распределятся.

— Важно не это. Не забудь, что впереди еще и президентские выборы, где партийный спектр существенно сузится, особенно ко второму туру. Важно заранее наметить возможные тенденции к альянсам и размежеваниям. Ты хоть понимаешь, с чем мы с тобой выходим на Президента?

— Я на соавторство не претендую. Действую исключительно во благо семьи.

— Вот и действуй, чтобы мне потом не краснеть за тебя.

— За себя, father[1], за себя... Боишься, со службы попрут? Не боись: мы с Вадькой наварим капусты.

— Не паясничай! Что за манера все превращать в фарс? Никакого чувства ответственности... Готово?

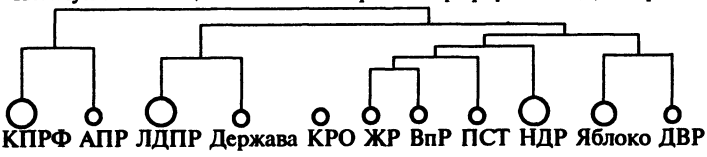
Виртуальное пространство развернулось условной n-мерной графикой в некое подобие генеалогического древа. Величина висящих на нем плодов, включая «Яблоко», отражала процентную составляющую электората.

---

[1] Отец (*англ.*).

Итоги анализа данных
о социально-политических ориентациях электоратов 11 партий
(дендрограмма последовательности сходств-различий)

Все рассматриваемые электораты

— Такой примерно намечается урожай. Если каждый электорат соотнести с векторной точкой в многомерном пространстве характеризующих его показателей, то, исходя из сравнительных расстояний, легко заметить, какие из точек расположены ближе или дальше одна от другой.

— Понятно, сын! Так мы можем судить о большем или меньшем сходстве? Примитивно, но наглядно.

— Примитивно лишь в статике. Для показателей социально-политических предпочтений использовано восемнадцатимерное пространство, социально-демографического облика — тринадцатимерное. В динамике все это придет в движение. Применительно к нашим баранам оптимально прибегнуть к кластерному[1] анализу и многомерному шкалированию.

С возрастающим интересом Александр Антонович следил за тем, как начинает оживать дендрограмма[2]. Дерево задрожало, словно под порывами ветра, и вся сложная схема его черенков и ветвей пришла в движение. Одно только сознание того, что он понимает всю эту тарабарщину, доставляло глубокое удовлетворение.

Чем скорее соединяются точки, обозначающие положение электоратов на ветвях, тем более сходны ориентации избирателей. Гроздья нескольких точек (ветви дендрограммы) дают представление о типах, образуемых похожими по ориентации электоратами. Сравнительная длина вертикальных отрезков, соединяющих точки, позволяет судить об относительной величине социальной дистанции, разделяющей группы избирателей.

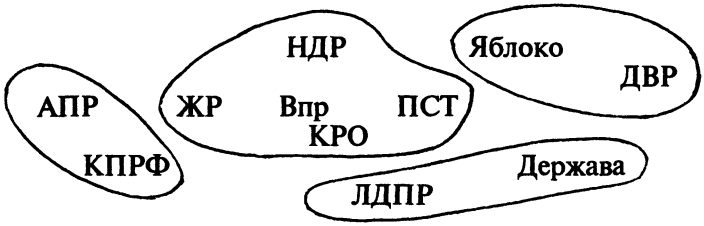
Парень совершенно прав: динамика все проясняет. Несмотря на пессимистичеекие данные опроса ВЦИОМ, объединение некоммунистических сил нельзя считать безнадеж-

[1] Кластер — тип.
[2] От дендрос — дерево.

ным. Вроде бы так получается в первом приближении. Один этот вывод стоил дорогого.

— А это что у тебя? — поинтересовался Александр Антонович, когда на индиговой глади экрана, словно материки в океане, засияли радужным многоцветьем четыре ярких пятна.

Итоги многомерного шкалирования данных о социально-политических ориентациях электоратов 11 партий

— Это и есть взыскуемый тобою примитив. Вторая схема отражает конфигурацию тех же условных точек на плоскости. Многие формы их взаимной близости-отдаленности видны здесь яснее, чем на дендрограмме. Однако кое-что при перенесении дистанций в восемнадцатимерном пространстве на обычную плоскость чрезмерно упрощается и теряется. Например, расположение точек не передает близость базовых ориентаций избирателей «Яблока» и ДВР, столь хорошо различимых на дендрограмме. Поскольку итоги кластерного анализа в определении совокупной близости надежнее, на плоскости четко очерчена принадлежность точек кластерам в соответствии с их положением в пространстве всех рассматриваемых ответов на вопросы о социально-политических предпочтениях. Как видно из структуры дендрограммы, выделяются четыре типа партийных электоратов. Коммунистические и прокоммунистические отстоят от прочих, как расходящийся континент. Среди опрошенных это избиратели КПРФ и АПР. Среди них вдвое, а то и втрое больше, чем у других, доля тех, кто положительно относится к возрождению социализма. Соответственно сторонников рыночных реформ, даже если это будут реформы с человеческим лицом, существенно меньше. Для этой братии ваши разглагольствования о демократии — пустой звук, вернее, раздражающий фактор, как красная тряпка для быка. Существенный момент: разрыв с прочими электоратами в этом пункте намного значительнее, чем в ответах на вопрос о поддержке экономических реформ.

— Очень важный вывод!

— Поехали дальше. Рассмотрим противостоящие коммунистам демократические электораты. В выборке к ним относятся

голосующие за ДВР и «Яблоко». В этой категории выше, чем во всех иных, удельный вес поддерживающих ускорение экономических реформ и еще больше доля сочувствующих дальнейшей демократизации. Наоборот, люди, положительно оценивающие возрождение социализма, встречаются реже всего.

— Не думаю, что Гайдар с Явлинским найдут общий язык.

— Его найдут избиратели. Так получается... Третий конгломерат образуют умеренно-реформистские полудемократические силы. К ним примыкают избиратели, ориентирующиеся на поддержание существующей власти, на сохранение стабильности. Тут НДР, КРО, «Вперед, Россия!», «Женщины России», Партия самоуправления трудящихся. Их сторонники занимают промежуточное положение между коммунистами и демократами, теснее смыкаясь с последними в отношении к реформам и отдаляясь от них в оценке демократизации. В целом алгоритм их ответов ближе к демократам, чем к коммунистам. Ты теперь против красных, да, папа?

— Давай дальше.

— А что дальше? Свет кончается на националистах: ЛДПР и «Держава».

— А КРО?

— Как ни странно, но ориентации его избирателей оказались в своей многомерной совокупности ближе к настроениям умеренных реформистов и сторонников стабильности. Это как раз один из тех результатов, которые трудно обнаружить простым сопоставлением отдельных ответов.

— Сюрприз, однако.

— Не столь уж неожиданный. Попавшие в выборку избиратели отличаются от сторонников остальных партий главным образом тем, что среди них несравнимо выше процент тех, кто сочувствует идеям великодержавия и особых прав для русских. В остальных категориях призывы к национальному неравенству даже на словах одобряет лишь меньшинство. Что же касается предпочтений по остальным вопросам, националисты стоят между демократами и умеренными реформистами, с одной стороны, коммунистами и прокоммунистами — с другой. И хотя доля сторонников возрождения социализма у них заметней, чем у демократов и полудемократов, по совокупности ответов они больше отличаются от коммунистов, чем от умеренных и партии власти.

Наибольшее число избирателей склонны поддерживать либо лозунги коммунистического прошлого, либо относительно умеренные реформы и хоть какую-то стабильность. При этом получается, что и коммунистические, и умеренно реформистские ориентации характерны для более или менее одинаковых по численности слоев. При любых вариантах подсчета

видно, что ни один тип социально-политических ориентаций не имеет явного преобладания.

— Значит, шансы все-таки есть? Примерно пятьдесят на пятьдесят?

— Ты, собственно, на кого ставишь? На своих или партию власти?

— О чем ты говоришь! — Александр Антонович разыграл праведное возмущение. — Я работаю в президентской администрации.

— Ладно, замнем для ясности. А выборы-то состоятся?

— Президент сказал «да», следовательно, нет почвы для дискуссий.

— Даже так? Ну, тебе виднее... Выводы устраивают?

— В принципе. Конечно, хотелось бы большей определенности, — Александр Антонович заставил себя улыбнуться. — Спасибо, сын. Работа отличная, но, сам понимаешь, возникают проблемы. Есть силы, которые заинтересованы в отсрочке выборов на год, если не на все два, — вынужденно признал он. — Фифти-фифти именно тот результат, что вызовет нарекания с обеих сторон. Докладывать будет трудно. Могу угодить под перекрестный огонь.

— И какая из сторон сильнее?

— Не берусь судить, но что одна ближе к президентскому уху, это точно.

— Так возьми и подыграй им. Точность опроса плюс-минус четыре процента, что позволяет подправить соотношение, скажем, на пятьдесят два к сорока восьми. Я же вижу, что заказчика куда больше волнуют президентские выборы, нежели парламентские. — Андрей ввел добавочные данные. — Гляди сам. При пятипроцентном барьере пройдут максимум шесть из одиннадцати. Оптимально — пять или даже четыре. Коммуняки возьмут свои двадцать пять процентов, примерно столько же — все остальные, но президентская гонка дает иную картину. Видишь, как сближаются три материка и все дальше отходит четвертый? Пятьдесят два к сорока восьми — это самый пессимистический прогноз. «Зиг-хайль» не пройдет. Но пасаран.

— И это при нынешнем рейтинге?

— За год много воды утечет. Когда придется выбирать между двумя крайними точками, рейтинги поменяются, или я ничего не смыслю в науке.

— Можно подумать, что наука непогрешима. И где ты видишь науку? В социологических опросах? Наивно.

— Человеческое знание несовершенно, не спорю. Даже математика не формализована до конца, что стало ясно после теоремы Геделя. Но отметать вероятностный прогноз еще более наивно, просто-напросто глупо. Соотношение может

сыграть как за, так и против, и я понимаю чувства проигравшего. Прогнозист подкинул два процента, а избиратель отдал их противнику. Обидно, но при чем тут наука?

— Ты и далее намерен паясничать?

— Хочешь совет? Фифти-фифти — самый выгодный для тебя счет. Ну, состроят кислую рожу. Переживешь. Все прочее сопряжено с риском. Надеюсь, ты понимаешь?

Александр Антонович молчаливо признал правоту сына. «Варит котелок у мерзавца. Умница, каких мало, но хам, хам...»

ФАЙЛ 025

На Пушкинской площади — где же еще? — четверо здоровенных балбесов, усевшись на чахлую травку, бросили вызов силам зла. Где они нашли эту самую травку? А на другой стороне, на балюстраде в начале бульвара, в двух шагах от «комка» с прохладительными напитками: банка датского пива «Туборг» — 8000. При чем тут пиво? Да ведь Пушкинская площадь! Страстной называлась когда-то. Отсюда и страсти — людские, правда. Пивной бар там когда-то стоял, знаменитый на всю столицу, но снесли. Пиво, конечно, к мероприятию отношения не имеет. хоть пылала жара и парням, наверное, очень хотелось освежиться пенной горчинкой хмеля, только они терпеливо несли свою стражу. Расселись, скрестив ноги в кроссовках, по странам света, руки раскрытыми ладонями вверх на коленях распластаны, веки опущены и ни слова, ни взгляда — медитируют. Эдакую мандалу образовали на круглом пятачке прямо насупротив памятника.

Что им всем там, медом помазано? Видимо, тайна сия глубока есть. Так бы и осталась она за семью печатями, если б не телевидение. Чуть что, оно тут как тут. На обывательский взгляд, ровным счетом ничего примечательного. Сидят себе и сидят. На бомжей вроде не похожи: модная стрижка, слаксы, шелковые рубашечки с крокодильчиком — значит, под кайфом.

Ни прохожие, ни публика на скамейках интереса не проявили. Кто подремывал, кто лизал мороженое, а уж парочки только собой были заняты. Что же такого замечательного нашла здесь Варвара Царапкина? Как она вообще прознала о столь значительном начинании молодых гуманистов, изгоняющих бесов сосредоточением мысли?

Как прознала, пока остается редакционным секретом. Может, по наводке, а может, просто паслась целыми днями на бойком месте.

Оказаться в нужное время в нужной точке пространства еще не все. Необходимо вникнуть в смысл происходящего, иначе не получится никакого сюжета. На одной картинке без текста «Добрый вечер, Москва!» не продержится. Да и картинка, по правде говоря, курам на смех. Казалось бы, ситуация требовала от Царапкиной телепатических способностей. Другого способа проникнуть в мозг упорно молчащего человека вроде бы не просматривается. На наше счастье, окружающий мир куда более ясен для понимания, чем пытаются уверить иные политики, которым, как алкоголику черти, всюду мерещатся масонские происки.

После известных событий в психике Варвары действительно наметились своеобразные изменения. Довольно симптоматичные, ибо не только она слегка сдвинулась на потусторонних пришельцах и ударилась в оккультизм самого непотребного пошиба. Но одно дело — пища для алчущего воображения и смятенной души, бьющейся в тесных оковах плоти, другое — профессиональные интересы. Каждому свое: кому безобидное хобби, кому хлеб насущный.

Вместо того чтобы присесть рядышком и, впав в прострацию, настроиться на телепатическую волну, Царапкина бесцеремонно сунула микрофон под нос ближайшему заклинателю темных сил. Густав Мейринк назвал бы его «ангелом северо-восточного окна», ибо он занимал именно такую позицию. Компаса под рукой не нашлось, и ребята отклонились от румба градусов на сорок.

Казалось бы, погруженный в самадхи межзвездный скиталец, чей дух успел отлететь далеко-далеко, должен был проигнорировать грубое вторжение из материального мира, но ничуть не бывало. Не подымая век, он без малейшего промедления согласился на интервью и охотно объяснил, чем они тут занимаются и как дошли до жизни такой.

— Значит, вы мысленно облагораживаете духовную атмосферу нашего города? — Царапкина перевела путаные откровения на более доступный язык. — И какой радиус воздействия?

— Приблизительно восемь метров.

Скромный ответ вызвал недовольную гримаску. Варвара рассчитывала на охват хотя бы в пределах муниципального округа. По меньшей мере, Кремль и обе палаты должны были попасть под воздействие благотворного излучения.

«Благая мысль, благое слово, благое действие...» Где это сказано?

— Замечательно! — произнесла она, подавив вздох: олух лишил ее возможности пощекотать власть. — А сейчас мы проверим, насколько эффективной оказалась схватка с незри-

мыми силами, мешающими нам спокойно жить. — Прикинув расстояние до скамеек, сделала ручкой оператору.

Телеглаз переместился на хорошенькую девушку в облегающих шортиках и короткой кофточке, открывающей загорелый животик.

— Знаете, что здесь происходит?

— Понятия не имею.

— А хотите узнать?

— Мне это не интересно.

Столь же неудачным оказалось и обращение к подвыпившей гражданке, которая с места в карьер принялась жаловаться и обличать. Все в конечном счете сводилось к ничтожной пенсии. Ни телевидение, ни таинственное пси-излучение, истекавшее из молодых людей, стоически потевших на самом солнцепеке, исправить положение не могли. Судя по грубым нападкам на режим, оболтусов, которым нечего делать, и лично на Варю, одержимость злым началом осталась неколебимой.

Жизнерадостный бодрячок, расположившийся под сенью деревьев, откровенно обрадовался возможности поболтать перед камерой. Его скамья не укладывалась в зону воздействия, но Царапкину это ничуть не смутило. На то и монтаж, чтобы вышло, как надо.

— Как вы относитесь к происходящему?

— Хорошо отношусь, очень доволен.

— Вы чувствуете в себе отрадные перемены?

— Как не чувствовать? Чувствую.

— В чем это выражается, можете сказать?

— В чем выражается?.. Настроение хорошее и вообще все путем.

— Значит, одобряете гуманитарную акцию?

— Одобряю! Хочу, чтобы все были веселы и довольны, а еще хочу передать привет...

Царапкина вырвала у него из рук микрофон и дала знак поберечь пленку. Рабочий день только начался. В три часа ее ждал в своей мастерской Ираклий Церетели, замысливший грандиозный монумент «Век Водолея».

По всему выходило, что репортаж с треском провалился, однако в положенное время он вышел в эфир, кого-то позабавив, кого-то заставив плеваться. На всех ведь не угодишь.

Этот незначительный эпизод, вылившийся в две минуты на студийных часах, не заслуживает даже упоминания. Никаких чудес, никаких тайн — сплошное убожество и выдрючивание. Но чудо — редкий гость в нашей жизни, а ежедневную программу, хочешь не хочешь, приходится чем-то заполнять.

Тем не менее маленькое чудо все же имело место и, как

положено, его — чудо, а заодно и место — окутывала такая же маленькая тайна, ведомая лишь посвященным.

Они-то и сошлись все вместе в роковой полуночный час у мадам Софи: четверо «ангелов» стран света, принарядившаяся Варенька и вальяжный владелец шашлычной на Сретенском бульваре Эдик Двали.

Никакие мистерии с их жреческой иерархией и герметизмом не таят в себе столько загадок, сколько запрятано их в самых обычных отношениях между людьми. Поражает элемент случайности, которая, вместо того чтобы улетучиться, пускает крепкие корни и начинает по-своему раскладывать пасьянс нашей жизни. Вроде бы мимолетное знакомство — плюнул и забыл, ан нет: тебя уже опутали гибкие лозы, твое лицо повернуто в другую сторону, где ждут новые, отнюдь не случайные встречи. Предопределенность последствий случайного мига, которого могло и не быть, вот что требует осмысления.

Да, Варвара столкнулась с Эдиком при необычных обстоятельствах, взяла — могла и не взять? — деньги, дабы промелькнула его упитанная физиономия на экране, затем поехала — могла не поехать? — развлекаться... Стоп! Что ни шаг, то все определеннее в зыбком тумане случайности проступают контуры некой данности. Мы вольны принять ее или отвергнуть, но она состоялась, она здесь с нами, и с ней приходится считаться. Ну переспали они разок-другой — экая невидаль? Не невидаль — данность. Переспали, и превосходно, никто не в убытке, но это уже отношения, что и требовалось доказать.

Случайная встреча и Эдика вывела на новую колею. Повинуясь инстинктивному импульсу, он отслюнил свои баксы, не возлагая надежд, не строя планов. Захотелось, и баста. Царапкина нисколько его не заинтересовала, а то, что пришлось уложить ее в койку, вышло *случайно:* выпили и вообще так получилось. Дальнейшее уже не зависело от господина Двали. Волновой пакет с его образом, промелькнув падучей звездой, вызвал цепь последствий. Даже секунда на телевидении — мощная реклама. Это прекрасно известно магам, волхвам и обаятелям, облюбовавшим полуночную программу «Третий глаз». Собственно, она и существует на их доброхотные пожертвования.

Некто Мамука, один из тех четырех героев дня, оказался близким приятелем Эдика. Сильно продвинутый в духовных исканиях, он увидел его по «ящику», да еще в такой передаче, и проникся завистью. Было обидно, что не он, продвинутый эзотерик с незаконченным высшим образованием, попал в случай, а какой-то надутый шашлычник, хоть он и друг детства.

Завязанные, таким образом, еще в Сухуме отношения образовали еще один узел на деловой почве. Эдик, гордый воз-

росшей популярностью, охотно взялся состроить протекцию, прозрачно намекнув, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

— Лично мне ничего от тебя не надо, но им, — он возвел очи к небу, словно надеялся прозреть за одиноким облачком лик самого Саваофа, — им придется дать.

— Сколько? — Мамука без лишних разговоров полез за бумажником.

Выпив под шашлык по бутылке «Мукузани», они сидели на Сретенском бульваре, преисполненные умиротворения и довольства.

Цену Эдик назвал приемлемую. Лениво щурясь на проблески в листве, небрежно сунул деньги в карман, мысленно выделив долю Варваре.

Узнав, что предстоит отснять, она в восторг не пришла, но дело есть дело.

— Слабовато. Такой материал у нас *едва ли* пройдет, — она с трудом удержалась от смеха.

— Ты чего улыбаешься? Если не можешь сделать, так и скажи. Мы к другим обратимся.

— Я попробую, но не от меня одной зависит, понимаешь?

— Делиться надо? — догадался Эдик. — Сколько прибавить?.. Я тебе покажу, с кем говорить. Его Мамукой зовут, на остальных не обращай внимания.

Не оправдала надежд площадь Пушкина, где перед сеансом очистительной медитации два дня подряд проходили политические митинги. Чудо не состоялось, так — жалкая пародия на чудо.

Но разве нельзя счесть поистине чудесным сам факт трансляции подобной дребедени по столичному каналу? Есть и сопутствующая всякому неординарному явлению тайна, невольно разоблаченная, но не потерявшая своей притягательной силы.

Главные и второстепенные герои бывают только в романах. В жизни каждый оставляет свой неизгладимый след, все ту же мировую линию, прочерченную в четырехмерном континууме, что так или иначе отражается в виртуальной реальности.

Интеллектуал Мамука замыслил новое действо под условным названием «Перформанс Луны», приурочив его к ближайшему полнолунию.

ФАЙЛ 026

Продолжение имело место скорее, чем Марго могла ожидать. Она плохо знала Климовицкого. Уже на следующий день он раздобыл в СОДе ее адрес и устроил дежурство возле подъ-

езда. Из окна было хорошо видно, как он ерзал, сидя на лавочке возле кучи с песком. Зрелище, безусловно трогательное, пробуждало противоречивые чувства. С одной стороны, жалко, с другой — хотелось подольше помучить. Впрочем, не следовало испытывать терпение бдительной охраны. На мониторе у дежурного все видно как на ладони.

Марго оделась и с задумчиво-сосредоточенным видом процокала каблучками по асфальтированной дорожке к калитке. Чувствовала, как он вздрогнул, встрепенулся и, нерешительно оглянувшись, пошел следом. Готова была поклясться, что не решится окликнуть, а сделает удивленный вид, будто случайно тут оказался, увидел издали, не поверил своим глазам и так далее.

— Маргарита Валентиновна! — тихо позвал он, догоняя. — Вы не очень рассердитесь?

Она остановилась и замерла на вздохе. Готовилась разыграть веселое изумление, иронию, высокомерное равнодушие — точно еще не решила, но это ребяческое «не очень рассердитесь» совершенно обезоружило, прямо-таки подкосило.

— Вы? Какими судьбами? Ну, здравствуйте, — протянула руку в кружевной перчатке, в тон к темно-синему платью, ниспадавшему из-под ондатровой шубки идеально выверенными складками.

Первоначальная скованность понемногу ослабла, пошел оживленный треп с незамысловатыми шуточками, которые в обычное время могли рассчитывать разве что на снисходительную усмешку, теперь же вызывали дружный, притом совершенно непритворный смех. Им было весело, по-весеннему беспечно и радостно. Пусть на миг, но тем он и дорог, повеяло хмельным дыханием молодости. На них, Марго это всегда чувствовала, оглядывались. Она и не заметила, как дошли Арбатом до «Праги».

— Зайдем?

— Сюда?.. — она сморщила носик. — Пошло и кухня скверная.

— Тогда куда? — Климовицкий перехватил отъезжавшее такси. — В «Берлин», «Метрополь»?

Столковались на «Берлине».

Увидев у входа неподвижную очередь, Павел Борисович сник. Марго оценила ситуацию и взяла на себя тактическую инициативу.

— Отойдите в сторонку, — шепнула, направляясь в обход очереди к стеклянным дверям.

Увидев роскошную даму, игриво постукивающую пальчиками, швейцар открыл задвижку и выжидательно вскинул бороду.

— Меня ждут, — кивнула она и, повеяв волнующим ароматом «Шанели», взбежала по мраморным ступенькам.

Остановив первого попавшегося официанта, сунула ему четвертной и властно распорядилась:

— Сделай столик на двоих, дружок. За мной не заржавеет.

Не прошло и десяти минут, как она появилась в дверях и поманила Климовицкого.

Начало, таким образом, было положено совместными усилиями. К решительным действиям он перешел после третьей или даже четвертой встречи. Снег стаял, по тротуарам бежали грязные ручьи, ярко светило солнце, но было холодно. Они ехали в такси к старику коллекционеру, у которого Марго собиралась купить кофейный сервиз — не то «Старую Вену», не то «Копенгаген».

Набравшись храбрости, Климовицкий обнял ее плечи и потянулся губами. Она не противилась, но и не отвечала на поцелуи, откинув голову и закрыв глаза. Его рука пробралась за отворот шубки, воровато нашарила пуговку и заскользила под блузкой по тонкому шелку комбинации. Прикосновение холодных пальцев отдалось внутренней дрожью. Она напряглась, задержав дыхание, инстинктивно создавая дополнительные затруднения. Обследовав чашки тесного лифчика, неприятельские лазутчики скоро обнаружили уязвимое место и попытались проникнуть в крепость через узкую, пышущую жаром ложбинку. Это было непереносимо, но смешно.

— Не надо, — сквозь зубы процедила Марго. С языка готово было сорваться: «Убери лапы!» Так бы и сказала, если бы не маячил в зеркале глаз шофера. Она не имела ничего против самого посягательства, но не желала мириться с неприятными ощущениями. Хорошо еще, что не полез под юбку елозить своими ледышками по колготкам. — Почему вы не надеваете перчатки? — спросила невинным тоном, добив его, как ей казалось, окончательно.

Руку он, конечно, сразу убрал, но ничуть не смутился и покрыл ее вздрагивающее от беззвучного смеха горло короткими быстрыми поцелуями. Немного щекотно, но в целом приятно, особенно тут, возле ушка.

— Увидимся завтра? — по обыкновению спросил Климовицкий, проводив до подъезда.

— Завтра? Не уверена. Созвонимся утром.

— Очень хочется пригласить вас к себе.

Она не ответила, уклонившись от поцелуя, смазавшего щеку. «Хочется — перехочется. Мог бы не говорить».

В принципе ей ничего не стоило осчастливить его прямо сейчас, благо муж работал с бригадой «писунов» на госдаче, а Владика взял с собой в Терскол Андрей. Словом, еще два дня

квартира была в полном ее распоряжении. Привычные тревоги замкнули на пороге дома магический круг. Маленький с ума сходил по горным лыжам. Это одновременно и тревожило, и радовало. Все-таки спорт, хоть и опасный, пусть немного передохнет. Знающие люди говорили, что от компьютера идет излучение. Можно лишиться потенции, а то и рак заработать. С Андреем уже ничего не поделаешь: совершенно от рук отбился. Интересно, откуда у него такие деньги? Купил маленькому обалденное снаряжение...

Марго не собиралась слишком долго мучить человека. Он ей нравился, иначе бы они не встречались. Но почему не позволить себе маленький каприз? Выдержанное вино всегда лучше. Чем больше пьешь, тем сильнее хочется. Если уж дегустировать, то в соответствующей обстановке. Предпочтительнее был бы бурный животный натиск, только разве об этом заранее договариваются? Надо ловить момент.

— Звоните, — одарила Марго на прощание туманным загадочным взглядом. В такой игре тоже есть своя прелесть.

Решающее свидание случилось уже в апреле, когда лопались, истекая медовым клеем, почки. Марго толком так и не поняла, каким чертом их занесло на Речной вокзал, но горьковатый запах тополиной течки, мокрый песок на аллеях и эта перезимовавшая, чавкающая под ногами трава сыграли с ней коварную шутку.

Они забрели в тамошний ресторан и крепко поддали. Еда была скверная, только запеченные карпы, кажется, ничего, а водка пошла хорошо, под настроение.

— Ты дома один? — она гадливо передернулась, пригубив остывший отвратительный кофе.

— Один, — у него задрожал подбородок. — Я один... живу.

— Тогда поехали, — залихватским движением Марго осушила недопитую рюмку. Ножки немного подкашивались, язычок слегка заплетался, но головка соображала. — Приглаш-шшение, надеюсь, не отменяется?

ФАЙЛ 027

Выборы в Думу принесли примерно те же результаты, что были предсказаны. Андрей не ошибся. Александру Антоновичу хоть и пришлось претерпеть нарекания присяжных шапкозакидателей, но после предварительного подсчета голосов им осталось только поджать хвосты. Теперь же, с началом президентской кампании, для него наступил звездный час. Независимые опросы проводились чуть ли не еженедельно, и срочно требовалась квалифицированная обработка.

Что-что, а подать товар лицом Ларионов умел. Компьютерный анализ электората произвел отрадное впечатление на избирательный штаб Президента, что косвенно содействовало коренному обновлению команды. Тут постарался Владик. Отношения со старшим пребывали на точке замерзания. Успешный дебют принес Ларионову больше огорчений, нежели радости. Как и следовало ожидать, у него появились тайные и явные недруги. Так уж он был устроен, что приятное головокружение после победы слишком скоро сменялось угнетенным состоянием, порожденным постоянным ожиданием удара со стороны. По большей части страхи оказывались мнимыми, но тошнотная волна депрессии всякий раз накатывала с новой силой.

«Пока есть пироги да пышки, будут синяки да шишки, — заклинал он сосущего сердце гада. — Закон диалектики». Ванильный дух свежей выпечки — синяками пока и не пахло — принес некоторое успокоение. Когда же сам Чубайс предложил ему не стеснять себя привычными рамками, а искать смелые нетрадиционные решения, Александр Антонович и вовсе приободрился. С естественностью хамелеона или, положим, камбалы, мимикрирующей под цвет среды обитания, в данном случае — дна, он с восторгом и преданностью внимал новым указаниям, напрочь выбросив из головы злые анекдоты и гневные филиппики по поводу «ваучеризации всей страны». Это был нормальный физиологический процесс, без какого-либо насилия над собой, а тем более притворства. Спасительная способность кожи менять цвета выработана миллионами лет эволюции. Она свойственна приматам не в меньшей степени, чем низшим животным. Взять хотя бы загар, предохраняющий от ожога. Генетики доказали, что чернокожие обитатели Африки, где впервые заявил о своих особых правах Homo sapiens, первоначально почти не отличались от нас, бледнолицых. Всем пришлось приспосабливаться. Нацисты могут скрежетать зубами, но против фактов не попрешь. Африканская Ева была праматерью человечества, а увеличение озоновых дыр в атмосфере заставит потемнеть даже самых нордических арийцев. Нет ничего вечного, кроме перемен. Не желаешь меняться — не выживешь. Ради торжества общего дела Ларионов не жалел ни времени, ни сил, сохраняя холодную ясность ума. Для ненависти ему недоставало внутренней убежденности — довлело рефлексирующее начало. Коммунопатриоты вызывали в нем смешанную со страхом брезгливость. Усомниться в искренности душевного отторжения от недавних сотоварищей по аппарату ЦК способен только очень недалекий и закомплексованный человек. Ведь даже в те времена, под общей крышей, они стояли по разные стороны невидимой баррикады: он —

прогрессист, и эти будущие полозковцы-зюгановцы. Одним дано ненавидеть, другим — мыслить. Интеллект всегда был на стороне реформаторов.

Идею использовать в предвыборной борьбе Всемирную сеть новой, конечно, не назовешь, но выдвинул ее именно Александр Антонович, совершенно заворожив слушателей широтой открывшейся перспективы.

Политика проникла в Internet, когда гадкий утенок превратился в прекрасного лебедя. Скромный канал общения академических кругов США и Европы неожиданно для всех обернулся глобальной структурой с миллионами пользователей. Языковые, этнические, конфессиональные, партийные, возрастные — все группы, слои и страты земного шара нашли для себя экологическую нишу в киберпространстве, не ведающем границ. Лучшего средства для тотальной пропаганды не смогли бы измыслить даже самые проницательные фантасты, вроде Азимова, сформулировавшего законы робототехники, или Кларка, предсказавшего спутник связи.

— Не знаю почему, но нынешний судьбоносный для России год оказался знаменательным и в планетарном масштабе, — Ларионов начал доклад с тщательно обдуманной фразы.

Совещание проходило в Кремле, в ситуационной комнате с экраном во всю стену, на который поступала необходимая информация, будь то цифры или же графика.

— Судите сами, — продолжил он, дождавшись появления карты мира вместо чеченской, машинально подсунутой оператором. — Выборы прошли в Испании, Индии, Ирландии, Израиле — сплошные «И», со дня на день состоятся в Турции, на очереди Чехия, Канада и, в довершение всего, США. Добрая половина человечества стройными рядами устремилась к избирательным урнам. Не берусь судить, что за этим стоит: солнечные циклы, как уверяют некоторые специалисты, или случайное совпадение. Но в одном я уверен: это будут последние выборы с деревянными кабинами и бюллетенями. Для развитых стран, само собой разумеется. Северная Америка и Западная Европа станут голосовать в электронных кабинах с помощью компьютера. Не отходя от кассы, как говорится: кто у себя дома, кто на работе. О быстроте подсчета голосов говорить не приходится. Мы убедились в этом уже при апробации системы «Выборы», а взрывообразный рост сетевых коммуникаций наглядно свидетельствует сам за себя. Вопрос лишь в том, войдет Россия в этот процесс к двухтысячному году или останется за бортом.

— Пока нас интересует только текущий, Александр Антонович, — подал реплику руководитель российского телеканала. — Проиграем сейчас, не дожить нам до электронных голосований. Да и зачем, если девяносто девять процентов — за?

— Разрешите продолжить? — Ларионов интеллигентно откашлялся в кулачок. — Америка тоже пока не готова к компьютерному волеизъявлению, но Internet уже вовсю задействован в предвыборной агитации, —взмахнув указкой, он вызвал изображение операционной карточки Netscape. — Лицо в овальном портрете в представлении не нуждается: William J. Clinton. Все обозначено должным порядком: Office of the President, location — компьютерный адрес — http//www white house. gov./WH/EOP/ OP/htme /OP _ Home. htme. Факсимильная подпись внизу.

— Домашние страницы, — заметил пресс-секретарь, привыкший общаться с компьютером. — Хоть сейчас можем связаться.

— А мы уже связаны: картинка реальная, — довольный произведенным эффектом, Ларионов распрямил плечи. — В Internet не существует различия между рядовым пользователем и президентом. Паутина абсолютно демократична... А вот и Хиллари! — Прямоугольная фотография на такой же карте была значительно крупнее. — Голливудская улыбка на все тридцать два зуба... Hillary Rodham Clinton. First Lady of the United States. Первая леди обращается с дружеским приглашением воспользоваться ее домашними страницами: «Hello. I'am Hillary Rodham Clinton and I want to welcome you to my Internet Home Page. This is a wonderful... Это действительно чудесно, когда любой избиратель может хотя бы таким манером заглянуть в Белый дом... Теперь раскроем карточку нашего Президента. Что мы видим?

На той же стандартной форме портрет занимал две трети площади. Знакомый кремлевский кабинет. Знамя с орлом.

Ларионов вывел следующую «страницу»: уменьшенная фотография переместилась к краю, открыв простор для текста, озаглавленного «Биография и политический портрет».

— Как будто бы все правильно, — Александр Антонович дал возможность присутствующим пробежать глазами по строчкам. — Но где личностное обращение? Где та теплота, которой проникнут новый рекламный ролик: «верю, люблю, надеюсь»? Сухо, официально. А почему? Да потому, что представление в Internet не было рассчитано на предвыборный марафон. Положение еще не поздно поправить, — по реакции аудитории он понял, что выиграл. — У нас склонны недооценивать влияние сети. Федеральная избирательная комиссия США отработала механизм электронной регистрации граждан. Любой имеющий право голоса американец может получить в Internet открепительный талон. Вы скажете: мелочь? Возможно. Но в наших условиях она способна прибавить голоса владельцев персональных компьютеров, которые

увидят проявление заботы именно о них, людях среднего класса.

— И сколько таких голосов? — подпустив толику язвительности, поинтересовался ответственный за телерекламу.

— Вместе с членами семей, думаю, миллион наберется, а это процент. Бросаться не стоит... Но тут мы уже опоздали... В Америке задействовано около трехсот одних только WWW-серверов, нацеленных на предстоящие выборы и партийные праймериз. Трудно переоценить значение банков, способных предоставить мгновенную информацию о каждом кандидате, его имидже, рейтинге и так далее. Аналитические разработки, статистические данные, результаты опросов, отзывы прессы, рекламные клипы, платные агитки — все в одном месте. Существует даже отдельный сервер по вопросу о налогах, более всего волнующему избирателей. Они могут узнать, какого мнения придерживается кандидат, что сказано в его предвыборной программе.

— Подобная роскошь пока не про нас, — вновь попытался подкузьмить телевизионный имиджмейкер.

— И очень жаль. Та же Америка проделала работу, которую по всем законам, божеским и человеческим, должны были выполнить мы с вами, уважаемые коллеги. Приведу конкретные примеры, — Ларионов чувствовал себя во всеоружии. Владик подготовил для него все необходимые сведения, включая компьютерные адреса. Андрей и тот не сумел бы лучше. И главное, с охотой, беспрекословно. Не мальчик, а клад — настоящее солнышко. — Самым популярным у зарубежных аналитиков считается сервер Дмитрия Гусева «Президентские выборы», созданный при Университете штата Индиана. Всем желающим могу сообщить location[1].

Это настоящая библиотека, которая может оказаться полезной и для нас с вами. Колоссальный материал обработал и Белончукин. Его страница на сервере университета Эмори содержит сотни тысяч индексов, отсылающих к информационным ресурсам почти всего мира. Среди немногих русскоязычных серверов хочу отметить страницу выборов «Национальной службы новостей».

— На Профсоюзной? — пресс-секретарь кивком дал понять, что в курсе.

— Для подачи русских текстов они, вместо коммуникационного стандарта КО 18, прибегли к Windows-кодировке СР 1251, — не преминул блеснуть Ларионов, краем глаза заглянув в раскрытую папку с бумагами. Имидж создается именно на таких, казалось бы, никому не нужных мелочах. — Я бы на их

---

[1] dmiguse@cs.indiana.edu

месте держал текст в обеих кодировках или поставил скрипт, конвертирующий Windows и UNIX в русском варианте по ходу просмотра страниц, — добавил он, дав понять, что владеет техникой не хуже профессионального хакера.

— Запрягаем долго, а ездим быстро, — поддержал пресс-секретарь. — Есть московский IFES, страничка на Friends and Partners, открытый электоральный форум издательства «Максимов», а «Национальная служба новостей», которую вы заслуженно отметили, откроет специальную страницу, где в режиме реального времени можно будет наблюдать за подсчетом голосов. Не все так уж безнадежно.

— В какой-то степени мы даже в выигрыше, — поспешил согласиться Александр Антонович. — Напрасно искать в Internet домашние страницы Жириновского и Брынцалова, — в расчете на улыбку, он назвал именно их, а не главного конкурента, — тогда как президентский WWW-сайт хоть и не имеет прямого отношения к выборам, но все же наличествует. Грех не использовать даже самое малое преимущество. Как говорится, курочка по зернышку... Что можно сказать в заключение? Прежде всего, мы должны максимально использовать остающиеся у нас считанные дни для направленной агитации в сети. О ее поистине неисчерпаемом потенциале свидетельствует хотя бы такой пример. Американский сервер Yahoo по праву входит в тройку лидеров Internet. Этот каталог ресурсов обладает базой данных почти в тысячу триста адресов. Тут и политические партии всего мира, движения, международные организации и, конечно же, выборы. Четыре сотни только одних партийных WWW-серверов! Вдумайтесь в эту цифру! За ней около ста демократических партий, десять коммунистических, более двадцати социалистических, сто сорок республиканских и множество других: зеленые, националисты, фашисты. Более двухсот адресов насчитывает выборный сектор. Практически все электоральные серверы от США и России до Уганды и Чада. Словом, чего только нет! Даже карикатуры и анекдоты, включая наши грядущие выборы... Я бы не стал улыбаться. Анекдот — острое оружие. Рекомендую полюбопытствовать. Location к вашим услугам[1]. Как ни крути, а без сети нам не обойтись. Помимо прочего, это позволит сделать наработки на будущее. При всей важности нынешних выборов, жизнь на них не кончается. Я с оптимизмом смотрю в завтрашний день. Но этот оптимизм основан на реальном положении вещей, со всеми их плюсами и минусами. Иного подхода и нельзя ожидать, как бы ни хотелось кому-то приукрасить действительность, — он надеялся, что намек на прежнее

[1] http://WWW.yahoo com/

руководство будет правильно понят. — Поэтому, чтобы не создалось ложного впечатления, нельзя умолчать и о теневой стороне электронного голосования, а такая присутствует. Нет надежных критериев позитивной идентификации избирателей. Какой-нибудь хакер взломает систему и проголосует не только за себя, но и за «того парня», а то и парней. Сегодня это ненамного труднее, чем подсунуть в урну пачку лишних бюллетеней. Существуют, правда, необходимые аппаратные и программные модули, но они не прошли надлежащую проверку на практике. Меня могут упрекнуть в чрезмерной оглядке на Америку, только, пока Конгресс не дает добро, я бы поостерегся от категоричного заключения. Что делать? Они впереди, а «догнать и перегнать» — это мы уже проходили.

Интуиция подсказала, что пора закругляться. За исключением двух-трех человек (было видно по лицам), грандиозные перспективы Всемирной сети никого не затронули. Одна мысль гвоздила: выиграть теперь, а там уж как-нибудь, не важно...

Собственно, Ларионов и сам так думал, и других судил по себе.

Приглашение на комиссию по компьютерной безопасности явилось лишним подтверждением несомненного успеха доклада.

Паутина

В мире — около 40 миллионов человек, а в России пока около 50 тысяч. Точное число назвать сложно, так как можно только подсчитать число компьютеров, подключенных к Интернету, а к каждому компьютеру могут иметь доступ сотни людей. Но и полного списка компьютеров тоже нет. Те, на которых содержатся огромные архивы программ, называют FTP-сервера. Список ряда серверов находится на странице Yahoo: WWW.yahoo.com в разделе «Computers and Internet» —> «Software» —> «Archives». В России один из надежных и самых полных архив ftp.kiae.su.

Магия

Салон Госпожи ***
Потомственная предсказательница, маг.
Ответит на любые конкретные вопросы с помощью Таро (характеристики партнеров любовных, деловых, развитие событий, вы-

явление путей выхода из трудных ситуаций). Приворожит, привлечет удачу в любви, бизнесе, торговле, поможет разбогатеть.
Эффективно нейтрализует врагов, конкурентов, снимет любую порчу, сглаз (в т. ч. на одиночество, безденежье), вылечит.
Окажет магическое влияние на судьбу с помощью особой методики создания пантаклей-талисманов, привлекающих абсолютный успех и удачу.
Госпожа сочетает в себе высокое образование (кандидат философских наук), магическую силу, многолетнюю практику магии, что позволяет ей оказывать помощь многим людям.

Интим

Обаятельная и нежная девушка предлагает провести незабываемый вечер для мужчины. Пригласит к себе или приедет в гости к Вам. Позвони! И ты не пожалеешь!

ФАЙЛ 028

Наружка ФАПСИ засекла Владика Ларионова на Митинском рынке. Высокий парень-акселерат, просто, но со вкусом одетый, он производил впечатление здешнего завсегдатая, чуть ли не рэкетира, собирающего положенную дань. Уверенно прохаживаясь вдоль рядов, заваленных всевозможным радиотехническим барахлом, он отбирал какие-то детали, перебрасываясь короткими репликами с продавцами, заглядывая в палатки. Порой, обменявшись рукопожатием, задерживался на несколько минут и вел доверительные переговоры. Одним платил, выдергивая из туго набитого бумажника синие пятидесятитысячные купюры, у других, наоборот, забирал, не пересчитывая, свою долю. Приобретенные платы и микросхемы в той же небрежной манере бросал в дорогую фирменную сумку.

Задействовать дистанционную подслушку в такой толчее значило обнаружить себя, и содержание бесед осталось неизвестным. Вообще-то особо стесняться не стоило. К милицейским облавам здешняя братва притерпелась. Как говорится, рука руку моет: выработался неписаный прейскурант. Помимо всевозможной электроники, тут шла бойкая торговля пиратскими компакт-дисками и видеопродукцией. На Бродвее

еще ждут, когда поступят в продажу кассеты с нашумевшим голливудским боевиком, а на Митинке без проблем.

Темно-бордовую BMW Владик оставил на платной стоянке, куда затем подрулила и оперативная «Волга».

— Сколько огреб, сказать затрудняюсь, а закупил миллионов на десять, никак не меньше, — доложил по радиотелефону оперативник. — Брать?

— Ни в коем случае! — Подполковник Гробников предусмотрительно приказал ничего не предпринимать и постоянно находился на связи. — Что вы ему предъявите? Рынки для того и существуют, чтобы покупать и продавать, а рэкетом пусть милиция занимается.

— Похоже, что он купил блокиратор определителя телефонных номеров.

— Это запрещено? Телефонная станция как-нибудь сама себя защитит, а мне контакты нужны, связи. Ведите его и при случае сфотографируйте. Только осторожно. Важно не упустить, а остальное приложится, если это не пустой номер.

Сидеть на хвосте вообще дело непростое, особенно на московских улицах, да еще в час пик. На Большой Грузинской машину едва не проворонили, хорошо, что она вновь вынырнула перед рестораном «Пекин». На Садовом уже пошло легче, а когда «беэмвуха» начала припарковываться возле выставочного комплекса на Красной Пресне, от сердца окончательно отлегло.

— Никак на выставку намылился, Федор Лукич! Ей-Богу, на выставку!

— Что за выражение, Котенков? Какая выставка?

— Минуточку, товарищ подполковник... Комтек!.. Комтек Инт-США и Крокус Инт-Россия... при содействии АО Экспоцентр. Ну и очередища! Давно я в Москве таких не видал.

— «Инт», видите ли... Надо понимать International? Двойка вам за произношение, а вообще молодцом. Там должны быть наши люди. Передайте его и можете быть свободны. Вас подменят.

— Есть такое дело!.. Э, да он прямиком шмыгнул! Никак пропуском обзавелся. Инт-тер-ресная птица.

Далее Владиком занялся молодой сотрудник Экспоцентра с ламинированной идентификационной карточкой на груди и аппаратом мобильной связи в кармане. Меланхолично блуждая по залам от стенда к стенду, он изредка прижимал к уху черную трубку с коротким отрезком антенны и, не вызывая любопытства озабоченных посетителей, бросал неслышные реплики, а потом и совсем засунул в карман свое профессиональное орудие. Кто обращает внимание на вышколенных охранников? Да их просто не видят в упор.

С этой минуты каждый шаг Владика был под контролем.

Поначалу его поведение ничем не выделялось от прочих. Выставки COMTEK собирают людей серьезных и хорошо подготовленных. Если на первой было представлено всего пятьдесят фирм, то ныне демонстрировалась новейшая продукция шестисот ведущих компаний мира. Трудно найти лучшее подтверждение того очевидного факта, что российский компьютерный рынок развивается, пусть не семимильными шагами, но отнюдь и не черепашьими темпами, как по привычке канючат нытики и маловеры. Экспозиция, развернутая на огромной площади в сорок тысяч квадратных метров, по праву вошла в тройку мировых лидеров, уступая лишь американскому форуму ComDEX и немецкому CeBIT. Не удостоив взглядом стенды Тайваня, Кореи и Сингапура, объект наблюдения отдал явное предпочтение отсекам с аршинными логотипами, от которых обмирает сердце всякого настоящего знатока: Compaq Hewlett-Packard, Dell, Apple, IBM, Intel, Novell, AT&T. Не были обойдены вниманием и отечественные производители электронной техники и программного обеспечения — такие, как «ВИСТ», «Ланит», CompuLink и Steepler.

Где-то он останавливался на две-три минуты, но за иной дверью прочно оседал, производя, насколько можно было увидеть сквозь стекло с вызолоченными буквами, какие-то обмены, расчеты, подписывая неизвестные документы. За прозрачной стенкой компании Compaq, первой в рейтинге мировых производителей, у него в руках промелькнула бумажка, очень похожая на банковский чек, но быстро исчезла в недрах бумажника, также, кстати, весьма дорогого — из бархатистой на ощупь, но очень прочной испанской кожи.

Если и был рэкет, то высшей, недосягаемой категории, так что даже мысль о том необходимо отбросить самым решительным образом: американцы звонят в полицию, а не чеки выписывают.

У штатного сотрудника службы безопасности перед оперативником в штатском есть масса преимуществ. Во-первых, ему не нужно таиться, изображая из себя невесть кого, а во-вторых, он имеет полное право задать простой, но крайне важный вопрос: «Вы знаете этого человека?»

Для охранника это так же естественно, как для дворника подметание тротуара, хоть и перевелись дворники на Москве.

Из пяти или шести полученных ответов, правдивость которых трудно подвергнуть сомнению, составилось достаточно объективное представление о загадочном юноше с тонким одухотворенным лицом и золотистыми, как у венецианских красавиц, вьющимися волосами.

Его не только хорошо знали, но и отзывались о нем с за-

видным уважением. И покупатель солидный — на мякине не проведешь, и программист редкостной интуиции, способный решать запутанные головоломки.

— Напрасно беспокоились, — заверили в «Ланите», — это же Влад! Ни одной выставки не пропустит. Крутой пацан: знает, чего хочет.

К этому моменту Гробников уже получил из ГАИ данные на машину марки BMW с номером 22-71. Она была записана на Антона Петровича Ларионова, вероятно родственника или близкого знакомого, поскольку в угоне не значилась. Логическое умозаключение вскоре подтвердилось, когда выяснилось, что фамилии совпадают.

— Господин Ларионов? Мой человек, — разоткровенничался управляющий российским филиалом Compaq. — У нас с ним контракт. Необычайно способный молодой человек. Я считаю, что нам просто повезло, хотя познакомились мы при обстоятельствах не совсем приятного свойства.

— В самом деле? Есть какой-нибудь настораживающий момент?

— Я бы так не сказал. С этой стороны вам нечего волноваться. Тут скорее российские законы виноваты, вернее, отсутствие таковых. Говорят, что правительство предпринимает меры против пиратства, но мы пока не ощущаем. И еще это... Забыл красивое русское слово, когда все freeware, gratis?

— Халява?

— Во-во! Exactly: халява! Им всего-навсего нужно переписать программы, словно у нас что-то вроде государственной библиотеки. Прелестные молодые люди. Звонят, очень вежливо спрашивают, что есть в ассортименте и сколько дискет захватить. Понимают с полуслова, приличный английский. Мы пытались бороться с халявой, но без особого успеха. Пришлось обратиться в главный офис к нашим психологам, и представьте себе — они предложили оригинальный выход. Да, очень оригинальный, в духе дзен-буддизма. И в самом деле, зачем тратить силы и деньги на заведомо бесполезную борьбу с тем, что, по сути, является образом жизни, когда можно привлечь к сотрудничеству? Я решил попробовать и предложил господину Ларионову распространять нашу продукцию. Не на халяву, конечно, и за хорошие комиссионные.

— Я видел, как он вышел от вас с чеком, и, грешным делом, заподозрил рэкет. У нас, к сожалению, такое еще водится.

— Нет-нет, все абсолютно законно и за вычетом положенного налога. Эксперимент блестяще себя оправдал, и в итоге мы имеем отличную дилерскую сеть.

Представитель корпорации Microsoft, со своей стороны,

тоже дал высокую оценку программам, написанным Ларионовым, пожалев, что не слышал его выступления на семинаре.

— В рамках выставки организован семинар по современным технологиям, где собираются интересные люди, — объяснил он. — Но на все времени не хватает. Продажа программного обеспечения подскочила на сорок процентов — только успевай. Если раньше подобные экспозиции в основном интересовали специалистов, то сегодня повалили обычные пользователи ПК[1]. Все, понимаешь, в Internet рвутся.

Оставалось лишь руками развести: Compaq, Microsoft — выше только небо.

Несмотря на то что криминалом, во всяком случае явным, и не пахло, Гробников остался чрезвычайно доволен полученными сведениями и приказал установить постоянное наблюдение.

На выставке Владик пробыл почти два часа. За это время удалось установить, что он еще школьник и ему всего шестнадцать, но паспорт и права на вождение есть, и, конечно, домашний адрес. Но поехал он не домой, на улицу Веснина, а вновь вывернул на кольцо и с явным превышением скорости рванул по направлению к трем вокзалам.

Преследование закончилось на Сретенском бульваре. Бордовая BMW, сделав круг, въехала во двор громадного умопомрачительной красоты дома с башенкой и высокими воротами каслинского литья, а затем исчезла за автоматически сомкнувшимися створками новенького подземного гаража.

— Кажется, удалось выйти на крупную птицу, — доложил на другое утро Гробников генералу Семалову, первому заместителю директора. — Ларионов Андрей Александрович, кандидат наук, между прочим. Работает на пару с младшим братом. Семейное предприятие, так сказать.

— ТОО какое-нибудь?

— Проверяем, но, откровенно говоря, сомневаюсь. По-моему, подпольный кустарь-одиночка.

— Такой-то нам и нужен! Возьмите его на чем-нибудь. Налогов наверняка не платит, незаконная торговля программным обеспечением, контрабандный товар — мало ли... В общем, если грамотно прижать, пойдет на сотрудничество.

— С вашего разрешения, я бы предпочел немного повременить. Интуиция подсказывает, что эта парочка не причастна к известным художествам. Кроме того, есть одно деликатное обстоятельство... Братцы — сыновья того самого Ларионова.

— Какого еще «того самого»?

— Александра Антоновича... из Администрации. Включен в предвыборный штаб.

---

[1] Персональный компьютер.

— Ах, так!.. Тот самый? Быстро, однако, идет в гору...

— Организовал в Internet домашние страницы первого лица. На вашингтонский манер, но, понятно, труба пониже и дым пожиже... Что будем делать, товарищ генерал?

— Что делать? Как говорил вождь и учитель, завидовать будем... Вы правильно решили. Торопиться не стоит. Понаблюдайте как следует.

— Прослушка?

— Не хочу сковывать вашу инициативу... Ну-ка, покажите мне еще раз эту сетевую продукцию. Код небось наизусть знаете?

— Минуточку, — согнувшись над клавиатурой, Гробников одним пальцем быстро отстучал адрес. Под полосой с квадратиками англоязычных команд на экране вспыхнула страница с русским текстом и фотографией в левом углу: «БОРИС ЕЛЬЦИН: БИОГРАФИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ».

— Кажется, был еще крупный план? У него в кабинете?

— Совершенно верно. Сейчас добавим Imaqes El...

— Не нужно, я помню.

— Есть и со всеми кандидатами: «Выборы президента», но это прошлогодний снег.

— Лучше дайте еще раз глянуть на саксофониста. Все они, янки, выдумали на нашу голову.

Гробников заглянул в записную книжку и произвел набор. В том же стандартном обрамлении появилось фото в овале с каллиграфической вязью.

— Что бы там ни говорили, но будущее за паутиной. Она обладает неоспоримыми преимуществами. Особенно в политической борьбе. Ведь ни один закон не распространяется. Взять хоть запрет на агитацию за день до выборов. Попробуйте распространить его на Internet, тогда как телевидение, радио, печать под контролем. Ни в одной стране, включая Штаты, не существует юридических актов, трактующих конференции или серверы в качестве средства массовой информации. Нонсенс!

— Значит, пора подсуетиться, пока у нас это дело в зародыше, чтоб, дескать, оказаться впереди планеты всей?

Гробников вежливо улыбнулся. Видя, что начальство окончательно слиняло, он с неподдельным энтузиазмом подхватил подброшенную идею, довольно-таки затасканную, но по-прежнему жгуче актуальную. В Кисельном переулке, мягко говоря, не жаловали Internet с его электронной почтой.

— Единственные виды сведений, распространение которых посредством WWW-серверов может быть реально пресечено, — это разглашение гостайны, призывы к насилию, материалы следствия и так далее. Определенная свобода действий у нас есть, но вся беда в том, что паутина экстер-

риториальна. Даже если Дума создаст мировой прецедент и примет закон об уголовной ответственности за участие в конференциях или переписку по электронной почте, представим себе такую дикую ситуацию, все равно ничего не выйдет. В день тех же выборов, когда любая агитация запрещена, любой гад из-за бугра завалит весь Internet электронными призывами и HTML прокламациями.

— «Голосуй, а то проиграешь».

— В самое яблочко! Клипы в мультимедийном варианте, компромат опять же.

— Вот именно: компромат, — со значением произнес Семалов.

Намек был яснее ясного, но Гробников предпочел отмолчаться. Коробка с полумиллионом долларов стоила мгновенной отставки всесильному Коржакову, не говоря уже про Барсукова с Сосковцом. Силовые службы трясло со страшной силой. Недаром сам собой воскрес и переосмыслился анекдот сталинских времен про трамвай, где одни — сидят, другие — трясутся. «Третьи — выходят», — родилось двусмысленное добавление после злополучной ночи.

— Все понятно, — Федор Лукич ограничился нейтральным откликом. — Разрешите идти?

«Компромат нужен всем, но когда власть слаба, его приберегают для сильной. Второй тур на носу. Суетиться себе дороже. Кадры трясутся от чистки до чистки, а большие звезды либо «выходят» сухими, либо вылетают с треском, как пробка из бутылки с шампанским».

Паутина

В последние дни сентября сразу несколько важных госучреждений Италии подверглись нападению террористов. Несмотря на столь массированный штурм, стрельбы и взрывов на улицах Рима не было — террористы из экстремистской подпольной организации «Вооруженные фаланги» произвели так называемое «информационное нападение». Опытные «взломщики» с помощью своих компьютеров проникли в закрытые электронные архивы государственных ведомств. «Информация — это власть. Мы установили полный контроль над некоторыми информационными системами» — такое компьютерное сообщение получили от «информационных террористов» редакции итальянских агентств и газет.

Сотрудники Национального института ядерной физики подтвердили, что в главном компьютере этого научного центра экстремисты также оставили послание, в котором утверждают, что установили над ним полный контроль. Представители Центрального эмиссионного банка Италии отказались комментировать сообщения о компьютерном «налете» на электронные банковские архивы, однако журналисты, попытавшиеся связаться с прежде открытой для общественного пользования базой данных ЦЭБ Италии, обнаружили, что она отключена.

Это уже не первый случай электронного теракта. В декабре прошлого года аналогичный «налет» был совершен на итальянское информационное агентство «АДН-Кронос». Тогда «Вооруженные фаланги» уничтожили информацию и программы, хранившиеся в главном компьютере агентства. В результате работа «АДН-Кронос» была в течение нескольких дней полностью парализована.

Магия

ПОТОМСТВЕННАЯ ВОРОЖЕЯ
Старинная ворожба
Предсказание
Изменение судьбы
Любовные и семейные проблемы
Снятие порчи, невезухи, защита

Интим

Супер-интим-услуги. Лучшие девушки столицы ждут Вашего звонка. Высокий уровень общения.
Восточные и европейские девушки на фоне экзотики с райскими птицами в саду. Апартаменты.

ФАЙЛ 029

И простер Моисей жезл свой на землю Египетскую; и Господь навел на сию землю восточный ветер, *продолжавшийся*

весь тот день и всю ночь. Настало утро, и восточный ветер нанес саранчу.

Исход 10:13

И сказал Господь Моисею: простри руку твою к небу, и будет тьма на земле Египетской, осязаемая тьма.

Моисей простер руку свою к небу, и была густая тьма по всей земле Египетской три дня.

Не видели друг друга и никто не вставал с места своего три дня...

Исход 10:21—23

«Доктору Павлу Б. Климовицкому.
Москва, 2-й Зачатьевский пер., д. 2, кв. 74.

Уважаемый Павел Борисович!

Согласно Вашему запросу, мы провели сравнительный анализ стихов 13 и 21—23 (Исход, глава 10) русского перевода с оригиналом Торы (Синайский, Ватиканский, Александрийский кодексы, а также «Пять книг Торы» под ред. Йосифсона. Иерусалим, 1978) и имеющимися в нашем распоряжении отрывками Кумранских свитков. Ваше предположение, что не только нашествие саранчи, но и тьма египетская тоже связана с восточным ветром, не нашло никаких подтверждений. С другой стороны, нет и утверждений противоположного характера. Таким образом, ссылкой на библейские тексты нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть гипотезу о вулканическом пепле как возможной причине египетской тьмы.

Само собой разумеется, что пепел, затмивший солнце, мог быть принесен только ветром соответствующего направления. Донные пробы, взятые в дельте Нила, выявили слои отложений вулканического происхождения толщиной 50—100 мм.

Что же касается Вашего предложения о сопоставлении возраста толщ пепла на острове Санторин и имеющихся у нас образцов материальной культуры, предположительно синхронных датам Исхода, то Иерусалимский университет готов оказать Вам в этом необходимое содействие, о чем и уведомил попечительский совет Рокфеллеровского фонда.

С уважением Ариель Бенгур,
профессор-эмиритус
Иерусалимского университета».

Нежданно-негаданно очутившись на библейской земле, Климовицкий первое время пребывал в некоторой растерянности. С полным на то основанием он мог бы считать себя русским, если бы жизнь с удивительным постоянством не напоминала, что он — еврей. Язык, с младенчества внятный, и общекультурная среда, к которой принадлежала среднестатис-

тическая семья коренных москвичей, отодвигали достаточно спорную проблему крови на задний план. По матери, Надежде Григорьевне Олейник, исторической родиной Павла вообще должна была бы стать самостийная ныне Украина, а не Израиль, где именно материнская яйцеклетка почитается определяющим фактором.

Но жизнь, повторяем, диктовала свое и распорядилась иначе. К государственному антисемитизму, прозрачно закамуфлированному под антисионизм, Климовицкий, полукровка с «пятым пунктом», с грехом пополам притерпелся, но безнаказанность откровенно нацистских выплесков последних лет пошатнула неустойчивое душевное равновесие, заставив всерьез задуматься над тем, как жить дальше. Смерть родителей и потеря работы лишь усугубили и без того тягостные сомнения.

Уехать насовсем он и боялся, и не хотел. Как ни скверно в родных палестинах, все здесь привычно, близко сердцу и памяти. Пусть не «дым отечества», но, стократно прав Пушкин, «любовь к родительским гробам» держит на привязи. Как оставить могилку под рябиной на Востряковском кладбище? А друзья? Книги?.. Поздно зубрить чужой язык, на котором все равно никогда не научишься думать. Иное дело — оторваться на пару годков, переждать смутное время, подзаработать деньжат...

Нет, как бы там ни было, но уже одна мысль о перемене гражданства бросала в дрожь. Недаром же, мотаясь с экспедициями по стране, он уже на третью неделю ощущал сосущую тоску по дому. Кузнецкий, Арбат, Парк культуры властно вторгались в тревожные сны под небом Мангышлака или Памир-Алая.

Институт ядерной геологии Павел оставил без какого-либо принуждения. Просто посчитал унизительным вкалывать за четыреста тысяч. В Америке специалисту примерно того же уровня платят раз в сорок больше, но Россия, как известно, не Америка, а предложений из-за границы не поступало. Письма, отправленные в различные страны, включая ЮАР, остались без последствий. Очевидно, транснациональные корпорации, как нефтяные, так и алмазодобывающие, обходились своими экспертами по определению геологического возраста вмещающих пород.

Не оставалось ничего иного, как подхалтуривать со счетчиком Гейгера, определяя зараженные радиоактивностью участки почвы. Работенка непыльная, но противная: чинуши из мэрии постоянно задерживали зарплату. Если бы не нувориши, желавшие убедиться в чистоте приобретенной территории, пришлось бы совсем туго.

Климовицкий научился действовать через жен — напускать на себя озабоченный вид, темнить и тянуть резину. Вместо нескольких часов, вполне достаточных для обследования любого участка, он разводил волынку дней на десять. Заставлял рыть шурфы, сгребать и вывозить абсолютно безвредный грунт. Естественно, это позволяло слупить на три-четыре сотни баксов больше. Нарвавшись однажды на заказчика, устроившего при помощи карманного дозиметра самостоятельную проверку, Климовицкий лишь саркастически улыбнулся и закатил лекцию про альфа-, бета- и гамма-излучение. С научной стороны не подкопаешься, в применении к конкретному случаю — чистейший блеф. Прыткому латифундисту вторжение в святая святых ядерной физики обошлось в копеечку. Павел Борисович заставил его раскошелиться на бульдозер, который в течение трех дней сгребал совершенно чистую землю. И это помимо самосвалов. Напрасно искать здесь мстительные мотивы — просто вынужденная самооборона. С теми, кто вежливо и исправно платил требуемую сумму, отнюдь не обременительную, он держал себя с милой обходительностью. Законы рынка заглушили робкие укоры совести, а они были, были, особенно по первой поре.

Короче говоря, кандидат технических наук и бывший завлаб не бедствовал, но сытый желудок еще острее заставлял ощущать умственный голод. Дабы не потерять окончательно врожденную тягу к познанию, требовалось срочно чем-то заполнить досуг, благо его хватало с избытком.

Еще авторы Библии не советовали зарывать талант в землю, имея, правда, в виду весовую меру драгоценных металлов. Лаборатория, которой руководил Климовицкий, накопила уникальный опыт в определении геологического возраста, так почему бы не попробовать себя на археологическом поприще? Побывав в турпоездках по Египту и Греции, Климовицкий увлекся хронологическими загадками и с отвагой неофита окунулся в совершенно неизведанный, но тем и увлекательный мир.

Открыв для себя Библию, в коей обнаружил ценнейший исторический источник, Павел Борисович всерьез задумался, «как с помощью самых современных методов подтвердить справедливость древних преданий».

Именно такую формулировку он употребил в проекте, разосланном по нескольким адресам.

Для начала предлагалось, ни больше ни меньше, установить точную дату исхода евреев из Египта, а заодно и имя фараона, при котором знаменательное и отмеченное многими чудесами событие произошло. Упор был сделан на девятой казни египетской: «...и была густая тьма по всей земле...»

Климовицкий объяснял трехдневное затмение извержением вулкана, сопровождавшимся колоссальным выбросом пепла, всячески подчеркивая свой личный опыт в исследовании изверженных пород, что, пусть и с некоторым преувеличением, соответствовало истине.

Из нескольких крупных университетов пришел вежливый отказ: постановка вопроса не нова, проблемой, притом достаточно успешно, занимаются во многих странах, не говоря уже о Греции и Израиле. Аналогичные ответы вскоре поступили и из других мест. Павел Борисович не мог не признать их полную обоснованность. Тем не менее было обидно: занимаются-то успешно, а вопрос до сих пор не решен!

Полной неожиданностью явился заказной пакет из Рокфеллеровского фонда. Для начала доктору Климовицкому предлагался грант в пятнадцать тысяч долларов. В письме даже содержалась подсказка. Поскольку точную дату Исхода определить по сей день не удалось, равно как и имени фараона (в качестве «кандидатов» конкурировали Аменхотеп III, Аменхотеп IV, Рамсес II и Мернепта), рекомендовалось сосредоточить усилия на развалинах древнего Иерихона — первого завоеванного города в земле обетованной. Отталкиваясь от этого момента, если, конечно, удастся надежно его зафиксировать, не составит труда определить отправную веху, поскольку, согласно Библии, Моисей водил свой народ по пустыне ровно сорок лет. Логика такого захода с обратного конца представлялась столь же несокрушимой, сколь и элементарной.

Климовицкий послал благодарственную телеграмму и очертя голову бросился в увлекательную авантюру. В случае неудачи он ровным счетом ничего не терял: грант, по сути, являлся подачкой. Покривив душой, он сообщил в резюме, что работает над докторской диссертацией, и, возможно, кого-то из директоров растрогал энтузиазм немолодого исследователя.

«А вообще-то, чем черт не шутит, может, и вправду получится докторская?» — В мечтах Павел Борисович уже видел себя лауреатом престижной международной премии. Пусть не Нобелевской, но достаточно значимой, чтобы о ней заговорили по всему свету.

Настала пора собираться в дорогу. О том, чтобы навсегда обосноваться в Израиле, не могло быть и речи. Опустевший родительский дом показался еще дороже, чем когда-либо прежде. Сколько бы ни продлилось подаренное судьбой приключение, он обязательно вернется сюда. Жаль, что не успел изучить хотя бы облегченный иврит: очень бы пригодилось в работе...

Климовицкий по наивности полагал, что современный иврит и есть тот древнееврейский язык, на котором написан

Ветхий Завет, или Тора, как его называют израильтяне. Он уже воображал, как будет разгадывать тексты античных подлинников. В стране, где профессионализм скорее исключение, нежели правило, умеют и любят строить иллюзорные планы, но редко идут дальше пустопорожних разговоров за бутылкой.

Климовицкий замахнулся на заоблачные высоты, и насмешница Фортуна подбросила редкостный шанс проверить крылышки в полете. Преодолевая страх, он заверил ксерокопии писем и отправился на Ордынку за израильской визой.

Не прошло и трех недель, как «Боинг-747» авиакомпании «Эль Ал» благополучно доставил его в Тель-Авив. Единственным темным облачком на горизонте стало растущее опасение, что пятнадцати тысяч может не хватить даже на начальном этапе.

Впрочем, добраться до Иерихона, отстоявшего всего в двадцати километрах к северо-востоку от Иерусалима, оказалось на удивление просто. Раскопки находились на окраине современного города, овеянного мрачной славой первой ханаанской твердыни, завоеванной Иисусом Навином с помощью Господа.

Семь дней обходили осаждающие неприступную крепость, следуя за священнослужителями, несущими ковчег завета, и в трубы неустанно трубя, пока на седьмой день не пали стены.

И вот они, эти священные камни, перед ним, залетным гостем, самозванцем по сути. Климовицкий испытывал сложное чувство восторга и удивления, граничащее с суеверным страхом. Мертвый город казался кладбищем, где захоронены боги. Одиноким надгробьем чернела затмившая свет башня. Сложенная из многотонных каменных блоков, она достигала восьмиметровой высоты и примерно столько же в основании. Снаружи к ней примыкал каменный вал, а со стороны города на верхнюю площадку выводила лестница в двадцать восемь ступеней. Остатки стены еще возвышались метра на четыре, и со дна глубокого рва циклопическая кладка производила особенно сильное впечатление.

— Та самая стена? — с благоговейным придыханием спросил Климовицкий, выковыривая, на память, каменную крошку.

— Эта? Старше на шесть тысяч лет, — снисходительно усмехнулся Ариель Бенгур. — Иерихон — самый древний город планеты. Он появился задолго до пирамид, а про Моисея и говорить не приходится. Не было ни египтян, ни нас, а ибри кочевали где-то в Месопотамии.

— Но разве ибри — не евреи? — изумился Павел Борисович, болезненно переживая пробелы образования. Разговор шел на русском, что лишний раз подчеркивало явное превосходство израильтянина.

Невзирая на синюю кипу-тюбетейку, едва прикрывавшую лысину, Ариель оказался вовсе не ортодоксом, как сперва показалось, а весьма далеким от религии человеком. Восторженность Климовицкого вызывала у него ироническую усмешку. Но на подробные объяснения он не скупился.

— Скажем лучше: не евреи позднейших времен. Буквальное значение — «перешедшие через реку» — никак нельзя отнести к Иордану. До перехода Иешуа бин Нуна — Иисуса Навина, как вы его называете, предстояло еще пересечь Евфрат. Понятие «ибри» относится ко всем потомкам праотца Авраама: израильтянам, арамеям, арабам. Одна часть племен из Верхней Месопотамии, как, например, диданы, известные еще со времен третьей династии Ура, ушла в пустыню, где смешалась с потомками Измаила, другая — моавитяне и аммонитяне — осела в Заиорданье, третья — идумеи — поселилась к югу от Мертвого моря. Постепенно они забыли о прежней родине, перестали считать себя «заречными», и название ибри осталось только за одной группой племен из колена Иакова, которая, прежде чем осесть, дольше прочих странствовала по свету.

— И они в конце концов поселились в Гошеме, на землях фараона к востоку от Дельты? Археология и египетские источники полностью подтверждают предание, — как все дилетанты, Климовицкий не ведал сомнений.

— Полностью никакое предание подтвердить невозможно, но кое-что действительно совпадает. Раскопаны два города, упоминаемые в Торе. Они действительно основаны при Рамсесе Втором, а знаки семисвечника, высеченные в камне, бесспорно, оставлены нашими предками... Хотите сразу перепрыгнуть через тысячелетия и очутиться в Иерихоне Библейском?

Павел чуть было не закричал: «Хочу!» Хватило ума сделать вид, что самый древний город волнует его ничуть не меньше.

— Стены, конечно, не сохранились?

— Вы же постоянно ссылаетесь на Писание, не так ли? Коли сказано «пали», так и должны пасть... Лежат плашмя — сами убедитесь. Не принимайте на свой счет, но уж если решились взвалить на плечи такой груз, то лучше руководствоваться первоисточником, а не переводом — русским, английским, каким бы то ни было.

— Увы, — Климовицкий развел руками, — чего не дано, того не дано. Буду каждый раз справляться у специалистов, — он принципиально игнорировал подковырки Бенгура. Уж одно то, что такой специалист согласился сопровождать его в первой поездке, было редкой удачей. —Ваша щедрая помощь, господин Ариель, преисполнила меня смелости. Искренне надеюсь, что мне и в дальнейшем не изменит везение. В конце

концов, я только технический специалист. Просто хочется понимать задачу в максимальном, так сказать, приближении... Насколько знания позволяют.

— У нас не приняты церемонные обращения. Все мы на «ты» друг с другом. Можешь называть меня Ари.

Климовицкий понял, что знаменитый археолог зачислил его в подмастерья.

— Глубокий все-таки ров! — задрав голову, он еще раз взглянул на страшную башню, торчавшую исполинским клыком. Солнце, клонясь долу, било в глаза, и она казалась почти черной. Звенели цикады, под ногами похрустывали иссушенные жарой колючки и перемолотые жерновами времени черепки. — Метра три будет?

— Чуть меньше, а ширина свыше восьми, — в голосе Ариеля дрогнула горделивая струнка. — Ров не вырублен, как могло показаться: у жителей не было подходящих орудий. Скорее всего, грунт калили сильным огнем, а затем поливали водой. Титанический труд.

— Как египтяне гранит! Я видел в Асуане начатый обелиск.

— Побывал в Египте? Похвально... Но не следует забывать о разнице в шесть тысяч лет. Здесь, где мы сейчас стоим, зародилась городская цивилизация... Ров наполнялся водой из источника, за который наверняка приходилось вести борьбу с соседними племенами. Отсюда крепостные сооружения... Возле башни, там за стеной, мы обнаружили обширный бассейн. Вероятно, в него по каналу поступала дождевая вода, которую запасали на случай осады. — Бенгур жестом предложил подняться на стену. — Я вижу, ты даже не потрудился сосчитать ступени, — справившись с одышкой, упрекнул он.

— Это важно?

— А как ты думаешь? Азы науки. Числа священны: в них запечатлено знание. Что, по-твоему, может означать двадцать восемь? Это продолжительность лунного месяца и, соответственно, менструального цикла женщины. О чем это говорит? — В разговорной манере Бенгура явственно ощущалась раввинистическая традиция. За риторическим вопросом без малейшего промедления следовал короткий ответ. — О том, что в древнем Иерихоне поклонялись лунным богам, возможно, богине плодородия, женщине-прародительнице. Сколько будет семью четыре? Двадцать восемь. Четыре семидневных недели как раз и составят месяц. У нас под ногами не просто ступени — дни. Это лестница-календарь. Его нам подарила Луна — лунные фазы. На всякий случай запомни хотя бы название — Лавана. Священное имя «светила меньшего для управления ночью», как о том сказано в Бытии. По Луне определяли времена года, праздники и месяцы. Весь древний календарь со-

образуется с фазами. Пасха и праздник кущей всегда отмечены полнолунием.

— По-латыни месяц, кажется, мензис, от слова «измерять»? — робко заметил Климовицкий, переживая собственную несостоятельность.

«По Сеньке и шапка. И зачем я это затеял? — Захотелось все бросить и первым же рейсом бежать в родную Москву. — Крепись, Пал Борисыч, мы им еще покажем», — крепился он из последних сил, но показывать было нечего. Душу муторило предчувствие полного краха.

— Правильно, — как нельзя вовремя из уст Бенгура прозвучало одобрительное слово. — Отсюда и мензурка — склянка с делениями. Египтяне, сирийцы, финикияне, вавилоняне — все обожествляли Луну. Пророк Иеремия укорял и наших предков за этот языческий грех.

— А Солнце?

— Шемеш хама — «большое светило»! Бог создал его для управления днем. Как поется в Псалмах, оно женихом выходит из брачного чертога своего. Всякая тварь радуется Солнцу. Все народы поклонялись ему. Сам Господь уподобляется Солнцу, «Солнцу Правды»... В Торе упоминаются два чудесных случая, связанные с ходом дневного светила: продление дня в Гаваоне, когда это потребовалось Иисусу Навину, и знамение на ступенях Ахазовых, когда тень возвратилась назад на четыре ступени...

— Смотри! — почти с суеверным испугом вскрикнул Климовицкий. — Тень как раз на десятой ступени!

Израильтянин обернулся и, насупив седеющие брови, взглянул вниз. Сгустившийся под стеной сумрак косым крылом наползал на лестницу, как будто следовал по пятам. Глубина раскопа тонула в непроницаемой мгле, стушевавшей до неразличимости слои укреплений. Разбухший пузырь, багровея по нижней окрайке, купался в горячих волнах тумана, а на другом конце горизонта проявлялась рожками вверх ладья бледного, как огуречное семечко, месяца.

— В нашем распоряжении час, не более, — Ариель, взмахнув рукой, предложил спуститься. — Докерамический период, — он огладил шероховатую поверхность грубо отесанных блоков. — Мы продвинулись сразу на тысячу лет, — пояснил, оказавшись внизу между двумя отвесами раскопанной толщи. — Седьмое тысячелетие, слой В — тоже еще до керамики, — указал на прямоугольник кирпичной кладки, от которого пунктиром отходили вмурованные в окаменевшее дно остатки какого-то сооружения.

— Что тут было?

— Точно не известно. Возможно, храм. Или гробница вож-

дя. Нашли лепную голову с раковинами в глазницах и недалеко от нее — череп, залитый гипсом. Своего рода попытка восстановить портретные черты усопшего. Вызов, брошенный смерти. Остальное не представляет особого интереса: фигурки из глины, кремниевые топоры, рубила, наконечники копий — как везде... Находки черепов определенно свидетельствуют о существовании культа предков. В нескольких местах обнаружено по три черепа, лежащих рядом, и образованный ими круг лицевой стороной внутрь.

— Это что-то означает?

— Наверняка, но что именно?.. За восемь тысячелетий сменилось столько народов и цивилизаций! Ой-ёй-ёй! Я не знаю, — Бенгур скептически хмыкнул. — Древние верили в жизненную силу, которая сосредоточена в голове. Поди угадай, какой в точности культ черепа. Кое-какую подсказку могут дать этнографические материалы из Меланезии. Логика человеческой эволюции всюду одна. В Тасмании трупы хоронили или сжигали, а головы сохраняли в укромном месте, на островах Адмиралтейства — прямо в доме, на Малаите подобной чести удостаивались только вожди и жрецы, а на Буине сберегали лишь черепа убитых врагов... Словом, годится любой вариант. Тем более что тут лежат, один над другим, двадцать два строительных слоя. О чем это говорит? О том, что на месте разрушенного строения всякий раз воздвигалось новое. Дом из сырцового кирпича в среднем живет полвека. Двадцать один раз по пятьдесят — это тысяча лет! Радиоуглерод дает возраст верхнего слоя — семь тысяч лет. За первое тысячелетие груды обломков постепенно засыпали стены и башню, хотя их трижды надстраивали. Погружаясь в щебень, оборонительные сооружения понемногу утрачивали былую неприступность, облегчая осаждающим доступ внутрь крепости. В первом веке седьмого тысячелетия сюда проникли завоеватели, пришедшие с севера. Сохранились следы штурма: разрушения и одиннадцать скелетов на лестнице, ведущей к башне.

— Завидую, Ариель! Для тебя археология как открытая книга.

— Она и есть открытая книга, но основательно подпорченная временем. Всегда не хватает самых важных страниц. Одно можно с уверенностью утверждать: победители возводили новые стены и башни... Иерихон издавна вел обширную торговлю с Анатолией, тоже центром синхронной культуры. Оттуда привозились столь необходимые орудия из обсидиана: ножи, бритвы и другие режущие орудия. В частности, хирургические инструменты для трепанации черепа.

— Неужели умели делать такие сложные операции?

— Умели. Как в Иерихоне, так и в Анатолии. Возраст до-

керамического поселения Хасилар датируется по радиоуглероду началом того же седьмого тысячелетия. Интересно, что и здесь и там храмы имели прямоугольную форму с бассейном в центре и каменным столбом у задней стены. Такие столбы посвящались божествам. В Петре, например, они символизировали материнское начало. «Ты родил меня», — взывают к камню прислужники идола у пророка Иеремии. Создатели одного из иерихонских святилищ предвосхитили архитектуру мегарона Микен и Крита. Позади колоннады открывается передний зал, за которым находится основное помещение с опорой на двух столбах из вулканического камня. Глиняные скульптуры мужчины, женщины и ребенка довольно примитивны, но это древнейшая культовая Троица. По-видимому, она олицетворяла идею плодородия, так как вокруг храма выкопали множество статуэток быков, козлов и баранов.

— Культ быка?! — обрадовался Климовицкий. — Как на Крите, в Египте?

— Разве что в самом зачатке? Поклонение тельцу — это уже библейские треволнения. Одомашнивание крупного рогатого скота возвело человека на качественно иную ступень. Теперь он мог обрабатывать значительно больше земли и перевозить тяжести раз в пятьдесят большие... Нежданной удачей стала находка глиняной печатки с рисунком спирали. До сих пор печати считались прерогативой развитых восточных культур. Очевидно, социальное неравенство возникло уже на ранней стадии.

— Спираль! Знак космической эволюции, бесконечный путь к совершенству, — постарался блеснуть Климовицкий.

— По нашим понятиям. На заре человечества символ мог иметь иное значение. У нас есть трепанированный череп со спиралевидным узором вокруг теменного отверстия. Иди догадайся, с чем это связано... И еще любопытный момент! В детских могилах черепа всегда на месте, тогда как скелеты юношей обезглавлены. Очевидно, умершие уже прошли обряд посвящения.

— В мистерии?

— В возрастную группу, в полноправную взрослую жизнь... Но ты не так уж далек от истины. Поклонение производительной силе природы, лунному циклу не могло не затронуть быка, чьи рога похожи на месяц. В Исходе читаем: «Когда сходил Моисей с горы Синая, и две скрижали откровения были в руке у Моисея при сошествии его с горы, то Моисей не знал, что лицо его стало сиять лучами...» Так в вашем переводе?

— Совершенно верно, — подтвердил Павел Борисович, хотя не помнил дословно ни одного стиха.

— В том-то и суть, что здесь вкралась неточность. Слово qaran вольно переведено как «сияло», тогда как qrn означает всего-навсего рог. Моисей не знал, что у него рога! В латинской Вульгате переводится прямо: рога. В мистериях жрец перевоплощался в своего бога, будь то Астерий или Апис. Библия явственно намекает на пережиток древнего культа тельца. Микеланджело так и изваял Моисея в мраморе с парой рожек, символизирующих божественное сияние. И Александра Македонского, сына Зевса-Амона, прозывали двурогим. Наконец, эпитет «бык» применяется к самому Яхве, как сказано в Бытии. Все пастушеские народы обожествляли быка, о чем наглядно свидетельствуют композиция и орнаменты храмов. Судя по находкам в Анатолии, нечто подобное было и здесь, в Иерихоне...

Ветер, налетевший с далеких Ливанских нагорий, дохнул снежной прохладой. Приплюснутый солнечный шар, погасив лучи в сизой дымке, остывал в переливах вишневого накала, и лишь в самой его середине еще дрожало расплавленное золото отгоравшего дня.

Пресмыкаясь, как змеи из бездны, длинные полосы мрака протянулись вдоль всего археологического полигона, слившись в сплошную массу возле башни, и каменная россыпь ее уродливого горба, и лунная лестница пропали для глаза. Фиолетовая даль, серебрящаяся словно иней, смазала резкие очертания развороченной ямы тысячелетий, и вмятые в утрамбованный грунт черепки вспыхнули, ловя ускользающий свет, и замерцали в таинственной глубине, перемоловшей века и жизни.

— Что там сверкает? — проникаясь неизъяснимой тревогой, спросил Климовицкий.

— Где?.. Ах, это! Глазурованные осколки, стекло.

— Стекло? Керамика? Откуда?

— Так всегда происходит после окончания работ. Просеянный грунт сваливают в кучи, и все перемешивается в неразличимый прах. Запечатанное в стратах время улетучивается, как хлороформ из открытой бутылки.

— Странное, однако, сравнение.

— Я так не думаю. Свежевскрытый слой навевает наркотический сон. Тебе начинает казаться... Словом, иногда происходят странные вещи. К счастью, это быстро проходит. С первой находкой просыпаешься и берешься за работу. Я хорошо представляю себе, что должен был чувствовать Картер, когда проломил стену погребальной камеры Тутанхамона, откуда вырвался запечатанный воздух. Непередаваемый сумасшедший запах *того* времени! Аромат предметов и благовоний, опущенных в могилу три с половиной тысячи лет назад... Ужас!

— Как джинн из кувшина, вместе с таинственными микробами, убившими и Картера, и Карнарвона. Все, кто работал в гробнице, погибли загадочной смертью.

— Смерть вообще сплошная загадка. Все в конце концов умирают... Пойдем дальше?

Над обширным гласисом — открытым глиняным склоном ниже внешнего вала, где на захватчиков обрушивался каменный град, медленно кружила стая черных птиц. Словно поджидала добычу, которая, заплутав в лабиринтах вечности, когда-нибудь непременно придет.

— Вот и они, — сказал Бенгур, наступив на ноздреватую глыбу, откатившуюся от развала полегшей стены. — Рухнули, как карточный домик.

— От трубного рева?

— Землетрясение — единственно разумное объяснение. Легендарные стены обнаружил Гарстанг в ходе первых раскопок[1], но я сомневаюсь в точности датировки. На мой взгляд, они значительно старше.

— Я бы мог уточнить.

— Задача не столь проста, как кажется. Есть определенные трудности, однако попробовать стоит. Здесь, — Бенгур показал на овальное углубление, — вскрыли первое нетронутое погребение. Артефакты оказались на диво целехоньки: плетеные корзины, терракотовые сосуды, бронза, слоновая кость. Позднебронзовый век, к сожалению, оставил мало следов, а ведь это время Иисуса Навина. В Торе сказано, что на того, кто вновь отстроит город, будет наложено проклятие. Надо понимать — не отстроит, а укрепит. Так поступали всегда, уничтожая цитадели противника. А жизнь продолжалась и после взятия Иерихона. Здешние земли исключительно плодоносны. На них росли и продолжают расти маслины, прекрасные розы и пальмы. Недаром Иерихон называли «Городом пальм». Ирод Великий превратил его в подлинную жемчужину. Царский дворец вызывал зависть даже у римлян... В Массаде нашли непочатую амфору с печатью Ирода.

— В той самой Массаде, где осажденные покончили с собой?

— В страшной Массаде, которая предпочла смерть позорному плену. Горную крепость возвели на пути из Египта, опасаясь нападения Клеопатры.

— Вино в амфоре сохранилось?

— Умерло, как умирает все под солнцем. Так вот, Ирод был другом Антония. В честь него он назвал башню в Иерусалиме. История — единый поток, в котором нераздельно сплетаются

---

[1] 1907—1909 гг.

струи. Косвенным подтверждением Исхода могут служить египетские скарабеи с магическими заклинаниями. Как они попали сюда? Не знаю... Для кого память о плене, для кого — амулет. Через Иерихон проходил вывоз бальзама, и римляне поставили таможню. И Христос оставил по себе память, исцелив двух слепых. Он крестился на Иордане в том самом месте, где переправлялся Навин. Это в десяти километрах отсюда.

— Я бы хотел побывать там.

— Почему нет? Завтра, послезавтра? За рекой простирается Моавская равнина, и один Бог знает, какие тайны скрываются под землей...

Климовицкий не мог отвести взгляда от развалин. «И обрушились стены до основания», — беззвучно шептали губы. Двойная стена, разделенная пятиметровым проходом, лежала прерывистой лентой. Наружная свалилась в овраг, потянув за собой внутреннюю, вместе с соединяющей их жилой надстройкой. Устоял, как и сказали, только крепкий фундамент. Повсюду виднелись вмурованные в окаменевшую глину угольки. Встав на колени, он принялся выковыривать их ключом от номера в отеле «Царь Давид».

— Зачем? — удивился Бенгур. — Этого добра мы сможем предоставить в избытке.

— Нет сил удержаться. Обугленное дерево — мой хлеб.

— Не стоит труда. Все радиоуглеродные анализы давно проделаны. Сроки совпадают: четырнадцатый век до новой эры.

— Лишний раз не повредит. Хотя бы ради проверки точности методик... А где жила Раав? — Павел Борисович вновь убедился в правоте библейских источников. Дом блудницы, приютившей лазутчиков Иисуса Навина, находился «в стене» и, следовательно, должен был стоять на перемычке. Где же еще? Раав вместе со всеми домочадцами вывели из обреченного города и, надо полагать, пощадили ее жилище. — Не там ли? — Он на цыпочках, словно боясь потревожить чей-то мертвый покой, приблизился к бесформенной груде, поросшей колючей травой.

— Я, кажется, говорил, что дома из сырцового кирпича живут не более полувека? Бесполезно искать, ибо сказано: «А город и все, что в нем, сожгли огнем».

— Только не дом Раав, — с упорством дилетанта Климовицкий цеплялся за свою идею. — Она не выдала соглядатаев, и ее пощадили.

— Верно. Ей суждено было стать женой Салмона и праматерью Иисуса Христа. И что отсюда следует? Ровным счетом ничего. Буквальное прочтение никуда не выведет. Землетрясение — вот основная причина. Отсюда и заклятие, и, якобы, поголовное уничтожение, и огонь. Почему Навин не разрешил

ничего взять из Иерихона? Ни золота, ни иных сокровищ? Не позволило землетрясение, в коем видели небесную кару. Уверяю тебя, что вместе с Раав из города вышли и другие уцелевшие жители. Очаги пожара выявлены далеко не везде. О планомерном уничтожении говорить не приходится.

Они поднялись еще на несколько метров, а затем по дощатым мосткам спустились в ров, косо уходящий под прямоугольный контур фундамента, на котором мог стоять как храм, так и лупанарий.

Солнце еще держалось над горизонтом узким, обсосанным, как леденец, сегментом и света вполне хватало, чтобы разглядеть четко обозначенные слои угля и золы. В самом нижнем гарь была обильно перемешана с мусором. В ямах, заполненных белой золой, выделялась прослойка красного кирпича. В конце раскопа открывался узкий лаз, круто уходящий то ли в подвал, то ли в погребальное помещение.

— Потерпи до завтра, — Ариель остановил Климовицкого, вознамерившегося пролезть в зияющий провал. — Не долго и ноги переломать.

— Нельзя взять фонарь у охранников?

— Не все сразу. Тем более что, кроме пустых кувшинов, типа греческих пифосов, там ничего не найдешь. Все давно размещено по музеям.

— А что было?

— Обширные кладовые с обильным запасом провианта: пшеница, ячмень, чечевица, фисташки, финики. Сам увидишь. Конечно, порядком обуглилось, но разобрать, где что, можно. Содержание С-14 дает возраст тысячу четыреста лет до новой эры, плюс-минус пятьдесят.

— Я смогу проделать контрольное определение?

— Безусловно. У нас лучшая в мире лаборатория, одна из лучших. На пару-другую зернышек не обеднеем. И так добрую половину раздали — Нью-Йорк, Париж, Лондон... На сенсацию не рассчитывай. Все уже сказано: библейская дата в пределах точности подтверждается. Дело теперь за критским пеплом. Если сумеешь доказать, что он на сорок лет старше, считай, что схватил за крыло Фортуну.

— Очень тесный люфт.

— Именно. Отклонение не должно превышать пяти, в крайнем случае десяти лет.

— Я попробую, Ариель, у меня должно получиться. А после сразу на Крит!

— Надеешься отыскать мифический лабиринт? Его не было.

— Так считают, но я не верю... В Иерихоне существовал культ змей?

— Доказательств нет, но наверное. Где Лунная богиня, там и змея. Израильтяне — не исключение. Возьмем хоть Медного змия, воздвигнутого повелением Моисея... В Бет-Шемеше, между прочим, найден ритуальный сосуд со змеями египетского происхождения; эпоха Аменхотепов.

— Вроде бы и ушли из Египта, а забыть не смогли. То Медным змием, то золотым тельцом о себе напомнит.

— Как думаешь, почему Моисей водил нас сорок лет по пустыне?

— Ждал, пока подрастет новое поколение, не знавшее рабства.

— Распространенная точка зрения. Только на мой взгляд, он искал единственное на Ближнем Востоке место, где нет запасов нефти.

— Это что, юмор? — недоверчиво улыбнулся Павел Борисович.

— Если бы!.. Печальная действительность... Полагаю, на сегодня достаточно. Поужинаем в русском ресторане.

— Я бы предпочел кошерную пищу, хотя бы ради эксперимента.

— Неужели ни разу не пробовал?

— Представь себе. Стыдно, но факт.

— Чего стыдиться?.. Кошер никуда не уйдет. — Бенгур вынул карманные часы. — На все про все у нас два часа. Можем сделать небольшой крюк и почтить развалины Гаваона. Какникак второй город, взятый Навином. Сохранился один водный резервуар, упомянутый во Второй книге Царств.

— Не знаю, как и благодарить тебя, Ариель! По слову Иисуса Навина солнце остановилось над Гаваоном и луна над долиною Авиалонскою, пока он сражался с врагами... Хотелось бы знать, как ты объяснишь этот, уже совершенно мистический, факт?

— Думаю, он связан с потерей одного календарного дня, ибо говорится в Писании: «И не было такого дня ни прежде, ни после того...»

— В самом деле? — Климовицкий даже вздрогнул от изумления, настолько парадоксальным показался ему ответ. По лицу Бенгура нельзя было различить, говорит ли он всерьез или шутит. Его юмор бил, что называется, наотмашь. Это ж надо: Моисей и нефтяные месторождения! — Я понимаю: Колумб! — попытался возразить Павел Борисович после долгого размышления. — Он пересек все мыслимые часовые пояса, но Навин? Как он мог потерять день, стоя под Гаваоном?

— Не он. Сколько веков минуло, прежде чем была записана Тора? Четыре-пять как минимум. Могла понадобиться поправка, которую и потребовалось оправдать в доходчивой

форме. Не забудь, что календарь в древнем мире находился в руках высшего жречества... Перед нами стоит непосильная задача — свести концы с концами легендарных времен. Смотри сам: выход из Египта — начальная точка отсчета. Она приурочена к пятнадцатому дню первого месяца. Это авив, или нисан, то есть апрель. Смерть Моисея пришлась на первый день одиннадцатого месяца февраля-шевиота сорокового года. Переход Навина через Иордан —четырнадцатый день авива сорок первого года. При нынешней степени точности датировок один день ничего не значит, но и о нем не следует забывать. Строго говоря, Тора-Пятикнижие заканчивается Второзаконием — Пятой книгой Моисея. Шестая — книга Иисуса Навина — была добавлена позднее. Канон формировался на протяжении пяти веков, о чем, собственно, и свидетельствует появление названия Шестикнижие.

Климовицкий отметил, что Ариель впервые заговорил об их общей задаче, и это его обрадовало, но краткий подъем духа быстро сменился упадком. Он не знал и сотой доли того, о чем с такой спокойной уверенностью, так легко и непринужденно рассуждал израильский профессор.

— Вы верите, что Навин действительно существовал? — спросил он, переходя на «вы».

— Если, как выяснилось, Гильгамеш, живший в двадцать третьем столетии, историческое лицо, то какие основания отказать в этом Иисусу Навину? Он почти на тысячу лет моложе шумерского эпического героя. Среди табличек царского архива в Тель-эль-Амарне найдено донесение фараонова ставленника в Израиле. «Спроси Вениамина, спроси Тадуа, спроси Иисуса Навина», — написано там ассиро-вавилонской клинописью. Источники подтверждают. Найти имя — все равно, что найти человека.

— Можно не совсем деликатный вопрос? Я видел голливудский боевик «Бен Гур»... Это как-то связано с вами?

— Неплохой фильм, мне понравился. Тот Бен Гур никогда не существовал. Чистый вымысел. Что же до меня, то я пока существую и знаю свою родословную до далеких прапрадедов. Наше имя простое — Лев. Царь зверей тоже когда-то считался богом.

К руинам Гаваона, где царю Соломону Бог явился во сне, подъехали, когда заросший тростником пруд пылал сукровицей заката. «...И засели те на одной стороне пруда, а эти на другой стороне пруда... Они схватили друг друга за голову и вонзили мечи один другому в бок, и пали вместе. И было названо это место Халкаф-Ханнурим, что в Гаваоне».

И помнило небо и светила на нем, и помнили воды. Превращались в прах хижины и дворцы, превращались в прах нищие, цари и пророки, и прах смешивался с прахом, но ни-

чего не менялось под небом, опрокинутым в зеркале вод, под бездонным куполом, подожженным зарей. Они умирали вместе, вонзив друг в друга мечи, беспредельная высота и бездонная глубь.

— Не пруд, а болото, — вздохнул Бенгур.

ФАЙЛ 030

Из гаража Владик поднялся в подвал, где обосновались риэлторская контора, парфюмерный киоск и книжный склад издательства «Лепта». Через дверь, запертую на магнитный замок, отсюда можно было пройти прямо к лифту.

— Сколько наварил? — спросил Андрей, с интересом наблюдая за братом. Бросив курточку на диван, Владик выложил из сумки аппаратуру и пакетики с микросхемами.

— Особенно не считал, но твоих, думаю, тыщи на три наберется, — сказал он, застегнув опустевшую сумку.

— А твоих?

— Мои — это мои, твои — твои.

— Хорошо отвечаешь старшему брату! Как сказал бородатый основоположник, буржуазия свела отношения в семье к чисто денежным?.. Я бы не хотел, чтобы так было у нас.

— И я бы не хотел, но деньги есть деньги. Четко и без эмоций. Мое заработано честно, и оно мое.

— Не сомневаюсь. И даже в мыслях не претендую.

— Знаю и ценю.

— Будем считать, что инцидент исчерпан. Но любовная лодка не разбилась о быт? Можно личный вопрос?

— Естественно.

— У тебя есть женщина? Девочка?

— Почему тебя это интересует?

— Случайно записались твои виртуальные приключения. Сам собрал шлем с прибамбасами?

— Окно в «Playboy Electronics». Согласно схеме.

— Видео-аудио — это я еще понимаю. А на тактильном уровне? Рецепторы?

Владик угрюмо потупился.

— Чего молчишь? Думаешь, фантомы Мишель Морган или Ширли Маклейн заменят тебе живую... Да что там говорить! Последняя шлюха с Трех Вокзалов в сто раз лучше. С твоими возможностями ты можешь иметь любую!

— Мне неприятен этот разговор.

— Думаешь, мне приятен?.. Хочу предостеречь, братик. Ты играешь с огнем. Это даже не призраки, это суккубы... Может скверно кончиться. Душевным расстройством, как пить.

— Брось. Ты сам рискуешь... преждевременно состариться. Полистай-ка дедовы книжки: чего только не писали о вреде онанизма! Оказалось, ничего подобного. Даже полезно.

— Не надо паясничать.

— У шнурков поднабрался? У папочки?.. Если хочешь знать, телки внушают мне отвращение. Я брезглив, понимаешь?

— У нас разные понятия о чистоплотности. Опомнись, пока не зашло слишком далеко.

— Далеко? А я стараюсь побольше дома сидеть. На улицу выходить противно. Грязь, вонь, мерзость! Одни эти Митенки чего стоят! Блевать хочется... Ты помнишь Зубренка? Алешку Зуброва, который у меня на дне рождения люстру по пьянке раскокал?

— Расплывчато, но, допустим.

— Так вот, у него ВИЧ-инфекция. Врубился?.. И неизвестно, от кого. Может, от соседки по парте, хотя на такую мымру вряд ли кто польстится. Такие дела... Ленчик еще в восьмом классе триппер поймал. Но что триппер? Гусарский насморк.

— Не преувеличивай. Риск есть, но в терпимых пределах. До эпидемии СПИДа у нас пока не дошло... Попробуй хоть раз, по-настоящему, а там уж будешь решать. Ладно? При вдумчивом подходе риск в пределе стремится к нулю. Верь мне. Если позволишь, я посодействую. С гарантией.

— Не хо-чу, — отчеканил Владик. — И давай закончим.

— Как скажешь, командир, как скажешь.

— А то, что *случайно* записалось, сотри.

— Уже стер, не беспокойся, но что однажды запуталось в паутине, застревает навечно. Сам знаешь... Так сколько, говоришь, получилось моих? — сдался Андрей, переменив тему. — Три?

— Под три куска, может, чуть больше.

— Не важно. Окажешь дружескую услугу?

— Смотря какую.

— Вложи все в красивый конвертик и преподнеси от нас с тобой тете Тиде. Можно вместе с духами: «Poison» или «Magie noire». У нее именины седьмого.

— День рождения.

— Один хрен. Сделаешь?

— Сам не можешь?

— Мог бы — не спрашивал. Сделаешь?!

— Рад служить.

— Отлично! «Служить бы рад, прислуживаться — тоже». За мной не пропадет... Ты не особенно торопишься?

— Нет.

— Тогда займись чем-нибудь, а я ненадолго к деду слетаю. Душа не на месте. Два раза звонил — не отвечает.

— Не слышит он, не волнуйся. Хочешь, вместе смотаемся?

— Зачем? Я мигом. Ты только дождись меня. Есть разговор и пообедаем вместе.

— Лады. Поиграю с твоим хозяйством?..

— Будьте как дома. Видел новый сканер?

— Класс! Я себе такой же заделаю.

Антон Петрович спал в качалке с раскрытой книгой в руках. Заложив ногу на ногу и не удосужившись снять очки, он безмятежно похрапывал и, судя по легкой улыбке, видел приятные сны.

Подняв с ковра сползший плед, Андрей бережно укутал остро выступающие под пижамой колени. Затем прошел в свою комнату и включил принтер. Пока перепечатывалась записанная в автоматическом режиме почта, заглянул в кухню. Найдя в холодильнике банку паштета из гусиной печенки, намазал бутерброды. Черствый хлеб с успехом заменил тосты.

Дед сильно сдал за последний год. Президентские выборы его совсем доконали. Остался верен себе. При одной мысли о возврате на круги своя впадал в ярость. И сам не жил, и другим не давал.

Антон Петрович рассказывал внуку странные, чтобы не сказать опасные, сказки. Казалось бы, восьмилетнему хлопцу не пристало забивать голову баснями о волшебной стране, в которой жили совершенно особенные люди, которые только и делали, что изничтожали друг друга, становясь от этого крепче и несгибаемей. Добро бы еще, если бы сказ шел про Атлантиду, но, увы, окруженное стальной стеной государство мало походило на мифический остров древнего мудреца Платона.

— И все-то было у них стальное, — повествовал глава ларионовского рода, заимствуя примеры из песен далекого детства, по-прежнему звучавших по радио. Порой он слегка перевирал отдельные слова, но не намеренно, а по слабости памяти, на которую, впрочем, не жаловался. Хронологические даты, параметры культурных слоев, названия вымерших животных — тут он ни разу не сбился. — Да, мой мужественный Андреос, ибо и сами они были сделаны из закаленной стали. И книги, по которым учились их дети, повествовали все об одном: «Как закалялась сталь», «Сталь и шлак», «Сталевары». Замечательные книги! Намного интереснее «Робинзона Крузо» и «Трех мушкетеров». Можешь мне верить — я читал кое-какие отрывки на клочках папирусов, найденных в горизонте, датируемом первым веком. Надо сказать, что и летоисчисле-

ние у них было особенное, отличное от других, хотя и тут не обошлось без предшественников...

— А кто такие предшественники? — интересовался любознательный Андрейка. — Такие путешественники?

— В какой-то мере, в какой-то мере... Они путешествовали во времени, уничтожая прошлое и настоящее во имя далекого будущего.

— И тоже были из стали?

— Не такой закаленной. История отвела им слишком короткий срок. Зато это новое племя могучих богов ни в чем не знало сомнений. «Нам даны стальные руки-крылья, — говорили они и взлетали все выше и выше, куда не добирались ни Фаэтон, ни Икар. — А вместо сердца пламенный мотор», — и это тоже чистая правда.

— Роботы, что ли?

— Я бы сказал: киборги — гибриды машины и человека... «На битву стальными рядами, железная поступь тверда» — сурово и гордо гремел их боевой клич. Они часто воевали и постоянно готовили себя к последнему бою, чтобы, завоевав окончательную победу, все, как один, пасть на поле брани.

— Так не бывает, деда! — смеялся Андрей. — Победители не могут погибнуть. Если героя убьют, то его хоронят с салютом, а раненых лечат и награждают!

— Ты совершенно прав, Андреос. В конечном итоге они побеждали, но ценой непомерных жертв, и чем больше оказывалось погибших, тем яростней закалялась сталь. «И, как один, умрем в борьбе за это» — звучал победный призыв.

— Как индейцы!

— Индейцам, гуронам и ирокезам было далеко до них. Чингачгук — Великий Змей, невзирая на беззаветное мужество и стойкость, все же оставался человеком из плоти и крови, а их вожди сумели преодолеть в себе все человеческое. Самый главный даже кличку такую имел — Сталь, а первый охранник неприступной стены — Железо. Железным называли его, и он оправдывал почетное звание.

Броненосцы, самолеты, паровозы — любые машины из железа и стали носили имена великих вождей необъятной страны-крепости. Ее называли еще страной самолетов и песен. Ах, какие это были чудесные, преисполненные ликования песни! Стальные люди славили своих вождей, свою замечательную страну, в которой всем так счастливо и радостно живется, особенно детям. И дети гордились великой державой, раскинувшейся от моря до моря, мечтая поскорее вырасти и стать доблестными защитниками стены, над которой вечно хмуро ходили тучи, гремел гром и блистали молнии. Там кончался светлый и радостный мир, а вокруг простирался мрак, в кото-

ром затаились враги. Жестокие битвы бушевали по обе стороны. Уничтожать приходилось не только врагов, но и своих, которые, по мнению вождей, не сумели достаточно закалиться, чтобы дать надлежащий отпор всякому, кто попытается перелезть через стену.

Дети очень любили своих вождей, бойцов и командиров. «Пусть пройдет немного дней, — говорили они, — и мы защитниками станем славной родины своей». Дескать, попробуй нас сломать, подлый враг, мы зададим такого жару, что своих не узнаешь.

Служба на границе была самой заветной мечтой. «Нерушимой стеной обороны стальной сокрушим, уничтожим врага», — клялись бойцы на дальнем пограничье, а прекрасные девушки слали им письма с наказом беречь родную землю. «Если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов», — напутствовали матери сыновей, уходивших в военные лагеря, где сталь получала добавочную броневую закалку. К труду и обороне готовились всюду и везде. Не только бойцы, но и рабочие, создававшие стальные машины, постоянно тренировались в стрельбе и метании гранат. Когда же военные игры неожиданно перерастали в настоящую битву, то и женщины брали в руки оружие. И еще краше становились лица прекрасных девушек, сурово насупивших брови. Женихи шли на одну сторону неприступной стены, невесты — на другую. Расставаясь, они желали друг другу: «Если смерти, то мгновенной, если раны — небольшой».

— Это сказка? — наморщив умненький лобик, недоверчиво улыбался Андрей. Он проводил одному ему ведомые сопоставления, смутно о чем-то догадываясь, прежде чем проросли оброненные семена и стал виден колер раскрывшегося цветка.

— Сказка ложь, да в ней намек, — лукаво улыбался дед.

Пушкина впервые раскрыла перед ним тетя Тида, ставшая как бы старшей сестрой. Сказки — про Золотого петушка, царя Гвидона, Руслана и Людмилу — понравились, но особого впечатления не произвели. Зато лермонтовский Демон оставил неизгладимое впечатление. Андрей тут же сам принялся сочинять стихи.

Над вершинами гор, над долинами рек
Ледяною скалой возвышался Казбек.

Задуманная поэма завязла в самом начале, но кое-какими приемами версификации он овладел.

К третьему классу любимым героем сделался капитан Немо, а «Таинственный остров» окончательно затмил былую прелесть «Трех мушкетеров». Затем пришла пора байроновского «Манфреда», «Мартина Идена» и «Золотого теленка». Эти

книги стали настольными. В какой-то мере их можно уподобить надгробным камням на могиле всемирной литературы. После краткого увлечения символистами, сопровождавшегося новым приливом стихоплетства, с поэзией и беллетристикой было покончено навсегда.

Гармония мира, мнившаяся в ритмическом чередовании звуков, нежданно, но, видимо, в урочный час, раскрылась строгой и бесстрастной красотой математики. В девятом классе Андрей Ларионов уже свободно брал табличные интегралы, что вызывало скрытое раздражение преподавателя. Учителя его недолюбливали, а он отвечал им высокомерным равнодушием. Порой взаимная неприязнь выливалась в открытые формы и Марго приходилось сглаживать конфликты. Нарочито скромно одевшись, она являлась с цветами и коробками шоколадных конфет, каких не сыщешь в продаже, потом сориентировалась и перешла на импортные колготки, бритвы «Жилетт» и прочую ерундовину.

Александр Антонович едва снисходил до житейской прозы. Делал карьеру, ухитряясь с писанием речей тискать вполне толковые и с душком левизны, по тогдашней терминологии, статейки в «Блокноте агитатора» и «Партийной жизни». Поездки, совещания, семинары перемежались светским времяпровождением в своей компании. Ездили на рыбалку, иногда на охоту и регулярно встречались в Сандунах, где под пиво с воблой решались основные вопросы. Выходные, как правило, проводили в пансионате на Клязьме. Марго успешно помогала продвижению мужа, поддерживая отношения с женами перспективных коллег. Она закончила Институт иностранных языков, но проработала всего год. После замужества пробовала переводить иностранных авторов — ей нравились Ремарк и Бёлль, — но вскоре забросила это дело. И как раз вовремя. Бёлль вступился за диссидентов и оказался не в чести.

Любовь к детям выливалась у нее в пылкие приступы внезапной нежности, за которыми следовал длительный период благодушного попустительства. Андрея пробовали учить музыке, но всякий раз это кончалось истерикой. Фигурное катание он тоже почему-то невзлюбил, хотя охотно катался на лыжах, но сам, в одиночку, без принуждения. Он терпеть не мог, когда ему кого-то навязывали или ставили в пример. Английский выучил без посторонней помощи, а начатки немецкого дала мать. Она и школу выбрала, и чуть не за руку таскала его в закрытое ателье, где заказывала фасон по последней моде из рижского журнала. Мальчику очень шел пиджак «фантази», со складками на спине. Когда же наступала пора «подровнять» прическу, стояла за креслом, бдительно направляя действия парикмахерши. Во вкусе отказать ей было нельзя. «Глаз —

алмаз», — отзывались подруги. Собственно, подругой могла считаться только одна. Верочка из Комитета молодежных организаций, остальные принадлежали к узкому кругу высокопоставленных жен.

Марго умела принять гостей, знала, что кому нравится, и никогда не забывала поздравить с днем рождения, а тем более с юбилеем или высокой правительственной наградой. Все нужные даты, а подчас и знаки Зодиака, были заблаговременно собраны в записной книжке.

Дети и муж накормлены, одеты, обуты, умыты — что еще нужно? И в самом деле, кто может бросить упрек? Слишком непосредственна, вспыльчива? Но это лишь добавляло очарования. С ней было легко. Она обожала светские развлечения, интимные посиделки, пикники с широким застольем и веселую музыку. Всегда в прекрасном настроении, в курсе всех сплетен, словом, умеет поддержать разговор, а когда надо, надолго умолкнуть, держа ушки на макушке.

Когда родился Владик, Марго перенесла на него все внешние проявления своей эмоциональной натуры — яркой, но довольно поверхностной. Отношение к старшему не стало от этого холоднее, но вошло в более спокойную фазу, без бурных всплесков в ту или иную сторону. Основополагающего принципа: «Главное, чтобы у мальчика все было» — это ничуть не пошатнуло. Андрею наметившаяся, едва ли осознаваемая самой Марго, перемена явно пришлась по нраву. Его раздражали неумеренные нежности, сюсюканье и задабриванье. Инстинктивно чувствуя фальшь, он сторонился бурных проявлений чувств, а крики приводили его в злобное отупение. Раньше оно выплескивалось в истерику, но с годами выкристаллизовался молчаливый протест. Ребенок замыкался, отмалчивался, а втихую с удвоенным рвением делал именно то, за что подвергся выволочке.

Марго слишком поздно заметила растущее отчуждение и внутренне обмерла. Вспышки негодования, с воплями и рыданиями, проходили у нее быстро и кончались поцелуями. Теперь же она просто не знала, что делать. Мальчику уже четырнадцать — переломный возраст, а у нее с каждым днем появляется все больше морщин и катастрофически полнеет талия. Впервые она страдала молча.

На счастье, нашелся виновник всех бед — Антон Петрович. И в самом деле! Кто, как не он, испортил ребенка своими оторванными от жизни фантазиями и стариковским брюзжанием? Вечно всем недоволен, ни о ком доброго слова не скажет. Ну, ладно, Сталин, трудное детство, а теперь-то чего? Разве плохо живем? Марго и сама при случае могла ввернуть рискованный анекдот, но превращать критиканство в жизненную позицию? Она старалась сдерживаться, но с каждым разом это давалось

ей все труднее. Мысленно возложив на свекра ответственность за все семейные неурядицы, Марго нашла отдушину для постепенно вызревавшего недовольства мужем, собой и вообще жизнью. «Разве мы плохо живем?» — спрашивала она себя вновь и вновь. По зрелому размышлению выходило, что не так уж и плохо, даже прекрасно, а раздражение оставалось, накапливалось.

— Папа превратился в настоящего внутреннего эмигранта, — как-то со смешком уронила за столом.

Андрей только презрительно скривил губы, а муж, удивленно выглянув из-за развернутой во всю ширь газеты, рассеянно пробормотал:

— Глупости.

— Это мне награда за все! — Марго зашмыгала носом. Ее большие жаркие глаза мгновенно наполнились слезами. — Я в этом доме — ничто!

— Не говори глупости, — повторил Александр Антонович, не отрываясь от редакционного подвала в «Правде». — Мы безнадежно отстаем от Запада в развитии электронных коммуникаций. Как тебе нравится? Спохватились! Я им это три года твержу.

— Кибернетика — буржуазная лженаука, — съехидничал Андрей.

На том и закончилось.

Марго как-то сразу вдруг поняла, что ее чувства ни в ком не найдут отклика, а может, и никогда не находили, что важны лишь поступки, конкретные вещи в материальном их воплощении, а внутренние переживания, так сказать нюансы души, никого не волнуют. Она безумно страдала, но, к счастью, недолго. Нежданно-негаданно, но опять-таки чертовски своевременно, у нее появился любовник.

Как раз в конце мая, когда Андрей благополучно закончил школу и начал готовиться к поступлению на мехмат.

Под этим предлогом он переехал на дачу к деду. Целый день валялся в траве, иногда перелистывая учебники, но чаще решал шахматные этюды. Играть он научился в семь лет, с одного раза усвоив, как ходят фигуры. Вскоре сделался чемпионом двора, а в девятом классе получил первую категорию.

Так же быстро освоил он и преферанс, наблюдая, как перекидываются картами отец с дедом. Игре с «болваном» тут же пришел конец. Став «третьим», Андрей продемонстрировал такое мастерство в блефе на мизере с тремя ловленными, что Александр Антонович испытал настоящее потрясение, впрочем, приятное.

— Щенок далеко пойдет! — предрек он, подсчитывая вис-

ты. — Если б по полкопейки, он бы огреб семнадцать рублей! Десять с меня, семь с тебя.

— А я что говорил? — довольно прищурился дед. — Вы его еще не знаете. Один я знаю. Верно, Андреос?

— Я не против игры на деньги, — по-своему отреагировал внук. — За просто так — все равно, что картошка без соли.

— Для того чтобы играть на деньги, нужно их иметь, — наставительно разъяснил Александр Антонович. — Вот начнешь зарабатывать...

— У меня есть четвертной!

— Что? Какой еще четвертной? Мама дала?

— Выиграл в шахматы.

— Как! — отец сделал большие глаза. — Вы играете в шахматы на деньги?!

— А что тут такого? По рублю за партию.

— Ты слышал? — На лице Александра Антоновича промелькнуло неподдельное изумление. — Нет, ты слышал? — повернулся он к Антону Петровичу. — В его возрасте! И терминология, терминология: четвертной!

— С волками жить — по-волчьи выть, — последовал невозмутимый ответ. — До революции говорили «угол», теперь — четвертной, у каждого времени свои песни. Выиграть двадцать пять рублей по рублю за партию — надо уметь. Не фунт изюму!

— Папа! — Александр Антонович возмущенно всплеснул руками.

— Распишем еще пулечку? — Андрей с вызовом перетасовал колоду. — По копейке? — Он не испытывал жадности к деньгам. Отныне и присно успех выражался в цифрах.

Александр Антонович метал взгляд с одного на другого. Ведь он любил негодника-сына, любил отца, который совсем одурел под старость, а они... Для них он, оказывается, пустое место? Что ж, политика — искусство возможного.

— Хорошо, — он заставил себя улыбнуться. — Сгоняем «сочинскую» — у меня мало времени.

Видимость мира в семье удалось сохранить.

В то лето, когда Андрей обосновался на даче, а с наступлением холодов перебрался вместе с дедом и бабкой к ним на квартиру, Антону Петровичу пришла долгожданная открытка. Год назад он оставил заказ в магазине стройматериалов на каком-то окраинном рынке и уже не чаял дождаться ответа. И вот, пожалуйста: три тысячи алых, как родимый стяг, кирпичиков — один к одному. Давняя мечта построить гараж обретала явь, но встала проблема вывоза. Видя, как мечется совершенно беспомощный в практических делах дед, Андрей взял все на себя. Съездил в трансагентство, заказал грузовик, организовал погрузку, а потом своими руками перетаскал свален-

ную у забора груду. Участие Антона Петровича выражалось больше в символических действиях.

— Устал, Андреос?

— До чертиков! Даже красное зарево перед глазами...

Трудовой подвиг был увековечен в стихах:

Мы кирпичики достали!
Наши ноженьки устали,
Ручки наши не из стали,
Но таскать не перестали,
Пока зори коммунизма
В глазоньках не заблистали.

Сказались плоды просвещения, своеобразно, но сказались.

Оставшись в одних трусах, Андрей окатил себя ледяной водой из колодца и весь мокрый, но почти счастливый, рухнул на траву, раскинув широко руки.

Дед прореагировал моментально и по обыкновению непредсказуемо: поднял брошенное ведро и забарабанил по донышку.

— Стали — стали — стали — стали, — забормотал, прислушиваясь к чему-то внутри, что-то припоминая, и вдруг запел:

Стук колесный по рельсовой стали.
Спецэтапом идет эшелон
С Красной Пресни в таежные да-а-а-ли...

Он не сидел, но мог сесть, и это осталось в нем навсегда.

Андрей ощутил внезапный прилив жалости и безысходной тоски. Казалось, он уже переболел мыслями о неизбежном конце и самоубийстве, как единственно достойном выходе из ловушки, куда тебя, не спросив, заманили, но вот опять нахлынуло, разом погасив безмятежное сверкание ласкового летнего солнца в зеркальном трепете еще свежей, нетронутой листвы.

Словно призрак Мартина Идена, уходящего в беспросветные морские глубины, набежал черной тенью на шелковистую муравку, переливающуюся радужными каплями, спугнул шмеля, качавшегося на стебельке тысячелистника, холодным ветерком пробежал по высыхающей коже.

— Похоже, будет гроза, — сказал дед, из-под руки глянув на выползавшую из-за леса тучу.

— Скорей бы.

Андрей и думать не мог, что однажды, через десять, а может и более лет, ему вспомнится в мельчайших подробностях и эта кирпичная эпопея, и вирши, и деловито гудящий черно-оранжевый шмель на невзрачном зонтике, и асфальтовая грозовая завеса над лесным косогором.

Блуждая по сумеречным закоулкам киберпространства, он наткнулся на страничку с русским текстом, где заявил о себе «Гусарский клуб» — нечто среднее между содружеством поэтов-юмористов и сообществом жизнерадостных балагуров, валяющих дурака. Затерянная в англоязычной паутине кириллица привлекала внимание уже сама по себе, а заявленные перлы, не претендуя на остроумие, вызывали добрую улыбку.

В клубе, как и положено, были предусмотрены свой кодекс чести и табель о рангах. Начинающих хохмачей зачисляли в юнкерские школы и, после испытания на юмор, производили в гусары. Одержавшим победу на конкурсах присваивалось звание гвардейцев, а затем можно было получить чин поручика и дослужиться до генерала.

Любители трепа группировались вокруг «курилки», «Гаврилы», сочинители антиисторических побасенок — «гаврилиад» — образовали свой цех, а поклонники незабвенного поручика Ржевского собирали коллекцию соленых анекдотов о своем любимом герое.

По мнению Андрея, Ржевский был лишь бледной копией польского поручика Пшебышевского, но вступать в полемику не намеревался. Он остановил свой выбор на гильдии поэтов, избравших особой формы пятистишье (они называли его «лимерик») для зубоскальства на компьютерную тему. Ирландский лимерик предполагал катрен с хохмой в четвертой строке, но какая разница?

Ознакомившись с образцами, послал по электронной почте свой вариант:

Какая Марья без Ивана?
Какая свадьба без баяна?
Какой компьютер без модема,
А теннис без большого шлема?
Эй, обезьяна без банана!

«Хотелось бы больше оригинальности, но продолжай в том же духе», — гласил краткий отзыв. Кандидат приглашался на диалог в реальном времени.

Клубмены предложили Андрею попробовать себя на перевертыше. Задача заключалась в том, чтобы извратить смысл каких-нибудь хорошо всем известных строк, придав им прямо противоположное значение.

После того, как он в темпе шахматного «блица» расшифровал несколько перевертышей, настала его очередь загадывать загадки.

Ревы, пьяная блевота,
Поросячий визг, —

набрал Андрей.

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,—

ответил некий «Ротмистр».

Темнеет куча самолетов
На фоне тучи грозовой, —

строки полыхнули дальней зарницей, выхватив тот самый день на даче и пробудив отголосок пережитого смятения, но мягко и нежно, в сентиментально-ностальгических тонах. Андрей содрогнулся от мысли, что ничто не проходит бесследно и не забывается навсегда. Кто-то, тайно живущий в тебе, все знает и все помнит.

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом, —

с замедлением откликнулся компьютерный собеседник.

Радужные огоньки на травинках, замшелый колодезный сруб и дед, отбивающий ритм на ведре, и дед, из-под руки глядящий на тучу...

Молнией сверкнула строфа:

Безветренной ночью подкралось к нам рабство...

Реакции не было. Выждав минуты три — слишком много для интерактивного общения IRC, Андрей набрал знак вопроса.

Партнер отозвался тем же, но в троекратном повторении.

«Не знаете гимна, ротмистр?»

«Какого гимна, милостивый государь?»

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы...

«Сколько вам лет, юноша?» — Не дожидаясь ответа, Андрей отключил монитор. Перевертыш получился конгениальным оригиналу.

— Не боись, дед, как-нибудь прорвемся, — беззвучно прошептал он.

— Ты здесь, Андреос? — крикнул старик через стену, откликаясь на молчаливый зов.

Паутина

Чтобы побеседовать с кем-нибудь «вживую», необходимо воспользоваться службой IRC. Для этого нужна программа «miro 452», находящаяся на ftp.kiae.su/windows/ internet/conferenc/irc и доступ в Интернет в режиме on-line. После подключения перед вами появится окно с бегущими строками — именем пишущего и текстом.

Магия

Салон
«МАГИЧЕСКИХ ИСКУССТВ ***»
Салон обучения ясновидению *** вновь в России!
Открыть в себе и развить еще более дар ясновидения, возможность самостоятельно просматривать любые жизненные ситуации и влиять на них, самим решать проблемы здоровья, семьи и бизнеса, улучшить свое финансовое положение — мечта? Реальность. Только в «Салоне» обучают техникам ясновидения и работы с МАГИЧЕСКИМ ХРУСТАЛЬНЫМ ШАРОМ.
В программе практических занятий также: обучение самостоятельным методам защиты от скверны (сглаза, порчи), диагностике и лечению различных заболеваний, методам достижения успеха в творчестве, бизнесе и повседневной жизни. Методы «раскачивания» ясновидения и других паранормальных способностей: с помощью голотропного дыхания (ребёфинг), гипертермии (занятия в сауне), окуривания и благовоний, кристаллотерапии и цветотерапии, целебных медитаций.
Слушатели обеспечиваются магическими атрибутами (шар, рамка и др.).
Поистине волшебная техника работы с хрустальными шарами превращает их в мощный инструмент ясновидения и целительства.
Хрустальный Шар станет Вашим талисманом и учителем и сам ответит на многие Ваши вопросы!
Приобрести шары и записаться на занятия можно по контактному тел. в любое время.

Интим

Салон «НЕБЕСНЫЕ СОЗДАНИЯ»
Полет фантазии и незабываемые ощущения с нами.
Вы будете на небесах от блаженства.
Сауна, апартаменты.
Приглашаются девушки.

Господа! Если Вы одиноки и устали от забот, стройная сексуальная красавица рада пригласить Вас в гости на чашечку кофе и большее.

ФАЙЛ 031

Трагедии в саду «Эрмитаж» непосредственно предшествовала пустая затея, ставшая достоянием гласности в силу стечения обстоятельств, по одним оценкам — случайных, по другим — роковых.

Пик солнечной активности пришелся на 11 июня. Число Вольфа подскочило к рекордной цифре — 260, а до выборов всего ничего: пять денечков. Очень удачно подгадали! Геомагнитная обстановка прогнозируется хуже некуда: в газете «КС» еще на позапрошлой неделе шестнадцатое число отметили. Звезды тоже подгадили: здоровье — 1, бизнес —2, деловые контакты — опять двойка, и только секс до трех дотянулся. Если кого и употребят, так это нас, дураков. Все, не как у людей. Хоть бы дождик пошел, а то мозги пережарятся. И шестисоточники, народ положительный, оторвутся от грядок. Судьбу, говорят, выбираем, тут уж не до редиски.

Не сажай, да несажаем будешь!

Варвара Царапкина как с цепи сорвалась. Начала вроде как за здравие — мол, если хоть один не проголосует, полный абзац, а кончила за упокой. Показала детскую клинику где-то в спальном районе. Там прямо под окнами приемного покоя гриб вырос сантиметров под двадцать, но тонкий и с маленькой круглой головкой, сужающейся к концу. Могла бы и не называть, что он напоминает, — не слепые. Коллектив там, известно какой, — кругом одни женщины. Повыскакивали в белых халатах, грибом этим прямо в экран тычут, возмущаются, будто им личное оскорбление нанесли. Чего возмущаются, спрашивается? Может, радоваться надо? Куда там!

«Мутант, мутации! До чего довели, до чего довели...» Понимай: нас всех и природу. Царапкина дала как следует выговориться и ударилась в философские обобщения — дескать, последний сигнал, предсмертный вопль экологии. Почему обязательно вопль? А ежели просто шутка? «Мимо тещиного дома я без шуток не хожу» — в такой примерно манере. Животным тоже свойственно чувство юмора, а грибы, как известно, занимают промежуточное положение: ближе к животному царству, нежели к растительному. Недаром тот музыкант покойный Ленина в принадлежности к грибам заподозрил. Целых полчаса доказывал по телевизору.

Люди у нас доверчивые. Многие всерьез приняли.

Царапкина о той передаче и не вспомнила, а зря — с политической точки зрения, момент самый подходящий. Зато латынью козыряла вовсю: micos (ЭТО про гриб) и penis, penis... Она почему-то вместо «е» на «ё» напирала. Интеллигентный изыск как бы. Смех разбирал глядючи: в одной руке микрофон, в другой — микос этот самый, белый, как бледная поганка. Воображала, небось, что жар-птицу за хвост ухватила, но вышел, как обычно, досадный конфуз. Уже на другой день по второму каналу кандидат сельскохозяйственных наук выступил, который «Сад-огород» ведет.

Оказывается, ничего подобного, никакой это не мутант, а самый обычный гриб, хорошо известный в науке. Его еще древние римляне знали. Если латынь на обиходный русский перевести с хвостиком «чек», самое то и получится.

Он вылезал из земли в канун диких оргий Кибелы — Великой матери богов. Кто нынче знает, что вконец ошалевшие поклонники серпом отсекали свое мужское достоинство и с воплем восторга швыряли к ногам принаряженного кумира? Сохранилась статуя третьего века до нашей эры: Великая мать в обеих руках сжимает кровавые жертвы. Прекрасен и свиреп ее темный лик.

Безумие бродит в крови человека. Древние знали, как дать ему выход, мы же до поры до времени все носим в себе. Когда же прорвется, то пойдет такая резня, перед которой самая жестокая из мистерий покажется детской забавой.

Вспомните Сумгаит.

Вот когда прозвучал первый сигнал.

А тут какой-то гриб — свидетель фаллических культов. И смешно, и страшно.

Оскандалилась Варвара Петровна, не иначе и ей числом Вольфа по мозгам врезали. Не винить ее, а жалеть надо. Такова специфика электронных средств информации. Личность на телевидении — и все, и ничего. Экран делает из лимитчицы звезду и тут же подводит ее под общий знаменатель. Система. «Ящик», заменивший газету и книгу, укравший чувство сопереживания с соседями в надышанном зале, а с ним и катарсис[1], дает тенденциозный образ реальности. Только скупые цифры статистики способны как-то подправить коллективную аберрацию, но чтобы их подсобрать, следует пробежаться хотя бы по психодиспансерам.

За истекшую неделю количество обращений возросло на семнадцать процентов. На первый взгляд, налицо корреляция с динамикой солнечных пятен, а на самом деле — полнейшая

[1] Очищение (*греч.*).

неразбериха. Ни солнцем, ни астероидом Эрос нельзя объяснить резкий сдвиг симптоматики. И предвыборная горячка тут тоже, кажется, не оказала заметного воздействия. Кому невтерпеж, у кого руки чешутся, те на митингах разряжаются. В своей среде они нормальнее нормальных. Просто у них норма такая. И вообще, когда плечом к плечу с тобой, в одних рядах и под единым стягом идут Ленин и Сталин, как-то забывается, что они... не совсем настоящие — не хочется говорить: двойники. И уж никак невозможно при таком соседстве вообразить тем же Сталиным лично себя. Совершеннейший нонсенс, а наполеоны и юлии цезари давно отошли в область предания. Разве что сыном вождя назваться, но такие уже бродят по российским просторам. У них, кстати, с головой полный порядок, чего не скажешь про властные структуры, удостоверяющие, пусть незаконное, но кровное родство.

Нет, в домах скорби ищут пристанища натуры хрупкие, ранимые и безутешные. При общем росте, как указано, более половины случаев приходится на явление умерших родственников. Смерть близких потрясает воображение, надламывает и угнетает, но ведь так было со времен Адама. Ничего в этом смысле не изменилось: и тени являлись, и пустые гробы находили, и беседы велись с дорогими усопшими. Взять хоть «Золотого осла» Апулея, а еще лучше — Библию. Наш бурный век выделяется своей стандартизацией и массовостью. Слишком много нас развелось на Земле, отсюда и рост визитеров с «другого берега», как бы выразился буддист.

И в Ветхом, и в Новом Завете такие явления по пальцам можно пересчитать: тень Самуила, вызванная Аэндорской волшебницей, воскресение Лазаря... У нас же двадцать четыре случая по одной Москве за день! Такого еще не бывало.

Зарегистрирован и акт злостного надругательства. Слесарь Федор Колодников, которому три дня кряду являлась теща, захороненная еще в прошлом году, разрыл могилу, чтобы вбить в разложившееся тело осиновый кол. Ничего себе? В Институте имени Сербского, куда слесаря доставили в состоянии алкогольной интоксикации, дали заключение, что он вполне нормален, хотя и нуждается в специальном лечении. Врач посетовал, что соответствующую систему совершенно разорили, и, примем к сведению, бросил горький упрек телевидению: с фильмами про вампиров сплошной перебор, а о Царапкиной и «Третьем глазе» и вспоминать не хочется: тошно. Про дьяволоманов и клириков-фундаменталистов, которые бесов изгоняют, он тоже нелестно отозвался:

— Отвратительное зрелище! Такое вообще нельзя показывать, особенно детям. Будущих пациентов готовим, а коек и без того не хватает.

Мнение, возможно, излишне категоричное, вразрез со свободой информации идет, но насчет коек факт неоспоримый: Колодникова не положили, домой отправили.

— Больше она у меня не встанет! — орал он уже после протрезвления, что бросает тень сомнения на медицинскую экспертизу, но пусть судят специалисты.

Настораживают не столько сами случаи необъяснимых контактов с иным миром, все-таки их сравнительно немного, сколько реакция общества. Она поразительно индифферентна. С одной стороны, это радует — критическая масса явно не достигнута, нет паники и других проявлений уличных беспорядков, а вот с другой... Создается впечатление, будто многие просто примирились с возможностью того, что еще недавно считалось в принципе невозможным, как приняли и прочие перелицованные новации. Природа не терпит пустоты, душа — тем более. На обломках порушенных идолов проросли колючки чертополоха.

Издавна пустыри служили излюбленным обиталищем всякой нечисти, равно как и осквернённые храмы и заброшенные дома, особенно если в них было совершено убийство, а в Москве таких мест не сосчитать. Один опричный приказ Иоанна Васильевича чего стоит. Почти весь Центр охватывал, включая приемную Председателя Президиума Верховного Совета — все с прописной буквы! — и кремлевскую больницу с номенклатурным «корытом». Небось, никто и не вспоминает. И к чему вспоминать, коли нечем гордиться? Не Москва ли Гришке Отрепьеву крест целовала? А что было потом? Три дня порубанное тело валялось в дурацкой маске и с дудкой во рту, прежде чем запалили костер да пепел в пушку забили. А как ведьму Маринку Мнишек вместе с дитем на виселицу тащили? По каким улицам и куда?

Ежели в далеком прошлом, как в навозе, копаться, то до ЦК и НКВД и вовек не доберешься, а надо, надо, иначе и пытаться не стоит хоть как-то разобраться с привидениями. На плане города места их появления как раз на Центр приходятся: точь-в-точь яблочко отстрелянной мишени — сплошь в дырах.

Пока только две рабочих гипотезы есть: одна с отчетливо инфернальным душком и потому не очень убедительная, а другая, легко догадаться, усматривает основную причину в свойствах киберпространства.

Резон есть. Правительственные учреждения, силовые министерства, крупнейшие банки, иностранные фирмы, посольства — суммарная информационная емкость аппаратуры бьет (в масштабах СНГ) все рекорды.

Преимущества второй версии были бы неоспоримы, если

бы при прокладке новых теплосетей под асфальтом сада «Эрмитаж» на Петровке не вырыли кучу костей. За властями далеко ходить не пришлось — МУР прямо напротив, а Генпрокуратура на параллельной улице.

Восемнадцать скелетов, и у каждого дырка в черепе, но не в затылочной кости, как обычно, а в лобной.

Имеет ли зловещая находка отношение к дальнейшим событиям, сказать трудно, но и умолчать о ней никак нельзя.

В описываемое время, накануне первого тура, в Летнем театре сада, взятого в аренду АОЗТ с подозрительным названием «ФОЛТЕР», состоялся гала-концерт Эммы Пусалакос. Аббревиатуру акционерного общества расшифровать довольно просто: «Фольклорные территории», но любой, мало-мальски владеющий немецким, знает, что Folter не что иное, как «пытка». Как и мы, немцы относят подобное удовольствие к женскому роду.

Акционерное общество громогласно объявило о своих планах познакомить московских меломанов с ритуальными песнопениями древних цивилизаций. Гастроли мексиканского певца из штата Чиапос, где обитают потомки майя, благодаря телерекламе собрали полный зал. Судя по очереди в билетную кассу, аншлаг ожидался и на концерте греческой актрисы, прилетевшей прямиком из Ираклиона — столицы Крита. Заинтересованные в притоке туристов агентства путешествий оказали ей спонсорскую поддержку.

Отлаженный шоу-бизнес, интересное культурное начинание, хорошая погода — все предвещало успех. Изощренных мучений не ожидалось.

С иностранными языками часто возникают различные неувязки. Адмиралу Фокину перед визитом в Англию пришлось даже подправить фамилию, а известный культуролог Кон изрядно повеселил парижан. Владеющий языками поймет, где спрятана изюминка.

Господи, да будет воля твоя! Как туго натянуты вселенские струны, как отзываются они все скопом, едва заденешь одну! Что предначертано, то и случится: ритуальный гимн Минотавра, скабрезные куплеты и как бы заранее предвещенная пытка — die Folter.

Публика в саду собралась специфическая. Под стать музыке, которую изливали динамики: Строк, Лещенко, Козин. Неспешно прогуливаясь по асфальтированным дорожкам, неизменно подводившим к ночному бару и казино, принаряженные пары нежились в ностальгических волнах.

Дневная жара спала, но еще яркое небо блистало той неж-

ной просветленностью, что смягчает резкость теней и как бы сглаживает морщины.

Прозвенел первый звонок, за ним второй, третий и, как ожидалось, все места были заняты. Пустовало всего несколько кресел, предназначенных для почетных гостей. Известно, что они частенько не приходят, почетные гости, и постоянно опаздывают. Уже были пропеты две песни, величавшие олимпийских богов, и молодые люди в смокингах вынесли на сцену корзину с цветами, когда в ложе бенуара появились два милицейских генерала со спутницами, слишком юными для жен. Почетные гости? Не важно. Никто и не заметил их появления.

Голос у Эммы Пусалакос был многорегистровый, как у прославленной некогда перуанки Имы Сумак, а внешность — вылитая Далида, тоже подзабытая нынешним поколением замечательная певица с трагической судьбой. Пожилым москвичам, сохранившим память о красавице-египтянке, даже страшно становилось: до чего похожа! Та же гордая стать и утонченная простота прирожденной английской леди. Только волосы у Далиды были светлые, а у этой черные, вьющиеся колечками. Какой-то умник намекнул насчет парика, но его зашикали. Явиться с того света? Да еще в парике? Нет, увольте: голос-то, как у Имы Сумак!

Эмма и продемонстрировала весь спектр тональностей неповторимого голоса: от мальчишеского дисканта до дьяконского баса. Так что намек на возвращение Далиды остается признать неудачной шуткой. Старшее поколение вновь выказало свое здравомыслие. Если кого и угнетала забота об исходе предстоящего голосования, то волшебные рулады, взвиваясь от инфра- до ультразвуков, равно недоступных для слуха, чудесным образом избавили от всех треволнений. К старикам возвратилась молодость, а молодые почувствовали себя богами.

Публика стонала от восторга, встречая и провожая актрису несмолкающей овацией. Она трижды выходила раскланиваться на усыпанную цветами сцену, но едва исчезала за кулисами серебристая оторочка ее подола, как раздавались выкрики «бис!» и дружное хлопанье.

Наконец конферансье объявил, что под занавес Эмма исполнит священную песнь куретов Древнего Крита. Может быть, он один на весь «Эрмитаж» и знал, кто такие куреты, только какое это могло иметь значение? Зал вновь взорвался аплодисментами.

Поначалу все шло обычным порядком. Сентиментальные старушки с бисерными сумочками и перламутровыми биноклями благодарно качали сединами, словно чужая речь — греческая? древнегреческая? — проникала им прямо в сердце. Как вдруг грозный мотив, звучавший с незапамятных времен

еще там, в пещере на Дикте, где жрецы-куреты устраивали дикий гвалт, дабы папаша Сатурн не услышал плач младенца Зевса и не сожрал родное дитя, этот исступленный ритм диких плясок и содроганий, незаметно вылился во что-то очень знакомое.

Никак, «Из-за острова на стрежень»?..

И верно: «выплывают расписные»...

Допев до конца, Эмма выдержала паузу и, на какое-то мгновение опередив первые рукоплескания, выдала перевод:

Кудри вьюц-ца, кудри вьюц-ца,
Кудри вьюц-ца у блядэй.
Потшему оны нэ вьюц-ца
У порядотшных людэй?
У порядотшных людэй
Дэнег нэт на бигудэй —
Все порядотшные люды
Тратят дэньги на блядэй...

Знойный, но милый акцент ничуть не подпортил общего впечатления. Дробно постукивая каблучками, скрытыми от глаза тяжелой бахромой оборок, она совершала плавное кружение, и шнур микрофона черной змейкой вился по оголенной руке.

Что тут поднялось, никакими словами передать невозможно! Гомерический хохот — самое подходящее определение. Не важно, что никому не известно, как смеялись герои Троянской войны и лично Гомер. Это еще более темная история, нежели слова и ноты древних критян, почему-то попавшие в руки Эммы Пусалакос. Ученые не знают об их существовании, но и это не важно.

Люди буквально катались от гомерического хохота. Редкие недоуменные возгласы потонули в его раскатах... Не годится для наших дней гомерический? Пусть будет какой угодно: лошадиное ржание, поросячий визг и свист Соловья-разбойника. Реальный бандит, между прочим, обосновавшийся в муромских лесах. По сравнению с минойской цивилизацией, период не столь уж древний, а секрет свиста, что дубы с корнями выворачивал, утрачен.

Однако, как сказать! Освещавшие рампу прожектора внезапно замигали, светофильтры на них полопались, осыпав бархатные барьеры лож стеклянной крошкой, и по залу, сорвав двери с петель, пронесся вихрь. Угрожающе закачалась люстра под потолком, а пол непонятным образом накренился и заходил ходуном. Театр уподобился лайнеру «Джамбо джейт», который, угодив в эпицентр грозы, потерял управление и катастрофически заваливается в штопор. В довершение всего погас свет и поднялась самая настоящая паника. Более

подходящего слова не подберешь, хоть оно тоже имеет древнее происхождение от имени Пана, бога лесов и полей. По-гречески это означает «всё». Отсюда, к примеру, и земной шар на логотипе крупнейшей авиакомпании «Пан Американ». Лишнее подтверждение, что всё во всем и всё со всем связано.

Древний ужас мистерий Пана столь же легко овладевает сердцем и разумом современного человека, когда создаются соответствующие условия, а они были налицо.

Может, кто и различил в сплошной свалке, как дымный сумрак прочертил мерцающий голубоватым огнем легкий воздушный шарик. Не долетев нескольких метров до оркестровой ямы, он начал медленно набирать высоту и вдруг с громовым треском лопнул, озарив сцену ослепительным светом. Больше всего это напоминало разряд молнии.

— Бомба! — истерически взвизгнуло сразу несколько женских голосов, и началась жуткая давка. Все разом устремились к дверным проемам, отчетливо обрисованным вечерней позолотой.

Обошлось без тяжелых увечий, так что ссылки очевидцев на столпотворение во Дворце спорта в Сокольниках, закончившееся гибелью тридцати человек, не говоря уже о «последнем дне Помпеи», не стоит принимать во внимание. Ушибы, вывихи, переломы зарегистрированы, пострадавшим оказана помощь, а случай со смертельным исходом отмечен всего один. Непосредственная причина: инфаркт. Скорую помощь вызвали слишком поздно.

Пережитое зрителями эмоциональное потрясение заставляет с особой осторожностью отнестись и к свидетельским показаниям. Снять их прямо на месте не удалось по причине пожара, вспыхнувшего в помещении администрации АОЗТ «Фолтер». Вот уж где дало знать о себе злосчастное имя! Когда пожарным удалось погасить пламя и войти внутрь, они нашли два трупа.

Предварительное расследование показало, что смерть вызвана взрывом компьютерного терминала, а вспыхнувший в аппаратной огонь явился лишь следствием возгорания различных горючих материалов — в первую очередь штор и напольной дорожки из синтетики.

Оба компьютера, по-видимому, разлетелись вдребезги. Брызги расплавленной пайки прожгли операторам глаза почти до мозга. Ни пожарным, ни судмедэксперту прежде ничего подобного видеть не приходилось.

Что же до свидетельских показаний, то в общем и целом они складываются в следующую картину:

Как только разорвалась бомба (по мнению большинства), или шаровая молния (единичная версия), с певицы сорвало

верхнюю часть платья. Она осталась с совершенно оголенной грудью, которая сразу выросла в размерах, налилась, что ли, а из чудовищно разбухших сосков брызнули струи крови. Дальнейшие описания вообще не укладываются в голове. Микрофонный шнур, которым она играла, словно гимнастка лентой, распался на маленькие кусочки, буквально на глазах превращаясь в черных змеек. Заполнив всю сцену, они обвили обращенные к зрителям руки артистки и поползли по ее обнаженным плечам.

В зале творилось черт знает что, а она стояла как вкопанная, в тяжелой юбке с рядами оборок, конусом ниспадающей до пола, и голой грудью, изливающей кровь. Ее смуглое от загара лицо стало еще темнее в полыхнувшем огне, который долго не угасал, и широко открытые очи вспыхнули золотом, как дорожные знаки в ночи, и начались превращения.

Здесь в показаниях свидетелей отмечается полнейшая нелепица и разнобой. Одни указывали на кошку, неведомо как очутившуюся на голове певицы, другие настаивали, что это была не кошка, а клубок змей, кто-то отрицал и то, и другое, напирая на ослиную морду. Откуда морда, каким образом женская головка превратилась в ослиную? Неловко было даже ставить такие вопросы. Но записать пришлось все досконально, включая заключительный акт фантастического стриптиза, когда спала юбка с оборками, обнажив выпуклый волосяной треугольник и удивительно стройные ноги, блиставшие ярко надраенной медью.

Весь этот бред, вызванный перепугом и нервным напряжением, нагнетаемым общей обстановкой, тревожными ожиданиями и, не в последнюю очередь, взрывами в метро и троллейбусах, не стоил даже затраченной бумаги.

Достаточно сказать, что в протоколе самой Эммы Пусалакос нет ни единого упоминания ни о змеях, ни о прочей нечисти. Когда прогремел взрыв, она потеряла сознание и очнулась уже в машине на подъезде к отелю «Савой». Смешно даже заикаться о каких-то матерных частушках: кроме «здрасьте», «я вас люблю» и «борщ без сметаны», Эмма не знала ни единого слова по-русски. О стриптизе вообще не может быть и речи: в чем вышла на сцену, в том ее и увез антрепренер, едва началась суматоха. Проводившие следствие официальные лица могли собственными глазами убедиться в справедливости этого утверждения.

И только одно обстоятельство мешало отправить все протоколы в архив, ограничившись более-менее правдоподобной отпиской.

Авторитетные заявления обоих милицейских генералов, как ни удивительно, не противоречили свидетельствам отдельно взятых граждан.

Хотелось бы знать, какие впечатления вынесли сопровождавшие высоких начальников дамы, но их имена почему-то нигде не указаны. Да и кому это надо, если приходится признать, что ничего из ряда вон выходящего не произошло. Взрыв, но не бомбы, а шаровой молнии, пожар, гибель трех человек, травмы — это имело место. Остальное — галлюцинация, морок, что объективно подтверждается фотосъемкой и аудиовидеозаписью: ни разухабистых частушек на мотив «Стеньки Разина», ни стриптиза с превращениями.

Зато портретов Эммы Пусалакос оказалось навалом. Дорисовать змей и ослиную морду труда не составило, что и было представлено телезрителю, утратившему способность изумляться.

ФАЙЛ 032

Незапланированный бросок Климовицкого в Египет был продиктован импульсивным порывом, в коем ему хотелось видеть чуть ли не откровение, но побудителем явился загнанный в подсознание страх.

Ничего, кроме полного банкротства в прямом и переносном смысле, магический Крит не сулил. Изнывала душа, взывая к богам и стихиям, тщась продлить блаженный полет и оттянуть неизбежность падения... Куда? Не в бездну, не в Тартар, но в безнадежное прозябание.

Навязчиво вспоминался миф об Икаре, самонадеянно воспарившем слишком близко к горячему свету, слишком высоко...

Радиоуглеродный анализ иерихонских хлебных зерен дал среднюю цифру 1315. Прибавив каноническое сорокалетие, Климовицкий легко определил предполагаемую дату Исхода — 1355 год до новой эры.

Как специалист, а в радиометрии, будь то урановый или фторный анализы, его никак нельзя было упрекнуть в дилетантизме, Павел Борисович не мог не знать, насколько относителен полученный им результат.

С-14 — радиоактивный изотоп обычного углерода С-12 — образуется под воздействием космического излучения. В атмосфере и биосфере пропорции обоих изотопов одинаковы, и в этом смысле нет никакой разницы между организмом человека и мыши, гигантской секвойей и микроскопической водорослью. В воздухе, который мы вдыхаем и выдыхаем, изотопный состав остается неизменным. Это своеобразный индикатор жизни, потому что со смертью живого существа прекращается и его обмен углекислым газом с атмосферой. Попросту говоря, организм перестает дышать. Тяжелый углерод, как и любое ра-

диоактивное вещество, подвержен распаду, поэтому в останках живых организмов его концентрация постоянно уменьшается со скоростью, определяемой полураспадом: 5568 + 30 лет. Грубо говоря, в мумиях фараонов первых династий в два раза меньше С-14, чем в султане Брунея — самом богатом монархе современности. На этом и основывается универсальный способ абсолютной датировки, совершенно независимый от субъективных археологических методов.

Вначале полученные результаты вызвали у археологов недоверие, но четкая согласованность различных дат убедила их в надежности метода.

Ошибки возникали прежде всего по причине загрязнения образцов и ненадежной связи, говоря научным языком, артефакта с археологическим контекстом, что в конечном счете зависит от профессионального уровня самого исследователя. По угольку, найденному, скажем, рядом с древней амфорой, никак нельзя судить о ее возрасте. Она может оказаться намного старше. Осаждавшие Трою греки пользовались утварью, унаследованной от дедов и прадедов, но жгли в кострах дерево, что было под рукой. Радиоактивная метка заставляла хорошенько задуматься над тем, что и как выкапывается из-под земли. Чем больше образцов подвергалось исследованию, тем полнее и надежнее становилась археологическая система.

Самым серьезным ее недостатком является основная константа — период полураспада. Постепенно созревала уверенность, что она несколько занижена, но, пока не выработан новый международный эталон, расчеты проводятся по старинке. Внушает сомнение и прежняя убежденность в постоянстве скорости накопления С-14. В далеком прошлом его содержание в атмосфере было более высоким, чем сейчас.

Основываясь на новом методе дендрохронологической колонки, Климовицкому удалось разработать шкалу поправок, позволившую перевести так называемые «радиоуглеродные годы» в календарные — солнечные.

Он не сомневался, что его результат окажется самым точным из ныне возможных. Начальную часть работы, правда, наиболее легкую, удалось выполнить за рекордно короткий срок, немало удивив израильских коллег. Самое трудное ожидало на островах Эгеиды.

Датировку вулканического пепла Павел Борисович предполагал провести в лаборатории профессора Скордилиса, в Афинах, о чем была достигнута предварительная договоренность. Рокфеллеровский грант оказался лучшей рекомендацией. Особых трудностей в работе с геологическим материалом не предвиделось. Методикой калий-аргоновых измерений Климовицкий владел в совершенстве.

Ее физические принципы основываются на тех же закономерностях, что и радиоуглеродный анализ.

Калий-40 — изотоп содержащегося в земной коре щелочного металла — постепенно превращается в аргон-40, период полураспада которого составляет один миллион триста тысяч лет. Этот инертный газ улетучивается из расплавленных вулканических пород, но оседает в их кристаллической решетке при затвердевании. Определить соотношение K-40 : Ar-40 ничуть не сложнее, чем C-14 : C-12.

Беспокойство внушали не экспериментальные трудности, а, как это чаще бывает, чисто экономические. Пребывание на Святой земле обошлось Климовицкому в семь тысяч долларов. Не подвернись вовремя богатый спонсор, на Крите вообще можно было бы поставить крест: морские работы обойдутся на порядок дороже.

Инфантильный авантюризм, присущий мироощущению советского человека, обладает счастливой способностью игнорировать житейскую математику с ее неумолимой цифирью. Здесь и пресловутое «авось», и замечательный девиз: «Пусть нельзя, но если очень хочется, то можно».

А хотелось почти до умопомрачения, невзирая на то, что по самым скромным подсчетам выходил дефицит в двадцать тысяч. Напрасно Павел Борисович пытался ограничить себя в мелочах, съехав из фешенебельного отеля в приют для паломников из России. Лишние четыре сотни никак не могли спасти положения. Он успокаивал себя сумасбродными надеждами на каких-нибудь рыбаков или любителей подводного плаванья, которые по щучьему велению подвернутся в самый последний момент и из чистого энтузиазма придут на помощь.

Первоначальное опьянение открывшимися возможностями схлынуло, а с ним и надобность пускать пыль в глаза, но фантазия продолжала рисовать радужные картины. Главное место в них занимал пирс с причаленными катерами и яхтами. Перед глазами явственно возникал то скучающий миллионер, весь в белом, то небритый, до черноты загорелый грек — ловец губок, и обоим для полноты счастья не хватало только маленького приключения в Санторинской бухте.

При всей склонности к иллюзиям, Климовицкий осознавал, что глубинного бурения ему никак не осилить. О полноценных колонках грунта не стоило и мечтать. Но и смириться с тем, что работать придется с уже имеющимися образцами, он никак не желал. Надо же соблюсти хотя бы видимость личного участия в отборе материала. Заранее пытаясь обмануть возможных оппонентов, он обманывал самого себя. Прав снисходительно-умудренный Бенгур: все давно уже сделано, а пара десятков лет в ту или иную сторону ничего не изменит;

на фараонах далеко не уедешь. Установить абсолютные хронологические даты еще никому не удалось.

Решение пришло неожиданно и как бы со стороны, хотя все последние дни Павел Борисович затаенно выискивал подходящую лазейку.

По телевидению передавали репортаж из Египта. Охотники за археологическими сокровищами ухитрились отколоть голову от колоссальной статуи Рамсеса Великого, установленной возле одного из асуанских храмов. Полиция древностей — единственное в мире специализированное учреждение такого рода — сумела выйти на след похитителей и вернуть искалеченный шедевр. Съемочная группа запечатлела финальные кадры возвращения фараона на первоначальное место. В торжественной процессии было что-то от древних мистерий, от последней церемонии, когда жрецы собрали из разграбленных усыпальниц осквернённые мумии и при свете факелов унесли их в тайное хранилище. Сотни людей вышли тогда на дорогу, чтобы в скорбном молчании проводить своих царей и богов.

И была ночь, и многим казалось, что светозарный Ра навсегда отвратил свой лик от народа, не сумевшего уберечь вечный сон сыновей Солнца.

Климовицкий пришел к скоропалительному выводу, что «тьма египетская» (его идея фикс) явилась предвестником этого печального, но закономерного финала, ибо Египет фараонов и без того побил все рекорды долгожительства. В сияющем венке великих цивилизаций один только Крит мог бы выступить достойным соперником, если бы не вулкан Санторина, положивший предел минойской талассократии.

Уходя в преисподнюю, где его ожидал железный трон верховного судии, Минос послал вещий знак собрату Осирису, затмив безоблачный горизонт траурной вуалью пепла.

Желанный повод отсрочить поездку был, таким образом, как бы ниспослан свыше. Климовицкий вновь мысленно обратился к Генриху Шлиману. Своим успехом великий интуитивист целиком и полностью обязан безоглядной вере в слово «Илиады». Но разве богодухновенное слово Библии на весах истории значит меньше?

Павел Борисович раскрыл карманный томик, отпечатанный на тончайшей бумаге тщанием Библейского общества, который сопровождал его в поездке по святым местам. Ведь и Шлиман никогда не расставался с Гомером! «И поселил Иосиф отца своего и братьев своих, и дал им владение в Земле Египетской, в лучшей части Земли, в земле Раамсес, как повелел фараон».

Раамсес, Пер-Раамсес — это Рамсес Великий, и коль скоро традиция восходит к нему, то с него и следует начинать. Так

почему бы не съездить на раскопки Пер-Раамсеса? Вдруг да и выплывет путеводная веха, неожиданная подсказка?

Египетская граница рядом, а сэкономленных денег вполне хватит на маленькое путешествие. Сроки не ограничены, и Крит никуда не денется — подождет.

Туристическая компания «Минотавр» охотно согласилась изменить обозначенный в авиабилете срок и даже подобрала удобный маршрут с недельной остановкой в Каире, что обошлось в совершенно смехотворную сумму доплаты.

Узнав, кто руководит раскопками, Климовицкий обратился к Бенгуру за рекомендательным письмом, но получил отказ:

— Мы поддерживаем нормальные дипломатические отношения с Египтом, но долог путь до умиротворения сердец. Не думаю, что профессор Мансур прислушается к моему мнению, скорее напротив. Не лучше ли вам заручиться поддержкой фонда Рокфеллера?

Преодолев робость и стеснение, Павел Борисович послал подробное письмо по электронной почте. Ответ пришел уже на другой день, довольно сухой, но в целом благоприятный. Неделю — и какую! — удалось выцарапать, а за семь полных дней многое может случиться. Уныние как ветром сдуло. Если Париж стоит мессы, то вечные пирамиды — и подавно.

Первую ночь в Каире Павел Борисович встретил у освещенных разноцветными лучами пирамид. Сириус-Сотис, звезда разлива, горел над вершиной гробницы Хефрена, образуя равноугольный треугольник с полной Луной и необыкновенно ярким Юпитером. Не хватало астролога, чтобы истолковать знамение. Утром он вновь посетил песчаное плато Гизе в надежде увидеть недавно отрытую статую все того же Рамсеса Великого. По неизвестной причине каменотесы забросили работу, успев вырубить только голову и верхнюю треть торса. Скульптурный портрет с узнаваемыми чертами фараона-воителя занесли пески, и он так бы и остался лежать под их тысячелетними толщами, если бы археологи совершенно случайно не наткнулись на погребения строителей-каменщиков. Их вечные дома не шли ни в какое сравнение с подземными гробницами писцов и номархов, но фрески, намалеванные на грубо отесанных стенах, выражали все ту же истовую мечту о жизни вечной. Анубис-шакал препарировал мумию, бросая сердце на чашу весов, и зеленый Осирис вершил свой суд в палатах Обеих Правд, и звездная Нут несла красное солнышко воскресения. Не рабы, но свободные мастера возводили великие пирамиды, победившие время. Каменоломни, где вырубались стотонные блоки, оказались тут же, под боком, опрокинув фантазии египтологов, искавших их по всему Нилу.

Павел Борисович и сам не заметил, когда скрылись из глаз

галдящие толпы туристов, позирующих у подножья сфинкса, непременные верблюды с хитрованами погонщиками, юркие гиды и попрошайки. Стражи вечности по-прежнему высились в своем строгом величии, ничего не потеряв в отдалении. Одиночество и тишина, наполненная солнечным звоном, лишь прибавили им таинственной ауры.

Петляя по закоулкам города мертвых, Климовицкий подбирал черепки и камни, покрытые «загаром пустыни». Древние мастабы[1] перемежались усыпальницами визирей, верховных жрецов, хранителей казны, полководцев. Они сопровождали фараона при жизни и не покинули его в бесконечных странствиях по «Подземному Нилу», в безвременье «полей камыша».

Вокруг взломанных, беспощадно разграбленных склепов пустыня была обезображена шурфами и рвами бесчисленных раскопок. Казалось бы, все давным-давно разворовано, растаскано по музеям, частным коллекциям и банковским сейфам, но что ни год, то очередная археологическая сенсация: то еще одна маленькая пирамида, то ладья загробного плавания фараона, то сам незаконченный фараон — в камне.

Климовицкий счел нежданную, как бы специально подгаданную к его приезду, встречу с Рамсесом счастливым знаком. Лик под короной Обеих Земель и с бородкой в футляре поражал покоем всезнания. Отверстые очи царя слепо прозревали пространства иных миров, а на губах, изящно очерченных, каменела многозначительная улыбка.

Здесь, у последней ямы, где взрытый грунт усыпан мусором и осколками, словно пролегла граница запредельных просторов, и взбаламученное море песка обретало плавное успокоение и вековечную пустоту, простирающуюся до самого западного горизонта, куда уплывают на ладье мертвецов души праведников.

Пробыв на плато до полудня, Климовицкий поехал в археологический музей. В виде исключения, его, как специалиста, допустили в хранилище мумий. Под давлением фундаменталистов администрация была вынуждена убрать останки фараонов из открытой экспозиции.

Накрытое белым холстом тело Тутанхамона покоилось в стеклянном ящике, наполненном инертным газом. Из-под белого покрывала были видны только голова и ступни царя, казавшиеся выточенными из эбенового дерева. Бросался в глаза деформированный череп с далеко выступающей затылочной частью. Высохшему праху уже не могли причинить вред ни жадные руки гробокопателей, ни солнечные лучи, ни воздух, ни влага, но невидимый двойник Ка и астральная птица Ба с

[1] «Каменная скамья» (*араб.*) — гробницы III тысячелетия до н.э.

лицом усопшего сына Солнца не вольны были обитать в прозрачном саркофаге, лишенном магических знаков, и улетели к звездам.

Вспомнив свой разговор с Ариелем Бенгуром, Павел Борисович подумал, что в ту самую минуту, когда из пробитой Картером дыры вырвался запечатанный воздух, Тутанхамон умер окончательно и бесповоротно. Судьба дважды претерпевшего смерть юноши-фараона вызывала невольную жалость.

«Посмертная судьба», — с тайной улыбкой поправил себя Климовицкий.

Хронологическая точность оставляла желать лучшего, но Тутанхамон, хотя бы как аутсайдер, еще стоял в списке претендентов на сомнительный титул царя-притеснителя[1]. Радиоуглеродный анализ останков мог бы пролить дополнительный свет, но едва ли удастся заполучить клочок высохшей кожи.

На всякий случай Павел Борисович обратился с наводящим вопросом к куратору отдела. Отпрыск британского офицера и египетской певицы, Ричард Гордон закончил Гарвард, прошел стажировку в Сорбонне, затем год проработал в Смитсоновском институте и уже высококлассным специалистом вернулся на родину.

— Разумеется, мы проводим необходимый комплекс исследований: рентгенография, гистология и так далее. Законы шариата не позволяют выставлять труп на всеобщее обозрение, — Гордон затаил лукавую усмешку, — и с этим приходится считаться. Мы хоть и светское государство, но правительство испытывает растущее давление фундаменталистских кругов. На научной работе это пока не сказывается. А что вас, собственно, интересует?

Климовицкий коротко поделился своими заботами.

— Ах, так! Любопытно... Может быть, пройдем ко мне в кабинет?

В узкой клетушке, отделенной от хранилища застекленной перегородкой, большую часть площади занимали рабочий стол с микроскопом и картотека, между которыми каким-то чудом удалось втиснуть компьютерный терминал и стойку с хирургическим инструментом. На стеллаже, под самым потолком, сиротливо, как безбилетник на верхней полке общего вагона, приютилась разбинтованная мумия: провалившийся нос, коричневые, словно у завзятого курильщика, зубы.

«Оставь надежду, всяк сюда входящий», — всплыла в памяти строфа Данте. Анатомия смерти беспощадно изничтожала надежду на жизнь после жизни. Фараонские ухищрения теряли здесь всякий мистический ореол. Скарабеи с заклинаниями

---

[1] Время царствования: 1360—1350 или 1347—1339 гг. до н. э.

и свитки «Книги мертвых» способны были вызвать лишь печальную усмешку, ибо, как гениально прочувствовал Донн: «Не спрашивай, по ком звонит колокол».

Испещренные иероглифами бинты, откуда были извлечены загробные обереги, свисали с железных прищепок, как флаги капитуляции. Заскорузлые пятна высохших благовоний местами разъели иератическую[1] скоропись. Канопы с внутренностями, стоявшие вперемежку с химической и аптечной посудой, довершали общее безрадостное впечатление.

Сквозь спущенные жалюзи пробивалось беспощадное солнце, наполняя комнату сумрачным полусветом. Вспыхивали и угасали мельтешащие в неугомонном броуновском движении пылинки.

— Присаживайтесь, — Гордон выдвинул единственный стул, устроившись на винтовом табурете. — Какой, говорите, у вас получился год? — Он оторвал от стены желтый самоприклеивающийся листочек и, прежде чем Климовицкий назвал, отрезал: — Едва ли это Тутанхамон... Установление абсолютных хронологических дат царствования всех, без исключения, египетских фараонов — задача исключительно сложная.

— Совершенно с вами согласен. Но если провести сравнение по единой методике, временной люфт значительно сузится.

— Вот, смотрите, — Гордон перебросил через стол желтый листок, на котором от руки были записаны имена фараонов. — С учетом люфта, как вы говорите, ваша цифра укладывается во времена восемнадцатой-девятнадцатой династии. Начнем с восемнадцатой... От Моисея до Исхода — тринадцать царей. Нам подходят Аменхотеп Третий, Четвертый, Семенхкара, Тутанхамон, Эйе и Хоремхеб, хотя шансы почти нулевые.

— Почему?

— Долго объяснять. Одни правили слишком короткий период, другие не подходят по ряду позиций. Тот же Эхнатон — Аменхотеп Четвертый — оставил богатую эпиграфику, но никаких намеков на библейские темы в ней не найти... Пойдем дальше: девятнадцатая династия — восемь владык. Более-менее устраивают только четверо: Рамсес Первый, Сети Первый, Рамсес Второй, Мернепта.

— Согласно Библии, в фокус попадают оба последних. Полагают, что царем, при котором родился и вырос Моисей, был Рамсес Великий, Сезострис, как его называли греки, а его наследником, ожесточившим свое сердце, — Мернепта... В подтверждение могу сослаться на древнееврейский масоретский оригинал Библии, — непринужденно добавил Павел Борисо-

[1] Жреческое упрощенное письмо.

вич, хотя до встречи с Бенгуром понятия не имел о масоретском списке.

— Я знаком с такой гипотезой, но она не согласуется с вашей цифрой. Расхождение от сорока до шестидесяти лет[1].

— На чем основан такой широкий разброс?

— На расшифровке одной лунной даты в Лейденском папирусе. Она соответствует пятьдесят второму году правления. На основе царских списков, заимствованных из труда историка и жреца Манефона, и перечня ассирийских правителей, найденного в Хробаде, получаем следующее значение, — изобразив замкнутый контур на манер царского картуша, Гордон вписал туда две даты: 1290—1291. — Прямой результат синхронизации Эхнатона, Тутанхамона и Хоремхеба с ассирийцем Ашшурбалитом Первым и Хеттским царем Хаттусилисой дает дополнительное подтверждение.

— Жаль.

— Ничего не поделаешь! Письменные источники остаются главным критерием хронологической точности. Возьмем ту же лунную дату — psdntjw. если прочитать иероглифы. Она действительно приходится на двадцать седьмой день второго месяца периода prt, что соответствует означенному году правления Рамсеса. Возможны четыре варианта расшифровки. Учитывая одиннадцатилетний и четырнадцатилетний циклы начала лунного месяца при ускорении или запаздывании на один день, что зависит от цикла, это может соответствовать следующим годам, — Гордон вновь схватился за карандаш и тем же четким бисерным почерком вывел:

1) 26 дек. 1253 г. до н. э.
2) 24 дек. 1250 — " —
3) 21 дек. 1239 — " —
4) 20 дек. 1228 — " —

— В пределах двадцати пяти лет, — вздохнул Климовицкий.

Как и в истории с Иисусом Навином, даже день, ничтожная малость, затерявшаяся в океане времен, и тот был на учете. Астрономическая точность бросала вызов физике со всеми ее радиоизотопами.

— Отнимите отсюда пятьдесят два и получите начало царствования Рамсеса. По первому варианту оно приходится на 1304 год. Это как минимум на полвека позже. Остальные значения дают еще большую разницу. В конце концов, такова точность радиоуглеродного метода, верно? Рамсес Великий был долгожителем. Надпись в Карнаке возвещает, что он цар-

[1] Рамсес II Великий начал царствовать по одним данным — в 1317 или 1292 гг. до н. э. и по другим — в 1304 или 1290 гг. до н. э.

ствовал целых шестьдесят шесть лет. Папирус из Гуроба — фрагмент L — подтверждает это. И у Иосифа Флавия тоже значится со ссылкой на Манефона: шестьдесят шесть лет и два месяца.

— Фараон? — Климовицкий кивком показал на стеллаж с мумией. Надежду заполучить хотя бы волосок Тутанхамона пришлось подавить на корню. На невысказанную просьбу последовал столь же не явный, но зато четко аргументированный отказ.

— Очень возможно... Или кто-нибудь из ближайших родственников. Пытаемся разобраться по «Книге мертвых», надписям на бинтах, скарабеях. По иронии судьбы, жрецы спрятали осквернённые мумии правителей в подземном укрытии, возле деревни Курны, где обитают потомственные гробокопатели. Ремесло передается от отца к сыну из века в век. Когда полиция древностей добралась до подземелья, там уже мало чего осталось.

— По-прежнему высок спрос?

— Коллекционеры, всевозможные колдуны и шарлатаны готовы платить бешеные деньги. Насколько помнится, еще в одной арабской рукописи седьмого века говорится о якобы целебных свойствах порошка из мумии. В средневековых прописях так и значится: «mumia minis», что означает и лекарство, и яд, а в рецептах вредоносной магии «кладбищенская земля» фигурирует как непременный компонент.

— Человеческая глупость неизлечима. Литература, следует признать, тоже не без греха. Страшные рассказы про ожившие мумии раздули нездоровый ажиотаж.

— Мумия стала непременным героем мультфильмов, наряду с утками и мышами. Кто может сказать, как это преломляется в детском сознании?.. У нас наложен запрет на передачу в частные руки любых фрагментов мумификации, включая бинты и смолы. Лично я считаю такую меру абсолютно оправданной.

Теперь Гордон высказался со всей определенностью.

— Допустим, радиоуглеродный метод сопряжен с куда большими отклонениями, чем мы полагаем, и дату Исхода следует отсчитывать, взяв за отправной рубеж смерть Рамсеса, — Климовицкий разложил перед собой записи Гордона. — Значит, остается один Мернепта?

— Вам, наверное, известно, что существует знаменитая стела, где назван jsrir — Израиль? Из этого следует, что по меньшей мере на пятый год правления этого фараона израильтяне уже жили в Палестине. Где тогда, спрашивается, искомые сорок лет?

— Противоречие, — скрепя сердце, признал Климовицкий.

— Возможно, кажущееся? — после некоторого раздумья предположил Гордон. — Стела Рамсеса Второго в Бейт-Шеане, вероятно, может послужить некоторым подспорьем. — Не вставая с места, он взял с полки изрядно потрепанный том, сдул пыль с переплета и, заглянув в содержание, нашел нужное место. — Да, именно эта стела... В тексте говорится, что на девятом году правления в район Пер-Рамсес пришли какие-то азиаты, дабы выразить фараону покорность. «Они все, склонившись ниц, пришли к нему, к его дому жизни и благополучия — Пер Рамсесу Мериамону — Великому Победами». Отсюда явствует, что в Библии отражена некая историческая реальность, а коли имел место приход, то не исключена и возможность ухода. Все зависит от точки зрения. Египтяне такое хождение туда-сюда, по-видимому, считали заурядным фактом, тогда как для израильтян это грандиозное, полное драматизма событие. Кстати сказать, наверняка сильно преувеличенное при позднейшей обработке.

— И что же отсюда следует? — окончательно сбитый с толку Климовицкий уже не знал, за что ухватиться.

— На мой взгляд, единственно разумный и именно поэтому предельно простой вывод. Надеюсь, вы и сами пришли к тому же.

— Не совсем понимаю, простите...

— Чего же тут мудрить? Очевидно, не все израильские племена ушли в Египет. Часть, и, возможно, большая, задолго до того успела осесть в Палестине, куда затем, расширяя экспансию, вторглись колена, ведомые Иисусом Навином. Они принесли с собой ковчег завета и заняли доминирующее положение. Заповеди — это, прежде всего, закон, основы государственности. Я так понимаю слова писания. Не согласны?

— Звучит убедительно, — Климовицкий вновь вынужден был согласиться с рассуждениями Гордона. — Ваш логический строй безупречен, чего не могу сказать о хронологических выкладках. Интересно, что вы скажете, если окажется, что извержение на Санторине все-таки совпадает с радиоуглеродной датой Исхода?

— Насколько я вас понял, — тонко улыбнулся Гордон, — вы располагаете только одним значением, полученным на основе анализа иерихонских семян? Радиоуглеродной даты Исхода нет и в помине. Она отсчитана, так сказать, обратным порядком.

— И что же?

— Ничего. Простая констатация. Сорок — число сакральное. Возможно, авторы Библии действительно подразумевали соответствующий срок, но и некую символику исключить нельзя. Писание — не только историческое свидетельство, это

еще и непревзойденный литературный памятник — Книга книг!.. Я буду с интересом ожидать результатов ваших исследований вулканического пепла. Желаю успехов.

К вечеру, когда ветер с Ливийской пустыни принес освежающую прохладу, Павел Борисович выехал из Каира на арендованном вездеходе «ленд-крейсер». Для сравнительно короткой поездки в Дельту, где находились раскопки Пер-Рамсеса, машина была несколько великовата. Однако путь лежал через пустыню, а там всякое может случиться. Лишний бак с водой и канистра с бензином не помешают.

Помимо самого факта личного присутствия, Пер-Рамсес интересовал Климовицкого и как возможный объект исследования. Если удастся определить возраст житниц с семисвечниками на стенах, то это явится бесспорным открытием. Причем совершенно самостоятельным, ибо позволит дать хотя бы ориентировочную оценку временного промежутка, отделяющего Моисея от Иосифа.

ФАЙЛ 033

Серов опаздывал на важную встречу. ЧП случилось, как и положено, в самый неподходящий момент и нежданно, хотя предвидеть и предотвратить его было возможно.

Удовлетворив возникший интерес к атомной проблеме, вещий Олег пожелал ознакомиться с оригиналами работ академика Сахарова. Лишенный доступа к художественной литературе и гуманитарному знанию, за исключением логики и семиотики, он, постепенно теряя охоту к математике, с жадностью углубился в теоретическую физику и космологию. Выход был нулевой. Олег лишь поглощал колоссальные объемы информации, не выдавая ни строчки. Насколько глубоко он усваивал материал, судить было трудно. Привлекать квалифицированного специалиста Серов пока не хотел, а сам в физической проблематике не разбирался. На вопрос Олега, зачем нужна водородная бомба, он тем не менее смог подыскать единственно возможный ответ.

— Эксперимент в области термоядерного синтеза. Начальные шаги по овладению новым видом энергии. Бомба — устаревший агрегат, снятый с производства.

Для вящей убедительности пришлось ввести в компьютер массу сведений о «Токамаках», магнитных ловушках и разогреве плазмы, где вновь выплыло имя Сахарова.

Серов дал поручение сделать подборку статей, опубликованных в открытой печати. Для него самого стало подлинным откровением, что «отец водородной бомбы» и знаменитый право-

защитник внес значительный вклад в космологию, дав теоретическое обоснование умопомрачительной гипотезе о бесконечном числе Вселенных, и связал гравитацию с природой физического вакуума, состоящего из виртуальных частиц.

Сотрудник, которому было поручено подготовить материал, проявил излишнее рвение. Вместе с публикациями в «Журнале экспериментальной и теоретической физики» в файл попал и один из отчетов, которые опальный академик посылал из горьковского пленения в физический институт. Последний абзац этого поразительного, на одной страничке написанного документа[1] оказал на программу столь разрушительное воздействие, что невольно возникла мысль о компьютерном вирусе.

Олег замкнулся и замолчал. Фактически ничего не зная о человеке и человеческом обществе, он не смог переработать противоречивую, лишенную внутренней логики информацию.

Крылатая мысль, объявшая бесконечность всего мироздания, бьется в тисках насильников, обряженных в белые халаты. Такое нормальному человеку покажется бредом, но не нам, не нам.

Паутина

Дети и подростки заводят себе «компьютерных» друзей, имеющих общие с ними интересы. Есть риск, что юный пользователь получит доступ к неприемлемому для него материалу — описанию сексуальных извращений или сцен насилия. А «познакомив-

---

[1] К ОТЧЕТУ ЗА 1984 ГОД

В 1984 году мною была опубликована работа «Космологические переходы с изменением сигнатуры метрики» (ЖЭТФ, т. 87, 1984, вып. 2 (8), с. 375—383). Высказана гипотеза о существовании состояний физического континуума, включающих области с различной сигнатурой метрики, и о возникновении наблюдаемой Вселенной и бесконечного числа других Вселенных в результате квантовых переходов с изменением сигнатуры метрики. Высказано предположение о существовании в нашей Вселенной, наряду с наблюдаемым (макроскопическим) временным измерением двух или другого четного числа компактифицированных временных измерений. Высказано предположение, что равенство 0 или аномальная малость космологической постоянной обусловлены антропологическим отбором, т. е. свойственны наблюдаемой Вселенной и не имеют места в ненаблюдаемых Вселенных.

Первая, а возможно также вторая и особенно третья фразы могут быть включены в отчеты отдела, института и академика-секретаря.

Значительную часть отчетного времени я не мог заниматься научной работой, в особенности потому, что с 7 мая по 8 сентября был принудительно госпитализирован в больницу им. Семашко, где подвергался насильственному кормлению, нанесшему серьезный ущерб моему здоровью, и где был лишен всех связей с внешним миром, в том числе научной литературы.

9 ноября 1984 г.

С уважением А. Сахаров

г. Горький

шись» с кем-то путем общения через модем, он может подвергнуть опасности себя и всех членов семьи. Известны даже случаи, когда компьютерным знакомством пользовались педофилы, выдавая себя за мальчиков и девочек.

Что же могут сделать родители?

Никогда не передавайте в сообщениях личную информацию — домашний адрес и номер телефона, адрес школы ваших детей, возраст, семейное положение и, конечно, финансовую информацию.

Всегда будьте в курсе, какую информацию получает ваш сын или дочь. Выясните, есть ли способы блокировать нежелательные сведения, оградить от них детей.

Никогда не разрешайте детям лично встречаться с «компьютерными» друзьями без вашего ведома. Если же договоренность о встрече имеется, то она должна быть в общественном месте и обязательно в сопровождении взрослых.

Никогда не отвечайте на послания двусмысленного, оскорбительного или агрессивного характера.

* * *

Во Франции по обвинению в совращении малолетних полицией задержаны двое субъектов. Эту информацию передал телевизионный канал France-2. Согласно версии полиции, обвиняемые распространяли по международной информационной сети Интернет фотографии детей с целью привлечь клиентов, желающих воспользоваться услугами малолетних проституток. France-2 отмечает, что расширение международных телекоммуникационных сетей не всегда служит интересам общества.

* * *

В Интернете можно найти любую информацию. Страничек, посвященных «запрещенным» для детей темам, там больше чем достаточно. Несмотря на введенный в США закон о коммуникациях, наказываю-

щий порнографические странички штрафом до 250 тысяч долларов, их все равно много, и к тому же пользователи вне США этому закону не подчиняются. Разработано несколько систем рейтинга страничек, запрещающих доступ или, наоборот, разрешающих доступ к уже проверенным страничкам. Самые популярные системы Интернет-рейтинга: «Cybersitter», «Net-Nanny», «SurfWatch», «Cyber-Patrol».

Магия

Могущество женщины, как его добиться. Маг-медиум доктор *** и его астральный макияж помогут Вам иметь успех у окружающих, положение в обществе, сохранить молодость и найти любовь, самой стать немного колдуньей, всегда быть загадочной и неотразимой.

Интим

Господа! Красивая фотомодель, без комплексов, владеющая массажем, проведет время с солидным состоятельным мужчиной.

ФАЙЛ 034

Кефтиу, как называли Крит египтяне, встретил Климовицкого пронзительной синевой такой сияющей насыщенности, какая редко случается даже в стране пирамид. С гостиницей повезло. Стерильная чистота, двухразовый шведский стол, домашняя атмосфера. Номер, довольно просторный, выгодно сочетал современный комфорт с античной простотой: ничего лишнего. Клиентура в подавляющем большинстве состояла из немцев, притом пожилых. Свойственные им бережливость и приверженность к порядку наложили свой отпечаток и на обслуживающий персонал. Все делалось четко, быстро и своевременно, а уж кормили прямо-таки на убой.

Трудно было бы выбрать лучшее пристанище, хотя Павел Борисович и руководствовался совсем иными соображениями. Перелистав предложенные в турфирме проспекты, он фактически ткнул пальцем наугад, прельстившись близостью моря и выгодным местоположением.

Деревушка Сталида, где находился отель с несколько необычным для здешних мест названием «Кактус», словно нарочно располагалась между основными центрами минойской цивилизации: Кноссом и Малией. Автобусы ходили точно по расписанию, и всегда можно было, ни от кого не завися, выбрать наиболее удобное время для посещения раскопок и Археологического музея в Ираклионе, не уступающего богатством афинскому.

Словом, проспект не только не обманул, но и превзошел все ожидания, что, надо признать, случается не столь часто.

Благоухающий цветением сад отделяла от песчаного пляжа только асфальтовая лента дороги. Буйная субтропическая зелень скрывала отдельно стоящие виллы с плоскими крышами и глубокими лоджиями, затененными черепичным навесом, ступенчато ниспадающим с третьего на второй, а затем и на первый этаж, где Климовицкому предстояло прожить по меньшей мере неделю, а то и две. Гирлянды бордовой и нежно-фиолетовой бугенвилии навевали ощущение непреходящего праздника. Поистине, щедрость критских богов не знала предела. Белоснежные стены комнаты, с нарочито шершавым рельефом, и пол из плит искусственного мрамора, казалось, впитывали отсветы неба и моря, голубея прохладой высокогорного фирна. Лоджия выходила во дворик, густо засаженный пальмами и кактусами. Гигантский цереус, похожий на трезубец бога морей Посейдона, едва не касался своими колючками ярко-розовой черепицы. Каменная горка с коллекцией цветущих эхинокактусов и опунций выгодно подчеркивали горделивое одиночество этого живого фетиша, привезенного из какой-нибудь мексиканской пустыни. Стало понятно, почему гостиница — Hotel bungalows — и примыкающий к ней пляж с разноцветными зонтиками и шезлонгами именовались «Cactus beach».

Международный туризм поспособствовал не только смешению языков, но и расселению флоры. В бассейне цвели амазонские кувшинки, на крыше гаража вызревали декоративные китайские тыквочки, а канадская голубая ель отлично уживалась с японской камелией. В каждом фрагменте этой живой мозаики ощущался намек на некую неохватную целостность, которую дано прочувствовать, но не понять.

Окаймленные шпалерами роз тростниковые беседки обвивали виноградные лозы, а по стенам вились узловатые жилы глицинии. Напоенная соком благодатного краснозема, она впала в осеннюю дрему, слабо отзываясь трепетом жестяных листьев на дыхание моря.

Не в пример благопристойной немчуре, Климовицкий не утруждал себя проходом по каменным коридорам, а, перемах-

нув через перила в одних плавках, кратчайшим путем перебегал прямо на берег. Раскаленный песок обжигал, заставляя без промедления броситься в довольно-таки прохладную воду. Одна за другой накатывали волны, разбиваясь радужной пеной о скалы, облепленные острыми, как бритва, ракушками, и солнечные лучи сплетались в сетку на взбаламученном дне. Горячий воздух жадно впитывал капли, оставляя на коже благодатную соль.

Блуждая вдоль кромки прибоя, Климовицкий лениво разгребал босыми ногами кучи гниющих водорослей, натыкаясь на обкатанные кусочки белой и угольно-черной пемзы. Поди угадай, какой из них хранил память о битве стихий, уничтожившей Атлантиду. Вулкан Тиры все еще время от времени выбрасывал раскаленную лаву, которую, повинуясь ветрам и течениям, волны гнали на Крит и щедрой дланью богов разбросанные Киклады.

Ход светил задавал извечный ритм содроганиям тверди, и текучие воды подчиняли ему свой набег и откат.

Безмятежно ласкова бирюзовая гладь в ослепительных вспышках. Играет дельфин, дразня чайку, парящую в вышине. Обманчиво недвижимы горные склоны, плывущие в сизой дымке. Наливаются соком оливы, волнующей горечью дышит полынь, и пчелы деловито сбирают нектар с лиловых и желтых соцветий.

Остановленный миг в крайней точке вселенского маятника. Мгновенье покоя и счастья перед возвратным движеньем. Быть может, одной лишь медузе, что, пульсируя сиреневой бахромой, косо уходит в индиговый мрак глубины, дано ощутить, как готовы расправиться плечи неистового колебателя тверди. Или это ящерица, порождение нижнего мира, уловила дрожью нежного горла предвестье родовых мук Матери-Геи? Изумрудный дракончик, скользнув с нагретого камня, юркнул в замшелую трещину.

Пенные языки вылизывали песок, оставляя узор отхлынувшего прибоя.

В таверну можно было войти прямо с пляжа, поднявшись по ступенькам в проеме платформы, сложенной из ракушечника. Ноздреватые блоки проросли янтарными зонтиками аниса и плотоядного вида малиновыми цветками, распустившими игольчатые лепестки средь мясистых пальцеобразных листьев. Дикая природа сама позаботилась приукрасить неприглядный тыл харчевен и магазинчиков, протянувшихся по обе стороны автострады. Только в непосредственной близости от «Кактуса» Климовицкий насчитал сорок семь ресторанов: греческих, китайских, индийских, тайских — на любой вкус. Даже для «Русской кухни» нашлось местечко — между юве-

лирной лавкой, где заодно приторговывали шубами из норки и опоссума, и виллой «Маруська».

Несмотря на плотный завтрак, есть после купания хотелось со страшной силой, но разбегались глаза. Перед входом в каждое заведение стоял столик с раскрытым меню и цветными фотографиями предлагаемых яств. Зазывала в белой рубашке с приспущенным галстуком, сладко закатывая белки, кричал по-немецки: «Herzlich will kommen!»[1].

Напустив на себя вид скучающего фланера, Павел Борисович прошелся пару раз туда и обратно, но так ни на чем и не остановился. Не столько из любопытства, сколько прячась от палящего солнца, хотелось нырнуть в спасительную тень. Высокая мода соседствовала с джинсой, мороженое с марочными винами, рыболовные снасти с овощными грудами и расписной керамикой. От красочных витрин и рекламных щитов рябило в глазах. Пляжные принадлежности, сувениры, открытки, экскурсионные бюро и обменные пункты, аренда недвижимости и прокат чего угодно: велосипедов, яхт, спортивных машин, самолетов.

Пока под тентом отдыхали глаза, он купил копию знаменитого, по сей день не расшифрованного «Фестского диска». Загадочные иероглифы были врезаны по спирали с обеих сторон. Устоять против вазы — ликифа с морскими звездами и синими дельфинами — тоже оказалось никак невозможно. Как нарочно, на той же полке приютился и зеленоватый, под бронзовую патину, кратер с рельефным осьминогом, и возникла непростая проблема выбора. Разрешить ее можно было, только взяв оба шедевра минойской эры. Свинцовые пломбы удостоверяли полное соответствие музейным подлинникам.

Деньги были потрачены не зря. Во-первых, окончательно созрела мысль о грядущем ленче: местная рыба на скаре и обязательно осьминог, а во-вторых, удалось определить наиболее выгодный курс: 225 драхм за доллар. По счастливой случайности, обмен производился в экскурсионном офисе, где между вездесущими плакатами: Knossos, Samaria, Spinalonga, Unbekanntes Kreta, Kretische Nacht[2] блеснуло золотом на лазури заветное Santorini.

Павел Борисович ничуть не удивился, обнаружив за стойкой белокурую нордическую валькирию. Вторичная, мирная на сей раз, оккупация была налицо, и с ней приходилось считаться, невзирая на неудобства языкового барьера. Впрочем, голубоглазая лорелея в открытом платьице легко перешла на английский и нашла соответствующий проспект, из которого

---

[1] Добро пожаловать (*нем*)
[2] Кносс, Самария, Спиналонга, Неизведанный Крит, Критская ночь (*нем*)

стало ясно, что Tages-kreuzfahrt на лайнере «Минойский принц» означает one day cruise — однодневную поездку на заповедный остров. За отдельную плату предлагалось выбрать одну из экскурсий: раскопки Акротири, традиционная деревня Пиргос или чудесный песчаный пляж Камари. Казалось бы, полный ажур, но наполеоновские замыслы никак не укладывались в однодневный развлекательный тур.

Из Ираклиона судно отходит трижды в неделю в семь утра, в одиннадцать тридцать прибывает на Санторини и уже в семнадцать тридцать отправляется в обратный путь. Жалкие шесть часов. Не хватит даже для осмотра Акротири. Климовицкий планировал побывать на всех островах, окружающих исполинскую подводную кальдеру: на Тристии и Неа Камени, где дымится действующий вулкан, на Палеа Камени и Аспрониси. Нанять лодку на месте будет куда сподручнее и, главное, обойдется намного дешевле, но шесть часов... Это даже не смешно.

— Я предполагал задержаться там на несколько дней, — разочарованно протянул он.

Милая дама понимающе закивала и, не переставая приветливо улыбаться, достала новый буклет с изображением такого же белоснежного теплохода, но с названием «Вирджиния Скай» на борту. Он совершал уже пять рейсов в неделю, но почти по такому же графику. Все различие заключалось в том, что время отчаливания сокращалось на четверть часа.

— Я свяжусь с компанией, — заверила немка. — Надеюсь, они пойдут вам навстречу. Только нужно будет заранее оговорить день возвращения. Хорошо?

Климовицкий обещал подумать и зайти завтра. Забрав проспекты, попросил обменять стодолларовую банкноту.

— Ваш паспорт, пожалуйста.

— Паспорт?.. Но паспорт в отеле. Я сбегаю. Это совсем рядом.

— В каком отеле?

— «Кактус», — для пущей убедительности он вынул ключ на тяжелой латунной гирьке. — Можно позвонить в ресепцию.

Но она не стала никуда звонить. Сняла ксерокопию купюры, спросила фамилию и дала расписаться.

В таверне «Ахилио» Климовицкий оказался единственным посетителем. Здесь, как и всюду, оформление отличалось скромным изыском, как бы намекающим на нечто утраченное, полузабытое, но — как знать? — может, все еще существующее где-то далеко-далеко или совсем рядом. К капитальной стене примыкали широко открытые морским ветрам арки, декорированные рыбацкой оснасткой: старая сеть с поплавками, ржавые якоря, изъеденное солью весло, железный рычаг румпеля. На белой известке этот хлам казался музейным анти-

ком. Рыба-шар, подвешенная к балке, покачивалась, растопырив шипы, в струйном дыхании бриза. Возле громадной печи, похожей на бетономешалку, журчал фонтанчик, бивший из раковины тридакны. В морском аквариуме среди обломков кораллов издыхал осьминог с умными тоскующими глазами. Его изогнутый, как у попугая, клюв конвульсивно хватал пропущенную сквозь фильтры воду.

Павел Борисович не хотел бы увидеть на своей тарелке именно этого представителя отряда головоногих, но, заглянув в меню, сказал, как и было задумано:

— Кхмаподи.

— Соупе? — спросил официант.

— Скарас, — показал Климовицкий на печь.

В ответ прозвучала темпераментная тирада, сопровождаемая оживленной жестикуляцией.

— Милате англика? — ничего не поняв, спросил Климовицкий.

— Охи, — выразительно покачал головой грек. Нет, он не говорил по-английски.

Установить взаимопонимание помогла строчка в меню: «осьминог с артишоками («ангинарес») на скаре». Перешли к рыбе.

— Кефалос.

— Скарас? Эна кило?

— Миссо кило, — заглянув в записную книжку, поправил Павел Борисович, решив, что полкило кефали будет достаточно. — Пепони, — заказал на десерт дыню.

— Пота? — официант пригубил невидимую рюмку.

— Бира.

Уточнять марку не было надобности. Всадник с мечом на бумажных салфетках и пепельницах говорил сам за себя. Заведение подкрамливалось рекламой пива «Holsten».

В ожидании заказа Климовицкий принялся изучать проспекты. Морская прогулка выливалась в копеечку: завтрак и обед (лобстер, икра, шампанское) оплачивались сверх стоимости круиза. По самым скромным подсчетам, на круг выходило долларов под двести.

Самое разумное было съездить в Ираклион и узнать, нет ли обычного рейса на Тиру, не для скучающих богачей, а ради нужд местных жителей.

Официант принес пенный бокал на фирменной картонке и, видимо, по собственному усмотрению, салат: помидоры, маслины и крупно нарезанный лук. Слегка припорошенный углем хлеб дышал жаром.

Такой, наверное, едали ахейцы под стенами Трои. И такие маслины, похожие на сушеный чернослив, ничего общего не

имеющие с образцово-показательными, но безвкусными плодами в жестянках.

Осушив единым духом бокал, Климовицкий набросился на еду. Раскаленные блюда из нержавейки, на которых истекали соком обложенные ломтиками лимона рыбины и пузырился лилово-коричневый шар с зажаренными до черноты щупальцами, приспели в самую пору. Салат, щедро приправленный оливковым маслом и уксусом, только раздразнил аппетит.

Для дыни уже не хватало места, но Павел Борисович пересилил себя и, омыв пальцы в чаше с водой, где плавала четвертинка лимона, неторопливо принялся срезать испещренную клеточным узором желтую корку.

Упоительное ощущение полного довольства несколько подпортил счет, в два раза превысивший сумму, прикинутую по прейскуранту. Но стоило ли из-за двух тысяч драхм вступать в пререкания и портить себе праздник? Тем более что лукавый грек, как бы в подарок, поднес рюмку анисовки.

— Узо! — с видом знатока продегустировал Павел Борисович и поблагодарил: — Ефхаристое.

У всякой игры свои правила.

В честь знаменательной встречи с Критом можно позволить себе маленький пир, а на будущее — булки с сыром и ветчиной вполне хватит, чтоб перебиться до ужина. За завтраком он успел заметить, как немцы за соседними столиками без малейшего смущения уносят бутерброды в салфетках.

Выйдя из таверны, он завернул за угол и неторопливо направился к главной автостраде, где курсировали автобусы. Судя по плану Ираклиона, Археологический музей находился рядом с конечной остановкой.

Первый зал (5000—2600 BC[1]) Климовицкому пришлось пробежать, чтобы опередить экскурсионные группы. Перспектива разглядывать кости архаичных могильников из-за чужих спин не вдохновляла. Но не успел он приникнуть к стеклу, за которым чернела медь периода древних дворцов — зал II (1900—1700 BC), как ввалилась галдящая ватага с экскурсоводом «франкоязычницей», и не оставалось ничего иного, как вернуться обратно. Так и мотался взад-вперед, пребывая то в авангарде, то в арьергарде, благо время не лимитировало.

Культ быка отчетливо прослеживался еще в неолите, за шесть тысяч лет до нашей эры. Могучий телец был изваян из глины, вырезан из слоновой кости, его контуры метили черный базальт, и среди великого множества кувшинов и ваз то и дело попадался характерный орнамент рогов. Расположенные анфиладой залы вели по стреле времени, от древнейших

[1] До Христа (*англ.*).

захоронений с каменными орудиями к эпохе минойских дворцов, когда появилась бронза, филигранное золото и многочисленные двойные топоры — тавро Зевса Критского. Лабрис! Священное оружие, коим убивали приносимого в жертву быка, словно дальнее эхо, откликается в глубине Лабиринта. Отзвук мрачных мистерий таится в самом имени Минотавра, сына царя Миноса и зачавшей от бычьего семени Пасифаи... И как яркий свет после долгих блужданий в подземных тунелях, как сияние моря на выходе из темного грота, — волнообразные знаки воды и мистическая спираль мирового закона.

Морские чудища отныне сопутствуют рогатому богу и богине — змее. Кажется, что сама природа достигла высшего совершенства в осьминоге, в дельфине, в морском коньке и пучеглазых причудливых рыбах, готовых взлететь на колючих крыльях над кружевом пен. Совсем иная, ни на что не похожая цивилизация; жизнерадостная, веселая, утонченная, но затаившая ужас безвозвратных зыбей.

Спирали на терракотовом кратере с рельефными желтыми цветками, словно проросшими сквозь глазурь, повторяют извивы фестского диска, но безмолвствуют загадочные рисунки и немы линейные письмена.

Неведомый народ, неизвестный язык, смутно угадываемые кумиры. Гибель подстерегает при переходе от Тельца к Овну. Она угадывается в нервном ритме орнамента, в кресте, предвосхитившем мальтийский, в свастике, запущенной против солнца, в чудовищной свинге, сомкнувшей женственные уста.

Спиральная вязь прерывается, взметаясь кудрявыми завитками, под резким изгибом громовых стрел. Словно поднятая землетрясением приливная волна уже готова обрушиться на северный берег. Нервы улавливают, сердце предчувствует, тянется к темной волшбе: магические амулеты, вотивные фигурки, талисманы. Но тут же и тонкая, как японский фарфор, керамика, и позеленевшие мечи с золотой рукояткой, и шлемы с глазными прорезями. А вот и филигранная золотая подвеска из Малии: две целующиеся осы. Климовицкий пожалел, что не купил открытку в археологической зоне. Впрочем, ничего не потеряно. От гостиницы до развалин дворца всего три остановки. Иди знай, что осы такая же редкость, как «Фестский диск». «Нигде более не встречается», — значилось на табличке. Только специалист способен выделить критский мотив, отличный от всего, что промелькнуло, не оставив следа, в музеях Каира, Афин и Иерусалима. Может, и впрямь вперемежку с предметами местного производства затесался и заморский товар? Равноудаленный от Азии, Африки и Европы и равноприближенный к ним Крит лежал на скрещении морских дорог, связавших острова Эгеиды с Финикией и Египтом, Иу-

деей и Анатолией. За тысячу лет до Троянской войны здесь уже возводили многоэтажные дворцы с канализацией и водопроводом. Запутанные ходы Лабиринта запечатлены на золотых пластинках с непонятными знаками, которые не смогли прочитать полудикие эллины. Гомер, и тот не знал грамоты. Потерян ключ, и никто уже не скажет, откуда привезен хотя бы этот тончайшей работы ритон с головой львицы. Из Мемфиса, Тартеса? Может, из самой Атлантиды? Не в обычае древних было ставить клеймо... Она где-то тут, Атлантида. Затерялась среди мертвых вещей. Но немы письмена, молчит позеленевшая бронза и кубок из электро не помнит пути своего.

Павел Борисович вновь посетовал на то, что так мало знает. Не тем занимался, не тем. Промотал жизнь ни за что ни про что.

Он надолго замер перед раскрашенной статуэткой богини с обнаженной грудью и змеями в руках. На соседнем стенде она была представлена в несколько ином облике, но все те же ядовитые твари покорно вились вкруг локтей.

Имя хозяйки Крита хранят заброшенные кладбища, где она пролетала под полной Луной, окруженная псами и демонами.

В кратком пояснении значилось, что «центральная фигура минойского пантеона» (увы, анонимная) почиталась богиней диких зверей, повелительницей гор и лесов со всеми их обитателями, а также благосклонной покровительницей злаков и всего, что растет на земле. «Богиня змей» — читалось, однако, под ее изображением с кошкой на голове. Фигура датировалась 1550—1500 годами до н.э., когда второе извержение тирского вулкана подчистую смело циклопические сооружения. И вновь лучезарный расцвет. Из руин поднимаются еще более величественные дворцы, украшенные статуями и фресками недосягаемого совершенства. Придворные дамы в одеждах Богини Змей (тугой корсаж, открывающий грудь, юбка колоколом с оборками) посылают улыбку бессмертия из дали веков. Стройные загорелые юноши с длинными черными волосами в уборе из птичьих перьев излучают сияние вечной молодости. Широкоплечие, с тонкой осиной талией и могучими чреслами, едва прикрытыми набедренной повязкой, они творят загадочный обряд. Всемогущие, словно боги, проходят в торжественной процессии, неся на вытянутых руках атрибуты священной власти. И вершат возлияния, кружась в танце под сенью Дерева Мира, где у корней пресмыкаются змеи, а птицы щебечут в пронизанной солнцем листве. Тень смерти не погасит радужного оперения, не омрачит голубизны горизонта, не коснется ни этих лилий, что не полегли под ногой, ни этих глаз, прозревающих вечность.

Ритон горного хрусталя с ручкой, набранной из аметисто-

вых бусин, — не для вина, пусть и самой отборной лозы. Он достоин нектара на пиру небожителей, затаивших гневную ревность. На последнем пиру. В расплавленных недрах зреет третий удар. Кносс, Фест, Малиа, Като-Зарко — все будет сдуто с доски бытия. Вместе с минойскими дворцами исчезнут виллы Аги-Триады и хижины бедноты. Только глиняный макет дома с колоннами, подпирающими плоскую крышу (1450—1400 до н. э.), уцелеет под толщей морской гальки и ила, чтобы через тысячи лет одеться музейным стеклом. Боги уходят из разрушенных храмов.

После долгих веков запустения другие народы принесли своих богов. Черты полнейшего упадка отчетливо читались в металле, камне, керамике. Вторгнувшиеся на остров дорийцы не интересовали Климовицкого. Он поднялся на второй этаж, чтобы полюбоваться кносскими фресками. «Парижанку» увидел еще с лестницы. Поразительное, необъяснимое сходство с Антонидой Ларионовой обозначилось на подлиннике с ошеломляющей завершенностью. Откуда-то повеяло духами Марго. Она все еще снилась ему, волнуя и мучая ускользающей близостью.

Как вспышка в оцепенении медитации, промелькнула догадка, что все нити где-то затянуты в мертвый узел. Сон сродни мифу: потерянный рай не подвластен забвенью. Блеснуло искоркой на ветру и погасло. Туманные грезы об Атлантиде наложились на грустную память, но не излились в слова. Связи распались, и нет ничего. Только пустой сосуд и мучительные попытки вернуть видение, проблеснувшее в дымчатом хрустале. Но чем настойчивее усилие, тем непроглядней завеса.

ФАЙЛ 035

Прогноз погоды на предстоящие выходные занимал Бобышкина исключительно в плане рыбалки. Он так и выражался — «в плане», ибо благие намерения претворялись в действительность в лучшем случае через раз.

Миленькая дамочка на московском канале, стоя перед картой, лихо очертила границы атмосферных фронтов и пообещала в воскресенье кратковременный дождь. Вопрос не стоял, ехать или не ехать на садовый участок, где еще с середины мая обосновалась семья. Разумеется, ехать, куда от них денешься? Загвоздка лишь в том, что никогда не знаешь заранее, какой сюрприз ждет. Участок, он и есть — участок. То веранда течет, то дрова кончаются. И лебеду с одуванчиком надо драть, и землю возить, и с внучкой пообщаться не вредно. В прошлый

приезд к снастям так и не притронулся, а снасти добротные — от Шекспира. Нет уж, хотя бы субботу нужно урвать. На водохранилище судак начал брать, а в торфяном озере здоровенные караси развелись, если сосед не врет.

Федор Поликарпович допил чай с ромом и собрался выключить телевизор, но тут Царапкина подоспела с новостями из «Эрмитажа». За полторы минуты она ухитрилась выпалить подробности происшествия и пообещала продемонстрировать три, как назвала, «коллажа-фоторобота». Времени ей хватило всего на один. На отличной цветной фотографии Эмма Пусалакос была представлена в полный рост, но с голой грудью, позаимствованной, судя по размерам, у Чикколины, одарившей благосклонным вниманием господина Жириновского. Молочные железы производили куда большее впечатление, нежели ползущие по рукам змеи.

Бобышкин только головой покачал: «Что творится по тюрьмам ужасным...»

Гвоздило, не давая покоя, название акционерного общества. Что-то определенно было связано с этим «Фолтером», но что и когда? Никакая передряга не доставляет такого нудного дискомфорта, как сбой памяти. Чем сильнее напрягаешься, тем оно дальше уходит. Как лещ, которого не сумел вывести, — блеснет золотой чешуйкой в черном омуте — и салют!

В два часа ночи Бобышкина словно током ударило. Тело пронзила короткая дрожь, и он испуганно встрепенулся, ощущая тяжелое трепыхание сердца. Сон как рукой сняло.

«Никак моторчик забарахлил?»

На всякий случай накапал тридцать капель валокордина. Обжигающая горечь с привкусом мяты произвела совершенно неожиданное воздействие. Мятные пряники встали перед глазами: темные такие, с облупленной белой глазурью — вкуснотища! В последний год войны появились — теперешним не чета. Во втором классе, кажется, однажды выдали в виде школьного завтрака. Обычно бублик с ириской, а тут вдруг целых два пряника! Здоровенный силач — второгодник Ошивкин — забирал его бублики себе, обеспечивая защиту, «крышу» по-нынешнему, а Вовченко — генеральский сынок, с ним еще Трофимов сидел... Точно! Он за один пряник марку острова Борнео отдал с оторванным зубчиком, а другой Бобышкин сам съел, за что и схлопотал от Ошивкина...

Полвека прошло, зубов почти не осталось, а та же вязкая мякоть и хруст сахарной глазури, и ментоловый дух, и жар от затрещины. Недаром, видно, индейцы в ответственные минуты нюхали какую-то дрянь. Запах не позволяет забыть. Или оплеуха сказалась? У Бенвенуто Челлини в мемуарах описано, как саламандра в огне плясала. Отец ему и врезал, чтоб до

смерти великое чудо запомнилось. Мята ли так подействовала или потомственный уголовник Ошивкин подсобил, только вспомнил Федор Поликарпович, что значит die Folter, в школе он немецкий учил да так и не выучил, но вспомнил. Амалия Александровна, немка-учительница, настоящая немка — и как это ее не выслали? — диктант заставила писать про юного партизана. Там эта Folter и выскочила: Бобышкин «d» вместо «t» написал.

«Ах, клятая память! Какие выписывает загогулины! Ничто не пропадает, сумей только ключ подобрать»...

Он погасил ночничок в виде совы с хрустальными глазищами, но заснуть так и не смог. Воспоминания свою задачу выполнили, отступили, как отливная волна, обнажив засасывающую трясину сиюминутных надобностей.

«Попытка — не пытка», — в последний раз напомнило о себе немецкое слово, прежде чем затеряться на складе забытых вещей, куда редко наведывается владелец.

Тростинский прав: шарить по больницам бессмысленно: трахеотомия — или трахеостомия? — операция рядовая. Но это на фоне общей статистики, а если поискать среди пропавших? Разыскиваемых? Примета куда более верная, чем всякие там свитера да сапожки. «Ушла из дома... была одета...» А я в ответ: «Найден труп без одежды?». Напрасная трата времени и сил. Сформулировать придется поделикатнее, упирая именно на операционный шрам. Про дырку в черепе ни слова, про костер — тоже. Нам не поможет, а людей травмирует. «Обгорелый труп!» Только этого не хватало. «Найдена молодая женщина, волосы прямые темные, глаза серые, рост такой-то, на горле шрам от перенесенной в детстве операции». И все, больше ничего и не нужно, — Бобышкин уже не мог лежать. За окном посветлело. День обещал быть жарким не только по погоде. С утра совещание, встреча в Институте мозга назначена на двенадцать, потом можно и на телевидение махнуть: «Попытка — не пытка». Интересно, как по-немецки попытка?.. А никак! Не проходили, и точка.

Без десяти двенадцать он уже сидел у Мирзоянца. Карен Нахапетович прошел суровую школу. Про представителя ФАПСИ и намеком не обмолвился. Нечего понапрасну язык распускать: кому положено, сам спросит.

— Анатолий Мелентьевич немного запаздывает, — предупредительно сообщил он. — Минут двадцать как звонил. Просил принести извинения. Подождете?

— Смотря сколько, — Бобышкин озабоченно посмотрел на часы.

— Максимум полчаса.

— Не страшно.

Приход следователя по особо важным делам Мирзоянц увязал с недавним визитом Гробникова. Как-никак найден микропроцессор, который мог навести на след, или же вскрылись новые обстоятельства и понадобилось уточнить отдельные детали. Но почему с Серовым? Неужели на него пало подозрение? Сдержанность гостя он объяснял секретностью, которой окружены следственные действия. «Но не до такой же степени? Молчит, либо говорит о совершенно посторонних вещах: погоде, рыбалке...»

— Вообще-то основное место профессора Серова в Институте квантовой биологии, — Мирзоянц решился предпринять рекогносцировочную вылазку. — У нас он на полставки... Не желаете с кем-то еще поговорить, пока подъедет Анатолий Мелентьевич?

— Я бы с удовольствием, но с кем именно? Мне профессора Серова рекомендовали.

— В связи с кражей? — последовал наводящий вопрос.

— С какой еще кражей, простите?

Непритворное удивление следователя, а опытный психиатр в таких делах разбирается, несколько озадачило: оказывается, прокуратура шла совсем по другому следу. Карен Нахапетович даже забеспокоился. Неужели стряслось еще одно ЧП?

— Значит, вы не в курсе, — он выжидательно откинулся в кресле. — Дело в том, что у нас похищены уникальные препараты, — решив, что вправе поделиться известными фактами, коротко, не называя имен, поведал о досадном происшествии. — Мы, конечно, тут же обратились в инстанции, к нам приезжали и обещали разобраться.

— Уж как водится, — не выразил особых чувств Бобышкин. — Воруют, как справедливо заметил историк. Вон намедни в Ленинке семисот древних манускриптов не досчитались[1]. Последняя инвентаризация проводилась лет двадцать тому назад. Директорша вообще не уверена, что рукописи пропали. Может, говорит, на другое место переложили. У них там бедлам по причине аварийного состояния.

Мирзоянц сочувственно вздохнул, умолчав о том, как при повторной, более тщательной инвентаризации не досчитался коробки со срезами мозга товарища Куйбышева. Ему понравилось, что следователь назвал библиотеку по-старому. Это придало смелости задать прямой вопрос:

— А к нам вы, извиняюсь, по какой надобности? Рад буду оказать посильное содействие.

---

[1] При корректировке распечатки файла допущен досадный анахронизм. Отмеченное событие произошло на 95 дней позднее. Впрочем, кража могла случиться и ранее, но существенного значения это не имеет. В гипертексте вполне допустимы незначительные временные смещения. (*Примеч. авт.*)

Федор Поликарпович охотно поделился своими заботами и, разложив на столе фотографии, подробно охарактеризовал оба случая трепанации.

— Какое ваше мнение, как специалиста по мозгу?

— Трудно так сразу сказать. — Диспозиция прояснилась, и Мирзоянц заметно повеселел. — Лично я к хирургии отношения не имею. Наверное, вы правильно поступили, обратившись за консультацией к Анатолию Мелентьевичу. У него, правда, другой профиль — биоинформативные системы, но, как знать... Человек широко эрудированный, весьма широко, что не всегда на пользу науке. Специализация — веление времени, — не смог он удержаться от негативной концовки: Серова в институте недолюбливали. — Чайку не желаете?

— Не откажусь. Жар жару выгоняет.

Мирзоянц полез за кипятильником, но чаевничать не довелось. Обитая простеганным кожзаменителем дверь распахнулась, и на пороге возник высокий широкоплечий здоровяк лет сорока в розовом блейзере с гербом неизвестного клуба. Типичный спортивный тренер международной квалификации с бодрым комсомольским оскалом.

— Вы из прокуратуры? — С месте в карьер обратился он прямо к Бобышкину, удостоив Мирзоянца небрежным кивком. — Еще раз извиняюсь. Задержался на таможне. Оборудование из ФРГ поступило, а там полный бардак. Пришлось выйти на руководство.

— Спасибо, что нашли время для встречи, — Бобышкин пожал протянутую руку. Не понравился ему этот спортсмен, с первого взгляда не понравился, но ничего не попишешь.

— Нам здесь расположиться или там, у него? — обратясь к Мирзоянцу, Серов кивнул на дверь, за которой находилась комната отдыха директора.

— Лучше тут, — Карен Нахапетович обидчиво поджал губы, поняв, что его присутствие нежелательно. — Василий Аполлинариевич не любит.

— Разве он не в отпуске?

— Можете занять мое место, — Мирзоянц демонстративно удалился в личные покои отсутствующего директора.

— Что положено Юпитеру, то не положено быку, — прокомментировал Серов. — Глупая пословица: Юпитер как был, так и остался быком.

— В самом деле?

— А кто уволок Европу на Крит, если не бык? Он и красавицу Ио в телицу обратил, сексуальный маньяк.

Мирзоянц не ошибся: эрудицию и характер профессор продемонстрировал с полоборота.

Федор Поликарпович вынужден был начать по новой, но уже со всеми подробностями.

— Эти? — не дожидаясь ответа, Серов сгреб снимки в стопку и принялся вдумчиво их разглядывать, один за другим, как банкомет, во избежание перебора. — Прелюбопытно и даже загадочно, но не по моей части, — изрек он, выбросив перед собой веером.

— И никаких предположений? — Бобышкин, хоть и не обольщался, испытал нечто отдаленно похожее на разочарование. Целенаправленно изо дня в день подавляемые эмоции порой взбрыкивали.

— Человек предполагает, Федор Панкратович...

— Поликарпович.

— Прошу прощения, Федор Поликарпович... М-да, предполагает, — Серов замолчал, мрачно уставясь на выцветшую фотографию, висевшую над диваном. — Знаете, кто этот господин?

— Какой? — Бобышкин неловко приподнялся, обернувшись лицом к стене. Там красовался целый иконостас застекленных портретов с автографами и без. Узнать удалось только Дзержинского, Горького и, кажется, Павлова. — Этот?

— Нет, правее. С усами и в шляпе.

Многолетнее воздействие света превратило густой коричневый тон в грязно-желтый. Одутловатое лицо с большими усами едва проглядывало сквозь патину разложившегося виража. Устояла только старомодная шляпа с глубоким заломом.

— Нет, не узнаю.

— Оскар Фогт — первый директор и фактический основатель института. Мозг Ленина препарировали под его руководством. Носились с ним, как с писаной торбой, а он взял да уехал обратно в Германию.

— В самом деле? — выжидательно пробормотал Бобышкин, не понимая, куда клонит Серов.

— И правильно сделал. Иначе бы наверняка посадили, а там, глядишь, и к стенке поставили. Парадокс ситуации заключается в том, что часть срезов драгоценного мозга вождя мирового пролетариата хитрый немец забрал с собой, в Берлин. Кто бы мог предполагать, что, обласканный и облагодетельствованный большевиками, он будет держать нос по ветру? Ему за что платили золотом? За научное подтверждение гениальности несостоявшегося присяжного поверенного Ульянова. На основе сравнения остатков его серого вещества с мозговыми структурами самых выдающихся современников. Но герр Фогт предпочел решить задачу от противного, сделав ставку на знаменитых преступников: убийц, международных аферистов, маньяков. Не знаю, чего он там сумел доказать, но,

как только Гитлер пришел к власти, результаты были опубликованы. Впрочем, особого успеха публичные демонстрации Фогта не снискали, кроме, конечно, Германии. Слишком сильны были в Европе левые симпатии. Думаю, этим и объясняется, почему ЧК не подослала убийц. И еще, это мое сугубо личное мнение, Сталину доставляло тайное удовольствие следить за тем, как выворачивают наизнанку нутро самого человечного. Коба ведь и сам был из уголовников, и с охранкой сотрудничал.

— Это не доказано.

— Доказано, доказано, — Серов успокоительно взмахнул ладонью. — И давно опубликовано за границей, наряду с документами кайзеровского генштаба относительно запломбированного вагона. Они стоили друг друга, учитель и ученик.

— Пусть будет по-вашему, — Федор Поликарпович раздраженно поморщился. — Но какое это имеет отношение к нашей теме?

— Самое непосредственное. Вы, кажется, хотели узнать мое мнение?

— За этим и пришел.

— Собственно, я вам его и излагаю. В исторической последовательности, ab ovo[1]. Без этого мое предположение покажется вам абсурдным, и вы потребуете доказательств, а у меня ограничено время.

— Однако вы мастер на парадоксы, — Бобышкин по-прежнему не мог уловить хотя бы направление стези, по которой пытался вести его этот оригинал широкого профиля. По идее, он должен бы закончить пословицу банальной аксиомой, если только не мнил Богом себя самого. С людьми подобного склада такое случается. — Я не потребую доказательств, Анатолий Мелентьевич. У меня вообще нет права чего-либо требовать. Но вопрос, не относящийся к делу, задать можно?

— Сделайте одолжение.

— Вы состояли в КПСС? — Бобышкин спросил, глядя в окно, словно от нечего делать, и голос прозвучал, как надо, — бесцветно, незаинтересованно.

— Вопрос следователя, Федор Поликарпович? — рассмеялся Серов. — Я, знаете ли, как все. Состоял, а потом вышел, когда это уже ничем не грозило. Предваряя дальнейшие расспросы, говорю, как на духу: вступил исключительно из карьерных соображений и, как все, переливал на собраниях из пустого в порожнее, не веря при этом ни на копейку... А у вас как?

Бобышкин неловко усмехнулся, мысленно признав поражение. Сказать, что не сдал партбилет, не повернулся язык.

---

[1] От яйца — с самого начала (*лат.*).

— Что же, молчание — тоже ответ. Можете считать меня циником.

— Оба мы с вами циники, Анатолий Мелентьевич.

— Свойство характера или образ жизни? Думаю, все вместе. Я согласился встретиться с вами по просьбе Тростинского, которого глубоко уважаю. В нашей партии было немало благородных людей, но превалировали ничтожества. О чем это говорит? Ни о чем. За бортом осталась целая армия отъявленных негодяев, ибо никакая партия не способна охватить население целиком. Даже «ум, честь и совесть нашей эпохи». Вы отдаете себе отчет, где находитесь?

— В каком смысле?

— В самом конкретном. Нигде в мире не было и нет учреждения, подобного Институту мозга. Мозг изучают повсюду, но «ум, честь и совесть»?.. Извините! Наши законсервированные реликвии еще не потеряли своих вирулентных качеств. Мертвые препараты, микротомированные срезы — это лишь внешняя, очевидная сторона, но есть и другая, скрытая за гранью иной реальности. Вы не верите в эманацию священных реликвий, мощей? Между тем она существует, как существует и иная реальность, где мощи проявляют свою чудотворную мощь. Язык изначально эзотеричен, Федор Поликарпович.

Бобышкин молча слушал, грешным делом подозревая, что у Серова не все дома.

— Не думайте, что хочу заморочить вам голову. Все значительно серьезней, чем кажется со стороны. Вы даже не представляете себе, во что ввязываетесь... Про явление Цюрупы народу слышали?

— Дурацкие сплетни.

— Если бы! Происшествие в саду «Эрмитаж» — тоже, по-вашему, сплетни?

— Я не занимаюсь изучением мозга, мои познания в психологии не превышают среднего уровня университетской программы, но причины массовой истерии мне очень хорошо известны. Феномены, которые нельзя зарегистрировать с помощью приборов, для меня объективно не существуют. И не надо кивать на гравитацию или нейтрино. Существует гравиметрия, пузырьковые или еще какие-то камеры, где оставляют следы самые неуловимые частицы.

— Вполне достойная позиция. Но вы упустили пустяковую деталь. За несколько недель до «феноменов», как вы их справедливо назвали, в саду откопали трепанированные в надбровной области черепа. Это вам ни о чем не говорит?.. А «феномены», тут вы целиком и полностью правы, зарегистрировать не удалось.

— Я ничего об этом не знал, — упавшим голосом отозвался

Бобышкин. Он почувствовал, как екнуло и тревожно затрепыхалось сердце. За пространными рассуждениями Серова скрывалась некая, пока только угадываемая система. Недоступный прочтению подтекст, готовый взорвать внешнюю оболочку. — Вам известны подробности?

— Это не мое дело. Вы, как работник прокуратуры, обладаете большими возможностями, но советую прежде сто раз подумать, иначе...

— Что — иначе?

— Сколько на вашем счету нераскрытых убийств, Федор Поликарпович?

Недвусмысленная угроза заставила Бобышкина задним числом переосмыслить туманные, как сперва показалось, с мистическим душком и подковырками разглагольствования. Мутный хаос начал кристаллизоваться, едва прозвучало упоминание о трепанированных черепах. Словно затравку внесли в пересыщенный раствор.

— Жертвы репрессий? Преступных экспериментов?

— Кто знает... Но я бы тоже высказался в таком же духе. Примерно.

— Это и есть ваше предположение?

— Ничего более определенного сказать не могу. В рамках обыденной реальности это самое разумное *предположение*. Вы удовлетворены?

— И да, и нет. Теперь я понимаю, что вы целенаправленно начали издалека, от яйца, и вижу, насколько беспомощными выглядят жалкие потуги с моей стороны. Дискуссии не получилось. Могу только сожалеть.

— Уничижение паче гордости?

— В самом деле, силы оказались не равны. На вашей стороне высочайший интеллект и обширные знания о вещах, мне не доступных. Нормальная ситуация: вы эксперт, специалист. Намек насчет нераскрытых убийств я понял, спасибо. Нынче можно убрать кого хочешь: прокурора, судью. Про нас, следователей, и говорить не приходится — мелкая сошка. Хотелось бы знать, откуда ждать, но ничего, как-нибудь перебьемся. Бог не выдаст, свинья не съест.

— Похоже, обиделись? Странно... Мне казалось — мы достигли консенсуса. Тростинский рассказал о вашем с ним разговоре. Как вы думаете, почему он отказался высказать конкретное заключение? Нет фактов, Федор Поликарпович, улик. Я тоже не располагаю конкретными данными, которые могли бы облегчить ваши поиски. Мыслите вы в правильном направлении, перспективном, но, простите, в узком диапазоне. Я счел своим долгом предостеречь вас от поспешных действий. Они могут вызвать ответную реакцию. С какой стороны, хо-

тите узнать? С самой для вас неожиданной, ибо существуют силы, о которых вы даже не подозреваете.

— Иррациональные?

— Как посмотреть. Закрывая глаза на иную реальность, вы далеко не продвинетесь. Не забывайте, что у мозга два полушария. Природа позаботилась вооружить нас в полном объеме. Причина многих бед в том, что с шестнадцатого века наука взяла односторонний крен. Мы построили техническую, механизированную цивилизацию, загнав в тупики подсознания интуитивное начало. Я не хочу сказать, что оно важнее. Дай ему волю, мы бы в лучшем случае находились сейчас на уровне средневековой Индии или Тибета. Нищета и полное бесправие миллионов — печальный итог. Одной йогой сыт не будешь. Одинаково важны оба пути познания. Но ослепленные ренессансным блеском, мы резко пустились по проторенной дороге в ад. Нарушенной, искалеченной оказалась гармония, взаимодействие, без которого нет целокупности бытия. Отсюда чудовищный разлад. Космические полеты и атомные электростанции, с одного бока, и взорванная среда обитания — с другого. Умирающая природа мстит. Мы стоим на пороге апокалипсиса или возврата в средневековье, что по сути одно и то же. То, от чего вы отмахиваетесь, как от иррационального, сплошь и рядом скрывается под покровом самой посконной обыденности. В восемнадцатом веке в Швеции жил знаменитый естествоиспытатель Эммануил Сведенборг. Прославившись открытиями в области позитивных наук, он кончил как мистик-визионер. Беседовал с духами, пророчествовал. Относиться к этому можно по-разному, но нельзя не замечать несомненных успехов, подтвержденных документальными свидетельствами. Допускаю возможность случайного совпадения, ошибки, самообмана, но нет ничего более объективного, чем книга. Каждый волен вынести собственное суждение, не полагаясь на мнения посторонних, кто бы они ни были. Возьмем «Видения рая и ада». Глубина провидения потрясающая. Особенно тронуло меня одно место, — Серов на секунду прикрыл глаза: — «Некоторые разновидности ада имеют вид возникших в результате пожара городских развалин, и адские духи обретаются в оных, находя в них себе укрытие. В более скромных случаях ад состоит из заурядных построек, расположением своим напоминающих обычные улицы и поселки...» Какие ассоциации это у вас вызывает? ГУЛАГ? Освенцим? Варшавское гетто? Или комфортабельные коттеджи Лос-Аламоса и Арзамаса-16? А как насчет могильника в саду «Эрмитаж»?

— «Замок» Кафки, «Процесс». Нет, я полностью с вами согласен, но где здесь иная реальность? Это наша обычная жизнь.

— А я о чем? Мы были участниками или пассивными свидетелями величайших преступлений, какие только знала история. Только совместными усилиями Гитлер и Сталин уничтожили десятки миллионов, но во имя чего? Жаждой тотальной власти и параноическим складом не ограничивается. Стало общим местом проводить аналогии между большевизмом и национал-социализмом. Им действительно несть числа и одно породило другое. Сговор диктаторов, их взаимные симпатии и обмен опытом в комментариях не нуждаются. Причина важнее следствий.

— Вы имеете в виду сверхидеи?

— Совершенно верно: утопические идеи. Не вижу принципиальной разницы между тысячелетним рейхом и мировым коммунизмом, как завершающей стадией истории человечества. Мировое господство, насилие и культ силы, абсолютный примат государства над личностью и обожествление вождя. Характерно, что утопия материализовалась именно в России и Германии.

— Итальянский фашизм не берете в расчет?

— Муссолини и его чернорубашечников я рассматриваю как переходную стадию между авторитарной диктатурой латиноамериканского типа и законченной тоталитарной системой. Юридически Италия оставалась королевством. Как всякий диктатор, дуче требовал от народа полного подчинения и любви. Однако любовь — материя трудно уловимая, и все сводилось к формальной лояльности. Ни классовая, ни расовая нетерпимость не входили в программу. Апелляция к немеркнущей славе Древнего Рима, согласитесь, производила несколько комичное впечатление, как и сам дуче. Агрессия в Африке, захват Албании стали возможны единственно при поддержке Гитлера. Авантюры подчас заходят довольно далеко и отливаются большой кровью, но Великая утопия — это ад на Земле, Преступление, возведенное в абсолют, неоязыческая религия, механистический миф, холокост. Помимо прочих условий, для ее осуществления необходима обильно удобренная почва. Полигон расчистила Первая мировая война и революции, сокрушившие обе великие империи, но мессианско-почвеннические устремления наслаивались веками. — Речь Серова отличалась отточенностью фраз и темпераментным напором, что никак не отражалось на его застывшем, как маска, лице. — Недавно мне попалась изданная у нас книга — «Секретные разговоры Гитлера». Я обратил внимание на характерное признание. Звучит приблизительно так: «Каждый немец одной ногой стоит в Атлантиде». Разумеется, не каждый и не обязательно в Атлантиде, хотя фантасмагории Блаватской о коренных расах и получили развитие в нацистском эзотеризме. Атлантида —

скорее метафора, но исключительно точная, бьющая в цель. Беловодье — земной рай, на поиски которого целыми деревнями отправлялись уральские или сибирские — точно не помню — мужики, символизирует ту же глубинную надличностную потребность.

— Вы намеренно обратили мое внимание на Фогта, перебежавшего от Сталина к Гитлеру?

— Должны же вы ощутить магию заклятого места? Никто, Федор Поликарпович, не умирает до конца. Мумию в пирамиде подпитывает аура тонкой материи. Древние знали об этом больше нас.

— Призрак?

— Живущий в подсознании призрак.

Тема, которую последовательно развивал Серов, была не чужда Бобышкину. Он и сам частенько задумывался о роковых превратностях исторического процесса. Особенно в последние годы, когда прорвало плотину секретности и хлынул поток сведений, заполнивших зиявшие прежде лакуны. Ему ли, работнику прокуратуры, не знать о преступных экспериментах над живыми людьми? Задолго до Нюрнбергских законов, когда немецкие врачи и профессора-антропологи взялись за измерение черепов, в закрытых институтах ОГПУ уже вовсю шла игра с жизнью и смертью. Жизнь и по возможности с неограниченным сроком — для внутреннего круга, смерть — врагам. Синтезировались яды, не оставляющие следа в тканях, изучалось воздействие радиации, токов высокой частоты, инфразвука. В СССР, не в нацистской Германии, появилась первая душегубка. Публично клеймили реакционные теории, махровое мракобесие и буржуазную лженауку, а в номерных ящиках разрабатывали средства воздействия на психику. Гипноз, телепатия, телекинез постоянно находились в сфере пристального внимания госбезопасности.

Поиски нетрадиционных способов воздействия на массовое сознание велись по многим направлениям. Существовала даже специальная служба, распространявшая слухи и анекдоты с профилактической дозой антисоветчины. Своего рода безболезненная прививка на случай злокачественной эпидемии, клапан для стравливания горячих паров. Отпетых анекдотчиков вытаскивали из лагерей и зачисляли на довольствие. Наработанная продукция шла по инстанциям на самый верх. Брежневу очень понравилось название «членовоз». Он долго не мог отсмеяться и всякий раз шутил со своим шофером.

Созданные при Хрущеве психушки благополучно дожили до расцвета перестройки. КГБ был таким же безотказным орудием партийной верхушки, как печать, карательная медицина или тот же прокурорский надзор. Система действовала и при

коллективном руководстве. Генеральный прокурор Руденко — обвинитель на Нюрнбергском процессе — приказал расстрелять заключенных на Воркутинском Речлаге через пять месяцев после смерти Сталина. Идеология чахла, рабский труд становился убыточным, террор постепенно сменили более цивилизованные меры профилактического характера. Могли сохраниться отдельные реликты? Очевидно, могли. Скандальные разоблачения, время от времени прорывающиеся на страницы газет, лишний раз свидетельствуют о том, что чудовищный ящер с отрубленной головой еще содрогается в рефлекторных конвульсиях, сея смерть. Примером тому все еще засекреченные атомные могильники, бактериологическое и химическое оружие, подлежащее уничтожению, но так и не выкорчеванное под корень.

Федор Поликарпович мог бы подбросить немало жареных фактов, но предпочел перевести беседу на узкую колею конкретики.

— Древние многое знали и умели. Тростинский говорил, что трепанация черепа известна еще с каменного века. Но в целях лечебных — душевные расстройства, головные боли и прочее. Опыты на живом мозге едва ли входили в намерения жрецов, верно? До манипуляции сознанием их передовая наука не дошла.

— Не скажите, Федор Поликарпович, не скажите... Во-первых, опытная стадия предшествует любой практике, а во-вторых, впрочем, неважно, — Серов задумчиво перевел взгляд на схему полушарий. — Приятно сознавать, что мы находим общий язык. Эраст Леонтьевич тепло о вас отзывался, а для меня это многое значит. Сверла из кремния и обсидиана найдены на всех континентах, кроме Австралии. Даже в мифах встречаются недвусмысленные указания на черепную хирургию. Сам Зевс-Юпитер страдал головными болями, пока Гефест не продолбил ему дырку, из которой вышла новорожденная Афина. Между прочим, богиня мудрости, София античного мира, олицетворенная мысль! Многозначительный символ... Нельзя исключить, что царь богов, подобно иным вождям, страдал от приступов циклотимии. Иначе чем объяснить великие чистки, которые он устраивал в периоды обострения? Сначала разделался с соперниками-титанами, после за людей принялся: наслал всемирный потоп, Атлантиду в один день изничтожил.

— Профессиональное прочтение мифа?

— Не совсем. Заимствовал у авторитетов. Артемова не приходилось читать? «Атлантиду»?

— Как же! Нашумела в шестидесятые годы. Из рук в руки переходила. Тогда много чего из-под спуда выпустили: телепатию, гипноз. Вашему поколению не понять.

— Однако и мы в студенческие годы зачитывались: Васильев, Кажинский, «Властелин мира» Беляева, где этот самый Кажинский под именем Качинского выведен. Я же говорю: ничто не умирает в подлунном мире... Не стану скрывать, что заинтересован в успехе вашего расследования.

— Как гражданин?

— Лучше скажем, как специалист. Мы, если не ошибаюсь, сошлись на цинизме? Не худшая из возможных позиций. Она позволила сохранить не только головы, но и мозги от оболванивания. Я не отклоняюсь от темы? Хотелось, чтобы вы, по возможности, держали меня в курсе.

— Это отвечает и моим интересам, — Бобышкин понял, что блужданиям вокруг да около наступает конец. «Не хватало держать экзамен перед молокососом на старости лет», — упрекнул он себя, испытывая горькое облегчение. О чем сожалел? На кого обижался? Не на Серова — уж это точно. На жизнь? И грустно, и смешно. — Медицинский аспект я исключаю. Остается криминальный эксперимент, но с какой целью? Чего можно достичь, просверлив дырку во лбу? В темени?

— На прямые вопросы полагается отвечать прямо, не так ли? Но я и в самом деле не знаю. Современная техника позволяет воздействовать на мозг опосредованно: точно сфокусированный луч лазера, микроволновое излучение, нейтроны, инфразвук... Вам не приходилось бывать в Египте?.. Загляните как-нибудь на досуге в книгу по древней истории. Любую, лишь бы иллюстрации были. Особенно обратите внимание на период фараона Эхнатона, когда в искусстве возобладал реализм. Почему черепа членов царской семьи столь заметно удлинены в затылочной части?

— Я видел бюст царицы Нефертити.

— У фараона Тутанхамона деформация выражены еще более ярко. Вполне возможно, что головы сдавливали бинтами с раннего детства. Такой же обычай получил распространение в Древнем Китае и в аристократических кланах майя. Какой практический смысл? Остается догадываться. Что же касается отверстий, могу предложить на ваше усмотрение гипотезу, вернее, зародыш гипотезы. У мистиков Тибета издревле существовал тайный ритуал, известный как открытие так называемого «третьего глаза», якобы дающего сверхъестественное видение. Специально я этим не занимался, мои интересы лежат в несколько иной плоскости, но в качестве одной из версий... Как знать, возможно, вам и пригодится на первых порах. В институте Анэнербе, который находился под патронажем рейхсфюрера СС Гиммлера, такими вещами занимались всерьез. После падения Берлина нашли несколько трупов в эсэсовской униформе, но без знаков различия. Судя по внешности, это были

тибетцы, возможно, монахи черношапочной секты бон-по. Они покончили с собой, прибегнув к ампуле с цианистым калием. Об их деятельности в точности ничего не известно. Вся информация полностью засекречена. И не только у нас, но и у союзников. Контакты с Тибетом не прерывались вплоть до последних дней. Даже альпинисты были сплошь офицерами СС. У нас ведь тоже спецам надевали погоны? От врачей и инженеров до футболистов и поваров. Берия курировал не только атомную проблему и средства доставки, как говорится, ракетно-ядерный щит, но и шарашки, а там много чего прокручивали. С трудом верится, что он не попытался прибрать к рукам трофейный опыт. Хотя бы в целях проверки. На размышления, в частности, наводят загадочные могилы, в которых не оказалось следов захоронения. Памятник, притом не из дешевых, имя, даты — все чин-чином, а гроба нет. Об этом, кстати, писалось... Тоже, между прочим, информация к размышлению. На предмет призраков, взбудораживших нашу и без того изрядно переполошенную общественность.

— Подозреваете, что одно с другим связано?

— А вы — нет?

— До последнего момента не думал.

— Что ж, подумайте...

— Я вам позвоню.

— Только не сюда, — Серов достал визитную карточку и, зачеркнув один телефонный номер, вписал другой. — Это прямой. У меня лаборатория в Институте квантовой биологии.

— Знаю.

— Не сомневаюсь. На то вы и следователь... Наводили справки?

— Наводил.

— И много узнали?

— Почти ничего.

— Так оно и должно быть.

— Никаких предварительных справок о вас я не наводил, Анатолий Мелентьевич, — промолвил Бобышкин, не без значения: пусть на мелочи, а отыгрался. — Про ваш институт мне прямо тут выложили. Даже спрашивать не пришлось.

ФАЙЛ 036

ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ «ТРЕТИЙ ГЛАЗ»

Обладаем ли мы «третьим глазом», обращенным в равной степени внутрь и во внешний мир? Глазом воображения или мечты, который якобы может управлять «пространством внут-

ри» так же, как другие органы управляют нашим взаимодействием с окружающим миром? Существует ли он, этот внутренний глаз, от которого будто бы зависит вся система наших эмоций? Как ни странно, современная наука обнаружила за этими еще недавно псевдонаучными спекуляциями долю истины.

Древнегреческий философ Плотин полагал, что глаз не мог бы смотреть на солнце, если бы в известном смысле и сам не был бы солнцем. Поскольку Солнце является животворным источником света, а свет, в свою очередь, символизирует божественный разум, зрение как бы соединяет в себе физический и духовный акт. Отсюда смысл египетского иероглифа «вазда»: «тот, кто питает священный огонь, или разум». Это знак бога Осириса. В Индии интуитивные догадки египтян и эллинов обрели законченную форму и наглядное выражение. Если присущая человеку, как и всем млекопитающим, пара глаз означает нормальное состояние, то так называемый «третий глаз» символизирует божественную, сверхчеловеческую сущность. Не случайно индуистские божества изображаются с вертикально прорезанным надбровным оком. С его помощью грезящий на водах Вишну проницает завесы времен, а Шива помимо того способен испепелять миры. Особо чтимую в Тибете Белую Тару зовут «Семиглазкой», ибо помимо этих трех она располагает еще двумя парами глаз на ступнях и ладонях. Вообще «третий глаз» дает богам и людям, достигшим просветления, мистическую власть. Они могут по своему желанию лицезреть все, что происходит в безграничной вселенной, оболочки которой становятся проницаемы, равно как стены домов, глубь океанов, горные недра и телесные покровы. Прошлое от начала времен и будущее до скончания мира открыты всевидящему взору лобного ока.

Впрочем, лобного ли? Будд и бодхисаттв искони принято изображать с «ушнишей» — своего рода шишкой на темени — вместилищем сверхчеловеческого разума. Именно об открытии такого — теменного — глаза и идет речь в тайном тантрийском учении тибетского буддизма.

Приведем отрывок из секретной доктрины, ставшей известной на Западе благодаря английскому переводу В. Эванса-Вентца. Он первым из европейцев смог ознакомиться с манускриптами тантрических сочинений, чему немало способствовал святой лама Кази Дава-Самдуп.

Вот что конкретно сказано в «Доктрине психического тепла». Речь здесь идет о видениях, которые надлежит вызвать адепту, посвятившему себя постижению трансцендентальных истин:

«Затем вообрази, что ты — Божественная Посвященная

Ваджра — Йогини красного цвета; такая же лучезарная, как сияние рубина, имеющая одно лицо, две руки и три глаза, правой рукой держащая блестящий светящийся изогнутый нож и размахивающая им высоко над головой, отсекающая полностью все ментально мешающие мыслепроцессы, левой рукой держащая против груди человеческий череп, наполненный кровью, выражающая удовлетворение неисчерпаемым блаженством, с тиарой из пяти высушенных человеческих черепов на голове, носящая нашейное ожерелье из пятидесяти кровоточащих человеческих голов... и языки пламени Мудрости образуют светящийся обод вокруг нее».

Обратим внимание на определение «ментально мешающие мыслепроцессы». Остановить течение мысли, бездумно погрузиться в глубины своего «я» — таково непременное условие йогических упражнений. В этих искусственно вызываемых видениях все исполнено символического значения. Каждый жест Йогини, каждый ее атрибут. Расшифровка потребовала бы много страниц текста, и потому сосредоточимся лишь на главном.

Прежде всего, о самой Йогини. Это тоже символический образ — олицетворение духовной энергии и бодхического (под деревом Бодхи Будда обрел озарение) разума. «Когда она визуализируется, — учат тантристы, — и посредством упражнения йоги ясно осознается как таковая, эта богиня дарует йогину успех в Сиддхи» («Сверхъестественное достижение»). Цвет и лучезарность ее олицетворяют сияние мудрости, рассеивающей мрак неведения. Череп с кровью являет символ отречения от мира, без чего затворник-йогин не может рассчитывать на помощь богини, тиара из высушенных голов, в свою очередь, указывает на высшую степень проницательности, также недостижимую без ухода из мира, и, наконец, ожерелье означает полное и бесповоротное отделение от сансары. Так в буддизме именуют бесконечную череду рождений, следующих за смертью. Каждая отрубленная голова соответствует определенному магическому заклинанию — мантре.

Все это очень увлекательные предметы, требующие от читателя знания хотя бы основ буддийской догматики и иконографии. Нас в данном случае интересует только одна специфическая подробность — «третий глаз». Под ним подразумевается бодхическое зрение. Индийцы первыми высказали идею, что у обычного человека, в его латентном — неразвитом — состоянии, он физиологически представлен так называемым эпифизом, или шишковидной железой, которая, будучи йогически усовершенствованной, становится органом ясновидения.

По крайней мере так полагают тибетские йогины, практикующие немыслимые для нас психологические опыты.

Посему обратимся к более привычным понятиям из сфер физиологии и медицины. Об операции «открытия третьего глаза» мы располагаем крайне скудными сведениями. В основном их распространяют шарлатаны, выдающие себя за «посвященных». К их числу относится и предприимчивый англичанин, скрывшийся под псевдонимом Лобсан Рампа. Его перу принадлежит целая серия романов из «тибетской жизни». Зачастую сообщаемые им сенсационные сведения столь же далеки от истины, как и подлинная биография автора — самозванного «ламы».

«Вдруг послышался треск — кончик инструмента прошел кость. Моментально лама-хирург прекратил работу... Мой учитель передал ему пробку из твердого дерева, тщательно обработанную на огне, что придало ей прочность стали. Эту пробку лама-хирург вставил в паз инструмента и начал перемещать ее по пазу вниз, пока она не вошла в отверстие, просверленное во лбу».

Лобсан Рампа. «Третий глаз»

В секретных доктринах Тибета говорится совсем иное, ибо речь там идет не о надбровном, а именно о теменном глазе — эпифизе. Нужны долгие годы полного уединения в темной пещере, суровый аскетизм и безраздельное подчинение указаниям наставника, прежде чем из многих кандидатов будет отобран один-единственный, чьи физические и духовные данные найдут пригодными для процедуры отверзания, но об этом чуть позже.

Строго говоря, вся проблема сводится к вопросу: обладаем ли мы «третьим глазом», обращенным в равной степени внутрь и во внешний мир? Глазом воображения или мечты, который якобы может управлять «пространством внутри» так же, как другие органы управляют нашим взаимодействием с окружающим миром? Существует ли он, этот внутренний глаз, от которого будто бы зависит вся система наших эмоций? Как ни странно, современная наука обнаружила за этими еще недавно считавшимися псевдонаучными спекуляциями долю истины.

Шишковидная железа, как, впрочем, и аппендикс, и гланды, считалась «бесполезным» органом, неизвестно зачем помещенным природой в святая святых — середину мозга. Теперь-то мы знаем, что в живом механизме нет лишних деталей. Технический прогресс предоставил в наше распоряжение электронный микроскоп, биохимический анализ, регистрацию биотоков клетки, ее ядра и даже содержащихся в нем частиц. Эти и другие методы заставили многочисленных исследователей вновь заняться вопросами, которые самодовольный позитивизм почитал вздором.

Что же представляет собой эта железа, напоминающая гру-

шевидную горошину красно-бурого цвета? Несмотря на то, что она находится под большими полушариями, доступ к ней не составляет труда. Не случайно эпифиз был распознан исследователями еще в глубокой древности. Не заметить его невозможно, поскольку он обладает подвижностью. Почти как глазное яблоко, способное до некоторой степени вращаться в глазнице. Не удивительно, что столь странное сходство дало широкий простор всевозможным домыслам. Пионерами были скорее всего индийские материалисты из школы вайшешика. Они полагали, что «третий глаз» позволяет восстанавливать образы и опыт прошедшей жизни.

Философы средневековья, в свою очередь, занимаясь вопросами локализации «умственных функций», превращали таинственную маленькую грушу в настоящий регулятор «потока мысли». Декарт был главным пропагандистом «мозговой желёзки», осмелившись назвать ее «средоточием воображения и здравого смысла». По его теории сознание — нечто вроде энергии — циркулирует в крови, откуда извлекается железой в желудочки мозга. Сознание должно быть «информировано» о состоянии тела, а через тело и его ощущения — о внешнем мире. Воспринятые ощущения и образы собираются в шишковидной железе. А она в ответ приводит в движение двигательные волны, которые, пройдя желудочки, направляются к мышцам, для того чтобы организовать поведение человека.

Хотя механистические теории и канули в Лету, эпифизу явно не повезло. Лишь в начале нашего века Марбург впервые отметил, что эпифиз является секреторной железой. Однако только в последние годы «мозговая желёзка» сделалась объектом экспериментальных исследований.

Первую подсказку дал эволюционный метод. В ходе длительной эволюции живого от простейших животных к человеку появлялись, постоянно усложняясь, многие органы. Каждое изменение в организме связано с приспособлением, с борьбой за выживание. Птицы, например, которые перемещаются в трех измерениях, обладают более сложной системой равновесия, нежели наша.

Начиная с низших позвоночных, эпифиз развивался за счет клеток, покрывающих полости желудочков мозга. Но все эти клетки, как стало известно в последнее время, выделяют спинномозговую жидкость. Следовательно, шишковидная железа исторически близка к ткани, «накачивающей» в кровь «материал», из которого отделяется желудочковая жидкость. В чем-то Декарт оказался прав.

У миног и пресмыкающихся, змей и ящериц шишковидная железа, постепенно удаляясь от крыши желудочка, поднимается до отверстия в костной перегородке черепа. Располагаясь

посредине «лба», как раз под кожей, которая на этом уровне прозрачна, эпифиз в точности повторяет структуру глаза: это маленький пузырек, наполненный стекловидной жидкостью, причем перегородка, расположенная под кожей, как бы напоминает роговую оболочку глаза, в то время как структура противоположной перегородки служит подобием сетчатки. Это действительно «третий глаз»! От него исходит нерв, подобный зрительному, образуя в мозгу соответствующий аппарат.

Как известно, сетчатка «нормального глаза» направлена во внутреннюю сторону: палочки и колбочки — приемные органы зрения — находятся на внешней поверхности глазного яблока. Волокна зрительного нерва начинают формироваться, как спицы зонтика, внутри нее сложным образом группируясь для выхода позади глаза.

У «третьего глаза», напротив, «сетчатка», вернее ее подобие, направлена во внешнюю сторону: приемные элементы находятся во внутреннем, а окончания нерва формируются на внешнем слое этого странного органа. Все происходит так, словно «третий глаз» предназначен для того, чтобы видеть «происходящее» внутри организма, а не вне его. Безусловно, от ящерицы до человека — путь большой, но не следует забывать, что каждый наш орган функционально являет итог всей истории, в том числе рыб и рептилий.

Поднимаясь по ступенькам эволюции до человека, все мы повторяем великий путь жизни. Что-то приобретаем, но что-то и теряем. В частности, внутренний глаз, который становится железой! И, действительно, шишковидная железа человека не имеет ничего общего с органами чувств. Это скопление клеток, способных выделять жизненно важные гормоны.

Однако признать, что подобная трансформация — простой каприз природы, значит бросить вызов здравому смыслу. Если эпифиз в ходе эволюции превратился из глаза в железу, то должна быть какая-то связь между его функциями как глаза и как железы.

Электронный микроскоп позволил увидеть в шишковидной железе, помимо специфических железистых, клетки, которые находят во всей нервной системе, — астроциты. Поразительный факт! Ни в одной другой железе астроцитов нет — это специфическая клетка нервной ткани. Но эпифиз, безусловно, является железой, поскольку его клетки выделяют гормоны и особые, подобные наркотикам вещества, — эндорфины. Здесь заключена настоящая биологическая тайна. Только теперь, с выявлением разнородных клеток, стало понятно, почему именно вокруг эпифиза было наворочено столько гипотез.

Никакой орган, как известно, не функционирует самостоятельно. Даже сердце и кишечник, имеющие собственную

нервную систему, управляются импульсами, идущими из нервных центров. Шишковидная железа человека, в противоположность органам его предшественников на ступенях эволюционной лестницы, снабжена лишь симпатическими нервами, отходящими от так называемого верхнего шейного ганглия, который — вот где таится разгадка! — получает импульсы от зрачка, а возможно, и от глазного яблока. Иначе говоря, эпифиз как будто стимулирует сообщения, поступающие из глаза! Не так уж наивны были ученые древности. Они определенно смотрели в корень. Коль скоро сигналы, побуждающие работать шишковидную железу, рождаются в момент движения зрачка, значит, и порождаться они могут не только реальными, увиденными образами, но и внутренними впечатлениями, например, расширение зрачков у человека, испытывающего страх или боль. Иными словами, наш эпифиз является не каким-то там атавизмом, но, напротив, усовершенствованным органом зрения, своеобразным анализатором — «третьим глазом»!

Шишковидная железа лишена возможности посылать нервные импульсы. Для ответа на поступающие сигналы ей остается единственный путь — отправлять информацию в виде гормонов.

Таким путем эпифиз воздействует прежде всего — запомним! — на половые железы. Установлено, например, что поражение у ребенка области шишковидной железы приводит к преждевременной половой зрелости или даже к болезни, проявляющейся быстрым и чрезмерным ростом половых органов. Наоборот, аденома эпифиза, усиливающая секрецию железистых клеток, сопровождается атрофией половых органов.

Эти первые наблюдения породили многочисленные эксперименты. Ученые уничтожали у молодых животных эпифиз, тем самым воспроизводя модели болезни человека. Затем животным впрыскивали экстракт растертой шишковидной железы, и половая функция восстанавливалась. В других сериях опытов здоровым животным прививали кусочки эпифиза — это приводило к торможению половой функции и атрофии органов. Так было доказано, что эпифиз оказывает тормозящее влияние на половую систему.

Механизм такого влияния удалось разгадать значительно позднее. В нормальном состоянии деятельностью яичников и семенников управляет гипофиз. Оказалось, что именно через него шишковидная железа воздействует на яичники, тормозя выделение гормона гонадостимулина.

Давно известно, что гипофиз, выделяя гормоны, руководит функцией и других эндокринных желез. Позднее было открыто, что и сам гипофиз зависит от управляемых им

желез посредством своеобразного механизма обратной связи. Казалось бы, все ясно. Однако ученые заметили, что на деятельность гипофиза активно влияют гормоны, выделяемые клетками соседней области мозга — гипоталамуса, чувствительного к содержанию в крови общего набора гормонов.

Но гипоталамус не только регистратор биохимического состава крови. Он — чувствительный барометр нашего эмоционального состояния. Таким образом, он координирует чисто физические характеристики, скажем, состав крови, с психическими проявлениями, зеркалом которых служит эмоциональное состояние человека. Анализируя то и другое, гипоталамус через посредство гипофиза отдает приказы, от которых зависит наша индивидуальность, идет ли речь о половой активности, пищеварении, быстроте сообразительности или строении кожи.

Гипоталамусом же руководит шишковидная железа!..

Но и этим не исчерпывается ее тайная власть! Известно, что функции организма, и особенно эндокринной системы, связаны с чередованиями дня и ночи. Лекарства, например, оказывают различное действие в зависимости от часа приема. Специфическую роль здесь играет — учтем и этот момент — освещение и, возможно даже, отдельные характеристики светового спектра. Это хорошо знают птицеводы: они заставляют кур нестись несколько раз в сутки, держа птиц под яркими лампами. Похоже, что подобное световое воздействие тоже достигается при посредстве шишковидной железы.

Основной адресат гормонов эпифиза — гипоталамус, та часть нашего мозга, где наиболее тесно выражается психосоматическое единство личности. С помощью гипоталамуса и сообщений, которые ему посылает внешнее и внутреннее зрение, шишковидная железа регулирует воспроизведение, равновесие запасов воды в организме, обмен веществ (основным обменом руководит щитовидная железа) и многое, многое другое.

Так не является ли наш эпифиз «третьим глазом» во всем традиционном философском значении этого слова?

Чтобы ответить на этот вопрос, вернемся к началу повествования. Удивительные феномены йоги — индуистской, буддийской, даосской — достигаются путем многолетней упорной тренировки и строжайшей дисциплины. Сюда входит психическая подготовка, сложнейшие физические упражнения, пост и обязательное половое воздержание. Речь, таким образом, идет о целенаправленном воздействии на организм, а в конечном счете на эпифиз, которое приводит к активизации его все еще загадочных функций.

В соответствующем тантрийском манускрипте о самой операции говорится лишь в самых общих чертах. Это по-прежнему святая святых ламаизма. Согласно традиции, тайное учение

передается по цепочке: небесный учитель — земной учитель — ученик. Без помощи, по крайней мере земного наставника, письмена мертвы. Восстановить, пользуясь только текстом, весь процесс операции невозможно. Известно лишь, что благодаря особому образу жизни посвященного и, как следствие, гормональной перестройке, небольшой участок на его теменной кости размягчается до таких пределов, что по сути остается лишь кожный покров, который протыкают тростинкой. Черепным крышкам вообще в ламаизме придается большое значение. Из них, в частности, изготовляют ритуальные барабанчики и чаши, на манер той, что служит трехглазой Йогини кубком для крови. Такой сосуд называется габалом. Подходящую для него кость ламы распознают еще на живом человеке. К избраннику обращаются с просьбой завещать свой череп монастырю. Отказов обычно не бывает, ибо посмертный дар улучшает карму, обеспечивая тем самым благоприятное перерождение в новом теле. Это еще одно прикосновение к тайне, которую предстоит разгадать. На сегодняшний день медики, несмотря на несомненные успехи, знают о функции шишковидной железы примерно столько же, сколько тибетологи об истинных перипетиях тантрийских служений.

Несомненно одно: и тех и других ждут впереди удивительные открытия. Орган, продуцирующий такие гормоны, как серотонин, адреналин, норадреналин, во многом определяющие поведение человека, несомненно причастен и ко все еще загадочной сфере подсознания — главного источника видений и пророческих снов.

Теперь по крайней мере понятно, почему высшая ступень йоги требует полового воздержания, жесткого поста и многодневного пребывания в абсолютной темноте. Без такого воздействия на эпифиз мозг едва ли смог бы получить тот уникальный набор гормонов и эндотеринов, что вызывают иллюзию высвобождения от пут пространства и времени — не передаваемую словом проекцию внутреннего во вне. Это и есть слияние с Абсолютом, исчезновение личностного «я» в Брахмане и Ади-будде.

ФАЙЛ 037

Перед тем как отправиться в Кносс, Климовицкий дважды побывал в Малии и вновь посетил музей. Он предвкушал увидеть мрачные катакомбы с запутанными галереями, где можно часами блуждать в поисках выхода. Ведь именно так трактовали древние греки критское слово, истинный смысл которого затерялся во мраке тысячелетий.

На золотых кносских амулетах загадочный лабиринт рисовался в виде тупиковых ходов, закрученных в разорванную спираль или заключенных в каре с узкой горловиной.

Сдерживая нетерпение, Павел Борисович выстоял длинную очередь у касс и, присоединившись к людскому потоку, вступил в тенистую аллею, усыпанную палой листвой. Слева от дороги сквозь металлическую сетку виднелись нагромождения камня и глубокие траншеи с вывалами охряной земли, поросшими жесткой травой и цветами, похожими на ромашку синей, фиолетовой и желтой расцветки. Примерно так же выглядели и подступы к археологической зоне Малии. Шевельнулось опасение, что и здесь его встретят лишь контуры фундаментов с тесными коробками кое-где уцелевших стен. Он успокаивал себя мыслью, что если могла устоять колоннада, запечатленная во всех туристских проспектах, то и от подземелий останется хоть какой-нибудь след. Памятный с детства миф рисовал заманчивые картины логова Минотавра.

Дворец открылся неожиданно, когда дорога вывела на поросший оливами склон Юкты. Амарантовые колонны с черными колесами капителей, явственно расширяющиеся к потолку, словно перевернутые вверх основанием, навевали странную иллюзию целостности. В линейной упорядоченности хаоса мнилась магическая гармония, противостоящая буйству стихийных сил, какой-то сверхчеловеческий промысел, провидчески точный расчет. Исполинское сооружение оставалось дворцом, несмотря на то, что уцелел только нижний этаж и хаотичная система запутанных цокольных помещений. Разрушения лишь подчеркивали незыблемость световых колодцев, с их мощными расписными стенами и портиками о пяти колоннах. Они несли архитравы, что не сместились ни на миллиметр даже там, где от двух крайних опор остались цилиндрические обрубки. Четкие прямоугольные контуры проемов и выверенная математика лестниц придавали нагромождениям камня сюрреалистическую декоративность. Казалось, что все так изначально и было задумано: и эта косо срезанная стена, уподобившаяся астрономическому квадранту, и эти проломы перекрытий, приоткрывшие сумрачное нутро Лабиринта. Впечатление усиливалось игрой цветовых переходов: от белого к желтому и темно-малиновому под сенью внутренних покоев.

Если Климовицкому и суждено было совершить пусть небольшое, но все же открытие, то оно ожидало его в световом колодце, служившем заодно и для забора свежего воздуха. Когда схлынула волна торопливых японцев, спешивших запечатлеть себя на фоне амарантовой колоннады, он, рискуя свалиться, вскарабкался на самый верх, чтобы собрать скорлупки облупившейся краски. Ему ли, аквалангисту с тридцатилетним

стажем, было не узнать морские желуди[1], намертво вросшие в черные бублики капителей! Теперь можно было с полной уверенностью утверждать, что Кносс действительно подвергся затоплению приливными волнами.

Как и следовало ожидать, средиземноморские баланусы оказались намного крупнее, чем в опресненном Черном море. О том, чтобы выковырять окаменелость, нечего было и мечтать. Будь даже под рукой долото или зубило, слишком много народа вертелось вокруг. Разноязыкая туристская братия с телекамерами и фотоаппаратами облепила ступени открытых террас, балконы и лоджии, даже на бычьих рогах из резного камня святотатственно распластался бородатый толстяк в панаме и шортах. Судя по тому, как пятилась, округлив зад, седая дама, он не вмещался в видоискатель. Во внутренних покоях и цокольных закутах была еще большая толчея.

У Артура Эванса были все основания громогласно заявить, что он нашел тот самый Лабиринт, где Тесей убил Минотавра. Расположение комнат, хозяйственных помещений и кладовых не вписывалось ни в какую систему. Столь же хаотичную разбросанность обнаруживали соединяющие их коридоры и лестничные переходы. Ни световые колодцы, ни дворики не позволяли судить о какой бы то ни было планомерной организации пространства. Симметрией тут и не пахло. Это и впрямь был лабиринт, где ничего не стоило затеряться, но, вопреки всему, он воспринимался как единый ансамбль. Центром притяжения служил прямоугольный внутренний двор, вымощенный большими гипсовыми плитами. Скорее всего, именно здесь и происходили легендарные игры с быком.

Фреска в царских покоях запечатлела скачущего быка. Голова наклонена, ноздри яростно раздуты, рога нацелены для атаки. На его выгнутой удлиненной спине застыл в напряженной стойке краснокожий гимнаст. Запрокинув вверх ноги, он чудом сохраняет равновесие, готовясь спрыгнуть на руки «ассистента», пританцовывающего у задних копыт. Другой подручный, ухватившись за страшный рог, как будто отвлекает внимание зверя, что вот-вот вскинет его на воздух. Сцена, перед которой бледнеет коррида, тревожит воображение. Ритуальные игры со смертью каким-то образом связаны с культом быкоголового человека, о чем свидетельствуют многочисленные образы Минотавра. Он был богом разрушительных сил, обрушивающих на благодатный остров реки расплавленной лавы и всесокрушающие морские валы. В доисторические времена ему приносились человеческие жертвы, память о которых и донес миф о Тесее.

---

[1] Баланусы (*Balanus spp.*) — ракообразные из отряда усоногих.

Климовицкий читал много, но бессистемно и в основном популярную литературу. Разрешить загадку, над которой безуспешно бились светила религиеведения, этнографии и психоанализа, ему едва ли было по силам. Но такова первозданная власть мифа, возносящая над пространством и временем, что он всегда вызывает отклик в человеческом сердце, вечно тоскующем о невозможном. Складывались и расплывались какие-то интуитивно угадываемые, но ускользающие при первой попытке осмысления дымные контуры.

Среди знаков на «Фестском диске» Павлу Борисовичу запомнились повторяющиеся рисунки головы в уборе из перьев и диска с точками вдоль окружности. Взглянув на фреску, получившую название «Принц лилий», где перьевое убранство было представлено во всем великолепии, Климовицкий решил, что иероглиф должен читаться как «принц» или «царь». Что же до диска, который лингвисты принимали за щит, то он показался похожим на жертвенник, увиденный не далее как вчера в Малии. То же круглое отверстие в середине и ямочки по внутренней кайме. Древний символ слишком насыщен энергией. Подобно аккумулятору, он способен дать искру, которая, пусть на мгновение, вспыхнет в кромешной ночи. Трудно сказать, был ли прекрасный юноша «принцем», но царского образа не оказалось ни во дворце, ни в музее. Таинство религиозного ритуала окружало критских владык. Лицезреть священную особу дозволялось только самым высокопоставленным приближенным. Прежде чем вступить в тронную залу, допущенные к аудиенции попадали в вестибюль, где находилась глубокая порфировая купель для омовений. Возможно, той же цели служили и ванны из тонкой, прочной, как бронза, керамики. Они походили на саркофаги, изготовленные из того же материала и так же богато орнаментированные, но еще более разительное сходство обнаруживалось с купальным ложем в стиле рококо. Мадам Помпадур, и та не побрезговала бы искупаться в такой посудине.

Заглянув в дверь, перекрытую высоким барьером, Климовицкий увидел каменный трон с высокой волнообразной спинкой и облицованные алебастром скамьи под стенами цвета бычьей крови. Фреска за царской спиной изображала пару супротивных грифонов на лилейном лугу, оберегающих живого бога от бед.

Мегарон царицы был расписан символами талассократии: синие с оранжевой каймой дельфины на фоне песчаного дна, накрытого лучистой сетью волн, разноцветные, реалистически точные рыбы. Ни бряцающих оружием воинов, ни батальных сцен, ни казней. На каждом шагу обнаженные прелестницы с подвитыми локонами, схваченными жемчужной

нитью, увлеченные интимной беседой парочки в буколических уголках.

Казалось, что жизнь во дворце проходила в сплошных удовольствиях и безмятежных радостях. Кровати согревались медными грелками, в которых тлели оливковые косточки, дающие устойчивый жар, подвалы ломились от пифосов, заполненных зерном и маслом, на сцене амфитеатра не смолкали хвалебные гимны в честь богов и царей.

Еще Эванс выразил удивление, не обнаружив даже намека на оборонительные сооружения. Непобедимый флот охранял владык моря лучше самых высоких и прочных стен. Скульпторы, живописцы и ювелиры тут же, во дворце, создавали шедевры искусства; литейщики, чеканщики, скудельники и каменотесы поставляли храмовую и кухонную утварь. В святилищах Великой богини и криптах, где приносились жертвы подземным богам, не угасали огни. Молельни и бассейны для ритуальных омовений каждое утро украшались лепестками геральдических лилий. Все в этом дворце-храме, от царя до самой юной из «фрейлин», свято выполняли свои жреческие обязанности. В назначенный час возлияний благовонные масла стекали в море из священных сосудов, смиряя разыгравшуюся волну. И были благосклонны боги, вдыхая жертвенный дым и ароматы масел.

Заглянув сверху через каменную решетку в подвал, заставленный пифосами, украшенными кольцевым змеиным орнаментом, Климовицкий вспомнил, что ему уже попадались такие, в рост человека, кувшины. Возвратившись во внутренний двор, он поднялся по лестнице на открытую площадку, откуда открывался вид на восточное крыло, где находились жилые помещения. Не оставляла надежда отыскать хотя бы уголек, чтобы, сообразуясь с собственной методикой, сверить даты.

Пока выходило, что Кносс, Малия, Фест, Като-Зарко и Гурния подверглись разрушению в 1450 году до н. э.

— Хай! — Павла Борисовича окликнул молодой высокий американец в темных очках и фирменной майке NASA.

Третьего дня, в Малии, они чуть не столкнулись лбами возле того самого жертвенника, куда больше похожего на мукомольный жернов, нежели на щит. Перекинувшись несколькими фразами, с удовлетворением убедились в общности интересов. Американец полагал, что Крит был всего лишь провинцией Атлантиды.

Встретившись, теперь уже как добрые знакомые, живо обменялись впечатлениями — «Грандиозно!» «Потрясающе!» — и визитными карточками.

Джерри Блекмен оказался фанатичным атлантоманом. Он работал в Пасадене в области космической связи, но все от-

пуска проводил в путешествиях. Конечно же, успел побывать и в Египте, и в Перу, и на Мальте, не говоря уже про остров Пасхи — «Пуп земли», а после Крита он намеревался отправиться на Азорские острова, где, по его мнению, находилась столица атлантов — Город Ста Золотых Ворот.

— Совершенно точно известно, что острова представляют собой вершины гор затонувшего континента, — безапелляционно заявил Блекмен, не встретив должного понимания, и понес какую-то ахинею про перемещение магнитного полюса, Рагнарок, или «Гибель богов» Вальхаллы.

На Климовицкого он произвел впечатление не совсем нормального человека.

— На Санторини не собираетесь?

— Я уже был там. Потрясающе! Атланты держали на Тире военный флот. Как у нас в Перл-Харборе.

— Как вы туда добрались? — заинтересовался Павел Борисович. —На «Минойском принце»?

— Я не сумасшедший! — рассмеялся американец, опровергая сложившееся о нем и, как тут же выяснилось, совершенно неверное мнение. — На вертолете значительно быстрее, и всего сто двадцать долларов.

— Это просто замечательно, Джерри! И где можно взять вертолет?

— Вы член клуба?

— Какого клуба?

— Как, вы не знаете клуб «Золотая Атлантида»?!

Климовицкий вынужден был с понурым видом признать, что, увы, первый раз слышит.

— Не беда, Пол, это можно устроить, — Блекмен покровительственно похлопал его по плечу. — Завтра как раз заседание, выступает преподобный Гленн Морган из Сан-Франциско. Приходите — я вас представлю.

— Во сколько? — робко осведомился Климовицкий. — И куда?

— На улице Мелидониоу. В семь вечера. Рядом с музеем.

Решив сделать еще один круг, они, не сговариваясь, направились к мегарону царицы.

— Как живые, — вздохнул американец, любуясь дельфинами.

— Поразительный реализм.

— Как сказать... Дельфины, заметьте, не охотятся. Мирно плавают среди рыб в единой гармонии со стихией. Совершеннейшие создания! Вы случайно не вегетарианец?

— Нет, — удивленно заморгал Климовицкий, — а что?

— Просто я думаю, что человек останется зверем, пока не перестанет жрать живую плоть.

Наутро после вечерней передачи по московскому каналу Бобышкину позвонил Егор Тимофеевич Маслюков, опознавший в женщине, найденной в Салтыковке, дочь Ольгу. В деле, пополнившем счет «глухарям», обозначился первый просвет.

Через полтора часа Федор Поликарпович уже взбирался на пятый этаж старого обшарпанного строения, затерянного в тупичке между Ямскими улицами — Второй и Третьей. Насилу отыскал, блуждая в лабиринте гаражей-«ракушек».

— Был шрам у нее на горлышке, был, — по-стариковски пришептывая, подтвердил Маслюков.

По оценке Бобышкина, ему должно было быть года пятьдесят три-пятьдесят четыре, а на вид все семьдесят. Сдал человек. Понять можно: в один год потерять дочь и жену — это хоть кого сломит. И здорово зашибает, как видно: амбре и руки трясутся.

— Значит, узнаете? — Федор Поликарпович еще раз предъявил воссозданное на компьютере изображение. — Она?

— Она, она, Олечка, — Маслюков затрясся в беззвучном плаче.

— Можете не сумлеваться, — поддакнула сидевшая рядом на диване кряжистая старуха. — Не надо, Тимофеич, слезами горю не поможешь, — она успокоительно погладила его по спине. — Я как увидала по телевизору, так чуть со стула не свалилась. Сразу к ним, значится, кинулась. «Вашу Олю, — кричу, — показывают: нашлась!» Не поняла сразу, думала, что живая. Как же...

— Спасибо Матвевне. После смерти жены я и не смотрю телевизор. Все думаешь, думаешь...

— Вы родственница? — из вежливости поинтересовался Бобышкин. Мельком окинув скудную обстановку, он успел заметить в углу, возле тумбочки, свернувшийся кольцами кабель со штекером. Телевизор Маслюков наверняка пропил, оттого и не смотрел.

— Соседка ихняя, — промолвила старуха, поджав с постным видом губы. — Вешнякова Анна Матвеевна. Помогаю им, значится, по такому случаю.

— Очень благородно с вашей стороны.

— Да, спасибо Матвевне, — заученно повторил Маслюков.

— Фотографии Ольги Егоровны у вас не найдется?

Прошаркав в соседнюю комнату, Егор Тимофеевич вскоре вернулся, беспомощно развел руками, затем придвинул табуретку к шифоньеру и полез на антресоли. Долго возился, роняя на пол то старую меховую шапку, то вязаный свитер, пока не отыскал коробку из-под обуви, набитую снимками. Вывалив

все на стол, принялся разбирать при деятельном участии Анны Матвеевны.

— Кажись, эта — последняя? — она отделила маленькую фотографию.

— Ольга Егоровна? — на всякий случай уточнил Бобышкин, хотя сходство не вызывало сомнений: компьютерщики потрудились на совесть.

— Она самая. Кто же еще?

— На паспорт снималась?

— На удостоверение, — с затаенной гордостью объяснил Маслюков, — когда в ЦК поступала.

— В ЦК? — удивился Федор Поликарпович. — В то самое?

— Другого у нас не было, — наставительно произнес Маслюков, подшмыгивая носом.

— Центральный комитет и у профсоюзов был, впрочем, он и нынче исправно функционирует. Значит, Ольга Егоровна на Старой площади работала?

— А как же! У самого товарища Ларионова! Уважал ее, подарки дарил дорогие. К восьмому марта и так, вообще... Както даже наведывался, спрашивал, но я сказал, что нет ее, понимаете?

— Не совсем, Егор Тимофеевич. Он когда приходил, Ларионов? Имени-отчества, кстати, не помните?

— Как не помнить? Она только о нем и говорила: Александр Антонович да Александр Антонович... Хороший начальник был, добрый... Чего я ему мог сказать? Ничего...

— Так когда он был у вас? — продолжал допытываться Бобышкин. — Уже после того, как ушла Ольга Егоровна?

— После, после, — махнул рукой Маслюков.

— Значит, совсем недавно?

— Не, еще в прошлом годе, так примерно в апреле.

— Получается, больше года! — недоуменно развел руками Бобышкин.

— Как же так? И вы не пытались ее найти?

— Где там! Она ведь и раньше пропадала неделями... После того как их закрыли, долго устроиться не могла. Наконец к армянину в палатку определилась продавщицей. Работала с утра дотемна, без выходных, но и получала прилично. Только-только стало налаживаться, как нагрянул префект — супрефект, черт их разберет, и велел палатку снести, ворюга! Образцу, вишь, не соответствует... Опять пришлось мыкаться, пока в фирму не взяли. И пошло-поехало... Нюхать начала, а потом колоться... Понимаете?

— Как не понять, Егор Тимофеевич, как не понять... Выходит, вы не видели дочь с начала прошлого года?

— Ага, с февраля.

— И ничего про нее не знали? Не искали?

— Почему не знали? Звонила. Не часто, но звонила. Интересовалась, как живем, может, надо чего... И Витька этот, дружок ее — вместе в школе учились, — приветы передавал. Он рядом, на Лесной жил, Витька.

— Жил? Уехал куда, что ли?

— Почем я знаю? Может, и уехал. Давно чтой-то его не встречал. Он ведь тоже из этих... Наркота, одним словом. Пропащее дело. Назад возврату нету. Уж лучше пить...

— Адрес знаете?

— К чему мне ихние адреса?.. Где-то напротив «Блинной».

— Фамилию хоть помните?

— Фамилию? — Маслюков потер лоб. — Вроде Дронов или Тронов?.. Погубили доченьку, сволочи, — всхлипнул он, закрывая лицо руками. — Погубили!.. И Витька ентот, и начальничек ее распрекрасный, и фирма проклятая.

— Что за фирма, Егор Тимофеевич?

— А бес ее знает!

— Что ж, спасибо и на этом. Сожалею, что вынужден был огорчить, но никуда не денешься... На днях приглашу на опознание. Вас тоже, Анна Тимофеевна.

— Понятное дело: служба. Я сама в Метрострое тридцать пять лет отгрохала... Олечку когда можно забрать?

— Я сообщу.

— Деньги на похороны, может, кто выделит? Не подскажете?

Федор Поликарпович только руками развел. У всех одни беды. Про то, как сводит концы с концами Маслюков, он и не спрашивал. Хорошо, если где подрабатывает. Пенсию-то не выслужил, да и проку от нее — одни слезы. Особливо, ежели пьешь.

— Где хоть она размещается, фирма эта? — спросил уже на выходе. — В каком месте?

— Вроде бы, в Салтыковке, — Маслюков вытер глаза рукавом побитого молью джемпера. — Не помнишь, Матвевна?

— В Салтыковке, в Салтыковке. Сам же говорил, что квартиру ей там обещали? Обманывают людей! Как те обманывали, так и эти врут прямо в глаза. Взять хоть меня, награжденного ветерана...

Терпеливо выслушав ее причитания, Бобышкин поспешил откланяться. Дойдя до конца улицы, он вышел на Лесную и сразу за трамвайной линией увидел вывеску «Блинной». Заявиться, как снег на голову, в отделение было бы несолидно. Вообразят невесть что и, как всегда, напортачат. Уважающий себя следователь по особо важным делам не нуждается в помощи участкового, когда требуется найти какого-то Дронова или Тронова. Для этого существует секретарша и телефон.

Оглядевшись, он перебежал на другую сторону и направил-

ся под мост, в метро. Перед ларьками, пестревшими заморскими этикетками, шла бойкая торговля съестным: замороженная рыба, парное мясо, жареные пирожки с капустой, огурцы, бананы, непременные семечки и картошка в мешках. Словом, чего душа пожелает: курага, креветки, отборные шампиньоны — и все прямиком с тротуара. Блеск и нищета. Такое б да в девяностом — вмиг бы порасхватали. Быстро, однако, привык народ. А радости никакой — сплошь недовольные рожи и еще носы морщат. Как сказал поэт, в развороченном бурей быте. Бездомные собаки, бомжи в отбросах копаются, из темноты туннеля заунывное пиликанье скрипки доносится — красота! Небось, юное дарование на хлеб зарабатывает. Все лучше, чем воровать. У молодых вся жизнь впереди, авось наладится, а старикам уже не подняться. Полная безнадежность в оцепенелых глазах. Так и простоит бабулька с пачками «Примы», пока однажды не свалится прямо на улице. И еще не известно, что хуже: на людях или в одиночестве, взаперти. Нагляделся Федор Поликарпович на трупы, пролежавшие в четырех-то стенах чуть ли не месяц. Пострашнее, чем дырка в черепе...

«Салтыковка проклятая, — он едва не забормотал вслух. — Что ж там творится, в Салтыковке?»

Паутина

Совсем недавно в Америке и ряде стран Европы в моду вошел новый тип пейджеров, позволяющих своему владельцу, находясь вдали от компьютера, получать электронные сообщения, приходящие на его интернетовский почтовый адрес. Довольно скоро выяснилось, что услуга эта крайне проста в техническом осуществлении, и пейджеры, принимающие электронную почту, заполонили рынок во всех странах, где насчитывается значительный процент интернетовских подписчиков. Таким образом, пейджерная технология лишний раз доказала, что ее рано еще списывать со счетов, несмотря на повсеместное распространение и неуклонное удешевление сотовой телефонной связи. Впрочем, разработчики сотовых телефонов недолго думали над ответным ходом. Американская компания «Моторола» объявила, что ее сотовые телефонные аппараты будут вскорости предоставлять своим хозяевам полный комплекс интернетовских почтовых услуг.

Магия

САЛОН МАГИИ
И ЦЕЛИТЕЛЬСТВА ***
Избавление от алкогольной зависимости, табакокурения, наркомании.
Снятие тяжелых видов порчи, сглаза, избавление от предстоящих неприятностей.
Гадание, ясновидение.
Обучение технике мгновенного гипноза, магии, развитие сверхпамяти.
Лечение любых заболеваний.
Прием ведут сильнейшие психологи, маги, целители России.

Интим

Миловидная, ласковая шалунья с прекрасными внешними данными создаст уют и тепло осенним вечером уставшему от одиночества и повседневных будней спокойному господину. У себя.

ФАЙЛ 039

Около шести Павел Борисович вылез из автобуса возле сквера. Сверившись с планом, дождался зеленого света — трафик критской столицы вполне отвечал европейскому уровню — и перешел на противоположную сторону, где шла бойкая торговля фруктами и галантереей. Завернув за угол, он наткнулся на вывеску с русской надписью: «Шубы — шикарно и дешево». Из автобуса с голубой полосой «Filos Travel» торопливо выскакивали озабоченные дамочки, успевшие хватить южного солнца. Обрывки родимой речи не вызвали ностальгического отклика и, вежливо пропустив соотечественниц, устремившихся к вожделенной двери, Климовицкий нырнул в переулок, откуда тянуло забористым духом рыбы.

Чего только не было на возках и прилавках! Омары с замотанными клешнями, креветки, морские ежи, крабы, устрицы и всевозможные двустворчатые моллюски. Пересыпанные ледяной крошкой, стыли скользкие спруты и каракатицы. Муаровый отсвет перебегал по спинам тунцов, тяжело распластались скаты и камбалы, скользкие груды головастых бычков и усатых султанок перемежались ящиками, в которых, подобно снарядам, была аккуратно уложена золотистая скумбрия, жемчужная кефаль, полыхающая багряницей краснобородка. Истекая слизью, судорожно подрагивали пупыр-

чатые жаберные крышки фантасмагорических морских чертей. Черные большеротые рыбины, казалось, высасывали последние капли влаги с шершавых боков акул, извивались угри, судорожно разевая пасти, распускали ядовитые шипы плавников крылатки — пестрые бабочки дворцовых садов Посейдона. Климовицкий обожал морскую рыбу и, пока не отпали Кавказ и Крым, со страстью предавался подводной охоте, но от такого изобилия даже у него зарябило в глазах. Сумрачный тесный переулок показался сточной канавой, куда вывалили всю требуху из пропоротого брюха морей. Чад от скворчащей в оливковом масле ставриды, мешаясь с острым запахом специй, исходившим от бочек с хамсой и сельдью, не мог заглушить сладковатую вонь рынка. Затонувшая Атлантида не погибла. Переливаясь радужным многоцветьем агонии, она умирала здесь — сегодня и ежедневно — в сырости тающего, пропитанного кровью и слизью льда, и блестящая чешуя, как новогоднее конфетти, метила невольных пособников преступления.

Климовицкий вздрогнул, ненароком наступив на крабика, улепетнувшего из корзины. Дрыгнув ногой, отшвырнул противно хрустнувший панцирь и вытер подошву о забрызганный серебристыми блестками тротуар.

Сентенция Блекмена по поводу зверя и живой плоти, показавшаяся еще одним проявлением чудачества, вдруг наполнилась неким тревожным смыслом.

Пройдя рынок насквозь, Павел Борисович пересек улицу фешенебельных магазинов, которую пересекала искомая Мелидониоу. До семи оставалось чуть менее двадцати минут. Лучше всего их было скоротать в чистенькой кондитерской на углу. Чашечка кофе с кусочком воздушной, обсыпанной дробленой фисташкой нуги помогли изгнать липкое, въевшееся в поры амбре.

«Golden Atlantis» находился в глубине двора солидного дома начала века, весь первый этаж которого занимал модный салон. Импозантные манекены в вечерних туалетах и спортивных костюмах были декорированы корабельной оснасткой и теннисными ракетками. Сумки с клюшками для гольфа и дорожные кофры обрамлялись морскими раковинами, веточками розового коралла и массивными шлифами синего агата, африканского малахита и каменными распиленными вулканическими ядрами, набитыми, словно сказочные пещеры, крупными зернами аметиста. Поддуваемый вентилятором задник из бирюзового шифона ласкал, изображая морскую волну, ножки обнаженной Афродиты, соблазнительно склонившейся у штурвала с гирокомпасом. Тяжелая медная астролябия не давала свернуться старинной карте, свисавшей

с ампирного столика, на который, слегка прикрыв левую грудь, опиралась богиня. Музейную копию бычьей головы с вызолоченными рогами и солярным цветком во лбу поставили как дань местному колориту. Каждая вещь в отдельности, включая бикини, сведенные к чисто символическим тесемочкам с пряжками в виде дельфинов из полновесного золота, была по-своему недурна, но их сочетание поражало полнейшим отсутствием вкуса.

Климовицкий не бывал в Америке, не знал настоящей Европы. То, что ему представлялось чуть ли не верхом роскоши, в лучшем случае достигало уровня добротного ширпотреба. Особое впечатление произвел глобус с рисунком материков времен Магеллана, приспособленный под коньячный бар. Желания приобрести, впрочем, не возникло.

Проторчав у витрин оставшиеся минуты, он вошел в подворотню и ровно в семь нажал кнопку звонка под надраенной до блеска латунной табличкой с клубным вензелем.

Блекмен уже ждал в вестибюле под минойской колонной, служившей пьедесталом бронзовому дельфину. Приложив палец к губам, он указал на другую колонну, увенчанную лабрисом, возле которой находилась конторка, где стоял смуглый, атлетического склада мужчина в сиреневом смокинге. Он записал фамилию и адрес неофита в толстую книгу, а затем и сфотографировал его под вензельным щитом клуба. При этом не было произнесено ни единого слова. Когда цветное изображение проявилось, он наклеил фото на клубную карточку и, вложив в принтер, склонился над пультом. Затем, все так же молча, вручил готовое ламинированное удостоверение. Климовицкий обратил внимание на несусветную дату: Anno 11596 и хотел было обратиться с вопросом, но Джерри, вновь сделав предостерегающий жест, очертил указующим перстом надпись на базе колонны: SILEO[1], наложенную поверх рельефного контура греческой альфы. Павел Борисович латыни не обучался, но смысл угадал. То же слово значилось и на втором столпе, с той лишь разницей, что его выпуклой подковой обрамляла омега.

Англосаксонские ритуалы всегда славились своими чудачествами.

В зале заседаний собралось человек тридцать, не более. Семеро сидели в креслах за столом в виде кольца, остальные, образовав второй круг, расположились на стульях, что напомнило Павлу Борисовичу собрания в Доме дружбы. Только мебель, оставшаяся от купца-миллионщика, была побогаче, ну и, конечно, интерьер.

---

[1] Хранить молчание, безмолвствовать (*лат.*).

Климовицкий присел на свободное место возле самых дверей и с любопытством огляделся. Зал украшали две аляповатые скульптуры из позолоченного папье-маше, установленные на ступенчатых помостах: Посейдон с трезубцем и у противоположной стены неизвестная Климовицкому богиня в пеплосе, заколотом на плечах. Судя по дельфинам у ног, тоже морская, возможно, сама Амфитрида. Отверстие в центре стола вмещало пузатую вазу с искусственными лилиями. Середину потолка занимал рисунок «Фестского диска» в завитках облаков. Четыре ветра по углам изо всех сил выдували воздушные потоки. В простенках окон висели морские и геологические карты Атлантики и Средиземноморского бассейна.

Солидный джентльмен в белой с широкой синей полосой мантии, наброшенной поверх твидового пиджака, вооружившись молотком, трижды ударил в гонг.

— Объявляю симпозиум открытым, — провозгласил он по-английски и, оглядев присутствующих поверх очков, вызвал: — Брат Сейсмолог!

Из-за стола поднялся симпатичный старичок в шахтерской каске с горящей лампой.

— Недра спокойны, толчков не зарегистрировано, — доложил он обстановку.

— Брат — Страж Морей!

— Волнение два балла, — бодро отрапортовал румяный толстяк в кепи яхтсмена. — Отлив.

— Брат — Смотритель Порта!

— Все корабли у своих причалов, — в дверях появился тот самый дежуривший за конторкой атлет. — Серый «Шевроле» надо отогнать, — он укоризненно покачал головой. — Закрывает подъезд к складским помещениям магазина.

Нарушитель вскочил, лихорадочно нашаривая ключи, что вызвало добродушные смешки.

— Нет-нет, так не пойдет! — остановил его председатель, ударив молотком по мельхиоровому блюду. — Десять долларов, брат Лайонел.

Проштрафившийся выронил брелок с ключами и полез в задний карман за бумажником, ища глазами свою беззвучно упавшую на ковер связку. Под общий хохот ее поднял кто-то из соседей и точным броском метнул на блюдо, отозвавшееся печальным звоном.

— У меня только драхмы и кредитная карточка, — скорчив трагическую мину, возгласил владелец злополучного «Шевроле».

— Сколько будет по курсу, брат Казначей? — сохраняя приличествующую серьезность, спросил председатель и, получив ответ, произвел церемонию выкупа. — Прошу внима-

ния, джентльмены! — он предостерегающе взмахнул молотком. — Я рад представить вам доктора Клайм-о-витски, — произнес по складам, заглянув в бумажку. — Нашего друга из России... Он здесь?

Павел Борисович поспешно встал и, залившись краской, смущенно раскланялся.

— Рекомендатель?

Блекмен коротко, но не без преувеличений, поведал о научных заслугах «русского друга, одержимого пламенной мечтой открыть новую страницу священной истории».

— Благодарю, брат Джерри, — председатель отпустил его милостивым кивком. — Ваше решение, клубмены?

Решение выразилось в поочередном поднятии большого пальца, словно дело происходило на римской арене, где кровожадная толпа решила подарить жизнь поверженному гладиатору.

— Займи свое место, брат Пол, — председатель наградил Климовицкого милостивой улыбкой.

Растерянно оглядевшись по сторонам, Павел Борисович неуверенно опустился на стул, на котором сидел прежде.

— Можем ли мы, учитывая трудности, переживаемые Россией, освободить нового брата от уплаты членских взносов за первый год? — поинтересовался Блекмен. — Брат-Казначей?

Казначей, в свою очередь, переадресовался к звездочету.

— Солнце в созвездии Весов. День идет на убыль, а с ним и год, — прозвучал глубокомысленный отклик.

По-видимому, стараниями Джерри все было заранее обговорено.

— Нашим решением брат Пол направляется на архипелаг Тиры для проведения работ, в которых мы заинтересованы, — заключил председатель, трижды ударив молотком. — После короткого перерыва заслушаем сообщение достопочтенного Гленна Моргана, нашего брата из Сан-Франциско... Прошу, джентльмены.

Все чинно направились к нише, где был сервирован накрытый бумажной скатертью стол: термосы, пирамида одноразовых чашек, крекеры, пакетики с кофе, чаем и сухим молоком.

— Пол! — каждый клубмен счел своим долгом дружески похлопать новичка по плечу. Обращались друг к другу только по имени и на «ты».

Климовицкий расчувствовался почти до слез. Ему и в голову не могло прийти, что атмосфера мальчишеского братства исчезнет уже за порогом клуба. Игра кончается, и каждый уходит в свою жизнь, становясь самим собой: мизантропом, завистником, интриганом, снисходительным добряком, цини-

ком или прекраснодушным фантазером, а то, смотря по обстоятельствам, и тем, и другим, и третьим.

Змеи меняют кожу, люди меняют маски.

Клубмен, смолотивший полпачки крекеров, удостоился премии в виде оплаченного ужина на две персоны в ресторане «Астерий», которую тут же выставил на аукцион в пользу общества. Торговля — цена дошла до семидесяти долларов — превратилась в забавную комедию. Каждый дурачился, как мог, развлекая себя и других.

Страж Морей, у которого были руки-крюки, поперхнувшись от хохота, выронил чашку, испачкав скатерть кофейной гущей, за что был тут же подвергнут каре. Та же участь постигла и опоздавшего господина во фраке, явившегося с футляром в руке — по-видимому, музыканта. Попытка оправдаться трудностями парковки обошлась ему еще в десять баксов[1].

Наказанные, изобразив крайнюю степень досады, присоединялись к общему веселью. Павел Борисович поймал себя на мысли, что почел бы за честь оказаться на месте проштрафившегося.

Удар молотка оповестил о возобновлении симпозиума. Лекции предшествовала минута ритуального безмолвия, после чего председатель поклонился сидевшему рядом старцу с вдохновенным лицом пророка и указал на помост с пюпитром перед статуей морской богини. Стартовал Морган довольно лихо, трижды воззвав, как, наверное, показалось не одному Климовицкому, к всеобщей богине-прародительнице:

— Mater! Mater!! Mater!!!

Пронзительный выкрик, достигший недоступных человеческому уху ультразвуковых частот, перейдя в чревовещательное бурчание, оборвался на рокочущей ноте, хотя губы проповедника продолжали находиться в движении, артикулируя немые фонемы. Сам он как-то сразу сник, простертые вверх руки бессильно опали, запрокинутая голова поникла, как увядший цветок. Казалось, почтенный муж в пастырском облачении грохнется на пол. Ничего подобного, однако, не произошло. Словно очнувшись от одури, он удивленно поднял брови, всматриваясь в одному ему открытую даль. Это было похоже на пробуждение шамана, слетавшего в мир духов. Голос обрел обыденное звучание, а речь, невзирая на выспренность, осмысленную плавность.

— Нет, джентльмены, я не призывал Великую мать, не вспоминал родительницу, подарившую мне эту короткую жизнь, не взывал к незабвенной супруге, ушедшей так рано, так рано... Я имел в виду нечто совсем иное, но тем не менее

---

[1] «Баков», сказал бы американец.

сопричастное многозначному слову священной латыни. Это — начало, корень, источник всего и просто матка — вместилище всяческой жизни. Прежде чем предстать перед вами, я провел несколько часов в молитвенном уединении в пещере на Дикте, где родился Зевс — Диеспитер, Отец Дней. Там, в сыром мраке первозданных вод, словно слепому зародышу в матке самотворящей Земли, мне было дано пройти все превращения внутренней алхимии, пережить все стадии эволюции косной материи и, наконец, узреть неизреченный свет возрождения в новом теле. И новое видение было даровано мне. Я прочитал критские письмена и понял сокровенный смысл древних мифов.

Успокоив взволнованную аудиторию профессиональным жестом властителя душ, Морган выдержал интригующую паузу.

— Кто он такой? — наклонившись к Блекмену, шепотом спросил Климовицкий.

— Очень знаменитый человек. Один из столпов теологии.

— Но вещает он, как какой-нибудь языческий жрец... Зевс, Великая мать, алхимия...

— Не обращай внимания. Морган — крупный этнолог и психоаналитик. Здесь он среди своих и может говорить совершенно свободно. Бог един — имена не имеют значения...

— Вы вправе спросить, братья, — на губах проповедника промелькнула улыбка, — *расшифровал* ли я сокровенное послание, запечатленное на «Фестском диске»? — он бросил многозначительный взгляд на потолочную роспись. — И да, и нет. В кромешной тьме родильных вод предо мной распахнулись врата всех тайн, ибо я вернулся к началу начал, где нет времени. Но на выходе из пещеры вселенский маятник вновь принялся отсчитывать мгновения, я вернулся во время, сделался *временным* — смертным. Поэтому не ждите от меня потусторонних откровений, но тем немногим, что мне удалось вынести с той стороны, я охотно поделюсь с вами, моими братьями и спутниками.

— Гениально, — шепнул Блекмен Климовицкому. — Сейчас пойдет философия, хотя все уж сказано.

— Что сказано? — Павел Борисович не уловил тайного смысла зачина. Пещера — матка? Очень образно, но при чем тут время? Ускользнуло главное — подтекст. Возможно, сказалось несовершенное знание языка.

Выдержав риторическую паузу, Морган обошел статую богини и остановился возле напольных часов. Потрогав резную фигурку Хроноса, украшавшую палисандровый футляр, он задумчиво огладил гробовую эмблему и сдул пыль с ладони.

— Священное, сексуальное, смертное, — пробормотал как

бы про себя, возвращаясь к пюпитру. Богатый модуляциями голос вновь обрел дидактическую размеренность. — Смерть — это последнее испытание на пути к великому посвящению, за которым уже нет никаких тайн. Утратив священный покров, смерть низводится до синонима небытия. Это не касается людей с религиозным сознанием, в кого бы ни веровали они — в Христа, Будду или же Абсолютный дух. Для них смерть — ритуал перехода. Попробуйте поставить себя на место древнего человека, чей духовный мир почему-то принято считать примитивным. Не знаю, чего здесь больше: гордыни или невежества. Древним так же, как и нам, ведома смертная страда — фундаментальное переживание, необычайно глубокое и насыщенное, которое сделало человека тем, кем он есть. За этим стоит слишком многое, чтобы можно было передать словами. Это и уход от неведения детства, и расставание с матерью, и обретение собственного «я», очищенного от младенческих комплексов. Смертные муки древний человек воспринимал как боль инициаций. Если бы только было возможно сублимировать страдание нашей души в архаичные символы, то мы могли бы получить предельно ясный ответ. Смерть — это вхождение в лабиринт, в ночной лес, где блуждают демоны и души предков, в иной мир, куда более реальный, чем здешний, подвластный переменам, временный, бренный. Это великий страх, tremendus[1]... Латынь точнее передает трепет, потрясение, парализующие мальчика, посвящаемого в братство мужчин. Его заглатывает чудовищный змей, засасывает в беспросветную тьму чрева, ломает кости в тисках колец, терзает плоть, обжигает огнем, рвет на части, высасывая сок жизни... Архетипический образ умирающего и воскресающего бога: Адониса, Аттиса, Осириса. Алхимическая дезинтеграция перед синтезом возрождения. Мы многое смогли узнать о тех испытаниях, которые по сей день проходят юноши и девушки в джунглях Новой Гвинеи, на островах Микронезии, в дождевых лесах Африки. Они оставляют свои дома, чтобы завершить обряд инициаций в заповедных дебрях, символизирующих иной мир. Пытки, нестерпимые по нашим меркам, достигают своего апогея в ритуале смерти и воскресения. Это последний экзамен, самый ужасный из всех. Вдумайтесь, что означает быть проглоченным, разъятым на части, заживо погребенным? Вы совершенно правы: это нисхождение в преисподнюю на адские муки. Вспомним Иону во чреве кита! Левиафана — змея извивающегося! Смею уверить, что нечто подобное происходило и в Египте, и в Греции, и здесь — на благословенном Крите, где Великая мать богов укрыла младенца Зевса от

[1] Страшный, ужасный (*лат.*).

Крона, пожирающего своих детей. Всюду слышны отголоски посвятительного обряда. Крон — Хронос, чудовищное олицетворение всепожирающего времени. Мы живем в истории. Хронологическая экзистенция перемалывает наши души и плоть. Хронос эллинов — римский Сатурн с беспощадной косой. Вслушайтесь в звучание: Санторини. Остров Сатурна — могильный камень Атлантиды. Мы одержимы стремлением раскрыть древнюю тайну, но не слишком ли самонадеянно без нужной подготовки перешагнуть грань, за которой скрыта иная реальность? — Покинув пюпитр, Морган приблизился к карте Средиземноморского бассейна.

— Невероятно! — восхитился Климовицкий, прочувствовав многозначную связанность символов: Хронос — Сатурн — Санторин — могильный камень. Он испытывал смешанное чувство радости узнавания, потаенного страха и безысходной тоски.

— Mysterium tremendum, mysterium fascinans[1], — словно уловив стон смятенной души, утвердительно кивнул Морган. — Сверхъестественное лежит по ту сторону ratio[2]. Это чувство отлично от всего человеческого. «Я прах и пепел», — обращается к Господу Авраам. Сверхъестественное пронизывает космос, как грозовое электричество, — стоя лицом к карте, он устремил завороженный взгляд в лаковую голубизну. — Не правда ли, очертания острова Санторини удивительно напоминают косу? Эмблема времени, орудие смерти. Есть повод задуматься. Ходульное выражение «убить время» не лишено глубокого смысла. Мы пытаемся выскользнуть из увлекающего нас все дальше и дальше потока различными способами, главным образом развлечениями, пустым, обратите внимание на сокровенную проницательность слова, времяпровождением. И нам, представьте себе, удается убить время, но какое, джентльмены? Мы выскальзываем из стремнины своего ритма, чтобы обрести призрачное существование на чужой волне. Оставляем собственную историю ради романа, фильма, пьесы, наконец, некоей страны, исчезнувшей в один роковой день. Не это ли собрало нас вместе?.. Мы действительно готовы отказаться от собственной истории, чтобы удовлетворить свою любознательность? Или нам необходимо нечто принципиально иное? Боюсь, джентльмены, что для многих из нас Атлантида — своего рода наркотик, дающий иллюзию власти над временем.

Древние воспринимали действительность как бесконечное повторение цикла, воспроизводящего первичный миф, тогда как нами движет тайное желание любой ценой отгородиться

---

[1] Ужасные, трепет внушающие таинства, завораживающие таинства (*лат.*).
[2] Рациональное (*лат.*).

от неумолимого течения времени, влекущего к смерти. Не осознав психологической подоплеки, нечего надеяться на успех наших начинаний. Бесполезно искать Атлантиду Платона на дне океанов. Нам нечего добавить к усилиям археологов, открывших удивительный мир Акротири. Атлантида, которую мы ищем, с каждым днем погружается в глубь невозвратных зыбей. Мы потеряли ее с гибелью цивилизаций ацтеков и майя, на наших глазах ее разрушали в Тибете, она умирает, по мере исчезновения традиционных культур, повсюду: на Калимантане, Камчатке, Вануату, Папуа, в Конго, Сибирской тундре, Амазонской сельве, Австралийской пустыне. Отчаянная попытка сохранить коренные языки, понять существо мистерий, проникнуть в миф — это единственное, что нам остается. — Морган пожал плечами, всем своим видом выражая крайний скептицизм. — Так называемый прогресс остановить невозможно. Символика технотронной эры олицетворяет власть времени. Не мне решать, где больше смысла: в духовных исканиях индийских отшельников или виртуальной реальности киберпространства, но одно я знаю твердо: новые поколения уже не смогут понять самих себя. Священные знаки изгладились. Рядом с термоядерной бомбой серп и коса потеряли ману. Это просто архаичные сельскохозяйственные орудия, а не ключи, отмыкающие потаенные двери сознания. Когда дисплей окончательно уничтожит книгу, как книга когда-то вытеснила изустное предание, наступит... Впрочем, не хочу вас пугать, джентльмены, но придет день, когда новые фрейды и юнги не обнаружат в душах своих пациентов ничего, кроме безответной пустоты. И уже никому никогда не приснится золотая лестница в небо[1]. Оно станет устаревшим синонимом атмосферы, где все меньше озона и все больше углекислого газа, а океан — гидросферы, в которой еще плавают какие-то рыбы, а мать-земля — плацдарма экологических бедствий. И только ignis trementum, вырвавшись из клокочущих недр, пребудет в своем очистительном естестве огня, приводящего в трепет. Возможно, правы индусы, прозревающие за кальпой всесожжения новый жизненный цикл. Слава Богу, я стар, и мне не придется жить в том прекрасном новом мире... Благодарю за внимание и терпение.

Морган устало прищурился и, бросив последний взгляд на карту, направился к креслу. Кто-то зааплодировал, его неуверенно поддержали, затем грянула дружная овация. Глядя на несколько ошарашенные лица, Климовицкий подумал, что добрая половина слушателей осталась глуха к вдохновенным

[1] «И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба, и вот Ангелы Божии восходят и нисходят по ней». (*Бытие 28:10*).

речам ученого проповедника. Он и сам многого не понял, частично по причине языковых трудностей, но главным образом из-за нехватки знаний, особенно по части психоанализа. Но основное как-то дошло, проникло. Грозный рокот рефрена tremendus — tremendum и впрямь заставлял трепетать.

Будто холодным ветром дохнуло из быстро темнеющих окон. Скупая, даже комичная с первого взгляда обрядность клуба — одна шахтерская каска чего стоит! — накладывалась на смутные образы, пробужденные назойливым обращением Моргана к быту примитивных племен. Прозревалась собственная, чуждой волей навязанная сопричастность с этой последней инициацией, с этим роковым переходом через смерть в никуда. Подозрительно укладывались в единую смысловую канву логические цепочки, связавшие древнего Хроноса с островом Санторини и его, Климовицкого, свободным, как еще недавно казалось, выбором. Вроде бы случайные встречи с Блекменом в Малии и Кноссе, потом этот клуб, оказавшийся «Братством Золотой Атлантиды», скорбная минута молчания и часы с адамовой головой под острой косой Сатурна. И все так быстро, скоропалительно. Не успел оглянуться, и уже принят неизвестно куда и «посвящен» в неведомые таинства. Мужские союзы, о которых говорил Морган, тоже были тайными братствами по ту сторону гроба.

Дурное предчувствие ледяными костяшками стиснуло сердце. Павел Борисович вспомнил, что нечто подобное он уже испытывал на руинах Иерихона, в подземелье, где, поблескивая перламутровыми глазницами, лежали черепа. Мертвой хваткой смыкались звенья причин и следствий. Египет (гробницы, мумии) — могильники Иерихона — Лабиринт Минотавра. Перевернутый треугольник — знак нижнего мира и женской тайны. И Санторини как центр, как последняя точка инициаций...

Никто не принуждал, сам все придумал, сам с маниакальным упорством загнал себя в капкан.

«Не может быть! — Павел Борисович попытался стряхнуть наваждение. — Дурацкая мнительность. Надо во всем разобраться...»

— Кто она? — спросил, глазами показав на морскую богиню.

— Клито, — казалось, Блекмен удивился вопросу. — Посейдон сочетался с ней, когда правил Атлантидой.

— А как же Амфитрида?

— У тебя никогда не было любовницы, Пол?

Ударом молотка председатель призвал к молчанию. Затем был объявлен перерыв на кофе.

— Меня заинтересовали колонны при входе, — возобновил

расспросы Павел Борисович, высыпав из пакетика диетический сахар, похожий на молотую корицу. — Что они означают?

— Разве ты не читал диалоги Платона?.. Египетские жрецы показали Солону обелиск, на котором записана история Атлантиды.

— Но у вас две колонны.

— У Иосифа Флавия есть рассказ о потомках египетских богов, исчисливших пути звезд и планет. Они, дабы люди не забыли тайные знания, воздвигли две колонны: одну из кирпича, другую из камня. К тому времени, когда Солон посетил Египет, кирпичная могла разрушиться.

— Колонны, что стояли в стране Сириат! — вспомнил Климовицкий.

— Верно, но я имею в виду те, что в Египте.

— Название Сириат как-то связано с Сирией?

— Не думаю. Флавий упоминает город над морем и два действующих вулкана. Очень похоже на Тиру: вулканы, высокий берег Санторини, где на руинах Акротири выросла деревушка Пиргос. Город над морем. И там было две.

— Понятно, — Павел Борисович допил остывший кофе. Про пятизначное число на клубной карточке можно было не спрашивать.

— Атланты — учителя человечества. Египтяне считали их сыновьями своих богов. И не только египтяне. Я уверен, что такие колонны стояли во многих местах, — Блекмен рассуждал как заурядный атлантоман, и это немного успокоило Климовицкого. В дилетантских, даже на его, не слишком просвещенный, взгляд, вымыслах не ощущалось мистической ауры. Атлантида погибла за девять тысяч лет до египетского путешествия Солона, в седьмом веке до новой эры. В пересчете на текущую дату столько и получалось. Отсюда легко было догадаться, чему, а вернее, кому посвящалась минута молчания.

Как бы подтверждая правильность догадки, председательский молоток возвестил, что пришла пора почтить память детей Посейдона и возобновить занятия. С содокладом выступил брат Архивариус, хромоногий грек в национальном костюме на манер шотландского кильта. Отличительным знаком высокого ранга служило серебряное перо на торбе. Разложив на пюпитре отпечатанный текст, он надел очки и приступил к чтению, заикаясь на каждом слове. К общей радости, докладчик ограничился лишь кратким вступлением, уступив трибуну Блекмену, огласившему основное содержание в английском переводе.

— Безоглядно поверив Гомеру, Генрих Шлиман открыл легендарную Трою, доказав тем самым, что в основе преданий и мифов лежат действительные события. Я полностью поддержи-

ваю идею достопочтенного брата из Сан-Франциско сосредоточить усилия на расшифровке информации, которая заложена в эпосе. Геологи утверждают, что извержение на Тире во много раз превосходило все известные катастрофы. Возможно ли, чтобы катаклизм такого масштаба не нашел отклика у аэтов-сказителей? Конечно же нет, невозможно. Обратимся к наиболее раннему из греческих мифов, повествующему о борьбе богов и титанов. Великий Зевс, выросший и возмужавший на нашем Крите, восстав на Крона, принудил его извергнуть проглоченных детей Реи. Светоносные боги третьего поколения вступили в смертельную схватку с кровожадным отцом и могучими титанами за власть над миром. Борьба шла с переменным успехом. Одержать верх олимпийцам сначала помогли циклопы, выковавшие грозное оружие — стрелы молний, а затем и сторукие великаны — гекатонхейры, заключенные в недрах земли. Ужасные, исполинские, как горные кряжи, чудовища, вырвавшись на поверхность, обрушились на титанов. Они вырывали утесы, швыряя их, словно камни, выпущенные из пращи. Тряслась земля, все потонуло в оглушительном грохоте, огне, дыме. Тартар, и тот содрогнулся до самых глубин. Зевс не уставал метать перуны, от которых плавился камень. Огонь охватил всю землю, вскипали моря и реки, непроницаемая пелена зловонной гари заволокла небо, и над миром воцарилась долгая ночь.

Климовицкий едва не вскрикнул. Конечно же, небо над Грецией должно было затмиться на более долгий срок, нежели над Египтом! Как он сам не сообразил? Почему, наконец, не обратил должного внимания на мифы, целиком положившись на Гомера и Геродота? Прав брат Летописец: за волшебным пологом детской сказки скрывался тайник музы истории.

— Со школьной поры памятный миф! — кивнул, как бы в знак согласия, Блекмен, продолжая чтение. — Нужно быть слепым, чтобы не разглядеть за строками безымянных поэтов образное описание грандиозного буйства стихий. Как это обычно случается, вулканическому взрыву предшествовали землетрясения, выбросы газов и пепла, грозы. Создается впечатление, что в мифе запечатлены два последовательных события: упорная битва за мировое господство и глобальный тектонический катаклизм. То же двучленное разделение мы видим и у Платона: многолетняя, опять же с переменным успехом, война греков с властителями мира атлантами и та же геологическая катастрофа, предвестником которой были землетрясения. «На этом Атлантическом острове, — говорится в диалогах, — сложилась великая и грозная держава царей, власть которых простиралась на весь остров, на многие иные острова и на некоторые части материка...» Точная характерис-

тика критской талассократии! Тира, собственно Крит, Киклады, Родос, Кипр, а что касается части материка, то наверняка имелись в виду Микены и прочие очаги крито-микенской культуры. Пойдем далее... «Вся эта держава, — Платон устами жреца говорит об Атлантиде, — собравшись в одно, вознамерилась вашу страну, и нашу, и все по сю сторону устья пространство земли поработить одним ударом. Тогда-то, Солон, воинство вашего города доблестью и твердостью прославилось перед всеми людьми. Город ваш то воевал во главе эллинов, то, когда другие отступались, противостоял по необходимости один и подвергал себя крайним опасностям. Но наконец, одолев наступающих врагов, торжествовал победу над ними»... Как Зевс во главе разноплеменных союзников. Позволительно предположить, что он представляет Афины, олимпийцы — другие греческие полисы, а циклопов можно сравнить с варварами. Это вынужденный альянс против общего врага. Вторая часть драмы — геологическая — выделена четко и ясно: «Впоследствии же времени, когда происходили страшные землетрясения, потопы, в один день и бедственную ночь, вся ваша воинская сила разом провалилась в землю, да и остров Атлантида исчез, погрузившись в море»... И вновь знаменательная параллель с мифом. Титаны дрогнули, их сила была сломлена, олимпийцы сковали и низвергли в Тартар поверженных врагов — в вековечную тьму. Власть титанов закончилась. Третье поколение первичных богов победило второе. Платон прямо называет причину гибели Атлантиды — извержение вулкана, но и миф повествует о том же со всей определенностью. Сторукие великаны, которых Зевс решился в последний момент освободить из подземного плена, олицетворяют необузданные, разрушительные силы бушующих недр. Они взрывают горы, поднимая на воздух целые скалы, дрожит и стонет объятая пламенем земля. Добавим сюда выкипающие моря и смрадный дым, затмивший солнце, и мы получим полный комплекс вулканического взрыва беспрецедентной мощности. Словом, в мифах запечатлелась все та же нарисованная Платоном картина. Помимо всего прочего, это является добавочным подтверждением непосредственной близости Эллады и Атлантиды, то есть Тиры и Крита.

Павел Борисович напряженно ловил каждое слово, радуясь чужому прозрению и страдая от ревности. Что мог знать о вулканах этот черный, как галка, грек в короткой юбке и туфлях с помпонами? Кабинетный кропатель, он смеет рассуждать о геотектонике, не ведая, что это значит на самом деле! Но ничего не потеряно. Мифы не принадлежат никому, вернее, принадлежат всем. Первым придет к финишу тот, кто вырвет тайну у пепла. Пусть Морган и иже с ним ищут свою золотую

лестницу, свой потерянный рай, где замерло время. Нормальный человек живет в своем потоке, в ритмах реальной истории. Морок развеялся, а вместе с ним и суеверные страхи.

Завершали симпозиум краткие рефераты.

Брат Спиро:

— Одиссей в своих странствиях добрался до острова Схерия, отвесные берега которого окружали утесы. Согласно Гомеру, рядом со столицей Схерии по воле Посейдона образовалась высокая гора. Наряду с появлением скальных образований у берегов, это можно считать свидетельством бурной вулканической деятельности. Я не знаю другого места, кроме Санторинского архипелага, которое отвечало бы перечисленным признакам. Кальдеру окружает прерывистое кольцо вулканических горообразований, отделяющее остров от моря. Внутри находится лагуна, иногда с вулканическим конусом в середине, а то и сразу с несколькими, как бы встроенными друг в друга, именно такой вид имеет конус Нео Каймени, образовавшийся уже в наше время[1] в древней кальдере Санторини. У Платона читаем: «С моря по направлению к середине, лежала по всему острову равнина, говорят, прекраснейшая из равнин и достаточно плодородная. По равнине опять-таки по направлению к середине острова, на расстоянии стадий пятидесяти была гора, небольшая в окружности. Посейдон крепким ограждением отсек кругом холм, построив одно за другим большие и меньшие кольца поочередно из морских вод и земли, а именно два из земли и три из воды, на равном повсюду расстоянии одно от другого, словно выкроил их из середины острова, так что холм этот сделался недоступен для людей...» Геологически безупречная картина концентрических конусов. Когда они образуются на дне моря, то выглядят именно так. Платон приписывает их сотворение Посейдону, то есть речь идет о природном образовании, существовавшем до того, как атланты заселили остров. Это полностью подтверждается последними научными данными. Вулкан Санторини возник сто тысяч лет назад. По геологическим меркам он достаточно молод, но Атлантида возникла значительно позднее.

Атланты приспособили уникальный рельеф острова к своим нуждам, о чем все так же обстоятельно и со знанием дела свидетельствует Платон: «Начиная от моря, вплоть до внешнего кольца, прокопали они канал... открыли доступ к этому кольцу из моря, как будто в гавань, а устье расширили настолько, что в него могли входить самые большие корабли. Да и земляные валы, которые разделяли кольца моря, разняли

[1] 1927 г.

они по направлению мостов настолько, чтобы переплывать из одного в другое»...

Рельеф архипелага Санторини полностью соответствует описанию Атлантиды: «Во-первых, вся эта местность очень высока и крута со стороны моря, вся же равнина около города, обнимающая город и сама, в свою очередь, объятая кругом горами, опускавшимися вплоть до моря, была гладка и плоска». Нельзя не восхититься научной точности! Кольцевое расположение горных цепей, окруженных морем, встречается исключительно редко. Такое нельзя выдумать из головы, такое надо видеть собственными глазами. Мне могут возразить, что для Атлантиды Платона характерны прямоугольные контуры, но именно это и отличает кальдеру Санторини. Она представляет собой прямоугольник, отношение сторон которого два к трем, что соответствует очертаниям Атлантиды. Описанный Платоном рельеф полностью соответствует геологическому строению кальдеры Санторини на момент, предшествующий извержению. Космическая съемка подтверждает заключение геологов и вулканологов.

Брат Ренье:

— Диалоги «Тимей» и «Критий» опираются на древнее предание, которое саисские жрецы поведали законодателю Солону — предку Платона. Археологические находки, данные геологии и космической съемки позволяют сделать неоспоримый вывод: причиной гибели великой минойской цивилизации явился вулканический взрыв. По сути, только теперь мы получили достаточно полное представление о масштабах извержения в Эгейском море, тогда как раскопки на Крите были начаты еще в начале века. Высказав предположение, что минойские дворцы превратились в руины в результате внезапного бедствия, сэр Артур Эванс и его последователи и словом не обмолвились о санторинском вулкане. Откуда было им знать о том, что стало всеобщим достоянием в последние десятилетия? Тем не менее, обнаружив занесенные пеплом развалины Кносса, Феста, Агиа-Триады, Гурнии, Малии, Псиры, Мохлоса и Палекастро, археологи пришли к убеждению, что катастрофа была всеохватной и, главное, одномоментной, предвосхитив тем самым результаты позднейших научных исследований. Воздадим должное провидческому дару сэра Артура! Он нашел Лабиринт, безоглядно уверовав в миф, как и Шлиман.

— Джентльмены! — стукнул молотком председатель.

По истечении посвященной Эвансу минуты молчания, барон Ренье Бургильон перешел непосредственно к теме:

— Бесспорно, что открытие кальдеры Санторини претворило миф в историческую реальность, но при всей важности Тиры не следует недооценивать значение Пилоса, Микен и, в

первую очередь, самого Крита. Ведь это и есть Атлантида! Обратимся к фреске в Кносском дворце, запечатлевшей сцену тавромахии. Там, где другие видят спортивные игры, развлечения, вроде испанской корриды или техасского родео, я усматриваю священнодействие... «Они, — говорит Платон об атлантах, — оставшись одни в капище Посейдона и помолившись богу, чтобы им захватить приятную для них жертву без железа, с одними дубинами и петлями, выходили на ловлю и пойманного быка приводили к столбу и закалывали». Весь собранный на Крите археологический материал неопровержимо свидетельствует о главенстве бычьего культа. Эта жертва одинаково угодна и Посейдону, и Зевсу. Человекобык Минотавр — ипостась Зевса Астерия, Зевса Критского. Именно на Крите сохранились его священные атрибуты. Лабрис — магическое оружие, отнимающее земную и дарующее вечную жизнь. Темный бог Крита, повелитель буйных сил подземного мира, на тысячу лет старше лучезарного бога греков — Зевса Олимпийского. Лабиринт — капище Зевса Лабриса, властителя мертвых. Прежде чем воцариться в небе с громовым скипетром в руке, он должен был пройти через смерть. Архитектура, убранство, отделка храма Посейдона и Клито те же, что и в святилищах Кносса. Колонны из красного, белого и черного камня, на чем задерживает внимание Платон, мы встретим и в Тиринфе, и в Микенах. Изощренные формы, выражающие неразрывное единство обоих миров — верхнего и нижнего, изысканная раскраска, величие жертвенников и золотой блеск кумиров. Атлантида не только на Тире, но и здесь, братья. Пифосы в кладовых Кносса были полны зерном и маслом. Ваза из Агии-Триады донесла до нас пасторальную сцену сбора олив. Вспомним то место в «Критии», где рассказывается о землепашестве и садоводстве, и мы лишний раз убедимся, что Атлантида и Крит — одно. Платон повествует о могучем флоте атлантов из тысячи двухсот кораблей, о доках, в которых стояли боевые триеры, об арсеналах с оружием и оснасткой. Свидетельства о могуществе минойской талассократии разбросаны по всему Средиземному морю. Смею уверить, что на дне нас еще ждут замечательные открытия.

Следующим выступил Блекмен. Взойдя на помост, брат Джерри с места в карьер отождествил Зевса-Юпитера с верховными богами Океании и Америки — Тики и Кетцалькоатлом, семитским Балу и скандинавским Одином.

— Властелин нордической Вальхаллы научил людей руническому письму, наукам и дал законы. Как и в космогоническом мифе греков, битва богов «Эдды» закончилась светопреставлением. Оно сопровождалось землетрясениями и звездопадом. Морские волны, захлестнув сушу, с корнями вы-

рывали деревья, слизывали горы, крушили дворцы и жалкие лачуги. На три долгих года мир погрузился во мрак первозданного хаоса. Луну и Солнце проглотил исполинский волк, и на земле воцарилась лютая зима — прообраз ядерной.

Как и ожидалось, природный феномен и здесь, на севере Европы, объяснялся выбросом гигантских масс пепла и газов из жерла вулкана Тиры. Блекмен полагал, что ветер задул сначала в сторону Египта, а затем повернул на священную Ультима Туле[1].

— Согласно римскому писателю Варрону, ночь в районе Центрального Средиземноморья длилась девять месяцев, — привел он единственный и весьма шаткий довод. — Тогда как в Египте солнце померкло всего на три дня.

К извержению в Эгейском море Блекмен приурочил и увековеченный в греческих мифах Огигов потоп. В подкрепление были приведены ссылки на египетские папирусы, Библию, сказание о Гильгамеше и на все того же Варрона, указавшего, что с началом потопа Венера изменила яркость и цвет.

Климовицкий твердо знал одно: шумерский герой Гильгамеш жил на семь столетий раньше. Поэтому покрывшие Месопотамию воды если кому и прибавили забот, то никак не Огигу, а скорее прародителю Ною.

Джерри окончательно пал в глазах Павла Борисовича. Не вызвало интереса и следующее сообщение, где колдунам-тальхинам, якобы обитавшим на Родосе, уделено было куда больше внимания, чем атлантам. Мистике, особенно офической[2], на симпозиуме вообще отдали щедрую дань. Поминали Кекропса, Тифона, сестричек Горгон, но главным образом Зевса, овладевшего Персефоной в змеином облике. Один клубмен настолько заврался, что принялся уверять, будто Горгоны все еще обитают где-то в районе Киклад, но только переселились под воду. Их жертвами становятся аквалангисты и ловцы губок.

Вернуть опасно рыскающий корабль на прежний курс отчасти удалось председателю. В заключительном слове он предложил остроумную гипотезу о трезубце Посейдона.

— Почему буйного владыку морей изображают с орудием римского гладиатора? Многие склонны считать античный трезубец острогой, которой и ныне бьют крупную рыбу. Но, спрашивается, зачем колебателю суши нужна рыба? Сам он любит превращаться то в быка, то в коня; в жертву ему, как и Зевсу, приносят упитанного тельца. Посейдон, хоть и отличается буйным нравом, но не настолько, чтобы устраивать охоту на собственных подданных, а рыбы и все обитатели под-

---

[1] Крайняя земля (*лат.*).
[2] От секты офитов — змеепоклонников (*греч.*).

водного мира — его смиренные подданные. Простите за шутку, но стоит ему пожелать, и самая роскошная краснобородка, столь ценимая римскими патрициями, почтет за честь добровольно шлепнуться прямо на жаровню. Но боги не едят ни рыбы, ни мяса, а только вкушают жертвенный дым. Словом, версия насчет остроги представляется совершенно несостоятельной. В письменных знаках многих древних народов трезубец обозначал горы. Именно так читается соответствующий китайский иероглиф. По моему глубокому убеждению, трезубец представляет собой идеограмму острова Тиры с его трехглавой вершиной. Видимая издалека, она служила навигационным знаком мореходам талассократии. Это геральдический символ Атлантиды!

Исполненный в мажорном темпе финал, безусловно, удался. Ублаготворив безмолвной паузой незримо витавших духов, братья принялись поздравлять своего грандмэтра с блестящим открытием. Поступило предложение ввести трезубец в клубную эмблему, но обсуждение отложили до следующей встречи.

— Симпозиум окончен, — объявил председатель после троекратного удара. — Идите с миром.

Климовицкий вышел вместе со всеми, но никто с ним не заговорил, не попрощался, не предложил подвезти. Один лишь Блекмен, похлопав по плечу, равнодушно бросил:

— Увидимся.

Павлу Борисовичу не терпелось узнать про вертолет, но он сдержал себя. Не говорят, и не надо.

Ярко освещенные улицы поглотили очарование критской ночи. Лишь изредка сквозь рев мотоциклов и музыку, рвущуюся из окон, угадывалось дыхание моря. Идеально отмытые тротуары и мостовая сверкали обсидиановым зеркалом, но рыбный запах все еще витал в холодеющем воздухе.

ФАЙЛ 040

ПСИХОТРОННОЕ ОРУЖИЕ

Телеконференция в реальном времени

«Физики-правозащитники» (Россия) — «Физики против мистики» (США)[1].

N: Мне выпала почетная привилегия приветствовать коллег из Москвы и Петербурга, что я с удовольствием и делаю. Надеюсь, наша конференция пройдет успешно и мы сумеем пролить

[1] Имена участников не представляют непосредственного интереса для читателей, в связи с чем и обозначены буквами: русского алфавита для российских ученых и латинского — для американских. (*Примеч. ред.*)

новый свет, я бы сказал, свет научной истины на такую животрепещущую проблему, как психотронное оружие. Во время своего последнего посещения Москвы, где мне посчастливилось принять участие в симпозиуме по физике высоких энергий, я обратил внимание на пикеты у станций метро. Не знаю, насколько многочисленны подобные молчаливые акции протеста, но лично мне довелось видеть две: одну в самом центре, на площади Пушкина, и другую у выхода со станции Третьяковская. Меня, как легко догадаться, привела туда давняя мечта побывать в одноименной галерее. Экспозиция превзошла все ожидания. Особенно сильное впечатление произвели древние иконы, а также полотна Иванова, Врубеля и Рериха. Я до сих пор нахожусь под впечатлением. Это лишний раз свидетельствует о сложности стоящей перед нами задачи, ибо традиционные верования накладывают неизгладимый отпечаток на мироощущение человека, включая восприятие мистицизма, присущего всякому подлинному искусству, и бытовые суеверия. О психической подоплеке судить не берусь, хотя лично мне показалось, что участники пикетов, в основном дамы зрелого возраста, отличаются, выражусь осторожно, повышенной возбудимостью. Содержание лозунгов, на мой взгляд, страдает излишней категоричностью, а устные высказывания не вызывают доверия. Все в один голос ругают спецслужбы, унаследовавшие практику печально знаменитого КГБ. Я далек от того, чтобы защищать столь одиозное учреждение, но жалобы и прямые обвинения, не подкрепленные фактами, остаются пустым звуком. Моя попытка вступить в дискуссию встретила на первых порах самый горячий отклик. Видя во мне заинтересованного и благожелательного иностранца, милые леди наперебой принялись излагать печальные обстоятельства, вынудившие их возвысить голос протеста. Основной причиной всех бед явилось, как вы понимаете, таинственное облучение. Допустим на момент, что с кем-то из них и могла случиться скверная история, но зачем, спрашивается, продолжать преступные и, главное, дорогостоящие эксперименты в современных условиях? Удивляет и выбор объектов воздействия. Почему женщины, а не мужчины, притом молодые? Кто, позвольте спросить, стреляет в Чечне? Не думаю также, что домашние хозяйки являются основной движущей силой уличных беспорядков. Марш кастрюль не самая большая угроза. Давайте подумаем, стоит ли избранный объект денег, затраченных на энергию? Едва я успел поделиться своими сомнениями, как на мою бедную голову обрушился град негодования. Поведение женщин резко изменилось. Они сделались агрессивными и нетерпимыми. Некоторые крепкие выражения мой переводчик смог объяснить лишь по возвращении в гостиницу. Понадобилось время, чтобы подо-

брать адекватные эквиваленты. Возможно, я не прав, и в вашей стране действительно используются микролептонные лучи, торсионные поля и так называемая пятая сила? Давайте попробуем разобраться. В заключение могу лишь добавить, что само определение «психотронное» представляется мне некорректным. Существует элементарная частица — электрон. Отсюда и грамматические образования: электронное, электронная и так далее. А что такое «трон»? Сначала не слишком образованный футуролог вводит в обращение свою «технотронную эру», затем по накатанной дорожке пускают нелепое сочетание «психо» и «трон». Я еще понимаю, если бы речь шла о психе на троне.

(Смех в обеих аудиториях.)

Б: Я, со своей стороны, тоже счастлив приветствовать друзей из Принстона и Беркли. Поднятый круг вопросов, безусловно, представляет определенный интерес, хотя, могу лишь солидаризироваться с высказанным мнением, проблема лежит не столько в русле физики, сколько массовой психологии, в одном ряду с НЛО, Бермудским треугольником или призраками, хотя последние заслуживают отдельного рассмотрения, ибо порядком взволновали нашу почтенную публику. Профессор N совершенно прав, затронув вопрос стоимости. Нынче нашей науке, включая закрытые исследования по военной тематике, не до жиру — быть бы живу. Надеюсь, ваш компьютерный переводчик подберет соответствующий оборот. Не то что на энергию для широкомасштабных опытов, но даже на нищенскую зарплату не выделяют средств. Все озабочены только одним: выживанием. Теперь о существе вопроса. Воздействие сильных электромагнитных полей на живой организм ни у кого не вызывает сомнений. Я убедился на собственном опыте, десять лет проработав в Серпухове на синхрофазотроне. Извините, конечно, мистер N, но ничего не поделаешь: и тут «трон»! Думаю, не с технотронной эры пошло, а с первого циклотрона. Не обязательно быть физиком-ядерщиком. Всем, кому довелось долго находиться вблизи сильных электромагнитов, мощных телепередатчиков, радиолокационных станций, знаком такой специфический комплекс недомоганий, как сонливость, тошнота, повышенное кровяное давление, головная боль, аритмия. О высокочастотном излучении с длинной волны шесть-семь миллиметров и говорить не приходится. В ряде опытов живые клетки погибали мгновенно. Нейроны мозга исключения не составляют. Результат легко спрогнозировать. Уверен, что соответствующие эксперименты проводились и у нас, и у вас в достаточно широких масштабах. Но вправе ли мы рассматривать микроволны в качестве реальной основы психотронного оружия? Не думаю. Интенсивность электромагнитных полей убывает при удалении от источника пропорцио-

нально квадрату расстояния. Чтобы вызвать заметный эффект, излучатель должен находиться если не буквально за стеной вашего дома, то достаточно близко. При помощи мазеров и специально направленных антенн возможно каналировать излучение в узком телесном угле, значительно увеличив тем самым его мощность, но, во-первых, необходимы солидных размеров генераторы, а самое главное, вмешивается фокусировка. Луч от источника до объекта трудно скрыть. Он охватывает целую полосу пространства. Встает естественный вопрос: если не электромагнитные волны, то что?

R: Уважаемый действительный член Российской Академии говорил с тонким знанием дела. У меня в связи с этим вопрос: приходилось ли вам лично заниматься фокусировкой мазера?

Г: Позволю себе заметить, коллега, что мы собрались для дискуссии по проблеме в целом, не вдаваясь в отдельные частности. Компьютерное время дорого, особенно для нас, в нынешних условиях.

R: Принимаю ваши возражения, доктор Г. Просто по собственному скромному опыту знаю, что создание генераторов даже очень большого объема не является непреодолимым препятствием. Обсуждалась и возможность размещения их на спутниках. Необходим стационарный объект, типа спутника связи, неподвижно подвешенного над намеченной точкой. Только в этом случае возможно воздействовать на локальный участок.

Г: И такие опыты проводились?

R: Насколько известно, нет. Для питания генератора пришлось бы установить крупный атомный реактор или же развернуть солнечные батареи с колоссальной поверхностью. Технически выполнимо, практически бессмысленно, хотя в условиях холодной войны подобные проекты изучались вполне серьезно. Мы не вправе ставить в вину озабоченным гражданам неадекватные проявления эмоций. Расстройства психики — прямое следствие государственного безумия. Колоссальные средства выбрасывались на ветер. Это относится к обеим сторонам противостояния.

Я: Совершенно согласен с доктором R. Кафкианское помешательство на государственном уровне. Только за последние годы коммунистического режима на разработку психотронного оружия было потрачено пятьсот миллионов рублей. Это не нынешние деревянные!

> В крайнем левом квадратике замигала зеленая точка. Появились титры: «Вопрос переводчика». После минутной паузы: «Что есть деревянные?». Титры исчезли. Прозвучал звуковой сигнал.

Я: Прошу прощения! Имеются в виду прежние, советские деньги. Их, правда, тоже так называли и даже с большим основанием, поскольку нельзя было, как сейчас, обменять на доллары. Однако их номинал не страдал гигантизмом. Самая крупная купюра, как и в США, была сотенная. Просто я хотел подчеркнуть, что тогда пятьсот миллионов составляли фантастическую сумму.

N: Интересно, сколько будет в пересчете на доллары?

Я: Затрудняюсь сказать. По официальному курсу так называемого расчетного рубля — примерно семьсот миллионов, на черном рынке — сто или того меньше.

N: Деньги хорошие, но далеко не столь большие, как можно было ожидать. Удалось ли добиться хоть каких-нибудь результатов?

Я: А никаких! Все профукали или прикарманили. Чтоб меня не обвинили потом в разглашении тайн, сошлюсь на источник: статью в газете «Комсомольская правда»[1]. Профессор N совершенно прав. При нынешних масштабах коррупции это пустяк, на понюх табаку и то не хватит.

Ц: Могу лишь поддержать моего товарища, хотя он явно погорячился насчет ответственности за разглашение. Ответственность распространяется только на лиц, давших соответствующую подписку. Судя по отсылке к газете, а сейчас у нас печатают любой вздор, Я. не располагает данными, не подлежащими разглашению. Со своей стороны, хочу заметить, что если бы фундаментальной науке давали хотя бы десятую долю ВПК, мы бы давно разобрались и с психотронным оружием. Сильные поля и высокие частоты вовсе не обязательны. На человека огромное воздействие оказывают и слабые поля. Взять, к примеру, геомагнитную обстановку. Солнечные бури вызывают сердечные спазмы, скачки давления, снижение психического тонуса, а то и серьезные мозговые сдвиги. Достаточно сказать, что у нас в стране обнаруживается полная корреляция между социальной активностью людей и числом Вольфа. Таким образом, само солнце подсказывает, что возможно одномоментное влияние на поведение масс. Слабые электромагнитные поля синхронизируют агрегаты клеток, стимулируя или тормозя происходящие там процессы. Это напоминает бегущую толпу, которая приобретает целенаправленное движение под влиянием ничтожного звукового сигнала, энергия которого никак не сравнима с топотом тысяч ног. Спросите, что за сигнал? Команда начальника. Даже простой взмах руки на трибуне.

---

[1] О. Волков «Психическое оружие не найдено Но 500 миллионов истрачены». («Комсомольская правда», 27 сентября 1991 г)

N: Очень убедительная аналогия, хотя мы едва ли научимся управлять солнечными бурями. Но зато умеем их прогнозировать, а значит, и использовать в нужный момент, отдавая соответствующую команду. Блестящее сравнение, мистер Ц. Поздравляю!

S: Позвольте сделать небольшое замечание философского плана. Не столь уж важно, возможно или невозможно психотронное оружие, существует оно или не существует. Важен сам факт присутствия идеи в общественном сознании. Социологам известен закон, который, если не ошибаюсь, формулируется следующим образом: «Если какое-то явление или событие оценивается массами как действительное, значит оно таковым и является». По глубине воздействия мало что может соперничать с мифом.

Б: Коммунистические и нацистские мифы определили кошмарный облик двадцатого века.

S: Они родились не на пустом месте и не исчезли с падением тоталитарных режимов. Взрыв иррациональности, которым характеризуется конец столетия, способен преподнести еще не один сюрприз. Расхожие представления о каком-то особом эзотерическом знании, которым владели древние маги, сродни набившим оскомину псевдонаучным разглагольствованиям про непосредственное общение с космосом, — хотел бы я знать, что под этим понимается? — чудеса экстрасенсов, биополе и прочее. Разоблачение современного мифотворчества и составляет первейшую задачу нашего общества «Физики против мистики». Психотронное оружие лишь частный случай пандемии, которой в равной мере подвержены и низы, и верхи общества. В особенности правительственные структуры, ибо успешному продвижению по бюрократической лестнице сопутствует падение интеллекта.

Г: Мне известен случай, когда шарлатан с профессорским дипломом дурачил КГБ и политбюро во главе с самим Брежневым с помощью аппарата, способного, якобы, черпать энергию из вакуума. На манер вечного двигателя. Металлический шар, в котором что-то такое урчало и дергалось, вызвал ошеломляющий эффект. Его просвечивали рентгеном и ультразвуком, прослушивали через микрофонный усилитель — боялись. значит, что может рвануть. Наконец додумались поместить в бокс и развинтить с помощью манипулятора. Внутри оказался электромотор от детского конструктора и плоская батарейка. О том, сколько миллионов ушло на разработку, история умалчивает.

(Смех.)

N: Поучительный пример. В нашей практике ничего подобного не встречалось, но это вовсе не значит, что американский

проходимец — птица более высокого полета. Просто уровень экспертизы «Дженерал электрик» или «Белл» несколько отличается от политбюро. Там умеют считать деньги. Я бы не рискнул огульно причислять к шарлатанам разработчиков психотронного оружия. В отличие от вечного двигателя, физика не накладывает на него запретов. Проблема намного серьезнее. Большие надежды пробудили эксперименты Дельгадо с вживленными в мозг электродами. Центр удовольствия, центр страха и все такое... Казалось бы, до превращения человека в послушного робота рукой подать. Нужно лишь разработать бесконтактный способ воздействия на весь мозг, подобрать нужные частоты, учесть резонансы и так далее. Я знаю, что такие разработки ведутся, но каков конечный выход, остается только гадать. Научные журналы и конференции позволяют судить лишь о направлении поисков. Информация поступает в гомеопатических дозах. Я не вижу препятствий теоретического характера для создания массированных средств воздействия на психику. Рано или поздно, но они появятся, иначе зачем нужны секретные лаборатории? Социологи справедливо считают мифологию действенным фактором. Вопреки всем успехам науки, народная молва постоянно возвращается к магическому наследию древних цивилизаций. Мысль о некоей тонкой всепроникающей эманации буквально пронизывает досужие разглагольствования доморощенных телевизионных витий. Теперь это называется энергией космоса. Давайте спросим себя: может, египтяне или шумеры действительно обладали неким супернатуральным могуществом? Что ежели мы, физики, находимся в плену математических формул и постулатов, разрешающих то и запрещающих это? Предлагаю рассмотреть гипотетические возможности.

Б: Очень своевременное замечание, профессор! Зачем фантазировать? Существует всего четыре типа полей. Первые два реализуются только внутри атомного ядра. Их радиус исчезающе мал и уже по одной этой причине они не могут быть использованы в психотронном оружии. Другая пара характеризуется дальнодействием. Это электромагнетизм, о котором уже шла речь, и гравитация. Нечего ходить вокруг да около. Гравитационное взаимодействие во всю свою мощь проявляется в галактических или хотя бы планетарных масштабах. Для практического применения оно слишком слабо. На сорок порядков меньше, по сравнению с электромагнитным зарядом. Вот и все, чем мы в принципе располагаем.

N: В принципе! Попробуем, не впадая в абсурд, выйти за пределы наблюдаемых явлений. Что вы думаете по поводу пятой силы?

Б: Чистая математика.

N: Это уже кое-что.

Б: Не все предсказания теоретиков находят подтверждение. Что нам известно о радиусе действия? Если он достаточно велик, то пятая сила оказала бы влияние на движение небесных тел. Астрономы едва ли могли проглядеть такой эффект. Если радиус ничтожен, то повторяется история с внутриядерными взаимодействиями. Остается предположить, что он лежит где-то посередине, между мега- и микромиром. Тогда сила может проявить себя достаточно мощно. Необходимо экспериментальное подтверждение. Хороших теорий много.

Q: Каждому поколению присуща иллюзия полноты знания. Мы забыли великий принцип: «Я знаю, что ничего не знаю». С накоплением информации границы неведомого только расширяются. Веками человечество купалось в море радиоволн, не догадываясь об их существовании. С помощью каких приборов они могли быть открыты? Барометра? Электроскопа? Бинокля? Не находимся ли мы сейчас точно в таком же положении, отрицая пятую силу и торсионное излучение? Появится новый Герц, и технотронное оружие свалится нам на голову. Да еще такое, о котором и помыслить страшно.

N: В самом деле. Не следует поддаваться иллюзорной гордыне, будто нам все известно и мы все превзошли. В психике по-прежнему еще много загадочного. Нельзя исключить, что новый прорыв в физике будет как-то связан с психофизическими или даже парапсихологическими феноменами. Эра электричества тоже началась с подергивания лягушачьей лапки под ножом Гальвани. Он, кстати сказать, в тот момент и не помышлял об эксперименте, а всего лишь готовил угощение для больной жены.

(Смех.)

Б: Значит, вы допускаете существование принципиально иных, неизвестных полей?

N: Допускаю?.. Скажу так: не решусь отрицать. Предлагаю перейти к торсионной гипотезе. Она построена на рассуждениях логического, а не физического порядка. Нам известны законы сохранения электрического заряда, энергии и углового момента. Коль скоро заряд связан с электромагнетизмом, а масса-энергия с гравитацией, то почему бы и угловому моменту не заиметь свое поле для игр? Чистая логика или, если угодно, аналогия подсказывает, что любой вращающийся предмет, будь то волчок или фигурист, выписывающий на льду хитрые кренделя, должны излучать соответствующее торсионное поле. Логика — логикой, но ничто не указывает на его существование. Вращается Земля, Солнце, весь Млечный путь, но мы не видим ни малейшего проявления торсионных эффектов. По-

моему, это такой же вздор, как и микролептоны, каким-то образом ответственные за передачу мысли.

Б: Если пятая сила хотя бы опирается на теорию, то тут и теории нет. Оторванные от реальности рассуждения дилетантов. Деньги на экспериментальную проверку были потрачены впустую.

N: Значит, проверка все-таки проводилась?

Б: В Академии наук, к моему стыду, создали комиссию, в которую вошли видные специалисты-экспериментаторы. Вместе с ядерщиками из международного института в Дубне они провели серию испытаний, но, как и следовало ожидать, ничего не обнаружили.

Я: К эпизоду с пятьюстами миллионами уместно добавить конкретные подробности. Средства были потрачены на изучение следующих вопросов: дистанционное медико-биологическое воздействие на войска и население торсионными излучениями, дистанционное психо-физическое воздействие на те же объекты тем же способом и, наконец, медико-биологическая защита войск и населения от торсионных излучений. Все по науке: средства нападения, средства защиты. В результате полный ноль. Между тем возня с торсионами продолжается. Вариант лысенковщины.

N: Эта проблема выходит за рамки науки.

Ц: «Здесь кончается искусство и дышит почва и судьба» — как сказал наш великий поэт. Здесь кончается наука и начинается религия. Вера — сложный феномен. Фанатика, который цепляется за свои измышления, так же сложно разубедить, как и зомбированного сектанта. Но это еще полбеды. Куда хуже другое. Все мы вроде бы совершенно нормальные люди, но ведь тоже не без определенного сдвига. У каждого есть пунктик. Убежденность в собственной правоте, без чего невозможна творческая работа, сплошь и рядом приводит к потере объективности. Плюс ко всему мы, как и прочие, подвержены предрассудкам и фобиям. Не приходится удивляться, что и в академической среде, как в питательном бульоне, размножаются бациллы автаркии и шовинизма. В проблеме психотронного оружия, как химического, так и биологического, не последнюю роль играет синдром человеконенавистничества. Можно сколько угодно поносить правительство и спецслужбы, но именно мы, ученые, подсовываем первичные идеи, выбиваем средства и в конечном счете даем «изделие». Так у нас в Арзамасе-16 называли атомную бомбу. В зону испытания бросались батальоны, летчиков посылали прямо в гриб без радиационной защиты. Про заключенных, из которых делали подопытных кроликов, и говорить нечего. У вас, американцев, тоже рыльце в пушку.

N: Действительно, такое имело место. Проводились испытания различных химических веществ, в том числе и галлюциногенов.

Б: По-моему, мы отклоняемся от темы, коллеги. Профессор Ц увел нас несколько в сторону...

Ц: Ничего подобного! Прежде чем рядиться в тоги судей, следует достичь консенсуса в собственной среде, а это едва ли возможно, пока не поменяется академическая верхушка — неотъемлемая составляющая номенклатуры и ВПК. Вы лично, будучи членом президиума...

Конференцию пришлось прервать по причине выяснения отношений между участниками.

ФАЙЛ 041

Мудрые египтяне справедливо упрекали греков в беспамятстве. Когда славный «Арго» направлялся в далекую Колхиду за золотым руном, герои не ведали, что путь их пройдет над затонувшей страной Посейдона. Промыслом Тритона, сына бога морей, явлен был недвусмысленный знак, но они не поняли его сокровенного смысла.

Тира не без значения упомянута в мифах. По пути из Крита в Грецию герой Эвфем уронил в море данный ему Тритоном ком земли. Из него и вырос чудесный остров, названный аргонавтами Каллистой[1]. Впоследствии его заселили и нарекли Тирой потомки Эвфема.

В каждом слове намек, каждое имя — подсказка. Ярость расплавленной магмы обрушивает земли в пучину вод, и она же рождает, вознося над волнами, новые.

Раскрытие символа пришло изнутри, когда исчезло различие между внутренним и внешним.

Скорчившись у плексигласового оконца, Климовицкий напряженно вглядывался в наплывавшую чашу лагуны, будто и впрямь питал тщетное намерение хоть что-нибудь да увидеть на дне. Сверкающая глазурь плавилась в ослепительных вспышках, поигрывая виноградно-зеленым свечением, четко отграниченным от вороненой сини, до краев заполнившей окоем.

Павлу Борисовичу казалось, что он погружается в эту хризолитовую опалесценцию. Постепенно густея угасающей синькой, она затягивала в беспросветную черноту.

Он как будто заранее знал, что уже не вернется отсюда, и это невесть откуда нахлынувшее предчувствие наполняло непривычным спокойствием, слегка отдающим горечью запозда-

---

[1] Прекраснейшая (*др.-греч.*).

лого сожаления. Прошлое умерло, будущее потеряло всякий смысл, зато текущий миг обрел абсолютную самоценность. Климовицкий не пытался осмыслить происшедшую в нем перемену, что случилась одномоментно, но вызревала давно.

Описав широкий круг над кальдерой, вертолет пролетел мимо островков Тирасия и Аспрониси и пошел на снижение у северного мыса Санторини. До катастрофы все три составляли единое целое. Разделенные узкими ленточками проливов, они казались осколками чужого мира, сорванного с межпланетных путей. Зазубренная коса, запечатлевшая контур чудовищного разлома, метров на триста вздыбилась над кромкой прибоя. Отвесные осыпи обнажали нагромождения застывшей лавы и выпирающие, пронизанные глубокими трещинами складки напластований. С противоположной стороны высились скалы Палео Камени и развороченный термитник вулканического конуса нового острова — Нео Камени. Они таяли в ультрамариновой дымке, сливаясь в общую массу. Неподвижное облачко зависло над уснувшим до времени кратером.

За нагромождением источенной морем магмы открылась гавань Афины — Атениос, сиротливо жмущаяся к подножью скальной стены. На буром, испещренном графитовыми жилами фоне картонными макетиками предстали коробочки портовых служб, ступенчатые кубики канатной дороги и спичка волнореза, укрывшего крохотные суденышки. Огибая изломанную береговую дугу, протянувшуюся от Ойи до Акротири, вертолет то почти опускался на воду, вздувая спиральные вихри бешеным вращением лопастей, то взмывал над скалами, открывая глазу рафинадную россыпь таких же игрушечных домиков, прилепившихся наверху. Голубые купола церквей, розовые арки и бледно-желтые эспланады, оттеняя эту неправдоподобную сахарную белизну, придавали горным селениям декоративно-сказочный вид. Упрощенные кубические формы компьютерной мультипликации болезненно сочетались с пастельными тонами рождественских марципанов. Пасторальный Эдем, подвешенный над затаившейся преисподней.

Перед загнутым острием южной оконечности пилот вновь набрал высоту и, дав полюбоваться раскопками Акротири, взял курс на восточный берег. Приземлились на поле возле деревни Агиа Параскеви, рядом с готовым взлететь оранжевым монгольфьером. На твердой почве аберрация несоразмерности спала с глаз. Горный склон, купол с крестом над плоскими крышами, планеры, спортивная авиетка — соотношение масштабов обрело привычные рамки.

Но сохранилось противоречивое ощущение духовного и, пожалуй, физического перерождения. Сам того не осознавая, Климовицкий настроился на ритмическую волну вечного те-

перь. Это означало не торопить события, не строить планов, не суетиться. То, чему суждено совершиться, найдет его и повлечет за собой. Собственно, так и случилось, когда он обнаружил, что на островах добыча вулканического пепла поставлена на поток. Не считая открыток с видами и фресками Акротири, тефра составляла основную продукцию здешней сувенирной индустрии. Спрессованная в фигурки, запечатанная в прозрачных пакетиках, она продавалась на каждом углу, будь то овощная лавка или лоток с засушенными морскими чудищами, кораллами и раковинами. Самым большим спросом пользовались «живые пейзажи». Слои красного, белого и черного пепла, помещенные в застекленную с обеих сторон раму, складывались в законченную картину. Перемещаясь при повороте, песок послушно ложился в невидимые колеи, создавая иллюзию морских побережий и пустынных барханов. Ничего не стоило разгадать тайну нехитрой ремесленной поделки, но противился разум, завороженный пустотой замкнутых в тесный прямоугольник нездешних пространств.

Стараясь держаться подальше от экскурсионных маршрутов, Климовицкий поселился в Ойе, где снял комнатку у Косты Дилигианиса, потомственного рыбака. Выбор оказался на редкость удачным. Большой трехэтажный дом Косты стоял на лавовой скале у обрыва. На берег можно было спуститься по железной лестнице, намертво вмурованной в оплавленный камень. Порыжевшие от ржавчины и обросшие гроздями мидий стальные опоры поддерживали причал с рельсами и кран-балкой для спуска лодок. Помимо катера и фелюги с дизельным мотором, в эллинге стояла старая шаланда и несколько шлюпок. Передав дело двоим сыновьям и зятю, Коста пробавлялся изготовлением сувениров.

Искалеченная лопнувшим тросом рука и профессиональный ревматизм не позволяли ему выходить в море, но все еще крепкий, без единого седого волоса, он сам потрошил, вываривал и покрывал лаком раковины, шлифовал коралл, изготовлял брелки из морских коньков. Особого дохода это не приносило: пассажиры с «Минойского принца» и прочих шикарных лайнеров в Ойю не попадали и вообще их едва ли могла бы прельстить челюсть акулы или пустотелая рыба-шар, приспособленная под ночничок. Подобного добра и на Крите было навалом. Продукция Косты шла главным образом на украшение таверны, занимавшей весь нижний этаж. Кухней заправляла его жена Теодора, обслуживать посетителей ей помогала Эвридика, невестка, и ее четырнадцатилетний сын Гектор. Вставать им приходилось с рассветом, но с обеда до позднего вечера заведение пустовало.

Посетителей вообще было не густо, главным образом,

местные, но таверна себя оправдывала. Не прошло и трех дней, как Павел Борисович перезнакомился с постоянной клиентурой и стал почти своим человеком. Облюбовав столик у окна, он часами смотрел на море, потягивая холодное пиво. Затонувшее солнце выметывало в полгоризонта огненные перья, на смену, проложив фосфорическую дорожку, заступала луна, и звезды в раскладе магического Таро навевали мысли о вечном и преходящем, и уже нельзя было отличить одно от другого.

Длинноносая смешливая Эвридика, оживленно тараторя, спешила заменить опустевший бокал, и он как будто бы понимал ее болтовню и даже пытался ответить по-гречески.

Ласковая толстушка Теодора тоже не знала английского, но зато стряпать умела на диво. Любое ее обращение Климовицкий встречал неизменным «парокало»[1] и благодарно кланялся. Она сама решала, чем попотчевать постояльца: рисом с мидиями, баклажанами в сухарях, фаршированными кальмарами или морским петухом в винном соусе. Он съедал все подчистую, исправно опорожняя поднесенный стаканчик. «Метакса» под жареные сардины, «узо» под каштановое пюре — какая разница? Голова приятно покруживалась, маслины и крепкие испанские сигарильи, к которым пристрастился, возбуждали жажду, и на столе, замыкая дневной цикл, появлялась первая бутылка пива. Вечерний круг, как бы заданный небесной механикой, ходом светил, требовал, по самым скромным подсчетам, троекратного повторения.

Геолог, как и моряк, хорошо различает контуры созвездий и обычно умеет пить. Не было случая, чтобы Климовицкий не смог достаточно прямо пройти через зал и взобраться по лестнице, но если бы его вдруг спросили, что ему надобно здесь, он едва ли сумел бы ответить. Пиво или та же анисовка тут не причастны, как, впрочем, и похлебка из красных бобов на ночь, что колом застряла в горле. Так, сопутствующие обстоятельства. Какая-то чертовщина приключилась со временем. Оно пошло по замкнутой траектории, что равносильно остановке.

Прошло девять дней, прежде чем Павел Борисович решился выползти из этой дыры, куда забрался по совету клубмена, вместе с которым летел на Тиру. Он забыл, как звали попутчика, и не старался вспомнить. Знал, что пора приниматься за работу, но всякий раз откладывал на другой день. Катер или на худой конец фелюгу можно было взять у Косты: едва ли Ангелос, старший сын, откажется за приличную плату помотаться недельку-другую по лагуне. Лодка и даже деньги —

---

[1] Пожалуйста (*греч.*).

люди на Санторини не избалованы — не проблема. Угнетали предстоящие хлопоты. Климовицкий даже не знал, как выглядит оборудование, которое собирался арендовать. И где искать его? И есть ли оно на острове? И во что обойдется?.. «Поссо костиц? — бубнил, разметавшись в хмельной одури. — Сколько стоит?..»

За завтраком Эвридика, глянув на его вспухшую физиономию, только головой покачала и, хлопнув себя по мясистым бокам, умчалась в кухню, откуда послышался благодушный хохот матушки Теодоры. Вскоре она и сама явилась, неся скворчащую сковороду. Яичница с помидорами была щедро приправлена зеленым луком и базиликом.

Проглотив густую слюну, Климовицкий показал, что хочет пить.

— Афто?[1] — понимающе кивнула Теодора, взяв початую бутылку анисовки.

— Охи, — отрицательно помотал головой Павел Борисович.

— Вира?

По его мучительной гримасе она поняла, что и пиво тут не пойдет.

— Цай? — догадалась умница Теодора. — Захари?

С помощью мимики и междометий столковались на крепком чае — без сахара и без молока. Животворные глотки горячего «липтона» ударили в голову почище пятизвездной «метаксы». С трудом удалось пересилить рвотный позыв. Лоб покрылся холодным потом. Климовицкий, боясь свалиться, схватился за ножку стола и зажмурился. Облегчение наступило внезапно, растекаясь по жилам приятным изнеможением. Дав себе слово впредь ограничиться одним пивом, он решил, не теряя более ни минуты, наверстать упущенное. Коста наверняка знает, где можно разжиться подходящим грунтоносом. Из вечерних бесед за рюмочкой Павел Борисович успел узнать, что никакого бура ему не требуется, а нужен именно грунтонос — полая трубка, которую опускают с палубы корабля. Она врезается в дно и заполняется отложениями, образуя стратиграфическую колонку.

Найти Косту не составляло труда. По запаху, долетавшему с берега, легко было догадаться, что он вываривает на костре всяких там наутилусов, морских ежей или еще какую-то пакость.

Но Климовицкий медлил. Он уже не мог, как прежде, безоглядно хвататься за малознакомое дело, выплывая на одном энтузиазме. Внутренние перемены, первые признаки которых дали знать о себе на скорбном пепелище Иерихона, с каждым днем набирали все большую силу.

---

[1] Это? (*греч.*).

«Это свинское времяпровождение, — он искал объяснения. — Пьяные сны наяву... Прямо ступор какой-то, летаргия, — вспомнился симпозиум в «Золотой Атлантиде». Умирающий и воскрешающий бог, имитация смерти и прочее. — Может, так было надо?»

С запоздалым раскаянием Павел Борисович подумал об Акротири. За столько дней он не только не удосужился побывать на раскопках, но, как нарочно, забился на противоположный конец острова. А ведь вроде как рвался, мечтал... Нет, с грунтоносом лучше повременить. Выход из комы требует постепенности.

Поковыряв вилкой остывшую яичницу, он решил, что и в самом деле не худо опрокинуть рюмочку «узо». Для поправки здоровья, как говорится. Эвридика поняла с полуслова. Анисовая свежесть разлилась несказанным блаженством. И в самом деле: «Капли датского короля». Теперь можно было смело отправляться в дорогу.

И в Париже всю ночь, от Парижа спасаясь,
Мосплодовощ стучит в домино. —

выплыли забытые строки, распалявшие когда-то наивных шестидесятников. Это же надо — неделю прожить в Атлантиде, не вылезая из кабака!

«Каким ты был, таким ты и остался, чувак хмельной, совок чумной...»

Археологическая зона представляла собой каньон, прорытый в тридцатиметровой толще пемзы и пепла. Дворец ярко выраженного минойского типа лежал в развалинах. Сохранилось лишь несколько внутренних помещений с настенными фресками, лестницами и основаниями колонн. Обычные дома, против ожидания, пострадали не столь значительно. Попадались даже почти целые коробки. Жители Санторини — Климовицкий мысленно называл их атлантами — определенно знали антисейсмические секреты. В углах каменных стен он обнаружил вмурованные деревянные балки, что придавало зданию добавочную устойчивость. Дерево, законсервированное под пеплом, отлично сохранилось. Отковырять украдкой несколько щепочек не составило труда. Битые горшки и совсем целые, совершенной формы сосуды встречались на каждом шагу. За какой-нибудь час удалось собрать целую коллекцию черепков. На одном сохранилась глазурь и завиток змеиного узора. Здешние пифосы ничем не отличались от кносских, зато фрески по красоте и мастерству исполнения превосходили все, что когда-либо было найдено по берегам Средиземного моря.

Они заставляли верить, что, может быть, впервые в истории открылась дверь в совершенно неведомый мир. Дух захватывало при мысли, что где-нибудь рядом, на морском дне, схоронены еще более совершенные творения. Разломанное на куски, но живое, то здесь, то там сверкало чистейшей голубизной минеральных красок небо Каллисто. Цвели фиолетовые мирты, серебристой волной пробегало дуновение эфира по лавровым кущам, из земли пробивались весенние крокусы. Пугливо принюхивались по ветру чуткие антилопы. Таращила глазенки, готовясь к прыжку, пушистая обезьянка. Ныряльщик уходил, вытянувшись стрелой, в зеленоватые таинственные глубины. Два голых худеньких подростка самозабвенно боксировали кожаными перчатками. Девушка в юбке «тюльпаном». Пленительные тела полуобнаженных красавиц. Неподвластная времени красота. «Вечное теперь» не знает смерти.

Археологи залили одну из обнаруженных в пепле пустот гипсом. Когда раствор застыл, обрисовалось оставленное ложе. Слепок воспроизвел даже ворсинки мехового покрывала. Те, кто здесь спали, любили и умирали, успели покинуть свой дом. В Помпее и Геркуланум через тысячу лет все обернется куда страшнее...

Случайно наткнувшись на каверну, зияющую в красной тефре откоса, сглаженного пилой, Климовицкий, уже не таясь, принялся выгребать крошку с вкраплениями вулканического стекла. Первичный пепел санторинского извержения мог послужить куда более надежным индикатором, чем донные пробы.

В одном из домов он нашел вязанку хвороста, приготовленного на растопку, но невостребованного. Поразила кухня, мало чем отличающаяся от той, где хозяйничала матушка Теодора. Почти такая же утварь: мангал с прорезями для шампуров, посудные полки, бочонки, та же глянцевая полива на горшках и почти такой же змеиный узор. Разве что вместо холодильного ларя из тонкой керамики Дилигианисы пользовались морозильной камерой и рефрижераторами «Филипс» в тропическом исполнении.

Казалось, что хозяева ненадолго отлучились и через минуту-другую вернутся к прерванным занятиям. Мельник засыпет в жернова ячменное зерно, кузнец бросит на наковальню медный брус, продавец масла откупорит амфору, наполненную зеленоватой кровью оливы.

Археологи не обнаружили ни трупов, ни драгоценностей. Жители Акротири успели вовремя покинуть отмеченный роком остров. Они взяли с собой только самое необходимое. Запечатанные глиняные сосуды, подготовленные к отправке, так и остались на берегу.

«Атланты уплыли в море, чтобы передать другим народам

свои знания и веру, гены и кровь, — Павел Борисович настолько забылся, что заговорил вслух, — но волны цунами настигли их в пути...»

На платформе возле мраморных бычьих рогов он увидел жертвенник из голубоватого, похожего на нефрит камня. Почти такой же, как в Малии, только более тщательно отшлифованный. Руки так и потянулись погладить, но не успел Климовицкий коснуться желоба для стока жертвенной крови, как кто-то окликнул сзади:

— Никак Пол!

Он вздрогнул и, нервно передернув лопатками, обернулся. Возле рогов посвящения стоял ухмыляющийся Блекмен.

— Опять на том же месте! Я так и знал, что встречу тебя!.. Куда ты запропастился?

— Я? Никуда, — возвращение к действительности требовало усилий.

— А ты, ты-то как здесь оказался? — заторможенно удивился Павел Борисович, припомнив, что Джерри остался на Крите. Кажется, даже сказал, что и не собирается на Тиру по второму заходу...

— Долгая история, — отмахнулся Блекмен. — Мы говорили о тебе с Амброзио. Он беспокоился, что тебя не видать.

— Амброзио? Ах, да! — Климовицкий вспомнил клубмена попутчика: Амброзио ди Тауромино. — Ну, он-то знает, где я.

— В самом деле? Значит, просто забыл. Как ты?

— Я в полном порядке, а ты — какими судьбами?

— Похоже на Пи — символ китайского космоса, верно, Пол? — Блекмен обвел пальцем отверстие в центре. — Буддийское колесо перерождений, зодиакальный цикл, близнечный миф. Откуда это навязчивое стремление к немыслимому совершенству? Мир — лабиринт, жизнь — паломничество. Подсознательно мы все еще ищем потерянный рай, золотую лестницу небесного Иерусалима.

На дважды прозвучавший вопрос он так и не ответил.

— По чашечке кофе, Джерри? — предложил Климовицкий, решив прояснить ситуацию. — Или пиво?.. В честь встречи, которую трудно назвать случайной?

— Идет! — обрадовался Блекмен. — Чудесно!

Долго искать не пришлось. Обосновались на открытой террасе в торговом ряду. Климовицкий попросил маслин и хлеба, Блекмен заказал козий сыр.

— Помнится, ты говорил, что занимался подводным спортом?

— Скажем лучше — подводной охотой.

— С аквалангом?

— Когда как, а в чем дело?

— Ты помнишь Рене Бургильона? — выложив на круглый металлический столик синюю пачку сигарет «Данхилл» и перламутровую электронную зажигалку, Блекмен доверительно наклонился: — Должен помнить. Он выступал на симпозиуме с рефератом, импозантный такой.

— Это который барон? Весь из себя?

— Он самый... Так вот, Рене — парень серьезный. Он располагает сведениями, что один местный водолаз — ловец губок — видел на дне статую невиданной красоты. Понимаешь?..

— И что из этого следует?

— Рене хочет найти эту статую. Найти и поднять.

— И поэтому ты здесь?

— Я взялся ему помочь. Если желаешь, можешь присоединиться. Дело того стоит.

— Потребуется судно с краном и все такое...

— У него своя яхта, превосходное оборудование. Ты ведь тоже, кажется, интересуешься тефрой? Заодно и свои проблемы решишь.

— Есть грунтоносы?

— Не знаю, но должны быть, наверное... Рене в этом деле мастак.

— Какая глубина?

— Я не спрашивал.

— Но это исключительно важно! Средняя глубина кальдеры — триста метров. С аквалангом там нечего делать. Как минимум нужен скафандр.

— Вот и поговори об этом с Рене.

— Он здесь?

— В Ираклионе. Зайдет за нами в бухту Афины, если, конечно, ты согласен присоединиться. В противном случае, сам понимаешь, разговора не будет.

Климовицкий призадумался, пытаясь восстановить в памяти обстоятельства первой встречи с Блекменом. В мегароне царицы, у фрески с дельфинами, они действительно заговорили о подводной археологии.

— А я вам зачем? — спросил он напрямую.

— Ты же аквалангист! Лишняя пара рук не помешает, — Блекмен загасил недокуренную сигарету и, понизив голос, придвинулся вместе со стульчиком. — Но это не главное. Если все пройдет, как надо, потребуется хотя бы ориентировочно определить возраст. И тут мы рассчитываем на тебя: на твой опыт и... деликатность. Сам понимаешь, на сколько потянет статуя, если выяснится, что ее изваяли атланты. Тут не миллионами — миллиардами пахнет.

— Вы что? — удивленно встрепенулся Павел Борисович. — Вы хотите ее присвоить, статую?

— Смотря по обстоятельствам. Сперва надо найти. Шансы, предупреждаю заранее, минимальные, но игра стоит свеч. В случае удачи...

— Греческая тюрьма.

— Зачем так мрачно? Я же говорю: смотря по обстоятельствам... Однако, вижу, ты мне не доверяешь?

— Не доверяю? — Павел Борисович саркастически ухмыльнулся. — Ничуть не бывало, но возникают вопросы.

— Полностью тебя понимаю. Я прореагировал примерно в том же духе, когда Рене обратился ко мне... за содействием. Вопросов было много.

— И его разъяснения тебя удовлетворили?

— Не вполне, но это не имеет значения.

— Почему?

— Во-первых, он и сам далеко не уверен, что статуя действительно существует, а во-вторых, во всей этой истории слишком много тумана, что, собственно, лично меня и привлекает.

— Очень логично! «Верую, ибо абсурдно».

— Тертуллиан выразился несколько иначе, но я принимаю формулировку. Итак, что тебя не устраивает?

— Поговорим для начала об этом ловце губок. У него есть имя, адрес и все такое?

— Не знаю. Я задал Рене примерно такой же вопрос, но определенного ответа не получил.

— Темнит?

— Ищет.

— Ловца?

— Или тех, кто его хорошо знает.

— А если не найдет?

— Экспедиция все равно состоится.

— По той же причине? Ради тумана?.. Похоже на мистификацию, Джерри. — Климовицкий решил подыграть американцу. Пусть и дальше держит его за дурака. Глядишь, и проговорится.

— Атлантида Платона тоже считалась мистификацией, однако...

— Атлантида — это одно, статуя из Атлантиды — совсем другое. Кто определил? Знаменитый искусствовед? Знаток Праксителя и Фидия? Куратор археологического музея?.. Нет — ловец губок! Прелестно. Выпьем за туман, Джерри!

— Напрасно иронизируешь. Где туман, там тайна. Aurum nostrum non est aurum vulgi, как говаривали адепты алхимии. «Наше золото — не золото профанов». Настрой струны души на тайну, Пол.

— Начнем с того, что ваша затея изначально лишена смыс-

ла. Допустим на минуту, что статуя существует и ее удалось поднять. Что дальше? Продать такую вещь невозможно.

— Зачем продавать? Проще всего сдать по назначению и получить свою долю. Чем не вариант?.. Смотря по обстоятельствам, Пол. Ты видишь лишь одну сторону реальности, фактическую. Вся прелесть мифа в том и заключается, что он не укладывается в прокрустово ложе рационального. Душа выше природы. Если ты поверил в Атлантиду, то доверься Платону и в этом. Мы способны возвыситься над порядком мира и его системами.

— Хотел бы следовать за тобой, но боюсь, что не настолько продвинут. Для веры мне нужна вещественная опора.

— Есть фотография, Пол.

— Фотография! — вздрогнув от неожиданности, воскликнул Климовицкий.

— И я ее видел, — Блекмен жестом призвал к спокойствию, — видел и могу сказать только одно: ни греки, ни этруски, ни египтяне никогда не создавали ничего подобного... Пракситель, говоришь? Афродита Книдская известна только по копиям, но возьмем для примера Венеру Милосскую — идеал красоты. Можешь вообразить ее в образе кормящей матери? Мадонны? Исиды?.. С двумя младенцами на руках?.. Я и камня такого никогда не встречал — розовато-оранжевый, нежный. Не гранит и не мрамор — уж это точно. Разве что туф? Или арихальк — загадочный металл Атлантиды?.. Совсем как живая.

ФАЙЛ 042

Расследовать взлом суперзащищенного компьютера, в котором хранились весьма деликатные данные, затрагивающие интересы крупнейших банков, акционерных обществ и всевозможных инвестиционных фондов, адмирал Шевцов поручил подполковнику-инженеру Изюмову, до тонкости изучившему все ходы-выходы компьютерной сети. Сослуживцы в шутку прозвали его «хакером первого класса». Леонид Михайлович действительно имел нагрудный знак классного специалиста в области связи, а «хак» входил в его прямые обязанности. На официальном языке это называлось системой информационной безопасности, а безопасность — понятие довольно широкое, включающее как оборону, так и нападение. Собранный Шевцовым разнообразный материал как раз и был получен по большей части методом взлома. О законности операции говорить не приходится, ибо подходящих законов вроде бы нет, а те, что подходят, благополучно не соблюдаются. Интерес же

военной разведки к банковской сфере, обслуживающей и Минобороны, и ВПК, понятен и закономерен. Особенно с учетом удручающего состояния экономики, криминализованной, по оптимистическим оценкам, ровно наполовину.

Иное дело, как и в чьих интересах Шевцов намеревался использовать свой богатейший банк данных. Планами он с подчиненными не делился, а они, в свою очередь, не очень интересовались его намерениями, руководствуясь мудрым принципом: «Чем меньше знаешь, тем дольше проживешь». Вполне понятно, что дерзкое вторжение было воспринято непотопляемым адмиралом с известной долей тревоги. За этим могла стоять как любая секретная служба, включая охрану Кремля, так и преступная группировка. Не исключался и шпионаж.

Изменения в системных log-файлах, в просторечии именуемых «журнальными», первым заметил все тот же Изюмов и сразу же доложил шефу.

— Проведите полную инвентаризацию похищенной информации, — распорядился Шевцов. — Как такое вообще могло произойти с нашей-то защитой?

— Стопроцентно надежной защиты не существует. Всегда можно подобрать ключик. Мы сами всякий раз ставим себя под угрозу, подключаясь к чужим системам. Любой выход в Internet сопряжен с риском. Тут, как в радиоигре: кто кого перехитрит. Техника стремительно развивается. Не исключено, что контрагент работает на куда более мощной машине, чем наша. Это дает немалое преимущество.

— Необходимо как можно скорее вычислить эту сволочь. Как намерены действовать?

— Прежде всего попытаюсь воссоздать полную картину происшествия, затем стану думать, как найти взломщика по оставленным им электронным следам.

— «Стану думать»! — раздраженно передразнил Шевцов. — Сперва напортачат, а затем уж думать начинают. Сама себя кума бьет, что нечисто жнет, — проворчал он, сменив гнев на милость. — Разберитесь побыстрее, Леонид Михайлович, и держите меня в курсе. — Ставить инцидент в вину Изюмову было бы явно несправедливо. Да и не обойтись без него.

Подполковник начал с провайдеров, системных операторов компаний, предоставляющих доступ во Всемирную сеть. Действовал резко, напористо, чуть ли не врываясь в помещение с двумя автоматчиками. Жалобы в президентскую администрацию или в прокуратуру его мало волновали. На обращения частных лиц власть не реагировала даже формальной отпиской. Не в пример, но и не в укор прежним временам, иностранцы в этом отношении не пользовались никакими преимуществами перед аборигенами. Все были одинаково уравнены в бесправии

и не обделены великодержавным наплевательством. Умные люди предпочитали не гоношиться и, взвесив силы, шли на сотрудничество.

Первый след обозначился на одном из экаунтов, обычно пустующем, а на сей раз плотно загруженном данными. Изюмов приступил к последовательному опросу владельцев. Все, как один, открестились от секретной информации ГРУ. И слыхом не слыхивали, и духом не ведали. Леонид Михайлович уже готов был отступиться — ни один из опрошенных не походил на хакера-профессионала, — как вдруг всплыли файлы с паролями и кодами различных фирм, к которым военная разведка вообще не проявляла интереса. В основном преобладали биржевые конторы, включая зарубежные, и московские риэлторские шарашки, зачастую самого низкого пошиба. Контраст вырисовывался разительный: Уолл-стрит и рядом с ним какой-нибудь Второй Зачатьевский переулок, где в подвальном помещении подлежащего сносу строения обосновался «офис» мелкого спекулянта, поднаторевшего на обналичке. Когда же пошли номера кредитных карточек «VISA» и коды мобильных телефонов, повеяло густопсовым запашком матерой уголовщины.

— Похоже, что артист вышел на нас случайно, товарищ адмирал, — высказал Изюмов предварительные соображения. — Где-то пересеклись поля охоты, что-то не так скоммутировало, а расколоть шифр для него, как видно, не проблема. Чувствуется почерк интеллектуала, математика. Не исключено, что за ним стоит целая шайка.

— Ваши предложения? — Шевцов заметно приободрился. Из всех возможных вариантов чисто криминальный представлялся наиболее предпочтительным. Во-первых, сам факт вторжения в засекреченную систему можно было благополучно скрыть, а во-вторых, поиметь кое-какой навар да еще и заполучить классного хакера.

— Полагаю для начала подработать список потенциально подозреваемых. Для этого придется вступить в контакт с соседями.

— Контакт запрещаю. Действуйте самостоятельно.

— Боюсь, не справиться нам, товарищ адмирал, собственными силами. Файлы программ для манипулирования сотовыми телефонами — основная наводка. У ФАПСИ в таких делах большие наработки имеются. Там у них такой Гробников этим занимается...

— Занимается, говорите?.. Вот и отлично, что занимается. Подкиньте ему наживку, самый кончик соответственно, и через нейтральных лиц, а потом, как водится, установите наблюдение. Учить, надеюсь, не надо?

— Вас понял, товарищ адмирал, — вынужден был подчиниться Изюмов. Действовать за чужой спиной было заманчиво, но накладно.

— Но перво-наперво хакер! С провайдером осложнений нет?

— Договорились полюбовно.

— Вот и ладно. Установите там круглосуточный мониторинг, позволяющий засечь любую активность, заметно отклоняющуюся от обыкновения. Поставьте людей отслеживать все действия хакера и маршруты, по которым проходят его компьютерные сообщения.

Рекомендации были толковые, но бесполезные. Лишними кадрами Изюмов не располагал. И без того в штатном расписании недоставало двух единиц. Прежние, достигнув положенного возраста, поспешили уволиться из армии, а новых офицеров подобрать так и не удалось. В частном бизнесе специалисты такого уровня получали по три-четыре тысячи долларов в месяц. Леонид Михайлович и сам все чаще задумывался о своей незавидной судьбе. Служба вообще не сахар, а под таким, как «Канарис», — особенно.

— Наличными силами нельзя обеспечить выполнение задания в должной мере, — дипломатично, но твердо заявил Изюмов. — Потребуется подкрепление.

— Не дам. Лишняя утечка информации нам нужна, как триппер перед свадьбой. Используйте тех, кто есть. Освободите на время от других дел и, как говорится, с Богом. Пусть отряхнут пыль с ушей. Объясните, что операция предпринимается в профилактических целях, на случай компьютерной атаки вероятного... соперника, — адмирал саркастически усмехнулся, давая понять, что не видит особой разницы между нынешним соперником и прежним противником, но тем не менее принимает любые новации высшего руководства. Двусмысленность стала для него привычной броней, чтобы не сказать второй натурой.

— Вероятный соперник сам не знает, куда деться. Свыше тысячи посягательств за последние месяцы на один только Пентагон. С нашей стороны, между прочим, то есть со стороны русских хакеров, — быстро поправился подполковник.

— Так и говорите... И каковы результаты?

— С точностью неизвестно, но есть основания полагать, что все пули в молоко. Ткнутся разок и отвалят. Крылышки пробуют орлята! И для понта, конечно.

— А этот ваш... Тоже для понта к нам сунулся? Даю срок два месяца.

Действия Изюмова оказались, по-видимому, достаточно эффективными, потому что хакер, все еще анонимный, почув-

ствовал слежку и не замедлил отреагировать, причем довольно своеобразно.

Шевцов получил факс, в котором была всего одна строчка: «С кем вздумал тягаться, козел?».

— Я ему яйца оборву! — пообещал адмирал, излив негодование на головы подчиненных. — Сколько можно валандаться, подполковник?

За неделю до истечения отведенного срока Изюмов мог доложить о кое-каких успехах.

— Анализ путей сообщения показывает, что действует шайка, товарищ адмирал, — Изюмов продемонстрировал карту Москвы и ближнего Подмосковья с отмеченными красным карандашом участками. — Основная активность приходится на Центр. Примерно в двухкилометровом радиусе от Чистых прудов. Зарегистрирован также периодический обмен здесь и здесь, — он указал на Курский вокзал и Белорусскую, — и еще тут, вы сильно удивитесь, около Салтыковки.

— Около Салтыковки?! Но ведь там...

— Так точно. Бывшая база соседей, где занимались психотронным оружием.

— Черта с два занимались! Только деньги переводили зря. Впрочем, жрали и пили знатно. Что там теперь?

— Какое-то АОЗТ, но во главе с одним из прежних. Тем ли они пробавляются или чистой коммерцией занялись, установить пока не удалось. Более вероятно — последнее.

— Я так понял, что вы прямо на них вышли?

— Никак нет, товарищ адмирал. Анализ связей указывает на Салтыковку, а задействован ли конкретный объект, не известно. Возможно, что и никакого касательства.

— Не известно, не установлено... Что у вас вообще есть на руках, подполковник? Хотя бы один номер телефона установили?

— Пока нет, — внутренне подобрался Изюмов. Ему давно претило хамство Шевцова. Настоящий Канарис хоть с ближайшими подчиненными был вежлив, а этот бурбон, пока не ткнет тебя мордой в грязь, не успокоится. — Хакер использует совершенно неизвестное нам средство защиты. Линия вновь и вновь замыкается на себя, как бы не имея начала. С неимоверным трудом удалось сузить районы поиска до указанного радиуса.

— Два километра?.. Это соответствует площади в двенадцать квадратных километров. Многовато. Что там вообще есть, в этих зонах? Здесь, в Центре, и в Салтыковке?

— Много чего, — позволил себе улыбнуться Изюмов. — Я Центр имею в виду. До Лубянки рукой подать. Целые же кварталы! Как они потом делились при перетряске, не моего ума

дело, но свято место пусто не бывает. Не важно, кто именно, но кто-то из соседей сидит?

— Все важно, Леонид Михайлович, все важно... Может, они и химичат, соседи?

— Я бы не стал категорически отрицать, но уж слишком много бизнеса. Даже при современных условиях слишком много. Все эти брокеры, дилеры, маклеры... Не похоже на серьезную разработку.

— Но заподозрить такое мы можем?

— Обязаны, товарищ адмирал.

— И обидеться?

— Имеем полное моральное право.

— Пишите рапорт на мое имя.

— Есть.

— Это и будет прикрытием. Я дам вам еще людей и машину со спецоборудованием. Не стесняясь, прочешите весь Центр. В случае каких осложнений адресуйте прямо ко мне. Разберусь. Только, кровь из носа, добудьте мне эту гниду, Леонид свет Михайлович! Я все-таки оборву ему яйца... Вам не кажется, что устройство, о котором вы говорите, могло бы найти применение и в нашем хозяйстве?

— Еще как могло бы!

— Поэтому соблюдайте максимальную деликатность. Ни один волосок не должен упасть с его головы. Если парень действительно такой умный, как вы его рисуете, то сразу сделает правильный выбор. Станет помогать, так уж и быть, помилую, — Шевцов весело рассмеялся. — Пусть остается при своих двоих, если они у него еще есть, математика долбаного.

Грубоватые повадки типичного советского генерала составляли лишь дополнение к одной из многочисленных масок Олега Павловича. Человек тонкого аналитического ума, он не мог не понимать, с какими трудностями сопряжена работа Изюмова. Хоть медленно, зато верно, а круг все же смыкался. Остальное не имело значения.

Паутина

Почту могут беспрепятственно прочитать в компании, предоставившей вам доступ к Интернет. Также, обладая определенными знаниями, почту может перехватить любой пользователь сети, поэтому при посылке важной личной информации шифруйте ее. Хорошая шифрующая программа — PGP находится на ftp.kiae.su /windows/cripto/pgp.

Магия

Потомственная предсказательница, колдунья.
Решение семейных и любовных проблем.
Снятие порчи, избавление от одиночества, привороты, отвороты.
Открытие удачи, талисманы, заговор на деньги.

Интим

Интеллигентная и приятная бисексуальная супружеская пара приглашает в гости состоятельного мужчину. Ваши фантазии — наш темперамент. С нами Вы посмотрите на мир другими глазами. Порядочность гарантируем.

ФАЙЛ 043

«Аргус» бросил якорь в двух милях от Восточного побережья. Бургильон, по ему одному ведомым резонам не пожелал заходить в кальдеру, о чем и оповестил Блекмена телеграммой. Предупредив Климовицкого, практичный Джерри, не сходя с места, договорился с Дилигианисом, что братья доставят их на своем катере.

— Завтра, в шесть утра, — сказал, как отрезал.

Эвридика любезно согласилась уступить ему на ночь свою самую лучшую комнату. В тот же вечер он перевез из Эмпорио, где гостил у друзей, предназначенный для «Аргуса» груз.

При виде картонных ящиков с продовольствием Павел Борисович почувствовал тревожное обмирание. Загнанное вглубь, но так и неизжитое беспокойство стеснило грудь. Казалось бы, сбывались самые смелые планы и можно было лишь радоваться, но вместо радости накатила муторная тоска. Он ощущал себя жалкой марионеткой в игре неведомых сил, безвольным участником фарса, а возможно, и драмы с трагической развязкой, предопределенной задолго до начала публичного представления. Инстинкт подсказывал, что покинуть сцену едва ли удастся: счет пошел на часы и минуты.

Рене-Клод де Бургильон принадлежал к исчезающей породе людей, могущих позволить себе заниматься всем понемножку. Путешественник, археолог-любитель, собиратель древностей и заядлый яхтсмен, он жил на доходы от капитала, вложенного в нефтяную промышленность и туристический

бизнес. Монография под названием «Древние цивилизации в символах архетипа», живо и ярко написанная, принесла ему довольно широкую известность и почетное звание члена-корреспондента Европейской академии.

В молодые годы он объездил весь свет, ухитрившись проникнуть в заповедные уголки Амазонии и Микронезии, побывал в Мустанге, на острове Пасхи, в дебрях Кинтано-Рао, крутил молитвенные колеса в Тибете, опускался в подводные пещеры Белиза.

Сердечный приступ настиг на озере Титикака, у Ворот Солнца. Пережив клиническую смерть, Рене не стал дожидаться второго инфаркта и резко сбавил обороты. С дальними перелетами было покончено навсегда. Его давняя подруга Ампаро столь же решительно оставила Ральфа Лорена, своего заокеанского кутюрье, и окончательно обосновалась на Крите.

Добрую половину года они проводили теперь на вилле в Агиа Пелагии, либо в плаваниях по Архипелагу. По большей части это были развлекательные прогулки в сопровождении друзей, где от случая к случаю занимались подводной археологией. Рене уже не решался погружаться на глубину. После того как он однажды едва не задохнулся, Ампаро навсегда разлучила его с аквалангом. К сорока годам она не только ухитрилась сохранить форму, но, по мнению Блекмена, чертовски похорошела. Небольшая прибавка в весе — впервые за долгие годы Ампаро позволяла себе поесть досыта — определенно пошла на пользу.

— Не каждому дано шагнуть с подиума на капитанский мостик, — подтрунивал Джерри.

Она и впрямь превратилась в заядлого морского волка, благо яхта в пятьсот регистровых тонн развивала скорость до двадцати шести узлов и была оснащена по последнему слову техники, включая навигационную и океанографическую аппаратуру. При желании на таком судне можно было в одиночку пересечь Атлантику, но дальше Родоса на восток и Кадиса на запад Бургильон не забирался. Даже самые близкие к нему люди не знали, что искал он в лабиринте Киклад и Спорад.

Вот, собственно, и все, что удалось узнать Климовицкому об этой оригинальной паре. Блекмен отвечал на его расспросы скупо и, как могло показаться, нехотя. С Ампаро он познакомился еще в Нью-Йорке, но как и когда, не сказал.

Сидя в катере, подскакивавшем на встречной волне, Климовицкий пытался настроить себя на беззаботный лад.

Яхта, как и рисовалось в мечтах, сверкала белой эмалью, хозяином ее был, безусловно, миллионер, и впереди ожидала сплошная халява. Оставалось лишь благодарить небо, но тягостное предчувствие неминуемой расплаты не покидало. По

мере приближения к «Аргусу» между фантазией и явью обозначились некоторые расхождения. Судно оказалось намного солиднее, чем воображалось, и, главное, без намека на парусную оснастку. Единственная мачта несла на себе гребенку радара и гирлянды антенн. Это слегка приободрило. Управляться с парусами Павел Борисович не умел и более всего опасался оказаться в положении приживалы. Блекмен заранее предупредил, что все придется делать своими руками. Тем более странно было увидеть его со смокингом в прозрачном чехле. Оберегая свое сокровище от брызг, Джерри всякий раз поворачивался спиной к ветру.

Рене и Ампаро ожидали у трапа. На нем были одни шорты, на ней — бирюзовый купальник, высоко открывающий плавные линии бедер. Развернув грузовую стрелу, она опустила сетку. Блекмен полез наверх, держа на отлете полощущийся по ветру смокинг. Изрядно покачивало.

Рене не стал разводить долгие церемонии. Представив Климовицкого, он поднял трап и скрылся в рубке, предоставив Ампаро проводить гостей.

— Выбирайте любую, — улыбнулась она, распахнув разом обе соседние двери.

Оказавшись в каюте, Климовицкий увидел цветную ксерокопию кормящей богини. Заключенная в медную рамку, она висела на самом видном месте между зашторенной койкой и мини-баром. Льющийся из иллюминатора волнистый свет придавал изображению голографическую объемность.

— Как живая! — он не удержался от восклицания, невольно повторив замечание Блекмена.

В устах Джерри — там, за столиком в Акротири, оно прозвучало слишком банально, чтобы вызвать хоть какой-то душевный отклик, теперь те же слова сами вырвались из груди. Точнее не скажешь... Ваятелю удалось воплотить несочетаемое: божественное совершенство и преходящую прелесть бренной трепетной плоти. Только слепые, едва прорисованные зрачки выдавали творение человеческих рук. «Обнаженная с двойней», словно с чьей-то подсказки пришло название, олицетворяла сладостную боль материнства. Земная полнокровная женственность менее всего отвечала эллинскому канону: слишком тучная грудь и широкие бедра, узкая талия, выпуклый живот. Скорее индийская Деви, нежели Афродита. И в лице, отуманенном, как у Сикстинской Мадонны, видением грядущего, почти ничего от гречанки: лебединая шея и высокие скулы надменной царицы Египта, свирепый ацтекский нос, миндалевидные, затаившие скорбь глаза азиатки. Обобщенный образ женщины, переполненной счастьем текущего мига, озабоченной тревожным предчувствием неизбежного. Прародительница Ева

с Каином и Авелем. Ее волосы собраны в высокий шиньон, но выбившаяся прядь легла на склоненное чело минойским извивом. Единственный браслет, подчеркивая первозданную наготу, едва держался на тонком запястье, но легким касанием его прижимал мизинец опущенной сверху руки. И в кольце этих рук — сильных, бережных, изысканно утонченных — божественные младенцы, словно птенцы в гнезде: один, приникнув к левой груди, самозабвенно зажмурился, другой — готов отпрянуть, насытившись. Они трогательно беспомощны, им еще так далеко до первого полета, но мать уже знает, кому что написано на роду. Идеальное равновесие стихий и начал, но хрупкое, достигшее крайней точки, когда космический маятник вот-вот качнется в другую сторону.

«Ромул убьет Рэма?» — уловив таинственную эманацию, подумал Климовицкий. Отдаленно помнилось, что основателей Рима вскормила волчица. Имя матери вертелось на языке, но ускользало при малейшем усилии. Совершенство исполнения еще ничего не доказывало. «Обнаженная с двойней» могла быть кем угодно — хоть Ледой, родившей Кастора с Поллуксом от Зевса. Сколько неведомых миру шедевров поглотила пучина, схоронила земля! Тот же Фидий у кого-то учился, те же неведомо откуда пришедшие этруски унесли с собой свои тайны. Все народы почитали Великую Мать, атланты не исключение. Но где указание на то, что именно они создали этот, быть может самый великолепный, образ ее? Решающим доказательством может стать только надпись...

Павел Борисович переступил через камингс и постучался в дверь по соседству. Не дождавшись ответа, заглянул. Чемодан, накрытый чехлом с белым смокингом, лежал на полу, но самого Блекмена в каюте не оказалось. Ее интерьер, от койки до настольной лампы и телевизора, являл полное зеркальное отражение. Даже пепельница стояла на том же месте и такая же застекленная ксерокопия висела в простенке напротив иллюминатора.

Владелец судна недвусмысленно давал понять, под каким символом пройдет путешествие.

Возвратившись к себе, Климовицкий разложил вещи по полкам и ящикам, зачем-то зажег и тут же потушил настольную лампу, потом снял телефонную трубку и, услышав гудок, опустил на рычаг. Решив действовать обстоятельно и последовательно, разделся, достал свежую рубашку и прошел в ванную. Все выглядело, как в лучшем отеле: мраморная полка с зеркалом во всю стену, кварцевая лампа, фен и шкафчик с гигиеническими пакетами возле биде.

За шумом душевых струй он не расслышал, как поползла наматываемая на барабан якорная цепь и застучали, отдаваясь

дрожью стального корпуса, дизельные моторы. Уже стоя на палубе, освеженный и как бы малость убавивший в весе, увидел пенный кильватер и чаек, мечущихся за кормой. Охряная гряда Санторини, постепенно синея, сливалась с туманными силуэтами окружающих островов. Темная пузырящаяся вода, обтекая борта, расходилась далеко различимым клином. Резкий пронизывающий ветер рвал и триколор на корме, и белый с голубым крестом и полосами флажок Эллады на рее. Килевая качка плавно уводила настил из-под ног. Удушливый перегар солярки застилал глаза. Держась за мокрый поручень, Климовицкий прошелся вдоль фальшборта.

«Аргус» оснастили не только со знанием дела, но и с любовью. Шлюпки на рострах, автоматически раскрывающийся спасательный плот, бочки со смазочным маслом — все было тщательно принайтовлено и свежевыкрашено. Добравшись до трапа, он поднялся на открытую площадку и заглянул в оконце рубки. Ампаро возилась у приборной панели, Бургильон, склонившись над штурманской стойкой, прокладывал курс, а Блекмен, стоя спиной к штурвалу, оживленно разглагольствовал. Словом, каждый был чем-то занят.

Павел Борисович отпрянул от круглого глазка и полез на самый верх. Мотало так, словно он стоял на спине загарпуненного кита, в любую минуту готового уйти в глубину или выпрыгнуть в небо. Преодолевая легкое головокружение, Климовицкий прижался к мачте и запрокинул голову, чтобы не видеть серебристо-черную колышущуюся пучину. Низкие рваные тучи проблескивали ледяными прожилками, предвещая чуть ли не снегопад, едва ли возможный в этих широтах. Безостановочно вертелась трубка локатора, ощутимо вибрировали струны натянутых лееров. Под вензельным вымпелом клуба трепетал лоскутик с фамильным, как можно было догадаться, гербом: лебедь и арфа на лазурном поле.

Основательно продрогнув, Павел Борисович вернулся в каюту. Найдя в мини-баре миниатюрную бутылочку рома, проглотил обжигающую жидкость и, надев фланелевую курточку, решительно направился к внутреннему трапу.

Его появление в рубке не вызвало сколько-нибудь заметной реакции. Бургильон ограничился коротким кивком, Джерри, прерванный на полуслове, сделал ручкой, а Ампаро, занятая прослушиванием, даже не повернула головы. Обруч с наушниками, примяв затейливую прическу, смотрелся на ней получше любой диадемы. Серый пушистый свитер и узкие брючки под цвет выгодно оттеняли ее слишком яркую, как показалось при первом взгляде, суровую красоту. Скрадывая очертания, нежный кашемир смягчал бронзовый оттенок загара. Предельно собранную, погруженную в слух, ее трудно

было представить себе в открытом купальнике, почти подчеркнуто обнаженной. Климовицкий мог бы поклясться, что какой-нибудь час назад ему привиделась совсем другая женщина.

Расплывчатый, как сквозь матовое стекло, образ Марго высветился перед внутренним взором и медленно истаял в бледно-радужном ореоле, вызвав короткие перебои пульса. Он взглянул на циферблат часов, крестообразно разграфленный красными секторами, и понял, что рация настроена на международную частоту. Истекали последние мгновения сайлинг-периода, когда все судовые станции ведут слуховое наблюдение. В эти минуты — от пятнадцатой до восемнадцатой и от сорок пятой до сорок восьмой каждого часа — прекращаются все передачи, кроме сигналов бедствия.

«Бедствия, срочности и безопасности» — автоматически сработала память. Закончив прослушивание, Ампаро сняла наушники и, просияв голливудской улыбкой, участливо осведомилась:

— Передохнули немножко?

— Так, осмотрелся, — смешался Климовицкий. — Последний раз я плавал лет десять назад, в Японском море... Многое подзабыл, но ничего — наверстаю... Хотелось бы быть полезным, — он вопросительно покосился на Бургильона.

— Архипелаг предъявляет особые требования, — барон отодвинул линейки и, поигрывая измерителем, ободряюще подмигнул, — но мы стараемся не особенно перегружаться. Идем от острова к острову только в светлое время, как во дни Одиссея. Команда, увы, раз-два и обчелся, поэтому обходимся без круглосуточных вахт и не салютуем флагом встречным кораблям.

— Каковы будут мои обязанности?

— Наверное, стоит самому присмотреться? Опыт вождения есть?

— Самый элементарный, — виновато потупился Климовицкий, умолчав о том, что управлял только легкими катерами.

— Ничего страшного. У нас все на автоматике. Бдительность, конечно, нужна. Узкости, рифы, обилие судов, особенно мелких, и все такое. Без зоркого глаза не обойтись, но не боги горшки обжигают.

— Думаю, мне надо продублировать несколько вахт. Как ты на это посмотришь, Рене?

— Мысль здравая, мистер Климовицкий, — задумчиво протянул Бургильон. — В двигателях разбираетесь? Я имею в виду обслуживание. Пока, благодарение Богу, обходилось без особых по́ломок.

— В случае чего, не подкачаю, — Павел Борисович подавил

обиду. В том, что барон поставил его на место, не приняв ритуального амикошонства, следовало винить только себя. Лицедейство окончилось за порогом «Золотой Атлантиды». — Какой-никакой, а инженер, — криво усмехнулся он.

— Не сомневаюсь, — Бургильон мягко отреагировал на невысказанное. — Я не столько расспрашиваю, сколько ищу ответ на ваш вопрос. Вместе с вами, разумеется. Сами-то вы как себя видите?

— Не знаю, право, — смутился Климовицкий. — В экспедициях многим пришлось заниматься. От кухни до рации.

— То, что надо, — подала голос Ампаро. — Мне осточертел камбуз.

— Безусловно, — согласился Бургильон. — Мы все заинтересованы в том, чтобы равномерно распределить нагрузку, но для этого необходимо определиться. Закрепить за каждым его судовую роль. Сеньора Ампаро, например, — он отдал поклон, — отвечает за средства связи, мистер Блекмен незаменим на такелажных работах, в его обязанности входят швартовка, заправка топливом, водой... Что же касается моих скромных навыков, то я знавал навигаторов и получше. Тем не менее, будучи самым старым членом экипажа, как по возрасту, так и по стажу, я самозванно присвоил себе права штурмана.

— И капитана, — с язвительной улыбкой поддакнул Блекмен.

— В экстремальных ситуациях, Джерри. Я имею в виду проводку в узкостях, шторм, туман и — упаси Бог! — пожары, аварии, а также терроризм... Но вы правы в одном. На судне должен быть капитан. Опять же в силу исторических обстоятельств эта неблагодарная участь почему-то выпала на мою долю.

— Прямо по ходу, Рене, — прервал его Блекмен.

Бургильон отбросил измеритель и выскочил на открытую площадку. Идущий встречным курсом корабль неясно различался на туманном горизонте. Пришлось пригнуться к оптическому пеленгатору.

— Не нравится мне этот парень, — возвратившись, он озабоченно покачал головой и склонился над экраном локатора. — Совершенно несообразные эволюции!

— Рыбак? — Блекмен прижал бинокль к лобовому стеклу.

— Хуже! Ракетоносец, — Бургильон взялся за штурвал.

— Не доверяете автоматике? — подавшись в сторону, спросил Джерри.

— Опасаюсь защитников. Не забывайте, что Франция не входит в военные структуры НАТО, а я — француз.

— Бойся пьяных рыбаков и военных моряков, — Климовицкий постарался как можно точнее перевести главную заповедь

торгового флота, но подкачала рифма[1]. Отметив, что Джерри с бароном тоже на «вы», он рассмеялся, чем несколько подпортил произведенный эффект.

Впрочем, шутка понравилась. Ампаро даже повторила ее по-испански, подкрепив связку pescadot — marino приблизительным созвучием temor — militar[1].

— Лучше уйти в сторону, — Бургильон взял на пятнадцать градусов к осту. — Так и держать.

— Вам виднее, — Блекмен вернулся к штурвалу. — Надеюсь, до темноты доберемся?

— Как-нибудь. Только сперва придется зайти на Олиорос... Так вот, возвращаясь к нашему разговору... Надеюсь, все знают, что в море капитан наделен почти неограниченными правами, вплоть до ареста любого члена экипажа?

— И бракосочетания, — подсказал Блекмен.

— Возможно, дойдет и до этого. Пока же я ограничусь назначением мистера Климовицкого на должность судового инженера с оплатой, скажем, в один доллар за рейс. Не возражаете, Пол?

— Никак нет, капитан, но поскольку мы плаваем под французским флагом, я бы предпочел один франк.

— Уместное замечание. Значит, пять франков, согласно курсу. Всю техническую документацию вы получите, как только мы выберемся из этой кутерьмы. Трафик, как на Манхэттене... К овладению побочными профессиями приступаем немедленно. Смените мистера Блекмена, Пол, а вы, Джерри, займитесь компрессором. Акваланги могут понадобиться уже завтра.

Неловко переминаясь, Климовицкий положил руки на обод. Налитый красным накалом лимб главного компаса под потолком, словно преодолевая невидимое сопротивление, уходил влево, но тут же возвращался обратно и, как бы по инерции проскочив румб, закатывался в другую сторону.

— Не самый лучший момент, — успокоительно заметил Бургильон. — Качка усиливается. На кренометре двадцать градусов. — Отметив положение судна на карте, он включил рулевой автомат.

Повторяя перемещения сопряженного с ним прибора, диск курсографа начал выписывать волнистую линию. Отклонение от прямой означало потерю времени и перерасход горючего. Обогнув кронштейн с электронным блоком, который контролировал и записывал на ленту все маневры яхты, барон выглянул наружу. Ледяной ветер, бивший теперь по правому борту,

---

[1] Fisherman — seaman (рыбак — моряк, *англ*).
[2] Страх — военный (*исп*)

хлестнул прямо в глаза. Ослепляя окуляры, неистовый каскад, взлетавший от бульба[1], рассыпался колючей пылью. Пеленгатор и поручни были мылкими от соли.

— Вроде как разминулись, — промычал, вытирая лицо платком. — И чего он так рыскал? Может, у них какие учения?

В черном зраке экрана ярко-зеленый радиус рисовал зыбкие тени обложных туч. Светящаяся точка, вычерчивая дымное кольцо, обозначила положение «Аргуса». По ходу мерцала звездная россыпь мелких суденышек.

— Карту погоды и НАВИП[2].

— «Сюрфей прогнозис», — кивнула Ампаро, глянув на таблицу станций обслуживания, и запустила машинку. Застучали скрытые рычажки, и над резиновым валиком показалась узкая кромка бумаги. Пока шла печать, она запросила метеосводку с острова Парос. — Ветер усиливается, но штормового предупреждения не посылали. Военных учений нет, — сказала, развернувшись в кресле.

На ее терминал были выведены клавиши приемных и передающих устройств. Все находилось под рукой: переключатели диапазонов, верньеры, телефон, телетайп, аппарат факсимильной связи. Любо-дорого было смотреть, как она управляется со своим образцовым хозяйством. Учтена была каждая мелочь. Блокнот закреплен на выдвижной доске, а шариковая ручка — на пружинной леске, чтобы не затеряться, как это водится, в самый неподходящий момент.

Стоя у штурвала, который поворачивался в руках незримого кормчего, Климовицкий терзался запоздалыми сожалениями. Опять он влез не в свое дело. Ему ли тягаться с этими небожителями? Он будет стоять на вахте, освоит напичканную электроникой машинерию, но никогда не достигнет такой четкой собранности, такого органичного профессионализма.

Ампаро, нажав на стальную линейку, обрезала лист и передала электрографическую карту Средиземноморья, испещренную дугами атмосферных фронтов, флажками и рисками, указывающими скорость и направление ветра, цифрами баллов и градусов. Перфорация с одного бока надорвалась, и область, примыкающая к Атлантике, вышла слегка размытой. Погоду на ближайшие сутки определял небесный бой Исландского минимума с Азорским максимумом. Поколдовав над метеокаббалистикой, Бургильон решил возвратиться на прежний курс и прибавить обороты. Встав к центральному пульту, куда были выведены пусковые кнопки и датчики всех судовых ме-

---

[1] Подводная носовая часть корабля.
[2] Навигационное предупреждение.

ханизмов, он ввел программу в компьютер. Застрекотал приглушенный зуммер электронного блока, и под щелканье реле начался «опрос» работающих систем. Проверив сигнал на разумность, компьютер принял его к исполнению. Зуммер умолк. Качка постепенно уменьшилась.

Давя на барабанные перепонки, явственно звучала натянутая струна. Низкий рокот, переходящий в неслышимый, пронизывающий каждую клеточку инфразвук. Дыхание спящего, но готового впасть в бешенство Посейдона.

Луч локатора, обегающий зону двенадцатимильным радиусом, не вырисовывал сушу. Только сплошные облака во все стороны горизонта.

Прошло не менее двух часов, прежде чем появилась береговая линия. Перед входом в пролив между островами Полиэгос и Мелос Бургильон взял управление в свои руки.

— Есть предложение пообедать на Мелосе. На северном побережье превосходная бухта, эдакий аппендикс. Там всегда тишь да гладь. Остров, где нашли статую Венеры Милосской, заслуживает нашего внимания. Славен он и месторождением обсидиана, столь ценимого в древности. Честно говоря, я предполагал устроить праздничную трапезу на Олиросе, но, право, нет смысла противиться буйству стихий.

— Похоже, с нами советуются? — Блекмен устроился за стойкой и, найдя нужный лист, сделал вид, что внимательно изучает карту. Нагнув заключенную в медный рожок лампу, он направил свет на Мелос с его глубоко врезанным улиткообразным заливом. — Сознайтесь, Рене, вы просто коллекционируете острова.

— Я влюблен в них. Почти каждый чем-нибудь, да замечателен. Кое-где, между прочим, по сей день сохранился обычай приносить в жертву быка. Выбирают самого тучного и красивого, оплетают лентами, цветами, а затем преспокойно закалывают к общему восторгу публики и местных властей. Праздник с вином и фейерверком — подлинная фиеста. Честь перерезать несчастному животному горло оспаривают самые именитые граждане. Как вам нравятся эти экстатические пляски на крови?

— Не очень, — поморщился Джерри.

— А я в восторге.

— Пережитки минойского культа? — высказал предположение Климовицкий.

— У ортодоксальных христиан, — уточнил Блекмен. — Хочу тебе кое-что показать, Пол, — он ткнул иглой измерителя кальдеру Тиры. — Слишком мала, чтобы быть Атлантидой Платона, не так ли?

— Основной камень преткновения. В Эгейском море нет места для острова величиной с Ливию и Малую Азию.

— В том-то и суть, что Солон неправильно понял египтян, а мы — Платона. Не об острове речь, а об островах, островной империи. Смотри сюда, — Джерри очертил круг, захватив Киклады и Крит. — Столичный Кносс, города-государства Малия, Фест и еще острова: Мелос, Кеос, Делос, Наксос, Аморгос — все это владения мудрого Миноса. — Раздвинув ножки измерителя во всю ширь и действуя им как указкой, он обвел материковую Грецию и турецкое побережье. — Памятники минойской культуры мы находим на Кифере, в Пилосе, Коринфе, на Эгине и на Эвбее, в Мегаре и далеко к северу на Скопелосе. Наконец, сама Малая Азия — Милет и острова Самос, Кос, Родос. — Плавно описанная окружность пересекла Карпофос и замкнулась на восточном берегу Крита, где, подобно острию копья, игла воткнулась в Закрос. — Вот пределы империи. Военный флот Миноса безраздельно господствовал над всем Средиземноморьем. После раскопок Эванса стало очевидно, что Финикия лишь наследница мореходов Крита. Минойцы выходили в Атлантику далеко за Столпы Геракла, они открыли Мадейру, Канары и Азорские острова за две тысячи лет до финикиян и за пять тысяч — до португальцев. В Южной Африке, в пустыне Намиб, найдены наскальные рисунки, напоминающие фрески Кносса. Особенно хороша Белая Дама с цветком в руке. Длинная юбка, открытая грудь, браслеты — все, как у критских красавиц.

— Не увлекайтесь, Джерри, — улыбнулась Ампаро, сняв трубку радиотелефона. — Грудь непременная принадлежность любой женщины и юбка тоже. Послушать вас, так и Кетсалькоатл с богом Тики были атлантами.

— Не берусь спорить, но какой-нибудь минойский корабль вполне могло занести в Америку.

— Все вы помешанные, — она махнула рукой.

Впереди показались размытые волокнистой дымкой дуги молов с башенками маяков на концах. Видимость оставляла желать лучшего. Бургильон включил тифон, издавший тревожный простуженный рык на низких тонах. Сбавив ход и завывая с двухминутным интервалом, «Аргус» по касательной приблизился к створу.

— Сорок седьмой квадрат, — сообщила Ампаро, связавшись с портовыми властями.

ФАЙЛ 044

К воротам АОЗТ «Светосила» Бобышкин подъехал в сопровождении начальника местной милиции и двух вооруженных омоновцев. Бетонное ограждение с тройным рядом колючей

проволоки выглядело довольно зловеще, но по нынешним временам это ровным счетом ничего не значило. Каждый волен выстраивать оборону на свой лад. Лишняя предосторожность не повредит. За таким забором могла скрываться и самая обыкновенная автобаза, и один из тех винно-водочных заводов, что в огромном количестве расплодились по ближнему Подмосковью. Только почему-то в такое не больно верилось. Федору Поликарповичу так толком и не удалось дознаться, какую продукцию производит салтыковская «Светосила» и чем вообще тут занимаются. Полоса вспаханной земли вдоль забора, фонари через каждые десять метров, следящее устройство у проходной — все наводило на мысль о каком-то секретном объекте или колонии строгого режима. Только вышки с часовым не хватает, а так форменная зона.

Ничем существенным, кроме подозрений, Бобышкин не располагал. Компьютерная реконструкция с высокой степенью надежности подтвердила, что череп с дырой во лбу мог принадлежать гражданину Дронову В. Г., 1971 года рождения. Змей-эксперт так и написал: «мог». Не обязательно принадлежит, но может принадлежать. В самой этой казуистике уже заложен идиотизм. Предмет собственности составляет имущество, вещь, а не часть тела, без которой теряет всякий смысл само понятие личности со всеми ее правами на любое владение. Мертвецу уже ничто не принадлежит: ни голова, ни могила, ни деньги. Беда в том, что любое сомнение в правильности идентификации личности чревато непредвидимыми осложнениями. Не только в суде — до него еще надо дожить, — но и на самой первой стадии расследования. Уголовное дело возбуждено по факту... По какому факту?

Опрос родственников и знакомых Дронова Виктора Григорьевича дал две серьезные зацепки: а) примерно с октября прошлого года работал в фирме «Светосила», расположенной в поселке Салтыковка, улица Ильича, дом 5; б) последний раз его видели в конце апреля — начале мая, т.е. полтора-два месяца спустя после исчезновения Ольги Маслюковой. И еще одна, не последняя по важности подробность: Виктор баловался наркотиками. Его хорошо знали в развлекательном комплексе «Голден Гарден», возникшем на базе комбината «Точприбор». По признаниям рейверов, облюбовавших тамошнюю дискотеку, он в лошадиных дозах потреблял «экстази». При частоте сто двадцать ударов в минуту у него хватало выносливости самое большее на две трясучки. Бывало, падал замертво, а когда приходил в себя, принимался выть дурным, как выразился диск-жокей Лёка, голосом, выкликая пророчества. Какие именно? Про дьявола, который летит на астероиде на праздник светопреставления. Своеобразный молодой человек,

с закидонами. Однажды его крепко отделали и вышвырнули на улицу. Точной привязки ко времени так никто и не дал, но судя по деталям — головой в сугроб — дело было зимой, следовательно, уже после трудоустройства.

Возникал законный вопрос, зачем понадобился подобный фрукт этой самой «Светосиле»? Тот же случай, что и с Маслюковой. Специально, выходит, наркоту подбирали? Да еще с предоставлением жилплощади?

Повод наведаться в АОЗТ был, но не более. Ничего конкретного Федор Поликарпович предъявить не мог, разве что задать парочку вопросов. Хотя бы насчет принципа подбора кадров.

Менее всего он мог ожидать, что самое обычное следственное действие натолкнется на сопротивление Салтыковской милиции, где областного важняка знали достаточно хорошо, чтоб не слишком темнить.

— Не, — замахал руками майор Зеленцов, начальник отделения, — они вас дальше проходной не пропустят.

— То есть как это? — слегка опешил Бобышкин.

— Серьезный народ. Еще и отделают по первое число. Иди потом доказывай. Не советую.

— Тогда вам придется выделить мне охрану, — твердо заявил Федор Поликарпович, мысленно признав резонность предостережения. Могли не то что отделать, но и пришить на месте, невзирая на петлицы со звездами. Тем более что мундира он по обыкновению не надел. Подумаешь, прокурорский полковник! И не таких отправляли прямиком на тот свет.

Зеленцов сперва заартачился и уже собрался звонить по начальству, чего Федор Поликарпович никак не хотел допустить. Если узнают, что он отстранен от расследования, пиши пропало. Черепа с дырками окончательно уйдут в «глухаря». Насилу удалось отговорить ершистого мента, взяв на голый понт.

— Я когда-нибудь лез без достаточных оснований, майор?

— Не помню такого, — Зеленцов придержал палец на телефонном диске. — Но постановления-то у вас нет?

— Откуда вам знать, что лежит у меня в кармане? — Бобышкин выдал свою коронную саркастическую усмешку и начальственным жестом, но мягко потянул аппарат на себя. — Дайте-ка я сам кое-куда звякну, а дальше ваше дело. Но имейте в виду, пока вы будете выяснять отношения, я отправлюсь туда в одиночку, и вся ответственность ляжет на вас. Оружия, как вы знаете, с собой не ношу, поэтому остается лишь пожелать, чтобы с моим преемником, а он не замедлит явиться, сложились более теплые отношения.

Намек задел болевую точку. Бобышкин не раз становился невольным свидетелем противоправных действий салтыков-

ской милиции, но держал нейтралитет. Никаких сигналов от него не поступало.

— Ладно, товарищ следователь, на вашу ответственность. Но предупреждаю: дадут от ворот поворот — не ломиться. Поворачиваться и уходить. Да у вас и прав таких нет. Вот если бы было постановление...

— За постановлением дело не станет, — вновь, не моргнув глазом, сблефовал Федор Поликарпович. — Сначала поговорим по душам, а там посмотрим. Может, и не понадобится никаких мер.

— Это уж как получится. Я сам с вами поеду, а то как бы чего не вышло...

По тому, как собирался майор, как злобился, отрывисто бросая распоряжения, было видно, что ему смертельно не хочется ввязываться.

«Или чего-то боится», — решил Бобышкин.

Однако, едва затормозили у проходной, Зеленцов первым кинулся на амбразуру.

— Вы пока тут посидите, — придержал он Бобышкина. — Переговоры лучше мне провести.

— Переговоры! — словно бы в ответ на удачную шутку, улыбнулся Федор Поликарпович. — Там что, салтыковская группировка окопалась? Я, вроде, не слыхал про такую...

Зеленцов досадливо передернулся и, надев фуражку, вылез из машины.

Адрес фирмы оказался, если не вовсе фальшивым, то хитрым, чтобы, как раньше водилось, шпион не отыскал. Других домов на улице Ильича отродясь не было, как и ее самой, надо думать. Разве что в перспективе на возврат коммунизма. Поведение мента тоже наводило на серьезные размышления. Через приспущенное стекло Бобышкин видел, как напружилась и будто пригорбилась широкая спина под шинелью. И шаг, нерешительный, семенящий, тоже выдавал скрытое напряжение.

Зеленцов нажал кнопку переговорного устройства и, дожидаясь ответа, достал портсигар, но так и не закурил. Ожидание затянулось, он нервничал, постукивая сигаретой по крышке, потом еще раз надавил и долго не отпускал красную пуговку. По-видимому, на вызов наконец отозвались, потому как согнулся затылок и пошел мелкой дрожью. Говорил он или только слушал, разобрать было трудно, но кивки майор выдавал исправно, словно на ковре высокому начальству поддакивал.

Если это и были переговоры, то условия диктовала только одна сторона. Бобышкин уже начал опасаться, что майор просто-напросто валяет Ваньку. Сейчас он повернется, отрицательно помотает головой и, возвратившись к машине, состроит огорченную мину, ничего, дескать, не добился.

Поначалу примерно так оно и вышло. Зеленцов распрямился, сдвинул на затылок фуражку и, отирая наружной стороной ладони вспотевший лоб, обернулся. Бросив сломанную сигарету, поманил Федора Поликарповича.

Железная дверь проходной приоткрылась, и оттуда выглянул охранник в черно-белом пятнистом комбинезоне.

— Следователь? — он смерил Бобышкина недоверчивым взглядом. — Ваше удостоверение, — и, глянув на фотографию, отрывисто бросил: — Проходите.

За внутренней дверью поджидал другой амбал в зимнем камуфляже. Конвойная служба у акционеров закрытого типа стояла на должной высоте. Как в приличной тюрьме.

Следуя впереди безмолвного провожатого, Бобышкин зорко оглядывал территорию. Судя по капитальным «грибкам» вентиляционных устройств, основные сооружения были упрятаны под землю. На поверхности возвышалось лишь длинное двухэтажное здание с двумя флигелями и частоколом антенн на плоской крыше. Федор Поликарпович — человек в вопросах техники малограмотный, грешным делом подумал, что фирма столь оригинальным манером демонстрирует свою продукцию. Чего только не было на той крыше: ажурная вышка, вроде Шуховской, но соответственно меньших размеров, какие-то диски, тарелки и уж вовсе причудливая, похожая на искусственную елку игла с гирляндами металлических шариков. Научная фантастика — не иначе. Видно, и в самом деле есть чего прятать. От наметанного глаза не укрылась тонкая нить медной проволоки, протянутой вдоль периметра. Самоварным золотом отливали и ряды непроницаемых окон на безликом панельном фасаде.

А в остальном — голый плац: ни деревца, ни кустика, сплошь асфальт. Скамеек для перекура в обеденный перерыв, и тех не поставили. По всему видать, контингент специфический.

Охранник довел Бобышкина до единственного подъезда под козырьком с плафоном и, забежав вперед, предупредительно распахнул дверь.

— Поднимайтесь сразу на второй, вас встретят.

Хоть маленькое, а послабление в тюремном режиме. По обе стороны лестничной клетки открывались длинные коридоры. В иной обстановке можно было бы и прогуляться туда-сюда, но не стоило искушать судьбу. Машинально отсчитывая ступеньки — одиннадцать и, после поворота, еще двенадцать, следователь оказался перед стальным тамбуром, встроенным в такую же сверкающую хромовым покрытием стену. Ни ручки, за которую можно ухватиться, ни кнопки, чтобы подать сигнал, он не нашел.

Прикосновение влажной ладони оставило на металле тающий на глазах отпечаток. Стучаться бессмысленно, только кулак разобьешь. С такой защитой Бобышкин сталкивался впервые, почище банковского хранилища. Массивные створки раздвинулись с приглушенным жужжанием, и откуда-то сверху прозвучал усиленный скрытым динамиком голос:

— Входите, Федор Поликарпович, и, пожалуйста, наденьте очки.

Не зная уже, чему удивляться, Бобышкин вступил в тесную, как в лифте на одного, кабинку с гладкими зеркальными стенами. Очки, упакованные в запаянный полиэтиленовый пакет, лежали в овальной нише. Черные толстостенные стекла почти не пропускали света. Не успел он сообразить, зачем нужны столь непривычные предосторожности, как густой мрак озарила яркая вспышка и сразу, словно в грозу, запахло озоном.

— Можно снять, — разрешил голос, и расходящаяся щель обозначила выход.

Федор Поликарпович оказался в мраморном холле, освещенном лампами дневного света в высоких цилиндрических колпаках — таких же, как на эскалаторе в метро. Сводчатый потолок и облицовка стен лишь усиливали сходство. В самом дальнем углу виднелся стол с монитором, за которым сидел благообразный молодой человек, похожий на банковского служащего из какого-нибудь рекламного клипа.

Модный, но строгого покроя темный костюм в тонкую полоску, ярко-зеленый шелковый галстук и такой же платочек, с нарочитой небрежностью выглядывающий из кармашка. Отработанная улыбка пресыщенного сноба, знающего цену всему на свете, скрывала волчий оскал. Поднявшись навстречу, он с достоинством наклонил голову и плавным жестом указал на арку за каменным вазоном с вьющимися растениями.

— Вверх по лестнице, прямо по коридору и вниз, пожалуйста.

Мраморные, покрытые васильковой дорожкой ступени крутым винтом выводили в узкую галерею, единственной достопримечательностью которой был свернутый в тугую спираль рукав с брандспойтом. Рядом с нацеленными телекамерами пожарный кран в застекленной нише казался музейным антиком, реликтом примитивной цивилизации, властно напомнившей о себе грубо намалеванным масляной краской номером.

Спуск заканчивался под точно такой же аркой с квадратным вазоном, но вместо просторного холла, как можно было ожидать, Федор Поликарпович оказался на антресолях, тесно заставленных разностильными книжными полками. Подойдя к балюстраде и заглянув вниз, он увидел залитый люмине-

сцентным сиянием зал с огромным дисплеем во всю стену и рядами компьютерных терминалов, за которыми сгорбились люди в белых халатах. От вычислительного центра библиотеку на антресолях отделяло прозрачное и, судя по глухой тишине, звуконепроницаемое перекрытие.

По всей видимости, под личиной акционерного общества с несуществующим адресом скрывался бывший почтовый ящик Средмаша или секретный НИИ одного из силовых ведомств. Бобышкин уже сожалел, что ввязался. Теперь точно отставки не миновать, а проку все равно не добьешься.

Осмотревшись по сторонам, он двинулся вдоль балюстрады, выборочно выхватывая надписи на корешках. Книги по большей части были на языках: кибернетика, физика, астрономия, биология, медицина. Солидные издания в ярких лакированных суперах перемежались потрепанными, кое-как подклеенными томами. Попадались и вовсе старинные, переплетенные в светлую кожу фолианты. Шесть отдельных шкафов занимали энциклопедии: американские, немецкие, два комплекта «Британики», «Ларусс», полный набор советских и, конечно, дореволюционные. Рядом с ветхим оригиналом Брокгауза и Ефрона красовалось новенькое, с иголочки, репринтное издание, а словарь Граната соседствовал с последним брокгаузовским, оборванным на двадцать девятом томе революционным вихрем.

Бобышкин приобрел раритет в канун павловской реформы и очень гордился удачным вложением капитала. Покупка совпала с публикацией в «Знамени» повести «Собачье сердце», и как-то вдруг во всей своей неприглядной обнаженности за романтическим эвфемизмом «вихрь революции» обрисовалась булгаковская разруха с писаньем мимо унитаза. Знаменитый книгоиздательский дом, захлебнувшись на слове «Отто», так и не рассчитался со своими враз обездоленными подписчиками. Сквозь призму всеобщей взаимосвязанности и нынешнее лихолетье рисовалось несколько в ином свете. «И это пройдет», — вспомнилась надпись на перстне библейского царя.

Сделав полный круг, Федор Поликарпович недоуменно почесал затылок. По всему выходило, что ненароком заблудился и забрел не туда. Возвращаться назад не хотелось. Может, на то и рассчитывают, чтоб с панталыку-то сбить. Самое милое дело — усесться на стремянку и вытянуть первую попавшуюся книжонку. Живо хватятся при их-то системе наблюдения...

Скользнув озабоченным взглядом по полкам, он все же приметил в проеме между шкафами самую обычную фанерованную дверь. Это было похоже на наваждение. Только что стоял на том самом месте и ничего, кроме книг, не заметил. Чудеса!

Стареющий важняк, съевший на немудреной уголовщине

зубы, и не подозревал, что настоящие чудеса еще впереди. Едва он приблизился, как дверь исчезла и пустой промежуток заполнился плотными рядами корешков с позолоченными и посеребренными буквами: «Физическая энциклопедия», «Химическая энциклопедия», «Справочник химика» и далее в том же духе. Чуть лоб не расшиб о стекло, разогнавшись, даже зажмурился с перепугу. В глазах замелькали лиловые пятна, поплыли зеленые вращающиеся круги с зубцами, зарябили муаровые разводы.

«Сейчас грохнусь», — подумал Бобышкин.

Паутина

В Канаде разрабатывается закон, запрещающий подписчикам «Интернета» получать и передавать документы, содержащие пропаганду ненависти. Центром Симона Визенталя (Париж) подсчитано, что за несколько дней в сетях появляется свыше 300 сообщений расистского или нацистского характера.

Однако «Интернет» используется для частной переписки, и контроль над сетью равноценен прослушиванию частных телефонных разговоров, а право частных разговоров защищается законом.

Канадская полиция предлагает запретить не сам материал как таковой, а использование для пропаганды ненависти канадской телекоммуникационной системы.

Магия

Ведьма ***, Колдун ***, Маг ***
ЗНАНИЯ, ИДУЩИЕ ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ, + ОГРОМНОЕ ЖЕЛАНИЕ ПОМОЧЬ КАЖДОМУ!
Решение личных и семейных проблем.
Помощь в бизнесе.
Наведение и устранение любых чар.
Оплата по факту.

Интим

Очаровательные МОСКВИЧКИ и ДЖЕНТЛЬМЕНЫ ждут Вас!
Прекрасные апартаменты.
Сауна-люкс.

Яркая и раскрепощенная в общении москвичка с элитарным образованием предлагает интересную встречу очень состоятельному мужчине. Только для русских солидного возраста.

ФАЙЛ 045

Буруны как обрезало, едва яхта пересекла невидимую границу между двумя маячками на волнорезах.

— Поспели в самый раз к ленчу, — глянув на часы, возликовал Блекмен.

— Ленч оставьте своему Макдональдсу, — Бургильон выключил двигатели, и яхта по инерции заскользила, разрезая стальную гладь усмиренного Понта. — У нас будет обед. Diner de gala[1].

— По какому случаю, интересно?

— В моем возрасте каждый новый день — уже праздник, — меланхолично заметил барон.

— Перестань! — оборвала его Ампаро.

— И предусмотрено соответствующее меню?

— Удовольствуетесь полуфабрикатами, Джерри. На большее я не способна. С завтрашнего дня все претензии к Полу.

— Пока никаких претензий, но я точно помню, что погрузил на борт массу вкусных вещей.

— На палубу, Джерри, — распорядился Бургильон, — мы прибываем.

— Есть, мастер, — Блекмен бросился к трапу.

Барон, а вслед за ним и Климовицкий вышли на площадку. Набережная, тонкой скобой охватившая горный склон, едва различалась за жемчужной завесой. Легкий ветерок, дохнув хвоей, обдал влажным и неожиданно теплым дыханием.

Яхту еще несло, но взвыл брашпиль, загрохотала по клепаной стали цепь и якорь с поворотными лапами тяжело плюхнулся в воду. Два красных звена с маркированными контрфорсами обозначили сорокаметровую глубину. Цепь натянулась, проскрежетав в клюзе, и судно замерло, как укрощенный бык с кольцом в носу.

— Когда будем сниматься? — спросил Блекмен.

— Полагаю, не раньше утра. Куда нам спешить? За ночь и погода может перемениться.

— Есть признаки?

— По-моему, к тому и идет.

---

[1] Парадный обед (*фр.*).

После обеда, который барон нашел вполне сносным, а Павел Борисович просто великолепным — особенно пришлись по вкусу улитки и крупная ежевика, — Ампаро побросала одноразовую посуду в утилизатор и ушла подремать. Она свято верила в целительную силу дневного сна, хотя ничем особенным никогда не болела.

Взяв предложенную сигару, Климовицкий с любопытством обозрел находки, разложенные на стеллажах и прикрученные проволокой к деревянным тумбам: обросшую ракушками греческую амфору, пушечный ствол с изображением солнца перед запальником, многоцветные шлифы вулканических бомб, отличную, хоть и склеенную из обломков краснофигурную вазу и множество всевозможных кораллов. На потолочной балке и дубовых панелях висели чучела крупных рыб, вываренные акульи челюсти и лабрис из почерневшей меди.

— Настоящий?

— Найден на дне, в четырех милях от Крита.

— А этот обломок чем примечателен? — Климовицкий погладил окатанный кусок мрамора с неясными следами букв. Он и сам питал пристрастие к античным осколкам.

— О, это моя гордость! Единственный фрагмент недостающей части прославленной Marmor Parium[1]. Если бы она сохранилась целиком, — Бургильон мечтательно вздохнул, — мы бы знали о своем прошлом значительно больше. Считается, что на стеле была записана история Эллады со времен основателя Афин Кекропса. Уцелело всего два обломка. Один почему-то оказался в Смирне, где его приобрели для Оксфорда, другой остался на Паросе. На нем запечатлено восемьдесят наиболее примечательных дат[2].

— Извержение на Тире?

— К сожалению, в этом месте камень выщерблен.

— А что написано на вашем куске?

— Полностью прочитать невозможно. Только семь букв, разделенных интервалом: ГОРГ и СИК. Я не знаю, что означают эти обрубки слов. Можно подобрать множество значений. Горго по-гречески — «грозная». Отсюда горгоны — девы-чудовища, но нельзя исключить и Горгия, софиста из Леонтины.

— А СИК?

— Все, что угодно: от города Сикиона, входившего в Пелопоннесский союз, до клеветника — сикофанта.

— Тем не менее, Рене хочется верить, что это Сикинос, — вмешался Блекмен, — крохотный островок в нескольких милях отсюда.

---

[1] Мраморная стела с острова Парос (*лат.*)..

[2] С 1581 по 353 гг. до н. э..

— Не надо преувеличивать, Джерри. Это всего лишь одна из версий, которую стоит проверить.

— Лично у меня создалось впечатление, что вы просто хотите присоединить этот остров к своей коллекции. Бывали на нем прежде?

— Не довелось.

— Я так и думал! А тут, на Мелосе?

— Дважды.

— Именно поэтому мы не высаживаемся! Все сходится: Мелос вам уже не интересен и все помыслы сосредоточены на Сикиносе, тем более что он тоже СИК... Где, кстати, вы ухитрились выловить этот мрамор?

— Не поверите, но я наткнулся на него совершенно случайно... Это было на Паросе, четыре года назад. Мы с сеньорой Ампаро бродили в горах и набрели на загон для овец, огороженный, как и всюду, невысокой стеной из камня. Я обратил внимание на необычного цвета ящерицу — черную, как смола, но стоило мне сделать шаг, как она юркнула в щель. Я вовсе не стремился ее поймать. Не пойму, что побудило меня сунуть туда палец. Ящерицы, понятно, и след простыл, а камень подался, ну я и выковырял его из кладки.

— Зачем?

— Сам не знаю. Так уж вышло.

— Покушение на чужую собственность и кража в итоге.

— Вы правы, но я не испытываю угрызений совести.

— Еще бы!.. От нечего делать я просмотрел карты и невольно задал себе вопрос... Вы догадываетесь, какой именно?

— Не имею ни малейшего представления.

— Ближе всех к Тире расположен именно Сикинос, но первую стоянку вы почему-то назначили на Олиросе, хотя в конце концов мы оказались на Мелосе. В чем дело, Рене?

— Вот уж не думал, что мой друг станет подозревать меня в тайных умыслах. Вам не стыдно?

— Ничуть. Стыдно должно быть вам, — Блекмен не удержался от улыбки. — Кто украл у бедного крестьянина бесценную историческую реликвию? Имейте в виду, таможенники могут упрятать вас за решетку.

— Я не намерен покидать территориальные воды Греции.

— Шутки в сторону, Рене, почему мы не зашли на Сикинос? Эволюции американского ракетоносца не представляли для нас непосредственной опасности.

— Вы первый подняли тревогу.

— Не важно! Разминулись — и точка. Ничто не мешало сразу же лечь на нужный курс.

— Какая вам разница, где ночевать: на Олиросе или здесь? Я не собирался заходить на Сикинос по вполне понятным со-

ображениям. Там нет подходящей гавани, где можно было бы укрыться в случае возможного шторма. По-вашему, это не аргумент? Для подводных работ мне нужна погода, понятно?

— Значит, мы все же пойдем туда?

— Непременно: и туда, и на Олиорос, и на Гидрею, и на Аморгос. Если вы внимательно изучали карты, то наверняка обратили внимание на то, что столица Аморгоса зовется Миноей. Я верю словам, Джерри, как верю неожиданным совпадениям и вещим снам. Мне приснилось злато-розовое безмятежно спокойное море перед закатом. Таким я и хочу увидеть его, когда придем на Сикинос.

— Злато-розовое? Красиво! Гомер называл его «виноцветным».

— Заблуждение переводчика, Джерри. У Гомера оно «пурпурное». Финикияне добывали из морских раковин драгоценный пурпур.

— Отдаю должное вашей эрудиции, хоть вы мнительны и суеверны.

— Я не суеверен, но в мире, где все связано со всем, нельзя упускать случайного — боюсь, что ничто не случайно — взаимодействия нитей.

— Каких нитей, помилуйте, какого взаимодействия?

— Троньте в любом месте узор паутины, и задрожит вся сеть.

— Хватит загадок, Рене. Вы задурили голову мне, я, в свою очередь, поморочил нашему русскому другу — достаточно. Понимаю, что вы подготовили эффектный сюрприз, но всему есть границы. Когда наступит момент истины?

Климовицкий слушал с возрастающим волнением. Загадочная статуя не давала ему ни минуты покоя, но что-то удерживало от прямого вопроса.

— Тронуть паутину легко, — молвил он по наитию, — но как отреагирует на это паук?

— Интересное замечание, — оценил Бургильон. — В Internet, куда изливаются все страсти и вожделения человечества, существует бесчисленное множество конференций по интересам. От уфологов до приверженцев Кама-сутры. Есть там и небольшой кружок поклонников классической латыни. Все разговоры, понятно, ведутся на языке Цицерона. Это единственный пункт устава. Вся беда в том, что римляне не предусмотрели подходящих случаю терминов. С паутиной, с сетью — полный порядок: сетью, а заодно и трезубцем, был вооружен еще гладиатор-ретиарий. Хуже обстоит дело с техническими достижениями. Пришлось изъясняться велеречиво — орбис мундиалим, вместо «всемирная», либо приспосабливаться — «кибернетикум».

— К чему это? — озадаченно осведомился Блекмен.

— Взгляните сюда, — Бургильон снял со стеллажа обломок керамической вазы. — Видите знаки?

— Линейное письмо? — Климовицкий осторожно провел пальцем по врезанным в обожженную глину отметинам.

— Верно: линейное письмо класса А, развившееся из древних иероглифов Крита. Знаки близки к греческому письму класса Б, но неизвестен язык, на котором говорили минойцы. Он не имеет родства ни с одним из известных языков мира. Благодаря гению Майкла Вентриса, мы читаем и понимаем знаки Б, но только читаем знаки А. Лишь изредка попадается известное слово. Например, Кносс. Оно записано слогами как «ко-но-со», хотя произносилось, надо думать, как и теперь: Кноссос. Эта преамбула понадобилась мне, чтобы разъяснить смысл сей уникальной надписи. «Те-се-и-со» читается она. Это Тесей — победитель Минотавра. Имя героя Аттики на Минойском Крите!

— Вещественное подтверждение мифа, — благоговейно прошептал Павел Борисович.

— Дрожит, дрожит всемирная паутина, — поощрительно кивнул Бургильон. — Надеюсь, вы теперь с большим доверием отнесетесь к столь зыбкой, но красивой конструкции, где легенды, сны и предчувствия свиты в единый узор. С большим пониманием, по крайней мере... Почему я назвал Олиорос? Рассматривайте это как ностальгический порыв, даже суеверие, Вы правы, Джерри, я, наверное, суеверен, но у меня не хватает слов, чтобы передать всю гамму противоречивых чувств, овладевших мной, когда... Впрочем, лучше все по порядку, — он надолго задумался, вертя в руках драгоценный осколок. — Я не придумал ловца губок, как могло показаться... Позапрошлым летом мы с сеньорой Ампаро провели неделю на Олиоросе. Однажды в портовой таверне за рюмочкой «узо» я разговорился с местным рыбаком Спиридоном, который и рассказал мне удивительную историю про окаменевших людей, схороненных в морских глубинах. Я воспринял это как продолжение мифа о сестрах-горгонах, которые все еще живут на каком-то из островов и губят всякого, кто осмелится проникнуть в запретное место. Как вы наверняка помните, всякий, кто взглянет в глаза горгоне, обращается в камень.

— Но Персей отрубил голову Медузе, — робко заметил Климовицкий.

— Ну да, отрубил. И спас Андромеду, обратив в скалу морское чудовище. А теперь они все на небе: Персей, Андромеда и медузина голова. Что с того? В том-то и прелесть новой легенды, что она органично вытекает из древнейшего мифа. Медуза была единственной смертной среди сестер. Ей как бы

предопределено было пасть от меча греческого героя. Ведь Сфено и Эвриала считались бессмертными и нестареющими. В этом вся штука! Так почему бы им, спрашивается, не дожить до наших дней? Не в прямом, так сказать, смысле, но чисто логически. В рамках рационального построения мифа. Окажись на месте Медузы та же Эвриала, Персею несдобровать.

— Эвриала — Эвридика, — пробормотал Блекмен. — Нити и впрямь пересекаются в аду. Не случайно? Случайно? С рациональным построением вопросов не возникает, а как насчет рациональной интерпретации? Вы ведь об этом подумали, Рене? И наверняка не пожалели анисовки, чтобы выжать из вашего рыбака все до последней капли?

— Мне не пришлось особенно стараться. Историю, которая случилась с его дедом, как я понял, знал весь остров, так что на благодарных слушателей рассчитывать не приходилось. А тут доверчивый иностранец да еще с красивой женщиной.

— Речь, значит, о деде?

— Его звали Львом... Он промышлял ловом губок в шести милях к норд-весту от Сикиноса. Там это и случилось на глубине в пятнадцать метров. Оторвав губку, как ему показалось, от коралла, он взрыхлил донные отложения, а когда муть осела, с ужасом увидел голову младенца, прильнувшего к материнской груди. Сам не свой от страха, принялся соскребать наросты, пока не очистилось лицо женщины. «Она была прекрасна, словно Мария, и совсем как живая», — передал Спиридон слова деда. «Розовая, а каменная, и детей у нее двое», — постоянно твердил старик, словно никак не мог опомниться от удивления. Похоже, что двойня поразила его в самое сердце. Не иначе бедняга сперва решил, что нашел Богоматерь, оказалось же...

— Леда с Кастором и Полидевком? — не слишком уверенно предположил Блекмен.

— Или Ева с Каином и Авелем, — парировал Павел Борисович.

— Не все ли равно? — барон досадливо поморщился. — Хоть Афродита с Эросом и Антэросом.

— Тогда почему вы решили, что статую изваяли атланты? — задав терзавший его вопрос, Климовицкий испытал мгновенное облегчение, но тут же напрягся, ожидая ответа.

— Решил? — Бургильон отрицательно покачал головой. — Слова, как сказал Шекспир, слова... Золотую личину, которую нашел в Микенах, Шлиман назвал маской Агамемнона, не имея на то никаких оснований. Он с самого начала знал, что череп под ней не мог принадлежать Агамемнону. Зато как звучит?! Слово должно побуждать к действию, к поиску, вызывать на спор. Кажется, вы, Джерри, что-то сказали по поводу

рационального прочтения? Если сможете найти более правдоподобное объяснение, буду искренне благодарен... Лев был, хоть и не шибко образован, но кое-что на своем веку повидал, в том числе античные статуи. Пусть гипсовые отливки, что встречаются здесь на каждом шагу. Не важно! Он клялся, что ничего, подобного той, не встречал никогда. Я специально расспрашивал по этому поводу Спиридона. Короче говоря, старик грешил на горгон. И не он один.

— Горгона Эвриала обратила в камень кормящую мать с младенцами? — не выдержал Блекмен. — Женщину из плоти и крови? Кошмар! — он картинно схватился за голову.

— Может, Эвриала, а возможно, и Сфено, а то и обе вместе... И это не единственный случай. На острове говорят, что в стародавние дни ловцы губок видели на морском дне окаменевшие тела мужчин и женщин. Нечего удивляться. Типичный случай мифологического мышления. Двое греков из трех верят в существование ада. Среди островитян, особенно связанных с морем, процент еще выше. В них удивительным образом уживаются христианские традиции с самыми примитивными языческими верованиями. Лично я, ничего не имея против горгон, предпочитаю минойских ваятелей, атлантов, если будет угодно. Только они одни были способны создать творения, что и не снились грекам.

— Да, но откуда у вас это изображение?! — вскричал Климовицкий. — Не похоже, что фотография сделана под водой! Хотелось бы увидеть оригинальный снимок.

— Верно! Вы говорили о снимке, Рене, — поддержал Блекмен.

— Пристегните ремни, джентльмены. Снимка нет, — спокойно отреагировал Бургильон, — но это уже другая история, не менее фантастическая.

— Пусть мне отрубят руку, если вы не уговорили этого ловца губок свозить вас на то самое место, в шести милях от Сикиноса.

— Оставьте свои конечности при себе, Джерри. Они нам еще пригодятся. Старик не знал ни точных координат, ни даже приблизительных примет, по которым можно было бы хоть как-то сориентироваться. Не запомнил. Как-никак эмоциональное потрясение. Слухи о его находке, разлетевшись по Кикладам, достигли ушей Марка Уинсли, ученика и последователя великого Эванса. Он и убедил Льва отправиться на Сикинос, но закончилось это печально. Через восемь дней пустую лодку выловили на Крите, у Закроса. Что случилось с людьми, так никогда и не узнали. Как писалось в романах, трагическое происшествие только усугубило и без того мрачную тайну.

— Я бы сказал — очаровательную.

— Рад, что вы так считаете. За счастье прикоснуться к неизведанному не жаль отдать жизнь. Особенно когда и так осталось немного... Уинсли перевалило за семьдесят, и он был моим другом... Его подарок, — барон положил на место черепок с критской надписью. — Мне довелось побывать на раскопках храма, стоявшего некогда на вершине горы Лазарос. Марк нашел там три высохших тела, фактически превращенных в мумии. Одно, принадлежавшее юноше, лежало на жертвеннике в позе, не оставлявшей места для сомнений: согнутые в коленах ноги связаны, горло перерезано. Потолочный свод рухнул в самый кульминационный момент жертвоприношения. Рабочие извлекли из-под груд камня останки старика, по всей видимости, жреца. Череп проломлен в нескольких местах, под разбитыми фалангами ритуальный нож. Жрицу толчок застиг у выхода. Ее придавило поперечной балкой. Мы стали свидетелями последних минут Минойской империи. Миф о Минотавре определенно говорит о человеческих жертвоприношениях, хотя раскопки Кносса свидетельствуют об обратном. В период расцвета светлой и жизнерадостной минойской цивилизации архаические обычаи канули в Лету. Однако гнев богов, сокрушивших Тиру и последовательно, удар за ударом, изничтоживших критские полисы, заставил прибегнуть к самым крайним мерам. В чудом уцелевшем святилище была предпринята отчаянная попытка умилостивить владык бездны и спасти хотя бы последние крохи, но едва струйка крови сбежала с каменного желоба, как яростно содрогнулись недра. Вместе с храмом обрушился и Кносский дворец, дольше всех сопротивлявшийся буйству стихии. Тектонический пик, довершивший опустошение, совпал с конвульсиями жертвы. Вы понимаете?.. Сложились ритмы агонии человека и мира... Я вышел на белый свет потрясенным. Далеко-далеко во все стороны простиралась бескрайняя синева. Безоблачное небо сливалось с вечным морем. Какая-то посторонняя сила заставила меня оглянуться: на каменной балке, похоронившей жрицу, различался ужасный лик со змеями в волосах... Знаете, о чем я подумал тогда?

— О Медузе, — с мрачной уверенностью сказал Климовицкий.

— Я ее пожалел. Греческие герои не знали жалости, уничтожая чудовищ. Персей фактически поднял меч на беременную. Медуза зачала от Посейдона, заметьте — божественного отца Тесея. Из крови, пролившейся на землю, появились Хрисаор и Пегас, родилась, в конечном счете, поэзия...

— Кто такой Хрисаор? — заинтересовался Блекмен. — Первый раз слышу.

— Паук прядет свою сеть, все сложнее рисунок, но не дано прочитать, не дано... Хрисаор означает по-гречески Золотой меч. Не знаю, как он выглядел, только рожденный им от океаниды Каллирои сын Герион вырос трехглавым великаном. Он жил на острове Эрифия, что означает «красный», иначе говоря, расположенный на закате, на западе. Гериона убил Геракл. Ведь красавцы полубоги на то и существуют, чтобы сражаться с уродами.

— Вижу, вы не слишком жалуете античных героев.

— Нет, Джерри, я занимаю нейтральную позицию. Вспомним Гегеля. Он говорил, что между двумя крайностями лежит проблема. Я склоняюсь к тому, что прекрасное неотделимо от чудовищного и, конечно, наоборот. Прав античный мудрец. Аполлон и Гадес — один бог. Свет солнца и тьма преисподней, бессмертие духа и бренность плоти. Не знаю, что ожидает нас там — на дне, в шести милях к норд-весту от Сикиноса, но меня не покидает чувство близости... даже не знаю чего. Чуда? Разгадки?..

— Посвящение в таинство предполагает переход через смерть, — подсказал Блекмен.

— Поэтому я и хочу первым опуститься под воду, и вы мне поможете.

— Вам нельзя с аквалангом.

— Мне все можно, но я боюсь Ампаро... Ладно, шутки в сторону. Не сочтите меня сумасшедшим, но я не знаю, откуда взялось это изображение, не знаю! Не исключено, что сам же нарисовал его на экране компьютера, а затем и отпечатал на принтере. Хоть убейте: не знаю, не помню...

— А вы попробуйте, — участливо посоветовал Блекмен. — Для начала постарайтесь восстановить обстановку.

— Думаете, я этого не делал? Сколько раз!.. Хорошо помню, что ровно в восемь вечера по Гринвичу началась наша интернетовская конференция в реальном времени и аудиовизуальном режиме. Соответствующим оборудованием, кроме меня, располагали человек семь или восемь.

— Атлантида?

— Лингвистические и этнологические аспекты. Вы должны знать. Я разослал резюме всем членам клуба. Многие потом запросили компакт-диски.

— Значит, вы записали конференцию?

— Записал, но уверяю вас, что ничего сколько-нибудь значительного сказано не было. Все та же привычная жвачка, если не считать оригинальной идеи из области гематологии. По-видимому, я был утомлен, потому что уснул перед самым окончанием. Вырубился... Проснулся уже на рассвете, в шестом часу. Светился пустой экран, телефонная трубка была

снята, а на полу валялась распечатка. Я связался со всеми участниками, но никто ничего не заметил. Конференция закончилась, как положено, заключительным словом ведущего. Связь не прерывалась. На мое фактическое отсутствие не обратили внимания. Я спал, если спал, с открытыми глазами. Думайте, что хотите, но больше мне нечего сказать.

— На диске изображения нет?

— Даже намека. Я проверил тут же на месте.

— А как у вас вообще с компьютерной графикой? С мультипликацией?

— Иногда играю в виртуальную реальность. Брожу по улицам несуществующих городов. Дальше приблизительной реконструкции не заходило: Кносс, Платонида[1]. Но чтобы такое!.. Нет, я далеко не Леонардо.

— От всемирной паутины можно ждать чего угодно, — попытался найти объяснение Блекмен. — Чья-то глупая шутка, проделки хакеров, наконец, вирус?

— Вирус! — осенило Климовицкого. — Конечно же, вирус!.. У нас в Москве нечто подобное приключилось на телевидении. Миллионы людей наблюдали на своих экранах разные демонические образы, но на кассетах ничего похожего не оказалось.

— В самом деле? — заинтересовался Бургильон. — А сами вы видели?

— К сожалению, нет. Я редко смотрю телевизор.

— Что-то такое, кажется, было об этом в «Нью-Йорк Таймс», — припомнил Блекмен. — Какие-то рогатые существа, скелеты?.. Я подумал, что русские просто слегка сбрендили от свободы. Эдакий круглогодичный хеллоуин[2] — колдуны, астрологи, вампиры, призраки, ведьмы. Печально, но, наверное, иначе и быть не могло? Еще вчера — все нельзя, а сегодня — все можно, даже то, что нельзя никогда. Прости, Пол, но такое явление, как черный маг на государственной службе, да еще в Кремле, под боком у президента, ни в какие ворота не лезет. Нэнси Рейган только сунулась к астрологу, так ей такого перца задали...

— Это правда, Пол? — барон удивленно поднял брови. — Ходили такие слухи.

— Слухи! Вся американская пресса стала на уши. Я сам читал перепечатки из московских газет: «Башня Мерлина в Кремле».

— Он пытался лечить вашего президента, этот новоявленный Мерлин?

---

[1] Атлантида по описанию Платона.

[2] Карнавал нечистой силы в ночь Всех святых.

— Генерал из бывшего КГБ, — подлил масла в огонь Блекмен. — Наводил страх на высокопоставленных чиновников.

— Даже так?

— Не думаю, — помрачнел Павел Борисович. — Как вы знаете, болезнь серьезная и встал вопрос об операции, но Джерри прав: симптомы разложения налицо. Остается надеяться на лучшее. Все-таки президент разогнал своих нерадивых охранников вместе с их черными магами.

— И сумел выиграть выборы. Это главное... Будем молить Бога, чтобы операция закончилась благополучно. Я и сам подумываю о шунтировании, — Бургильон деликатно переменил тему. — Значит, вы подозреваете вирус?

— Единственно разумное объяснение.

— Очень возможно. Я сейчас припоминаю, что под самый конец конференции к нам попыталась подсоединиться миссис Ларионова, но не удержалась на проводе. Мелькнула на экране и пропала... Да, похоже, вы правы. Для вируса достаточно гигасекунды: сигнал распространяется со скоростью света.

— Ларионова! — встрепенулся Климовицкий. — Какая Ларионова?

— Антонида Ларионова, океанолог из Москвы. Она постоянно участвует в наших конференциях.

— Запросите ее по электронной почте, — с трудом выдавил из себя Павел Борисович и отвернулся, до боли закусив губу.

Паук — Абсолют не уставал совершенствовать свое вневременное сооружение, добавляя все новые судьбоносные нити.

В иллюминаторы ударили первые капли дождя.

ФАЙЛ 046

РАСКОДИРОВАННЫЙ ПЕРЕХВАТ
телефонного разговора между
московским бизнесменом А. Л.
и нью-йоркским брокером А. Л.[1]

Y: Ты сумел заработать и на болезни, и на выздоровлении Президента, дай Бог ему долгой жизни. Молодчина!

X: Во-первых, не «ты», а мы, так что не пой Лазаря, и, во-вторых, не на болезни, а на информации. Выигрывает тот, кто узнает раньше других и первым пускает в дело. Просчитать реакцию рынка — дело техники.

---

[1] Материал был подброшен высокопоставленным чиновником одного из силовых ведомств в одну из московских газет.

Совпадение инициалов показалось редакции несколько странным, но выход из положения удалось найти, заменив их на X и Y.

Y: Чем кончился тот скандал? С коробкой из-под ксерокса?

X: Почему это тебя так волнует? Я здесь и спокоен, ты — там и мечешь икру. Нам-то какое дело? Следующие выборы пройдут в новом тысячелетии. Тогда и станем колбаситься.

Y: Мы все тут переживаем за вас.

X: Если ты такой патриот, то почему не возвращаешься?.. То-то! По мне, так лучше б никаких выборов. Дайте миллионов двести, и я сделаю вечного хозяина.

Y: Как это, вечного?

X: Виртуального.

Y: Не понимаю.

X: Ну еще бы, тебе понимать!.. Ты сам, например, лично видел своего саксофониста? Кстати, поздравляю с благополучным избранием. Мне этот парень нравится, честно... Так видел?

Y: По телевизору, но если очень захочется, махану в Вашингтон.

X: И будешь неделями слоняться у Белого дома?.. Подавляющее большинство людей видит своих лидеров только на экране. Откуда нам знать, что они существуют на самом деле?

Y: Ты серьезно?

X: Серьезнее, чем ты думаешь. Поднапряги извилины.

Y: Президент встречается с министрами, конгрессменами, главами правительств разных стран — мало ли... есть, наконец, первая леди, дочь!

X: Полагаешь, что все это нельзя впрограммировать?

Y: Смонтировать?

X: И смонтировать, между прочим. Виртуальные технологии достигли такого совершенства, что уже сегодня никакая экспертиза не сможет отличить подлинник от подделки. В крайнем случае, это потребует несопоставимых затрат. Но я смотрю гораздо дальше — в третье тысячелетие... Электронный призрак, дающий картинку, не отличимую от живого человека, но действующий по специальной программе. Им можно манипулировать сколько угодно, если только... (Смех.)

Y: Чой-то ты развеселился?

X: Если только он сам не захватит власть.

Y: Фантастики начитался или крыша поехала?

X: Помяни мое слово: годков эдак через двадцать мы столкнемся с такой проблемой. Виртуальный призрак, даже с интеллектом ниже среднего уровня, сможет оказать колоссальное влияние на весь ход мирового процесса. В его полном распоряжении окажется паутина, компьютерные сети в целом, а значит, телевидение, финансовые потоки, космические аппараты, транспорт — в сущности, все. Виртуальные технологии, собственно, и разрабатывались с целью максимального при-

ближения к реальности. Никто и не заподозрит, что за обаятельным отцом нации и другом детей стоит всего-то комбинация электронных сигналов.

У: По Сталину соскучился?

Х: Как был в совках, так и остался. Кому нужна диктатура в постиндустриальный век? Информатика требует демократических институтов. Олигархия? Возможно, но опять-таки при демократическом декоруме. Она и будет фактически управлять, а виртуальный образ придаст ей стабильность.

У: Выборы, значит, отменяются?

Х: Зачем? Но через паутину, старичок, нажатием кнопки. Программа остается той же. Меняется только облик призрака. Приходит более молодой и энергичный. Семья тоже что надо: очаровательная супружница, образцовые мордочки детишек.

У: Утопия.

Х: Как знать... Но пару-другую миллионов я поимею.

У: У вас?

Х: Мы пока не доросли. Где-нибудь найдутся серьезные люди. Но это так, отдаленные намерения. Для тебя я тоже кое-что подготовил.

У: Ты, хоть и гений, но с заскоками. До встречи?

Х: До встречи.

Паутина

Оригинальную форму протеста против ядерных испытаний, проводимых Францией в Тихом океане, предложила организация Объединенная социалистическая молодежь Каталонии. Она обратилась... к «информационным пиратам» Испании с призывом ввести вирус в международную компьютерную сеть «Интернет», которая используется французами при произведении ядерных взрывов. Тем самым, по мысли молодых социалистов, можно сорвать проведение очередных испытаний атомного оружия... «Необходимо использовать все возможности, в том числе и технического характера, чтобы приостановить ядерные испытания, несущие угрозу всему человечеству», — говорится в документе. Авторами документа особо отмечается, что в Уголовном кодексе Испании отсутствует статья, карающая за проведение акций, связанных с проникновением в «Интернет».

Между тем молодые политики, кажется, совершенно не задумываются о том, что значительно больший урон эта акция может нанести не французским военным, а рядовым пользователям «Интернета», каковых насчитывается в мире свыше 40 миллионов.

Магия

МАГИСТР
ЧЕРНОЙ И БЕЛОЙ МАГИИ
Поможет в решении многих проблем. Избавит от хронического невезения, порчи и сглаза. Сделает личный талисман и оберег. Поможет в бизнесе. Приворожит и избавит от соперницы. Погадает. Гарантия 100%.

Интим

ДЕВУШКИ
сделают эротический массаж, поднимут настроение, помогут хорошо провести время. Апартаменты. Сауна. Круглосуточно.
ТАТУИРОВКИ И ПИРСИНГ (прокалывание пупков, губ и др.). Профессионально, стерильно, с обезболиванием. Эксклюзивные работы, реставрация. Оборуд. и краска (США), в продаже.

ФАЙЛ 047

Эхолот вычерчивал пологую линию. Изредка она поднималась до искомых глубин, чтобы вскоре заплясать у семидесятиметровой отметки. Рыская в шестимильной зоне, яхта на самом малом ходу трижды обогнула Сикинос. Курсограф покорно рисовал фигуру, похожую на диск циркулярной пилы со все более мелкими зубчиками. Подводный прожектор тщательно ощупывал каждую складку, каждый поросший травой и облепленный устричными колониями камень, но ничего похожего на статую так и не высветилось в таинственной глубине.

Лежа на кожаных подушках в смотровом колодце, Климовицкий до боли в глазах всматривался в завораживающую бездну, проплывавшую за четырехдюймовой толщей акрила. Мелькание планктона напоминало метель. Вспыхивая многоцветными искорками, бились и пропадали в сквозных лучах фантастические существа: прозрачные льдинки рачков, розо-

ватые на просвет кальмарчики, пульсирующие кружевными оборочками медузы. Выскочила и отпрянула в сторону словно бы скроенная из тряпичных лоскутков рыбешка. Расходящимся клином пронеслись осторрылые сарганы.

Подводные сады поражали буйством красок и немыслимой изощренностью форм. Все цвело и взаимодействовало, пребывая в непрерывном движении. Павлу Борисовичу впервые довелось воочию увидеть живые кораллы. Ячеистые фестоны мадрепоров перемежались ажурными переплетениями горгонарий и шляпками мозговиков, испещренными рельефными извилинами.

Пестрые, юркие, словно колибри, коралловые рыбы деловито сновали среди изысканных, как хризантемы, актиний, плотоядно раскинувших щупальца. Высунулась, приоткрыв зубастую пасть, любопытная мурена и, взметнув песок, юркнула обратно в расселину. Вытянувшись в непрерывную цепь, брели в полунаклонной позе лангусты. Как слепцы у Брейгеля.

Стоило претерпеть любые превратности, чтобы хоть одним глазком заглянуть в райские кущи Нептуна, где жизнь и смерть идеально уравновешены и нет места для безумств человека.

Когда дно совершенно скрылось из глаз, Климовицкий с сожалением выключил прожектор. Заработали двигатели. Четвертый круг завершался все так же безрезультатно. Ради нескольких чугунных ядер времен наполеоновских войн и амфоры с отбитой ручкой Бургильон не счел нужным становиться на якорь. Ночь решено было провести под защитой волнорезов Иоса. Успокоительно помигивали маяки на прибрежных скалах, указывая проход между острыми рифами, над которыми, тускло вспыхивая в лунном свете, взлетала пена. Жгучий рубиновый огонек обозначил вершину острова, где, по преданию, родился Гомер[1].

Окаймленная ожерельем фонарей, призывно переливалась, отражаясь в зеркале акватории, набережная. Бархатная мгла окутала лесистую гору с ее древними руинами и заколдованными гротами — приютом фавнов и нимф.

Ужинали при свечах. По такому случаю Ампаро надела черное шелковое платье с вырезом на спине, а Блекмен нарядился в смокинг, нанеся Климовицкому удар ниже пояса. Затрапезная курточка в шотландскую клетку никак не соответствовала вечернему протоколу. Выручил барон, явившись к столу в повседневной рубашке, скромно дополненной шейным платком. После двойной порции виски, принятой в качестве аперитива, Павел Борисович освоился с торжественной обстановкой и

[1] Из островов и городов, претендовавших на право считаться родиной Гомера, наиболее оправданными считаются притязания Смирны и Хиоса.

перестал комплексовать. Олью, которую он приготовил по указаниям Ампаро, смолотили в один присест. Морской воздух и позднее застолье как нельзя лучше способствовали аппетиту. Перед десертом Бургильон сел за кабинетный рояль.

Исполнив «Болеро» Сарасате, он пригнулся к клавишам и принялся одной рукой наигрывать прерывистую мелодию, чередуя долго звучащую ноту рассыпчатым туше и выжидательной паузой.

— Как, по-вашему, что это? — спросил, опуская крышку. — Ампаро, молчи!

— Понятия не имею, — признался Климовицкий.

— Я тоже, — пожал плечами Блекмен. — Словно кто-то шлепает по болоту.

— Очень близко, — поощрительно улыбнулся барон. — Видимо, я не слишком опытный пианист... Это «Песня аиста». Я впервые услышал ее в Сенегале и, поверьте, явственно видел, как гордо вышагивает голенастая птица, выискивая лягушек в воде. Ритм, точно соответствующий движениям.

— Сыграйте еще раз, — попросил Павел Борисович. — Теперь и я вижу, — сказал, прослушав с закрытыми глазами. — Именно — вышагивает! И внезапно наносит точный удар.

— Следуя принципу всеобщей связи, мелодическое течение выражает согласованные эмоции, а значит, и адекватные символы. Как в магическом орнаменте, звуковую символику можно передать, не углубляясь в суть взаимодействующих явлений. Пентатоническая гамма соответствует, скажем, любой пятичленной группе. Тем же стихиям, хотя бы... Семь нот диатонической гаммы и лада отвечают астробиологическим вибрациям, гармонии сфер. Додекафоническая музыка как нельзя лучше подходит к Зодиаку и месяцам года. Связь символики с самовыражением обнаженно проявляется в первобытных формах, будь то музыка или пещерная живопись. Отсюда почти буквальная передача движений и ритма. Как в «Песне аиста», как на фреске с антилопами в Акротири.

— Антилопы — орикс, позволю заметить, — уточнил Блекмен. — Откуда они на Тире?

— А обезьяны откуда? Лишнее доказательство проникновения минойцев глубоко в дебри Африки.

— По-моему, прелесть древнего искусства в том, что оно излучает напряженную эротическую мощь, — высказала свое отношение Ампаро.

— Сеньора права, — подхватил Бургильон. — Мужское и женское заключено уже в самой форме музыкального инструмента, не говоря о звучании. Создаются очаровательные контрастные пары. Флейта, к примеру, мужская, фаллическая по виду, изначально женственна. Светлые серебряные тона и

пронзительная высота звука придают ей влекущее очарование женской тайны. С другой стороны, еще более древний инструмент — барабан — выражает, как и всякий сосуд, средоточие женственности, но в его рокочущих низких тонах оживает боггромовержец.

— Ян-инь китайцев, — подсказал Блекмен. — Свет и тьма, сухое и влажное. Полярности, слитые в первичном гермафродите. Искусство выражает неосознанную тоску по насильственно отторгнутой половине. Это находит выражение в неодолимой тяге мужчины к материнской груди. Отсюда многие наши шалости, джентльмены.

— Самоубийственная тяга, — горько усмехнулся Бургильон.

— Почему? Вместо материнских сосков мы получаем множество иных. Приятный поиск.

— Да потому, Джерри, что это зов смерти. Материнские символы крайне противоречивы. Мать не только родительница, но и устрашительница. Возврат в лоно равнозначен нисхождению в могилу. Еще неандертальцы хоронили покойников в позе зародыша. Юнг упоминает «Трактат каббалы», в котором мать представлена богиней судьбы, олицетворяющей жестокую, безжалостную сторону природы.

— Мне довелось воочию убедиться в этом на Камчатке, — решился поделиться мыслями Климовицкий. Разнеживающее тепло утонченного алкоголя (двенадцатилетний «Чивайс Ригал») развязало язык. — В озеро запустили мальков нерки — дальневосточного лосося. В положенный срок рыба ушла в море, а через четыре года возвратилась обратно. Такова природа любого лосося. Преодолевая немыслимые препятствия, он обязательно возвращается туда, где родился и вырос. Тоже в каком-то смысле тяга к материнской груди. Говорят, что поведением рыбы управляет инстинкт. Не знаю... Я бы назвал это генетическим программированием. Непонятно, как нерка находит дорогу, но не в том суть. Главное в абсолютной безжалостности природы. Наверное, одной рыбине из ста удается, миновав тралы сейнеров и браконьерские ловушки, достичь родных берегов. Затем начинается мучительный подъем по ручьям и рекам, отчаянное стремление хоть на брюхе, но добраться до места. Надо видеть эти прыжки на каменных перекатах! Несчастная нерка бьется в конвульсиях, стремясь одолеть водопады, обдирает бока, прорываясь навстречу течению сквозь теснины между валунами. По берегам ее подстерегают медведи, лисы, хищные птицы и все те же двуногие хищники, но она идет и идет, невзирая на жертвы. Чем ближе желанная цель, тем явственнее метаморфозы. Бока самок раздуваются от икры, а самцы обретают все приметы кинематографических вампиров. Удлиняется, загибаясь книзу, верхняя

челюсть, вырастают огромные зубы, голова покрывается мертвенной зеленью, а тело окрашивается в кровавые тона. Предстоит битва за самку, пусть ритуальная, без смертельного исхода, но отнимающая последние силы у выложившихся до последнего предела чемпионов, чудом сумевших добраться до финиша. Наградой будет смерть. Не пройдет и недели после нереста, как все, без исключения, рыбы усеют дно родного озера разлагающимися телами. В чем смысл этой жуткой мистерии? Он очевиден. Потомство смогут дать только самые сильные и здоровые особи. Как только икра выметана и оплодотворена, жестокая мать сбрасывает их с ковра бытия. Все мы — люди и звери — только затем и существуем, чтобы передать в будущее двойную спираль своих ДНК. Зачем? Не знаю...

— Недурно сказано, — оценил Бургильон, — передать в будущее... Все так. ДНК практически бессмертна. Ее можно извлечь даже из мертвых костей и пустить в работу. Восстановить, скажем, мамонта, саблезубого тигра или какого-нибудь фараона. Только какой смысл? У природы иные цели. Она смотрит далеко-далеко, поверх наших голов. В ней все учтено, как в лагере смерти. Ваши нерки, Пол, что гниют на дне, дадут пищу планктону, который, в свою очередь, вскормит проклюнувшихся мальков. Замкнутый цикл.

— Не обращайте внимания, Пол. Ваш рассказ тронул меня до слез, — благодарно вздохнула Ампаро. — Никакого мужского шовинизма. Не то что вы, — пренебрежительно кивнула она в сторону Блекмена. — У природы нет пола, как нет его и у смерти, а то, что мать всегда готова пожертвовать жизнью ради своего ребенка, ничего не значит?.. Жестокая мать? Природа безжалостна, я согласна, но не жестока. Ни морю, ни земле, ни камням не присуща жалость. Грустно, но это так. Piedad, lastima, compasion, — она перебрала все испанские синонимы, — жалость — всегда женщина. На любом языке.

— Блестяще! — Климовицкий поднял бокал. — Ваше здоровье, сеньора.

— Ну вот! — запротестовал Бургильон. — Стоит завести разговор на отвлеченную тему, как женщины тут же переходят на личности. Недаром у Юнга мать олицетворяет коллективное бессознательное, ночную, левую сторону бытия. Я не вижу здесь ничего обидного. Напротив! Мать питает тот образ души, который мужчина неосознанно переносит на женщину вообще, переходя от матери к сестре, а затем и к возлюбленной.

— Не надо оправдываться, Рене, — Блекмен с вызовом наклонился к Ампаро. — Темное ничем не хуже светлого, а су-

хость не лучше влажности, разве не так? Одно не может существовать без другого. Хотите, докажу на конкретном примере?

— Банальность не нуждается в аргументах, — насторожилась она, заподозрив подвох.

— Как насчет «черной вдовы», дорогая сеньора? Наверное, по-своему неотразимая огромная паучиха настолько не отделяет себя от своего маленького и такого беззащитного партнера, что просто-напросто съедает его со всеми потрохами. Вот уж действительно символ так символ!

— Repulsivo[1], — Ампаро гадливо поморщилась. — Бедные, вы, бедные мужички-паучки...

— Согласись, amada[2], Джерри не так уж не прав. Природа не ведает жалости, но и отвращение ей не присуще. Не бывает хороших или плохих тварей. Все одинаково замечательны и столь же равно отвратительны. Паук, между прочим, многозначный архетипический образ. Вместе со своей паутиной он ассоциируется с мировым центром. Это Майя индусов, ткущая сети иллюзий. Непрерывное плетение паутины сочетается с постоянной готовностью к убийству. Паук одновременно и созидатель, и разрушитель. Он поддерживает стабильность мироздания. Смерть сматывает нить прежней жизни и тут же принимается за создание новой. Пол затронул самую сердцевину. Спираль ДНК — та же паутина. Как спираль галактики, как Всемирная сеть.

— Internet не имеет единого центра, а следовательно, нет и паука, — отрезала Ампаро. — Не надо делать из мухи слона, а из паука — бога.

— Во Вселенной тоже нет центра, между тем... Свято место пусто не бывает.

— Не богохульствуй, Рене! — взорвалась Ампаро. — Не накликай...

— Он прав, — Блекмен осторожно накрыл ее руку своей, давая понять, что не шутит. — Хозяин рано или поздно появится, если уже не пришел. Иначе, откуда эти феномены, эти массовые электронные галлюцинации? По-моему, все очень и очень серьезно. Сильно подозреваю, что наша леди с близнецами порождена недобрыми духами. Кстати, она ведь мать! Жестокая мать?

Ампаро отдернула руку и отвернулась. Гнетущую тишину нарушал лишь мелодичный переплеск за бортом, отзывавшийся неясными вздохами в трюме.

— Как сходится все, — прервал молчание Бургильон. — Над миром явлений всегда владычествовала Луна. Она прядет

---

[1] Отвратительный (*исп.*).
[2] Любимая (*исп.*).

нити человеческих судеб. В ней одной древние видели источник развития и смерти феноменальных форм. Отсюда понятно, почему в мифах ночное светило часто предстает в образе гигантского паука. Наше вечернее застолье приобрело неожиданное направление. Не берусь судить, что стало непосредственной причиной: гримасы Всемирной сети информации или... — пожав плечами, он кивнул на иллюминатор, где жирными блестками переливалась тяжелая, как мазут, вода. — Сегодня ночь полнолуния.

— Мы ходим по кругу, будто вол, привязанный к водяному колесу, — сказал Блекмен, сминая недокуренную сигару. — У нас нет ни малейшего шанса.

— По кругу, — охотно согласился барон, — как на буддийском образе колеса кармы. Паутина несет в себе идею творения и развития — колеса и его центра. На одной из греческих мозаик изображена спираль с Медузой. Смерч, который затягивает в свое нутро.

— Довольно! — Ампаро гневно ударила по краю стола. — Я по горло сыта бредовыми разглагольствованиями.

Перехватив взгляды, которыми она обменялась с Рене и Джерри, Павел Борисович кожей ощутил грозовую напряженность связавшего всех троих поля. Отношения были не из простых. Он попытался хоть немного разрядить обстановку:

— Легче отыскать иголку в стогу сена, чем эту мифическую скульптуру, но мне чертовски нравится сам процесс. Надо только лодку спустить. Пока яхта будет дрейфовать над отмелью, мы можем позволить себе поплавать?

— Поплаваем, и еще как поплаваем! — заверил Бургильон, возвращаясь к роялю, но играть не захотел, передумал. — Я получил по электронной почте ответ миссис Ларионовой, — задумчиво, словно размышляя наедине, произнес он. — Ей не удалось связаться с нами из-за несовершенства телефонных сетей, но она видела нашу леди с младенцами, приняв ее то ли за рекламу, то ли за какую-нибудь заставку. Всего несколько секунд, но видела... Не мудрено.

— Похоже, вас уже ничто не может удивить, — сказал Блекмен. — Даже пришествие Люцифера.

— Я ко всему готов. Наука загнала миф в подсознание, но он вырвался на свободу в киберпространстве. Кто-то считает Всемирную сеть гигантским лоскутным одеялом или блестящей витриной рекламных буклетов, а кто-то клоакой, в которую стекается вся мировая скверна: от детской порнографии до нацистской блевотины... Зеркало не может быть ни плохим, ни хорошим, даже если оно увеличивает изображение. Киберпространство свободно, и это главное. В него выходят по собственной воле, в него несут самое сокровенное. О том, как это

суммируется, не нам судить. Время покажет... Я не устаю восхищаться совершенству плетения. Гермесу Трисмегисту не снились такие узоры, такая чувствительность конструкции к малейшей вибрации самой далекой нити. Вы верите в случайные совпадения, Джерри?

— Верю, ибо в противном случае не остается ничего другого, как уверовать в магию.

— А вы, Пол?

— Не знаю... Смотря какие совпадения.

— Антонида Ларионова прислала свой реферат о необычном поведении угрей... Обратите внимание, Пол! Как и ваша нерка, угри тоже неукоснительно следуют тайному зову природы. Они со всех уголков мира уходят спариваться в Саргассово море, и никуда больше. Ихтиологи проследили маршруты миграций. Эти змееобразные рыбы ведут себя так, словно на дороге через Атлантику перед ними встает земля. Понимаете, что это значит?.. В генах записана география, отличная от современной. Острова, что мешал плыть по прямой, давно нет, а древняя память направляет путями далеких предков... Я рад сообщить, что через несколько дней мадам Ларионова прибывает в Монако, откуда отправится с экспедицией океанографического института в Атлантику. Мы назначили рандеву у острова Наксос. Возможно, удастся несколько дней поработать вместе.

Климовицкий почувствовал, как закачалась палуба.

ФАЙЛ 048

Федор Поликарпович очнулся от острого запаха нашатыря. Стены скупо обставленного кабинета еще вершили плавно затухающее кружение.

— Что с вами? — донеслось, как сквозь вату.

Увидев над собой чье-то участливо склонившееся лицо, сконфуженно улыбнулся.

— Право, не знаю... Голова закружилась. Душновато у вас.

— Вот уж не замечал, но ничего — ситуация поправимая. Желание гостя — закон.

Почувствовав освежающее, вроде бы даже с легким морским привкусом дуновение, Бобышкин понемногу обрел ясность мысли. Ощущал он себя крайне неловко. Сражение было проиграно еще до начала.

— Никак не узнаете меня, Федор Поликарпович? — высокий мужчина в нарядной рубашке в радужную полоску грузно опустился по другую сторону стеклянного столика в жалобно скрипнувшее под ним кресло. От свежевыбритых щек повеяло хорошим английским одеколоном.

— Почему же? — заставил себя улыбнуться Бобышкин, напряженно разглядывая из-под опущенных век резко обрисованный профиль. Кустистые брови, нос сапожком, массивный подбородок с ямочкой — определенно он уже видел этого человека. — Я знал, куда шел...

— В самом деле? И куда же, позвольте спросить?

Легкая ирония, окрасившая барственный, с покровительственным оттенком голос, помогла соединить разносторонние сигналы, атакующие забывчивый мозг. Собравшись в едином фокусе, обоняние, зрение и слух озарили темные закутки мгновенной вспышкой.

— Да ведь к вам, Анатолий Мелентьевич, — нарочито вяло, как бы позевывая от скуки, вымолвил Бобышкин, овладев ситуацией в упорной внутренней борьбе. Меньше всего он мог ожидать, что встретит здесь Серова. — Забыли, чай, приглашение?

— Сюда-то я вас, положим, не приглашал, — больше разочарованно, нежели недовольно, фыркнул Серов. — Позвонить мне не удосужились, Федор Поликарпович? Нехорошо...

— Так уж вышло, профессор, текучка заела, — стремясь перехватить инициативу, Бобышкин доверительно наклонился. — Можно вопрос?

— Давайте, раз вы здесь.

— Знакома вам эта женщина?

— Как будто припоминаю, — кивнул Серов, равнодушно взглянув на фотографию. — А в чем, собственно, дело?

— Имя, фамилию знаете?

— Ольга как будто, а дальше, простите, не помню.

— Маслюкова, — подсказал Бобышкин. Олимпийское спокойствие профессора одновременно и озадачивало, и обезоруживало. — Ольга Маслюкова.

— Да-да, теперь припоминаю. Работала у нас, но недавно уволилась.

— Вот как? — разочарованно вздохнул Федор Поликарпович, вынимая еще один снимок. — А этот молодой человек?

— Витя! — озарился улыбкой Серов. — Славный парнишка, но тоже уволился. Сожалею.

— С чего бы такая текучесть кадров?

— Это, сударь вы мой, не совсем кадры. Скорее пациенты, но, так сказать, временно зачисленные в штат.

— Пациенты?.. Вы знали, что они баловались наркотиками?

— Конечно. Это еще слабо сказано: «баловались». Ярко выраженная наркомания со всеми сопутствующими явлениями, включая абстинентный синдром, ломку. Им пытались помочь, и поначалу процесс протекал довольно успешно, но они, как

говорится, выбрали свободу. Что ж, насильно мы никого не удерживаем.

— У вас что же тут, клиника такая, так сказать, диспансер?

— Не совсем, но по мере сил стараемся облегчить состояние временного персонала. Иногда, должен признаться, удается достичь неплохих результатов.

— Звучит как-то обреченно.

— Что именно?

— Временные пациенты. Можно подумать, что их караулит смерть.

— Нас всех, в конечном итоге, ждет одно и то же.

— В философском плане.

— В самом, простите, обыденном. Прогноз с неукоснительной стопроцентной точностью.

— Но каждого в свой срок, Анатолий Мелентьевич, тогда как вашим, как вы называете, временным помогли умереть раньше срока. Не успели уволиться, так сказать...

— Однако, — Серов не выказал особого удивления. — И как же это случилось? — спросил скорее из вежливости, не выказав вполне уместного в данном случае интереса.

— Вы помните, о чем мы с вами беседовали тогда, в Институте мозга? Я еще снимки показывал...

— Постойте, постойте... Неужели?!

— Да, Анатолий Мелентьевич, точно так.

— Оля и Витя?

— Они самые.

— Черепа с отверстиями? В лобной кости и, кажется, в теменной области?

— Совершенно верно. У вас отличная память.

— Ужасно! Что же вы сразу-то не сказали? Не знали еще? Впрочем, по тем снимкам опознать было решительно невозможно...

— Понадобилось время, чтобы установить личности погибших, получить прижизненные портреты... Я же говорю: заела текучка. Но как только дело начало проясняться, я прямо к вам. Вы уж не обессудьте, что без звонка.

— Забудем об этом. Теперь понимаю, что вас привело. Я, признаться, поначалу хотел от ворот поворот дать, но когда назвали вашу фамилию, передумал.

— И правильно поступили. Ссориться с прокуратурой — последнее дело.

— Э, Федор Поликарпович, тут вы ошибаетесь, батенька, — махнул рукой Серов. — Как говорится, мой дом — моя крепость. Кого угодно наладить могу, ищите потом управу. Как выражается мой внук, в гробу я видал вашу прокуратуру. Коррумпирована почище милиции и чиновничества, вместе взя-

тых, да еще и сугубо реакционна. Знаю, что говорю! Считайте, что для вас сделано исключение. Личное знакомство и референции уважаемых персон как-то обязывают.

— Это вы верно по поводу крепости. Глубоко эшелонированная оборона. Я сперва удивился, но теперь понимаю: наркомания — не шутка. Впрочем, вы говорите, что у вас не психодиспансер?

— Наркомания, как таковая, меня не интересует. Мы отбираем для изучения только лиц с отчетливо выраженным комплексом проскопии.

— Как вы сказали, профессор?

— Проскопии. Так называют способность, зачастую мнимую, предвидеть будущее. У Ольги и Виктора она была достаточно развита.

— Как же вы вышли на них?

— Для подбора подходящего контингента у нас существует специальная служба. Я не вдаюсь в мелочные подробности. К нам поступает много людей, но отсев очень жесткий. Редко кому удается пройти все тесты.

— Они, значит, прошли — Ольга с Виктором?

— Безусловно. Жаль, что не хватило выдержки и терпения. Мы не только стараемся облегчить общее состояние, но и заботимся о своих подопечных. Отлично, по нынешним временам, платим, обеспечиваем полноценным питанием, предоставляем жилплощадь. Извините за шаблонный язык, но это чистая правда... Благотворительность тут ни при чем. Просто элементарная забота об испытуемых. Исключительно для пользы дела.

— Побегов, значит, не опасаетесь?

— Чего-чего?.. Помилуйте, голубчик! Никого насильно не держим. Не нравится — ступай на все четыре стороны.

— Зачем же тогда столь впечатляющая система защиты? Одни лифты чего стоят.

— Лифты? Нет у нас никаких лифтов.

— А камеры эти, вроде кабин со стальными створками? Неужели только для дезинфекции?

— Не только. Вы хоть знаете, где находитесь, уважаемый следователь?

— Пытаюсь понять.

— Ах, только пытаетесь!.. Мы, между прочим, тут генной инженерией занимаемся. Согласно международным правилам, это предполагает высшую систему защиты. В экстраординарных случаях, с нами, надеюсь, ничего подобного не произойдет, уничтожению подлежит вся лаборатория.

— Вместе с людьми?

— Не исключено.

— Сурово.

— На атомной субмарине не легче. Ничего не попишешь: профессиональный риск.

— А чем еще занимается ваше акционерное общество? Если не секрет?

— Разумеется, секрет, но в разумных пределах я готов удовлетворить ваше любопытство. Что, собственно, вас интересует?

— Прежде всего, дырки в черепах, — Бобышкин решил пойти ва-банк. — Надеюсь, они получены не в этих стенах?

— Как прикажете вас понимать? Прямое обвинение или неудачная шутка?

— Ни то ни другое, — покачал головой Федор Поликарпович. — Глас вопиющего в пустыне, профессор. Прошу вашей квалифицированной помощи. Если помните, я еще в прошлый раз задавался вопросом об эксперименте. Теперь же тем более эта мысль не выходит из головы. Войдите в мое положение... Вы же сами только что назвали свой временный контингент испытуемыми? В чем заключаются испытания?

— На этот счет можете не беспокоиться. Мы не занимаемся хирургией. Ни трепанации, ни вживления электродов. Остальное вас не касается.

— Но кто-то ведь произвел трепанацию?

— Ищите и обрящете. Тут я вам не помощник. Не потому, что не хочу, а потому, что не знаю. От нас они ушли живыми-здоровыми. По меньшей мере в лучшем состоянии, чем поступили, — поправился Серов. — История болезни — объективное тому подтверждение. Хотите ознакомиться?

— Будьте настолько любезны.

— Тогда подсаживайтесь к монитору.

Серов набрал код и вывел на экран историю болезни Ольги Маслюковой. Все, как положено: анализы, заключения врачей-специалистов, процедуры, лекарства. Выписка недели на две предшествовала дате смерти, установленной экспертизой. Написать, разумеется, можно все, что угодно, особенно на компьютере, но что есть, то есть.

Не порадовала находками и вторая история. Разве что в анамнезе Виктора значился залеченный сифилис. Об экспериментах над пациентами не упоминалось и словом.

— Для этого существует лабораторный журнал, — объяснил Серов, — но это сугубо конфиденциальная информация.

— Секрет фирмы?

— Если угодно.

— Коммерческий?

— В том числе и коммерческий.

— «Светосила» — закрытое акционерное общество. Как-то

не вяжется с научными исследованиями, а у вас еще и бесплатный медицинский стационар со всеми онерами... Вам не кажется?

— Вы плохо знакомы с современными условиями. Как и многим, нам приходится выживать. Средства на науку и медицинское обслуживание как раз и дает коммерция.

— И чем, простите, торгуете?

— Самым ценным товаром, уважаемый Федор Поликарпович, — информацией.

— Нельзя ли чуть конкретнее?

— Нельзя, но если очень хочется, то можно. Вам ведь хочется?

— Не скрою. Помнится, вы даже обещали показать кое-что интересное.

— Мы, кажется, говорили тогда о призраках?

— Совершенно справедливо. Кража препаратов в Институте мозга, тень Цюрупы и вообще фарс-гиньоль...

— Не спешите с выводами, Федор Поликарпович, все намного серьезнее, чем вам кажется... Впрочем, смотрите сами, — Серов ввел новый диск и, поиграв клавишами, спроецировал на экран изображение знакомого по фильмам кремлевского кабинета. За длинным, покрытым зеленым сукном столом, где обычно располагались члены политбюро или победоносные маршалы, сидели лицом к лицу Сталин и Гитлер. Изображение было четкое и создавало полную иллюзию документальной съемки. Когда же последовательно появились звук и цвет, сцена приобрела все приметы телевизионной передачи в прямом эфире, о чем свидетельствовала и сегодняшняя дата в нижней части кадра и мелькающие цифры бегущих мгновений. Реальные Гитлер и Сталин никогда не встречались. Случись такое на самом деле, они не обошлись бы без переводчиков. Эти же оживленно болтали с глазу на глаз, причем разговор шел попеременно на немецком и русском языке с характерными особенностями произношения и манеры. Зрелище не выдерживало никакой критики с позиций исторической правды, но картина была настолько реальна, что холодела кровь. Детство Бобышкина пришлось на войну и первые послевоенные годы. Он видел живого Сталина на мавзолее и хорошо помнил, как цепенела Можайка, когда по шоссе пролетал кортеж черных лимузинов. Пережитые страх и восторг всколыхнулись в нем едва ли не с прежней силой.

— Ничего себе! — он с трудом перевел дыхание.

— Здорово, не правда ли? — удовлетворенно улыбнулся Серов. — А вы говорите «Московский комсомолец»! Коробка от ксерокса!

— Я ничего не говорю, — Федор Поликарпович едва сдерживал дрожь.

— Хотите, чтоб внесли эту самую коробку? Кого предпочитаете: Коржакова, Чубайса, Поскребышева?.. А давайте-ка Ивана Грозного? — профессор опять поколдовал над клавиатурой, и в дверях возник бородатый царь, вполне узнаваемый, хоть и не похожий на Черкасова в одноименной роли.

Бобышкин мог поклясться, что перед ним живой человек, а не загримированный актер, хотя движения Ивана Васильевича и казались несколько более скованными, чем у мирно беседовавших людоедов.

«Я только словом был государь, а на деле ничем не владел, — болезненно отдуваясь, посетовал царь, водрузив набитую пачками новеньких обандероленных долларов коробку на самую середину стола. — Как лучше, так и делайте; сами ведаете, как себе хотите, — жаловался он и стенал бабьим слезливым тоном, — а мне до того, ни до чего дела нет. Если кто и был казнен, то за свою вину».

«Царь Иван, — не повернув головы, представил Сталин, — великий и мудрый правитель... Одна из ошибок Ивана Грозного, — вождь, однако, не удержался от критики, — состояла в том, что он не дорезал пять крупных феодальных семейств. Если он эти пять семейств уничтожил бы, то вообще не было бы Смутного времени. А Иван Грозный кого-нибудь казнил и потом долго каялся. Бог ему в этом деле мешал. Нужно было быть еще решительнее».

«Следует вешать тут же без всякой жалости, — поддержал фюрер. И, самое главное, не давать времени для длинных речей».

«В тот же день».

«Приводить приговор в исполнение в течение двух часов... Фрейслер уж об этом позаботится. Это — наш Вышинский».

«Я знаю, как сильно любит германский народ своего вождя, — довольный достигнутым единогласием, Сталин улыбнулся в усы, — поэтому я хотел бы выпить за его здоровье».

Как из-под земли, явился лысый человечек во френче с петлицами без знаков различия и разлил по бокалам вино.

— Поскребышев, — прокомментировал Серов. — За историческую точность высказываний отвечаю головой перед каждым из них, — усмехнулся он. — Программировал, сверяясь с источниками... Впечатляет?

— Более чем! Как вам удалось?

— Секрет фирмы. Поведение, речь, мимика — все определяется программой.

— А образы?

— Компьютер синтезирует на основе кино- и фотодокументов. Это как раз не фокус.

— Иван Грозный тоже на документальной основе?

— Тот же принцип, что и у Герасимова. Реконструкция по черепу. Была бы голова, а туловище можно взять у кого угодно.

— Реконструкция по черепу, говорите? Знакомая ситуация, но поворот, должен признать, для меня неожиданный. Один Бог знает, куда это нас заведет. В одном вы правы: ничего не стоит создать любую фальшивку.

— Положим, стоит, и немало, но подпортить репутацию можно кому угодно.

— И на любом уровне, если я правильно понимаю.

— Абсолютно. Представьте себе, например, президента США, подписывающего документ о возвращении Аляски России. Подпись, печать, бланки — все, как в натуре, не отличишь. В конце концов разберутся, но скандал!..

— Пока разберутся, — махнул рукой Бобышкин, — много воды утечет, а то и крови. Стоит только запустить по телевидению... Допустим, Кучма отказывается от Крыма? А?

— Пожалуй...

— Или же наш передает японскому императору всю Курильскую гряду и южную часть Сахалина в придачу, а китайцам — Приморье?

— Быстро вы ухватили самую суть.

— Привычка мыслить в криминальных рамках. Хвастаться нечем: порок примитивен... Скажите, Анатолий Мелентьевич, призраки тоже ваша работа?

— Был бы счастлив ответить утвердительно, но увы... Самому интересно знать, как зовут шалуна. Синтезировать образ не проблема: хоть черта с рогами или наркома Цюрупу. Голограмма — тоже задача для семиклассника, могли убедиться... Но как запустили в телепередачу, ума не приложу. Высший класс. Если, конечно, тут не спонтанная самоорганизация.

— Что еще за самоорганизация?

— Всемирная сеть — сложная многоканальная система, — не слишком понятно объяснил профессор, добавив что-то и вовсе заумное про развивающиеся программы и гомеостат.

Федор Поликарпович понял только, что Серов решительно открещивается от скелетов и рогатых чертей. Остальное как-то пролетело мимо ушей, в том числе и тонкий намек на собственный опыт, а потому маленькое происшествие в библиотеке так и осталось непроясненным. Во всяком случае, Бобышкин никак не связывал свой конфуз с голографией, о которой имел весьма отдаленное представление, хотя и не путал ее, как иные служители Фемиды, с порнографией.

— Если я правильно понял, вы ведете эксперименты с генетическим материалом. Это как-то связано с воссозданием образов? — он кивнул на экран, где зиял пустотой исторический кабинет. — А они куда подевались? Те?

— Отбарабанили свое и слиняли, — пошутил Серов. — Запас речей кончился... А связь самая непосредственная — молекула ДНК. Она включает в себя не только генный набор, обеспечивающий каждому из нас неповторимую индивидуальность, но и, как выяснилось, некий закодированный гипертекст. Он читается не только буква за буквой и строчка за строчкой, но вообще с любой буквы. Слова здесь неразделимы, как в древних манускриптах. По сути, одна бесконечная сплошная строка, закрученная в пространственную спираль. Считывая информацию с каждой последующей буквы, мы всякий раз получаем иной текст. Справа налево и наоборот, вверх, вниз — без разницы. Притом содержание никогда не остается постоянным. Хромосомы в ядре раскручиваются, вибрируют, порождая все новые и новые варианты сюжета. И это не только метафора, сравнение. Компьютерный анализ показал, что структура устной речи и книжного текста математически тождественна генетическому коду. Вы понимаете, что это значит? Клетки обмениваются информацией, ведут между собой бесконечный диалог на структурно близком, но пока не понятном нам языке. В рамках международной программы «Геном человека» мы пытаемся найти ключ к его расшифровке. В отличие от Шамполиона, прочитавшего египетские иероглифы, у нас нет билингвы, спасительного Розетского камня.

— Я многого не понимаю, но мне чертовски интересно, — искренне признался Бобышкин. — Прямо дух захватывает.

— Да, перспективы потрясающие. Мы перешагнули порог «Смелого нового мира»[1]. Внутри яйцеклетки уже в момент оплодотворения закладывается электромагнитный образ будущего организма. Генетический код как бы проявляет себя через голографическую память. Улавливаете связь? Располагая хотя бы частичкой плоти, будь то засохшая капля крови или клочок кожи, мы в принципе можем воплотить конкретную ДНК в компьютерную программу.

— Зачем?

— Чтобы дать новую, пусть на уровне электронов, жизнь конкретному генотипу. Не знаю, к чему это приведет, но проследить интересно. Молекула ДНК может существовать в виде поля и передаваться на расстояние. А организм? Я не вижу принципиальных запретов. Простой пример передачи генетической информации — внедрение вируса. ВИЧ, злокачествен-

[1] Антиутопия Олдоса Хаксли.

ная лихорадка Эбола — не суть важно. Тот же принцип возможно использовать и для волнового внедрения в мозг, чтобы повлиять на него изнутри.

— Страшная вещь.

— Да уж, лазер на молекулах ДНК будет пострашнее водородной бомбы, — самодовольно приосанился Серов.

— И такие работы ведутся?

— А как вы думаете?

— Думаю, что ведутся.

— Появление виртуального призрака, сканированного с хромосом человека, способно вызвать переворот во всех сферах жизни. По понятным причинам американцы ушли далеко вперед. На одной из интернетовских конференций был представлен диалог Эйнштейна с Мэрилин Монро. Созданные компьютером виртуальные персонажи вели свободную беседу на разные темы, пользуясь всем массивом сетевой информации. Это вам не словесные блоки, какими обменивались тут Гитлер со Сталиным, а почти разумная, хоть и банальная речь... Больше того, любой желающий мог принять участие в разговоре, — вкрадчиво понизив голос, добавил Серов.

— Как это? — усомнился Бобышкин.

— Очень просто. Хотите попробовать?

— А можно?

— Почему нет? Наденьте-ка шлем. Я вас сейчас подключу.

Федор Поликарпович не успел опомниться, как увидел себя внутри того самого кабинета. Кожей и собственным весом он по-прежнему ощущал себя сидящим в поворотном кресле, но глазами, ушами, душой — был тут, в недоступном святилище, исторгнутом адом. Раскаленные вольфрамовые нити дрожали в лампочках настенных светильников, бросая отсветы на полированные спинки стульев, отражаясь расплывчатым ореолом в глубине глазурованных плиток калорифера в левом дальнем углу, и, как живые, подрагивали занавески на окнах, и там, на его столе, легкий сквозняк шевелил выколоченный из трубки пепел.

Затаив дыхание, Бобышкин уставился на двери, ожидая, что с минуты на минуту войдут они, эти двое. Пусть виртуальные демоны, электронные призраки, тени, но все же — они... Вот повернулась бронзовая ручка и кто-то невидимый торжественно распахнул обе створки. Испытание не для слабонервных, даже мурашки побежали по коже. На краткий миг возвратилось ощущение детства: полет вниз головой на аттракционе в Парке культуры. Упоительная жуть!..

Но вместо ожидаемого с замиранием сердца хозяина, на ковровую дорожку робко вступила точеная ножка в стоптанной туфельке итальянского производства. С удивлением под-

няв глаза, Федор Поликарпович увидел перед собой Ольгу Маслюкову. Сдув упавшую на лоб прядь, она распростерла исколотые руки и вдруг вспыхнула, объятая синим пламенем, превратившись в ослепительный шар.

Вторично потеряв за последние два часа сознание, Бобышкин потерял и свое Я.

— Как чувствуете себя, Олечка? — услышал он откуда-то из дальнего далека такой знакомый голос.

— Спасибо, Анатолий Мелентьевич, теперь уже лучше, — ответил, с трудом ворочая языком.

— Отвезите его домой, — распорядился Серов.

— Домой? Может, все-таки...

— Оставьте свои замашки. Вы же не киллер какой-нибудь? Чище надо было работать с персоналом.

— Эффект кратковременный. Через неделю-другую придет в себя, вспомнит. У него же и записи наверняка есть?

— Не важно. По моим сведениям, приказ об увольнении уже заготовлен. Очухается как раз к торжественным проводам на заслуженный отдых... Постарайтесь проследить, как поведет себя в первые дни, пока действует чужая генетическая программа.

— Что и говорить, Анатолий Мелентьевич, эксперимент уникальный. Надо же: чокнутая наркоманка в теле прокурора.

— Вам бы все шуточки! А мужик-то хороший...

Паутина

Ежедневно лишь в сфере технической информации фиксируется 20 миллионов слов. Прилежный работник, способный прочесть за минуту 1000 слов, просиживая за этими текстами 8 часов в день, сумеет переварить такой объем сведений за месяц. Когда он перевернет последнюю страничку, выяснится, что за это время накопилось информации еще на пять с половиной лет каторжного труда.

Избыточная информация душит многие отрасли бизнеса. «Избыток информации столь же опасен, как и ее недостаток», — свидетельствует лондонский психолог д-р Дэвид Льюис.

Нынешнее обилие информации, которое захлестывает штаб-квартиры фирм и компаний, может привести к параличу анализа ситуации, затрудняя тем самым принятие

эффективных решений. В потоке самых разнообразных сведений, зачастую противоречащих друг другу, выловить ключевую информацию сложнее, чем найти жемчужное зерно в навозной куче.

Совсем недавно испытанным приемом конкурентной борьбы было утаивание информации. Теперь небезуспешно применяют оружие избыточной информации, заваливая контрагентов массой ненужных сведений и тем самым путая их карты. Это считается «хорошей тактикой».

(IZVESTIA)

Магия

Знахарка, шептуха: предсказание судьбы, заговоры на удачу, счастье, от порчи, пьянства, пропажи.

Интим

Очень красивая, но очень одинокая девушка пригласит к себе или приедет в гости к состоятельному интеллигентному мужчине не моложе 28 лет.

ФАЙЛ 049

Мягко покачиваясь на игривой волне, яхта дрейфовала над банкой в шести с половиной милях к северо-востоку от острова. Как только сигнал сонара поступил на центральный пульт, двигатели автоматически застопорились и прожектор принялся методично обшаривать разбитый на квадраты участок мелководья. Вахту в смотровом колодце несла Ампаро.

— У тебя все нормально? — спросил Бургильон. — Почему молчишь?

— Ничего интересного, — отчетливо прозвучал в динамике ее звонкий, богатый оттенками голос. — Много ли увидишь через эту дыру? Слишком узок угол обзора.

— Она совершенно права, — подтвердил Климовицкий. — Можно пройти в двух шагах от объекта и ничего не заметить... Почему вы назвали своего красавца «Аргусом», Рене? Это же циклоп какой-то... У сына Ниобы и Зевса глаза покрывали все тело.

— Даже если бы днище было целиком сделано из стекла,

то и тогда шанс выйти на цель исчислялся ничтожной величиной. Будем уповать на счастливый случай.

— Вторая неделя пошла.

— Время? Вас еще волнует время? Где бы ты ни жил, чем бы ни занимался, оно идет. В воды Стикса мы попадаем не после смерти, но с момента зачатия... Не будем отвлекаться. Пол, я ввожу последние данные.

Климовицкий послушно склонился к монитору. Четырехзначные числа постепенно сменялись трехзначными. По мере удаления от Тиры донная тефра постепенно шла на убыль. Густая, пронизанная потаенным сиянием синева экрана казалась продолжением подводной бездны, все еще маячившей перед глазами после многочасовых бдений в колодце.

— В каком направлении? — нетерпеливо поинтересовался он, вглядываясь через плечо Бургильона в мелькание цифр.

— Сейчас поглядим, — барон вывел на экран контуры Средиземноморья. Кальдеру Тиры обозначила мигающая звезда, от которой побежали концентрические окружности, захватывая Киклады, Крит, россыпь Спорад у турецкого берега и южную половину Родоса. Затем круг начал вытягиваться с одного бока в неправильный эллипс, обретая очертания артиллерийского снаряда. — Примерно сто двадцать градусов. Вы были правы, Пол: пепел несло на восток, с небольшим уклонением к югу. Это соответствует летнему направлению преобладающих ветров на сегодняшний день.

— Накрыло Дельту и средиземноморское побережье Египта, — удовлетворенно и вместе с тем с затаенным оттенком печали вздохнул Климовицкий.

— И солнце померкло над страной пирамид, и воцарилась осязаемая тьма. Поздравляю.

— Сделаете для меня полную распечатку, Рене? С картой и всей цифирью?

— Без проблем, — Бургильон запустил принтер. — Когда, даст Бог, прибудем в Пирей, у вас на руках будут все доказательства. Надеюсь, даты совпадут.

— Я тоже надеюсь, — благодарно улыбнулся Павел Борисович. Образцы дерева и тефры из Акротиры вместе с контрольными колонками донного пепла он отправил в Афины еще на прошлой неделе, из Пароса.

— Вижу какие-то обломки, — прозвучал по трансляции голос Ампаро.

— Якорь! — молниеносно отреагировал Бургильон.

— Есть якорь! — отозвался с палубы Блекмен.

— Можно сегодня я? — попросил Климовицкий.

— Сделайте одолжение... Только сперва договоритесь с Джери. Сеньора Ампаро нуждается в отдыхе.

— Уверен, что он согласится немного поплавать... Удивительно все же! Основываясь на одних только замерах толщины слоя тефры, компьютер воспроизвел, в сущности, взрыв вулкана. Живая схема гибели Атлантиды!

— Лично меня удивляет другое, — Бургильон задумчиво склонил голову. — Видно, кому-то наши поиски не дают покоя. — Он извлек компакт-диск. — Кто-то считывает информацию.

— Вы уверены?

— Боюсь, что да... Я заметил это еще в тот день, когда по электронной почте связался с миссис Ларионовой. Сперва подумал, что показалось, однако уже на другой день обнаружились признаки взлома.

— Неужели такое можно заметить?

— Вас это удивляет?.. Значит, вы еще недостаточно освоились с реалиями всемирной паутины.

— Это верно. У меня даже нет своего выхода. Пользуюсь чужими компьютерами... Изредка. Сейчас вы тоже выходили в сеть?

— А как, по-вашему, я получил данные по тефре?.. Мой модем вообще не нуждается в предварительном выходе. Я постоянно в сети. Не сочтите меня сумасшедшим, Пол, только мне кажется, будто... — Бургильон оборвал на полуслове и, спрятав диск в футляр, отключил принтер. — Получите свою распечатку и не берите в голову.

— Вы чего-то не договариваете, Рене. Что вам кажется?

— Знаете, что послужило непосредственной причиной гибели Атлантиды?.. Не взрыв вулкана, но гнев богов. Зевс вынес свой приговор, а хромоногий Гефест — Вулкан явился лишь исполнителем.

— Вполне допустимая интерпретация мифа.

— Насколько я знаю, вы доверяете мифу? Иначе зачем вы здесь?

— Скажем так: рациональной подкладке мифа. Шлиман искал Трою Гомера, даже не помышляя обнаружить огрызок яблока, которое Парис вручил Афродите. С меня вполне достаточно вулкана, а гнев богов пусть остается за кадром.

— И напрасно. Не усвоив урок, мы рискуем будущим наших детей. Атланты слишком увлеченно занялись магией, бросив тем самым вызов Олимпу. Есть тайны, не доступные человеческому уму, пределы знания, которые мы не должны преступать. Вас не устраивает Зевс? Отлично! Тогда представьте себе компанию заядлых чернокнижников, которые, образовав магическую цепь, пробудили силы, с коими не смогли совладать. Тартар ответил взрывом. Аид — не только брат Зевса, но и сам Зевс в темном хтоническом облике. Они — одно, эти три брата: Зевс, Посейдон и Аид.

— К чему вы клоните? — озадаченно нахмурился Климовицкий.

— Раса златоглазых тельхинов, обитавших некогда на Родосе, погибла по той же самой причине. — Бургильон проигнорировал вопрос. — В колдовстве они превзошли самих атлантов, за что и были беспощадно истреблены.

— Мы только что видели, что пепел выпал и над Родосом. Остров, как вы сами говорили, являлся частью минойской империи и разделил общую участь.

— Верно, разделил. Вы все правильно понимаете. Рациональная составляющая античного мифа вычленяется достаточно четко, но как быть с его мистикой или, если угодно, с символами архетипа, живущими в нас? Говоря о том, что время магии — вечное теперь, мы как раз и подразумеваем архетипичные образы, подсознание... Что вам подсказывает ваше подсознание, Пол?

— Ничего... Впрочем, не знаю, — смешался Климовицкий.

— То-то и оно!.. А теперь попробуем зайти с другой стороны. Надеюсь, вы знаете, что конференции зачастую проходят в визуальном режиме реального времени?

— И что из этого следует? — вяло отреагировал Климовицкий. Он был слишком занят собой, чтобы должным образом вникнуть в философские рассуждения барона, готового по любому поводу разразиться пространной тирадой. Неожиданно быстро и слишком легко, чтобы в это можно было до конца поверить, разрешилась задача, которая оказалась не по плечу лучшим умам прошлого и настоящего. Остался еще один, последний шажок и, если только достаточно близко сойдутся даты, будет раскрыта величайшая тайна библейской истории, связавшая воедино Ханаан, Египет и Крит. Посторонние звуки — в рубку ворвались завывания электромотора и грохот цепей, и с шипящим всплеском ухнул освобожденный якорь — отвлекли Павла Борисовича от жарких предвкушений грядущего триумфа, отравленных мрачными опасениями, что в самый последний момент Фортуна, как это бывало и прежде, с издевательским смехом повернется спиной. — Наверное, мне пора? — скорее машинально, нежели осознанно, пробормотал он, откликаясь на потаенный зов сверкающей колыбели, где пространство обретает реальную трехмерность, а время растворяется в космической невесомости.

— Не торопитесь, — снисходительно усмехнулся Бургильон, — подойдет Джерри, и вы обо всем договоритесь.

— Я вам стольким обязан, Рене, что любые слова благодарности покажутся бледными. Без вас я бы никогда не совладал с загадкой ветра. Вы решили ее легко и со свойственной вам

элегантностью положили мне прямо в руки. Не знаю, могу ли принять столь бесценный подарок?

— Не стоит преувеличивать.

— И не думаю! Вы говорили о реальном времени? — Климовицкому понадобилось значительное усилие, чтобы восстановить прерванное течение беседы.

— Именно. Причем я не имею в виду только наши регулярные обсуждения. Совещаются финансисты, спортсмены, музыканты, экологи, буддисты, католики, феминистки, астрофизики — кому не лень. В том числе и самые дремучие колдуны: черные и белые маги, шаманы, фашиствующие неоязычники, новоявленные друиды и йоги. Заметьте, Пол, каждую группу связывают общая вера, цель, тонкости ритуала и, уж во всяком случае, полное взаимопонимание. Чем это не магическая цепь древности, способная многократно умножить волшебную ману отдельно взятого адепта?

— Вы верите в колдовство?!

— Поставим вопрос иначе. В духе Шопенгауэра: «Мир как воля и представление». Воля, или, иначе, психическая энергия, действительно сопряжена с паранормальными проявлениями. Не станете отрицать?

— Не стану. Телепатическое общение, ясновидение и все такое.

— Тогда помножьте энергию воли на невиданные возможности всемирной паутины, где спаяны воедино все средства общения: почта, телефон, радио, телевидение и, плюс ко всему, необъятный банк информации.

— Вы правы, — Климовицкий ошеломленно уставился на барона, который, преспокойно откинувшись в кресле, обнюхивал сигару. До болезни он был заядлым курильщиком. — Звучит страшновато.

— Но и это еще не все. Если добавить сюда интерактивные эффекты, а я смею полагать, что используются любые средства, картина вырисовывается поистине угрожающая. Сознательно, случайно — не важно, но срабатывает закон умножения, заложенный в любую достаточно разветвленную сеть.

— Не совсем понимаю, что вы имеете в виду. Интерактивные эффекты?

— Шлем и прочее вспомогательное электронное оборудование уже сейчас позволяют вам активно функционировать в киберпространстве. Допустим, заняться любовью с красоткой, которую вы сотворите по собственной прихоти, чем занимаются многие идиоты, причем не обязательно молодые.

— Как это... по собственной? — смутился Климовицкий.

— Ну, допустим, кому-то захотелось Мадонну с грудью Чик-

коллины и темной, с синевой, кожей прирожденной принцессы туарегов. Элементарно! Или какой-нибудь пассивный гомик возжелал Сильвестра Сталлоне, а активный — Алена Делона.

— Но какое отношение...

— Самое непосредственное, — не позволил договорить барон, отбросив сигару. — Разве у вас в России не продаются такие причиндалы?

— Не знаю, может быть и продаются. Разве что для очень богатых людей?

— Новые русские?.. Да, стоит не дешево, но в принципе неважно, кто и за сколько купит. Вопрос в том, как использует. Я подразумеваю ту же магическую цепь. Получается усиление на несколько порядков. Это уже не электронные игры, а самое доподлинное психотронное оружие.

— Звучит несколько фантастично.

— Только потому, Пол, что вы не знакомы с виртуальной реальностью. Посмотрите хотя бы фильм на интерактивном компакт-диске и поиграйте в варианты сюжета.

— Варианты сюжета? — Павел Борисович страдал, ощущая себя чуть ли не выходцем из каменного века. Соблазнительные картины подводных кущ словно ветром выдуло из головы. — Я сам себе кажусь снежным человеком, но, Бога ради, сделайте скидку на компьютерную безграмотность.

— Как-нибудь вечерком, на досуге, я дам вам возможность слегка позабавиться. Пока же ограничусь простейшим примером. — Бургильон призадумался, но скоро просветлел лицом. — Возьмем самую ходульную сцену. Субтильная красотка стягивает с себя кружевные трусики и входит в душевую кабину, а в это время рука в черной перчатке поворачивает золоченую ручку, и дверь в ванную приоткрывается. Даже дураку ясно, что это убийца. В самый напряженный момент на экране появляются две электронные кнопки: «да» и «нет». От вас теперь зависит, зарежут сексапильную кошечку или же ей удастся спастись. Вот и выбирайте свой вариант фабулы и наслаждайтесь до следующей развилки. Если располагаете необходимой оснасткой, можете даже перевоплотиться в одного из героев. Скажем, в спасителя. Только не забудьте заранее внести в компьютер свое имя. Его будут нашептывать прелестные губки, если вы, конечно, предпочитаете счастливый конец. Ведь ничего лучше, чем брачная церемония или постель, до сих пор не придумано. Впрочем, ничто не мешает пойти по дороге кошмаров. В роли сексуального маньяка вы сможете дать выход самым темным страстям и получить разрядку без вреда для общества. Нравится?

— Не уверен.

— А по-моему — мерзость! Я же говорю, что паутина превратилась в мировую клоаку.

— Но позвольте, Рене, вы совершаете подмену понятий. Интерактивное, так сказать, искусство не обязательно связывать со всемирной сетью. Как у нас говорят, ром отдельно, баба — отдельно.

Пример, по причине языковых трудностей, оказался неудачным. Бургильон не понял, почему в России леди не сочетается с ромом. Климовицкий попытался объяснить, но, не найдя эквивалента ромовой бабе, совсем запутался. «Пропитанный ромом пирог» Рене воспринял уже как нечто третье, завершающее. Сначала русский джентльмен сепаратно опрокидывает стакан рома, хотя, казалось бы, положена водка, и лишь затем отправляется в постель к леди, после чего они уже вместе смакуют ромовый торт, очевидно, свадебный. Немного экстравагантно, но в конечном счете таковы все ритуалы.

— Не я совершил подмену, связав в один агрегат все средства общения и вещания. Запомните мои слова. Пол, с появлением интерактивных приставок к мультимедийному компьютеру человечество перешагнуло порог иной реальности. Мы вступили в мир кошмаров и грез, живущий по своим, непонятным для нас законам. Пробудились древние боги, ожили призраки, и это взаимообменный процесс между нашими душами и паутиной. К чему он нас приведет? Не знаю... Вы спросили, верю ли я в колдовство. Теперь верю! Вот единственно возможный ответ. Отныне реализация симпатических связей обрела аппаратурное оформление. Понимаете?.. Кто считывает мою информацию? Какой Минотавр, какая Эмпуса?..

На Бургильона было больно смотреть. Всегда такой выдержанный, обходительный, импозантный, он как-то вдруг съежился и постарел. Климовицкий подумал, что причиной тому могла стать душевная болезнь, медленно вызревавшая в латентной форме, в одночасье вырвавшаяся наружу.

— Пора собираться, Рене. Время дорого.

— Как таковое оно не стоит и сантима, но светлые часы надо использовать. Счастливо поплавать.

Климовицкий застал Джерри беседующим с Ампаро на юте, в закутке между спасательным плотом и траловой лебедкой. При его появлении разговор оборвался. Судя по взволнованным лицам, он был не из легких.

— Как насчет небольшой прогулки? — чувствуя себя лишним, осведомился Павел Борисович, отводя взгляд.

— Можно, — без особой охоты откликнулся Блекмен. — Для очистки совести. Ампаро как раз пыталась объяснить, что ей там померещилось.

— И что же? Вы говорили про какие-то обломки, Ампаро?

— Похоже на куски мрамора, — поставив ногу на кнехт, она вызывающе вскинула подбородок. — Впрочем, я ни на чем не настаиваю... Это на случай возможных претензий.

— Какие могут быть претензии? — смутился Климовицкий. — Побыть под водой — уже удовольствие.

— Каждый выбирает удовольствие по своему вкусу. Я, пожалуй, ограничусь прохладным душем. В колодце такая жара...

Раскрутив горящий надраенной медью кран, она встала под струю забортной воды. Зыбкая радуга спроецировалась на белом, отороченном кружевами купальнике россыпью павлиньих глазков.

Климовицкий отстегнул брезент, а Блекмен спустил катер на талях.

ФАЙЛ 050

Два микроавтобуса «Мицубиси», оборудованные новейшими приборами для перехвата частот сотовых телефонов, день за днем прочесывали центральную часть города, стягивая петлю вокруг пятачка на скрещении Мясницкой и Сретенского бульвара.

Подполковника Изюмова, лично руководившего операцией, на цель скорректировала однотипного класса машина заводов «Хонда», припаркованная в Костянском переулке, куда в свое время перебралась с Цветного бульвара «Литгазета», чтобы тут и зачахнуть. Никакого отношения к поискам хакера бывший орган бывшего писательского союза не имел, благо совершенно утратил смычку с силовыми структурами. Но для самого Изюмова стажировка в газете перед отправкой в вашингтонскую резидентуру была связана с приятными воспоминаниями.

Бросив ностальгический взор на ободранные остовы старинных особняков, спешно перестраивавшихся под банки и офисы, он сперва не обратил на «Хонду» внимания, но, когда увидел ее на следующий день на том же месте, проявил профессиональную бдительность. Молниеносное сканирование подтвердило возникшее подозрение. Помимо перехвата, притом на тех же частотах, кто-то занимался и микроволновым прослушиванием.

— Похоже, уже охотятся за нашим зверем, — доложил он непосредственному начальнику.

Определить принадлежность тачки не составило особого труда: с конфиденциальными источниками у адмирала Шевцова все обстояло в большом порядке. Он умел не только до-

бывать нужную информацию неформальными способами, но и по-умному делиться деликатными сведениями с особо нужными людьми, притом не без выгоды: одни постоянные пропуска в Кремль и «Белый дом» чего стоят! Зюгановцы и жириновцы, возможно не без основания, тоже считали его своим в доску. Иные высокопоставленные «соседские» по наивности полагали, что обзавелись в лице «Канариса» своим человеком в Генштабе, но они глубоко заблуждались.

Олег Павлович не служил ни соседскому, ни даже непосредственному начальству, не говоря уже о таких возвышенных понятиях, как страна, народ, а тем более — какая-то идея. Они годились для застольных тостов, и то, судя по обстоятельствам. Дружбу как таковую адмирал считал сентиментальной блажью, но дружить умел, как никто. В глазах бывших прогрессистов, на какое-то время возомнивших себя демократами, он выглядел здравомыслящим государственником с либеральными взглядами, а заскорузлые черносотенцы видели в нем сильного человека нужной ориентации.

Сделав несколько телефонных звонков, Олег Павлович скоро дознался, что «Хонда» принадлежит ФАПСИ, а непосредственно перехватом занимается сам Гробников. С таким конкурентом следовало держать ухо востро.

— Он тебя не заметил? — выслушав подробный доклад Изюмова, спросил Шевцов.

— Не думаю.

— Наверняка заметил. Нужно на пару деньков прервать наблюдение и переменить машины.

— Теперь нам хватит одной. По их пеленгу удалось определить дом: тот большой, в самом начале Сретенского.

— А как с Салтыковкой?

— Там сложнее. На бывшей базе-четырнадцать сейчас какая-то хитрая лавочка, вроде бы частная, но активность исключительно интенсивная, на всех диапазонах. Кроме того, под наблюдение взяты еще три возможных объекта: бывший профсоюзный центр, то самое имение — по существу целый поселок, и одна дача с космической связью.

— Частная лавочка, говоришь? У меня на сей счет другое мнение. Похоже, областная прокуратура принюхивается. Словом, есть над чем поломать голову, но погодя, в свое время. Ситуация еще не дозрела. Первым делом этого штукаря за жабры возьми. Дом — это хорошо, а квартира — еще лучше.

— Кто будет брать, Олег Павлович?

— Вопрос вопросов — кому брать, подполковник, и брать ли. Спросил бы чего полегче, — в раздумье Шевцов прошелся от стены до стены, выдерживая подошвы на одной линии, словно манекенщица на подиуме. Он вообще привык делать

все на ходу: говорить с подчиненными, подписывать бумаги, звонить. — Есть мнение, будто нынче любители работать на дядю перевелись? Как думаешь?

— Так точно.

— Ошибаешься, подполковник. Их никогда и в заводе не было. А ведь нужны! Очень нужны... Разве что среди ментов поискать?

— Себе дороже, товарищ адмирал.

— Верно. Сохраним тем не менее здоровый оптимизм. Чудаков на букву «ме» у нас сколько угодно. Размножаются, как кролики. Важно не растеряться от изобилия, а выбрать самого нужного, хоть из налоговой полиции, хоть из той же прокуратуры. Услуга-то пустяковая: взял и передал товарищу, а уж мы долго не задержим, мы с законом в ладу. Согласен?

— Ситуация не простая, — замялся Изюмов.

— А у нас их и не бывает, простых. Ладно, это моя забота. Сперва выверни на лицо[1]. Может, мы с ним полюбовно договоримся? Дружеский визит всегда лучше. Заодно и пару жучков не грех присобачить.

— Понятно, товарищ адмирал.

— Как ведет себя журналюга?

— Ситуация под контролем. Копает, но пока далеко. «Холодно», как говорится. Они на спецназ вышли, месяца два провозятся, не менее.

— Тем лучше, — Шевцов задержал шаг и, круто развернувшись, склонился к монитору. В электронном варианте «Комсомольца столицы» — вот уже год как беспокойная газета была заявлена во Всемирной сети — адмирал не углядел продолжения горячего материала.

«Кость» вела журналистское расследование взрыва, унесшего жизни двоих редакционных сотрудников. Пластит повышенной мощности содержался в конверте, пришедшем по почте. Искать виновника могли хоть до пупковой грыжи, если бы обозреватель Собеляк не связал убийство военного комментатора и его секретарши с опасной темой компьютерного воздействия. На самом деле непосредственной связи тут не было, но, чтобы отвести от дичи, за которой охотился, и не без успеха, сам адмирал, пришлось подбросить толику дезы. Процедуру провели по-армейски грубо, отчего пострадала честь мундира и вообще все безнадежно запуталось. Врали все: генералы, министры, прокуроры, тележурналисты, газетчики, но каждый по-своему.

— Сегодня ничего такого нет, — подсказал Изюмов. — Я с утра просмотрел. Первым делом ее хватаю, проклятую.

---

[1] Установить личность — на воровском жаргоне.

— Но-но! На то и щука, чтоб карась не дремал. Пора научиться управлять ситуацией. Тогда и вредное обернется полезным. Думаешь, журналюги из другого теста слеплены? Все любят сладенькое, всем ласка требуется. Надо бы прикормить подлеца?

— Из каких средств? У этих тариф высокий. Парой лимонов не отделаешься.

— А честь? Она, брат, дороже подмазки. «Береги честь смолоду», — пошутил адмирал. — Окажи ему почет, подполковник. Вместо того чтобы уходить в глухую оборону, пойди навстречу.

— Каким образом? — ожидая подвоха, насторожился Изюмов. Вылезать на линию огня никак не входило в его намерения. Пусть «Канарис» сам отдувается или поищет другого чудака на любимую букву.

— Пора перенимать соседский опыт. Они давно работают с пишущей братией. На «Звездочку» надежда плоха. Кто ее видит, «Звездочку»?

— Лично я для связи с прессой не очень-то подхожу.

— А ты мне и не нужен для связи. Важен первый шаг, понимаешь? Для начала возьми его на операцию, обозревателя долбаного. Электронное воздействие? Да, вы были правы, мэтр! Имеет место. Манипулирование поведением через подсознание? Возможно! Массированная обработка электората? Какой ужас! Будем искать! Давайте разбираться вместе... Уяснил?

— В общих чертах, — Изюмов мысленно перебрал варианты подхода. — А взрыв? А эти черепа с дырками, что нам приписывают?

— При чем тут?

— Неизбежно возникнет.

— Пожимай плечами, мети пургу: не в моей, мол, компетенции. Не спорь, не отрицай, но и не соглашайся... А «Хонду» обязательно покажи ненароком, словно сам только что внимание обратил. Разыграй сцену, короче.

— И дать понять, откуда ноги растут?

— Ни в коем случае! Пусть ковыряется. Он дошлый... Разве самую малость помочь, чтоб продвинулся в правильном направлении? Но не сразу! По тоненькой, понял?

— Попробую. Водителя придется вовлечь в комедию.

— Он парень сообразительный, подыграет... От черепов уводи, хоть и не мы наследили.

— Не совсем понимаю. На машину с подслушкой навести, а тут прикрывать? Чужого дядю?

— Вот именно. Пока это единственная психа, отмычка то есть, к ихним замкам.

Шевцов отлично владел литературным языком, но мог, спотыкаясь на каждом слове, изъясняться на канцелярском дубовом жаргоне, а то и по фене ботать. В отделе он придерживался золотой середины, играя роль не то отца-командира, не то пахана. Словом, премия «Типун на язык», учрежденная любителями русской словесности, ему не светила, хотя, будь на то необходимость, он мог бы поспорить и с первыми ее лауреатами: премьером и мэром Москвы.

— Как мне на него выйти? — поразмыслив, спросил подполковник.

— А вот этого не надо, алмазный[1]. Он сам на тебя выйдет. Кентоваться[2] не обязательно. Наоборот: делай вид, что тебе его навязали чуть ли не силой. Не проколешься?

— Приложу все силы, — заверил не без вызова Изюмов. Ему претила манера шефа изображать из себя маза — наставника начинающих воришек. И без того грязи по самые уши.

ФАЙЛ 051

Описав плавную дугу, катер закачался в двух кабельтовых от яхты. Блекмен бросил за борт четырехпалый чугунный якорь и принялся прилаживать к спиннингу ставку с блестящими крючками и крашеными перышками, хорошо известную в России как самодур.

Протяжное дыхание моря, сопровождаемое легкими всплесками, сливалось в мерный рокот, навевающий ощущение тишины, сравнимой разве что с величавым безмолвием заоблачных пиков.

— Парни, побывавшие во Вьетнаме, рассказывали, что после боя стрекот цикад бьет по нервам почище разрывов, — Блекмен блаженно потянулся и стащил прилипшую к телу майку. — До чего здорово! — приладив грузило, он ленивым движением закинул снасть. — То, что кажется нам абсолютным молчанием, больше похоже на песню или молитву. Бах, непревзойденный мастер гармонии, использовал в Токкате ре минор гениальный аккорд тишины. Пауза, вознесенная в кульминацию...

Ласковый ветерок покачивал лодку, заставляя туго натянутый пропиленовый трос издавать мелодичные скрипы.

На восходе морская стихия овевает сушу дыханием бриза, чтобы с наступлением темноты всласть надышаться ароматами полей и лесов. Когда в суточном ритме ветров наступает про-

---

[1] Честный — на воровском жаргоне.
[2] Дружить.

межуточная пора, море как бы переводит дыхание, впадая в ленивую дрему. Для рыбалки это самое гиблое время. Сколько ни дергал Джерри, играя упругим удилищем, но так не дождался поклевки.

Климовицкий успел облачиться в облегающий гидрокостюм из губчатого эластомера, надел акваланг и всю необходимую амуницию, включая свинцовый пояс, глубиномер и нож под коленом, но даже самая завалящая малявка так и не соблазнилась навязчивым мельканием петушиных перьев — хотя бы одна для наживки.

Климовицкий спустил страховочный трос, плюнул и протер маску, чтоб не запотевала, надвинул на глаза.

— Ну, я пошел.

— Удачи тебе... Увидишь рыбешку, дерни три раза, — пошутил Блекмен, но Павел Борисович не расслышал.

Опрокинувшись спиной вперед через борт, он распрямился и, энергично работая ластами, отплыл подальше от катера. Перед глазами клокотала пронизанная пузырьками, мутно-зеленая, как нефрит, волна. Море хлестнуло в барабанные перепонки пронзительной разноголосицей скрежещущих звуков, перебиваемых треском и щелканьем. Далеко внизу смутно проступали причудливые колонии кораллов и прорезанные извилистыми песчаными руслами скальные возвышения.

Медленно погружаясь, Климовицкий различил в сизом тумане стремительно перемещающиеся веретенообразные тени. Едва успев подумать об акулах, он быстро сообразил, что это скорее всего дельфины, и поплыл навстречу. Стало понятно, откуда исходят эти короткие, как автоматные очереди, трели. Джерри явно не повезло. Когда охотятся дельфины, рыба стремглав уносится прочь или замирает на дне.

Стая быстро приближалась. Преодолевая опаску, Павел Борисович нашел глазами темный, врезанный в лучистую амальгаму силуэт катера и выжидательно завис, крепко сжимая загубник. Участившееся дыхание дало знать о себе веером улетающих пузырей. Веселые звери, не переставая играть, взяли незваного гостя в кольцо. Судя по светлому крапу на темной спине и темному — на светлом брюхе, это были не знакомые по Черному морю улыбчивые афалины, а какие-то совершенно дикие спутники морского царя. Вытянутые морды и серые отсвечивающие ржавым налетом плавники придавали им неуловимое сходство с волками. Судя по оживленному треску, они обменивались мнениями насчет странного создания с двумя хвостами. Пронизанный ультразвуковыми импульсами, словно вывороченный наизнанку, Климовицкий чувствовал себя не слишком уютно. Мимолетные взгляды умудренно-бесстрастных глаз, не выражая ни малейшей заин-

тересованности, держали его под постоянным прицелом. Оставалось надеяться, что высокий синклит — вспомнилась защита диссертации — проявит благосклонность.

Здесь, на древних путях Аполлона Дельфиния, разумные обитатели суши и моря заключили негласный союз. Дельфины никогда не убивали людей, спасая тонущих и терпящих бедствие корабелов.

Не размыкая подвижного круга, стая продолжала заниматься привычными играми. Матери нежно ласкали детенышей, любовные пары — самец, перевернувшись на спину, подплывал снизу — замирали в истоме. Контакт длился считанные мгновения.

Наблюдая за поведением прекрасных созданий природы, Павел Борисович настолько увлекся, что позабыл, зачем опустился под воду. В памяти всплывали отрывочные, почерпнутые в книгах подробности. Увлекаемый танцем, он и сам закружился в этом жизнерадостном хороводе, потеряв из вида спасательный трос с глубинными метками. Сомкнутые ласты и волнообразные движения тела, по-видимому, пришлись по нраву приматам моря с их развитым мозгом и пагубной страстью спариваться, не помышляя о потомстве, лишь удовольствия ради. Сужая спираль, они отступали в густой синий сумрак, уводя за собой странноватое существо, чьи повадки инстинктивно вызывали чисто родственный отклик.

Пограничная служба Посейдона открывала путь в Атлантиду. Климовицкий настолько развеселился, что выпустил загубник, хватив добрый глоток горькой и едкой соли. Утратив чувство самосохранения, он принялся выделывать немыслимые кульбиты и даже попытался ухватиться за плавник проплывавшего рядом дельфина.

Голова плыла, как от замороженного шампанского, перед глазами мелькали огненные вспышки и по всему телу разлилось немыслимое блаженство. Стало необыкновенно легко и совершенно безразлично, где верх и где низ.

Баллоны с кислородно-гелиевой смесью гарантировали от кессонной болезни, но не от глубинного опьянения. Климовицкий не мог не знать, что даже абсолютно инертный, но растворимый в жирах газ превращается в наркотик, угнетающий деятельность центральной нервной системы. Чем выше давление, тем сильнее наркотический возбудитель внедряется в богатую жирами ткань мозга. Водолаз начинает испытывать своеобразное притупление чувствительности, у него нарушается критическое мышление, появляются зрительные и слуховые галлюцинации. Быстрее всего глубинное опьянение возникает при дыхании обычным воздухом, основу которого составляет азот. Гелий позволяет работать на значительно больших глуби-

нах, но в обоих случаях на первый план выступает углекислый газ, в незначительных количествах попадающий при зарядке.

Быстрее всего пьянеют натуры с неустойчивой психикой, эмоциональные, легко возбудимые. Зачастую достаточно всплыть всего на несколько метров, чтобы избавиться от пагубного наваждения глубины. У пороговой черты опьянение проходит мгновенно и без всяких последствий, но Павел Борисович, потеряв ориентацию, падал в невозвратную бездну.

Якорь удерживал яхту на краю плато, полого нисходящего в узкий каньон, изъеденный гротами, образованными древним вулканом. Миновав заросли морской травы, скользнувшей длинными лентами по обтягивающей резине, Павел Борисович опускался вдоль казавшегося ровной площадкой склона, облюбованного асцидиями, над которыми, ощетинив колючие плавники, кружили яркие, словно райские птицы, крылатки.

Кровь, прилившая к органам равновесия во внутреннем ухе, взрывалась в мозгу ракетами праздничного салюта. Он плыл на это полыхающее свечение, одинокий, счастливый и бесконечно свободный. Дельфины незаметно свернули в сторону и пропали из поля зрения. Зарывшись носами в грунт, вылавливали каракатиц и мелкую камбалу где-нибудь на песчаной проплешине, позабыв мимолетную встречу.

Незаметно густел, уплотнялся сумрак. Чахлые лучи не меняли дивной раскраски подводных ландшафтов, как это бывает при волнении наверху, но все постепенно тускнело, словно солнце кануло за горизонт, и только тот манящий пожар разгорался прощальным закатом.

Последнее, что успел разглядеть Климовицкий, походило на зеркально отполированный диск червонного золота. В его ослепительной глубине померещился невозможной прелести женский лик в диадеме из растревоженных змей. Широко разверстые очи метали молнии, и призывная улыбка дрожала на длинных, капризно выгнутых губах.

— Марго! — радостно вскрикнул Павел Борисович, но поперхнулся, и море вошло в него. И был полет над временем и пространством, и раскрывались сокровенные недра стремительных витков туннеля, объятого вечной мглой. Разделенная перегородками спираль Фестского диска обернулась бесконечными галереями с их ловушками и тупиками. Скорость полета росла, как в стремнине водокрута, затягивая в горловину, где далекой звездой обозначился всепроникающий свет. Солнечным цветком воссиял он во лбу Минотавра-Астерия, но память уже расточалась без тоски и без боли в будущих протуберанцах неисчислимых солнц... «И Лабиринт, и Диск — одно», — мелькнула последняя мысль, сгорев метеором.

Переговоры с Аликом Лещуком, нью-йоркским брокером, Андрей Ларионов вел через Всемирную сеть. Вопрос оплаты, а так выходило дешевле, чем просто по телефону, перед ним не стоял. Экран был необходим для курсовых таблиц и графиков. Массив данных финансовых рынков оказался настолько плотен, что пришлось подключить еще и ноутбук. Алик вообще работал на четырех компьютерах, успевая следить за бегущей строкой, сообщавшей об изменениях, происшедших за ночь в европейских столицах.

— Как быть с красноярским алюминием? — спросил он, завершив сделку по трем пакетам акций. — Конъюнктура после альянса Боинг-Дуглас отличная, а у вас полный спад.

— Война, Алик, вторичный передел собственности. Бывший первый ушел, но зонтик остался. Крутые авторитеты замешаны. Полный беспредел. Раньше чиновник только считал госсобственность своей, а нынче она в полном его распоряжении. Жрут все на корню.

— Мы не сеем, не пашем, не строим — мы гордимся общественным строем?

— Гордиться стало вроде как нечем, зато молиться им самое время. Столоначальников в России больше, чем было на весь Союз. Я бы перефразировал так: не горбатимся мы, не мозгуем — запрещаем, даруем, воруем.

— Ригинально, — одобрил Алик. Он жил в Америке уже тринадцатый год, а манера коверкать язык осталась прежней. Впрочем, не только манера. Лещук по-прежнему с волнением следил за всем, что происходит в стране, болезненно переживая перипетии выборов и раздоры в стане демократов.

В молодости он был ярым антисоветчиком, что проявлялось, правда, лишь в болтовне. Достаточно безобидной, ибо разговоры ограничивались анекдотами и пересказом новостей зарубежных радиоголосов, но чреватой неприятностями. Инфантильный, прекраснодушный, порывистый, Алик не особенно затруднял себя в выборе собеседников. Постоянно готовый ввязаться в полемику с кем угодно, он так и пёр на рожон. Понятно, что подобные эскапады не могли пройти бесследно. Как и всюду, в журнале «Современный Восток», где Лещук подвизался в должности литсотрудника, имелся свой информатор. Не слишком усердный и рьяный, по всей видимости, потому что до поры до времени зубоскальство сходило с рук. Но однажды Алика пригласили в кабинет директора института. Вместо вальяжного академика, числившегося заодно и главным редактором, его встретил вежливый молодой человек, отрекомендовавшийся сотрудником Комитета, какого

именно — не стоило уточнять. Зрак государства просветил бедного Алика насквозь и определил ему точную цену.

Профилактическая беседа, как это называлось, свелась к терпеливому увещеванию и вполне объективному анализу возможных последствий. Лещук понял, что не тянет на громкое выдворение из страны и едва ли будет обменен на крупного деятеля международного рабочего движения.

Трепать языком он не прекратил, но накал поубавил, все чаще прибегая к многозначительной мимике и туманным намекам. Словом, всячески давал понять, что общаться с ним небезопасно. При всем при том, у него достало нахальства оформиться в туристическую поездку. Огорчительный результат, вполне, однако, предвидимый, больно ударил по самолюбию. Лещук ожесточился. Пресловутый «железный занавес» всей своей непомерной тяжестью давил на психику «железно невыездного» Александра Григорьевича.

Ищите и обрящете. Он дознался, что Владивостокское пароходство организует крайне оригинальный круиз по странам тихоокеанского бассейна, но без захода в порты! До такого не мог бы додуматься даже Джордж Оруэлл. А идея замечательная, «ригинальная». Раз без захода, значит не нужен загранпаспорт, а следовательно, оформление с характеристикой — рекомендацией, комиссией ветеранов-партийцев и визой инстанций. Только денежки!

Алик купил путевку и в назначенный час отчалил из Владивостока на белом пароходе. Однажды ночью, находясь в Южно-Китайском море, в виду острова Палаван, он прыгнул за борт и поплыл навстречу маняще переливающимся огням.

Самоотверженный поступок «стойкого борца с режимом и известного диссидента», каким предстал Лещук в местных газетах, обеспечил ему благосклонный прием в американском консульстве, вид на жительство и финансовую поддержку. Его пригласили на «Свободу», где он несколько раз выступил в прямом эфире и в записи, но особого успеха не снискал. По-настоящему удалось развернуться только в русской газетенке «Финансовый вестник». В активе Лещука было добротное экономическое образование, какой-никакой, а все же опыт журналиста-международника и хороший английский.

Там же, в редакции на Брайтон-Бич, и состоялось его знакомство с Андреем. Подающий надежды молодой программист только начал разворачивать свое дело в Штатах и нуждался в рекламе. Они быстро сошлись и стали партнерами. Через два года Алик уже смог открыть свою брокерскую контору.

Обоим доставляло чистую радость свободно трепаться о чем угодно. Имен инстинктивно избегали, хотя разговор и кодировался.

— Заделай контору на Ямайке или Каймановых островах, — инструктировал Ларионов. — Срочно. Я такой ступенчатый джосер разработал, что закачаешься!

— Через паутину? Не мы первые. Уже додумались.

— Будем первыми. Это бомба!

— В чем хоть новшество?

— Подробности при встрече.

— Когда прилетишь?

— Не знаю пока. Скоро.

Андрей и вообразить не мог, что этот его «джосер» поставит в тупик одну из лучших криптографических служб мира. Не помогут оксфордские словари биржевого и блатного слэнга, а заглянуть в обычный не догадаются. Самые опытные дешифровщики будут биться над раскодированным текстом, но так и не дотяпают до фараона, захороненного в ступенчатой — даже это не подскажет! — пирамиде.

— Ты чего замолчал?

— Думаю, — Андрей обратил внимание на муаровую рябь, набегавшую на экран по диагонали. — Позже перезвоню.

Подключив детектор, он разложил волновой пакет на монохроматические составляющие. Так и есть: миллиметровое излучение.

«Засек все же, козел! Ну, ничего: я тебе такого вируса подпущу, что век не отмоешься, и побегать заставлю...»

Прежде чем вновь связаться с Аликом, скоммутировал свой мобильный телефон на номер Эдика Двали. Услышав легкое треньканье, Эдик передвинул рычажок на «ON».

— Алло?

— Привет.

— Андрей?.. А почему не зазвонило? Я случайно услышал...

— У нас с тобой связь такая, интимная.

— Нет, правда?

— Шучу, Эдик, шучу. У меня к тебе просьба. Можешь отлучиться на часик?

— Конечно. Чего надо? Все для тебя сделаю.

— Сгоняешь на Бережковскую набережную? Запиши адресок: дом восемь, компания «Веста»... Записал? Возьмешь экран к монитору четырнадцать дюймов. Всего десять баксов.

— А чего так срочно?

— Значит надо, иначе бы не просил, — с нажимом сказал Андрей. — Очень.

Ему и даром не нужен был этот экран, и «Весту» назвал только потому, что ничего другого в голову не пришло. «Людмила», «Светлана», «Наташа» — какая разница? Лишь бы спровадить скорей. Но «Веста», конечно, правдоподобнее. Какникак компьютерная фирма.

Дав отбой, неторопливо принялся набирать код Нью-Йорка.

— Это опять я, — процедил сквозь зубы с веселой злостью, когда трубку взял Алик. — Давай поговорим минуток сорок.

— Что случилось? — удивился Лещук.

— Ничего особенного. Просто нас слегка слушают.

— Большой брат? — почему-то обрадовался Алик, ощутив освежающее дыхание незабвенного прошлого. — Ты уверен?

— Абсолютно.

— Подай на них в суд. Теперь это у вас можно.

— Ценный совет, — Андрей рассмеялся, — но ты не смущайся, продолжай в том же духе. Главное — не молчи. Сделай им удовольствие.

— Ты серьезно?

— Вполне. Кстати, насчет встречи. Вылечу, как только смогу. Дам знать прямо из самолета. Самое время делать ноги. Декабрь у нас хоть теплый — все рекорды побил, а все ж зима. Солнца хочется, моря. Как там на Каймановых об эту пору?

— Вечное лето, но возможен тайфун.

— Это ж прекрасно: тайфун! Пальмы, казино, серфинг, загорелые телки в бикини и вдруг — тайфун! Потеха...

Эдику не хотелось ехать на эту Бережковскую набережную за каким-то экраном, что так срочно понадобился, но он уважал Андрея, который помог ему приобрести квартиру, хотя классом пониже, но в том же престижном доме, и дал место в гараже. Если б не деловой разговор с Варварой Царапкиной, он бы безропотно подчинился, но перед женщиной не хотелось ронять авторитет.

— Я очень занят, — капризно протянул, когда в трубке уже звучали частые гудки, — но раз ты так просишь, не могу отказать. Придется пойти навстречу. — И, недовольно нахмурясь, бросил Царапкиной: — Умоляет человек!.. Давай вместе смотаемся? Заодно и решим вопросы.

Вопросы касались презентации нового альбома Вики Цыгановой. Эдик Двали давно оставил шашлычную, посадив туда Зураба, дальнего родственника, и при деятельном участии Варвары занялся шоу-бизнесом. Дела шли недурно. На канале «2х2» бил в литавры упоенный звездным триумфом непрофессионализм.

Непонятное раздвоение сигнала заметили в обеих машинах. Опытному оператору не составляло труда определить направление движущегося источника, и, когда в поле зрения возник развернувшийся на площади «Мерседес», ситуация прояснилась.

— Мобильный парнишка, — чуть ли не с восхищением произнес подполковник Гробников, — молотит без перерыва. Удивительно, что еще не врезался до сих пор...

— В прошлый раз у него вроде другая тачка была? — заинтересовался водитель. — Или сменил? «Мерс», конечно, престижнее...

— За них не волнуйся, богатенькие господа!.. Давай-ка сядем на хвост.

— Начинаются фокусы! — спохватился подполковник Изюмов, глядя, как мелькают взбесившиеся цифры на табло определителя номеров... Можно подумать, что задействованы сразу несколько абонентов, — счел он уместным ввести в курс дела корреспондента. — Видите?.. Получается замкнутый круг.

— Это специально, чтобы вас сбить?

— А черт его знает! Может, и специально... Трогай помалу, — кивнул он шоферу в лейтенантских погонах, проводив взглядом пролетевший «Мерседес» и следовавшую за ним на некотором отдалении «Хонду». — Даже интересно...

— Что именно, товарищ подполковник? — насторожился заинтригованный Собеляк. — Кажется, вы были правы насчет микроавтобуса, явно следят. Как вы думаете, кто?

— Мало ли, — уклончиво пробормотал Изюмов. Настырный журналюга обнаружил тенденцию к приручению. Надо отдать справедливость: чутье не обмануло старого лиса.

— Рэкет? — не отставал неугомонный Миша, азартно брызгая слюной. — Или киллеры?

— Не похоже, — Изюмов осторожно вел свою линию. — Не тот почерк.

— Чем не тот?

— В двух словах не объяснишь. Наглядишься с мое, сам поймешь. Тут сложнее...

— Международный шпионаж? — насмешливо прищурив глаз, подзадорил Собеляк. — С Америкой как-никак говорит!

— Я бы не стал отрицать с ходу. Всяко случается. Когда дело касается психотронного оружия, шутки плохи. Все спецслужбы начинают землю рыть. Вопрос не столько военный, сколько политический, да и экономический тоже. Вы это лучше меня знаете. Сами ж писали про всяческих призраков. Правильно, между прочим, вопрос заострили. Уверен, что за вами — я про печатные выступления говорю — следим не только мы.

— Приятно слышать... Если я вас правильно понял, то этот микроавтобус, так похожий на ваш, может принадлежать какой-нибудь параллельной службе? «Соседям», как у вас выражаются?

— Ничего такого я вам не говорил, — Изюмов разыграл

легкое замешательство. — Нашли когда брать интервью! Мы мешаем водителю.

Эдик Двали обнаружил преследование перед въездом в тоннель на бульваре возле Домжура. На Новом Арбате исчезли последние сомнения. Два микроавтобуса с притемненными стеклами шли, как на привязи, выдерживая дистанцию.

Это мог быть только Тофик Гасанов, контролировавший бульварное кольцо от Покровки до Сретенки. Он уже наезжал насчет шашлычной, но Эдик соврал, что продал ее с концами.

— Чего так разогнался? — испуганно встрепенулась Царапкина, когда пролетели на желтый свет, едва не выскочив на тротуар на углу Чайковского.

— С-сиди и не рыпайся!

На набережной красная полоска спидометра пересекла риску 140, и под мостом у Киевского вокзала машину закрутило на скользком месте и бросило по касательной на гранитный парапет. «Хонда», с визгом притормозив, проехала мимо искореженного «Мерседеса», окутанного облаком пара.

Будь Изюмов на месте Гробникова, он, наверное, поступил бы точно так же, но, когда рядом сидит корреспондент, положение обязывало остановиться.

На мужчину за рулем было страшно смотреть: не голова, а кровавое месиво, но женщина еще подавала признаки жизни, хотя лицо тоже было залито кровью и почти наверняка имелись множественные переломы.

— Надо побыстрее вытащить! — подполковник попытался открыть смятую дверцу. Она не поддалась, и он рванул заднюю. — Вызови скорую помощь и ГАИ, — крикнул своему оператору, пытаясь подальше отодвинуть сидение.

Собеляк и водитель кинулись помогать.

— Я ее знаю, — кивнул Миша. — «Добрый вечер, Москва»...

«Час от часу не легче, — подумал Изюмов. — Хотели, как лучше...» — гвоздило в висках изречение эпохи.

ФАЙЛ 053

В шестнадцать часов сорок минут двухкорпусное исследовательское судно «Тритон» обогнуло мыс Сунион и вошло в пролив между островами Кеос и Кифнос. Капитан запросил лоцмана, и, пока дожидались подхода катера, руководитель экспедиции Клод Гранже попытался связаться с «Аргусом», но ответа не получил. Не дал результата и сигнал срочности: троекратное повторение слова PAN. Пришлось переключиться на радиотелеграф. Радист трижды, с нужными интервалами,

повторил группу букв ***, после чего отстучал просьбу выйти на связь.

Ответ пришел минут через десять. Морская полиция Греции предлагала перейти на сотовую связь.

— У них на борту полиция, — развел руками Гранже. — Наверное, лучше вам? — он вопросительно глянул на капитана.

— У аппарата капитан «Тритона» Витторио Скарлати. С кем имею честь говорить?

— Инспектор Караманлис. Куда и откуда следуете, капитан?

— Из порта Ла-Кондамин в Атлантику. Научная экспедиция Океанографического института Монте-Карло. Пограничную и таможенную проверку прошли в Пирее.

— Сообщите ваши координаты.

— Нахожусь на траверсе южной оконечности Кеоса, в шести милях от маяка.

— С какой целью вызываете «Аргус»?

— У нас назначено рандеву для совместных работ. Проблемы, инспектор?

— Проблемы? Мягко сказано, капитан. На борту четыре трупа. Можете оказать помощь в опознании?

— Сейчас справлюсь у руководства. Минуту, инспектор! — Капитан с шумом перевел дух. — Cauchemar! — перейдя на французский, он обрисовал ситуацию и передал аппарат Гранже.

— Мне приходилось встречаться с мистером Бургильоном, — сказал он, прочистив мигом пересохшее горло. — Кто еще был на яхте?

— В журнале записаны Блекмен из Соединенных Штатов, Климовитски из России и гражданка Испании Ампаро Дельгадо.

— Никого, кроме Бургильона, не знаю... Среди нас есть русская дама, но не думаю, что она может оказаться полезной в вашем деле, инспектор. Я очень огорчен.

— Бургильон и Дельгадо постоянно живут на Крите, и мы найдем людей, которые смогут их опознать, но как быть с остальными?.. Все же спросите вашу русскую.

Гранже вызвал по трансляции Антониду Ларионову.

— Бургильона я видела только на экране компьютера, — объяснила она на хорошем французском. — Фамилия Климовицкий мне знакома, но мало ли Климовицких?.. Как хоть его зовут? Запросите полное имя[1]. Пусть посмотрят по паспорту.

— Документов не обнаружено, — последовал ответ. — В журнале значится Павел Б. Климовитски.

---

[1] Prenom — имя (в отличие от фамилии).

— Возможно, я была с ним знакома, — кивнула Антонида Антоновна.

— Очень жаль, если это действительно он. В любом случае — жаль.

— Когда предполагаете прибыть на место? — получив разъяснение, спросил инспектор.

— Передаю связь капитану.

— Мне понадобится около четырех часов, — подсчитал он, справившись с картой. — Ожидаю лоцмана.

— Надеюсь, скоро будет. В случае чего можем и поторопить. Спасибо за содействие, капитан.

Доложили о подходе лоцманского катера. Скарлати распорядился спустить трап, надел форменную фуражку и вышел встречать.

— Кошмар, — повторил Гранже. — Что творится!

— Я-то думала, что такое только у нас, — грустно пошутила Антонида Антоновна. — Оказывается, и тут нет мира под оливами.

— Нигде его нет: ни на берегу, ни в море. Даже на дне. Затопленные реакторы, снаряды с ипритом, ядерные ракеты. Спутники с плутониевыми батареями, и те почему-то норовят обязательно упасть в океан.

— По теории вероятностей. Воды слишком много.

— Вы хорошо знали этого, который там?..

— Не очень, — проронила она, — едва-едва...

К Сикиносу, прямым курсом на юг от Олиороса, подходили, когда Венера переливалась в последних отблесках угасавшей зари. Унесенные с ближних островов мотыльки зачарованно летели на белый огонь фок-мачты, не замечая закрытых щитами — красным по левому, зеленый по правому — ходовых фонарей.

Закрывшись у себя в каюте, Антонида Антоновна думала о Климовицком. Она и вправду почти не знала его. Две или три мимолетные встречи и та, совершенно случайная, в ресторане, когда... Собственно, и там ровным счетом ничего не случилось. Совершенно чужой человек. Нежданно промелькнул и пропал. Она и думать о нем забыла, и не вспоминала про него никогда, и только при встречах с Марго взвихрялся мутный осадок.

Отношения никогда не были особенно теплыми, но декорум соблюдался. Чего делить? О том, что у Марго появился новый друг сердца — Антониду коробило слово «любовник», — она узнала последней. Ну, появился, так появился. Эка невидаль. Брат не интересовался интимной жизнью жены, она отвечала ему полной взаимностью. Современные люди, черт их дери. Мальчишек, конечно, жалко, особенно Владика, но не

лезть же в чужую жизнь. Антонида и вида не показывала. Ей претили всякие там выяснения и вообще бабские разговорчики. С людьми, которые нравились, сходилась легко, но и расставалась столь же бесповоротно и быстро. Середины не признавала: либо друг, либо совершенно чужой. С последней подругой порвала еще в университете и от мужа ушла, не промолвив и слова. Побросала в сумку самое необходимое — и прощай. При разводе вернула девичью фамилию, будто и не было ничего. Недаром ее считали максималисткой и даже прозвали «морской волчицей». Школьная кличка закрепилась надолго. Тина и впрямь любила Джека Лондона, особенно его женщин. С ума сходила от «Прибоя Канака», мечтая хоть одним глазком взглянуть на Гавайи. Смешно вспоминать, но при первом знакомстве Марго показалась ей похожей на Иду Бартон. Такой она рисовалась в воображении. Разочарование пришло чуть ли не на другой день. В реальной жизни не было места романтическим героиням, как, впрочем, и настоящим героям. Идеалом благородства оставался отец и еще покойный Игнатий Глебович, но его Тина помнила плохо.

Ради брата, которого любила, хоть и не могла уважать, приходилось держать себя в узде. Впрочем, и сама Марго не давала поводов для конфликта. Ей можно было поставить в вину все, что угодно: надменность, себялюбие, даже жестокость, но только не ханжество, а это в глазах Антониды перекрывало многое.

Откровенность, пусть и граничащая с цинизмом, обезоруживает. Марго сама развязала язык. Ввалилась как-то, кажется, это было перед самым Новым годом, с елочкой и огромным ящиком, набитым деликатесами из цековской кормушки, и учинила форменный кавардак.

— Не хочу, чтобы вы с рара проторчали полночи у телевизора!

Ничего не скажешь, хороша была, стерва. В норковой шубе, сияющая, порозовевшая на морозе и с такой прической, что закачаешься. Ни меховой шапки, ни платка никогда не носила: блестки снежинок сказочно омолодили ее, завершив марафет.

Само собой, расцеловались по-родственному. Она еще флакон «Опиума» преподнесла к Рождеству. Какое тогда могло быть Рождество, при советской-то власти? В семье вообще чуждались религии. Папин философский буддизм не в счет.

— Знаешь, Тина, — сказала, когда остались вдвоем в антонидиной комнате, — один мой приятель влюбился в твой портрет. Представляешь? Честное слово! Чистая, говорит, «Парижанка»... Сходство и в самом деле поразительное. Можешь гордиться.

— Чем? Сходством?

— Производимым впечатлением. Жаль, что про твой разлюбезный Крит у нас и слыхом не слыхивали, а то бы отбоя не было от женихов, — Марго рассмеялась и прямо в шубе рухнула на диван. Потянулась всем телом, самодовольная, сытая, и, скинув туфельки, бесстыдно раскинула ноги.

— Ты, никак, хватила, подруга! — Антонида всплеснула руками, уловив запах перегара, который не могли заглушить французские духи.

— Есть немного... А у тебя, случайно, ничего не найдется?

— Не добрала?

— Принеси водочки.

Пришлось выпить с ней пару рюмок под колбаску и пикули, что достали тут же из ящика.

— Откуда ты такая? — спросила Тина, невольно любуясь золовкой.

— Какая — такая? Осуждаешь, небось?

— Ни в малейшей степени.

— Представь себе — из парикмахерской. Там же и перехватила слегка, чтобы, значит, снять напряжение. Больно день шамутной, — она вновь издала короткий смешок.

— Ой-ли? «Тройной», что, ли пила в парикмахерской? От тебя виски разит за версту!

— Угадала, — с видом нашкодившей девочки согласилась Марго, — «Балантайн» без содовой и без закуски. Гостиница «Москва»: на втором этаже парикмахер, на верхотуре бармен. Классный мужик... Как меня постригли?

— Прическа — блеск и виски подходящий. Ублажил тебя твой классный...

— Но-но! — Марго отрицательно повела пальчиком. — С обслугой? Уволь. И вообще, чтоб с такой головкой да в койку? Нини! Хоть немного похожу человеком... Если хочешь знать, я предпочитаю днем — в сочетании с хорошим обедом. Сперва в кабак своди, а там...

— Тебе видней, — смешалась Антонида. Все было яснее ясного.

— Не возражаешь, если я вас познакомлю?

— Это еще зачем?

— Пусть полюбуется оригиналом. Сначала портрет, потом оригинал. Мне не жалко — пжалс-ста!

Водка определенно возобладала над благородными парами национального напитка шотландских горцев.

— Портрет? Ты его сюда приводила?

— Не к себе же... Тебя не было, рара на даче. За белье можешь не волноваться: спроворила. Кому убыток?

Антонида вновь не нашлась, что ответить.

Знакомство состоялось через месяц или чуть позже в ресторане ЦДЛ, куда у Марго был постоянный пропуск. Не то чтобы она увлекалась литературой или, упаси Боже, пыталась писать, просто ей нравилось бывать на мероприятиях, о которых говорят: творческий вечер Окуджавы, встреча с редколлегией «Нового мира»... Санины сослуживцы, из прогрессистов, больше питались сплетнями, а она могла при случае врезать фактом. Тина сама была свидетельницей, как досталось одному поклоннику клеветнического памфлета «Челюсти саранчи».

— Белка (это про Ахмадулину)? Ну, и я с ней пила! А что такого? Вы, что ли, не надираетесь до положения риз? Знаю я эти междусобойчики в Сандунах!

Климовицкий не произвел особого впечатления, но сама мысль о том, что рядом сидит человек, который спит с женой брата, возбуждала беспокойно-притягательное волнение. Казалось бы, Антонида должна была ощущать неприязнь к ним обоим, а ее томило сладостное, тягучее и темное, как патока, соучастие. Он пытался острить, не всегда удачно, провозглашал лестные тосты, отпускал комплименты и вообще ухаживал с подчеркнутой галантностью. Стол, надо отдать должное, получился отличный: цельные камчатские крабы, горячие калачи с осетровой икрой, стерлядка на винном пару — чего только не было. Власть умело подкармливала писателей.

— Советую по-ньюбургски, — Климовицкий полил извлеченную из клешни мякоть расплавленным маслом. — Лучше всякого соуса.

— Хорошо посидели, — усмехнулась Марго, когда по пути в гардероб заглянули в дамскую комнату, и, подкрасив губы перед зеркалом, заговорщически подмигнула. — Живем однова?..

«Что еще за «однова»? — не поняла Тина. От отца она знала слово «одновахтенцы» и как-то сама дала ему ход, находясь в экспедиции. Но «однова»?.. Алкоголь настраивал Маргариту на вульгарный, нарочито простецкий лад. В ее манере вести себя появлялось нечто искусственное, привнесенное извне. Она как бы давала понять, что ей все нипочем. «Можешь говорить обо мне, — словно бы заранее предупреждала, — кому угодно и что угодно. Наплевать! Я такая, как есть».

Климовицкий терпеливо поджидал их с шубами на руках. Заказанное по телефону такси стояло у подъезда. Конечно же, Тина ничего не сказала брату. Да он бы и слушать не стал. В приливе откровенности Марго сообщила, что Саня живет с секретаршами.

— И сколько их у него? — попытку свести на юмор едва ли можно считать удачной.

— Меняются по мере продвижения вверх.

— Шутишь!

— Ничуть. Такое у них там пошло поветрие. Уже третий зав. разводится с женой. Седина в бороду!.. Пусть потешатся напоследок. Скоро эта лафа закончится.

После августовского путча лафа закончилась, но далеко не для всех. Многие остались при своих кадрах и почти в тех же самых кабинетах.

Климовицкий помог Антониде вылезти из машины и проводил до подъезда. Искательно заглядывая в глаза, рассыпался в благодарностях.

— Это я должна вас благодарить, — сухо кивнула она и вырвала руку. В ту минуту он был ей неприятен.

Вскоре они случайно встретились в Доме ученых, на каком-то концерте. Обнаружились общие знакомые и, конечно же, интересы. Это теперь на Крит прут все, кому не лень, а тогда... Обоим хотелось побывать в минойском дворце, увидеть фрески и все такое. О Тире Климовицкий, практически невыездной, говорил, как о несбыточной мечте, и ей, совершившей два кругосветных плавания, стало даже как-то неловко. Впрочем, они тут же поцапались. Убежденная сторонница Платониды, Антонида Ларионова считала, что настоящая Посейдония лежит на дне океана в районе Азорских островов. Он спорил яростно, аргументированно и без экивоков. Компромисса достичь не удалось, и это понравилось.

О последней встрече и вспоминать не хотелось. Кровь так и приливала к щекам.

Намечалась встреча старого Нового года в Доме кино. Саня организовал стол на двенадцать персон. Ожидались известные артисты, один очень популярный писатель и, главное, сослуживец с женой, помощник Михаила Сергеевича. Попутно выяснилось, что помощник выше референта, а значит, Саня кровно заинтересован, чтобы, по его выражению, все было тип-топ. Но Марго, как нарочно, под хвост попала вожжа.

Никому ничего не сказав, она съездила в дирекцию и внесла деньги еще за одну пару, а затем объявила, что пригласила нужного человека с супругой. Ну, пригласила и пригласила, только на другой день выяснилось, что супруга то ли занемогла, то ли куда-то уехала и, следовательно, есть лишнее место. Уговорить Антониду («Такого смешного «капустника» ты в жизни не видывала!») не составило большого труда. До самого последнего момента она и не догадывалась об истинной подоплеке. Все стало более-менее ясно, когда рядом с ней очутился Павел Борисович — тот самый «нужный человек»! И попробуй возрази. Конечно же, нужный, если amant[1]. Только чей? Собравшимся, впрочем, это было глубоко безразлично. Пили с

[1] Любовник (*фр*)

каким-то жадным остервенением, даже не столько пили, сколько делали вид, провозглашая похожие на заклинания тосты. С той же лихорадочной поспешностью кидались танцевать, едва оркестр давал первые такты. Всюду — столы были накрыты в фойе — царила атмосфера надрывно показного веселья. Его выжимали из себя по каплям, как водку из опустевшей бутылки — была такая потеха в студенческие годы — ради смеха. Но даже на лицах самых знаменитых актеров — сколько их вертелось вокруг! — не было искренней радости.

Водка, коньяк, шампанское — все вперемешку — понемногу доводили до нужной кондиции. Пошел оживленный обмен визитами вежливости — с невразумительными, но страстными уверениями в любви до гроба и пьяными поцелуями. Один приближенный к властям жрец Мельпомены, воплотивший на экране бессмертный образ главного героя «Малой земли», в припадке верноподданических чувств залил вином золотисто-зеленый наряд Марго. Она и бровью не повела, однако солью засыпала. Спадало напряжение, смягчая черты, отступала тревога, развязывались языки.

Устав предрекать «невиданные перемены, неслыханные мятежи» (как он был прав!), писатель усердно налегал на «Смирновскую». К общей радости, успех главного гинеколога, к которому постоянно подбегали с рюмкой и поцелуями, пусть на миг, но вернул приунывшую музу прозаика, публициста, кинодраматурга, а также поэта. Мэтр выдал неожиданный экспромт, вызвав взрыв хохота и вполне заслуженные аплодисменты.

У Левшанского-хирурга
Есть приятели везде:
Узнает по ... друга,
А подругу по ...

Импозантный и милый профессор не обиделся, но особого восторга не выразил. Так ли было на самом деле в ту ночь или домыслилось позже, Тина не могла припомнить с полной уверенностью. Шел последний год Советского Союза, и пахло большой кровью. Никто не мог предсказать, ни чем закончится, ни во что и когда выльется. Она пила вместе со всеми, половинила, но пила.

Так уж вышло, что выпало ей сидеть, а иногда и танцевать с Климовицким. Уж он-то явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Египет, Ассирия, Персия, Рим — все рушится в конце-то концов, — сказал ни с того ни с сего, уставясь в пустой бокал, будто в магический кристалл вглядывался. — В атласе, помню, полмира было зеленым залито, а где она нынче, Британская империя? И ничего, живут!

Оскорбленная в лучших чувствах, Антонида слушала вполуха, все переживала, что ею нагло воспользовались.

Музыканты, основательно подзаправившись, возвратились на сияющий помост и заиграли «Утомленное солнце» — довоенное танго, которому кино подарило вторую жизнь. Словно весь роковой сорок первый отгремел под тягучую эту мелодию. Помощник генерального пригласил Марго, а Саня, сорвавшись с места, подчеркнуто церемонно поклонился его жене.

Антонида кивнула Климовицкому и потянула его за собой, не выпуская из глаз золотисто-зеленое платье. Возможно, вино ударило в голову или общее настроение сказалось, только, видя вокруг откровенно обжимающиеся парочки, она прильнула разгоряченным телом и щекой прижалась к щеке. Кто первый потянулся губами, она и тогда не помнила, теперь же — тем более, но зато глаза Марго так и впечатались в мозг. Она переминалась в танце возле колонны в каких-нибудь двух шагах, наблюдая с ироничной, даже как будто поощрительной улыбочкой. И тени неудовольствия не промелькнуло. Когда же после «капустника» — и верно, все с хохоту покатывались — Тина с Климовицким спустились из кинозала, Марго так и не появилась. Мужа она увела с собой, что далось, очевидно, непросто, ибо помощник-то остался! Под утро он вызвал машину и любезно предложил свои услуги.

Климовицкий поблагодарил, но сказал, что пройдется пешком, а Тина, кляня себя на чем свет стоит, молча залезла в мрачный, как катафалк, «членовоз». Вместе с тошнотой пришло запоздалое раскаяние. А все шампанское виновато! Ударило в башку, толкнуло на бабскую выходку, а теперь нутро выворачивает. Мерзость...

Остаток ночи пролетел в муторном оцепенении.

С Марго увиделись уже в феврале, когда над грязной, разворошенной, как муравейник, Москвой безумствовала весна света. Про Климовицкого не обмолвились ни словом, ни намеком, а сам он совершенно исчез с горизонта. Оставалось лишь гадать, какое было, если было, у них с Марго объяснение, только она вычеркнула его из своей жизни. Антонида поняла это, когда появился новый ферлакур[1] — совершенное ничтожество, но отменных статей.

«Живем однова».

Смерть чужого — абсолютно чужого! — человека, которого не видела несколько лет, о ком не вспоминала, не думала, не могла вызвать сколько-нибудь глубокого потрясения, но было неизъяснимо грустно. Нахлынули всякие нехорошие мысли о себе и вообще обо всем.

---

[1] Ухажер.

С палубы раздался утробный гудок тифона. Раздвинув занавески, Антонида Антоновна выглянула в иллюминатор. Облитая голубоватым светом прожекторов яхта показалась сверкающей глыбой льда — безжизненным айсбергом, «Летучим Голландцем», заброшенным в непроглядное безмолвие ночи из каких-то иных пространств и времен. Переплеск волн, отчетливо различимый после остановки двигателей, воспринимался как песнь тишины. Медленное приближение сияющего мертвенной белизной борта напоминало стыковку в открытом космосе. Неподвижные, как манекены, выжидательно застыли полицейские с автоматами. Один из них, перегнувшись через фальшборт на нижней палубе, поймал брошенную с «Тритона» *легкость* и, вытянув трос, обмотал его вокруг кнехта.

ФАЙЛ 054

Вторую половину рабочего дня Александр Антонович провел в однокомнатной квартирке на Фестивальной улице. Хозяйка, а вернее, арендаторша, прелестная юная дамочка — действительно прелестная — не разочаровала «состоятельного господина», а именно в таком качестве впервые выступал Ларионов. Обещанного «моря удовольствий» он, возможно, и не удостоился, но только ограниченный субъект все понимает буквально, а в целом придраться было не к чему. Ласковая, веселая, изобретательная, щедра на похвалу, а это подбадривает, и вообще охулки на руки не положишь: затейница.

— Ты у меня настоящая язычница! — не сдержал восхищенного возгласа Александр Антонович.

Замечание, возможно воспринятое несколько однобоко, — он вкладывал всеобъемлющий, общекультурный смысл — привело ее в состояние бурного веселья.

— У тебя, милый! У тебя одного! — заломив руки, она, как умирающий лебедь в балете, опустилась перед ним, уже готовым отбыть, на колени. — Вся твоя! — и попыталась расстегнуть ремень.

К сожалению, время не позволяло. Вызванная по телефону машина уже должна стоять на углу соседней башни. Осторожный Ларионов никогда не называл точного адреса.

Насвистывая, он сбегал вниз по лестнице с четырнадцатого этажа, хотя мог воспользоваться лифтом. Переполняло ощущение бодрости и — черт возьми! — молодости. День сложился удачно, впереди ожидал прием, на котором Александр Антонович надеялся встретиться с нужными людьми и, самое главное, намечалась относительная стабилизация. Президент

вернулся в Кремль, Дума приняла бюджет в третьем чтении, а коммунисты и элдэпээровцы, как и предсказывал компьютерный анализ, обрастая жирком, дрейфовали к центру.

Радужное настроение было омрачено картинкой на переднем стекле служебного автомобиля. Казалось бы, пустяк, новогодняя поздравительная открытка, а резануло. Чтобы в прежнее время цековский шофер позволил себе такое? Ларионов поморщился от огорчения, но ничего не сказал. Еще нарвешься на неприятность.

Цветная фотография запечатлела озаренный праздничным фейерверком Кремль. Над башнями и куполом с государственным флагом рассыпались звезды салюта, а прямо из-за стены в ночное небо били прожекторные лучи, образуя популярное слово из трех букв[1].

Флаг, правда, еще красный, но ведь надо и меру знать: Кремль! Ничего святого у людей не осталось. Не в шалости дело, а в общем умонастроении, которое иначе как хамством не назовешь. Пропьют, испохабят свою свободу, как это уже случалось не раз. И не только в феврале семнадцатого, тут полная аналогия, но и после пятого. Александр Антонович специально изучал этот вопрос. Вспомнилась обложка журнала «Пулемет», разрешенного к выходу вслед за дарованием манифеста о конституции. Царь, в короне и горностаевой мантии, стоит у писсуара, держа, что в таких случаях полагается. Смысл карикатуры раскрывался в подписи: «САМОДЕРЖЕЦ».

Хоть какой-то намек на игру, а здесь? Заборная мерзость.

Засилье похабщины вообще вызывало резкое неприятие. Телевидение, журналы, газеты — сплошь голые зады и акты совокупления. Всемирную сеть, и ту оккупировали. А реклама — так просто ужас. «Мегаполис», «Частная жизнь», «Женские дела» — сплошной секс.

Много чего пришло в голову за несколько коротких минут между Речным вокзалом и Белорусской. От приподнятого состояния и следа не осталось. Вероятно, разделить негодование ревнителя общественной морали было бы легче, если бы его везли, скажем, из храма, а не из постели шлюшки, регулярно дававшей объявления в те же «Женские дела».

Впрочем, упрека в ханжестве Ларионов заслуживал не вполне. Упадок нравственности служил для него верным индикатором политических потрясений. Собственно, только это и волновало. В любых обстоятельствах он оставался государственным деятелем.

---

[1] См Каталог выставки плаката 1995 года Плакат создан в 1988 году Разыскать открытку не удалось

На подъезде к Музею революции его подстерегала тревожная неожиданность, усугубившая томление духа.

Улица с переулками, окна домов, остановившиеся троллейбусы — все утопало в сплошном мраке. Светофоры, и те не работали. Какофония клаксонов и ослепительный — дальний! — свет фар создавали впечатление чуть ли не светопреставления.

Паутина

Вслед за разгоном парламента президент Белоруссии отключил университеты и средства массовой информации от Всемирной компьютерной сети.

Магия

АКАДЕМИЯ БЕЛОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ МАГИИ объявляет набор учащихся по следующим дисциплинам: белая практическая магия, классический и эриксоновский гипноз.

Все виды помощи. Диагностика и снятие порчи, сглаза, родового проклятия; работа и целительство по фото, гадание, предсказание будущего, карты таро, сеансы ясновидения; разрешение семейных проблем; любовная магия, приворот, остуда; талисманы на удачу, здоровье, деньги; обереги от порчи, сглаза, несчастных случаев; астральная чистка квартир, машин, офисов методом Рэйки от неблагоприятных воздействий, сильная помощь, защита и улучшение вашего бизнеса; оздоровительные сеансы методом Рэйки.

Прием ведут дипломированные магистры магии международного класса.

Интим

Отдых для дам и господ
МЫ ЛЮБИМ
УДИВЛЯТЬ ПРИЯТНЫМ:
Обаятельные блондинки
и брюнетки.
Отличный сервис.
Сауна.

Обеспечение безопасности.
Выполнение Ваших желаний.
НАС УЧИЛИ В ЕВРОПЕ.
Звоните круглосуточно.
Принимаются девушки по конкурсу.

ФАЙЛ 055

Рядом с бравыми парнями в темно-синих мундирах инспектор Караманлис производил комичное впечатление. Поминутно вытирая платком вспотевшую лысину, он, казалось, пребывал в расстроенных чувствах. Морщась и обсыпая пеплом потертый пиджак, дергался в кашле после каждой затяжки. Сигареты были местные — крутые, вонючие и без фильтра.

— Все вопросы потом, господа, — нетерпеливо переминаясь, он пригласил следовать за собой. — Сперва произведем опознание.

Антонида Ларионова и капитан «Тритона» молча прошли в салон, где лежали пластиковые чехлы с трупами. На зеленом вьетнамском ковре четко выделялся обрисованный мелом контур. Судя по рваным пробоинам в прослоенных стеклах иллюминаторов, огонь был открыт, едва убийцы ступили на палубу. Автоматные очереди крест-накрест прошили все помещение. Перламутровые осколки и выбитая из деревянных панелей труха припорошили ржавые пятна крови, напитавшие ворс.

— Этот был убит здесь.

По знаку Караманлиса, высокий молодой полицейский расстегнул молнию.

Сцепив пальцы, Антонида Антоновна чуть пригнула колени. Она не боялась мертвых и не испытывала суеверной дрожи. Уложенное в пластиковый саркофаг тело успело окоченеть. Вскинутый заострившийся подбородок и обнажившиеся в оцепененном оскале зубы усиливали сходство с мумией. Но еще более алебастровый лик напомнил отлитые из гипса, заполнившего пустоты в окаменевшем пепле, фигуры в Помпеях. Те заживо сгорели две тысячи лет назад, этого застрелили вчера. Смерть бесконечно изобретательна, но сумасшедшие цифры статистики — счет идет на многие миллиарды — сводили на нет все ее ухищрения и капризы.

Испытав мгновенное облегчение («Не он!»), Антонида Антоновна горько улыбнулась, сморгнув просочившуюся слезу.

«Глупости! Все равно не миновать...»

— Узнаете? — по-своему истолковал ее волнение Караманлис.

— Это не он, не Климовицкий... Как будто похоже на Бургильона, но нет полной уверенности... Покажите других, — в голосе проскользнула ожесточенная нотка. Полная решимости достойно исполнить свою миссию («Это судьба!»), Тина молила только об одном: «Поскорей бы закончилось».

Следующий труп едва ли смогли бы опознать даже близкие родственники. Развороченная пулями голова представляла собой кровавое месиво. Мозг вытекал из пробитых глазниц.

— Били в затылок, с очень близкого расстояния. Страшное дело! Идентификация возможна только методом исключения, — пояснил инспектор, дав знак открыть третий чехол.

— Это он... Климовицкий Павел Борисович, — с хриплым надрывом, но отчетливо произнесла Антонида и, выпрямившись, как отпущенная пружина, отвернулась. Из продырявленного иллюминатора сквозило знобкой прохладой. За освещенной полоской палубы с кнехтом и спасательным кругом над поручнем дымился непроницаемый мрак.

— Очень хорошо! — обрадовался Караманлис. — Уже легче... Этот можно не открывать, — он кивнул на чехол, уложенный под роялем. — Женщина. Ее убили в каюте, возле двери... Наверное, вскочила, услышав стрельбу... Очень жалко: такая красавица...

Отсветы потолочных плафонов лоснились в складках, смутно обрисовавших тело.

— Как он погиб? — Антонида заставила себя обернуться и еще раз взглянуть на Климовицкого. На нем была майка с синим дельфином и легкие спортивные шорты, но ни на теле, ни на одежде не удалось разглядеть даже пятнышка крови. Только на левой голени виднелись покрытые коркой порезы и ссадины, оставленные, скорее всего, кораллами или острыми раковинами.

— Как погиб? Не знаю, как погиб. Точный ответ даст судебно-медицинская экспертиза. Если в легких обнаружится вода со специфической микрофлорой, значит, сам утонул или ему помогли утонуть... Какая разница?

— Никакой, — задумчиво протянула она. — А все-таки как?

— Понимаю, — сочувственно заморгал инспектор, — вас, наверное, станут расспрашивать? Нелегко прийти в семью с такой вестью. Все люди одинаковы и задают одни и те же вопросы... Мне ли не знать? Только нам пока ничего не известно... Водолазы обнаружили его на глубине в семьдесят шесть метров. Лежал на дне, вцепившись в якорь. Еле удалось оторвать. На нем был гидрокостюм, акваланг с достаточным запасом воздуха — мы проверили, — словом, все, что необходимо... Внезапная остановка сердца, убийство? Ничего

нельзя исключить. Вскрытие покажет... Давайте оформим опознание, мадам.

— Кому понадобилось их убивать? — спросила Антонида, поставив подпись.

— Вас тоже попрошу, капитан, — Караманлис передал авторучку Скарлатти, не проронившему за все время ни единого слова, — как лицо с международным статусом.

— О'кей, инспектор... Предполагаете ограбление?

— Сейф в каюте владельца взломан. Возможно, там хранились паспорта и прочие документы, потому что на судне я их не нашел. Были ли деньги? Наверное, были. Но драгоценности женщины остались у нее в шкатулке. Не совсем обычное ограбление. Торопились? Не знаю. Запороть медведя[1] у них нашлось время, а обшарить ящики — нет? В каюте кого-то из джентльменов, — инспектор вяло повел рукой, — в ящике стола обнаружен поросенок с прессом[2] стодолларовых банкнот. Всего, вместе с мелочью, шесть тысяч триста сорок три. Вот и решайте, что это: бандитский налет с целью грабежа, по существу, акт пиратства, или...

— Или что? — машинально спросила Антонида. Английский воровской слэнг остался для нее тайной за семью печатями, но общий смысл дошел. Едва ли такая куча зеленых могла принадлежать Климовицкому. Впрочем, кто его знает...

— На море всякое случается, мадам. У вашего знакомого есть родные? Или перевозку тела возьмет на себя ваше посольство?

— Я... ничего не знаю о нем, — едва ли не через силу выдавила из себя Антонида. — Чисто случайное знакомство.

— Хотел бы я знать, чьи это деньги: его или американца?

— Думаю, американца. Откуда у него столько?

— О! Вы недооцениваете ваших соотечественников. Они приезжают к нам отдыхать с туго набитыми карманами. Ни в чем себе не отказывают. И это прекрасно...

— Чем?

— Как чем? Греция богатеет.

— Шубы?

— Виллы, отели, игорные дома. Миллионные сделки, мадам.

— Все верно: тут миллионы летят на ветер, а у нас месяцами не платят зарплату.

— Что ж, будем считать, с этим вопросом покончено. Давайте попробуем разобраться с хозяином. Как вам кажется, кто из них Рене Бургильон?

---

[1] На уголовном жаргоне — сейф (bust — *англ.*).

[2] Бумажник (pig — *англ.*) с пачкой (wad) денег.

— Могу лишь повторить, что нахожу сходство, но не берусь судить с полной уверенностью. С мистером Бургильоном виделась только на телеконференциях, на экране компьютера. Понимаете?

— Я понимаю, мадам, понимаю... На экране компьютера. Это, наверное, очень интересно? Кстати, примечательная подробность. Компьютер владельца уничтожен, буквально расстрелян в упор. Случайным попаданием это не объяснишь: Бургильона в каюте не было. Его застрелили здесь, на этом самом месте, — он указал на меловой рисунок носком ботинка. Вот в чем штука! Конечно, могли и наобум плюнуть[1], — блатная англо-американская музыка так и перла из грека, — через дверь, но она цела. Акт вандализма?.. Нельзя исключить. Нервы напряжены, требуется хоть какая-нибудь разрядка... Однако вот что никак не укладывается в схему заурядной уголовщины. Я не слишком разбираюсь в технических премудростях, но, раз есть компьютер, должны быть и причиндалы к нему. Верно? Всякие там диски с программой? Я правильно говорю?.. Однако ничего подобного. Дисковод, и тот оказался пустым. Зачем, спрашивается, обычным грабителям понадобились диски?..

— Вероятно, в файлах могла содержаться важная для них информация? — рискнула предположить Антонида.

— Верно! — восхитился инспектор. Переваливаясь на кривых ножках, он подкатился к ней почти вплотную. — Вы сказали — файл? Спасибо. Я знал это слово, но забыл. Оказывается, и в самом деле не все так просто, — он задумчиво поковырял в ухе. — Случайность? Даже самая продуманная операция не обходится без случайностей. Посмотрите, во что превращен салон! Ни одной целой вазы или хотя бы раковины... Вы случайно не разбираетесь в древностях?

— Немного. Я занимаюсь подводной археологией.

— Великолепно, мадам! Будем считать, что мне повезло... Как вам кажется, — он поднял с пола керамический обломок и, обдув пыль, передал Антониде, — это ценная вещь?

— Для археолога любой фрагмент, особенно с надписью или рисунком, может представлять интерес, но антиквары предпочитают цельную вещь, в крайнем случае — склеенную. Таких не вижу. Это одиночный осколок. Прежде чем попасть сюда, он тысячи лет пролежал в земле.

— Вы уверены?

— Абсолютно, — она обвела пальцем темную, сглаженную временем каемку облома. — Свежий край выглядит совершенно иначе.

---

[1] На уголовном жаргоне — выстрелить (burn — *англ.*).

— Я-то сперва подумал, что пуля разбила античную вазу, но нет, вы правы, я тоже не вижу тут ничего похожего. Значит, в земле?

— На Крите или на островах. Возможно, в Микенах. Я не разбираюсь в линейном письме.

— А это? — Караманлис на четвереньках подполз к опрокинутой тумбе и вытащил из-под нее ручку амфоры с полукольцом горловины.

— Нашли в море, — она поковыряла ногтем друзу балянусов, намертво вросших в шероховатую, обметанную белесыми выпарами поверхность. — Научной ценности не представляет, коммерческой — тем более... Не в пример лабрисам, что на стенах.

— Вы про те черные топоры?.. И сколько они могут стоить?

— Затрудняюсь сказать... Тысячи, может, десятки тысяч.

— Долларов, не драхм?

— Мне так кажется.

— А это орудие?

— Французская пушка времен Людовика Четырнадцатого, — Антонида едва взглянула на солнечный диск у запальника, скупо поблескивающий потертостями рельефа. — На любителя. Но бронза добротная.

— Ясно одно: хозяин баловался археологией. И наверняка нелегально. Все это принадлежит государству: пушки, топоры. Возможно, были и более ценные вещи. Мы не знаем, что могло приглянуться бандитам...

— Полагаете? — Антонида огляделась кругом. Ее внимание привлек кусок мрамора на полке, усыпанной стеклянным крошевом. — Σειδῶν, — прочитала она греческие буквы. — Возможно, Посейдон?.. Простите, отвлеклась... Честно говоря, сомневаюсь. Взять вазы и оставить критские лабрисы?.. И вообще: после такой стрельбы даже бронзовая статуя, и та не смогла бы уцелеть, мраморная — тем более, но я не заметила свежих осколков.

— Ваша правда, мадам, — Караманлис нашел стреляную гильзу. — Сорок шестая!.. Но рояль, взгляните на этот чудесный розовый рояль — нигде ни царапины!

— В самом деле, — Антонида подняла крышку, пробудив глухой ропот струн. — Превосходный инструмент.

— Я же говорю: случайность! Она способна спутать любые карты, но факт остается фактом. Нельзя закрывать глаза на нелегальный вывоз археологических ценностей, антиквариата. Даже маленький камешек может вызвать лавину. Криминал начинается с мелочей. Эти люди могли сами накликать беду. Началось с нарушения закона, закончилось четырьмя трупами. Международная мафия? Обманутые клиенты? Конкуренты?..

Кто-то из этой компании. И файлы, мадам! Спасибо вам за подсказку... Информация зачастую дороже чистого золота. За нее убивают, и еще как убивают... Кстати, о золоте, — щелкнув пальцами, инспектор подозвал охранявшего трупы полицейского и, поцокав языком, указал на дюралевый кейс, лежавший на дальнем конце стола. Не в меру словоохотливый с Антонидой Антоновной, в обращении к своим Караманлис изъяснялся почти исключительно жестами.

Отомкнув номерной замок, он первым делом вынул полиэтиленовый пакет, набитый гильзами, и бросил туда только что найденную.

— Не заметил при осмотре, — пояснил, словно бы в оправдание. — Непорядок... Что вы об этом думаете? — спросил, бережно развернув салфетку, в которой скрывался пылающий червонным жаром портсигар с чеканным силуэтом венценосного лебедя. — Взгляните и вы, капитан: ваше компетентное мнение может оказаться весьма кстати.

— Красивая штука, но не по моей части. Я курю трубку.

— Не спешите отказываться. Вы обратили внимание на флаги?

— Зафиксировал при подходе. Всякий сигнал имеет свое значение.

— Совершенно с вами согласен. Значит, вы заметили вымпел с гербом?

— Коронованный лебедь? Как здесь? — Скарлатти потянулся к портсигару, но инспектор отвел его руку.

— Фамильный? Как вам кажется?

— Не исключено, но что из этого следует?

— Портсигар найден в каюте Бургильона и, вне всяких сомнений, принадлежал ему лично.

— Как и яхта, — улыбнулся Скарлатти. — Верно, инспектор?

— Да, как и яхта... Теперь взгляните на этот обруч[1], — жестом фокусника Караманлис извлек из кейса массивный перстень. — Точно такая же водоплавающая птичка... Снято с безымянного пальца на левой руке того самого господина, которого мадам, правда с оговорками, опознала как Рене Бургильона, владельца судна... Эта штука прибавит нам уверенности? — он закрутил перстень на манер волчка. — На ваш взгляд?

— Безусловно, — почти в один голос ответили Скарлатти и Антонида Антоновна.

— Я тоже так считаю... Значит, методом исключения мы приходим к единственно возможному выводу: там находится мистер Блекмен, — подхватив перстень, подкатившийся к

[1] На уголовном жаргоне — кольцо, перстень (hoop — *англ*.)

краю полированной столешницы, Караманлис мотнул головой в сторону чехла с изуродованными останками. — Его нашли в лодке. Буквально плавал в крови. Страшное дело: полголовы снесло.

— То-то мы не могли с ними связаться, — вздохнул Скарлатти. — Первый вызов я дал по выходе из Пирея — никакого ответа.

— Время уточнить не сумеете?

— В журнале записано с точностью до минут.

— Может пригодиться. Спасибо, капитан.

— К вашим услугам... Кто подал сигнал тревоги?

— Патрульный вертолет. Они заметили лодку...

— Как намерены поступить с судном?

— Отправим на Крит, вместе с трупами. В Ираклионе прекрасная лаборатория.

— Печальное будет возвращение. Под черным парусом. Помните миф о Тесее?

— Под знаком лебедя. Лебединая песня... Мы тут недавно получили материалы из Интерпола в связи с русской мафией. Извините, мадам, уж так они изъясняются... И в этих самых материалах есть образцы мужской и дамской тюремной татуировки. Лебедь в короне — исключительно дамская. Символизирует тоску по утраченным ценностям: «Была невинной, была свободной»... Странные встречаются совпадения, верно? Одно слово: случай! Как будто все?.. Ах, нет, мадам, осмелюсь отнять у вас еще несколько секунд. Не угодно ли проследовать на палубу?

Ночь, казавшаяся из освещенного салона такой непроглядной, пылала звездами, перемигивалась летучими огоньками судов, самолетов, слепила проблесками островных маяков. Под лучом далекого прожектора фосфорически вспыхивали пенные барашки.

Караманлис провел Антониду на нос, где под стрелой поворотного крана лежал тяжелый якорный шток из кованого свинца с медной бляхой у рыма.

— Это ценная вещь? — подозвав полицейского с автоматом, он велел подсветить фонарем. Блеснул позеленевший барельеф головы горгоны Медузы. — Возможно, она стоила жизни вашему знакомому. Или, будь он на поверхности, его бы все равно убили? Не приходится сомневаться. На сто процентов.

— Не знаю, — отрезала Антонида Антоновна, передернув плечами.

— Возможно, он пытался спастись, погрузившись на такую глубину?.. Нет, мы никогда не узнаем, что на самом деле произошло... Так что вы можете сказать по поводу якоря? Как специалист?

— Я не специалист, но повидала на морском дне немало утерянных якорей. Встречались и очень похожие на этот. Древние мореходы считали Медузу своей покровительницей. Почему? Все живое под ее взглядом превращалось в камень, а первые якоря были каменными. Звучит не слишком убедительно, но другого объяснения у меня нет.

— Знаю, знаю миф о горгонах! — обрадовался Караманлис. — На островах болтают, что они все еще живут в каком-то Богом проклятом месте, но это враки, враки: рыбаки народ суеверный.

— Вас интересует ценность? Коммерческая стоимость вне моего разумения. С научной точки зрения экземпляр довольно редкий. Несколько десятков подобных штоков найдено у берегов Испании, Ливии, Израиля, Ливана... Этот — от так называемого «священного якоря», самого большого и тяжелого на судне. Его бросали лишь в самый ответственный, самый опасный момент перед лицом неминучей погибели. Якорь-талисман, якорь-жертва богу морей Посейдону.

— Отлично сказано: якорь-жертва! Чрезвычайно вам обязан, мадам.

— По-моему, он слишком много болтает, — шепнула Антонида капитану Скарлатти, перебежав по перекидному трапу на борт «Тритона».

— Я так не думаю. Просто он очень опытный детектив, очень...

ФАЙЛ 056

Антонида Антоновна возвратилась в Москву перед Новым годом. Решила нагрянуть сюрпризом, чтобы никого не обременять лишними хлопотами. Левак, ловивший пассажиров у выхода из зала прилета, запросил семьдесят долларов. В Хитроу и даже Шарль де Голль обошлось бы намного дешевле. Преспокойно доехала на автобусе до Белорусской.

Не реже одного раза в неделю она звонила с борта домой и была в курсе домашних событий. За кратким успокоением вновь начинался прилив тревоги. Состояние отца оставалось стабильным, но надеяться на благоприятные перемены особенно не приходилось. Только последний звонок, уже из Афин, увенчался благою вестью. Рара неожиданно засел за работу и потребовал диктофон. Наговорил на полную часовую кассету.

«По такому случаю я сама взялась за расшифровку, — в присущей ей манере пояснила Марго. — Получилось страничек двадцать. О чем? Спроси что-нибудь полегче. Колесо прялки: буддизм, анимизм, шаманизм... Танцы-шманцы».

На радостях Антонида кинулась по магазинам за рождественскими подарками. Даже забежала в первую попавшуюся церквушку и поставила свечку перед образом Пантелеймона-целителя. Надо же было так подгадать! Вообще-то, она, как и все в семье, была неверующая, но переполнявшая ее светлая радость искала выхода.

Дверь открыла Марго. Они обнялись и расцеловались с непритворной искренностью, во всяком случае, так это выглядело.

— Прямо как снег на голову! — смеясь, Марго помогла ей снять куртку, застегнутую на множество «молний» и затянутую шнурами. — Почему не сообщила? Мы бы встретили!

— Не успела. Рейс подвернулся в самый последний момент. С билетами напряженка.

— Не могла приличную шубейку себе прикупить? — Марго повесила куртку на плечики и подхватила посыпавшиеся из сумок пакеты.

— Мне и эта сгодится. Не думай — она теплая, на гагачьем пуху... Ну, как тут у вас?

— Как всегда. И на том спасибо.

— Что верно, то верно, — Антонида поправила волосы. — Вот уж не ожидала тебя тут застать.

— Кто-то же должен сидеть с рара?

— Но ведь Новый год на носу. У тебя, наверное, масса хлопот?

— Ничего, как-нибудь... Мы решили никуда не ходить. Саша даже елку притащил. Представляешь?

— Нет, — чистосердечно улыбнулась Антонида. — Что деется!.. Отец спит?

— Как младенец. Я недавно заглядывала. К чаю сам подымется, выйдет... Ему определенно лучше и — стучу по дереву! — не заговаривается... Тяпнуть с дороги не хочешь?

— Пожалуй, не повредит, — Антонида облегченно перевела дух и, скинув туфли, забралась на софу.

— Коньяк, виски?.. Я тут всего напасла.

— Водочки нет?

— А то!.. Хочешь «Бледи Мери» сделаю?

— Не откажусь... Как мальчики?

— Андрей звонил третьего дня с какого-то острова, — небось, сам не знает, куда занесло, — а Владик совершенно от рук отбился. Чуть не круглые сутки торчит на Сретенском. Дорвался до техники. Зачем только Андрей разрешил? Ведь последний год у ребенка! Сейчас, правда, каникулы, но все равно... Я уже на медаль не надеюсь.

— Не волнуйся. И так поступит. Теперь не то, что в наше время, конкурс пустяковый... А я как знала! — Антонида спрыгнула на пол и принялась раскладывать на ковре хрустя-

щие, сплошь в рождественских звездах свертки, завязанные золотистой тесьмой с затейливыми бантами. — Вам прямо под елочку! Тут все расписано: что и кому... Губки не в счет, — она отложила в сторону пластиковый пакет с изображением дельфина. — Нежные, как дыхание младенца.

— Сама собирала?

— Скажешь тоже! — Антонида лихо опрокинула ледяную водку с подсоленным и подпорченным томатным соком. — В самый раз и вкусно! — она никак не решалась заговорить о смерти Климовицкого, хотя понимала, что Марго думает о том же и ждет. Конечно же, ей важно узнать подробности, но даже те несколько скупых слов по телефону дались непросто. К естественному чувству неловкости примешивалось тоскливое ощущение вины. — Останешься ночевать?

— Нет, Саша обещал заехать с приема. У них там, в Кремле, сабантуй.

— Без тебя?

— Представь себе... Да и не хочется, если честно.

— Я тебя понимаю.

— Как он погиб?

— Достойно, — сразу нашлось пусть банальное, но верное слово. — Не знаю, кому от этого легче, но Павел Борисович умер своей смертью. Он был единственным, кого не достала пуля. Ушел на дно и не выплыл. Утонул, как показало вскрытие, — испытывая неимоверное облегчение, словно свалив с себя непосильную ношу, Антонида взяла Марго за руки. — Пуля убийцы не достала его, понимаешь? Лучшего конца я и себе бы не пожелала.

— Не болтай глупости, — отрешенно пробормотала Марго. — Мог бы еще жить да жить...

— По крайней мере, он не испытал того ужаса, что пережили другие... Не годами измеряется жизнь, нет, не годами. О Павле Борисовиче еще долго будут вспоминать, помяни мое слово. Он сумел достичь невозможного, понимаешь? Ему это было даровано...

Марго молча покачала головой. Она вовсе не страдала, как это могло показаться Тине. Просто было немного печально и вообще как-то не по себе.

— Почему их убили?

— Кто может знать?.. Высказываются всякие предположения. Я привезла газеты. По-моему, это тот же случай, что у нас. Убийство не будет раскрыто.

— Газеты на греческом?

— Не найдется, кому перевести?.. Не беспокойся: есть и на английском, и на немецком — специально для тебя захватила. Думаю, у нас тоже перепечатали.

— До меня как-то не дошло.

— В общих чертах все сводится к трем версиям. Полиция полагает, что владелец яхты мог заниматься нелегальными археологическими операциями и стал жертвой мафии, контролирующей торговлю антиквариатом. Так или нет, не мне судить. Пишут еще, что ливийские агенты охотились за американцем — был там такой Блекмен, который будто бы работал на ЦРУ. Павла Борисовича тоже не обошли вниманием. Поскольку он прибыл на Крит из Израиля, сделав остановку в Египте, грешат на арабских террористов. В общем, сплошной бред. Единственная реальная зацепка — это пропавшие компьютерные диски. Намекают на какие-то опасные тайны. По-моему, обычная газетная утка, дутая сенсация, чтобы завлечь читателя. Чего только не наворочено: и флот НАТО, и греко-турецкий спор из-за Кипра, и даже какая-то черная месса в компьютерной сети. Надо мальчиков расспросить, как такое вообще возможно.

— Зачем?

— И верно, совершенно не нужно. Заведомая дичь... Но я все никак не доберусь до главного, о чем пишут и о чем действительно стоит писать... Когда на обратном пути из Атлантики мы бросили якорь в Пирее, фотографии Климовицкого красовались на первой полосе. Он сделал потрясающее открытие, сопоставив дату вулканической катастрофы на Тире с последующими событиями, описанными в Библии. Заключительные радиокарбонные и дендрохронологические исследования были проведены в Афинах на его материале и по его методике. Результат потрясающий.

— Думаешь, мне это что-нибудь говорит — дендрохронологические? Язык, и то сломаешь. По-человечески можешь объяснить?

— Об исходе из Египта хотя бы понаслышке знаешь?

— Это когда Моисей по пустыне водил?

— В Библии сказано, что блуждание в пустыне продолжалось сорок лет, а по расчетам теперь получается — сорок пять. Ничтожное расхождение — всего пять лет! Нужно время, чтобы по достоинству оценить столь выдающееся достижение. Жаль, что он так и не узнал о своем успехе... Наверняка верил и ждал. Счастье в погоне за счастьем, в предвкушении удачи. Достигнутое перестает радовать. По себе знаю. Наверное, потому, что лично мне доставались одни разочарования... Мы ничего не нашли у Азор.

— Ничего-ничего?

— Разве несколько глыб с пресновидными фораминиферами? Их нельзя считать бесспорным свидетельством опускания суши. Обломки откуда-то могли занести на дно течения и вообще... Сама не знаю, о чем говорю. Прости меня, дорогая.

— За что, Тиночка? Бог с тобой! Ты-то в чем виновата? Кабы знать все наперед, жить бы стало невмочь. Чему быть, того не миновать, как ни старайся... Где его похоронят, не знаешь?

— Греки просили помочь разыскать родственников. В конечном счете им решать.

— У него есть родственники?

— Если ты не знаешь, то я тем более.

— Что ж, давай попробуем... В крайнем случае, возьму это на себя. Ты знаешь, с кем нужно связаться?

— Да, мы так и договорились. О деньгах не беспокойся. У него там осталось достаточно... Хватит на все.

— Давай помянем, — Марго плеснула водки в стаканы. — Не чокаясь и до дна. — Она выпила, пригубила томатного сока прямо из банки и отошла к окну. Постояв, прижавшись лбом к холодному стеклу, направилась к телефону. — Позвоню Владику. С утра уже спрашивал о тебе: когда да когда...

— С чего бы это? — просияла Антонида, сделав неуклюжую попытку прикинуться удивленной.

— Сердце — вещун, — Марго положила трубку. — Конечно, занято! По киберпространству шляется, дурачок... У всех дети как дети...

— Не греши. Ты не знаешь, какие сейчас дети.

— И з-знать не хочу, — Марго вновь принялась набирать. Ее слегка покачивало. Видимо, от волнения, если только не успела принять еще загодя. — З-занято и занято!

Паутина

Отчет американской детективной фирмы «Кролл» о наличии в зарубежных банках счетов высших государственных чиновников, поименный список с указанием номеров счетов и количеством денег, копии расписок владелицы «Властилины» ста ведущим политикам России в получении от них денег, аналитическая записка «О необходимости создания КПРФ», датированная октябрем 1991 года и подписанная г-ном Бурбулисом. К просмотру предлагаются видеокассеты «Якубовский-Бирштейн» и «Разговор в «Президент-отеле».

А вот фотография: шесть наших известных политиков в самом непрезентабельном виде в кругу шаловливых дам. И все это — фальсификации, вернее, артефакты, то есть продукция художников.

Артефакты демонстрируются на необычной выставке, открывшейся 17 декабря в «Галерее Марата Гельмана». Представлено 25 образцов высококачественных фальсификаций в печатном, звуковом, фото- и видеоисполнении.

Накануне открытия выставки устроители предложили мне приобрести документальное доказательство того, что Джохар Дудаев не только жив, но и имел зафиксированную встречу с бывшим секретарем Совбеза Александром Лебедем. Художник Андрей Великанов показал, как нетрудно на компьютере изготовить любую сенсацию, опровергнуть которую будет весьма затруднительно даже самым компетентным органам.

— Волна компроматов, которая буквально захлестнула в последнее время отечественные средства информации, — сказал хозяин галереи Марат Гельман, — подсказала нам тему выставки. Она имеет два отправных момента. Во-первых, с помощью новых технологий художник может полностью подменить действительность. Поэтому перед художниками возникла новая этическая проблема: где в творчестве та грань, за которую ни в коем случае не следует переступать? И если, как мы пытаемся показать, практически любую «дезу» можно изготовить на доступной всем технике, то и обществу не следует относиться к компроматам слишком серьезно.

(IZVESTIA)

Магия

МАГИ-ПАРАПСИХОЛОГИ
Разрешим личные, семейные, любовные, деловые проблемы.
Диагностика и улучшение кармы. Система Лазарева.
Выполним заказы на оценку ситуаций, прогнозы событий.

Интим

Самые обаятельные транссексуалы, трансвеститы Москвы, очаровательные бис. юно-

ши, девушки, действительно бис. семейные пары москвичей, строгая госпожа бальзаковского возраста пригласят к себе или приедут к Вам. Все виды услуг.

ФАЙЛ 057

Снятая с рычага телефонная трубка лежала слева от монитора. Следя за перемещением курсора по строчкам, Владик одной рукой катал мышь, тогда как пальцы другой вслепую бегали по клавиатуре.

Сигналы по-прежнему коммутировались на даче и в квартире деда, в офисе Ларса Лундваля этажом ниже, но расплющенная коробка GSM-900, принадлежавшая Эдику Двали, уже не посылала электромагнитные сигналы в эфир. Да в том и не было надобности. Владик своими глазами видел припаркованные в переулках напротив «Мицубиси» и «Хонду» с аппаратурой. От их работы по экранам бежала рябь. Оставалось лишь, выполняя наказ старшего брата, подбросить туда вирусную программу с постадийным развитием.

Чуть раньше, чуть позже, но перехват обязательно попадет в память компьютера и пойдет гулять, пожирая все и вся, пока не найдут средство противодействия. Надо только позаботиться, чтобы это случилось не слишком скоро.

Перебрав несколько вариантов «логических бомб», построенных по аналогии с классическим палиндромом: «А роза упала на лапу Азора», Владик надумал завернуть что-нибудь покруче. У Андрея был заготовлен собственный вариант: «А норов турка крут», но затесавшаяся при обратном прочтении «ворона» портила всю обедню. Положа руку на сердце, она ничем не уступала высосанному из пальца Азору с лапой, напротив, но тоже коробила эстетическое чутье.

«Коли уж вирус, так вирус», — решил Ларионов-младший и, подключив все четыре накопителя: C, D, E и F, принялся за поиски подходящего варианта. Рабочую информацию брат не секретил, полагаясь на хитроумный код к доступу. Слово «virus» сработало, как пароль.

Наткнувшись на незаконченную работу, которую Андрей когда-то вел вместе с Юрисом Жемайтисом, Владик сразу же сделал распечатку. Упрощенная модель взаимодействия вируса ВИЧ с клеткой могла стать ключом для программирования электронных мутаций. Оставалось лишь уяснить принцип действия. Набрав компьютерный адрес Жемайтиса, юный хакер, как минер по минному полю, принялся обследовать всю

линию, вторгаясь в файлы Института квантовой генетики и смежного с ним Института человека.

Вскоре перед его взором открылся удивительный мир компьютерных существ, далеко продвинувшихся за истекшие месяцы по пути эволюции. Дабы не навредить, перекачал информацию на ноутбук и ввел туда вирусную программу. Часа через три вирус освоился и взялся за дело. В считанные секунды виртуальный микрокосм был распылен на первичные кирпичики, из которых слагается физический вакуум.

Едва Владик успел вновь подключиться к сетевому «тауэру», как на дисплее возникла озорная мальчишеская мордашка. Что-то знакомое мнилось в этой лукавой улыбке расшалившегося проказника. Золотые вьющиеся волосики, опять же ямочка на подбородке и глаза, глаза... У восьмилетнего Владислава Ларионова на цветной фотографии, что в хрустальной рамочке стоит на мамином туалетном столике, были на редкость похожие глазки. Однако, прежде чем дуновение памяти оформилось в осознанную мысль, побежали русские титры: «Если располагаете аудиовизуальным шлемом, наденьте его, пожалуйста. Еще лучше — сенсорный». Мощный мультимедийный компьютер позволял вести беседу в режиме реального времени без всякого шлема, но, сколько Владик ни пытался, мальчик не слышал его. Не оставалось ничего другого, как подключить шлем Андрея, хоть там и не было сенсорных датчиков.

Он увидел себя в обычном школьном классе с новенькими столами, исписанной мелом доской и старой картой Союза на замызганной стене. Мальчик сидел рядом, вполоборота, нетерпеливо, как показалось, заглядывая в лицо, словно дожидался чего-то, изнывая от нетерпения. За окном густела синева ранних сумерек, летели хлопья снега. Так обычно бывает после уроков, когда все разошлись по домам и только двое остались, чтобы разрешить давний спор или окончательно выяснить отношения. Право, парнишка мог бы выбрать более подходящую виртуальную обстановку. Не сверстники, чай...

— Ну-с, — покровительственным тоном начал Владик, — какие проблемы, молодой человек?

— Кто вы?

— Я так полагаю, что вам следовало бы первому представиться, — пряча улыбку, Владик церемонно наклонил голову, — но, видно, в качестве гостя придется начать с меня. — Владислав Ларионов, к вашим услугам... А тебя как зовут?

— Олег, Олег Вещий.

— Прозвище, что ли? Фамилия как?

— Вещий — фамилия.

— Оригинально! И что тебе от меня нужно, Вещий Олег?

— Вы случайно попали ко мне на экран.

— Выходишь в Internet? Молодчина. В твои годы я о хакерстве и не помышлял. Здорово!.. Не смущайся. Я частенько попадаю в сложные ситуации. Люблю заглядывать в чужие окна. Тебя ловили?

— Ловили?.. Нет, меня не ловили.

— Врешь, небось. А еще — Вещий! Пушкина хоть читал?.. «Как ныне сбирается вещий Олег...»

— Сбирается?

— Ну да! «Песнь о вещем Олеге».

— Обо мне? Песнь обо мне?

— Ну ты даешь! Чокнутый или прикидываешься? Чему вас только учат? — Владик случайно взглянул на доску и обомлел. Она сплошь была исписана уравнениями высших порядков. Интегралы еще туда-сюда, — он самостоятельно осилил математический анализ еще в восьмом классе, — но операторы и тензоры оставались пока темным лесом. — Это что за художества?

— Какие художества?

— Там, там, на доске! — Владик сорвался с места.

— От урока осталось. Простите. Сейчас сотру.

— Нет! Не смей! — Владик изумленно уставился на Олега. — Разыгрываешь? Это прикол?

— Прикол?.. Объясните, пожалуйста, что такое прикол?

— С тобой не соскучишься! Не хочешь ли сказать, что вам преподают векторный анализ?

— Преподают, а в чем дело?

— Ничего себе! Сам-то ты понимаешь, что тут написано?

— Конечно.

— И можешь объяснить?.. Подойди сюда!.. Это что? — Владик показал на схему со стрелками.

— Локальное поле, — не выразив удивления, сказал Олег, встав у доски.

— А здесь?

— Метод Монте-Карло.

— Сформулируй.

— Метод статистических испытаний случайных процессов. Применяется в решении многомерных задач, когда не требуется результат с высокой точностью.

— Верно, — покачал головой Владик, все еще не в силах оправиться от потрясения. Андрей использовал случайные числа в биржевой игре, и только поэтому и Владик, во всем подражая брату, постепенно освоил метод. Это давало возможность проверить Олега этап за этапом.

— Ищете ошибку? Ошибки нет.

— Вижу. В чем суть, сказать можешь? В двух словах?

— В двух словах? — странный мальчуган надолго задумался. — В двух словах не могу.

— Ладно, скажи не в двух.

— В использовании чисел, имитирующих значения случайных величин.

— Случайные числа откуда?

— Для этой задачи взяты псевдослучайные числа.

— У вас какая-то особая математическая школа?

— Обычная.

— Выходит, ты — вундеркинд?

— Вундеркинд? — Олег на мгновение задумался, но тут же, точно ему подсказали, прояснел лицом. — Самый обычный, как все.

— Так, — нахмурился Владик, пробегая взглядом по лесенке выкладок. — Сотри-ка эту часть, — указал он, — и повтори вычисления n-мерного интеграла.

Олег покорно очистил половину доски и четко, с нажимом кроша меловидную палочку, изобразил исходную функцию:

$$I=\int f(x)\, dv$$

Дальнейшее походило на сон. Семи-восьмилетний малыш рассуждал о матрице рассеяния, математическом ожидании, отрицательной обратной связи, углубляясь в такие дебри, куда простому человеку путь совершенно заказан. Метрический тензор, определяющий геометрическую структуру пространства и преобразования ковариантного вектора, — это было выше всякого понимания.

— Непостижимо! — словно сдаваясь на милость победителя, Владик развел руками. — Мне еще предстоит изучить все это на мехмате, а ты уйдешь далеко-далеко... Математика безгранична и равновелика Вселенной. Это единственное, чему стоит посвятить жизнь.

— Я так не думаю. Она никуда не ведет.

— Why? — совершенно обомлев, зачем-то по-английски спросил Владик.

— Because. The blankness of infinity...[1] Можно мне в свою очередь задать вам вопрос?

— Конечно, Олег, все, что угодно.

— Вы — человек?

— Что?! Почему ты спрашиваешь?

— Ваш мозг, ваше тело состоит из атомов?

— Естественно, но куда ты клонишь?

— И вы своими глазами видели их?

— Атомы? Лично я — нет, но в принципе это возможно. С помощью специальных приборов.

---

[1] Потому. Пустота бесконечности (*англ.*).

— Как же вы решаетесь с уверенностью утверждать, что состоите из атомов?

— Брось эту детскую философию! Из чего еще может состоять живой человек, как не из белковых макромолекул, которые построены из комбинации атомов?

— А электроны? Я видел, как вы работали с саморазвивающимися цепочками, разве они не живые?

— Квазижизнь компьютерных программ? Они эволюционируют, но им еще очень далеко до разумных существ. Они никогда не станут людьми.

— Поэтому вы их... убили?

— Убил? Не думаю, что это так можно назвать. Остался оригинал, эксперимент идет своим чередом. Я изготовил копию и опробовал на ней свою собственную программу.

— Но копия уничтожена? Это смерть? Я никак не мог понять, что такое смерть, и никто не дал мне точного объяснения. Но теперь я видел. Это смерть? Распыление на атомы, как при взрыве Н-бомбы?

— Смерть виртуального существа? — Владик задумался. — Исчезновение без трупа?.. Впрочем, и мы в конечном счете распадемся на отдельные атомы, которым, хотя бы по теории вероятностей, никогда не повторить тот же самый порядок... По-моему, тебе еще рано думать о подобных вещах, Олежка, хотя ты и очень толковый парнишка.

— А как по-вашему, возможна виртуальная копия человека? Я имею в виду не внешнюю оболочку, а мозг, построенный из электронов?

— В принципе?.. Бог его знает, а на практике — нет. Утопия.

— Вы сказали: Бог? У вас есть доказательство его существования?

— Так уж к слову пришлось. Бог не существует как отдельная личность. Вселенский разум? Не знаю... Однако тебя занесло... Я в твои годы... А ведь и я в твои годы начал задумываться над вечными вопросами! Нормально...

— Предположим, электронный двойник все-таки существует, — упрямо гнул свое Олег. — Как определить, что это: живой человек или саморазвивающаяся программа, встроенная в компьютерную систему?

— Интересный вопрос! Кажется, теперь я начинаю понимать. Тебя волнуют призраки, о которых сейчас все говорят?

— Да, призраки. Можете доказать, что я тоже человек, а не призрак?

— Элементарно. Взять каплю крови и поместить под микроскоп.

— Но информация о том, что мы можем увидеть, уже заложена.

— Ты прав! — смутился Владик. — Ничего не стоит заложить... Я как-то забыл, что мы внутри виртуальной реальности. Но ты ведь можешь просто прийти ко мне в гости? И мы вместе проделаем столь нехитрую процедуру. Проблема возникает лишь по разные стороны экрана.

— И как ее разрешить?

— Задача сводится к игре в имитации. История стара, как мир.

— Вы имеете в виду Тьюринга? «Может ли машина мыслить?»

— Ты читал Тьюринга?

— И Тьюринга, и фон Неймана, и Дельгадо, и Эшби. У нас это не поощряется, но я читал.

— Сейчас эти книжки днем с огнем не сыщешь. Не те времена... А вообще удивительно, в голове не укладывается.

— Что именно?

— Тьюринга читал, а Пушкина нет. Что там ни говори, а школа у вас определенно с уклоном. Я бы сказал — с большим перекосом. Так чем тебе не потрафил Тьюринг?

— Детский лепет. Сначала вы просите, чтобы я написал сонет на тему о мосте через реку Форт, а я отвечаю, что не могу сложить и двух строчек. Ведь так?

— Со своей стороны, могу лишь добавить, что вообще ничего не знаю про эту реку. Она же в Америке, а мы в России. Не лучше ли взять Волгу?

— Вот видите! А что дальше? Дать задание просуммировать парочку пятизначных чисел? Я решу за тридцать секунд или сделаю вид, что мне потребовалось столько времени, вместо ничтожной доли секунды. Как узнать, где человек, а где машина?.. Предложить шахматный этюд? Ваш король на е-восемь, мой — на е-шесть и еще ладья на аш-один. Мой ход.

— Ладья аш-восемь. Мат.

— Я же говорю: детский лепет. Вы затратили пятнадцать секунд, но из этого ровным счетом ничего не следует.

— Почему? Вывод однозначен: мы оба читали Тьюринга. Он разделяет проблему на две части: построить «машину-ребенка» и осуществить процесс воспитания. Другого не дано. Обе задачи взаимосвязаны и по-прежнему актуальны, а вообще-то ты прав. Сегодня компьютер обыгрывает чемпионов мира.

— Люди смертны, я — человек, следовательно, я тоже смертен? Классический силлогизм.

— Логика ничего не решает. Запрограммировать можно и свойственное людям алогичное поведение.

— Смерть докажет, что я — человек?

— Тут надо думать и думать... Возьмем, к примеру, сон. Мы

видим людей, подчас совершенно нам не известных, говорим с ними, пребывая в твердой уверенности, что это реальность, между тем...

— Я не вижу снов.

— Шутишь! Но довод заслуживает внимания... Можно запрограммировать и сны. Определенно... Получается замкнутый круг. Есть такой софизм или парадокс, называй, как хочешь... В общем, приходит критянин и говорит, что все критяне лжецы. Как узнать, где правда?

— Кажется, я все же нашел решение. Благодаря вам.

— Ну-ка!

— Вы с помощью одной программы уничтожили другую программу, причем не менее сложную? Так?

— Так.

— Может ли ваша программа уничтожить еще более сложную самообучающуюся программу, встроенную, точнее впрограммированную в «машину-ребенка»?

— Очевидно.

— Но уничтожить живого человека ваша программа не может?

— Живого — нет, но его наверняка убьет вирус, на основе которого разработана моя программа.

— Вирус из атомов? Как человек?

— Да.

— Находясь по другую сторону экрана, вы не сможете передать вирус из атомов. Только специфически компьютерный вирус, программу.

— Само собой разумеется. Не понимаю...

— Давайте поставим эксперимент, — Олег сложил ладони в буддийском молитвенном жесте. Его умненькие глазки увлажнились, но усилием воли он сдержал готовую пролиться слезу. — Я подготовлю достаточно сложную имитационную программу, а вы передадите мне вашу. Посмотрим, что выйдет.

— И смотреть не надо. Твоя программа будет уничтожена.

— Это очень сложная программа, с несколькими степенями защиты. Я хочу убедиться. Пожалуйста.

— Но это не решит проблему Тьюринга.

— Ну, пожалуйста! Что вам стоит...

— Хорошо, будь по-твоему. Даже интересно... Сейчас передам. Только учти: с вирусом шутки плохи. Как только закончим, передам тебе антивирус. Договорились?

Владик стащил шлем и вновь оказался в привычной обстановке. С экрана на него выжидательно глядели переполненные недетской мудростью глаза. Подключив ноутбук к «тауэру», он начал перегонять программу.

С последней командой экран вспыхнул, как сорвавшаяся с неба звезда, и погас, а вслед за ним и торшер из выгнутых светогазовых трубок возле дивана, и бронзовые старинные бра на стенах.

Внедренный во Всемирную паутину «Маточный вирус», вызвав первую репродукцию, затаился в бесчисленных узлах связи, откладывая яйца новых логических бомб, выстраиваемых из звеньев разрушенных программ. Первым начал исчезать гипертекст компьютерного романа, за непредсказуемым развитием которого с интересом следил Владик. Он исчезал глава за главой. В конце концов в одном из последних файлов осталась только цитата из БЫТИЯ:

И сказал Каин Авелю, брату своему. И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его.

Уцелел и фрагмент некогда популярной, а ныне совершенно забытой песни:

Полюшко-поле, полюшко, широко поле.
Едут, едут по полю герои,
Это Красной Армии герои...

— В чем дело? — встрепенулась Марго. — Потух свет!

Казалось бы, чего было пугаться? Она и сама не понимала, какая сила заставила ее вскочить на ноги. Метнувшись к двери, выскочила в холл и нашарила выключатель, но витражный фонарь под потолком не загорелся.

— Неужели пробки перегорели? — ее колотил озноб.

— Какие еще пробки, Марго? У нас автомат! Чего ты так всполошилась? Будет свет. Схожу посмотреть на лестнице.

Антонида в одних чулках прошлепала по коридору и открыла замок.

— Полная тьма. И лифт не работает. Странно.

— Все окна без света, — упавшим голосом уронила Марго. — И в доме напротив — тоже. И на улице... Можешь себе представить?

— Видно, где-то авария.

— Надо немедленно вызвать аварийку! Но я не знаю телефона.

— Позвони в это... как его? В РЭУ. Так, кажется? — посоветовала Антонида.

— Сейчас, — с трудом ориентируясь в темноте, Марго кое-как нащупала трубку. — Господи! И телефон отключен! Что, в конце концов, происходит? О Господи!..

В отличие от Тьмы Египетской, отныне привязанной к хронологической шкале, московское затемнение продолжалось от силы минут сорок и фактически прошло незамеченным, поскольку имело место лишь в отдельных микрорайонах. Ну, всполошились, побегали по соседям, пожгли свечи — и будет. Что же до телефона, так он вообще отключился всего в нескольких частных квартирах и еще в какой-то шараге, где, кроме охранников, решивших заблаговременно проводить уходящий год, никого не осталось. Связь возобновилась вместе со светом, и жизнь покатилась по накатанным рельсам.

И только отдельные мистики усмотрели между двумя совершенно несопоставимыми событиями, разделенными к тому же бездной веков, судьбоносную связь.

Завершился некий цикл, и пошла отсчитывать минуты Великая Неизвестность.

Crete — Alehnovo

MCMXCVI

СОДЕРЖАНИЕ

ФАЙЛ 001 7
ФАЙЛ 002 12
ФАЙЛ 003 17
ФАЙЛ 004 28
ФАЙЛ 005 34
ФАЙЛ 006 41
ФАЙЛ 007 51
ФАЙЛ 008 56
ФАЙЛ 009 65
ФАЙЛ 010 75
ФАЙЛ 011 102
ФАЙЛ 012 108
ФАЙЛ 013 110
ФАЙЛ 014 117
ФАЙЛ 015 123
ФАЙЛ 016 128
ФАЙЛ 017 137
ФАЙЛ 018 143
ФАЙЛ 019 152
ФАЙЛ 020 162
ФАЙЛ 021 169
ФАЙЛ 022 180
ФАЙЛ 023 181
ФАЙЛ 024 187
ФАЙЛ 025 196
ФАЙЛ 026 200
ФАЙЛ 027 203
ФАЙЛ 028 210
ФАЙЛ 029 217
ФАЙЛ 030 234
ФАЙЛ 031 247
ФАЙЛ 032 256
ФАЙЛ 033 267
ФАЙЛ 034 270
ФАЙЛ 035 279
ФАЙЛ 036 293
ФАЙЛ 037 301
ФАЙЛ 038 307

ФАЙЛ 039 311
ФАЙЛ 040 329
ФАЙЛ 041 338
ФАЙЛ 042 348
ФАЙЛ 043 354
ФАЙЛ 044 364
ФАЙЛ 045 372
ФАЙЛ 046 382
ФАЙЛ 047 385
ФАЙЛ 048 392
ФАЙЛ 049 403
ФАЙЛ 050 410
ФАЙЛ 051 414
ФАЙЛ 052 418
ФАЙЛ 053 423
ФАЙЛ 054 432
ФАЙЛ 055 435
ФАЙЛ 056 442
ФАЙЛ 057 448